

НАУКА СССР

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Археологический
ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1982 ГОД

Основан в 1957 г.
академиком
М. Н. ТИХОМИРОВЫМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

«Археографический ежегодник за 1982 год» включает статьи и сообщения по проблемам археографии, архивоведения и других специальных исторических дисциплин, обзоры, описания и публикации документальных памятников отечественной истории.

«Лениниана» пополняется статьей по установлению авторства одной из ленинских работ (вопросника 1894 г.). Ряд статей посвящен теории и методике актовой археографии, системе научно-справочного аппарата архивов; специальное внимание уделено актуальным вопросам теории архивоведения и его понятийного аппарата. 30-летию открытия берестяных грамот посвящена статья В. Л. Янина.

Статьи «Ежегодника» охватывают период от XI в. до наших дней. Представлены материалы по истории археографии и архивного дела в нашей стране, о деятельности академика М. Н. Тихомирова. Ряд обзоров и публикаций характеризуют личность и труды И. Е. Забелина, Н. М. Никольского, С. В. Бахрушина, Б. Д. Грекова, П. П. Смирнова и других историков.

«Тихомировские чтения» 1982 года посвящены проблемам обеспечения сохранности и использования документальных памятников истории и культуры.

В подготовке «Ежегодника» к печати принимали участие сотрудники Археографической комиссии Ю. В. Андрюшайтите, Н. А. Долдобанова, В. В. Морозов, С. А. Морозов, И. Е. Тамм.

Редакционная коллегия:

С. О. ШМИДТ (ответственный редактор),
Ю. В. АНДРЮШАЙТИТЕ,
Н. А. ДОЛДОБАНОВА (ответственный секретарь),
В. А. ДЬЯКОВ, С. М. КАШТАНОВ, А. А. КУРНОСОВ,
Б. Г. ЛИТВАК (заместитель ответственного редактора),
Н. Н. ПОКРОВСКИЙ, В. А. ЧЕРНЫХ.

8(п)

А-87

77922

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Ложкин

ЛЕНИНСКИЙ ВОПРОСНИК 1894 Г.

Публикация в Полном собрании сочинений В. И. Ленина списков его неразысканных работ помогает их поиску, вовлекает в это дело широкие круги исследователей. Во втором томе такой список начинается с ленинского вопросника для изучения условий труда и жизни рабочих, который распространялся в Петербурге зимой 1894/95 г.¹ О путях поисков и находке этого документа было рассказано в газете «Правда»². Данная статья посвящена научному обоснованию ленинского авторства найденного мною вопросника.

Отправным пунктом поиска был названный выше список, где указаны воспоминания М. А. Сильвина, И. В. Бабушкина, В. Н. Катина-Ярцева, подтверждавшие принадлежность вопросника В. И. Ленину³. Автором были выявлены свидетельства о существовании этого ленинского документа и в других мемуарах⁴.

Многочисленные упоминания историков об изучении В. И. Лениным условий труда и быта рабочих и разработке им специального вопросника не содержали новой информации, необходимой для поиска, поскольку основывались на приведенных выше воспоминаниях⁵.

Новые сведения были в книге И. В. Никитина. Он опубликовал текст вопросника, который, по его мнению, издан петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и напечатан в народовольческой типографии (по копии)⁶. Подлинник под названием «Вопросы о положении рабочего класса в России» мы обнаружили в Библиотеке ИМЛ.

Составители сборника «Рабочее движение России в XIX веке» опубликовали текст вопросника, приведенного Никитиным, под другим названием с указанием, что он издан петербургским «Союзом борьбы» и был «по-видимому составлен В. И. Лениным»⁷. С тех пор на него, как на ленинский (и в ряде случаев уже без оговорок), ссылались многие авто-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 561.

² Ложкин В. Изучая жизнь рабочих: Поиски и находки.— Правда, 1981, 21 апр.

³ Сильвин М. В дни «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, ч. 1, с. 126; Бабушкин И. В. Из воспоминаний.— Там же, с. 113—114; Катин-Ярцев В. Н. Тени прошлого.— Былое, 1924, № 25, с. 111.

⁴ Сильвин М. А. Ленин в эпоху зарождения партии.— Каторга и ссылка, 1934, № 1 (110); Он же. Ленин в период зарождения партии: Воспоминания. Л., 1958; Шестернин С. П. Пережитое. Иваново, 1940; и др.

⁵ Панкратова А. М. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Саратов, 1940, с. 23; Валк С. Н. Общественное движение в Петербурге 90-х и начала 900-х годов. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».— В кн.: Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956, т. 3, с. 164, 166; Корольчук Э. А. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Л., 1940, с. 16; Куценгов Д. Г. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».— В кн.: Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Л., 1962, ч. 1, с. 48; Опалихин Ф. И. Ленин в рабочих кружках Петербурга (1893—1895).— Изв. Ленингр. электротехн. ин-та им. В. И. Ульянова (Ленина), 1960, вып. 40, с. 37; и др.

⁶ Никитин И. В. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1956, с. 29—30.

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1961, т. 4, ч. 1, с. 1—2, 832.

ры⁸. Однако еще в 1962 г. Ю. З. Полевой отмечал: «Вопрос о том, является ли этот документ точной копией того, о котором пишет М. А. Сильвин (т. е. ленинского.— В. Л.), требует специального исследования»⁹.

По крайней мере три обстоятельства свидетельствуют, что этому документу было ошибочно приписано ленинское авторство. Во-первых, в архивах сохранились материалы, подробно раскрывающие историю напечатания «Вопросов». Неверно утверждение, что они были изданы «Союзом борьбы» — их напечатала в 1896 г. в Лахтинской типографии группа народовольцев по собственной инициативе. Редактор народовольческих изданий Е. А. Прейс говорила на допросе относительно публикации «вопросных листков»: «Инициатива их напечатания принадлежит мне, и для этого я воспользовалась попавшим ко мне в руки экземпляром такого листка, ходившего по рукам в гектографированном издании»¹⁰. Думается, этому можно верить, ибо случаи печатания в типографии социал-демократических изданий — двух брошюр В. И. Ленина — она не скрывает, а рассказала подробно. Правильность ее показаний мы пытались проверить, разыскивая прототип того вопросника, который, по ее словам, она отредактировала.

В Библиотеке ИМЛ хранится гектографированный (с рукописного) текст «Вопросы о положении рабочего класса в России» на четырех страницах, в конце — слова: «Москва, 22 декабря 1895 года. Издание второе исправленное и дополненное»¹¹. Вероятно, с данного или первого их издания и была напечатана народовольческая листовка. Об этом свидетельствует идентичность заглавия, текста вступления (с небольшой редакционной правкой) и содержания самих вопросов. Например, в гектографированном издании вопросы формулируются так: «№ 1. Число рабочих в заведении: мужчин, женщин, детей, всего рабочих» (записано в виде таблицы.— В. Л.). «№ 2. Когда и на какие сроки производится наем? Нет ли при этом особенностей (наем через подрядчика, волостные правления, артелью)?»¹². В издании народовольцев: «1. Число рабочих в заведении: мужчин — женщин — подростков — детей — общее число всех рабочих» (записано в строку.— В. Л.). «2. Когда и на какие сроки или без срока производится наем? Нет ли при этом особенностей (Наем через подрядчика, волостные правления, артелью и т. п.)?»¹³. Все вопросы, сформулированные в первом, вошли во второй вопросник с незначительными редакционными изменениями и иной нумерацией. В первом значатся 20 групп вопросов, во втором — 16.

Другой аргумент против ленинского авторства данного документа дает его текстологический анализ. В прототипе из Библиотеки ИМЛ, изданном на гектографе, вероятно, московским «Рабочим союзом» и, следовательно, марксистами, пункт 14 формулируется так: «Нарушает ли фабрикант фабричные законы? Как обходится с рабочими фабричный инспектор? Привести для примера несколько его поступков». В документе, опубликованном И. В. Никитиным, этот пункт выглядит иначе: «Что за человек фабричный инспектор? Как обходится с рабочими? Привести для примера несколько поступков его». Создается впечатление, что, по мнению автора вопросника, личность фабричного инспектора может как-то существенно повлиять на положение рабочих. Подобный субъективистский подход присущ народникам. Марксисту, тем более В. И. Ленину, была чужда такая постановка вопроса. В. И. Ленин требовал анализа системы социально-экономических, политических, правовых отноше-

⁸ *Корольчук Э. А.* Агитационная деятельность ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — *Вопр. истории КПСС*, 1964, № 10, с. 63; Ленин и «Союзы борьбы». М., 1978, с. 79; *Поголов С. И.* На переломе. — В кн.: *История рабочих Ленинграда*. Л., 1972, т. 1, с. 194; и др.

⁹ *Полевой Ю. З.* Из истории рабочей печати, 1883—1900. М., 1962, с. 92.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 7, 1896, д. 257, т. 2, л. 39.

¹¹ Библиотека ИМЛ, Ц-№ 67811.

¹² Там же.

¹³ Там же, Ц-№ 54798.

ний и определения места: в этой системе фабричных инспекторов, которые, независимо от их личных качеств, превращались, по его словам, «в каких-то полицейских служителей, в каких-то фабричных урядников»¹⁴.

Третьим доводом является время и условия издания и распространения этого документа. Листок народовольцев был напечатан в 1896 г. и тогда же получил распространение, а ленинский вопросник имел широкое хождение зимой 1894/95 г., т. е. намного раньше. Но, может быть, был широко известен в Петербурге прототип этого издания? Мы не знаем ни одного случая нахождения петербургской полицией в 1894 и 1895 гг. документа, подобного «Вопросам о положении рабочего класса в России».

В то же время в эти годы петербургской полицией при обысках ближайших соратников В. И. Ленина и других лиц было найдено, по нашим подсчетам, не менее 16 экземпляров другого вопросника. Можно предположить, что он и был ленинским. К сожалению, текст его в полицейских делах не сохранился.

В архивохранилищах мною было выявлено 20 вопросников о положении рабочего класса, имевших хождение в различных городах России в конце XIX — начале XX в. Среди них был и тот, который, по моему мнению, был составлен В. И. Лениным. Он обнаружен в ЦГАОР СССР, в фонде «вещественных доказательств» Департамента полиции среди документов, у которых утеряна легенда¹⁵. Неизвестно, где, когда, у какого лица он был найден. Он не имеет заглавия, начинается с раздела «1. Фабрики и фабричное начальство». Вопросник переписан черными чернилами быстрым почерком интеллигентного человека в тонкой тетради, представляющей собой сложенные, но не сброшюрованные 8 четвертушек листа белой писчей бумаги — 16 страниц рукописного текста. Перепечатанный на машинке через два интервала текст занял 8,25 страницы. Первый лист потрепан по краям и на сгибе. Видно, что он долго ходил по рукам, запачкан. Сохранились следы сложения его вчетверо, похоже, для того, чтобы удобно было положить в карман. При переписке были сделаны две крупные ошибки. На второй странице пропущен полностью пятнадцатый вопрос, который записан переписчиком на полях. После 25-го пункта спутана нумерация: идет 27-й, так что в документе значится 57 групп вопросов, а фактически их 56. На первой странице сохранились следы, вероятно, жандармского делопроизводства, по которым, думается, будет возможно определить место, время появления документа и лицо, у которого он был изъят при обыске. На тексте в верхней части листа синим карандашом написано «1488», справа на полях красными чернилами «№ 13», черными чернилами, но не почерком переписчика, выведено «№ 39», и слабая карандашная пометка: «2 экз. № 15».

Пометы на документах синим карандашом мы встречали в архиве часто. Они обозначают входящий номер делопроизводства, цифры на полях — номер документа в описи отобранного при обыске. Однако наши попытки совместно с работниками ЦГАОР СССР расшифровать эти пометы пока не увенчались успехом. Безрезультатными оказались и усилия сотрудников ЦПА ИМЛ выяснить фамилию переписчика по почерку.

По меньшей мере три группы аргументов (данные полицейских обысков в Петербурге в 1890-х годах, сравнение с воспоминаниями лиц, знавших содержание ленинского вопросника, и текстологический анализ) позволяют утверждать, что автором этого текста был В. И. Ленин.

Сначала о датировке документа. В архиве охраны сохранилась часть того же вопросника (первые 22 пункта), полученная агентурным путем в мае 1898 г. у одного рабочего¹⁶. С ее помощью можно ограничить период возникновения текста полного документа (не позже мая 1898 г.) и получить ценный материал для уточнения редакции некоторых вопросов.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 294; см. также с. 282.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 1167, оп. 3, д. 9137, л. 1—8 об.

¹⁶ Там же, ДП, 00, 1898, д. 5, ч. 6, лит. А, л. 35.

Факт нахождения полицией в январе 1895 г. у рабочего Н. Т. Тарасова вопросника, близкого к анализируемому, сдвигает эту дату к началу 1895 г. К сожалению, сам текст документа не сохранился, есть лишь его полицейское описание¹⁷. Решающим аргументом в датировке возникновения рассматриваемого текста является неизвестная ранее историкам рукописная брошюра «Как живут портовые рабочие», которая по содержанию является прямым ответом на 45 из 56 пунктов данного вопросника. Она четко датируется ноябрем-декабром 1894 г., поскольку в ней описаны события 1 ноября 1894 г. и прямо указано: «В прошлом (1893) году, «в текущем году (1894)»¹⁸. Совершенно ясно, что текст найденного нами вопросника был сформулирован до ноября 1894 г. Это полностью совпадает с воспоминаниями И. В. Бабушкина, М. А. Сильвина, С. П. Шестернина о времени написания вопросника В. И. Лениным.

Подобный найденному нами документ был обнаружен при арестах членов группы «стариков», по крайней мере у пяти ближайших соратников В. И. Ленина. В описи отобранного при обыске 9 декабря 1895 г. у П. К. Запорожца значится «рукописная программа для собирания сведений о фабриках и фабричном начальстве»¹⁹. По воспоминаниям очевидцев, он с особым старанием собирал материал, руководствуясь ленинским вопросником²⁰. Тогда же у А. Л. Малченко отобрали «два экземпляра рукописной программы для собирания сведений о фабриках и фабричном начальстве»²¹. Такой же вопросник был у М. К. Названова, который передал его рабочему И. Ф. Федорову²².

Вопросник, обнаруженный 5 января 1896 г. у Е. Г. Богатырева (из группы «молодых»), жандармы описали точнее: «Рукописная программа для собирания сведений о положении рабочего класса, озаглавленная „Фабрика и фабричное начальство“»²³. Малченко на допросе 22 декабря 1895 г. упоминает еще об одном существенном признаке документа, изъятого у него: «Тетрадь с написанными 56 вопросами для собирания сведений о быте рабочих»²⁴. Кроме того, у П. С. Грибакина была найдена тетрадь со сведениями о положении путиловских рабочих, которые были составлены по «письменной программе». Она начиналась словами: «Общество Путиловских заводов. Завод разделен на цехи, цехи разделены на мастерские, в заводе числится 17 цехов...»²⁵. Вопросов о цехах, мастерских нет в других вопросниках²⁶. В анализируемом документе в первом же разделе «Фабрики и фабричное начальство» требуется указать «число мастерских или подразделений (цехов и пр.). Перечисление всех». Ясно, что Грибакин пользовался именно этим вопросником. Кстати заметим, что на квартире И. Ф. Федорова под руководством В. И. Ленина происходили совещания социал-демократической группы, собрания участников рабочих кружков²⁷. А рабочий Грибакин был активным членом кружка, в котором занятия проводил Ленин²⁸.

Таким образом, по названию первого раздела, содержанию первых пунктов и количеству вопросов мы можем утверждать, что у соратников В. И. Ленина был изъят тот текст, который мною был выявлен в архиве.

¹⁷ Там же, д-во 7, 1894, д. 86, т. 5, л. 212.

¹⁸ ЦМР, Главная инвентарная книга, № 3604/22.

¹⁹ Петр Запорожец: Документы и материалы. Винница, 1962, с. 37; ЦГАОР СССР, ДП, д-во 7, 1895, д. 339, л. 27. (Здесь и далее курсив наш.— В. Л.).

²⁰ Невзорова-Шестернина С. Воспоминания.— Старый большевик, М., 1933, № 2 (5), с. 142.

²¹ ЦГАОР СССР, ДП, д-во 7, 1895, д. 339, л. 27.

²² Там же, т. 3, л. 110.

²³ Там же, л. 19.

²⁴ Там же, л. 148.

²⁵ Там же, л. 96.

²⁶ Здесь и далее: «другие вопросники» — это известные нам вопросники 1894—1896 гг. С вопросниками, изданными позже «Рабочей мыслью», мы не сравниваем.

²⁷ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1970, т. 1, с. 108.

²⁸ Корольчук Э. А. Передовые пролетарии Петербурга в борьбе за соединение рабочего движения с марксизмом.— В кн.: В начале пути: Воспоминания петербургских рабочих 1872—1897 гг. Л., 1975, с. 100.

Вторая группа аргументов — сравнение выявленного нами текста со свидетельствами очевидцев, знавших ленинский документ. Первые, наиболее достоверные воспоминания о В. И. Ленине 1894—1895 гг. написаны И. В. Бабушкиным всего лишь семь лет спустя, в 1902 г. Он упоминает о ленинских «листках с разработанными вопросами», по которым члены ленинского кружка собирали сведения. «Я старался, — пишет Бабушкин, — во время обеда незаметно переписывать количество дней и заработков в нашей мастерской»²⁹. Ни один из известных нам вопросников 1894—1896 гг. не интересуется количеством рабочих дней и заработков в мастерской, кроме анализируемого.

В книге М. А. Сильвина дается развернутая характеристика ленинского документа: «Вопросник этот занимал несколько более четырех четвертушек листа, написанных его убористым почерком. Этот вопросник имелся у каждого из нас. Мы размножили его на гектографе и раздавали пропагандистам других кружков — Чернышева („петухов“), Тахтарева („обезьян“) и народовольцев.

Катин-Ярцев в своих воспоминаниях говорит о каких-то записках Владимира Ильича „о заработной плате“, которыми он пользовался в своей пропаганде. Таких записок я не помню и думаю, что речь идет именно об этом вопроснике, задавшем нам всем большую работу»³⁰.

Рассмотрим эти утверждения. Вопросник был широко распространен. Полиция обнаружила изучаемый нами документ при обысках и «стариков», и «молодых», и народовольцев³¹.

Его объем, по свидетельству Сильвина, «более четырех четвертушек листа, написанных его убористым почерком». Найденный нами список на 8 четвертушках листа (16 страниц), но написан не мелким почерком. Естественно, что объем списка варьировался в зависимости от почерка переписчика. Так, у И. Г. Смидович была найдена «рукописная тетрадь на 12 стр., озаглавленная „Фабрики и фабричное начальство“»³². К тому же можно усомниться в точности воспоминаний Сильвина о такой детали, как количество страниц. Он забыл эти детали, об этом свидетельствуют те же воспоминания. Он точно не помнит вид этого вопросника и допускает возможность, что показанная ему копия документа «группы народовольцев» (на двух листах) и есть ленинский вопросник или изданный в подражание ему³³.

В книге Сильвина сказано «Мы размножили его на гектографе». Найденный же нами текст — рукописный. Нам неизвестно ни одного случая нахождения полицией в Петербурге в 1895—1896 гг. гектографированных вопросников. Ленинский вопросник, видимо, не был гектографирован. Следует иметь в виду, что книга Сильвина подготовлена к печати после его смерти. В рукописи (машинопись) Сильвина нет упоминания о гектографировании вопросника. Там сказано: «Мы размножили его и раздавали пропагандистам...»³⁴. Переписали во многих экземплярах — это тоже размножили, что, вероятно, и имел в виду Сильвин, а готовившие издание дописали: «на гектографе».

Подкрепляется упоминание Сильвина насчет Катина-Ярцева, ибо самый обширный раздел выявленного нами вопросника называется «Заработная плата». Эта часть вопросника, переписанная отдельно (что нередко бывало), и могла восприниматься Катиним-Ярцевым как записки Владимира Ильича «о заработной плате».

Принадлежность В. И. Ленину анализируемого текста подтверждается данной Сильвиным характеристикой содержания ленинского документа.

²⁹ Бабушкин И. В. [Из воспоминаний]. — Там же, с. 347.

³⁰ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии, с. 86—87.

³¹ Кроме Е. Г. Богатырева, у лидера «молодых» — И. В. Чернышева (ЦГАОР СССР, ДП, д-во 7, 1897, д. 92, т. 1, л. 11, 86); у П. Н. Лепешинского, тогда члена «группы народовольцев» (ЦГАОР СССР, ДП, д-во 7, 1895, д. 339, л. 21).

³² ЦГАОР СССР, ДП, д-во 3, 1896, д. 580, т. 1, л. 181.

³³ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии, с. 87.

³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 2, д. 2352, л. 106.

«В вопроснике Владимира Ильича,— писал он,— главное место отводилось выяснению условий работы и жизни рабочих данного предприятия, рабочему дню, связи с деревней, зарплате во всех ее формах — цеховой, свержурочной, почной, сдельной работы, браковке, вычетах, штрафам, расплате товарами, а также степени соблюдения заводской администрации тех постановлений и законов, которые, хотя и недостаточно, ограждали права рабочих. Уделялось в нем также место характеристике бытовых условий, жилища, питания, алкоголизма, умственных интересов, религиозных устремлений»³⁵. Все темы, за исключением алкоголизма, присутствуют в найденном нами вопроснике. Некоторая деформация в памяти Сильвина относительно этого пункта произошла, видимо, под влиянием изданного «Рабочей мыслью» в 1899 г. обширного вопросника-брошюры из 158 вопросов. Характерно, что Сильвин называет проблемы (связи с деревней, цеховая плата, браковка, жилища, пища), которые присутствуют только в вопроснике «Фабрики и фабричное начальство» и отсутствуют в гектографированном московском вопроснике 1895 г., вопроснике «группы народовольцев» 1896 г. и вопроснике «Рабочей мысли» 1898 г. Эти проблемы выделены в ленинском вопроснике в качестве самостоятельных пунктов и они, естественно, сохранились в памяти Сильвина.

Все остальные моменты, относящиеся к вопроснику или работе на его основе, отмеченные Сильвиным («Мы спрашивали, например, чем в особенности недовольны рабочие в данный момент, на что они жалуются, что они хотели бы устранить на заводе», идея В. И. Ленина «начать агитацию на почве „законных“ требований»), подтверждают наше предположение, что ленинским был этот вопросник. Например, именно здесь подвергаются изучению факты нарушения фабричного законодательства, ставится вопрос, касающийся религиозности рабочих.

Знал ленинский документ и С. П. Шестернин. В 1894 г. он был назначен судьей в Иваново-Вознесенск, но, имея месячный отпуск, приехал в Петербург и связался с кружком «стариков». «Меня как будущего ивановца, кружок, в частности Владимир Ильич, встретили очень дружелюбно,— писал он.— Помню, много говорили тогда об изучении положения рабочих. Тогда же или несколько позднее был выработан особый вопросник о быте рабочих и копию этого вопросника я получил для Иванова»³⁶. В неопубликованных воспоминаниях «Встречи с Владимиром Ильичем» Шестернин об этом эпизоде пишет более определенно: «Тогда же или несколько позднее был выработан *Владимиром Ильичем* особый вопросник о положении рабочих»³⁷. Этот вопросник послужил для меня необходимым руководством в моей дальнейшей работе по сборанию сведений о положении ивановских рабочих. Один экземпляр этого вопросника я получил и для Иванова»³⁸. По его свидетельству, он руководствовался им при сборании сведений совместно с О. А. Варенцовой и Ф. А. Кондратьевым о положении рабочих и подготовке материалов для нелегальных статей и брошюр³⁹. Написанный им текст об иваново-вознесенской стачке был послан В. И. Ленину и напечатан в «Работнике» № 1—2 (1896 г.), а также подготовлен для редактируемой В. И. Лениным № 1 газеты «Рабочее дело». Он был издан и на гектографе в 1895 г. в Москве отдельной брошюрой. Можно проанализировать содержание нелегальных брошюр Шестернина «Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске. 1895» [М., гектограф] и «Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет» (Женева, 1900).

³⁵ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии, с. 87.

³⁶ Шестернин С. В. И. Ленин и первый ивановский марксистский рабочий кружок.— Старый большевик. М., 1933, № 2 (5), с. 133.

³⁷ Это еще одно, неизвестное в литературе свидетельство ленинского авторства вопросника.

³⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 4, оп. 2, д. 3001, л. 2.

³⁹ Шестернин С. П. Пережитое, с. 92, 99, 124, 126; Очерки истории Ивановской организации КПСС. Иваново, 1963, ч. 1, с. 42.

Название фабрики, владелец, местонахождение, число рабочих мужского и женского пола и многие другие данные, которые приводятся Шестернинным, еще не могут показать нам, каким вопросником он пользовался, ибо они имеются во всех известных нам подобных документах. Но одно место примечательно.

В вопроснике «Фабрики и фабричное начальство» есть пункт, отсутствующий во всех других: «4. Не было [ли] каких перемен в управлении фабрикой, производстве и порядке работ. Отразилась ли на рабочих (их положении на фабрике, зараб. плате и проч.) перемена управляющего, директора, мастера и проч. Указать наиболее характерные примеры». И Шестернин подробно отвечал на эти вопросы, в частности он писал: «В феврале 1895 года на фабрику ... поступил новый директор А. В. Свечников». Он «стал слишком круто и решительно заводить новые порядки: ...высокие штрафы, прогонял рабочих, живших на фабрике по 20 лет... составил новый расценки, который был не только ниже летнего, но даже на несколько % уступал прошлогоднему...»⁴⁰.

В другой брошюре Шестернина даются подробные и прямые ответы на вопросы: о работе в праздники, их сокращении, пище рабочих, «часто ли едят мясо», о жилищах — «вольных» квартирах и фабричных казармах⁴¹. Среди распространявшихся в 1894—1896 гг. вопросников эти пункты содержатся только в анализируемом документе.

Наше предположение о ленинском авторстве подтверждает и сравнительный анализ известных воспоминаний рабочих — учеников В. И. Ленина о тематике его бесед с ними. Наиболее подробно написал об этом рабочий А. П. Ильин, которого В. И. Ленин на протяжении многих вечеров расспрашивал о заводе и жизни рабочих. Это было зимой 1894/95 гг., когда В. И. Ленин уже разработал вопросник. Естественно предположить, что содержание беседы должно было отразить этот документ. Сопоставление источников дает поразительную картину. Вот начало вопросника: «1) Название фабрики или завода. 2) Адрес. 3) Год основания». В. И. Ленин до начала беседы знал, что Ильин работает в Новом адмиралтействе (порту), знал адрес этого крупнейшего петербургского предприятия, поэтому ему не нужно было задавать первые два вопроса. Воспоминания Ильина: «Первые его вопросы относились к основанию нашего завода, о котором я ему мог сообщить точные факты, так как сам когда-то этим интересовался. По имеющейся на элинге нашего судостроительного завода надписи ясно, что первым годом существования этого завода нужно считать 1825-й. Это я сообщил Ленину, который все мои ответы записывал. Детально расспрашивал меня об основании мастерских...»⁴². Автора вопросника интересовало также «число мастерских или подразделений (цехов и др.)». Вопросник: «4. Не было [ли] каких перемен в управлении фабрикой, производстве и порядке работ. Отразилось ли на рабочих (их положении на фабрике, зараб. плате и проч.)». По воспоминаниям Ильина, он прямо раскрывал этот пункт Ленину: «К тому же времени начальником завода был назначен знаменитый деспот генерал Верховский, который завел „расценочные комиссии“, и несмотря на то, что эти комиссии расценивали работу, скажем, в 5 руб., по его приказу уплачивалось всего 2 руб.— 2 руб. 50 коп.»⁴³.

Характерно, что все вопросы В. И. Ленина, о которых вспоминает Ильин, имеются в данном вопроснике, причем ряд из них (пункты 3 и 4) отсутствуют в других аналогичных документах.

Таким образом, все известные нам воспоминания о содержании ленинского вопросника подтверждают наше предположение.

⁴⁰ Шестернин С. П. Октябрьская стачка в Иваново-Вознесенске [М.], 1895, [гектограф], л. 2.

⁴¹ Шестернин С. П. Рабочее движение в Иваново-Вознесенском районе за последние 15 лет. Женева, 1900, с. 12, 18, 19.

⁴² Ильин А. П. В. И. Ульянов в рабочих кружках Петербурга в эпоху «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». — В кн.: В начале пути, с. 369.

⁴³ Там же, с. 370.

Но решающие доказательства связаны со сравнительным анализом этого вопросника и ленинских работ. Изучение содержания всех 20 вопросников, известных нам, дает основание выделить именно тот, который имел хождение среди членов Петербургского «Союза борьбы» в 1895 г., и отличался, по крайней мере, двумя качествами, присущими ленинским документам: 1) высоким теоретическим уровнем и 2) четкой политической направленностью. Последнее отсутствовало в вопросниках, изданных «экономистами».

Обращает на себя внимание, что только этот документ отвечает методологическим требованиям, которые В. И. Ленин предъявлял к составителям статистических обследований.

В «Кустарной переписи 1894/95 года в Пермской губернии...» (1897 г.) В. И. Ленин отмечал недостаточную разработанность данных о времени возникновения заведений⁴⁴. На этот и другие моменты, нашедшие отражение в вопроснике, обращено внимание в 1898 г. в статье «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике». Так, относительно программы собирания данных при промышленной переписи он писал, что «возможно и необходимо стремиться к полноте сведений (вопросы об истории заведения) [только в найденном нами вопроснике есть „год основания“, „перемены на фабрике“.— В. Л.], об его отношении к окрестным заведениям и окрестному населению [только здесь есть вопрос о „происхождении рабочих — деревенские или местные жители“, о взаимоотношениях местных и деревенских.— В. Л.], о торговой стороне дела, о сырых и вспомогательных материалах, о количестве и виде продукта [не относятся к положению рабочих и поэтому их не было в вопроснике.— В. Л.], о заработной плате, рабочем дне, сменах, ночной и сверхурочной работе и пр. и пр.)»⁴⁵. Все это присутствует в вопроснике, в котором есть разделы: «Заработная плата», «Рабочий день» и отдельные пункты: «Смены», «Существует ли отличие между установленным рабочим днем и сверхурочной работой...», «Ночная работа».

В другой работе В. И. Ленин высказал мысль об абсолютной необходимости сводок: «1. подытоживающих по группам производств рабочих односменных, двухсменных и трехсменных (в отличие от других вопросников в анализируемом есть специальный пункт «Смены».— В. Л.); 2) рабочих по производству и вспомогательных (пункт 12 требует указать число рабочих основных специальностей и чернорабочих, в иных вопросниках нет подобного вопроса.— В. Л.); 3) дающих среднее число рабочих часов по группам производств (вопросник адресован к одному производству, специальности названы.— В. Л.); 4) дающих общие итоги рабочего времени взрослых и малолетних (взрослые, подростки и дети отмечены в ряде пунктов. Например: «Длина рабочего дня... по возрасту». Такого пункта нет в других вопросниках — В. Л.); 5) выделяющих фабрики с различным числом рабочих»⁴⁶. Число рабочих в вопроснике также выделено.

Уже название первого раздела («Фабрики и фабричное начальство») содержит в себе, по нашему мнению, признаки ленинского авторства. В других вопросниках 1894—1896 гг. не используется понятие «фабрика» (там термин — «заведение»). Термин «заведение» был широко распространен в земской статистике⁴⁷, но он затушевывал различие стадий развития капитализма. В. И. Ленин, выступая против этого, отмечал три стадии развития капитализма в русской промышленности: «Мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»⁴⁸. Он неоднократно писал, что научное значение термина «фабрика» — синоним высшей ступени капитализма в промышленно-

⁴⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 345.

⁴⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 31—32.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 31.

⁴⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 365.

⁴⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 542.

сти⁴⁹. Нет в других вопросниках и термина «начальство», который пять раз употребляется в этом документе («фабричное начальство», «ближайшее начальство рабочих» и т. д.). В ранних работах Ленин очень часто использует этот термин, например, в работах «По поводу так называемого вопроса о рынках» (1893), «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» (1894—1895), «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах» (1895) и других произведениях⁵⁰. Наряду с этим употреблял он и термин «начальство фабрики»⁵¹.

Объем статьи не дает возможности рассмотреть подробно все 56 групп вопросов анализируемого документа. Остановимся лишь на главных аргументах, показывающих как текстологические совпадения, так и круг теоретических проблем, выявляющихся в этом вопроснике, и соответствие их ленинским работам. При этом надо вычлнить то, чем отличается этот вопросник от других, и эти специфические его черты сравнить с положениями в трудах В. И. Ленина.

Большинство проблем, исследованию которых посвящен изучаемый документ, относятся к политической экономии, к экономическому положению пролетариата. Раздел «Условия труда»⁵² начинается с выяснения проблемы общественного разделения труда, детально разработанной В. И. Лениным. Требуется определить «все отдельные специальности работы...», «число рабочих по каждой специальности». Еще в 1893 г., рассматривая стадии превращения натурального хозяйства в капиталистическое, Ленин указывал на такой признак: «Завершение специализации занятий, т. е. разделения общественного труда. Все отрасли промышленности отделились и стали специальностью отдельных производителей»⁵³.

Углублением этой проблемы является концентрация внимания только в том вопроснике на изменении характера труда: «В чем состоит работа каждой специальности, т. е. требует больше умственного или физического труда. Неподвижность, монотонность, надоедливость работы». Это одна из глубочайших теоретических проблем общественного разделения труда при капитализме, как писал В. И. Ленин, «ненормального отделения умственного труда от физического»⁵⁴.

Специальный раздел в анализируемом вопроснике занимают проблемы рабочего дня. Часть из них присутствует и в других вопросниках. Но то, что их отличает, — свойственно работам Ленина. Например, только здесь есть выделение «длины рабочего дня в будни и по субботам» (акцент, который делал Ленин), требование определения «длины рабочего дня у рабочих, которым необходимо раньше являться на фабрику (чтобы приготовить паровой котел к работе, машину и проч.)». Эта категория рабочих, отличающаяся «по свойству работ (уход за паровыми котлами...)», выделяется в фабричном законе 1897 г. и упоминается Лениным. У него содержится положение, фигурирующее и в вопроснике, что к рабочему времени «должно быть присчитано время, идущее на подготовительную работу»⁵⁵. В своих трудах Ленин уделял большое внимание вопросам, поставленным в изучаемом документе: сменам, перерывам, ночной, сверхурочной работе, ограничению рабочего дня для детей⁵⁶. В его работах присутствует идея о «произвольных удлинении» рабочего дня, имеющаяся и в вопроснике: «например, пускают машину раньше и

⁴⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 183, 391; т. 3, с. 455.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 102, 119, 139, 197, 270, 342, 510; т. 2, с. 39; т. 5, с. 78, 79 и др.

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 367.

⁵² Этого понятия также нет в других вопросниках 1894—1896 гг. Ленин широко использовал его (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 194; т. 2, с. 447 и др.)

⁵³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 93.

⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 201—202.

⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 72; см. также с. 273, 293, 285.

⁵⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 85, 86, 273, 279—283, 284, 303, 309; т. 4, с. 225, 290 и др.

останавливают позже». В. И. Ленин пишет: «...машина дает, как известно, громадный импульс к безмерному удлинению рабочего дня...»⁵⁷. Наконец, увеличение рабочего дня за счет праздников. Вопросник требует определения их числа, «не бывает ли работы в праздники и как она оплачивается». Эта проблема исследовалась Лениным и нашла отражение в сформулированном им в 1895 г. программном требовании «законодательного установления праздничного отдыха»⁵⁸.

Большое место в изучаемом документе занимает анализ социальных последствий внедрения машинного производства: образование резервной армии безработных, вытеснение рабочих машинами, понижение заработной платы. При этом марксовы категории в ряде случаев написаны более понятным для рабочих языком, при сохранении всей глубины смысла. Известно, что к этому приему прибегал В. И. Ленин. Например, в «Замечаниях на первый проект программы Плеханова» по поводу понятия «цены рабочей силы» он пишет: «Тоже очень абстрактно выражено; = рост эксплуатации, гнета, нищеты, принижения»; вместо «относительного, а местами и абсолютного ухудшения положения пролетариата...» предлагает: «Не лучше ли указать прямо: безработица, нищета рабочих...»⁵⁹.

Вопросник, адресованный в значительной степени передовым рабочим, написан доступным языком. В нем спрашивается: «Существует ли „армия безработных“ на данном заводе...; нельзя ли указать, откуда безработные появляются (машины ли выталкивают, благодаря большей производительности или прекращение заказов на данную фабрику и проч.). Заметно ли давление безработных на работающих в смысле понижения заработной платы, более частых чисто произвольных отказов от работы со стороны начальства и вообще большего произвола». Отметим, что В. И. Ленин много раз употреблял выражение «армия безработных», термин К. Маркса «выталкивание» рабочих⁶⁰, подчеркивал еще в 1895 г. роль машин: «...машины, способствуя повышению производительности общественного труда, служат... к увеличению безработицы, а вместе с ней и к незащитности рабочих»⁶¹. Другой отмеченный в вопроснике фактор роста безработицы — «прекращение заказов» рассматривается в работах Ленина неоднократно⁶².

При этом надо иметь в виду, что эти идеи не были столь распространенными среди русских социал-демократов, они отсутствовали в работах даже известных русских марксистов-экономистов. Так, В. И. Ленин в рецензии на «Краткий курс экономической науки» А. Богданова (1897 г.), отмечая «выдающиеся достоинства этого сочинения», констатировал: «Заметным пробелом в главе о машинном периоде капитализма является отсутствие параграфа о резервной армии и капиталистическом перенаселении, о его порождении машинною индустриею, о его значении в циклическом движении промышленности...»⁶³. Наличие этих идей только в анализируемом вопроснике, на наш взгляд, является одним из веских доводов в пользу ленинского авторства.

Среди многочисленных положений самого большого раздела вопросника «Заработная плата» (ряд вопросов о заработной плате есть во всех известных нам подобных документах) выделяются пункты, требующие исследования факторов, снижающих заработную плату рабочего, как общих для всех капиталистических стран, вскрытых в «Капитале» К. Маркса, так и специфичных для самодержавной России. Помимо рассмотренных выше социальных последствий внедрения машинного производства и

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 545.

⁵⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 86, см. также с. 288—293.

⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 197, 198.

⁶⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 488, 498; т. 2, с. 215, 219, 220; т. 3, с. 319, 545, 546, 554, 583 и др.

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 83.

⁶² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 70; т. 5, с. 15, 82, 92, 319 и др.

⁶³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 41.

«давления безработных в смысле понижения заработной платы», ставился вопрос о применении более дешевого женского и детского труда, труда неквалифицированных рабочих.

Эти положения присутствуют в работах В. И. Ленина 1896 г. Он писал, что капиталист ставит к машинам «женщин и детей, платя им меньшую плату», искусство рабочего «теряет цену, он легко заменяется простым чернорабочим... за меньшую плату»⁶⁴.

Вопросник нацеливает на изучение двух основных форм заработной платы: повременной и сдельной, замену первой второй формой. Это формулируется в таких специфических по сравнению с другими вопросниками терминах: «Задельная (поштучная) плата. Нет ли нормы (известного количества сдельной выработки); если существует задельная плата, то с которых пор введена; сравнительно с поденной лучше ли оплачивается, нет ли стремления к увеличению нормы благодаря конкуренции между работающими». Далее спрашивается о применении «поденной или понедельной платы», «понимают ли рабочие преимущества поденной или понедельной платы». Заметим, что в других вопросниках, распространенных до 1897 г., отсутствует термин «задельная плата», фигурирующий в ленинских работах⁶⁵.

В. И. Ленин отмечал, что «замена повременной платы штучною есть один из самых распространенных приемов развивающегося капиталистического хозяйства, которое достигает этим приемом усиления интенсификации труда и увеличения нормы сверхстоймости»⁶⁶. Мысль об «увеличении нормы благодаря конкуренции между работающими» неоднократно высказывалась В. И. Лениным⁶⁷.

Лишь этот вопросник предлагает специально изучить факт существования подрядчиков, «которые берут только работу от фабрики, расплачивается же сама фабрика», и «которые от себя дают работу, взятую от фабрики, и расплачиваются сами (не контора)... много ли они пользуются от рабочих (в смысле эксплуатации и получения барышей); понижают ли они заработок...» В своих ранних работах В. И. Ленин исследует систему «подрядчиков» и близких к ним «посредников», оценивая их как проявление «отсталых форм капитализма», источник самой бесконтрольной и беззастенчивой двойной эксплуатации рабочих⁶⁸.

Пережитки феодализма и главный из них — царское самодержавие — делали в России капиталистический гнет наиболее зверским, варварским. Бесправие народа, произвол имущих оказывали огромное влияние на понижение заработной платы российских рабочих. В вопроснике содержится ряд пунктов, нацеливающих на изучение этих явлений. Пункт 27: «О расплате рабочих. Не было ли и не существует ли каких-либо уловок, ведущих к мошенничеству фабрикантов при расплате — факты подробнее». В. И. Ленин, как бы раскрывая этот пункт, пишет о «хитрой уловке хозяев»⁶⁹ в листовке «К рабочим и работницам фабрики Торнтон» (ноябрь 1895 г.). В брошюре «Объяснение закона о штрафах...» он отмечает почти теми же словами: «...много придумывалось ухищрений и уловок, чтобы надуть рабочих... Мы расскажем, в предупреждение рабочих, о некоторых таких условиях», и далее — о «мошенничествах господ фабрикантов»⁷⁰.

Во многих ранних работах В. И. Ленин анализирует систему выплаты заработной платы рабочим товарами и продуктами из лавки фабриканта⁷¹. Эта проблема находит отражение в вопроснике: «Не расплачивают-

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 90, 91.

⁶⁵ Там же, с. 32, 181, 328 и др. Он употребляет также термины «сдельная плата», «поденная» (т. 2, с. 33, 525, 72), «поштучная плата» (т. 5, с. 163).

⁶⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 526.

⁶⁷ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 281; т. 4, с. 290 и др.

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 380, 397, 402; т. 2, с. 90, 399, 392.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 71.

⁷⁰ Там же, с. 48, 50.

⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 360; т. 2, с. 392, 403; т. 3, с. 277, 527 и др.

ся ли фабриканты товарами, какими: не дороже ли и вообще выгодно ли это для рабочих или нет — примеры». Требование «безусловного за-
прещения повсюду расплаты товарами»⁷² выдвигается В. И. Лениным в
1895 г. как программное требование партии.

Особенно убедительно ленинское авторство вопросника можно устано-
вить при рассмотрении положения о штрафах, ибо у В. И. Ленина есть
на эту тему брошюра. В московском вопроснике (1895 г.) и в вопросни-
ке, изданном в 1896 г. группой народолюбцев, пункт о штрафах форму-
лируется так: «Список штрафов. Сколько круглым счетом приходится в
месяц на человека? Нет ли злоупотреблений при штрафовании?»⁷³. В на-
шем случае: «Штрафы... Куда идут деньги (на пользу ли капиталистов
или в капитал на нужды рабочих согласно закону)». У Ленина в назва-
нии главы VI брошюры «Объяснение закона о штрафах...» отражается
этот вопрос: «Куда должны идти, по закону, штрафные деньги?»⁷⁴. Из-
лагая закон о штрафах 1886 г., он примерно в тех же словах отвечает
на него: «Штрафные деньги должны идти не в карман фабриканта, а на
нужды самих рабочих»⁷⁵.

В вопроснике спрашивается: «Не обходится ли этот закон посредством,
например, штрафов наградными. (Уменьшают рабочим плату штрафами,
а потом мол наградим)». В брошюре В. И. Ленин приводит примеры
штрафов «наградными» во Владимирской губернии и в Петербурге и де-
лает вывод: «...это был грубый обход закона...»⁷⁶. Далее Ленин излагает
рассуждение заводчика Яковлева: «Вы будете получать по рублю в день,
но если за вами не будет никаких провинностей... то вы получите по
20 коп. „наградных“. А если окажется провинность,— замечает Ленин,—
то хозяин удерживает двугривенные и кладет их, конечно, себе в кар-
ман,— потому что ведь это не штраф, а „наградные“»⁷⁷. Та же термино-
логия об «обходе закона» и похожий пример используются в упомянутой
выше ленинской листовке «К рабочим и работницам фабрики Торнтон».

Еще одна характерная деталь. Вопросник требует перечислить, в ка-
ком размере и за что налагаются штрафы: «за опоздание», «за неявку,
прогул, слушание...». В нем нет упоминания лишь об одном законом
определенном поводе наложения штрафа: за «неисправную работу». Н. К.
Крупская вспоминает случай, «когда Запорожец с необычайным
увлечением рассказывал о материале, который ему удалось собрать на са-
пожной фабрике... «За все штраф,— рассказывал он,— каблук на сторо-
ну посадить — сейчас штраф». Владимир Ильич рассмеялся: «Ну, если
каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело». Материал
собирал и проверял Владимир Ильич тщательно»⁷⁸. Думается, что не
случайно такая же тщательность проявилась и в редакции вопросника.

Из других многочисленных пунктов программы обследования условий
труда и быта рабочих отметим лишь некоторые. В ряде вопросов спра-
шивается о травмах, увечьях, получаемых рабочими при обслуживании
машин, например при их чистке на ходу, выясняется, «не отличаются ли
опасностью (зубчатые колеса, не прикрытые опасные части приводов),
существуют ли какие-либо ограждения, часты ли несчастья...» Все это
было объектом изучения для В. И. Ленина. «Травматические поврежде-
ния рабочих, занятых при машинах,— писал он,— стали обычным явле-
нием»⁷⁹.

Составителя вопросника интересует «помещение фабрики, его величи-

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 86.

⁷³ Библиотека ИМЛ, Ц-№ 67811; Рабочее движение в России в XIX в., т. 4, ч. 1, с. 2.

⁷⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 42.

⁷⁵ Там же, с. 25; см. также с. 42.

⁷⁶ Там же, с. 49.

⁷⁷ Там же, с. 51.

⁷⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1968, с. 21.

⁷⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 114.

на, температура, чистота... отделения, где особенно плохо (пыль, жара, сквозняки, холод и пр.). Гигиеничность помещения». В близких выражениях В. И. Ленин писал в 1897 г. о «гигиенических условиях» пимокатных промыслов: «...невыносимая жара, масса пыли, удушливая атмосфера... Естественным результатом является то, что кустари выдерживают не более 15 лет работы и кончают чахоткой»⁸⁰. Как тут не вспомнить еще один пункт вопросника: «Много ли лет подряд можно проработать на данной фабрике?»

Только в анализируемом документе спрашивается: «Пища рабочих, часто ли едят мясо...» Известно, что ухудшение питания рабочих и крестьян было объектом исследования В. И. Ленина. Например, он интересовался расходами на питание, в том числе «на мясную пищу», анализируя в 1894 г. крестьянские бюджеты⁸¹.

В других вопросниках 1895—1896 гг. имеется такой пункт: «Нет ли недовольства среди рабочих фабричными порядками?» В найденном нами он конкретизируется, в частности, таким образом: «Жалобы фабрикантам, полиции и инспекции. Считают ли рабочие полезным жаловаться, не было ли увольнений... арестов, штрафов после жалобы».

В 1895 г. В. И. Ленин советует рабочим: «...не оставлять без жалобы ни одного случая неправильного наложения штрафа, предъявлять непременно требование о возвращении денег, — либо инспектору, либо, в случае его отказа, суду», это откроет глаза рабочим, хотя далее отмечает: «Всякий рабочий знает, что жалобы, особенно на инспектора, им почти вовсе недоступны»⁸².

Анализируемый документ ориентирует на понимание связи экономического и политического положения пролетариата, не раз акцентируя на последнем. Например, при обследовании фабричных казарм («сколько стоят, величина, чистота, обстановка...») нужно выяснить: «Строго ли смотрят за рабочими в казармах, нет ли стеснительных правил и других полицейских мер». Обращается внимание на наличие «черных книг» (этого проявления политического бесправия и произвола), «где фабриканты записывают рабочих»; спрашивается, «как относятся к политически замешанным», «не делают ли пометки на паспортах».

В духе ленинских работ⁸³ вопросник анализирует соотношение объективного и субъективного факторов в общественном развитии. Рассматривая условия труда и быта рабочих, он постоянно интересуется (примерно в 20 вопросах) уровнем сознания, понимания тех или иных явлений массой рабочих. В случае отсутствия на фабрике техники безопасности спрашивается, «как относятся ко всему этому рабочие». Далее читаем: «Понимает ли рабочий преимущества поденной или понедельной платы, как относится к той и другой»; «как относятся рабочие к посредникам, подрядчикам („штучникам“), не было ли требований уничтожить эту форму эксплуатации», выясняется отношение рабочих к своему начальству, какое значение придают они обучению в школе, как относятся к стачкам и другим формам протеста и т. д.

Вопросник нацеливает на изучение ряда важнейших проблем не только марксистской политической экономии и философии, но и научного коммунизма. Главнейшая из них — выяснение всемирно-исторической роли пролетариата. Происхождение, пути формирования, консолидации российского фабрично-заводского пролетариата, формы его протеста, борьбы четко сформулированы в первом ленинском проекте и объяснении программы партии⁸⁴. Эти же проблемы ясно выражены и в рассматриваемом вопроснике.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 393.

⁸¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 189; т. 3, с. 242; т. 1, с. 226.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 39, 41.

⁸³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 134—138, 424, 435—436 и др.

⁸⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 83, 88—101.

Только в этом вопроснике автора интересует «происхождение рабочих», выяснение того, что деревенских жителей «заставило идти в город», «подолгу ли живут на данной фабрике, если меняются, то почему». Выясняется степень связи рабочих с крестьянским хозяйством («уезжают ли в летние месяцы... деревенские для обработки поля»), влияние крупного капиталистического производства на выходцев из деревни («Как себя держат деревенские вначале и потом»), стирание различий между отдельными отрядами рабочих, их взаимоотношения («резко ли отличаются деревенские рабочие от городских (в чем); как к ним относятся городские, нет ли отчуждения, розни городских и деревенских, водят ли знакомства одни с другими»).

Напомним, что В. И. Ленин в 1896 г. писал: «Освобождение крестьян уничтожило неподвижность населения и поставило крестьян в такие условия, что они не могли уже кормиться с оставшихся у них клочков земли. Масса народа бросилась на поиск заработка, идя на фабрики, на постройку железных дорог... Все большая и большая часть населения окончательно отрывается от деревни и от сельского хозяйства и собирается в города... образуя особый класс людей, не имеющих никакой собственности, класс наемных рабочих-пролетариев, живущих только продажей своей рабочей силы»⁸⁵.

Процесс консолидации пролетариата изучается вопросником многопланово. Здесь не только преодоление разобщенности между рабочими деревенскими и городскими, но и между рабочими разных национальностей.

Общеизвестны заслуги В. И. Ленина в разработке национального вопроса. Развитие марксистской теории национального вопроса было дано В. И. Лениным еще в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Он показывает экономическую основу и классовую сущность национальной вражды, подчеркивает «простую истину»: «...нет иного средства борьбы с национальной ненавистью, как организация и сплочение класса угнетенных для борьбы против класса угнетателей в каждой отдельной стране», затем в международном масштабе⁸⁶. Только в этом вопроснике есть соответствующий пункт: «Национальность рабочих... какие отношения между ними. Отношение к русским мастерам и пр. Замечается ли вражда между различными национальностями. Чем объясняется...» Внимание в вопроснике к важнейшей для многонациональной России политической проблеме — взаимоотношения рабочих различных наций — на наш взгляд, одно из веских доказательств ленинского авторства.

Уделяя внимание изучению «протестов и стачек» («Подробнее перечислить все случаи и поводы, ход дела, последствия и результаты»), «стремлений рабочих ко всякого рода союзам», вопросник намечает еще один аспект исследования роста сплоченности рабочего класса — отношения различных его слоев, отличающихся по уровню развития, грамотности, сознательности: «Много ли грамотных читают газеты, книги, какие наипаче, выделяются ли читающие, интеллигентные рабочие из остальных, как относятся другие рабочие к таковым...»⁸⁷. Выделение интеллигентных рабочих, обоснование роли этого передового слоя в революционном движении, в создании партии — одна из ключевых ленинских идей. «...всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители. И в русском рабочем движении не может быть иначе», — писал он в 1899 г.⁸⁸ «В России уже есть эта „рабочая интеллигенция“, — повторял он в другой работе, — и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ее ряды постоянно расширялись,

⁸⁵ Там же, с. 88—89.

⁸⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 155.

⁸⁷ Например, московский вопросник 1895 г. интересуется только грамотностью, упуская все остальные моменты.

⁸⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 316.

чтобы ее высокие умственные запросы вполне удовлетворялись, чтобы из ее рядов выходили руководители русской социал-демократической рабочей партии»⁸⁹.

Таким образом, исследование истории создания различных вопросных листков, распространенных в конце XIX в., показало, что ленинским не может быть документ «Вопросы о положении рабочего класса в России», ни отгектографированный в Москве в 1895 г., ни изданный народолюбцами в 1896 г.

Вопросник, выявленный автором статьи, по названию первого раздела, содержанию первых пунктов и общему количеству вопросов идентичен тем, которые, как было установлено полицией при арестах в декабре 1895 г., принадлежали ближайшим соратникам В. И. Ленина (П. К. Запорожцу, А. Л. Малченко, М. К. Названову) и рабочим — ученикам В. И. Ленина И. Ф. Федорову, П. Г. Грибакину. Он написан до ноября 1894 г., как это следует из сравнения с рукописной брошюрой о портовых рабочих.

В отличие от других содержание этого вопросника соответствует воспоминаниям всех лиц, знавших ленинский документ, (И. В. Бабушкина, М. А. Сильвина), написанным в то время с использованием ленинского вопросника брошюрам С. П. Шестернина, изложению содержания бесед с В. И. Лениным рабочего А. П. Ильина.

Текстологический анализ вопросника не обнаружил ни одного несоответствия его духа или буквы известным работам В. И. Ленина. В то же время выявлено свыше 40 случаев смыслового и 20 — текстуального совпадения. Документ полностью соответствует методологическим требованиям В. И. Ленина, которые предъявлялись им к составителям статистических обследований.

Он занимает важное место в идейном наследии В. И. Ленина. После публикации документ несомненно будет подвергнут всестороннему анализу историками, экономистами, социологами.

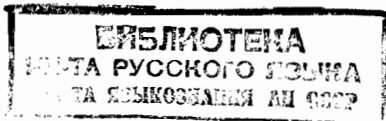
Но уже сейчас можно сформулировать некоторые выводы о его значении.

Во-первых, документ необычайно важен для более глубокого осмысления истории установления неразрывной связи российской социал-демократии с массовым рабочим движением. На основе собранных по вопроснику материалов марксисты готовили агитационные брошюры, листовки. Так, до нас дошла рукописная брошюра «Как живут портовые рабочие», содержащая ответы на вопросы ленинского документа. Сама брошюра и заключение к ней, отпечатанное позже листовкой «Чего следует добиваться портовым рабочим?», как вытекает из анализа их текста, были написаны в ноябре-декабре 1894 г. Выходит, что стачка портовых рабочих, состоявшаяся в феврале 1895 г., готовилась группой Ленина еще в 1894 г. Отсюда видна полная несостоятельность утверждений буржуазных фальсификаторов, пытающихся принизить роль Ленина в революционном движении: начало социал-демократической агитации они относят к осени 1895 г., связывая его с приездом в Петербург Ю. Мартова. Факты подтверждают: переход от революционной пропаганды и агитации был начат В. И. Лениным и его соратниками раньше.

Во-вторых, как и «Анкета для рабочих» К. Маркса⁹⁰, с которой найденный документ имеет большое внутреннее сходство, вопросник представляет собой целостную программу изучения условий жизни и труда пролетариата, уровня его сознания. Он пополняет наше представление о гигантской теоретической работе, проделанной Лениным, источниковой базе ряда его трудов, например брошюры «Объяснение закона о штрафах...», первого проекта программы партии.

⁸⁹ Там же, с. 269.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 19, с. 233--240.

Можно с уверенностью сказать, что одним из источников создания проекта программы были результаты глубокого изучения жизни русского пролетариата на основе ленинского вопросника. В значительной степени этой большой подготовительной работой (в том числе по составлению вопросника и проведенного на его основе обследования петербургских фабрик и заводов), на наш взгляд, объясняется поразительный факт. 9 декабря 1895 г. В. И. Ленин был арестован, и в декабре, когда Ленин находился в условиях одиночки дома предварительного заключения, был готов проект программы партии.

В-третьих, вопросник, свидетельствуя о диалектическом единстве теории и практики в деятельности Ленина, позволяет конкретнее раскрыть его методы воспитания плеяды рабочих-революционеров — пролетарского ядра партии. Нам известен ленинский прием практических заданий. Теперь мы лучше знаем содержание этих заданий: они помогали рабочим понимать существующий мир, давали ориентиры для его преобразования. В единстве творческого развития марксизма (на базе изучения действительности), пропаганды революционного учения, организаторской деятельности лежит один из источников исторических успехов партии коммунистов. Важность этого ленинского принципа еще раз со всей силой была подчеркнута XXVI съездом КПСС.

О ЗАДАЧАХ РАЗРАБОТКИ ТЕОРИИ АРХИВОВЕДЕНИЯ

Политика партии в области управления направлена на то, чтобы усилить его влияние на эффективность работы всех отраслей народного хозяйства, науки и культуры¹. Государственная архивная служба, являясь звеном управления и выполняя ряд научно-культурных функций, вносит свой вклад в решение этой задачи. В интенсификации развития архивного дела значительная роль возлагается на архивоведение и другие научные дисциплины, обслуживающие архивное дело.

По итогам десятой пятилетки среди архивоведческих исследований заслуживают внимания работы в области научного прогнозирования архивного дела в СССР, работа в области архивоведческого терминоведения, результатом которой явился проект «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» (Ротапринт. М., 1979, вып. 1); такие важные нормативно-методические документы, как «Основные правила работы государственных архивов», в том числе работы с кинофотодокументами, научно-методические разработки по классификации документной информации в архивных каталогах, по определению источников комплектования государственных архивов². Написаны и частично опубликованы труды, посвященные истории архивов мира с древнейших времен до 1917 г., а также археографической деятельности архивных учреждений союзных республик за 1918—1975 гг.³; вышло в свет новое издание учебника по теории и практике архивного дела⁴.

На страницах нашей печати нашли отражение методологические и теоретические вопросы архивоведения⁵. Изданы материалы научных

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 40.

² Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1980; Схема единой классификации документной информации в систематических каталогах государственных архивов СССР: (Советский период). 2-е изд., доп. и дораб. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1978; Методические рекомендации по определению источников комплектования государственных архивов: Проект. М.: ВНИИДАД, 1980. Словарь опубликован в 1982 г.

³ [Бржостовская Н. В., Илизаров Б. С.] Архивное дело с древнейших времен до 1917 г.— ТВНИИДАД. М., 1979, т. 8, ч. 1, 2; Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918—1975 гг.).— ТВНИИДАД. М., 1979, т. 10.

⁴ Теория и практика архивного дела в СССР / Под ред. Ф. И. Долгих и К. И. Рудельсон. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980.

⁵ Долгих Ф. И. Основные проблемы архивного дела в условиях развитого социалистического общества.— СА, 1978, № 1; Он же. Историческое значение ленинского декрета.— СА, 1979, № 1; Он же. О задачах архивных учреждений в свете решений XXVI съезда КПСС.— СА, 1981, № 3; Ваганов Ф. М. Программа дальнейшего развития архивного дела в СССР.— СА, 1981, № 1; Курантов А. П. ВНИИДАД — научно-исследовательский центр отрасли.— СА, 1977, № 2; Автократов В. Н., Елпатовский А. В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами: (Источниковедческий аспект).— В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1975: Сб. статей. М., 1976; Автократов В. Н. Некоторые аспекты исследования объекта и предмета архивоведения.— ТВНИИДАД. М., 1976, т. 6, ч. 1; Он же. Вопросы анализа понятийного аппарата в области использования архивных документов.— СА, 1980, № 6; Рудельсон К. И., Шепукова Н. М., Илизаров Б. С. О перспективных направлениях архивоведения.— СА, 1978, № 4; Ханнира Э. И., Рудельсон К. И., Елпатовский А. В. Некоторые вопросы архивоведческого терминоведения.— СА, 1979, № 5; Крестовская К. В., Соколова И. С. Проблемы обеспечения сохранности документов ГАФ СССР.— СА, 1981, № 2; Жигунов В. М. Основные направления научных исследований и практических работ ВНИИДАД по НТД и КФФД.— СА, 1980, № 1.

конференций⁶, теоретических и методологических семинаров и другие работы.

В опубликованных работах исследуется проблематика основных общественных функций архивного дела, актуальные вопросы комплектования ГАФ, обеспечения его сохранности, научно-информационной деятельности государственных архивов, и в частности с применением средств автоматизации поиска информации, выразившейся в создании первой очереди автоматизированной системы научно-технической информации (АСНТИ) по документам ГАФ. Эта система — результат творческого содружества архивистов, конструкторов, инженеров. Серьезное внимание уделено исследованию вопросов применения современных общенаучных и конкретных методов в архивоведении, развитию понятийного аппарата архивоведения, его общей и частных теорий⁷.

«Положение о Государственном архивном фонде СССР», «Положение о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР» 1980 г.⁸ и принятое ранее постановление Совета Министров СССР от 20 сентября 1978 г. «Об улучшении организации архивного дела в центральных государственных архивах СССР»⁹ создали реальные возможности для нового этапа развития архивного дела в стране.

Разработка охарактеризованной выше проблематики должна быть усилена, так как она оказывает позитивное воздействие на развитие архивного дела и поднимает уровень архивоведения как научной дисциплины.

Общая теория архивоведения в нашем понимании занимается анализом объекта, предмета и методов архивоведения, его составных частей, периодизации развития архивоведения, места его среди других областей знаний. Чем многограннее научная дисциплина, тем строже должен быть подход к развитию ее общей теории. Исходя из сложного комплекса дисциплин современного архивоведения, его общая теория должна охватывать и формировать те положения, принципы и методы, которые могут быть распространены на все дисциплины, входящие в состав архивоведения.

Это прежде всего относится к основным принципам советского архивоведения: социалистическая централизация архивного дела, недобриемость исторически сложившихся архивных фондов и их комплексов. Указанные принципы, разработанные на основе общенаучных принципов историзма, всесторонности, комплексности изучения объектов, коммунистической партийности, имеют важное методологическое значение для развития всех научных дисциплин, составляющих архивоведение. Необходимо более глубокое изучение участков и сфер применения системного, источниковедческого, информационного, функционального и других методов в архивоведении.

К общей теории архивоведения относится теория классификации архивных документов, рассматриваемая как метод исследования в архиво-

⁶ Вопросы теории и методологии архивоведения: Краткие тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару ВНИИДАД (ноябрь 1976). М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1976; Материалы к Всесоюзной научной конференции по проблемам научно-информационной деятельности государственных архивов СССР: (Краткие тезисы). М.: Главархив СССР, 1976; Материалы Всесоюзной научной конференции «Архивы СССР периода развитого социалистического общества». М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1979. Ч. 1, 2; Методологические вопросы документоведения, архивоведения, археографии: Сб. докладов методологического семинара ВНИИДАД. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1976. Вып. 1; 1978. Вып. 2; Вопросы критики методологии и теории буржуазного архивоведения: Сб. статей. М.: МГИАИ, 1980.

⁷ В архивоведении понятия общей и частных теорий введены В. Н. Автократовым. См.: Автократов В. Н. Общая теория архивоведения. — ВИ, 1973, № 8; *Он же*. Фондирование и учет документов (о двух частных теориях архивоведения). — ТВНИИДАД, М., 1978, т. 7, ч. 1.

⁸ Постановление Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР». — В кн.: Собрание постановлений Правительства СССР, 1980, № 10, ст. 71.

⁹ СА, 1978, № 6, с. 3.

ведении¹⁰, как метод установления исторических и логических связей между документами, единицами хранения, фондами, комплексами фондов, а также между единицами информации, содержащейся в документах. При этом исторический способ играет ведущую роль при организации документов ГАФ и дает возможность осуществить научную организацию документов по исторически сложившимся комплексам на таких ступенях и уровнях, как: 1) ГАФ в целом, когда определяется сеть государственных архивов; 2) в пределах архивов, когда определяется организация хранения документов по архивным фондам; 3) в пределах архивных фондов, когда определяется организация хранения документов внутри каждого фонда.

Логический способ используется главным образом на четвертой ступени классификации — классификации информации, содержащейся в архивных документах, когда в зависимости от целевого назначения определяется структура архивных справочников (ИПС), создаваемых по отраслевому или тематическому признакам (обзоры, каталоги, автоматизированные ИПС).

Важнейшей задачей в рамках общей теории архивоведения остается теоретическая разработка концепции Государственного архивного фонда (в том числе временная, пространственная, отраслевая структуры), ряда методологических вопросов, связанных с проблемой адекватности отражения исторического процесса документами ГАФ, что будет способствовать его дальнейшей оптимизации, успешному обеспечению общества ретроспективной документной информацией.

В разработке вышеупомянутой концепции важнейшее значение имеет твердо установленная классификационная единица документов ГАФ. Как известно, «Краткий словарь архивной терминологии» (М.; Л., 1968) и ГОСТ 16487-70 определяют архивный фонд как комплекс документов, имеющих между собой исторические или логические связи, и хранящийся в государственном архиве (к нему, наряду с традиционным пониманием фонда, относится объединенный архивный фонд и коллекция). Такое понятие архивного фонда было принято в качестве учетной и классификационной единиц ГАФ.

И это было научно обоснованное решение, так как классификационная единица, в отличие от учетной, должна, во-первых, быть единой, а во-вторых, распространяться на всю совокупность обособленных друг от друга классифицируемых объектов, образующих ГАФ.

Однако в дальнейшем в литературе указанная трактовка либо не принималась, и авторы по-прежнему признавали классификационной единицей только понятие «архивный фонд» в узком смысле (фонд организации) и отсюда только за ним признавали способность быть классификационной единицей, либо, как это сделано в проекте «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран», при наличии трактовки понятия архивного фонда в широком смысле (родовое понятие), ввели видовые понятия «архивного фонда» — «фонд организации», «фонд личного происхождения», «объединенный архивный фонд». При этом указание на «классификационную единицу», сделанное к родовому понятию «архивный фонд», поглощает и его видовые понятия. Однако такой подход не распространен на понятие «архивная коллекция». А это означает, что при классифицировании документов ГАФ как совокупного комплекса архивные коллекции во внимание не принимаются и остаются за рамками ГАФ, а, следовательно, классификация получается неполной и неточной.

Отсюда следует, что понятие «архивной коллекции» для целей полноты и точности классификации ГАФ необходимо рассматривать в качест-

¹⁰ Классификация как метод исследования в архивоведении впервые рассмотрена в работах К. Г. Митяева: *Митяев К. Г. О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении.* — ТМГИАИ. М., 1962, т. 15; *Он же. К методологии классификации и экспертизы документов.* — Там же. М., 1967, т. 25.

ве видového понятия «архивный фонд», являющегося классификационной единицей.

Такое решение вопроса было бы конструктивным не только по отношению к комплексам с бумажным носителем, включая и научно-техническую документацию, но и к комплексам с другими носителями (кинопленке, фотопленке, магнитной ленте и т. п.).

Как видим, введение единой условной классификационной единицы для всех видов комплексов документов на различных носителях, хранящихся в составе ГАФ,— важная задача современного архивоведения, поскольку ее разрешение будет способствовать развитию системности учета документов и окажет положительное влияние на обеспечение их сохранности, улучшит целостность, уточнит количественные и качественные параметры ГАФ как реального комплекса и как теоретического понятия. Только при наличии единой классификационной единицы можно говорить о правильной и четкой организации документов ГАФ.

Архивоведческая теория классификации распространяет свое действие на основную проблематику всех архивоведческих дисциплин и их частных теорий. Она также используется в смежных дисциплинах, таких, как документоведение, когда речь идет о создании первичных комплексов документов — архивных дел и других единиц хранения, документальных фондов; учетно-справочного аппарата. Наибольшее воздействие теория классификации оказывает на такие частные теории, как теория учета архивных документов, теория экспертизы документов, системы научно-справочного аппарата, использования документов и др.

Наконец, в рамках общей теории архивоведения важное место занимает архивная терминология, отражающая состояние развития научной дисциплины и способствующая ее обогащению. Ждут своего решения многие вопросы развития частных теорий архивоведения.

Исследования в рамках частных и общей теорий архивоведения будут тем успешнее осуществляться, чем больше и глубже они будут увязаны и строиться с учетом практической деятельности государственных архивов.

К ПРОБЛЕМЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ГАФ СССР

Интенсификация деятельности государственных архивов предполагает не только экономичное расходование трудовых и материальных вложений, но и особое отношение к информационным ресурсам ГАФ СССР.

Информационные ресурсы ГАФ — это прежде всего весь объем ретроспективной информации, находящейся на государственном хранении. Научно-справочный аппарат (НСА) резко повышает использование этих ресурсов и с точки зрения современной архивной теории и практики является их неотъемлемой частью¹.

Важнейшее понятие анализируемой проблемы — эффективность использования документов. С теоретико-информационной точки зрения — это процесс и результат актуализации ретроспективной информации и удовлетворения информационной потребности потребителя (коллективного или индивидуального), имеющие целью включение информации в общественную практику. Сама же информационная потребность рассматривается как объективная необходимость получения сведений, способных ответить на вопросы, возникающие в деятельности людей: научные, производственные и др. В философской литературе эффективность любой общественной деятельности трактуется как соответствие (или близость) результата этой деятельности тем целям, ради которых она предпринималась². Эффективность использования информационных ресурсов ГАФ означает, в какой степени ретроспективная информация удовлетворяет потребности общества в информации.

Потери информации — один из самых острых вопросов научных дисциплин, имеющих объектом изучения документ. Снижение потерь прямо или косвенно оборачивается повышением эффективности использования информации.

Выделим два рода потерь информации. Первые — невозполнимые, безусловные, борьба с которыми прежде всего выражается в форме экспертизы ценности документов. Смысл задачи заключается в сохранении исторически важных документов, в том, чтобы не дать им погибнуть в общей массе уничтожаемых документов³.

Нетрудно видеть, что при решении проблемы повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ предупреждение подобных потерь выступает как предварительная задача. Собственный же предмет проблемы — борьба с явлением другого рода, не связанным с фи-

¹ Конечно, неописанные фонды, которые теперь встречаются в государственных архивах редко (а раньше имелись постоянно), также обладают информационным потенциалом и могут быть использованы в научных и практических целях, но не очень эффективно. Их информационный потенциал трудно реализовать.

² Подробнее об этом понятии в архивном деле см.: Автократов В. Н. Эффективность использования архивных документов: (Теорет. аспект). — СА, 1980, № 3; *Он же*. Вопросы анализа понятийного аппарата в области использования архивных документов. — Там же, № 6.

³ Уничтожаемые документы также содержат какую-то информацию, но она сознательно отбрасывается как малоценная, проигрывающая при сравнении с безусловно исторически ценной. Этот вопрос рассмотрен в ряде работ. См., в частности: Автократов В. Н., Елагинский А. В. Проблемы комплектования государственных архивов современными документами: (Источниковедческий аспект). — В кн.: Источниковедение отечественной истории, 1975: Сб. статей. М., 1976; и др.

зической утратой носителей информации, а выражающимся в том, что информация по каким-то причинам не доходит до потребителя. Такие возможные потери возникают вследствие ошибок фондирования и учета, когда документы попадают не «в свои» фонды, скрываясь в чужеродной среде, при описании документов. Они могут быть следствием ошибок адресования информации, когда потребителю сообщается информация, не отвечающая или не вполне отвечающая его запросам, и т. д.

Хотя само понятие информационных ресурсов ГАФ недавно вошло в оборот, но задача повышения эффективности использования документов ставилась и раньше — в работах 1930—1950-х годов, когда обстоятельно рассматривались вопросы определения фондовой принадлежности документов, их систематизации, описания, учета и т. д. (И. А. Голубцов, М. С. Вишневецкий, Л. И. Полянская, Н. А. Павлова, Н. А. Фомин, И. С. Назин, М. Н. Шобухов и др.), а также в работах, изданных позднее⁴. Ныне же, в свете установок XXVI съезда КПСС на интенсификацию всех сфер производственной деятельности, анализ причин потери информации и поиск путей их преодоления становятся особенно актуальными, требуя нового осмысления. В рамках короткой статьи охарактеризовать эту проблему в полном объеме невозможно. Ограничимся одним, но теоретически интересным и практически важным вопросом о надежности традиционного справочного аппарата и традиционного поиска⁵.

Историки отмечают, что в последнее время усилилось стирание грани между «добычей» и обработкой, анализом источниковой информации и что само научное исследование начинается с выявления источников по избранной теме⁶. Соединение в рамках традиционного архивного поиска «добычи» и «обработки» придает этому поиску черты творческого процесса⁷. В информатике при характеристике эффективности поиска применяется понятие «информационная избыточность», которая рассматривается в качестве синонима информационного шума. Чем больше потребители получают ненужных, избыточных для них документов, тем ниже эффективность использования информационных ресурсов. Однако избыточность, думается, характеризует не только бесполезность. В более широком смысле ее нужно рассматривать в свете понятия надежности поиска.

Проблема надежности как «выносливости» изделий уходит в глубь веков, но современное понятие надежности возникло в кибернетике, где оно трактуется как безотказное функционирование сложных технических систем и противопоставляется понятию «отказ» — полной или частичной утраты работоспособности таких систем вследствие ошибок проектирования или неправильной эксплуатации. Затем такое понятие надежности стали применять и в других областях науки. «Там, где есть информация (как процесс), всегда присутствует в той или иной мере и надежность», —

⁴ Митяев К. Г. О месте, границах и основаниях классификации в советском архивоведении. — ТМГИАИ, М., 1965, т. 15; Сырченко Л. Г. Некоторые проблемы классификации архивных документов и сведений о них. — Там же, М., 1975, т. 31, вып. 2; Орлова Н. А. Классификация документальных материалов в советских архивах: Учеб. пособие. М., 1976; Рудельсон К. И. Классификация документов и научно-справочный аппарат в государственных архивах. — В кн.: Архивное дело в СССР / ТВНИИДАД, М., 1980, т. 12; Карноухова О. Е. Учет документов Государственного архивного фонда СССР. М., 1964; Дифференцированный подход к описанию документов: Метод. реком. М., 1969—1974. Вып. 1—3; Елагьевский А. В. О некоторых вопросах описания документальных материалов государственных учреждений. — АЕ за 1968 год. М., 1970; Елагьевская В. В. Развитие обзорной информации по документам ГАФ СССР. — СА, 1979, № 3; и др.

⁵ «Традиционными» средствами и методами поиска считаются такие, которые не базируются на применении вычислительной техники.

⁶ Дорошенко В. В. Вспомогательные исторические дисциплины на новом этапе. — АЕ за 1969 год. М., 1971, с. 207; Источниковедение. — БСЭ. 3-е изд. М., 1972, т. 10, с. 582; и др.

⁷ Подробнее об этом см.: Автократов В. Н. Вопросы традиционного архивного поиска. — В кн.: Вопросы кибернетики: Современные документальные системы. М., 1979.

пишет В. Г. Пушкин⁸. Поэтому все процессы передачи и восприятия информации предполагают исследование их надежности. По сути дела, борьба за надежность — это борьба с возможными отказами, а следовательно, за интенсификацию использования информационных ресурсов. Причем самым эффективным средством является создание резерва надежности, или иначе — целесообразной избыточности, существующей в двух формах: структурной избыточности и функциональной. Между этими формами нет строгих границ. «Феномен избыточности... является выражением единства структуры и функции»⁹.

Архивный поиск, как отмечалось выше, также информационный процесс, подразумевающий получение документов, отвечающих определенной информационной потребности. Негативный результат поиска можно рассматривать как «отказ» архива полностью или частично удовлетворить данную потребность.

По отношению к описанию письменных источников понятие надежности применил Д. С. Лихачев. Он имел в виду древнейшие рукописи. Это придает его анализу специфические черты. Но вопрос приобретает всеобщее значение для проблемы эффективности использования информационных ресурсов. Из названных Д. С. Лихачевым четырех принципов надежности наиболее важны «расчлененность» и «формализованность». Описание и поиск тем надежнее, чем более расчленены, детализированы сообщаемые сведения, которые должны быть сведены в формулу, равную термину, исключающую всякие сомнения в том, что означает то или иное выражение. Надежность Д. С. Лихачев противопоставляет ошибкам описания, порождающим иллюзии; хуже того, они способны на многие десятилетия задержать исследование документов: ученый не заглядывает в неправильно описанную рукопись¹⁰.

Рассмотрим более широкую типологию отказов, имеющих место в традиционном архивном поиске. 1) Искомой информации вообще нет на хранении в архивах. Но исследователь этого не знает; его поиск бесперспективен и отказ неизбежен. 2) Искомая информация имеется, но не отражена НСА, поскольку была сочтена несущественной или обобщена до такой степени, что распознать ее нельзя. Практически она потеряна для потребителя, если он не обращается к сплошному просмотру дел в натуре — в тех фондах, где по предположению потребителя она могла бы находиться. Вероятность отказа, неудовлетворения информационной потребности велика. 3) Существующая информация представлена НСА в искаженном виде, что дезориентирует потребителя и также влечет отказы. 4) Необходимая информация существует и правильно отражена в архивных справочниках, но из-за ошибок профилирования архивов, фондирования, раздробления фондов и других подобных причин находится не там, где ей следовало бы быть. Потребитель не находит соответствующих архивных справочников. 5) Поиск вообще ведется «не там, где следует искать», вследствие незнания основ построения сети архивов, их внутренней структуры, схем классификации каталогов и т. п. 6) Искомая информация существует, находится там, где и должна находиться, правильно отражена в НСА, но тем не менее не воспринята потребителем. Не исключено, что она просто не замечена по рассеянности, но отказ может стать результатом заранее сложившегося стереотипа поискового мышления — несоответствия ожидаемой формы выражения информации тому поисковому образу, в котором информация фактически фигурирует в НСА. Потребитель не понял, что НСА отражает наличие искомой информации, и сам отказался от ее получения.

Если исключить случай, когда искомых документов нет на хранении, можно выделить две группы причин отказов: ненадежность поисковых

⁸ Пушкин В. Г. Проблема надежности: Философский очерк. М., 1971, с. 49.

⁹ Там же, с. 20.

¹⁰ Лихачев Д. С. Задачи составления методик описания славяно-русских рукописей. — АЕ за 1972 год. М., 1974, с. 237—238 и др.

средств и субъективные ошибки ищущего лица, которым может быть и сам архивист. Отказы, вызванные недостаточной подготовкой к архивному поиску, интересны для теории традиционного архивного поиска, но с точки зрения проблемы интенсификации использования важнее понимание отказов, вызванных ненадежностью НСА. Борьба с такой ненадежностью является крупной задачей архивоведения, частью проблемы повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ.

Пути повышения надежности НСА могут быть рассмотрены в двух аспектах: структурном и функциональном. Предпосылки структурной надежности возникают еще в сфере документообразования: подлинник документа откладывается в одном фонде, его копия (отпуск) — в другом. В поисковом аппарате благодаря этому возникает резерв надежности, позволяющий найти требуемый документ если не в одном фонде, то в другом. И хотя архивоведение борется с повторяемостью информации, в частности ориентируется на сокращение дублетов, это требование не абсолютизируется. Уже в постановке вопроса о резерве надежности ГАФ проявляется то, что в специальной литературе называется «парадоксом избыточности». С одной стороны, избыточность — необходимое условие надежности сложных систем, с другой — она их утяжеляет и в чем-то снижает эффективность. Поэтому, не отказываясь от дублирования информации, следует идти и по другой линии структурной избыточности, а именно: наращивать каналы поиска, развивать систему НСА, создавать условия для перекрестного поиска информации с помощью архивных справочников разных типов и видов. Вторая форма надежности НСА — функциональная избыточность, имеющая в виду повышение информативности самих поисковых средств: не только практикующееся создание указателей к спискам, но и переход от существующего в настоящее время крайнего сжатия информации в описательных статьях НСА к меньшей степени сжатия.

Требование предельной краткости описания было принято архивистами в 1930-х годах. Находясь в тяжелых условиях неупорядоченных архивов, когда громадное количество фондов не было описано, они отказались от разработанной к тому времени концепции трех видов описей (суммарных, инвентарных и «научных», или распространенных) и создали методику составления кратких инвентарных описей. Это было правильное в тех условиях решение. Ошибочным был характер критики прежнего критерия научности описания — его подробности, «распространенности», сочтенной пережитком идеалистических воззрений на науку.

Информационный смысл подробного описания заключается в увеличении слов-признаков, характеризующих состав и содержание документов, а кратко — в сокращении их числа, в замене их признаками-обобщениями, в охвате содержания лаконичной формулировкой. Но обобщение не только охватывает, но и скрывает часть информации. Особенно это сказывается на описании фондов с разнообразным содержанием, информационные ресурсы которых не раскрываются в необходимой степени, отчего снижается «фондоотдача», если можно применить данный термин экономической науки по отношению к архивному фонду.

В основе всякого информационного поиска заложено противоречие, охарактеризованное информатикой: чем более кратко формулируются поисковые образы документов, тем выше скорость поиска, но ниже его точность и полнота. Это относится и к архивному поиску. Лаконичные описательные статьи отражают только основное содержание документов, а то, что не признано таковым или скрыто обобщением, не попадает в поле нашего зрения. Как видим, противоречие между скоростью и надежностью поиска является альтернативным и требует принципиального решения: либо добиваться повышения полноты и точности поиска, что предполагает применение развернутых описательных характеристик, либо по-прежнему ориентироваться на краткое описание и «быстрый» поиск, связанный со значительными потерями информации.

Однако следует учитывать, что выигрыш времени при «быстром», но

ненадежном поиске — это всего лишь ускорение просмотра текста справочника. Исследователь же или архивный работник далеко не всегда удовлетворяется бедными результатами быстрого поиска и, стремясь обогатить их, продолжает искать, затрачивая много дополнительного времени. Иначе говоря, быстрый просмотр кратких описательных статей не ускоряет, а замедляет удовлетворение информационной потребности, оборачивается низкой (недостаточной) эффективностью «фондоотдачи». Поэтому, решая вопрос о том, на что ориентироваться — на быстроту или надежность традиционного НСА и поиска, есть основания отдать приоритет надежности, тем более что фактор времени, скажем для историка, в общем случае менее важен в архивных разысканиях, чем надежность результатов.

В этих рассуждениях важно учитывать сходное в основе предложение В. В. Цаплина. Целесообразно, пишет он, особенно в отношении дел, сформированных по номинальному признаку (приказов, протоколов, стенограмм), содержание которых вообще никак не раскрывается описями, а также в отношении переписки, отражающейся «слишком абстрактно», вслед за собственно заголовком называть их предметно-вопросные признаки («подзаголовки»). Это снизит поисковые потери¹¹. С ним можно согласиться, учитывая, что речь идет и об экономном отношении к трудовым и временным ресурсам архивистов, исследователей.

Разработка вопросов дифференцированного описания должна быть продолжена, чтобы полнее реализовать возможности, заложенные в идее дифференцированного подхода, и более эффективно использовать информационные ресурсы архивных фондов. Это предполагает отказ от краткости как критерия научности описательных работ (но не снимает краткости как черты стиля архивного описания). Следует преодолеть представление о допустимости только кратких описей, взглянув на вопрос иначе: в государственных архивах имеются элитные фонды особой ценности. Их описание требует не наибольшей, как считается теперь, а наименьшей степени сжатия информации. Это значит, что описательная статья здесь не прежний краткий заголовок, равный заголовку на обложке дела, а развернутое описание групп документов (и даже отдельных документов), составляющих данную единицу хранения. Что касается каталогизации документов элитных фондов, то и здесь путь повышения информативности лежит в снижении степени обобщения записей на каталожных карточках, в повышении уровня детализации, расчлененности сведений о содержании документов. На такие фонды, по-видимому, не должна распространяться общая установка избегать включения в каталог так называемых «случайных сведений» о событиях и фактах.

При создании соответствующих методик следует учитывать богатый опыт отделов рукописей музеев и библиотек, где развернутые описания и детальная каталогизация никогда не прекращались. Нужно заново осмыслить старые архивные описания, в частности работы, выполненные под наблюдением Д. Я. Самоквасова, относительно которого распространено ошибочное мнение, что он требовал и насаждал только краткие инвентарные описи. На самом деле Самоквасов допускал развернутые описательные статьи, вплоть до нескольких страниц типографского текста, когда того требовало разнообразие материала.

Нами сделана попытка очертить основные контуры проблемы повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ и рассмотреть один неразработанный, но актуальный вопрос о надежности архивного описания и поиска. У этого вопроса есть и другие важные стороны, связанные с развитием системы НСА. Сама же проблема многопланова и требует углубленного исследования. Общая идея заключается в том, что повышение эффективности использования находится в прямой зависимости от того, насколько мы умеем бороться с потерями информации на всех этапах работы с документами.

¹¹ Цаплин В. В. Научно-информационная деятельность ЦГАНХ СССР и вопросы совершенствования научно-справочного аппарата. — СА, 1980, № 2, с. 47.

Д. И. Раскин

СИСТЕМА НАУЧНО-СПРАВОЧНОГО АППАРАТА ЦГИА СССР

Система научно-справочного аппарата к документам ЦГИА СССР — итог работы многих поколений архивистов. Ее основу закладывали еще в дореволюционных ведомственных архивах, а завершали уже в последние десятилетия. Система НСА ЦГИА СССР — результат применения принципов системности к уже имеющимся справочникам, развития их взаимосвязанности и взаимодополняемости. Если учесть, что ЦГИА СССР хранит около 7 млн. дел в составе почти 1,5 тыс. фондов, то преемственность и постепенность развития становятся неизбежными свойствами системы НСА ЦГИА СССР, как и любого архива исторического профиля. В формировании рассматриваемой системы можно условно выделить следующие этапы.

1. Дореволюционный период. В высших и центральных государственных учреждениях при сдаче дел в архив на них составлялись так называемые «сдаточные описи». Для последних характерна систематизация дел по годам и внутри по структурным частям, т. е. сугубо инвентарный тип описания, имевший преимущественно практические цели. Ряд заголовков состоит лишь из указания на инициативный документ («по отношению г. министра народного просвещения»), некоторые и вовсе глухие («разные бумаги к сведению»). Многие заголовки неполны, зачастую содержат неприемлемые сегодня политические, этнические и другие термины. Сами описи включают много выбывших дел, нередко имеют неряшливый вид, громоздки, трудночитаемы. Тем не менее в ряде случаев они и сегодня могут успешно использоваться при архивном поиске. В числе несомненных достоинств этих описей — соответствие их структуры структуре учреждения-фондообразователя, сохранение в них наряду с архивной делопроизводственной нумерации. С конца 60-х годов XIX в. в ведомственных архивах готовились к изданию описи, имевшие уже и научное значение. Это, прежде всего, научные описания, составленные по принципам, выработанным Археографической комиссией для рукописных собраний¹. Такое описание включает пересказ содержания дела, часто с цитированием отдельных документов, снабжено указателями, в приложениях имеются факсимильные воспроизведения и публикации важнейших документов. Несмотря на излишнюю пространственность описания, пользоваться такими справочниками легко, так что они остаются и впредь частью системы НСА архива. В то же время появились издания и более кратких описей, приближавшиеся к нынешнему архивному типу². Пользование такими изданиями также весьма облегчено благодаря наличию указателей и другой дополнительной информации³.

¹ Описание документов и дел, хранящихся в Архиве Святейшего правительствующего Синода. СПб., 1868—1914, Т. 1—12, 14—23, 24—26, 31—32, 34, 39, 50. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования Петра Великого. СПб., 1903—1916. Т. 1—3; и др.

² Опись высочайшим указам и повелениям, хранящимся в сенатском архиве, 1704—1768. СПб., 1872—1878, т. 1—3 / Подгот. П. Баранов; Опись дел Архива Государственного совета. СПб., 1903—1914. Т. 1—16.

³ В «Описи дел Архива Государственного совета» по каждому делу приводится дата утверждения императором мнения Государственного совета, в «Описи высочайшим указам и повелениям...» — шифр соответствующего указа по ПСЗ.

Не меньшее справочное значение имеют и созданные в дореволюционных ведомственных архивах предметные картотеки (например, картотеки архивов Государственного совета, Комитета министров, Министерства императорского двора и др.), карточки из которых до сих пор служат в составе каталога или в виде обособленных картотек.

2. 1917—1945 гг. В это время складывается советская архивная наука. Многие теоретические и методические принципы создания и совершенствования НСА были сформулированы как обобщение опыта ЦГИА СССР⁴. Интенсивно (особенно в 1930-е годы) готовились описи на материалы, не имевшие удовлетворительного справочного аппарата. Так как эту задачу нужно было решить как можно быстрее и в больших масштабах, многие описи создавались путем механического переписывания заголовков с обложки дела. Такие описи, как правило, легко читаются. Нумерация в них валовая. Основной их недостаток в том, что неточности дореволюционных заголовков сохранены, но утрачены старые делопроизводственные номера, нарушена структурная систематизация.

В эти же годы создаются различные вспомогательные справочные картотеки, к некоторым описям — специальные указатели. В 1933 г. выходит путеводитель по архиву⁵, сыгравший в свое время важную роль. Начинают появляться новые фондовые обзоры, лучшие из которых не утратили своего информационного значения и по сей день⁶.

3. 1945—1959 гг. Немедленно после устранения последствий блокады развернулось интенсивное описание материалов архива. Оно велось путем научно-технической обработки (или переработки) фондов. Созданные описи отличаются, как правило, высоким научным уровнем. В ряде случаев при этом проведена пересистематизация материалов фонда, иногда по тематическому принципу, что привело к нарушению связи описания со структурой фондообразователя и со старым делопроизводственным справочным аппаратом. Этот недостаток восполняют составленные тогда же переводные таблицы.

В эти годы в связи с подготовкой к изданию сборников документов, научно-тематической обработкой фондов, исполнением запросов и другими работами создано немало пофондовых и тематических картотек. Продолжалась подготовка фондовых и тематических обзоров⁷.

Тогда же был издан путеводитель по архиву⁸, остающийся основным справочником о фондах архива и по сей день.

4. 1959—1970 гг. В связи с изменением структуры архива, появлением функциональных отделов, усилилась специализация и унификация всех работ по созданию и совершенствованию НСА. К концу 1960-х годов в основном закончилась научно-техническая обработка фондов в больших масштабах, в ЦГИА СССР почти не осталось неописанных материалов. С 1959 г. в архиве начал создаваться единый каталог. К 1970 г. был создан единый аннотированный реестр описей.

⁴ См., например: *Валк С. Н.* Архивные обзоры.— АД, 1923, вып. 1; *Полянская Л. И.* О разработке делопроизводственной россыпи.— АД, 1936, вып. 38.

⁵ Архивы СССР. Ленинградское отделение Центрального исторического архива. Л., 1933.

⁶ *Полянская Л. И.* Архивный фонд Главного управления по делам печати: Обзор.— В кн.: Литературное наследство. М., 1935, т. 22—24; *Кочаков Б. М.* Государственный совет и его архивные материалы.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист., 1941, вып. 8; и др.

⁷ Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде по истории обрабатывающей промышленности России в первой половине XIX в. М.; Л., 1957; *Меламедова В. М., Плюхина М. А.* Обзор документальных материалов ЦГИАЛ СССР о рабочем движении в революции 1905—1907 гг.— ИА, 1956, № 3; *Доржиев Н. Н., Плюхина М. А.* Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде о революционном движении рабочих, крестьян, солдат и матросов в 1917 г.— История СССР, 1957, № 5; и др.

⁸ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: Путеводитель / Под ред. С. Н. Валка и В. В. Бедина. Л., 1956.

В эти же годы велось интенсивное выявление и описание документов архива на хозяйственных началах, в результате чего появился новый тип архивного справочника — тематический перечень документов. Наряду с подготовкой различных обзоров⁹ начали создаваться внутриархивные методические пособия для выявления документов по наиболее часто поступающим тематическим запросам (по истории населенных пунктов, предприятий, памятникам архитектуры и др.).

Важнейшим итогом периода было, во-первых, осознание всей совокупности имеющихся и вновь создаваемых справочников как единой системы; во-вторых, складывание принципов дифференцированного подхода при создании различных типов архивных справочников применительно к разным документам. Значительную роль в этом сыграло методическое письмо Главархива СССР о системе НСА¹⁰.

5. Современный этап. Он характеризуется комплексным развитием как системы в целом, так и отдельных ее элементов на основе дифференцированного подхода¹¹ и перспективного планирования НСА ко всем фондам архива. Базу для такого планирования составил указатель научно-справочного аппарата к фондам. Методика создания важнейших видов НСА обобщена в специальных статьях¹². Появились и работы, посвященные системе в целом¹³. Так как основные типы архивных справочников уже сложились, на первый план вышли задачи их совершенствования, усиления взаимосвязей между ними, оптимизация системы в целом.

Таковы основные итоги длительной истории складывания системы НСА к материалам ЦГИА СССР. В настоящее время эта система дает возможность вести архивный поиск по различным направлениям и на разных уровнях.

Главным, наиболее надежным и строго научным путем поиска документов остается и, очевидно, еще долго останется поиск от архива к фонду, от фонда — к описи¹⁴, от описи — к делу.

Сейчас основой такого поиска служит путеводитель. Поиск информации по путеводителю не представляет затруднений благодаря системе указателей. В аннотациях на фонды наиболее полезны и наименее устарели краткие справки по истории фондообразователей. Эти справки придают характеристикам состава и содержания материалов фонда известную объективность. Путеводитель содержит аннотации на 556 фондов, в при-

⁹ Дейч Г. М., Меламедова В. М. Обзор фонда Земского отдела.— ИА, 1960, № 1; Пауна Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы конца XIX — начала XX в.— В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов. М., 1967; Материалы по истории связи в России, XVIII — начало XX в. Л., 1966; Материалы к истории русского театра в государственных архивах СССР. М., 1966; и др.

¹⁰ Методическое письмо о единой системе научно-справочного аппарата государственных архивов СССР. М., 1965.

¹¹ Решающую роль сыграли методические разработки ВНИИДАД: Дифференцированный подход к описанию документальных материалов. Вып. 1. Основы дифференцированного подхода при переработке и усовершенствовании описей; Вып. 2. Дифференцированный подход к описанию документальных материалов: (Методические рекомендации); М., 1972; Вып. 3. Основы дифференцированного подхода при подготовке справочников о фондах архива (архивов). М., 1969—1974.

¹² Мацкина Р. Ю. Организационные основы и пути усовершенствования описей в Центральном государственном историческом архиве СССР.— В кн.: Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970; Горфейн Г. М. Каталогизация документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР: (Основные этапы и направления).— Там же.

¹³ Павлова В. П., Раскин Д. И. Информационно-поисковая система ЦГИА СССР и перспективы ее усовершенствования.— СА, 1978, № 3; Раскин Д. И. Развитие информационно-поисковых систем в государственных исторических архивах (на примере ЦГИА СССР).— В кн.: Материалы Всесоюзной научной конференции «Архивы СССР периода развитого социалистического общества». М., 1979, ч. 2; Он же. Подготовка справочно-информационных изданий в ЦГИА СССР.— СА, 1981, № 5.

¹⁴ Здесь и далее слово «опись» употребляется не только в значении «справочник», но и в значении «структурно обособленная часть фонда».

ложении «Список фондов, хранящихся в ЦГИАЛ, не включенных в основную часть Путеводителя» — сведения о 519 фондах. За последние 25 лет более трех десятков фондов передано в другие архивы; в свою очередь в ЦГИА СССР поступило несколько десятков новых фондов. Кроме того, около трех сотен второстепенных фондов не нашли в свое время отражения в путеводителе.

Имеющиеся пробелы восполнит подготовленный в настоящее время к печати краткий справочник о фондах ЦГИА СССР. По своему характеру этот справочник не будет содержать аннотаций на фонды, но зато он дает уточненные сведения об их названиях, крайних датах и количестве входящих в них архивных дел с гораздо большей полнотой, чем путеводитель. В кратком справочнике даются также сведения обо всех бывших названиях учреждения-фондообразователя, о служебном положении лиц-фондообразователей, наличии у них имений и заводов с указанием местонахождения последних. Справочник снабжен предисловием, раскрывающим основные принципы фондообразования материалов ЦГИА СССР и наиболее рациональные пути их поиска. В приложениях дается сокращенная схема каталога ЦГИА СССР и список основной литературы об архиве. Краткий справочник о фондах ЦГИА СССР органически включается в систему НСА архива, дополняя и в ряде случаев уточняя информацию путеводителя.

Дополняют путеводитель и тематические и фондовые обзоры. Если последние позволяют уточнить состав и содержание фонда, то тематические обзоры указывают с большой полнотой круг фондов, включающих искомые материалы. И те и другие, как правило, дают лишь общую характеристику документов, иллюстрируя ее отдельными примерами, поэтому они являются не поисковыми справочниками, а информирующими. Но на уровне фонда они играют поисковую роль, дополняя и конкретизируя сведения путеводителя. Разумеется, «работают» в системе НСА прежде всего опубликованные обзоры. Как недостаток обзоров можно отметить неизбежно свойственный им элемент выборочности, иллюстративности. Диапазон использования тематических обзоров неизбежно ограничен вопросами, которыми они посвящены.

Следующий этап поиска документов — выявление описей, подлежащих просмотру. Для фондов ЦГИА СССР это довольно серьезная проблема. Достаточно сказать, что фонд Министерства юстиции состоит из 543 описей, фонд Первого департамента Сената — из 555, Медицинского департамента МВД — из 297 и т. д. Систематизация материалов фондов также весьма различна. В тех случаях, когда учреждения-фондообразователи обладали четко выраженной и относительно стабильной структурой, материалы фондов сгруппированы в описи по структурно-хронологическому или хронологически-структурному принципу (например, фонды Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов, Земского отдела МВД и др.), в фондах учреждений с нечеткой, трудно восстановимой или нестабильной структурой — по хронологическому принципу (например, фонд Канцелярии Синода). Систематизируются материалы и по административно-территориальному (например, фонд Главного выкупного учреждения) и номинальному признакам, но структурно-хронологический преобладает.

Таким образом, необходим справочник, позволяющий разобраться в этой массе описей. В ЦГИА СССР для этого существует аннотированный реестр описей. В реестр в порядке номеров фондов внесены сведения о каждой описи: номер фонда, номер описи, указание на структурную часть фондообразователя, материалы которой образуют опись, или вид документов (если опись выделена по номинальному признаку), или губернию (если фонд систематизирован по административно-территориальному признаку) и т. д., а также крайние даты и общее количество включенных в опись дел. В краткой аннотации указываются вопросы, которыми занималась данная структурная часть учреждения, для личных фондов — тип материалов (имущественные документы, переписка и т. п.); если

некоторые материалы данного учреждения или его структурной части имеются в другом фонде или описи, в аннотации дана соответствующая отсылка. Реестр описей — справочник развивающийся. В него периодически вносятся необходимые изменения и уточнения.

Основным архивным справочником была, есть и еще долго останется опись. В настоящее время описи имеются на все материалы ЦГИА СССР. Их общее количество достигает 8,5 тыс. Но часть из них не удовлетворяет современным требованиям. Это, прежде всего, сдаточные описи, включающие значительное число «глухих» заголовков, заголовков на выбывшие дела. Такие описи подлежат усовершенствованию: к фондам первых двух категорий — до 1985 г., третьей категории — в последующие пятилетия.

ЦГИА СССР отказался от громоздкой и трудоемкой переработки описей. Основным путем их улучшения стало редактирование заголовков в сочетании с составлением предисловий, оглавлений и указателей. Для экономии места и времени содержание типовых заголовков раскрывается в предисловии; заголовки, в общем удовлетворительные, только дополняются недостающими элементами. Во всех работах по полному (включающему редактирование заголовков, перепечатку описи и составление к ней вспомогательного справочного аппарата) или частичному (состоящему только в создании предисловий, оглавлений и указателей) усовершенствованию описей последовательно проводится дифференцированный подход. Усовершенствованная таким образом опись, как правило, перепечатывается.

Существенно ускоряют работу с описью указатели. Ими снабжены многие описи. Есть и указатели к целому фонду (например, к делам Совета министров) или даже к группе фондов (например, указатель музыкальных деятелей к фондам Министерства императорского двора). Главное назначение указателей — ускорить поиск документов, основанный на выявлении фондов, содержащих в силу специфических функций фондообразователя материалы по данной теме, и на выявлении внутри фонда структурных частей, где эти материалы сосредоточились. Поэтому никакое развитие каталога не может отменить необходимости создания указателей или умалить роль последних. Потребность в них определяется размером и внутренней структурой каждого фонда. Для небольших фондов указатели не нужны. Не нужны они и для фондов и описей, систематизированных по тому же принципу, по которому строился бы и указатель. Так, например, не нуждаются в указателе описи фонда Главного выкупного учреждения, систематизированные по губерниям, уездам и фамилиям помещиков. Различными обстоятельствами определяются и типы указателей, избираемых для различных описей. Например, именные указатели необходимы к описям фондов Главного управления по делам печати или Петербургского цензурного комитета, но вряд ли нужны к описям фонда Земского отдела МВД. В последнем случае необходим географический указатель, так как содержащиеся в этом фонде дела по конкретным вопросам деятельности местных крестьянских учреждений, поземельного устройства крестьян и т. п. используются, как правило, комплексами по регионам или губерниям.

Точно так же предметные указатели нужны прежде всего к описям фондов, включающих документы по большому числу вопросов, таким, как, например, фонды Департамента общих дел МВД или канцелярий министров.

В тех же случаях, когда основная масса составляющих данный фонд дел посвящена конкретным вопросам местного значения, но среди них разбросано небольшое количество дел общего характера, необходим специализированный предметный указатель ко всему фонду в целом. Такой указатель был создан, например, к делам фонда Совета министров. Специализированные указатели создаются и в случаях, когда дела по какому-либо вопросу, отличаясь от основной массы материалов фонда, представляют отдельный интерес. Таковы указатели имен участников сельскохозяйственных выставок, создаваемые к фонду Департамента земледелия,

или указатель корреспондентов отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия к описям фонда этого учреждения. Если именной и географический указатели объективны в том смысле, что имя (фамилия) или топоним выделяются из заголовка описи более или менее однозначно, то предметный указатель всегда таит в себе опасность известного субъективизма. Это его свойство вытекает из необходимости обобщения и унификации выделяемых понятий и методов.

Опыт ЦГИА СССР показал, что эта опасность заметно уменьшается в тех случаях, когда структура указателя как можно больше приближается к специфике материалов данного фонда. Поэтому большинство указателей в архиве не тематические, а предметно-тематические или предметные. Нецелесообразным представляется построение всех указателей по единой, общей с каталогом систематической схеме. Вряд ли удачно было бы и уточнять (при усовершенствовании описей) заголовки за счет вынесения недостающей информации в указатели. Каждая отсылка указателя к определенному шифру дела и соответственно к заголовку описей должна быть доступна проверке, иначе доверие к указателю теряется. Если выносить в рубрики указателя номера дел, заголовки которых в описи не дают оснований для такого вынесения, или формулировать эти рубрики на таком уровне обобщения, при котором утрачивается связь понятий указателя с фигурирующими в заголовках предметами, указателем просто не будут пользоваться. Ведь чаще всего тема исследования предполагает отбор материала более сложный, более длительный и более специфичный, чем это позволяет рубрикация указателя, а основанием для такого отбора (до просмотра самого дела) может служить лишь заголовок.

Одним из наиболее перспективных резервов повышения информативности существующих справочников является введение в действие старого делопроизводственного справочного аппарата. Главным образом, это алфавиты к настольным реестрам. В настоящее время в архиве учтено и используется более 5 тыс. алфавитов, на которые создан специальный реестр. Так, например, алфавиты и настольные реестры существенно облегчают поиск дел по описям фондов Министерства юстиции и Департамента народного просвещения Министерства народного просвещения, не имеющим указателей. Алфавиты заменили указатели и при усовершенствовании описи фонда Особенной канцелярии министра народного просвещения, содержащей цензурные материалы.

Во многих случаях алфавиты позволяют найти нужный документ с гораздо большей точностью, чем сама опись. Например, причастность того или иного лица к судебному делу, озаглавленному по имени другого лица, легче всего может быть установлена по алфавитам. Старый делопроизводственный справочный аппарат позволяет и восстановить структуру учреждения-фондообразователя там, где она утрачена, или при переработке фонда. Кроме того, при помощи настольных реестров и алфавитов к ним, а также журналов входящих и исходящих бумаг можно восстановить состав и содержание утерянных дел, определить степень сохранности и соответственно репрезентативности материалов фонда. Если алфавиты, как правило, введены в действие и широко используются, введение в действие остального делопроизводственного справочного аппарата, находящегося в составе фондов, — задача, которую предстоит решить в ходе усовершенствования НСА к этим фондам¹⁵.

И, наконец, в исключительных случаях архив прибегает к переработке описей.

Таким образом, отмеченный выше путь поиска архивных документов

¹⁵ Подробнее см.: Павлова В. П., Вайнштейн А. Л. Делопроизводственный справочный аппарат центральных учреждений России XIX — начала XX века. — СА, 1970, № 6.

(от путеводителя к реестру описей, от реестра описей — к описи, от описи — к делу) не только не теряет своего значения со временем, но и приобретает все более ведущую роль. Развитие системы НСА архива позволяет устранить некоторые свойственные этому пути недостатки. Главными из них были, во-первых, трудность определения круга фондов, содержащих материалы по данной теме, известный риск неполноты определения этого круга и, во-вторых, сравнительная медленность поиска. Первый недостаток постепенно устраняется за счет создания справочников типа «Краткого справочника о фондах ЦГИА СССР», справочников, раскрывающих историю, функции и структуру фондообразователей, а также за счет развития централизованной системы информации о фондах, входящих в состав ГАФ. Второй недостаток в большой мере смягчается за счет совершенствования реестра описей, создания различных указателей и другого вспомогательного справочного аппарата к ним. Достоинства же этого пути поиска остаются неизменными: гарантия полноты выявления, структурное соответствие схемы поиска и совокупности выявленного материала документальному комплексу, в пределах которого ведется поиск, историзм.

Наряду с «классическим» путем архивного поиска, который можно за неимением более подходящего термина условно назвать структурно-историческим, в ЦГИА СССР уже давно утвердился в правах другой, условно говоря, логико-тематический. В основе такого поиска лежит каталог. Каталог ЦГИА СССР — один из самых старых и самых крупных в стране. Создаваться он начал в 1959 г. Первоначально он включил предметные картотеки, оставшиеся еще от дореволюционных ведомственных архивов, а также пофондовые и тематические картотеки, образовавшиеся в разных подразделениях архива уже в советское время в процессе научно-технической обработки фондов, подготовки сборников документов и других работ (например, при подготовке сборников серий «Крестьянское движение в России», «Рабочее движение в России» и др.).

В дальнейшем каталог пополнялся и продолжает пополняться за счет так называемой тематической разработки фондов, т. е. планомерного расписывания материалов на каталожные карточки по описям, а в необходимых случаях — после непосредственного просмотра дел. При этом в зависимости от характера документов применяется как поединичное, так и суммарное, групповое, а также подокументное описание. К последнему прибегают при описании нарядов (например, всеподданнейших докладов), особо ценных документов.

Успешность поиска архивных материалов по каталогу зависит от трех факторов: от полноты каталога, от его структуры и от характера самой темы поиска, от степени ее соответствия понятиям, составляющим классификационную схему, положенную в основу каталога.

С точки зрения полноты каталог следует причислить к справочникам выборочным, рекомендательным. Этот принцип был положен в основу каталога ЦГИА СССР с начала его создания. Дела и документы, не представляющие, с точки зрения каталогизаторов, научной ценности, в нем не отражаются. Такой подход позволяет избежать чрезмерного разбухания каталога, но, с другой стороны, он неизбежно предполагает известный субъективизм. В настоящее время в каталоге ЦГИА СССР отражено более двух третей фондов архива, подлежащих каталогизации, но с разной степенью полноты. Наиболее полно отражены в каталоге фонды, представленные ведомственными предметными картотеками и картотеками, образованными в процессе научно-технической обработки фондов, а также фонды, прошедшие тематическую разработку. Фонды, представленные в каталоге карточками, созданными в результате других работ, отражены лишь частично. Учет отраженности фондов в каталоге обеспечивает специальная картотека. Таким образом, для некоторых фондов сведения каталога играют роль сигнала, указывающего на наличие в них материалов по данной теме. Каталог, помимо своего прямого назначе-

ния — поиска документов, исходя непосредственно из темы исследования, служит определению круга фондов, содержащих материалы по данной теме, т. е. дополняет информацию путеводителя.

Структура каталога ЦГИА СССР определяется специальной схемой. Эта схема создавалась и уточнялась по мере наполнения основных разделов (1-й вариант в 1970 г., 2-й, дополненный и исправленный, — в 1977 г.). Схема состоит из 22 разделов (21 тематический и именная часть). В качестве самостоятельных структурных подразделений в каталог входят и специальные предметные и именные картотеки, поступившие в свое время из ведомственных архивов. Такие картотеки, например картотека Министерства императорского двора, отличаются большой полнотой, облегчают поиск и позволяют избежать перегрузки основных подразделений каталога. Поэтому их влияние в другие подразделы и рубрики каталога представляется нецелесообразным. Схему каталога ЦГИА СССР можно считать предметно-тематической. В ее основу положены исторические взаимосвязи предметов и явлений, каждый раз с учетом конкретного характера документов, отражающих эти явления.

В основу систематизации разных разделов схемы положены различные классификационные основания. Например, в разделе «Промышленность» материалы систематизированы по отраслям, регионам и отдельным предприятиям, в разделе «Торговля» внешняя торговля — в основном по странам (по товарам лишь в тех случаях, когда национальная принадлежность товаров не указана), внутренняя — по товарам; наряду с этим имеются подразделы «Торговля отдельными товарами (общие материалы)» и «Торговля в отдельных районах и губерниях (названия товаров не указаны)»; раздел «Аграрный вопрос и аграрные отношения» включает подразделы, соответствующие различным категориям крестьян до отмены крепостного права, и подразделы, включающие материалы по истории крестьянской реформы, крестьянского самоуправления и местных органов административно-судебной «опеки» над крестьянами, столыпинской реформы, переселений и т. д. Все разделы построены по принципу: от общего к частному. Степень детализации каждого раздела различна и зависит от наполнения материалом.

Схема имеет большое число отсылок, как от разделов, так и от отдельных рубрик. Без учета системы отсылок эффективный поиск информации по каталогу невозможен. Во многих случаях они позволяют избежать многократного дублирования карточек. Но, с другой стороны, такая система предполагает в ходе поиска обращение к довольно значительному числу разделов, подразделов и рубрик.

Так как карточки каталога ЦГИА СССР не имеют индексов, включение новых карточек в каталог — довольно сложная и ответственная работа. Схема продолжает уточняться по мере роста каталога.

Практика показывает, что наиболее эффективен в каталоге поиск материалов по различным конкретным вопросам и регионам. В то же время ряд тем более общего характера отражен в таком количестве разделов и рубрик, что просмотр каталога становится не менее трудоемким, чем просмотр описей, при гораздо меньшей полноте выявления. Это фактор усугубляется по мере количественного роста каталога, как бы ни совершенствовалась его структура, так как с детализацией последней возрастает и число отсылок. Каталог чаще всего используется в тех случаях, когда не требуется особенно большой полноты выявления: при разведочных, поисковых темах, при обращении к архивным материалам в учебных и научно-популярных целях, а также при подготовке выставок документов. Здесь на первый план выдвигается основное достоинство каталога — быстрота поиска и отсутствие необходимости предварительной подготовки в области теории архивной эвристики, истории государственных учреждений и т. д.

В качестве основного справочника каталог успешно служит определенному контингенту исследователей. Для других же он бывает полезен,

главным образом или на самом раннем этапе исследования, или на завершающем, когда необходимо дополнить сведения путеводителя о круге фондов, которые содержат материалы по данной теме и описи которых подлежат просмотру. В последнем случае каталог позволяет выявить документы, находящиеся в составе фондов, не профильных для данной темы.

В среднем около 80% всех дел, используемых исследователями, выявляется при помощи описей и около 10% — при помощи каталога (4% дел выявлено по тематическим перечням, оставшиеся 6% — по обзорам, ссылкам в литературе, выявлены ранее и т. п.)¹⁶. Приведенные данные отражают, с нашей точки зрения, реальную роль этих двух видов справочников.

Специфическим видом справочников, получившим распространение в ЦГИА СССР, являются тематические перечни документов. Они создаются на хозрасчетных началах по заказам заинтересованных организаций и учреждений. После высылки перечня заказчику один экземпляр остается в архиве и используется в качестве справочника. Тематика перечней ограничена спросом на хозрасчетные работы. Среди тем перечней преобладает история союзных и автономных республик и история памятников культуры различных городов, областей и регионов, а также темы, имеющие народнохозяйственное значение (гидрология рек, лесное хозяйство и т. п.).

В ЦГИА СССР имеется свыше 150 таких перечней. Они содержат аннотированные описания материалов по той или иной теме (как поединичные, так и подокументные, групповые и суммарные), архивные шифры и даты дел и документов. Систематизированы перечни, в зависимости от характера темы, по предметному, административно-территориальному, хронологическому и другим принципам. Так как перечни создаются на основе выявления дел по описям и обязательного просмотра документов в натуре, они гарантируют полноту выявления по данной теме в пределах списка использованных фондов, прилагаемого к перечню.

Итак, в ЦГИА СССР существует единая система научно-справочного аппарата, обеспечивающая различные пути поиска архивных документов и включающая различные подсистемы. Основная подсистема: путеводитель — реестр описей — опись — обеспечивает поиск по структурно-историческому принципу. Вторая подсистема: схема каталога — каталог — обеспечивает поиск по логико-тематическому принципу. Такого же типа поиск возможен и в дополнительной подсистеме: тематические перечни. Наибольшая эффективность архивного поиска достигается при взаимодействии различных подсистем на разных этапах исследования. Это взаимодействие обеспечивают вспомогательные справочники: картотека учета отраженности фондов в каталоге, списки фондов, использованных в тематических перечнях. Благодаря им возможно дополнять поиск по каталогу поиском по описям (тех фондов, которые не отражены полностью в каталоге), поиск по тематическому перечню — поиском по каталогу (для фондов, не использованных при составлении перечня) и т. д.

Дальнейшее развитие системы предусматривает усиление взаимодействия составляющих ее подсистем и развитие отдельных ее элементов. Так, в частности, в ближайшие годы предстоит восполнить недостатки, свойственные путеводителю по архиву, за счет краткого справочника о фондах архива и справочников по истории фондообразователей. Учитывая разное значение, разный объем и масштаб отдельных элементов системы, по-разному решается и вопрос об их тиражировании. Прежде всего тиражированию подлежат справочники о фондах архива и по истории фондообразователей, а также обзоры по наиболее важным темам. Все эти справочники дают информацию в масштабе архива и на уровне фонда. Заслуживают опубликования и методические пособия для исследователей. Что касается публикации справочников, дающих сведения на

¹⁶ Подробнее см.: *Варезова С. И., Раскин Д. И.* Роль справочников в использовании документов ЦГИА СССР через читальный зал. — СА, 1981, № 6.

уровне дела или документа, то в условиях ЦГИА СССР, где даже среди самых широко используемых и ценных фондов имеется слишком большое число описей, издание описей вряд ли может широко применяться. Более перспективно издание каталогов (указателей) документов по наиболее важным темам¹⁷.

В случаях, когда объем широко используемых материалов по актуальной теме велик (порядка нескольких десятков тысяч дел), целесообразно создание автоматизированной информационно-поисковой системы с применением ЭВМ. Такая система, предусматривающая и автоматизированную подготовку каталогов, создается на документы ЦГИА СССР, ЦГАДА, ЦГАВМФ СССР, ЦГВИА СССР, ЦГАНХ СССР, ЦГИА г. Москвы и ЛГИА по истории памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов.

И издаваемые, тиражируемые справочники, и справочники, не подлежащие размножению, образуют единую систему НСА архива. Каждый из них создается и развивается с учетом задач и возможностей всей системы в целом. Эффективность работы системы зависит как от ее собственных свойств, так и от наличия у потребителей необходимой информации о системе. Недостаток подобной информации уже неоднократно ощущался. Настоящая статья представляет попытку в какой-то мере способствовать его устранению.

¹⁷ См., например: Материалы по истории делабристов в фондах ЦГИА СССР / Сост. В. П. Павлова, А. Л. Вайнштейн. М., 1981.

Э. И. Ханпира

АРХИВОВЕДЧЕСКОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ: ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ

Во втором издании учебника «Теория и практика архивного дела в СССР» сказано: «Архивоведческое терминоведение — формирующаяся в рамках архивоведения научная дисциплина, изучающая архивную терминологию (т. е. систему терминов, принятую в архивном деле и архивоведении) с целью ее кодификации (описания) и нормализации (т. е. установления и соблюдения терминологической нормы). Один из способов кодификации и нормализации — создание терминологических словарей. Совершенствование архивной терминологии способствует развитию концептуального (понятийного) аппарата архивоведения, помогает точнее стражать практику и эффективнее влиять на нее»¹.

Здесь сжато охарактеризован предмет архивоведческого терминоведения, определены задачи и координаты этой научной дисциплины.

Цель статьи — дать развернутое пояснение предмета архивоведческого терминоведения и обоснование его статуса научной дисциплины, полнее обрисовать его роль в совершенствовании понятийного аппарата архивоведения.

Термином называем языковой знак (слово) или устойчивое сочетание языковых знаков (слов), которым приписано научное понятие либо понятие специальной отрасли деятельности. Следовательно, термин — двусторонняя единица, состоящая из материальной (знаковой, формальной) стороны и идеальной (понятийной, содержательной). Термин называет (обозначает) класс каких-либо предметов² и выражает понятие об этом классе.

Тот пласт лексики и фразеологии языка, в котором выражаются, закрепляются и хранятся системы научных или специальных понятий, называется научной или специальной терминологией. Научная терминология какого-либо языка в своей целостности не системна, но порознь составляющие ее терминологии всех научных дисциплин. Это свойство научных терминологий — отражение системности понятийного аппарата научных дисциплин³.

Научные терминологии существуют с тех пор, как появились науки. Однако даже XIX век не знал такого обилия терминологий и самих терминов, как эпоха НТР. Можно говорить о терминологическом взрыве в языке и в научной речи. В ответ на это в XX в. появилась лингвистическая дисциплина — терминоведение⁴, изучающее природу термина и терминосистемы, проблемы их возникновения, становления и развития, их кодификации и нормализации.

Но терминоведение как лингвистическая дисциплина не может вникать во все проблемы и детали бытования всех существующих и появляющихся

¹ Теория и практика архивного дела в СССР: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980, с. 10.

² Под предметом понимаем «любые объекты мысли» (Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967, с. 18—19).

³ Ицкович В. А. О словаре новой лингвистической терминологии. — В кн.: Лингвистическая терминология и прикладная топонимика. М., 1964, с. 33; Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 9; Даниленко В. П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М., 1977, с. 57, см. также с. 52; Алаев Э. Б. Экономико-географическая терминология. М., 1977, с. 30.

⁴ Эту дисциплину иногда называют терминологией, но лучше ее называть терминоведением. Это избавит терминологию от семантической перегрузки: ведь этим термином обозначают еще и терминосистему.

ся терминологий. Поэтому стихийно возникли и возникают конкретные, частные терминоведения, а терминоведение стало общим терминоведением.

Конкретные терминоведения имеют своим объектом терминологии определенных научных дисциплин, а своим предметом их кодификацию, нормализацию, историю и теорию. Разумеется, работа здесь идет тем успешнее, чем лучше в ней сочетаются специальные познания с терминоведческими.

Сказанное позволит яснее представить себе положение, сложившееся в архивоведении.

Обилие терминов, появление в большом числе так называемых привлеченных терминов (в результате заимствования знания, создания новых методов или способов документообразования, новых методов хранения, классифицирования и передачи документной информации и др.), движение понятий или порождение новых и приписывание их уже существующим терминам, наконец, задачи оптимизации научного общения, как национального, так и интернационального, — все это послужило причиной возникновения де-факто архивоведческого терминоведения в качестве нового раздела, отрасли (или, что то же самое, — научной дисциплины) в рамках архивоведения⁵.

История каждого конкретного терминоведения начинается там и тогда, где и когда начинается «перепись» терминов, осуществляется попытка кодифицировать терминосистему, возникает целенаправленное вмешательство в ее стихийное развитие с целью совершенствования. И пусть данное конкретное терминоведение еще не осознало себя как самостоятельную научную дисциплину, пусть оно еще не на уровне современного общего терминоведения, но оно уже есть. Оно уже обладает не только своим объектом, но и своим предметом.

Объект архивоведческого терминоведения — архивная терминология, т. е. система терминов архивоведения и архивного дела (этот же объект может привлекать к себе внимание различных научных дисциплин, например логики, информатики и др.).

Архивоведческое терминоведение сформировало при объективировании знания об архивной терминологии свой собственный предмет, который с ним не делают никакие другие научные дисциплины, включая и входящие в структуру современного архивоведения. Как говорилось, архивоведческое терминоведение изучает архивную терминологию с целью ее кодификации и нормализации. Кодификация — это описание терминологического узуса. Нормализация — активное вмешательство в терминологический процесс, сознательное, целенаправленное воздействие на него⁶ с целью установления и соблюдения терминологической нормы, совершенствования терминологии. Если к этому добавить, что в предмет архивоведческого терминоведения входят также исследование истории архивной терминологии (т. е. представление ее не только в синхронии, но и в диахронии) и создание ее теории, то положение об автономности такого предмета бесспорно.

Советское архивоведческое терминоведение на его нынешнем этапе применяет идеи, методы и понятийный аппарат современного общего терминоведения к исследованию архивной терминологии. Плодотворность этого применения, позволяющего избежать игнорирования языковой стороны терминов и неточности в их дефинировании, не замедлила сказаться. Например, понимание текстового документа, прежде суженное до понятия письменного документа, теперь приведено в соответствие, во-первых, с пониманием текста в современном языкознании (как не только письменного, но и устного, звучащего), во-вторых, с существующими спо-

⁵ Архивоведческое терминоведение существует уже не первое десятилетие. Достаточно вспомнить хотя бы словари архивной терминологии, изданные в разных странах.

⁶ *Ицкович В. А.* Норма и ее кодификация. — В кн.: *Актуальные проблемы культуры речи.* М., 1970, с. 14.

собами закрепления речевой информации (не только посредством того или иного типа письма, но и той или иной системы звукозаписи).

Четко выявлены два значения у термина *текст документа*:

«1) речевое произведение, зафиксированное любым типом письма или любой системой звукозаписи и заключающее в себе всю или основную часть речевой информации документа;

2) физико-химическая основа письменных знаков на каком-либо носителе»⁷.

Из языкознания взята идея двусторонней сущности (в нем так понимается слово) и применена к пониманию документа. Это позволило последовательно, логически непротиворечиво построить всю подсистему терминов, имскоющих своим центром термин «документ»⁸.

Применение языковедческих знаний дало возможность критически подойти к одному из терминов экспертизы ценности документов (*языковые особенности документа*) и выделить, с обоснованием и подробным пояснением, семь критериев языковой ценности документов и дать определение понятия «языковая ценность документа»⁹.

Использование терминоведческих знаний помогло во время подготовки «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран» избежать нескольких типов неточностей, выявленных при анализе дефиниций «Краткого словаря архивной терминологии» (М., Л., 1968) и «Краткого словаря видов и разновидностей документов» (М., 1974). Эти неточности относятся не к тому, что хотели сказать авторы, не к их пониманию понятий, заключенных в терминах, а к тому, как они это свое понимание (точное или неточное — нас это сейчас не занимает) формулируют.

1. В «Кратком словаре архивной терминологии» читаем: «*Именной каталог* — разновидность предметного каталога, содержащего сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами». «*Авторский каталог* — разновидность именного каталога, содержащего сведения об авторах документов».

По грамматическому смыслу этих дефиниций выходит, что предметный каталог содержит сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами, а именной каталог — сведения об авторах документов; при этом именной и авторский каталоги — разновидности соответственно такого предметного и такого именного каталогов. Но ведь не это хотят сказать авторы словаря. Они хотят сказать, что именной каталог — это такой предметный каталог, который в отличие от других его разновидностей содержит только сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами. Они разумеют под авторским каталогом такой именной каталог, который в отличие от других его разновидностей содержит только сведения об авторах документов. Стало быть, на самом деле в причастных оборотах обеих дефиниций названы признаки разновидностей, а не видов, как это вышло у авторов.

Ту же неточность встречаем и в некоторых других словарных статьях, например: «*Исполнительский каталог* — разновидность именного каталога к фонодокументам, содержащего сведения о лицах — исполнителях художественных произведений», «*Географический указатель* — разновидность предметного указателя, содержащего географические и топографические наименования». Аналогично построены дефиниции, например, *именного указателя, географического каталога* в том же словаре.

⁷ Ханпира Э. И. Термин «текст документа» как терминографическая проблема. — В кн.: Вопросы теории и методологии архивоведения: Краткие тезисы докладов и сообщений к теоретическому семинару ВНИИДАД (ноябрь, 1976). М., 1976, с. 82—83.

⁸ См. об этом: Ханпира Э. И. Некоторые вопросы терминоведения в связи с подготовкой «Словаря современной архивной терминологии социалистических стран». — Т/ВНИИДАД. М., 1981. Т. 11.

⁹ Ханпира Э. И. О критериях языковой ценности документов. — В кн.: Методологические вопросы документоведения, архивоведения, археографии: Сб. докладов методологического семинара ВНИИДАД. М., 1978, вып. 2.

Это все не опечатки, а сознательный выбор двух возможных вариантов отнесения причастных оборотов к существительным дефиниций. И этот выбор, грамматически верный, ошибочен по смыслу, выражает не то, что имел в виду автор. Грамматически причастный оборот может здесь относиться как к слову *разновидность*, так и к слову *каталог*. Выбор зависит от того, что хотят сообщить. Поскольку надо охарактеризовать разновидность, т. е. выделить тот признак, который делает данную разновидность тем, что она есть, признак, который отличает ее от других разновидностей, который обеспечивает ей статус разновидности, постольку причастный оборот, называющий этот признак, следует отнести к слову *разновидность*, а само причастие согласовать с этим словом, т. е. *разновидность..., собирающая*.

Только при этом условии термин будет выражать то понятие, содержание которого в словарной статье раскрывается. В противном случае этот заглавный термин, т. е. термин, который в словаре определяется, не на своем месте.

Как удалось выяснить, авторов дефиниций, подобных рассмотренным, смущало слово *разновидность*: разновидность не может что-то содержать. Академический «Словарь современного русского литературного языка» (М.: Л., 1961, т. 12) фиксирует два значения этого слова: «1. Видоизменение, частный вид какой-либо общей категории, какого-либо типа, явления» и «2. В биологии — группа особей внутри вида, обладающих рядом однородных признаков, которые отличают их от других особей того же вида; отдельный представитель такой группы» (стб. 421). Первое значение (в котором как раз и употребляется это слово в наших дефинициях) словарь иллюстрирует цитатой из М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Обреталась как бы особенная разновидность человека, сохранившая от человека только название, а во всем прочем, начиная от одежды до склада ума и чувства, нисколько на него не похожая». Как видим, «обреталась» разновидность, «сохранившая» и «не похожая». Может ли «частный вид какой-либо общей категории», какого-либо типа, явления что-либо содержать? Конечно, может. И содержать, и сохранять, и походить. К тому же можно дефинировать вообще без слова *разновидность* (если, конечно, нет необходимости особо подчеркнуть статус разновидности). Например: «Именной каталог — предметный каталог, содержащий сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами». В этой дефиниции назван ближайший для *именного каталога* род — *предметный каталог* и указано видовое отличие *именного каталога* — «сведения о лицах, упоминаемых в документах или являющихся их авторами». Это логически правильное определение через ближайший род и видовое отличие.

2. Второй тип неточностей — терминологическая нестрогость, неточное употребление термина. Примеры: «*Архивный фонд* (фонд) — 1. Классификационное понятие, употребляемое в качестве обобщающего наименования...», «*Вид документа* — классификационное понятие, употребляемое для обозначения группы документов одного наименования...», «*Дело* — 1. Классификационное понятие, употребляемое для обозначения совокупности документов (или одного документа)...» («Краткий словарь архивной терминологии»).

Понятие — форма мышления, «одна из форм отражения мира в мышлении...», понятия «фиксируются в тех или иных языковых формах и составляют смысл соответствующих выражений языка»¹⁰. Понятие ничего обозначить, наименовать не может, поэтому оно — не обозначение. В противном случае люди объяснялись бы на одном языке и не было бы таких явлений, как многозначность слов (полисемия), когда один звуковой (и графический) комплекс выражает два и больше понятий, и абсолютная синонимия, когда разные звуковые (и графические) комплексы выражают одно и то же понятие.

Что же касается приведенной дефиниции *вида документа*, то по ней

¹⁰ Философский словарь. М., 1972, с. 321.

получается, что название есть признак вида¹¹. Но стоит только такую дефиницию применить к видам растительного и животного мира, как сразу же станет ясна ее ущербность: дуб и сосна — разные виды не потому, что они по-разному называются, их разные названия — результат их бросающихся в глаза отличий, отмеченных человеком. Виды растений и животных существовали до человека. Виды документов создает человек. Но сперва создает, а потом уже называет. Поэтому считать признаком вида документа его название неверно, это все равно что виды небесных тел определять через их названия: *звезда, планета, комета, астероид*.

3. Третий тип неточностей характеризуется привнесением в дефиницию постороннего признака.

Задача словарной статьи толкового терминологического словаря — дать дефиницию понятия, заключенного в заглавном термине. Именно дефиницию самого понятия, а не указание на его место в той или иной классификации понятий, т. е. не какое оно, данное понятие — конкретное, абстрактное, собирательное, общее, классификационное, а каково его содержание. Этим ведь и предопределяется входжение понятия в определенный класс. Поэтому нельзя включать в дефиницию указание класса понятия. Однако именно это мы видим в приведенных дефинициях *архивного фонда, вида документа, дела* и некоторых других, начинающихся со слов «классификационное понятие».

4. Четвертый тип неточностей характеризуется проникновением в дефиницию указания на разряд, к которому принадлежит знаковая сторона термина. Например: «*Архивные учреждения — обобщающее наименование архивных органов и государственных архивов*», «*Технические документы — обобщающее название документов, отражающих...*» («Краткий словарь архивной терминологии»), «*Акт — 1) обобщающее наименование документов, имеющих правовое значение...*», «*Грамота — 1) обобщающее название различных по содержанию и юридическому значению документов...*» («Краткий словарь видов и разновидностей документов»).

Название — не понятие, а языковое, словесное выражение его. Здесь тоже налицо смешение понятия и обозначения. Дефиниция же должна раскрывать содержание понятия, а не пояснять знаковую сторону термина.

Языковым знаком, служащим материальной стороной термина, как правило, выступает существительное. Есть несколько разрядов существительных: абстрактные (отвлеченные), конкретные, вещественные, собирательные, собственные, нарицательные, личные, одушевленные, неодушевленные. Дефиниция не должна квалифицировать принадлежность словесных знаков к тому или иному их разряду. Даже словари общего языка, т. е. нетерминологические, не включают в толкование ссылки на разряд. Например, слова *документация, мебель* так определяются в четырехтомном «Словаре русского языка»: «*Документация — и. ж. 1. Обоснование чего-либо при помощи документов. 2. собир. Документы...*» (М., 1957, т. 1, с. 570). «*Мебель — и. ж., собир. Предметы комнатной обстановки...*» (М., 1958, т. 2, с. 328).

Как видим, ссылка на разряд стоит сразу вслед за грамматическими

¹¹ Это же включение названия (номинала) в число признаков понятия встречаем, например, и в работе А. Н. Соковой «Современные системы документации в аспекте документоведения»: «...видом мы предлагаем считать объективно существующую (существующую? — Э. Х.) группу документов, характеризующихся единством функции в социальной среде (информационное единство), единством номинала и единством времени, в котором она существует» (Вопросы кибернетики. Современные документные системы. М., 1979, с. 14). Такое понимание названия предмета как части его природы восходит к древности. «В мифологическом мышлении имя принадлежало вещи. Античная наука разорвала эту связь, поместила между именем и вещью мысль» (Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке. — В кн.: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936, с. 23). Если бы название было частью сущности предметов, все люди говорили бы на одном языке, лишенном омонимов, полисемов и синонимов. «Название какой-либо вещи не имеет ничего общего с ее природой», — отмечал К. Маркс (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 110).

пометами перед толкованием, которое устанавливает значение слов. Последним предопределяется прикрепленность данного языкового знака к конкретному разряду, поэтому нельзя указание на эту прикрепленность вводить в толкование.

Принадлежность языкового знака к какому-либо разряду и способствует выбору данного знака для приписывания ему того или иного научного либо специального понятия определенного класса. Возникает термин, и его дефиниция должна сама раскрыть содержание заключенного в нем понятия, а не передоверять это указанию на разряд языкового знака, включая данное указание в свой состав. Дефиниция термина — дефиниция не языкового знака, а выражаемого этим знаком понятия.

Термины не только выражают и аккумулируют знания, служат орудием их приумножения. Они могут и мешать теоретической мысли. «Пуанкаре, физик, писал, что теплота как явление была долгое время не понята из-за того, что называли его *существительным* и поэтому думали, что это *вещь*»¹². Филолог В. Г. Адмони, оспаривая целесообразность весьма распространенного ныне термина *мегамир* (как третьего члена в цепочке *микромир — макромир — мегамир*) и предполагая такую триаду: *микромир — мезомир — макромир*, замечает: «Хотя термины — вещь условная, но они все же незаметно могут оказывать некое подсудное влияние на трактовку того предмета, который они обозначают, — притом на трактовку не только в сознании профанов, но даже в сознании специалиста»¹³.

Использование терминоведческого подхода помогает выявлять так называемые ложно ориентирующие термины и причины, порождающие их. Такие термины существуют и в архивной терминологии.

Сделаем несколько необходимых пояснений.

Термины всякой терминологии бывают мотивированными и немотивированными. Мотивированные термины — это те, которые имеют внутреннюю форму, а немотивированные — те, которые ее не имеют. Внутренняя форма — это значение самой знаковой стороны термина. Почти все термины имели при возникновении внутреннюю форму, но их значение никогда не сводилось к ней. Со временем внутренняя форма зачастую утрачивается, забывается, а термины из мотивированных превращаются в немотивированные (например, *архив, копия*). Имеют внутреннюю форму термины, знаковые стороны которых являются производными словами и обладают явно выраженной словообразовательной структурой (например: *архивист, фондообразователь*) или представляют собой устойчивые словосочетания с прозрачной семантико-синтаксической структурой (например, *архивный фонд, архивная опись* и т. д.), либо используются не в их прямом значении (например, авиационные термины: *хвост, крылья*)¹⁴.

Немотивированные термины называют еще неориентирующими¹⁵. Мотивированные термины разделяют на верно (правильно) ориентирующие, недостаточно ориентирующие и ложно ориентирующие. Строго говоря, речь идет о верно ориентирующей, недостаточно или ложно ориентирующей функции внутренней формы терминов, т. е. о том, с какой точностью внутренняя форма наводит на понятие, действительно заключенное в данном термине, и наводит ли вообще или даже уводит. Например, термины *гербоведение, филиграневедение* — мотивированные, а их внутренние формы верно ориентирующие, значит, это верно ориентирующие термины.

¹² Винокуров Е. Мысли о поэзии. — В кн.: День поэзии. М., 1971, с. 216.

¹³ Адмони В. Г. Мегамир? — В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1978, с. 137.

¹⁴ Внутренней формой «всякого слова с переносным значением будет предшествующее ему прямое значение» (Пугач С. А. Оживление внутренней формы слова. — Русская речь, 1978, № 2, с. 52).

¹⁵ Неориентирующие термины инфоформативны. «Наименование информативно, поскольку оно отражает один из признаков обозначаемого предмета и сообщает о нем» (Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций. — В кн.: Языковая номинация. М., 1977, с. 238).

Термин *информатика* — мотивированный, но его внутренняя форма недостаточно ориентирующая, значит, это недостаточно ориентирующий термин. Термин *источниковедческая база* — мотивированный, а его внутренняя форма неверно ориентирует (она указывает на некую базу источниковедения или источниковеда), т. е. это ложно ориентирующий термин. Подчеркнем, во-первых, что при констатации ложно ориентирующего термина претензии обращены не к понятию, которое приписано данной знаковой стороне, и не к дефиниции этого понятия, а к самой этой знаковой стороне, к заключенной в ней внутренней форме термина¹⁶. Во-вторых, к самому термину *ложно ориентирующий термин* следует относиться как к научному термину. Он констатирует определенную слабость отдельного элемента терминологии, как бы называет диагноз, но не дискредитирует терминосистему.

Как относится терминоведение к случаям противоречия между знаковой и понятийной сторонами термина? На Всесоюзном терминологическом совещании (1974 г.) проф. А. И. Моисеев, подводя итоги выступлений, говорил, что мотивированность термина придает ему осмысленность, облегчает его вхождение в терминосистему, понимание, запоминание и применение. «Эта сторона дела имеет и теоретическое значение. Как известно, существует и не раз высказывалось мнение, что термин должен быть чисто условным, совершенно лишенным внутренней формы, которая будто бы может вызвать посторонние для термина и даже ложные ассоциации, мешающие его точности и однозначности; допускается, таким образом, что чем бессмысленнее сам по себе (т. е. в языковом отношении) термин, тем лучше. Можно, кажется, считать, что участники совещания непротиворечиво высказались в пользу мотивированных и правильно ориентированных терминов. Это большой положительный вклад в теорию термина и терминологию»¹⁷.

От ложно ориентирующих терминов надо по возможности избавляться. При этом в терминоведении говорят об учете «внедренности термина», т. е. учете привычности его, как о смягчающем обстоятельстве. Однако термины живут именно в системе и не должны ей противоречить. При совершенствовании терминологии ее системность должна быть показана не только посредством дефиниций (определение через ближайший род и видовое отличие, унификация структуры дефиниций соподчиненных терминов), но и с помощью уточнения внутренней формы терминов. Ложно ориентирующий термин, который своей внутренней формой не мешает пониманию системно связанных с ним терминов, более терпим в упорядоченной терминологии, чем ложно ориентирующий термин, который провоцирует не только неверное понимание заключенного в нем самом понятия, но и других понятий, системно связанных с последним, вызывая цепную реакцию дезориентации.

Переходя к рассмотрению некоторых ложно ориентирующих терминов архивной терминологии, следует подчеркнуть, что на фоне многих сотен ее терминов они представляют собой малочисленную группу.

Архив с постоянным составом документов. Внутренняя форма этого термина выдвигает в качестве признака постоянство состава, т. е. постоянство числа документов в архиве (такое предположение поддерживается и знаковой стороной другого термина — *архив с переменным составом документов*), а дефиниция устанавливает такое значение данного термина: «государственный или ведомственный архив, осуществляющий по-

¹⁶ «Буквальное значение термина может соответствовать, не соответствовать или противоречить его терминологическому значению», — писал председатель Комитета научно-технической терминологии АН СССР академик А. М. Терпигорев в статье «Об упорядочении технической терминологии» (Вопросы языкознания, 1958, № 1, с. 73—74).

¹⁷ Моисеев А. И. К определению терминов в словарях. — В кн.: Проблематика определений терминов в словарях разных типов. М., 1976, с. 249—250. См. также: Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961, с. 79, 108; Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1977, с. 8—11, 10—56, 111—127; Даниленко В. П. Русская терминология..., с. 64.

стоянное хранение относящихся к его профилю документов»¹⁸. Обращаясь только к знаковой стороне этого термина, можно предположить, что имеется в виду некомплектующийся архив, на самом же деле за формальной стороной термина скрывается мысль о постоянстве хранения. Этот класс архивов, видимо, следовало бы назвать *архивом государственного хранения документов* или *архивом с правом государственного хранения*.

Ложно ориентирующий термин *архив с постоянным составом документов* прямо не затрагивает понимания связанных с ним терминов: *архив*, *государственный архив*, *государственное хранение документов*. Иное дело другие ложно ориентирующие термины.

Документ на бумажном носителе (*документ на бумажной основе*). В архивоведении документ понимается как результат закрепления информации на каком-либо носителе (материальном объекте, физическом теле, как пишут в некоторых терминологических ГОСТах). Без носителя нет документа, нет его и без закрепленной на носителе информации. Таким образом, документ — двусторонняя единица¹⁹. Именно поэтому говорить: «Документ на бумажном (или каком-нибудь еще) носителе, т. е. результат закрепления информации на носителе, а потом еще на бумажном (и т. д.) носителе», — это все равно, что сказать: «*Бутерброд на хлебе*». «Выходом» из этого удвсения носителя служит либо подмена понятия (логическая ошибка: понятие «документ» подменяется понятием «информация»), либо приписывание знаковой стороне термина *документ* второго, иного, чем в норме, понятия, т. е. однозначный в пределах архивной терминологии термин *документ* становится двузначным.

В терминологиях существуют нормы произношения, ударения, семантики, терминообразования, написания. Терминологическая норма, как и общезыковая, изменчива, исторична. Правильность терминопотребления — это соответствие норме. Сегодняшняя норма предписывает употреблять, например, термин *архив* и как термин и как терминосостав (т. е. составную часть другого термина) в значении учреждения (или его структурной части) с определенными функциями. Поэтому термин *личный архив* не соответствует норме: *архив* в этом термине не может иметь значение «учреждение», а другое его понимание в терминологии устарело. Если термин в норме однозначен, он и должен в границах данной терминологии оставаться (и как терминосостав) однозначным. Все сказанное прямо относится и к термину *документ*. Поскольку он существует в пределах современной архивной терминологии в качестве однозначного, постольку он таковым и должен оставаться всюду в ее пределах, включая случаи, когда он в роли терминосостава. С точки зрения нормы термин *документ на бумажном носителе* — ложно ориентирующий. Он мешает однозначности понимания термина *документ* в терминосистеме, навязывая ей многозначность этого термина. «Информационный шум» от применения термина *документ на бумажном носителе* сильнее, чем от пользования термином *архив с постоянным составом документов*.

Правильно ориентирующим был бы, по-моему, термин *документ с бумажным носителем*. Это предложение нуждается в обстоятельном обосновании. Если не упускать из виду, что носитель — одна из двух необходимых и достаточных сторон документа, то никого не должно смутить предлагаемое выражение. Слово — тоже двусторонняя единица, соединение звукового комплекса и закрепленного за ним значения. Языковеды спо-

¹⁸ Если *постоянный состав документов* означает тут не постоянное число документов, а постоянство их соответствия профилю архива, то это тоже не согласуется с принятой дефиницией термина: она называет видовым признаком постоянство хранения, а внутренняя форма термина указывает на признак постоянного соответствия профилю архива.

¹⁹ Сравните с этим пониманием определение документа в многоязычном «Терминологическом словаре по информатике» (М., 1975): «Материальный объект, содержащий закрепленную информацию и специально предназначенный для ее передачи и использования» (с. 122). Здесь тоже документ рассматривается как двусторонняя единица: соединение носителя и закрепленной информации.

койно говорят о слове с одним значением и о слове с несколькими значениями. И никому в голову не приходит вывод о существовании слова без значения, слова, отделенного от значения. В языкознании говорят о слове со связанным корнем (а не о слове на связанном корне). Слова без корня нет. И никто не умозаключает, что этот связанный корень сам по себе, а слово само по себе. Термин *документ с бумажным носителем* не должен вызывать представления о документе и отдельно от него существующем, прилагаемом к нему бумажному носителю. Говорят же, *катер с пластмассовым корпусом* (а не *катер на пластмассовом корпусе*), и никто не видит в этом удвоения корпусов. Слово *бутерброд* в современном русском языке означает соединение ломтика хлеба с чем-либо съедобным (не обязательно с маслом), намазанным или положенным на него. И когда говорят: «*Бутерброд с маслом, бутерброд с сыром*» и т. п., то решительно никто не думает, что это значит «бутерброд + масло», «бутерброд + сыр».

Мы говорим: «*Человек с волевым лицом, человек с больным сердцем, комната с паркетным полом, патрон с латунной (или картонной) гильзой, чемодан с двойным дном, дерево с прямым стволом*». И никто не понимает это так, что волевое лицо и больное сердце вне человека, что паркетный пол отделен от комнаты, патрон — от гильзы, чемодан — от дна, а ствол — от дерева. Все понимают эти сочетания так: «Человек, у которого волево лицо» (или: «человек, имеющий волево лицо»), «человек, у которого больное сердце» (или: «человек, имеющий больное сердце»), «комната, в которой паркетный пол», «патрон, у которого латунная гильза», «чемодан, в котором двойное дно (имеющий двойное дно)», «дерево, у которого прямой ствол (имеющее прямой ствол)». Точно так же и *документ с бумажным носителем* — документ, у которого бумажный носитель (документ, имеющий бумажный носитель).

В русском языке (и в частности в терминологии) существует такая словосочетательная модель: существительное (обозначает нечто, представляющее собой неразрывное единство двух или более сторон) + предлог с + прилагательное и существительное в форме твор. пад. ед. ч. (существительное обозначает одну из этих сторон, а прилагательное называет ее признак)²⁰. *Документ с бумажным носителем*, как и приведенные примеры, — словосочетание, построенное по этой модели. *Документ с вислой печатью* — словосочетание, построенное по иной модели (будучи структурно одинаковыми, они различаются семантически): здесь существительное вместе с прилагательным называет предмет, который не входит в единство, образующее документ (вислая печать не есть одна из необходимых сторон документа)²¹.

²⁰ В таких выражениях, как *человек с сердцем, девушка с характером, человек с умом, человек с головой*, существительные в форме твор. пад. ед. ч. употреблены не в прямом номинативном значении, а в метафорическом (в данном случае в оценочном значении), ср. *человек без сердца, девушка без характера* (бессердечный, бесхарактерная). Прилагательное здесь не нужно: его значение как бы спрятано в существительном. При том понимании документа, которое принято в архивоведении и в информатике, словосочетание *документ с носителем* столь же некорректно, как и словосочетание *документ с информацией*. Без уточняющих прилагательных здесь не обойтись (например, *документ с изобразительной информацией, документ со звуковой информацией*). Почему же корректны выражения *бутерброд с маслом, бутерброд с сыром* и т. п.? Если по обратной аналогии с документом принять намазанное (или положенное) на хлеб за информацию бутерброда, то в словах *масло, сыр* и т. д. есть указание на то, какая именно «информация» соединена с хлебом. Поэтому тут можно обойтись без прилагательного. А вот сказать *бутерброд с хлебом* нельзя. Потому что это единственный «носитель» в этом виде гастрономических изделий.

²¹ Модель, по которой построено выражение *документ с вислой печатью*, не требует присутствия прилагательного при существительном: *документ с печатью* и *документ с гербовой печатью, человек с портфелем* и *человек с кожаным портфелем*. Но сравните недопустимость выражений *человек со спиной, человек с шеей, человек со ртом* (допустимы *человек с сутулой (прямой) спиной, человек с длинной (короткой) шеей, человек с большим (маленьким) ртом*). Почему? Потому что печать, портфель — необязательные признаки соответственно документа и человека, а спина, рот, шея входят в то биологическое единство, которое образует человека.

Обратимся к термину *предметный указатель*. Но прежде остановимся на термине *указатель*. Этот термин (родовой по отношению к *предметному указателю* и другим терминам того же уровня) имеет в архивоведении два значения: 1) тип архивного справочника, представляющий собой алфавитный, систематический или составленный по какому-либо другому признаку перечень наименований предметов, упоминаемых в архивных документах, с указанием поисковых данных этих документов; 2) элемент научно-справочного аппарата к архивному справочнику или документальной публикации, представляющий собой алфавитный, систематический или составленный по какому-либо другому признаку перечень наименований предметов, упоминаемых в архивном справочнике или документальной публикации. Класс указателей можно делить по разным основаниям, но при этом каждое деление, согласно логическому правилу, должно иметь одно и только одно основание. Широко распространено деление, основанием которого служит порядок, принятый при расположении наименований предметов (в самом широком смысле слова) в указателях. На этом основании выделяют такие их виды: предметный, систематический, хронологический, пермутационный.

Как понимают термин *предметный указатель*? Это вид указателя (в первом и втором значениях), в котором наименования предметов расположены в алфавитном порядке. Значит, его видовой признак — алфавитный порядок расположения наименований. Однако, во-первых, знаковая сторона термина не отражает этого, в то время как знаковые стороны соподчиненных терминов отражают видовые признаки: например, *систематический указатель*: вид указателя (в первом и втором значениях), в котором все наименования предметов расположены согласно схеме классификации документной информации. Во-вторых, знаковая сторона термина *предметный указатель* отнимает признак указания на предметы у соподчиненных терминов: получается, что такое указание содержит только этот вид указателя, лишь он один предметный, а они нет, т. е. эта знаковая сторона мешает пониманию четырех других терминов, включая и родовой; выходит, что не все виды указателей содержат перечни названий предметов, что противоречит принятому пониманию соответствующих терминов. В-третьих, знаковая сторона термина *предметный указатель* называет на самом деле не видовой, а родовой признак указателей, не то, что отличает один вид от другого, а то, что объединяет их все в один род указателей, выдавая тем самым родовое за видовое. Таким образом, перед нами, несомненно, ложно ориентирующий термин.

Но это не все. Нарушается принцип отражения системности в знаковой стороне: в каждом из соподчиненных терминов она выражает видовой признак (в данном случае формальный — порядок расположения названий), а знаковая сторона термина *предметный указатель* выражает не формальный, а содержательный признак. Нарушено и логическое правило единства основания деления: класс указателей делится одновременно по двум основаниям: по содержательному признаку и по формальному. Как выйти из положения? Во-первых, то, что обычно называют *предметным указателем*, следует называть *алфавитным указателем*. Во-вторых, учитывая, что в архивной терминологии существует термин *топографический указатель* и что наличие в одной терминосистеме *указателя* и *топографического указателя* наводит на мысль о родо-видовой связи между ними (которой на самом деле нет), а также принимая во внимание, что полезно и в знаковой стороне отметить содержательный признак, надо дополнить знаковую сторону термина *указатель* термином элементом предметный, т. е. вместо *указатель* употреблять термин *предметный указатель*.

Итак, родовой термин — *предметный указатель*; видовые: *алфавитный, систематический, хронологический, пермутационный. Именной и географический указатели* — разновидности *алфавитного*.

Сказанное о блоке терминов во главе с *предметным указателем* можно адресовать и блоку терминов во главе с *архивным каталогом*. Здесь

ложно ориентирующим является термин *предметный архивный каталог*. После замены в его знаковой стороне логически и системно не обеспеченного терминоэлемента *предметный* терминоэлементом *алфавитный* блок терминов будет выглядеть так: родовой термин — *архивный каталог*; видовые: *алфавитный архивный каталог*, *тематический архивный каталог*, разновидности *алфавитного архивного каталога*: *географический архивный каталог*, *именной архивный каталог*²².

Логически и системно не обеспеченные знаковые стороны терминов, вызывающие «информационный шум» в терминологических блоках, не могут рассчитывать на снисхождение при совершенствовании терминологии. К терминосистеме, как и ко всякой системе, нужен системный подход.

Как вообще появляются ложно ориентирующие термины? Есть два пути их возникновения. Первый — изменение понятия, заключенного в термине или в одной из его частей, в терминоэлементе. Понятие не стоит на месте, оно изменяется, отражая движение научной мысли и (или) объективной действительности²³. Это приводит к несоответствию формальной стороны термина содержательной (например, *личный архив*). Термин, бывший несколько десятков лет назад верно ориентирующим, может стать ложно ориентирующим. Предугадать такой оборот дела в каждом конкретном случае нельзя. Первый путь — проявление естественного процесса, происходящего в живой терминологии. Препятствовать ему вредно и бессмысленно.

Второй путь — возникновение ложно ориентирующего термина уже в самом акте терминообразования, при зарождении термина. Это либо результат непонимания объекта называния, номинации, либо результат смысловой ошибки. Примером непонимания может служить термин *ведомственная собственность*, встречающийся порой в работах архивистов (они говорят о документах, находившихся в ведомственной собственности). Однако ни документы, ни что-либо иное ни в каком государстве никогда не были ведомственной собственностью. По той причине, что ее вообще никогда и нигде не существовало. В самом деле, есть государственная, частная, личная, церковная собственности, есть собственность общественных и кооперативных организаций. То, чем пользуются и распоряжаются ведомства, — государственная собственность. Термин *ведомственная собственность* стоит в одном ряду с терминами *флогистон*, *теплород* и словами *леший*, *домовой*, *ведьма*, *черт* и т. п. Понятия, заключенные в них, не являются понятиями о каких-либо объектах реальной действительности. Как говорят логики, такие слова обозначают пустые классы. Термин *ведомственная собственность* — свидетельство правовой неосведомленности, ошибки в понимании объекта номинации.

Примером смысловой ошибки могут служить термины *источниковедческая база*, *архив с постоянным составом документов*. Появление подобных ложно ориентирующих терминов можно и нужно предотвращать. Однако какую бы родословную ни имели ложно ориентирующие термины, т. е. каким бы ни было объяснение их присутствия, это не меняет их статуса ложно ориентирующих.

Забота о точности и непротиворечивости терминологии — забота о точности и непротиворечивости понятийного аппарата науки и отрасли специальной деятельности, о средстве профессионального общения и орудии профессиональной мысли. Состояние терминологии, ее строгость и непротиворечивость — отражение состояния профессиональной мысли.

Круг интересов и задач архивоведческого терминоведения широк: кодификация существующей архивной терминологии (главным образом

²² Кстати будет напомнить, что в крупных библиотеках давно уже есть алфавитные и систематические каталоги.

²³ «...Любая терминологическая система обязана соответствовать современному уровню развития науки и техники. По этой причине терминологии рассматриваются синхронно» (*Петушков В. П.* Лингвистика и терминология. — В кн.: Терминология и норма. М., 1972, с. 103).

терминографическая — создание терминологических словарей), нормализация этой терминологии (в первую очередь посредством терминологических словарей и стандартов), история архивной терминологии (ее возникновение, становление, развитие в связи с развитием архивного дела и архивоведения) и ее теоретическое осмысление, научно-популяризаторская работа (приобщение студентов — будущих архивистов к терминоведческим знаниям, статьи, доклады, лекции о культуре терминообразования, терминопотребления и дефинирования), постоянная терминоведческая помощь (консультации, рекомендации).

Языковая норма динамична, изменчива. Поэтому нельзя, скажем, в последней четверти XX в. в русском словоупотреблении опираться на рекомендации словарей Академии Российской конца XVIII и начала XIX в. или полностью полагаться даже на «Толковый словарь русского языка» (под ред. Д. Н. Ушакова), изданный в 1930-е годы.

Норма в терминологии еще более динамична. Во-первых, движение мысли в глубь сущности предмета или изменение самого предмета меняют понятие о нем (содержание и объем), следовательно, меняют и значение термина, делая прежнее устаревшим. Во-вторых, интеграция наук, воздействие междисциплинарных связей, процесс переноса знания ведут к появлению привлеченных терминов, что не только расширяет состав терминов данной научной дисциплины, но и требует уточнения понятийной стороны заимствованных терминов. В-третьих, научная и техническая мысль создает новые предметы, выделяет новые стороны и отношения в каких-либо предметах, и возникает терминологическая недостаточность, номинационное голодание, ликвидируемое порождением новых терминов (путем терминообразования или заимствования из иноязычных терминологий), что опять-таки означает количественный рост терминологии. Вот почему терминологические словари, отражая с той или иной степенью точности современное составителям состояние терминологии, не могут быть на десятилетия вперед руководством к терминопотреблению. Вот почему, закончив работу над терминологическим словарем или терминологическим стандартом, следует начинать подготовку к его новому, переработанному и дополненному изданию, потребность в котором при нынешних темпах развития науки может возникнуть уже через 5—10 лет.

Хорошо известно, что нет теории явления без его истории. Архивоведческое терминоведение нуждается в исследовании истории архивной терминологии. Это необходимая часть его предмета. История русской и советской архивной терминологии — совершенно необследованная область. Эта история — одновременно и фрагмент истории отечественной архивоведческой мысли. Представляло бы немалый интерес, например, рассмотреть во всеоружии современных терминоведческих знаний известную терминологическую дискуссию 20-х годов.

Вывод о существовании архивоведческого терминоведения как самостоятельного раздела, самостоятельной дисциплины в структуре архивоведения еще встречает возражение. Оно аргументируется тем, что научные терминосистемы создают специалисты соответствующих отраслей знания, а потому им и надлежит заниматься своими терминологиями, не доверяя этого дела «пришлым», неспециалистам в данной области науки. Эту мысль подкрепляют утверждением, что нет же исторического терминоведения или философского, или какого-либо другого.

Несомненно, терминология «как совокупность терминов — неотъемлемая часть той области знания, науки и техники, понятия которой она выражает и потребности которой она обслуживает»²⁴. Столь же несомненно, что специалисты «сами являются творцами и носителями своих терминологических систем»²⁵. Однако, во-первых, никто не предлагает

²⁴ Волкова И. Н. Основные методические принципы стандартизации терминологии в СССР. — Научно-техническая терминология, 1980, № 3/4, с. 36.

²⁵ Даниленко В. П. Термины в современном русском языке. — Русская речь, 1979, № 3, с. 90.

передать «на откуп в чужие руки» архивную терминологию. Предлагается осознать, что внутри архивоведения уже существует дисциплина, которая реально занимается тем, чем никакая другая не занимается. В языкознании есть фонология, лексикология, грамматика и другие языковедческие дисциплины, которые делят предмет языкознания на более частные предметы (т. е. внутри общего предмета у каждой из них свой предмет). Произошла демаркация частных предметов, а не языковедов. Языковед может быть специалистом в нескольких лингвистических дисциплинах. И в том числе в лингвистическом терминоведении (кстати, есть и такое)²⁶.

Есть среди лингвистических дисциплин и лингвистическое источниковедение. Обосновывая некогда его право на существование, С. И. Котков писал: «Источниковедение развивается в целом как наука, преимущественно, если не исключительно, связанная с историей, в то время как и другие гуманитарные науки, прибегающие нередко к тем же источникам, нуждаются в разработке специализированного источниковедения, которое могло бы удовлетворять их особым специфическим потребностям. Относительно науки о языке можно сказать следующее: источниковедения, обслуживающего специально нужды лингвистики, во всяком случае отечественной, пока не существует». И далее: «Необходимость специализации источниковедения применительно к науке о языке, истории и литературоведению вытекает из специфики этих наук, с чем связано и различное отношение к содержанию одного и того же источника»²⁷. В ряду литературоведческих дисциплин ныне находится и литературоведческое источниковедение²⁸.

Во-вторых, архивовед-терминовед берет термины и дефиниции из терминологических источников, т. е. документов, в которых используется терминосистема, появляются новые термины, новые значения прежних терминов, представлены дефиниции. В-третьих, в других общественных науках также есть свои терминоведения. Пусть они не имеют названия, но они есть, коль скоро есть люди, занимающиеся описанием соответствующих терминосистем, их нормализацией и историей.

С. О. Шмидт писал: «Формирующимся новым представлениям становится тесно в рамках прежней терминологии. Пересмотр терминов и соответственно уточнение их — потребность всякой развивающейся науки и едва ли не наиболее заметный внешний показатель этого развития. (Не случайно, что дискуссии о содержании научных терминов и попытки унифицировать терминологию — отличительная черта новейшей научной литературы.) Это характерно не только для источниковедения и близких ему научных дисциплин (в частности, текстологии, археографии), но и для философии, психологии, социологии и других областей научного знания. Терминологические споры перерастают в дискуссию о понятиях, о сущности научных категорий»²⁹. Вот эти споры, попытки совершенствовать терминологию и есть терминоведческая деятельность, терминологическая рефлексия специалистов³⁰.

²⁶ Г. Б. Джаукян в книге «Общее и армянское языкознание» (Ереван, 1978) в ряду лингвистических дисциплин выделяет металингвистические дисциплины, к числу которых относит историю лингвистики, лингвистическую терминологию (т. е. терминоведение) и др. «Современное языкознание развивается в русле многочисленных дисциплин, изучающих разные стороны существования языка... Вследствие углубления того или иного направления исследования или применения нового метода появляются новые разделы и отрасли лингвистики. Так, интерес к количественным характеристикам языка и речи привел к появлению лингвистической статистики» (*Рассудова О. П.* Рецензия на энциклопедию «Русский язык». — Русская речь, 1980, № 3, с. 86—87).

²⁷ Котков С. И. О предмете лингвистического источниковедения. — В кн.: Источниковедение и история русского языка. М., 1964, с. 3, 5.

²⁸ В 9-м томе «Краткой литературной энциклопедии» (М., 1978) ему посвящена отдельная статья.

²⁹ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы. М., 1969, с. 12—13.

³⁰ Когда в цитированной статье С. О. Шмидт обосновал замену терминологического элемента терминоведческой (в термине источниковедческой база) терминоведческим термином

Комитет научно-технической терминологии АН СССР, где рука об руку работают специалисты по техническим наукам и лингвисты, занимается кодификацией и на ее основе нормализацией научно-технической терминологии, т. е. научно-техническим терминоведением.

В-четвертых, речь должна идти не об «откупе», с которым связаны опасения за судьбы теории архивоведения, а об овладении архивоведами необходимыми терминоведческими знаниями для того, чтобы компетентно заниматься архивоведческим терминоведением.

Иногда возражают против самого названия научной дисциплины — *архивоведческое терминоведение*: повторяется один и тот же корень *-вед-*. Предлагают назвать либо *архивоведческой терминологией*, либо *архивным терминоведением*.

Языковедение иначе называют *языкознанием* (*ведение* — значит «знание»). Архивоведение «знает» архивное дело. *Терминоведение* «знает» термины. Архивоведческое терминоведение возникло на стыке двух дисциплин. И это отражено в наименовании³¹. Употреблять *архивное* вместо *архивоведческое* неточно: нужно указание на стык дисциплины с дисциплиной, а не указание на проникновение дисциплины в сферу специальной деятельности. Поставить вместо *терминоведение* — *терминология* — значит привести в название двузначность, двусмысленность (см. выше).

Увеличение в эпоху НТР числа терминологий и ускорение их развития привело к возникновению общего терминоведения в рамках лингвистики и частных терминоведений в структуре соответствующих научных дисциплин. Архивоведческое терминоведение, имея свой объект и предмет, обладает статусом научной дисциплины в рамках комплексной научной дисциплины — архивоведения.

никова, он выступил как источниковед-терминовед, как нормализатор. Отрадно отметить, что в источниковедческих работах последних лет все чаще встречается этот термин с уточненной знаковой стороной, с верно ориентирующей внутренней формой, предложенной С. О. Шмидтом.

³¹ Так же возникло и приведенное выше название литературоведческой дисциплины — *литературоведческое источниковедение*.

ИЗ ОПЫТА АКТОВОЙ АРХЕОГРАФИИ

В советское время издание актовых источников по истории феодальной России претерпело качественные изменения. Особенный интерес представляет послевоенная практика публикации актов. В конце 40-х — середине 70-х годов вышли в свет такие фундаментальные сборники актовых материалов, как «Грамоты Великого Новгорода и Пскова» (1949), «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (1950), «Акты феодального землевладения и хозяйства», ч. 1—3 (1951—1961), «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.», т. 1—3 (1952—1964). «Акты Русского государства 1505—1526 гг.» (1975). Общим для всех этих публикаций является систематический метод отбора материала по тому или иному принципу.

Археографические приемы подготовки данных сборников и серий тем не менее различаются между собой, и подчас существенно. Так, в АФЗХ текст передается по упрощенным правилам, в других публикациях — с разной степенью приближения к «дипломатическому» типу издания. В ГВНП, ДДГ, АФЗХ «реальный комментарий» к актам отсутствует, в АСЭИ и АРГ он имеется, и т. п.

В XX в. русские и советские археографы не раз обращались к разработке самих принципов издания актов. Наиболее ранней попыткой такого рода в указанное время были «Правила издания сборника грамот коллегии экономики» (Пг., 1922). Следующий важный шаг в этом направлении — правила издания АСЭИ, в составлении которых особенно велика была роль И. А. Голубцова (изложены в «Предисловии» к АСЭИ. М., 1952, т. 1, с. 6—12). Весьма обстоятельно проанализировал приемы издания актов А. А. Зимин¹. Его замечания и рекомендации сохраняют свою ценность и по сей день. Для издания АРГ специальные правила подготовил в 60-х годах И. А. Булыгин. Автор настоящей статьи составил по предложению Л. В. Черепнина в 1975 г. дополнения к правилам издания АРГ. Они возникли как обобщение новейшего опыта работы над первым томом АРГ. По просьбе некоторых членов актовоей группы нами был написан также проект унификации ряда приемов археографического оформления документов при издании их в АРГ. Проект обсуждался на заседаниях группы в 1977 г. В основу данной статьи положены эти наши две методические разработки, дополненные другими наблюдениями автора. Учитывая разнообразие конкретных приемов публикации актов в разных сериях и отдельных сборниках, автор попытался выделить вопросы, требующие дальнейшего уточнения.

Прежде всего, о расположении актов в сборнике. Представляется, что в тех случаях, когда документы, датированные только годом (без месяца), находятся в очевидной хронологической связи между собой (например, духовная и данная на упомянутое в духовной владение), их не следует давать в формальном алфавитном порядке названий разновидностей (данная раньше духовной), а стоит поместить первым акт, который по логике событий должен был появиться раньше (в данном случае духовная).

Далее коснемся некоторых аспектов передачи текста документов. В публикациях наблюдается нередко разноречивое употребление прописных и строчных букв.

¹ Зимин А. А. Методика издания древнерусских актов. М., 1959.

Встречающиеся при именах священнослужителей определения, проходящие от названия монастыря, церкви или села, где находится церковь, и звучащие как современная фамилия, должны, по нашему мнению, писаться со строчной буквы. Например: «...яз игумен Иосиф дмитреевской из Кулишина»; «...протопоп Малафеи вознесенский», «...поп Стефан никольской»; «...поп Павел скнятинонской» (из с. Скнятинова) и т. п.

Когда при именах крестьян фигурирует определение, образованное от названия волости, села или деревни, откуда они пришли или где живут, это понятие едва ли может расцениваться как личное прозвище. Думаем, что лучше писать его со строчной буквы. Например: «...да пожню Сенкину Алексева сына Доброго, куликовца, да пожню Бонину Тимохина сына, куликовца...» (из с. Куликова Дмитровского у.); «...да Игнат воробьевской, да Никон воробьевской...» (из д. Воробьева в Бежецком Верхе) (АРГ, № 144).

Стоящее после имени крестьянина определение его ремесленной профессии в ряде случаев нельзя считать прозвищем. Это приложение, которое пишется со строчной буквы. Например: «...на Федоре на Кузьмине сыне, на плотнике, да на его жене...»; «Дати ми Назару, седельнику, рубль без кабалы...».

Определения географических объектов, образованные от названий монастырей и церквей и являющиеся не собственными именами, а обозначением владельческой принадлежности, пишутся со строчной буквы. Например: «покровская земля» (Покровского монастыря), «никольская земля улеминская» (земля Никольского Улейминского монастыря); «троицкое село Петровское» и т. п.

Аналогичные определения владельческой принадлежности, образованные от имен и фамилий светских лиц, пишутся с прописной буквы. Например: «Олександровская земля Ирежского», «Ондреевская земля Бутенева» (ср. ниже).

Географические определения, образованные от названий больших территориальных единиц — уездов, пишутся с прописной буквы, когда вся эта единица принадлежит лицу, от чьего имени дается определение. Например: «...по моеи отчине по Дмитровской и по Кашинской» в грамоте дмитровского удельного князя Юрия Ивановича (АРГ, № 102).

Такого же типа определения, касающиеся лишь отдельных владений внутри большой территориальной единицы, не принадлежащей в целом тому лицу, чье владение упоминается, пишутся со строчной буквы. Например: «...и он возмет своего жеребья моеи вотчины в дмитровской и с кашинской...» в духовной частного лица — З. Ф. Катунина, который имел одно село и несколько деревень в Дмитровском уезде и две деревни с починком в Кашинском уезде (АРГ, № 179, с. 175).

Определения топографических и качественных признаков географических объектов, превратившиеся в названия, пишутся с прописной буквы. Например: «Мельничный враг», «Околичный враг», «Березовое болото», «Ольшаное болото».

Если в названии монастыря или церкви основное или основные агеографические понятия сопровождаются другими агеографическими терминами, которые представляют собой имена нарицательные и выполняют по отношению к основным роль определения или дополнения, с прописной буквы пишутся только основные части названия. Основными агеографическими понятиями являются:

имена евангельских персонажей, святых; названия евангельских событий, ставших названием праздников («Благовещение», «Рождество», «Успение» и т. д.); первое слово названий других церковных праздников.

Приведем примеры: «Рождество пречистой Богородицы», «всемилоственного Спаса Преображение», «святые живоначальные Троицы Сергиева монастыря», «Поклонение честных вериг», «Всех святых».

Если характерное для полного названия монастыря или церкви основное понятие опускается, а определение субстантивируется, то это послед-

нее пишется с прописной буквы. Ср., например: «Рождество Пречистые», «в обители Пречистые и честного ее Рождества», «к Пречистой».

Как считает Р. В. Бахтурина, в предлоге «изс» (заменяющем «с») буквы не разделяются на два или три отдельных слова, а в выражении «не надобе» отрицание «не» пишется отдельно.

В пометах-резолюциях 1551 г. о возможности подтверждения жалованных грамот слова «судит митрополит» при конечных выносных «т» раскрываются как «судит(ь) митрополит(у)», что выясняется из некоторых текстов, где прямо читается «судить» (АРГ, № 32) или «судити» (АРГ, № 193).

Мы полагаем, что преамбула актов, особенно пространная, должна отделяться от интитуляции запятой: «Милости ради святых живоначальные Троицы и пречистые Богоматери и великого чудотворца Сергия, се яз Иван Корешок...» (АРГ, № 49).

Конечный протокол (обозначение места и дата), приводимый вместе с указанием писца, отделяется от него запятой: «А запись писал Гридя Матвеев сын, лѣта 7018». Указание места выдачи отделяется от даты запятой: «Писана в Дмитрове, лѣта 7020...» (АРГ, № 55, 102).

При передаче подписей послухов слово «послух» выделяется запятыми, если за ним не следует союз «и».

Перед названием месяца после обозначения года ставится запятая. Дата, приводимая в начале подтвердительных подписей, отделяется от последующей интитуляции запятой: «Лѣта 7059-го, мая в 17 день, царь и великий князь Иван Васильевич...».

Символическую инвокацию (крест), если она есть в начале текста, в начале или конце подписи, лучше всего передавать рисунком этого знака (как в АСЭИ).

Заголовки, стоящие в копиях книг непосредственно перед или рядом с текстом акта и приводимые сразу после редакционного заголовка, подчиняются общим правилам передачи текста: в них указываются концы строк, а после заголовка ставится точка (предшествующая знаку конца строки). Заголовки, находящиеся в оглавлениях копийных книг и передающиеся в примечаниях, приводятся без указания концов строк.

Текст, приводимый из другого списка в квадратных скобках, в АРГ передается, как и основной текст, с указанием концов строк в тех случаях, когда он представляет собой цельный отрывок, не сочетающийся со словами основного текста, — например, подтверждение 1551 г. от начала до конца. Если же из списка приводятся отдельные слова или буквы, находящиеся в окружении основного текста, конец строки для слов, заключенных в квадратные скобки, не отмечается.

Весьма важными вопросами при издании актов являются определение разновидностей и структура заголовков грамот разных разновидностей.

Из определений жалованных грамот часто и не всегда правильно используется термин «тарханная грамота».

Восточное происхождение слова «тархан» не вызывает сомнений. Оно было распространено в Золотой Орде, а затем в Крымском и, очевидно, в Казанском ханстве. Появление на Руси термина «тарханная грамота» в литературе связывают обычно с золотоордынскими татарами, т. е. датируют XIII в. Однако недостаточно внимания обращается на то обстоятельство, что термин «тарханная грамота» совершенно не встречается в русских источниках XIII—XV вв. и только в XVI—XVII вв. получает большую известность на Руси. Казалось бы, парадокс: именно с падением ордынского ига незнакомый русским восточный термин начинает широко использоваться в актах и делопроизводственной переписке. Загадка станет проще, если отрешиться от ошибочной точки зрения относительно распространения на Руси термина «тарханная грамота» в результате монголо-татарского завоевания. Этот термин появился в Русском государстве позже и в условиях, противоположных тем, в которых оказалась наша страна в XIII в. Первые упоминания о «тарханных грамотах» относятся к 20-м — началу 40-х годов XVI в.

В это время наряду с термином «тарханная грамота» употребляется еще и термин «безданная грамота». Употребление последнего нельзя считать случайным. Его возникновение относится, вероятнее всего, к тому периоду, когда дань была главным налогом, а неуплата населением иммунитетных вотчин других поземельных податей в пользу государства являлась общим правилом. Древнее происхождение термина «безданная грамота» доказывается самим характером жалованных грамот XV в. Общая целенаправленность последних состояла в том, чтобы ликвидировать сенъориальное право сбора дани. Все льготные грамоты XV в. представляли *временное* (здесь и далее курсив наш.—С. К.) освобождение *лишь* от дани, так как это был единственный налог, на который могла с полным основанием претендовать публичная власть. Включение в жалованные грамоты статей, фиксировавших свободу от других налогов, знаменовало собой *подготовку* к дальнейшему ограничению привилегий иммунитетов и ни в коей мере не являлось наделением феодалов какими-то новыми правами.

Таким образом, термин «безданная грамота» возник тогда, когда публичная власть уже сумела добиться признания в числе своих прерогатив права на получение дани, между тем как вновь возникавшие налоги не были распространены на иммунитетные вотчины. Термин «безданная» подчеркивает, что реальное значение имело освобождение только от дани. Этот термин прилагался, по всей вероятности, к грамотам, содержащим статью о *бессрочной* неуплате дани, что подтверждается историей терминов «тарханная» и «безданная» грамоты. Выражение «безданная грамота» исчезает из документов XVI в. Термин «тарханная грамота», напротив, находит все более и более широкое использование в источниках XVI—XVII вв. Вытеснение одного термина и замена его другим представляется вполне закономерным процессом, который может быть объяснен при учете реальных изменений в положении феодального иммунитета в конце XV — начале XVI в.

Существенным моментом борьбы правительств Ивана III и особенно Василия III против иммунитетных привилегий феодалов являлось принуждение населения их вотчин не только к уплате дани, но и к исполнению ряда повинностей, введенных позднее — яма, городского дела, посошной службы и др. Кроме того, удельный вес последних в системе государственных финансов сильно возрос в период реформ 80-х — 90-х годов XV в. Термин «безданная грамота» теперь уже явно не годился для обозначения грамот, освобождавших от основных поземельных налогов. Этот термин следовало заменить другим. Вот почему был заимствован у казанских татар более широкий по своему содержанию термин — «тарханная грамота». Постепенное утверждение на Руси выражения «грамота тарханная» прослеживается по источникам начиная с XVI в.

«Непременной принадлежностью» тарханных грамот было бессрочное освобождение не от любых платежей и повинностей, а только от главных. Из них на первом месте в XVI в. стоят ямские деньги и посошная служба.

Введенные в качестве повсеместного налога с 1550—1551 гг. пищальные и полоняничные деньги в жалованных грамотах упоминаются редко. Поэтому нельзя вполне уверенно сказать, что освобождение только от этих налогов было достаточным основанием для закрепления за грамотой названия «тарханной». Однако предположить данный вариант можно. Полоняничные и пищальные деньги являлись, по определению самих источников, типичными «податями». «Податью» был и наместничий корм, который с отменой наместничества в большинстве уездов Русского государства стал одним из основных казенных налогов. Освобождение от него в уездах, где отсутствовал аппарат наместничьего управления, рассматривалось поэтому как податной «тархан», а не как льгота, связанная с судебным иммунитетом.

В конце XVI—XVII в. состав основных прямых налогов несколько изменился. Появились новые обязательные платежи, освобождение от ко-

торых было типично для собственно «тарханных» грамот. В жалованной грамоте царя Михаила Федоровича от 14 октября 1613 г., которая сама себя называет «тарханной», с. Лопатничи, вотчина царицы-старицы Александры в Суздальском у., освобождалось от «наших денежных доходов и столовых запасов, и ямских денег, и казачьих и стрелецких кормов», а также от предоставления подвод посланникам и гондам². Отмена привилегии в отношении одной из этих повинностей не меняла характера грамоты, хотя и расценивалась в качестве ограничения ее. В указной грамоте царя Михаила Федоровича от 15 февраля 1614 г., запрещающей брать подати с вотчин Покровского Суздальского монастыря в нескольких уездах, говорится: «...денежных доходов и всяких наших податей по их жалованной тарханной грамоте не имати, опричь нынешних казачьих кормов, потому что казачьи кормы по нашему указу велено збирать со всех земель»³.

Хотя главный косвенный налог — тамга — являлся «пошлиной», а не податью, тем не менее ввиду большого фискального значения этого побора в XVI—XVII вв. грамоты, содержавшие освобождение от него, считались «тарханскими».

Акты, лишенные формул, касающихся привилегий в отношении основных казенных сборов, в источниках никогда не вводятся в рубрику «тарханных грамот». Освобождение от мелких пошлин (пятна, убусного, розвинского, выводной куницы, закосного и др.), а также от неосновных «дел» (косьбы сена, кормления княжеского коня) и вообще от всяких земских «проторов» и «разметов» включалось, как правило, в «несудимые» грамоты. В литературе обычно утверждается, что «несудимые» грамоты предоставляли только судебный иммунитет. Это неточно. Центральной частью «несудимой» грамоты были, конечно, чисто судебные привилегии. Однако дополнение их мелкими финансовыми льготами и освобождением от земских «разметов» не превращало в глазах людей XVI—XVII вв. «несудимую» грамоту в «тарханную».

При классификации жалованных грамот мы исходим, во-первых, из стремления наиболее точно отразить содержание каждой группы грамот, во-вторых, из учета актовой терминологии. В связи с первой задачей встает вопрос, можно ли, слепо следуя за языком актов, называть только «несудимыми» грамоты, содержащие наряду с несудимым разделом мелкие финансовые привилегии. Думается, что для отражения финансовой части грамот этой категории есть смысл использовать термин «обельная грамота». Данный термин явно искусствен. Несмотря на употребительность слова «обельный», «обельная», оно не прилагалось к «грамоте», очевидно, вследствие широкого распространения в XVI—XVII вв. термина «тарханная грамота», который был символом документа, освобождающего от «податей». В конце XIX в. было высказано мнение, что «обельными» являлись грамоты, «освобождавшие от податей и повинностей некоторых городских или волостных черных людей»⁴. Однако это утверждение не выдерживает критики. В 1598 г. было приказано «оторханити» (даже не «обелить»!) посадских людей и гостей Великого Новгорода⁵. В 40-х годах XVII в. один «обельной крестьянин» в своей челобитной писал, что по «жалованной тарханной грамоте» «обелены отцу ево и дядьям тяглые участки» за особо верную их службу матери царя Михаила Федоровича в период ее заточения⁶. Л. В. Черепнин ставит знак равенства между «тарханной» и «обельной» грамотами⁷. Не находя термина «обельная грамота» в источниках, мы не можем последовать его примеру.

² ГАВО, ф. 575, оп. 1, ед. хр. 1, л. 84—85 об. (копия XVIII в.).

³ Там же, л. 83—83 об. (копия XVIII в.).

⁴ [В. Р.] Грамота.— Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1893, т. 9 а, п/т 18, с. 535.

⁵ ОПИ ГИМ, ф. 440, оп. Троицкого, № 754, л. 3—4.

⁶ ЦГАДА, Прик. дела ст. лет, 1645 г., № 2, л. 158—160.

⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М.; Л., 1951, ч. 2, с. 112.

Вместе с тем использование этого термина в заголовках целесообразно, если правильно отличать так называемые обельные грамоты от тарханых. Слово «обелить» означает — поставить в привилегированное положение по сравнению с чернотяглым миром, выделить из него. Фиксация мелких финансовых привилегий, разрешение не тянуть ни в какие проторы и разметы — все это было признанием обособленности, обеленности иммунитетного владения. При всей искусственности выражения «обельно-несудимая грамота» оно полнее и точнее, чем одно слово «несудимая», передает содержание актов, в которых несудимость сочетается с мелкими финансовыми привилегиями. Нам кажется неверным называть такие грамоты «тарханно-несудимыми», как это делается во многих, даже весьма авторитетных публикациях актового материала XIV—XVI вв.⁸

Итак, определение «тарханная» (отдельно или в соединении с другими дефинициями) следует присваивать тем жалованным грамотам, которые предоставляют свободу от дани, ямских, половничных, пищальных денег, примета, посошной службы, городского дела, денег за городовое, засечное и ямчужное дела, наместничьих кормов (как государственного налога), тамги, а в XVII в. также казачьих и стрелецких кормов, стрелецкого хлеба, стрелецких денег, сибирских хлебных запасов и т. п. Как мы отмечали, освобождение только от городского дела могло не приводить к определению грамоты в качестве «тарханной», ибо, несмотря на исключительно важное значение этой повинности, она не относилась к числу «податей»⁹. В принципе же наличие одного и более пунктов, отменяющих необходимость уплаты главных государственных налогов, вполне достаточно для закрепления за грамотой названия «тарханной», если параллельно в ней не содержится предписания вносить отдельные налоги или выполнять некоторые повинности первостепенной важности, как, например: «не надобе... дань, oprичь яму и посошные службы». При таком прямом отрицании освобождения от нескольких основных налогов грамоту лучше определить в качестве «обельной».

Название «обельных» получают также грамоты, дающие освобождение только от ряда мелких повинностей (косьбы сена, строительства дворов, убрusного, выводной куницы и т. п.) или в общей форме от всех проторов и разметов. Грамоты, освобождающие от главных налогов (дани, ямских денег и т. д.) в счет уплаты оброка, называются «тарханно-оброчными». Грамоты на монастырские проезды, в которых имеется освобождение от тамги, называются «тарханно-проезжими».

Грамоты, содержащие временные (на срок) освобождения от налогов, называются «льготными»¹⁰. Если в документе предоставляются бессрочные и безоброчные податные освобождения и одновременно несудимость, за грамотой закрепляется название «тарханно-несудимой» или «обельно-несудимой» в зависимости от объема податного иммунитета. Когда несудимость имеется в тарханно-оброчной, тарханно-проезжей или льготной грамоте, слово «несудимая» соединяется с другими определениями не дефисом, а союзом «и» или запятой. Если в грамоте фиксируется наряду с прочим право феодала (обычно монастыря) на сбор конского пятна, этот пункт получает отражение в заголовке в словах: «и на конское пятно».

В заголовках несудимых грамот (или других, более сложных по составу документов, содержащих несудимую часть) объем предоставляемой грамотчику юрисдикции не указывается. Не отражается также постановление о подсудности самого иммунитета удельному или великому князю, царю. Однако, когда в грамоте устанавливаются сроки вызова в суд, в заголовок включается определение типа: «односрочная», «двусрочная», «трехсрочная». Предоставление иммунитету данного пристава для вызова

⁸ Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII вв. М., 1929. Т. 1; АФЗХ, ч. 1—3; АСЭИ, т. 1—3.

⁹ Каштанов С. М. К вопросу о классификации и составлении заголовков жалованных грамот. — ИА, 1956, № 3, с. 215—216.

¹⁰ Подробнее см.: там же, с. 216—217.

в суд населения его владений находит отражение в заголовке в словах: «на данного пристава». Грамота на выдачу руги может быть названа «ружной» (АРГ, № 15).

Грамоты, обозначаемые в литературе как «заповедные», в источниках XVII в. чаще фигурируют с названием «бережелные». Поэтому возможно употребление как того, так и другого термина. Пока не проведено специальное изучение использования в документах слова «бережелная», будем говорить о «заповедных» грамотах.

Для заповедной части жалованных грамот после слова «заповедная» в скобках указывается, от кого или на что дана заповедь. Например: (от ездоков, незваных гостей, скоморохов и попрошатаев, на леса и т. п.). Когда грамота только заповедная и не имеет других разделов, эти уточнения приводятся без скобок.

Заголовки судебных документов строятся по следующей схеме: 1) определение узкой разновидности («судный список», «докладной судный список», «правая грамота»); 2) слово «суда»; 3) имена судей в родительном падеже; 4) указание представителя выигравшей стороны, кому выдается грамота, в дательном падеже; 5) слова «по тяжбе между»; 6) указание тяжущихся сторон в творительном падеже; 7) предлог «о»; 8) указание объекта тяжбы («земле», «болоте», «лесе», «пожне» и т. п.); 9) указание населенных пунктов, при которых этот объект находится; 10) указание волости или стана и уезда. Полное обозначение каждой из тяжущихся сторон дается в пункте 6 (название монастыря, имя и фамилия светского лица), а в пункте 9 употребляется краткая форма, образованная от названия монастыря или фамилии («троицкая» деревня, «елизаровская» пустошь и т. п.). В пункте 4 указывается должность представителя выигравшей стороны, и когда она связана с названием какого-либо монастырского владения, последнее фигурирует с кратким определением (приказчик «троицкого» села). Например: Докладной судный список («грамота правая») суда данных судей Алексея Григорьева сына Желтухина и Федора Иванова сына Болотникова приказчику троицкого с. Петровского Федору Мошнину по тяжбе между Троице-Сергиевым м-рем и вотчинниками Лыковыми о земле возле троицкой д. Рубцова и лыковской д. Ядромина [в вол. Сурожике Московского у.] (АРГ, № 255).

В заголовках определение владельческой принадлежности земли светских лиц, даваемое составителями в притяжательной форме, образованной от фамилии владельца, пишется со строчной буквы: земля «елизаровская», «лыковская» и т. п. Это правило надо отличать от правила передачи текста, где подобные же определения, имеющиеся в самом документе и образованные обычно от имени, а не от фамилии владельца, пишутся с прописной буквы.

При указании тяжущихся полное обозначение одной из сторон может заменяться личным местоимением 3-го лица в творительном падеже, которое соотносится с именем получателя грамоты. Такое построение применяется, если тяжба начата, велась и выиграна одним лицом и в документе нет ссылок на его предшественников или других представителей духовного землевладельца, ведших ту же тяжбу (свидетели в расчет не принимаются). Например: Правая грамота суда дьяка Федора Остафьева сына Сытина посельскому троицкого с. Синкова старцу Андронику по тяжбе между ним и приказчиком Вознесенского м-ря с. Подмошенского Микифориком о пожнях, болоте и лесе между с. Подмошенским и с. Синковым Дмитровского у. (АРГ, № 77).

Построение заголовков разъезжих следующее: 1) определение разновидности; 2) указание межевщика или межевщиков; 2) формула «земле... с землей»; 4) указание волости или стана и уезда. В пункте 2 при определении должности или звания представителей монастыря приводится полное название последнего, в пункте же 3 монастырская земля называется кратко («троицкая», «покровская» и т. д.). Обозначение владельческой принадлежности земли всегда предшествует названию населенных пунктов, к которым разъезжаемая земля тянет: из них сначала указы-

вается село, а затем деревня. Например: Докладная полюбовная разъезжая Ивана Синца Иванова сына Соколова троицкой земле с. Сукромского д. Федоровской Нивы с землей Марии Поплевиной Морозовой с. Бельского д. Борков [в Бежецком Верхе] (АРГ, № 174; вместо родительного падежа «Борков» возможен также именительный падеж — «Борки»). Разъезжая келаря Покровского Угличского м-ря Варсонофия, старца Серапиона и старца Троице-Сергиева м-ря Нифонта, посельского с. Прилук, покровской земле д. Дорка с троицкой землей дд. Заречья и Дорка в Городском ст. Угличского у. (АРГ, № 27; вместо родительного падежа «Прилук» возможен также именительный падеж — «Прилуки»). Когда в пункте 3 надо кратко определить владельческую принадлежность земли светских лиц, уже названных в пункте 2, используется прилагательное, производное от их фамилии и пишущееся со строчной буквы. Например: Полюбовная разъезжая старца Троице-Сергиева м-ря Сильвестра Уполовникова, чернеца Серапиона Курцева и Анны Скрипициной троицкой земле сщ. Дулепова со скрипицинской землей сщ. Вальцовского [в Верхдубенском ст. Переславль-Залесского у.] (ср. АРГ, № 260).

Перейдем к вопросу о заголовках купчих грамот. Когда в интитуляции акта указан покупатель и сущность сделки выражается словом «купил», документ определяется как «купчая» такого-то у такого-то. Например: Купчая Василия Беззубого Булгакова сына Ларионова у его дяди Владимира Никитина сына Пантелеева и у детей последнего, Алферия Покидыша и Полуекта, на дд. Сидорово, Барутино, Волосово, Олешню, поч. Федорово и пуст. Добрымлю в Каменском ст. Бежецкого Верха (АРГ, № 28).

Когда акт составлен от имени продавца и существо сделки выражено словом «продал», документ получает название «купчей (продажной)» такого-то такому-то. Например: Купчая (продажная) Василия Иванова сына Епифанова и его дочери Федоры «своей братье» Григорию и Захарию на жеребий земли д. Епифановой [в Микулинской четверти Тверского у.] (АРГ, № 73).

Если в купчей или другом подобном акте указывается межа, но нет самого термина «отвод», выражение «с отводом» можно привести в заголовке в квадратных скобках.

Несколько слов о посильных. Поскольку посильные близки к купчим второго типа (текст строится от лица продавца, существо сделки определяется словом «продал»), в заголовке после слова «посильная» ставится в скобках слово «продажная». Например: Посильная (продажная) Власия, Кузьмы, Ивана, Андрея и Онофрия Игнатьевых детей Сумина попу Леонтию Константинову сыну и его детям на Покровскую землю и пуст. Игумновскую [у Соли Галицкой] (АРГ, № 115).

Что касается меновных, то, если субъект интитуляции меняет свою землю кому-то, в заголовке говорится: «меновная» такого-то такому-то; при этом земля, отдаваемая первым контрагентом второму, указывается с предлогом «на» раньше земли, получаемой первым контрагентом, которая указывается далее с предлогом «за». Например: Меновная с отводом Ивана Федорова сына Мустофина его брату Власию на половину д. Языковой и четверть поч. Балчева [в Бежецком Верхе] за д. Казаковскую [там же] (АРГ, № 96). Если субъект интитуляции выменивает землю у кого-то, то в заголовке говорится: «меновная» такого-то у такого-то; при этом земля, получаемая первым контрагентом, указывается раньше земли, получаемой вторым контрагентом, и перед названием первой ставится предлог «на», а перед названием второй — предлог «за». Например: Меновная келаря Троице-Сергиева м-ря Лариона у Ивана Никитина сына Татьянина на половину д. Панкратовской и половину сщ. Старого в Вышегородской вол. Дмитровского у. за д. Дуткино в Инобажской вол. того же уезда (АРГ, № 74).

Когда меновная грамота второго типа одновременно жалованная, структура заголовка изменяется в соответствии с определяющим термином «жалованная», который может относиться только к землям, получае-

мым грамотчиком, и вместо ожидаемого заголовка типа «Меновная великого князя у игумена на землю А за землю В» появляется заголовок меновных первого типа: «Жалованная меновная великого князя игумену на землю В за землю А».

В заголовках меновных указание волости, стана и уезда дается для каждого из промениваемых комплексов отдельно, а если мена совершается в пределах одной и той же административной единицы, при обозначении второго комплекса говорится «там же» (когда совпадают и волость и уезд) или «того же уезда» (когда волости разные).

Далее надо сказать о заголовках записей. Если запись относится к какой-то вполне определенной разновидности, то первоначально приводится название этой разновидности, а затем слово «запись». Например: Зарядная запись; Отступная запись; Очищальная запись. Когда уточнить разновидность записи нельзя, определение ограничивается словом «запись», а содержание передается с помощью предлога «о».

После указания разновидности записи называются контрагенты (кого — кому), затем — о чем или на что дана запись. Содержание большинства разновидностей записей, имеющих уточняющую характеристику перед словом «запись», не передается, а перед названием объекта ставится предлог «на». Например: Очищальная запись Дмитрия Лаврентьева сына с детьми Федору Александрову сыну Руготина на проданную ему д. Новое Якимово [в Корзеневской вол. Московского у.] (АРГ, № 267); Отступная запись Аксиньи Мауриной Михаилу Якимову сыну Маурина на треть земли Скрылевской [в Угличском у.] (АРГ, № 36).

Однако некоторые разновидности записей с уточняющей характеристикой не поддаются описанию с помощью предлога «на» и требуют передачи содержания после предлога «о». Таковы зарядные записи. Например: Зарядная запись кн. Ивана Андреевича Микулинского и Федора Григорьевича Ошуркова о привлечении в третейские судьи Дмитрия Федорова сына Хидырщикова и Семена Цюзырева для переоценки стоимости сел Михайловского, Глебова и Литвинова [в Московском у.], купленных Микулинским у Ошуркова (АРГ, № 90).

Когда запись носит обязательственный характер, но не может быть определена каким-либо современным ей термином, употребляется определение «запись-обязательство», и далее в заголовке после указания контрагентов содержание описывается с помощью либо предлога «о», либо инфинитива глагола, выражающего суть юридического действия. Например: Запись-обязательство Василия Петрова сына Плецеева келарю Троице-Сергиева м-ря Алексею о возмещении стоимости проданных монастырю спорных земель с. Нахабинского [Московского у.] — д. Татарина, поч. Дубровки и др. — в случае их выхода из состава монастырской вотчины (АРГ, № 153); Запись-обязательство кн. Петра Васильева сына Хованского Луцихина кнг. Анастасии Федоровой дочери Плецеева жене Щербатого [Оболенского] поставить на Николин день осенний 7026 (1517) г. на Москве у доклада свою жену [а ее сестру] Орину Федорову дочь Плецеева для совершения купчей на половину с. Богородицкого с деревнями и половину сд. Коряковского в Рождественской вол. Переславль-Залесского у., проданных за 250 руб. кн. Хованским кнг. Анастасии к другой половине этих владений, принадлежащей ее мужу (ср. АРГ, № 141).

В заголовках сотных после слова «сотная» употребляется выражение «с книг письма». После указания писцов говорится «на вотчины», когда дело касается монастырских владений или земель светских лиц, фигурирующих здесь в качестве вотчинников. Если речь идет о поместных землях, говорится «на поместья». Если же состав земель светских лиц смешанный или неясный, используется оборот «на владения». Вслед за определением земельного собственника ставится тире и перечисляются конкретно села. В случае, когда их больше пяти, называются лишь первые три, остальные покрываются формулой «и др.» При наличии упоминания конкретных сел владения других категорий не перечисляются поименно,

а указывается их тип — в творительном падеже с предлогом «с» («с деревнями, починками и пустошами»). Заголовок заканчивается указанием стана и уезда. Например: Сотная с книг письма Льва Поскочина на вотчины Троице-Сергиева м-ря — сс. Шарاپово, Площево, Глиньково и др. с деревнями, починками и пустошами в Кинельском ст. Переславль-Залесского у.

В комплексе документов XVII в. из фондов духовных учреждений значительное место занимают челобитные настоятелей монастырей на имя царя или патриарха; митрополичьи памяти; памяти настоятелей монастырским служителям и приказчикам; отписки монастырских приказчиков и слуг; челобитные монастырских слуг и крестьян настоятелю; приказные отписки о получении податей, собранных с той или иной монастырской вотчины. Рассмотрим методику составления заголовков к ним на примере материалов, отложившихся в фонде Рязанского Солотчинского монастыря в ЦГАДА (ф. 1202).

Челобитные настоятелей, адресованные царю, отражают в большинстве случаев земельные споры монастыря со светскими феодалами. Челобитные на имя патриарха содержат сведения об аналогичных тяжбах монастыря с соседними духовными вотчинниками.

Определить номинальный и авторский признаки челобитной легко, так как она обычно начинается словами: «Царю, государю и великому князю... бьет челом богомолец твой архимандрит...» Однако указание реального адресата в настоятельской челобитной найти довольно трудно. Царское имя упомянуто здесь только для проформы, на самом же деле документ направляется в одно из центральных или местных учреждений. Это обстоятельство нужно выяснить из текста документа или из помет, сделанных в учреждении. Такие пометы мы находим на подлинных челобитных. Дело в том, что подлинники нередко возвращались монастырю после того, как были записаны в приказе или приказной избе. Иногда пометы о решении учреждения по тому или иному спорному делу обнаруживаются на черновых вариантах челобитной. Эти пометы делались, наверное, в монастыре после того, как здесь получали известие о ходе тяжбы. Точную дату челобитной удастся установить с трудом. Сами челобитчики обычно не датировали документ, поэтому приходится рассчитывать главным образом на отметки учреждения, в которое была направлена челобитная. Иногда дату можно выяснить из текста челобитной. В заголовке челобитной следует указывать разновидность документа, автора, реального адресата и предметно-вопросный признак. Например: Челобитная арх. Солотчинского м-ря Протасия в Переяславско-Рязанский приказ сыскных дел о выдаче под расписку монастырскому стряпчему крестьян д. Волоховой, содержащихся в этом приказе.

Митрополичьи памяти были документами директивного характера, они адресовались настоятелю или казначею монастыря.

В митрополичьих памятях находят косвенное отражение события, связанные с антиклерикальными, «еретическими» выступлениями посадских низов. Памяти предписывают жестоко наказывать всякого, кто осмелится в той или иной форме выступить против православной церкви и не следовать догматам ортодоксальной веры. В памятях содержатся сведения о монастырских колодниках, об отправке в монастырь лиц, осужденных митрополичьим судом, об устройстве в монастыре «на прокормление» отставных стрельцов.

В памяти на первом месте стоит дата, потом определяется разновидность источника, говорится, от кого и кому он послан. Например: «Лета 7200, генваря в 22 день. По указу преосвященного Авраамия, митрополита Рязанского и Муромского, память в Солотчинский монастырь казначею...» (№ 321/А)¹¹. Эти источники дошли до нас в подлинниках, ника-

¹¹ Здесь и далее нумерация документов фонда Солотчинского монастыря — по хранящейся в ЦГАДА картотечной описи А. П. Добросклонского, автора известной работы «Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII веке» (М., 1888).

ких помет на памятях нет. В заголовке памятей надо указать номинальный, авторский, корреспондентский и предметно-вопросный признаки. Например: Память рязанского митрополита Авраамия казначею Солотчинского м-ря Иосифу о принятии в монастырь на прокормление отставного стрельца Евдокима Анисимова (№ 26).

Настоятельская память — это документ, оформляющий указы и предписания главы духовного учреждения различным чинам монастырской администрации, начиная от соборных старцев вроде казначея и кончая рядовыми стряпчими, приказчиками, посельскими и черными попами. Памяти настоятелей ярко характеризуют эксплуататорскую сущность духовных вотчинников, показывают методы феодального внеэкономического принуждения крестьянства (памяти о сборе с крестьян недоимок, оброчных денег, праздничных кормов, об исполнении барщинных работ и т. п.). Во вступительной части памяти обычно указывается дата ее составления, называется разновидность документа (память), говорится, от кого и кому она послана. Таким образом, начальная фраза памяти дает архивисту и археографу четыре элемента для составления заголовка: дату, номинальный, авторский и корреспондентский признаки. Например: «108-го [году], сентября в 20 день. По указу отца архимандрита Кирилла з братиею монастырскому нашему стряпчему Иосифу Чижову» (№ 55). Содержания архимандричьей директивы раскрывается после слов: «как к тебе ся память придет, и тебе...» (предпринять такие-то и такие-то меры). Выяснив все четыре признака (номинальный, авторский, корреспондентский, предметно-вопросный), можно составить заголовок. Например: Память архимандрита Игнатия приказчику д. Китаевой Тимофею Стефанову о сборе с крестьян недоимочных денег за прежние годы (№ 103/Б).

Большинство памятей дошло до нас в чистовых подлинниках (беловиках), некоторые из них подписаны собственноручно настоятелем или казначеем. Памяти, как правило, лишены всяких помет на обороте. Иногда к ним подклеивался небольшой листок, на котором получатель памяти делал запись об исполнении архимандричьего указа. Например, к памяти архимандрита Солотчинского м-ря Кирилла стряпчему с. Новоселки Иосифу Чижову о запечатывании и проверке наличия вина на монастырском дворе подклеена приписка: «И против сего указу досмотр был, и вино запечатано, и отцу архимандриту писано о том именно с слугою Артемьем Карповым да с перевозником Ивашкою Гавриловым таго ж числа» (№ 54). Памяти, очевидно, откладывались первоначально у тех лиц, которым они адресовались, и лишь впоследствии, при смене чинов монастырской администрации, попадали в архив монастыря.

Отписки монастырских приказчиков и служителей настоятелю являются, пожалуй, самой многочисленной группой документов XVII в., входящих в состав фонда Солотчинского монастыря. Отписки подробно рисуют хозяйственный и административный уклад монастырской вотчины. Они ярко характеризуют, в частности, роль внеэкономического принуждения¹². Отписка представляет собой небольшой отчет монастырского приказчика, посельского, стряпчего и других слуг настоятелю монастыря. Отписки составлялись довольно часто, так как в них обычно затрагивались вопросы, решение которых либо должно было немедленно стать известно архимандриту, либо еще требовало его санкции. В отписках можно встретить ценные сведения о классовой борьбе крестьянства, которая во многих случаях выражалась в пассивном отказе подчиняться указам монастырского начальства, платить оброк и исполнять барщинные работы. Большой интерес представляют изредка встречающиеся в отписках сообщения о наделении земель, по указу архимандрита, некоторых «оскудевших» крестьян.

Чаще всего отписка исходит от лица приказчика или посельского старца, управляющего одним из монастырских сел. Нередко отписки со-

¹² О системе внеэкономического принуждения при феодализме см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 2, с. 353; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.

ставлялись монастырскими стряпчими, «ходившими» по делам монастыря в Москву. Они отстаивали интересы монастыря в столичных приказах при разбирательстве судебных тяжб и т. п. Иногда стряпчие сообщали в отписках о присылке им из монастыря различных съестных припасов и т. п. Мог написать отписку и монастырский старец, посланный архимандритом с каким-нибудь специальным поручением. По форме все эти категории отписок мало чем отличаются друг от друга. В ряде случаев отписки были ответом на архимандричью «память». Отписка составлялась на одной стороне листа, лист загибался с двух сторон текстом внутрь, затем еще раз сгибался и надписывался: «Государю святому отцу архимандриту [имр.]».

Датировка отписок представляет большую трудность. В самом тексте отписки год может быть назван лишь иногда, причем в связи с изложением дела: «...в нынешнем» (таком-то) году. При переводе года на современное летосчисление приходится давать двойную дату, если нельзя выяснить месяц написания документа. Нередко в тексте отписки имеется ссылка на «прошлый» (такой-то) год. Слова «прошлый год» имели в XVII—XVIII вв. более широкий смысл, чем сейчас. «Прошлым» называется любой прошедший год, а не обязательно предшествовавший текущему. Поэтому при приблизительной датировке в заголовке надо указывать: Не ранее (такого-то) года (следующего после названного «прошлым»). В отдельных случаях дату отписки можно узнать из пометы о получении документа. Например: «Генваря в 30 день подана отписка» (№ 105/В). Однако такие пометы встречаются на отписках очень редко. На обороте некоторых отписок помещалась резолюция архимандрита по делу, изложенному в документе. Эта резолюция обычно точно датируется. В заголовке дату резолюции следует предварить словом «до», поскольку документ был составлен до резолюции.

Многие отписки, лишенные помет и указаний на дату в тексте, приходится датировать временем правления того или иного настоятеля. Допустим, отписка адресована архимандриту Игнатию. Из справочников известно, что он был настоятелем Солотчинского м-ря с 1688 по 1697 г. В заголовке в квадратных скобках приводится дата: [1688—1697 гг.]

Название разновидности документа можно найти в уже упоминавшихся пометах о получении отписки («подана отписка») и в резолюции архимандрита на обороте: «...по сей отписке». В тексте отписки косвенным определением разновидности документа могут служить слова вступления: «...*благословения у тебя отеческого прося, челом бьет*». Выделенный оборот дает формальное отличие отписки от обыкновенной челобитной. Заключительная фраза документа также отличает отписку от челобитной. Челобитная, как правило, оканчивается словами: «Смилуйся, пожалуй», отписка — иначе: «...и ты, государь, о том, что *укажешь*» или «и о том, что вы, государи, изволите» (если отписка адресована архимандриту и келарю).

Авторский и корреспондентский признаки определяются просто, из вступительной части отписки, например: «Государю святому отцу архимандриту Игнатию... ваш государев служка Оська Чижев, благословения у тебя отеческого прося, челом бьет».

В отписке затрагиваются один или несколько вопросов. Когда вопросов много, для заголовка следует выбрать самые существенные и сопроводить изложение содержания словами «и др.» Пример заголовка: Отписка посельского старца с Григорьевского Пахомия арх. Игнатию об ужи́не ржи и овса (№ 156/В).

Челобитные монастырских крестьян и слуг настоятелю монастыря представляют по содержанию различную ценность как исторический источник. Некоторые из них характеризуют крестьянский быт, ссоры между крестьянами. Другие вскрывают социально-экономическое положение монастырских крестьян и служителей.

Челобитную можно датировать по хронологическим указаниям в самом тексте (см. выше о датировке отписок) или по резолюции настояте-

ля, сделанной на обороте. В резолюции всегда указывались год, месяц и число. Сами челобитчики не датировали документ. Определение даты челобитной совершенно аналогично выявлению даты отписки. Авторский и корреспондентский признаки узнаем из вступительной части документа. Например: «Государю отцу архимандриту Игнатию, еже о Христе и з братию, *бьют челом* ваши государевы сироты служки Любимка да Ивашка Мокарьевы...». Выражение «бьют челом» определяет разновидность документа.

Примеры составительских заголовков челобитной: 1) Челобитная монастырских служек Любима и Ивана Макарьевых арх. Игнатию о похищении у них монастырскими слугами Федосеевыми овса, пшеницы и ячменя (№ 40/Б); 2) Челобитная приказчика с. Новоселки Филиппа Чижова арх. Игнатию о выдаче ему жалования (№ 67).

Большую группу документов XVII в., входящих в рассматриваемый фонд, составляют отписи дворян и дьяков Стрелецкого приказа о приеме у монастырских стряпчих и служек стрелецкого хлеба и денег, собранных с крестьян монастырской вотчины.

Дата документа указана в самом начале отписи. Разновидность документа узнаем из приписки, сделанной внизу документа: «...*ся отпись*, в приказной избы книги записана». Авторский признак выясняется из вступительной части отписи, где названо лицо, принявшее хлеб и деньги. Когда имя приказного не названо во вступлении, приходится разбирать его подпись, сделанную в конце отписи. Однако имя без указания должности автора не может быть перенесено в заголовок. По справочнику С. К. Богоявленского¹³ выясняется, что лица, упомянутые в отписях, были дьяками и дворянами Стрелецкого приказа и (в 70-х годах XVII в.) Приказа собора стрелецкого хлеба.

Корреспондентский признак в заголовке отписи не указывается, так как этот документ формально никому не адресовался. При составлении заголовка отписи желательно совместить конкретные данные (от кого хлеб принят) с показом классовой сущности сбора податей. В заголовке не следует обходить молчанием то обстоятельство, что стрелецкий хлеб был собран с крестьян. Например: Отпись дьяка Стрелецкого приказа Осипа Иванова о приеме у стряпчего Солотчинского м-ря Семена Чешихина стрелецкого хлеба и денег, собранных с крестьян монастырских сел Григорьевского, Новоселок и Романова с деревнями.

Остановимся теперь на некоторых вопросах согласования членов предложения и специфике управления в заголовках.

Когда в заголовке употребляются термины родства для показа взаимоотношений между контрагентами, перед этими терминами обычно ставятся определения «его», «ее», «их», а не «свой», «своя», «свои». Например: Данная (благословенная) Евфимии Александровой дочери Ирежского ее детям Елизарию и Ивану на две трети Лукинской пожни [в Бежецком Берхе] (АРГ, № 1). Притяжательные местоимения «свой», «своя», «свои» употребляются в тех случаях, когда есть смысл привести в заголовке выражение из источника (в кавычках) или когда содержание определяется с помощью инфинитива.

Приводимые в заголовке названия населенных мест и земель склоняются, согласуясь в падеже с термином, обозначающим тип земельного владения. Согласование топонима с термином в роде и числе не обязательно, ибо грамматический род названия в заголовке сохраняется тот, в котором топоним выступает в тексте источника. Например: Купчая ... на дд. [деревни — вин. п., ж. р., мн. ч.] Сидорово, Борутино, Волосово [вин. п., ср. р., ед. ч.], Олешню [вин. п., ж. р., ед. ч.]. Названия населенных пунктов, выраженные именем собственным во множественном числе (например, Борки, Горки Малые и т. д.), могут быть оставлены в именительном падеже при косвенных падежах слова, определяющего тип населенного пункта. Название волости или стана после названия зе-

¹³ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

мельного владения всегда ставится в предложном падеже с предлогом «в».

Если в источнике географическое название административно-территориальной единицы, составляющей часть уезда, приводится без определения типа этой единицы, в заголовок, на наш взгляд, нет необходимости включать термины «вол.» или «ст». Например: «в Кинеле», «в Вышегороде».

Название уезда ставится в родительном падеже без предлога, если ему предшествует указание волости или стана; если же указывается только уезд, его название дается в предложном падеже с предлогом «в». Например: «в Корзене ст. Московского у.»; «в Кинеле Угличского у.», но «в Московском у.», «в Бежецком Верхе».

Название уезда приводится в родительном падеже без предлога, как в том случае, когда название более мелкой административно-территориальной единицы сопровождается соответствующим термином («вол.», «ст.»), так и в случае отсутствия определения типа этой единицы.

Название «Бежецкий Верх» фигурирует всегда без определения «уезд», т. е. формы его для заголовков следующие: «Бежецкого Верха» или «в Бежецком Верхе». Для первой половины и середины XVI в. следует указывать не «Холмогорский», а «Двинской» у. Для уезда с центром в Угличе принято название «Угличский» (не «Углицкий»), для уезда с центром в Галиче — «Галичский» (не «Галицкий»), но: «Соль Галицкая» (особого «Солигаличского уезда» в XVI в. как будто не было).

Стоило бы последовательно отказаться от написания буквы «я» в названии «Переяславль-Залесский»: и в актах эта буква не фигурирует, и теперешнее официальное название города не «Переяславль-Залесский», а «Переславль-Залесский».

В заголовках сокращаются названия титулов и должностей, имевших широкое распространение: кн., в. кн., кнг., иг., арх. и т. п. Сокращенно передается слово «монастырь» — «м-рь» (в косвенных падежах: «м-ря», «м-рю» и т. д.) — и производные от него: «м-ский», «м-ская» и т. п. Наряду с сокращенным обозначением разновидностей населенных пунктов («сс.», «дд.» и др.) сокращенно передаются определения разновидностей территориально-административных единиц, типичных для основной территории государства: «ст.» (стан), «вол.» (волость), «у.» (уезд). Во мн. ч. вместо «ст.» и «вол.» дается полное написание этих слов, в то время как для обозначения множественного числа уездов можно было бы употреблять сокращение «уу.».

Малораспространенные территориальные единицы («треть», «четверть», «угол» и т. п.) называются полным словом.

При передаче отчеств контрагентов слова «сын», «дочь» не сокращаются.

Употребление квадратных скобок в заголовках целесообразно в ряде случаев.

В квадратных скобках принято указывать предположительную дату или часть даты недатированных или неточно датированных документов.

Дополнительные фамильные определения, отчества, имена или прозвища, которые представляется нужным включить в заголовок, но которых нет в тексте документа, следует, как нам кажется, привносить в квадратных скобках.

Если в документе те или иные земли упоминаются без указания волости, стана или уезда, в которых они находятся, и административно-территориальная принадлежность их устанавливается самими издателями, названия территориальных единиц, не фигурирующих в данном источнике, также лучше приводить в заголовке в квадратных скобках. Выше уже говорилось о возможности приведения оборота «с отводом» в квадратных скобках в заголовках купчих и подобных документов.

В АСЭИ, АФЭХ и АРГ приемы составления легенд хотя и близки, но не всегда тождественны. Предпочтительнее соблюдать следующие нормы. Архивные фонды, постоянно упоминающиеся в издании (АТСЛ¹⁴,

¹⁴ Архив Троице-Сергиевой лавры. — ГБЛ, ф. 303.

ГКЭ¹⁵), указываются без обозначения «ф.» перед их сокращенным названием. После букв ГКЭ в запятых приводится название города, по которому документ числится, затем знак № и относящийся к названию города маленький номер, а после него, через знак дроби, — большой (валовой) номер. Например: ЦГАДА, ГКЭ, Бежецк, № 40/1144.

Размеры листов подлинника или списка, сохранившегося не в составе копийной книги и положенного в основу издания, перечисляются для каждого листа отдельно, если документ состоит из нескольких листов. Все показатели даются в сантиметрах, но без букв «см». Первой в наших публикациях указывается обычно длина (высота) листа, т. е. протяженность его сверху вниз, перпендикулярно строкам основного текста. Затем ставится знак умножения, после которого называется ширина листа — по нижнему или верхнему краю, параллельно строкам основного текста (см. АСЭИ, т. 1, с. 9—10). Ширина может измеряться сверху и снизу, высота — с правого и левого края. Поскольку размеры условно параллельных сторон (краев) листа часто не совпадают, при выборе показателей длины и ширины нужно ориентироваться на максимальные величины.

Весьма полезным было бы указывать отношение каждого из двух приводимых измерений к расположению понтюзо. Величина, измеренная по линии, перпендикулярной понтюзо, отражает (полностью или частично) ширину (*largeur*) первоначального листа, из которого изготовлялся документ; величина, измеренная по линии, параллельной понтюзо, отражает (полностью или частично) его высоту (*hauteur*). Соотнесение размеров листа с направлением понтюзо помогает уточнить происхождение бумаги. Ш. М. Брике в своем классическом справочнике приводит не только изображение филиграней, но и сведения о размерах листа¹⁶.

Копийные книги, хранящиеся в фонде ГКЭ, указываются со знаком №, а перед числом, обозначающим порядковый номер грамоты внутри копийной книги, ставятся буквы «гр.» без знака №.

Когда в различиях даются варианты из копийных книг или отдельных грамот фонда ГКЭ, достаточно указания только валового номера документа, так как № по городу приводится в перечне списков и многократное повторение его излишне.

Отдельные документы собрания АТСЛ в ГБЛ указываются со знаком №, а копийные книги со знаком «кн.». Числа, обозначающие порядковый номер грамоты внутри копийной книги собрания АТСЛ, указываются со знаком №. Подраздел переславского раздела копийных книг 530, 531, 534, посвященный Махрищскому монастырю, обозначается подзаголовком «Махра», который должен указываться через запятую после названия города.

Ссылки на предшествующие издания документа обязательны. Перед указанием изданий, где документ опубликован, ставится сокращение «Публ.:». В АРГ слово «извлеч.», поставленное в скобках после ссылки на публикацию, означает, что документ был опубликован в извлечениях. Перед указанием изданий, где документ упомянут, ставится сокращение «Уп.:». В разделе упоминаний указываются такие издания, которые носят характер обзоров и перечней, содержащих заголовок или описание документа, включая дату, определение разновидности, обозначение контрагентов и объектов сделки или пожалования. Например: *Шумаков. Обзор*, вып. I—IV; *Каштанов. XII*, ч. I—II; *Каштанов, Назаров, Флоря. XII*, ч. III (см. примеч. 29, 35). Ссылка на публикацию печати дается в скобках после описания печати. Здесь вместо «Публ.» употребляется сокращение «изд.», которое пишется со строчной буквы. Например: (изд.: *Иванов. Сб. снимков с печатей*, с. 5, № 17, табл. IV).

Описание печати имеет свои особенности. Оно начинается с указания

¹⁵ Грамоты коллегии экономии. — ЦГАДА, ф. 281.

¹⁶ Использование этих показателей см.: *Каштанов С. М. По следам троичских копийных книг* [ч. 4]. — ЗОР ГБЛ, М., 1982, вып. 43.

места и способа ее прикрепления («Внизу на отгибе», «...на малиновом шнуре» и т. п.), затем определяется форма печати (круглая, овальная), цвет воска и степень сохранности, после чего характеризуются изображения и надпись на одной или двух сторонах печати; в конце описания, после точки с запятой, сообщаются размеры печати. Если вислая печать имеет оттиск только на одной стороне, она определяется как односторонняя; этот признак указывается после описания формы печати. Например: ...овальная односторонняя...

Когда оттиски различимы на обеих сторонах, после указания цвета и степени сохранности печати ставится точка с запятой и дается описание каждой стороны отдельно. Например: ...на одной стороне изображение... и надпись:...; на другой — изображение... и надпись:... Пропуск букв в надписи на печати отмечается точками и специально не оговаривается, поскольку степень сохранности печати указывается в общей форме. Лучше условиться, что количество точек должно соответствовать количеству утраченных букв. Если описывается красновосковая великокняжеская печать, утраченные части надписи в квадратных скобках не восстанавливаются, ибо надпись обычно имеет известный трафарет. В других случаях может быть полезным добавить в квадратных скобках буквы, если они угадываются с достаточной степенью уверенности и основательности.

При описании великокняжеских красновосковых печатей, привешенных к жалованным грамотам, следует иметь в виду, что в XVI в. лицевой стороной их была та, где изображался всадник и указывалось имя великого князя, оборотной — та, где изображался орел и приводились территориальные элементы титула. Изображение на лицевой стороне характеризуется как «всадник, поражающий копьём дракона», изображение на оборотной — как «двуглавый орел». Надпись на лицевой стороне начинается со слов «Великий кн(я)зь» и кончается словами «всеа Русии». Надпись на оборотной стороне начинается со слов «и великий кн(я)з(ь)» и кончается словами «и бол.». Приведем образец полного описания великокняжеской красновосковой печати:

Внизу на отгибе грамоты на шелковом малиновом шнуре привешена круглая красновосковая частично поврежденная печать; на одной стороне изображение всадника, поражающего копьём дракона, и надпись: Великий кн(я)зь Василей б(о)жиею милостию господарь всеа Русии; на другой — изображение двуглавого орла и надпись: и великий кн(я)з(ь) влад. и мос. и нов. и пск. и тве. и уго. и вят. и пер. и бол.; Д=38 мм.

В АРГ при передаче надписи на великокняжеской печати: а) с прописной буквы пишутся: первое слово на лицевой стороне («Великий»), имя великого князя, слово «Русии»; б) все областные территориальные титулы пишутся со строчной буквы, и после каждого сокращенного титула ставится точка; в) запятые не употребляются. В русской и западной сфрагистике имеется также традиция передачи надписи на печати только прописными буквами без раскрытия или с раскрытием титулов. Независимо от степени сохранности надписи последовательность передачи текста должна соответствовать стереотипу (матрице). Особо надо подчеркнуть необходимость ставить многоточия в начале и конце надписей на каждой стороне, если сохранившийся текст начинается не с первого и кончается не последним словом стереотипа.

Тип описания размера печати зависит от ее формы. Если печать круглая, указывается ее диаметр, если овальная — расстояние по осям симметрии; в качестве единицы измерения избирается миллиметр. Например: диаметр — 24 мм или: по осям симметрии — 25 и 18 мм. Если печать сохранилась не полностью, но по имеющейся части или по следу на бумаге можно определить ее полный диаметр или полную длину по осям симметрии, эти восстановленные размеры надо указать, вероятно, в квадратных скобках и к ним сделать примечание типа: «В сохранившемся обломке длина по Д. (или осям симм.) не превышает 15 (или 17 и 12) мм». Это примечание помещается под очередным номером в разделе «Прим.»

В случаях, когда размеры (и форма) оттиска и слепка существенно различаются между собой, в качестве основных данных следует приводить сведения о диаметре (или длине по осям симметрии) оттиска печати и к ним делать примечание типа: «Оттиск печати сохранился на круглом (овальном, неправильной формы) слепке, Д. (или оси симм.) которого равен (равны) 21 (или 27 и 18) мм.». Это примечание найдет себе место под очередным номером в разделе «Прим.».

Восстановление текста на печати в квадратных скобках возможно только для тех букв, которые хотя бы частично сохранились. Дополнять текст печати по трафарету, не имея остатков утраченных букв, не следует. В необычных случаях, когда, судя по величине пропуска и другим признакам, мы сталкиваемся с явным отступлением от трафарета, особенно важно вычислить возможное количество утраченных букв. Если печать публикуемого документа издана, после указания ее размера в скобках дается ссылка на публикацию (см. выше).

Важное значение имеет описание водяных знаков. Общая схема описания водяного знака такова: сначала говорится «Водяной знак» (или: «Водяной знак по обрезу»), затем ставится тире и характеризуется разновидность знака¹⁷, после этого ставится точка с запятой и указывается: «подобные (или: «подобный»); иногда — «отдаленно подобный», иногда — «близкий») см.:»; далее следует сокращенная ссылка на альбом водяных знаков (один или несколько), номер подобного знака в альбоме и в скобках дата или даты знака, приведенные в альбоме. Например: Водяной знак — герб Франции, щит скошенный; подобный см.: Брикке, № 1814 (1507—1524 гг.).

Если водяной знак сохранился не полностью (по обрезу), но отождествление его не вызывает сомнений, разновидность знака указывается без оговорки о фрагментарности изображения (об этом говорит сама формула «по обрезу»); если же отождествление кажется спорным, в описании сообщается, что видна часть (такого-то) знака, или в скобках ставится знак вопроса после предполагаемого отождествления; кроме того, название предполагаемого по фрагменту знака может быть приведено в квадратных скобках.

В тех случаях, когда в альбоме оказывается воспроизведенным водяной знак издаваемого документа, ссылка на альбом предваряется следующими словами: «...этот самый знак (публикуемого акта) воспроизведен: ...». Например: Водяной знак — бычья голова с крестом, обвитым змеей; этот самый знак (публикуемого акта) воспроизведен: Лихачев, № 2983 (1526 г.); близкие см.: Брикке, № 15407 (1522—1526 гг.); Пикард, отд. XVI, № 377 (1523—1529 гг.) (АРГ, № 270).

При наличии водяного знака, подобного филиграну издаваемого документа, в нескольких сборниках сначала дается ссылка на наиболее близкое по форме изображение, затем на более отдаленное. Если степень близости варьируется незначительно и трудно сказать, в каком альбоме изображение более похоже на знак акта, ссылки должны располагаться в алфавитной последовательности фамилий авторов альбомов (в принятой для них русской транскрипции).

Для унификации описаний нескольких часто встречающихся водяных знаков, которые могут быть названы по-разному, предлагаются следующие определения: «бычья голова» (приняты также выражения «бычачья голова», «голова быка»); готическое «Р» (не готическая буква «Р» и не латинское «P»); «рука» в тех случаях, когда нет выраженных признаков перчатки; «перчатка» в тех случаях, когда видна перчаточная манжета, а не обшлаг рукава; «круг», отличающийся от «сферы» тем, что изображается плоским, в то время как кривые внутри окружности, изображаю-

¹⁷ О принципах классификации филигранных см., в частности: *Weiss K. T. Handbuch der Wasserzeichenkunde / Bearbeitet und herausgegeben von Dr. Wisso Weiss. Leipzig, 1962, S. 257—259; Каштанов С. М. По следам троичских копийных книг XVI в., [ч. 3].— ЗОР ГБЛ, М., 1981, вып. 42, с. 8—12.*

щей сферу, создают впечатление объемности; «сфера» в альбомах регистрируется с 50—60-х годов XVI в., «круг» — знак более ранний.

Издатели документов, и в том числе актов, не могут обойтись без палеографических примечаний. В них желательно избегать лишних слов типа «слово», «фраза» и т. п., если номер примечания может ясно показать, к чему оно относится. Например, вместо того чтобы писать «В ркп. фраза написана над строкой», следует поставить номер примечания после первого слова этой фразы и тот же номер после последнего слова, а примечание сформулировать короче: «¹⁻¹Написано над строкой». Когда указывается, что одна буква переделана из другой, причем эта другая не устанавливается точно, излишне пояснять: «из какой-то другой буквы»; достаточно сказать: «из другой буквы».

Наметилась тенденция и к более существенному сокращению авторского текста в примечаниях (например, в филологических изданиях). В большинстве случаев совершенно необязательны слова «В ркп.» (за исключением выражения «Так в ркп.»), «написано», «буква» и т. п. Примечания могут иметь вид: ¹⁻¹ над строкой ² с из б ³, а из др. буквы ⁴ по смыслу ⁵⁻⁵ др. чернилами. Переделку другим почерком и другими чернилами обычно оговаривают, отмечая, что чернила и почерк другие. При этом допустимо последовательное проведение сокращений типа: тжп. (тем же почерком), тжч. (теми же чернилами), схп. (схожим почерком), схч. (схожими чернилами), дрп. (другим почерком), дрч. (другими чернилами), из дрб. (из другой буквы).

Если одинаковые примечания можно объединить под одним номером (например, «из дрб.» или указание, что подпись дьяка отличается от почерка подтверждения, при наличии нескольких подтверждений), то нет нужды для каждого последующего случая делать новое примечание — достаточно повторить номер примечания.

В современной археографической практике распространено весьма громоздкое описание «других» почерков. Обычно говорится, от какого почерка отличается «другой» почерк, и при этом дважды употребляется слово «почерк», например: «Подпись дьяка сделана почерком, отличным от почерка подтверждения» и т. п. Или все почерки одновременно характеризуются как «разные» и отличные от почерка основного текста («Подписи послухов сделаны разными почерками, отличными от почерка текста грамоты»). Более лаконичными и четкими могли бы быть описания с приведением номера почерка (по порядку употребления в публикуемой рукописи). Так, за почерк I принимается почерк основного текста. Если к нему есть поправки другими почерками, они получают следующие по порядку номера, обозначаемые римскими цифрами. Затем нумеруются почерки подписей, подтверждений и т. п.

Примечания по поводу почерков жалованных грамот и других документов с разновременными и разнородными частями текста (основной текст, подтверждения, подписи в различных подтверждениях и т. д.) полезно делать для каждого почерка (кроме основного) отдельно.

Например: ¹⁻¹почерк II. ²⁻²почерк III. ³⁻³почерк IV.

Примечания по поводу подписей послухов частных актов могут и при такой системе сохранять обобщенный вид, но указание номеров почерков позволяет отбросить пояснение: «отличными от почерка текста грамоты». Например: ³подписи послухов разн. почерками (III—VIII).

Подтверждения и подписи, приводимые в квадратных скобках из других списков, должны иметь знак сноски после первого и последнего слова и в примечаниях характеризоваться кратко. Например: ¹⁰⁻¹⁰В кн. 519 отс.; в кв. скоб.— из кн. 527.

При этом номера листов рукописи, из которой приводится текст подтверждения или подписи в квадратных скобках, указываются только на полях, а в примечании не повторяются (см. АРГ, т. 1, № 137).

В АРГ в словах основного текста, приводимых в примечаниях целиком, выносные передаются, как и в основном тексте, курсивом.

Если в примечаниях приводится только отдельная выносная буква,

то она не может быть передана курсивом, поскольку сольется в этом случае с авторским текстом. Отдельную выносную букву в примечаниях надо передавать прямым шрифтом, ставя перед ней пояснение «вын.»

Когда цитируется часть слова, где есть и выносные и невыносные буквы, действуют правила передачи основного текста (выносные — курсивом, строчные — прямым).

При воспроизведении в примечаниях одного или нескольких слов основного текста конец строки отмечается (см. АРГ, т. 1, № 92, примеч. 3).

Заголовки документов, приводимые в примечаниях из оглавления копияных книг, передаются в АРГ в одних случаях с указанием, в других — без указания концов строк. Возможно, стоит во всех случаях указывать конец строки.

Знак сноски к примечанию, содержащему заголовок из оглавления копияной книги, ставится в конце авторского заголовка, находящегося перед текстом документа (см. АРГ, т. 1, № 28, 256 и др.).

Имеющиеся в публикуемом (основном) тексте чернильные или карандашные подчеркивания могут быть оговорены в общей форме или — в случае их особого историографического интереса — отмечены при конкретных словах. Трудно видеть принципиальную разницу между чернильными и карандашными подчеркиваниями и указывать, например, только первые, полностью игнорируя вторые.

Обоснование датировки недатированных документов приводится в самом кратком виде в примечании к дате (стоящей в авторском заголовке в квадратных скобках). При этом может быть сделана отсылка к комментарию, если там датировка аргументируется подробнее (см. АРГ, т. 1, № 77, 190 и др.).

Издатели уделяют определенное внимание разного рода пометкам, находящимся обычно на обороте документов. При передаче как отдельных кратких пометок, так и связанного текста (фраз), встречающегося в пометках (чаще всего XVIII в.), в АСЭИ и АРГ границы строк, как правило, не указываются (см. АРГ, № 11, 12, 16, 132, 145, 210, 239, 259, 261, 268), хотя в виде исключения они отмечаются (АРГ, № 92). Вероятно, от последнего принципа следует применительно к пометкам отказаться.

Когда в грамотах встречаются стилизованные под древность, но относящиеся, видимо, к XVIII, а может быть и к XIX в. пометки, сделанные повсюду одинаковым крупным четким полууставом темными чернилами и содержащие буквенную цифирь, их надо указывать после пометок XVII в. и до бесспорных пометок XVIII в. Эти пометки предваряются датировкой со знаком вопроса: «XVII—XVIII вв. (?)». Происхождение их должно быть более тщательно исследовано. Пометки могут находиться не только на бумаге оригинала или списка, но и на более поздних приклейках и наклейках. Под первыми подразумеваются листы или части листов бумаги иного происхождения, приклеенные по краю (чаще всего верхнему) основного листа. Наклейки, в отличие от приклеек, всей своей площадью приклеены к бумаге основного листа. Обычно они занимают место на его обороте. Что касается приклеек, то одни из них приклеены к лицевой стороне, другие к обороту основного листа. Характеризуя как приклейки, так и наклейки, нужно указывать, с какой стороны основного листа они приклеены.

В АСЭИ и АРГ принято давать разночтения к основному тексту, если он публикуется по списку. Разночтения к подлиннику обычно не даются, будь то отдельные мелкие перестановки, добавления или пропуски слов, не меняющие смысла фразы, существенные и несущественные изменения орфографии, искажения и т. п. Минимальные разночтения к подлиннику возможны в случаях, когда они представляют особый историко-географический, генеалогический или терминологический интерес. Например: 1) в подл. — «на реке Серне», в списке — «на реке Шерне» (полезно дать «Шерне» как разночтение к «Серне», учитывая широ-

кую распространенность названия «Шерна» в документах XV—XVII вв.); 2) в подл. — «козы», в списках — «лоси» (АРГ, № 133).

Если слово, приводимое в разночтениях, имеет в рукописи следы правки, этот момент оговаривается в скобках после данного слова. Например: ⁶В кн. 532 вотчина (выл. т из д). В АРГ в тексте, приводимом в разночтениях, границы строк не отмечаются. Заголовки документов, содержащиеся в копиях книг, в разночтениях не приводятся. В разночтениях варианты по копиям книг и по отдельным спискам из фонда ГКЭ приводятся с указанием лишь валового, общего номера документа, при этом вместо знака № употребляется сокращение «кн.» для копиях книг и «гр.» для отдельных списков. Например: ³В кн. 9370 Васильевич... ³В гр. 8796 отс. В разночтениях по документам собрания АТСЛ копиях книги указываются со знаком «кн.», отдельные грамоты — со знаком «гр.». Например: ³В кн. 531 живот ⁶В гр. 974 отс.

В разночтениях номера документов в составе копиях книги приводятся лишь тогда, когда текст одной и той же грамоты фигурирует в копиях книге дважды, под двумя разными номерами. В этом случае номер документа указывается в скобках со знаком № после указания копиях книги. Например: ¹В кн. 536 (№ 124) Дмитриевич... ³В кн. 536 (№ 124 и 125): У подлинной купчей пишет.

Когда нужно дать несколько вариантов разночтения к одному месту текста по разным спискам, целесообразно прибегнуть к такой последовательности изложения: 1) отметить соотношение вариантов с основным текстом («Далее» или «Вместо...»); 2) привести слово «написано» и после него тире (или ограничиться лишь тире); 3) указать первый список и после двоеточия привести вариант; 4) поставить точку с запятой; 5) указать второй список и после двоеточия привести вариант; 6) поставить точку с запятой и в том же порядке привести варианты по 3-му, 4-му и т. д. спискам. Разумеется, что одинаковые чтения разных списков объединяются и даются как один вариант, которому предшествует указание списков. Например: *Далее написано — в кн. 530, 531: А на купчей назади написано; в кн. 536 (№ 124 и 125): У подлинной купчей пишет; в кн. 637: А назади подпись у купчие.

Варианты по копиях книг одного и того же собрания указываются внутри одного разночтения в порядке номеров копиях книг; варианты по документам разных собраний указываются внутри одного разночтения в порядке древности списков.

В разночтениях одинарная или опоясывающая сноска вполне показывает границы разночтения без поясняющих слов «вместо этого», «фраза», «слово», «написано». Например: ^{a-a}В кн. 536 да у деревни. ⁶В кн. 537 далее: А кто будет.

При этом двоеточие ставится только в случае употребления слова «далее».

Впрочем, для уменьшения громоздкости отсылок в разночтениях было бы весьма полезно вводить в легенде литерные обозначения списков¹⁸. Это правило принято, кстати, в публикациях латинских грамот во Франции, Германии, Италии и др. (причем литерой А там обозначают оригинал, даже если он утрачен).

В АСЭИ и АРГ помещены «реальные комментарии» ко многим актам. Заметим, что комментарии такого рода должны содержать минимально необходимую информацию о лицах и географических объектах. Информация эта должна носить конкретный характер (даты, факты), а не сводиться к глухим ссылкам на литературу и источники. Главное внимание в комментариях следует обратить на обоснование датировок недатированных актов и идентификацию неясных лиц и объектов (просопография и топография).

¹⁸ Ср.: Каштанов С. М. К истории феодального землевладения в Свяжском уезде в 70-х годах XVI в.: (Жалованные грамоты 1572 и 1575 гг.). — В кн.: Историография и источниковедение: Вопросы методики исследования: Учен. зап. КГПИ. Казань, 1978, вып. 184, с. 134—142.

Издателям АРГ нужно максимально бережно относиться к фактическому материалу комментариев С. Б. Веселовского, особенно к его ссылкам на троицкую вкладную книгу, перечневую книгу Тр. 658 и неопубликованные акты, но при этом необходимо сверить с источниками все цитаты, проверить приводимые номера документов, страниц, названия изданий, их выходные данные, правописание имен и названий, переводить старую пагинацию копияных книг, которой пользовался в своих ссылках С. Б. Веселовский, на новую.

Любая фундаментальная публикация нуждается в подробных указателях. Без них она теряет половину своей ценности. В указателях к АСЭИ и АРГ отсылки даются на номера актов, при этом ссылки на акты, текст которых занимает больше трех машинописных страниц, было бы полезно сопровождать указанием в скобках листов подлинника или списка, по которому печатается документ.

Имена и названия, фигурирующие в предисловии, указываются со ссылками на страницы издания, которым предшествуют слова «предисл., с.», набранные курсивом; после номеров страниц предисловия ставится точка с запятой, если вслед за тем указываются номера актов, в которых или в комментариях к которым содержатся те же понятия.

Для ссылок на имена, названия и понятия, имеющиеся в тексте акта, подтверждениях к нему, на печати, в современных ему пометах, в разночтениях по другим спискам, номер акта набирается прямым шрифтом.

Если какие-либо имена, названия и понятия встречаются только в научном аппарате (заголовках, легендах, комментариях), а не в самом акте, номера, где они фигурируют, набираются курсивом; курсивом набираются и номера страниц предисловия.

Следовало бы еще более дифференцировать употребление шрифтов в указателе.

Так, если те или иные имена, названия и понятия встречаются только в архивных пометках (или как в пометках, так и в научном аппарате), то номера содержащих их документов можно набирать полужирным курсивом. Иначе говоря, прямой шрифт в указателе означал бы наличие понятия в тексте акта (\pm в пометках, \pm в научном аппарате), полужирный курсив — в пометках (\pm в научном аппарате), курсив — только в научном аппарате.

После определяемого понятия сразу же ставится число, обозначающее номер акта; ни тире, ни знак № не ставятся.

Все имена и названия, дающиеся в указателях по современному правописанию на букву «А», но в источнике начинающиеся на букву «О» (Александр — Олександр, Андреевское — Ондреевское), приводятся дважды. В качестве основной избирается ссылка по современному написанию, при ней в скобках дается написание источника и далее указываются номера актов. Например: Абрамов (Обрамов) Миклюша, старожилец 229. В разделе «О» делается отсылка: Обрамов см. Абрамов.

В именном указателе желательна группировка лиц по фамилиям и указание всех представителей рода под одной фамилией. Например:

Плещеев

Александр Плещей
Андрей Михайлович
Борис Данилович
Дмитрий Григорьевич Слепой
Иван Дмитриевич...

Плещеева

Анастасия Григорьевна
Анастасия Федоровна...

Плещеевы¹⁹ (здесь приводятся номера актов или комментариев, где говорится о роде в целом).

¹⁹ Бычкова М. Е. Указатель.— В кн.: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 557—558.

Замужние женщины указываются под фамилией мужа и под фамилией отца (когда известны обе фамилии). В качестве основной избирается фамилия мужа, но после имени и отчества женщины в скобках приводится ее девичья фамилия, которой предшествует слово «урожд.»
Например:

Оболенская

Анастасия Федоровна (урожд. Плещеева)
Мария Федоровна (урожд. Всеволожская)...

После скобок указываются номера актов.

В отцовском роде та же женщина указывается с отсылкой на фамилию мужа.

Например:

Плещеева

Анастасия Федоровна *с.м.* Оболенская
Ирина Федоровна *с.м.* Хованская...

Здесь номера актов уже не приводятся.

Если женщина была замужем несколько раз, она указывается под фамилией того лица, кто в публикуемом документе фигурирует в качестве ее мужа, фамилии же других ее мужей упоминаются в скобках после девичьей фамилии и с пояснениями — «в 1-м браке...», «во 2-м браке...». При этом под фамилией в другом браке она указывается отдельно, но без ссылки на номер акта, а с отсылкой к основной фамилии («см. ...»).

Когда дело касается двойных и тройных фамилий, весьма распространенных в разросшихся княжеских родах, особенно в роде князей Оболенских, надо выбрать основную фамилию и вслед за ней указывать остальные.

Например:

Оболенский

А...
Б...
В...

Оболенский Курлятев

А...
Б...
В...

Оболенский Пенинский

А...
Б...
В...

Оболенский Стригин Шихин

А...
Б...
В...

Оболенский Щербатов

А...
Б...
В...

При именах конкретных представителей ветви рода приводятся номера актов.

Кроме того, от каждой составной части фамилии дается отсылка на полный вариант.

Например:

Курлятев *с.м.* Оболенский Курлятев...
Шихин *с.м.* Оболенский Стригин Шихин

В этих отсылках не нужны имена конкретных представителей рода и номера актов.

Каждое лицо должно указываться не только под фамилией, но и под именем и отчеством с отсылкой на фамилию.

Например:

Василий Иванович *с.м.* Белеутов, Вельяминов, Горбатый, Заболоцкий, Квашин, Колычев, Ларионов, Лыков, Ляпунов, Монастырев, Оболенский, Оладын, Репнин, Рожнов, Румянцев, Тучков, Фоминский, Хабаров, Хлопов ²⁰.

²⁰ Там же, с. 540.

Удельные князья указываются под именем и отчеством, а не под псевдофамилией, образуемой от названия их удела.

Например:

Андрей Иванович, кн. Старицкий
(но не: Старицкий Андрей Иванович).

Все прозвища должны указываться как при имени и отчестве, так и отдельно, с отсылкой на фамилию или имя и отчество.

Например:

Собака см. Оболенский, Фоминский...
Сухой см. Вельяминов, Плещеев²¹.

Имена и фамилии, указанные в притяжательной или замаскированной форме, должны быть раскрыты и включены в указатель.

Например:

а) из выражения «Ондреевская земля Бутенева» следует извлечь имя и фамилию: Андрей Бутенев;

б) из выражения «Се яз Оксинья Федорова жена Ондреевича Плещеева княж Иванова дочь Олександровича» извлекаются имена трех лиц:

1. Иван Александрович, кн. (?);

2. Плещеев Федор Андреевич;

3. Плещеева Аксинья Ивановна.

В географическом указателе должны найти отражение все топонимы, встречающиеся в тексте акта и на печати, в пометках и научном аппарате, включая не только административные единицы, населенные пункты, реки и озера, но и другие топографические единицы: дороги, путики, болота, овраги, межи и т. д. и т. п. Монастыри, церкви, дороги и пути (путики) выделяются в отдельные рубрики внутри разделов, начинающихся соответственно с букв «м», «д», «п» и «ц». Они помещаются в том месте этих разделов, где должны по алфавиту находиться названия рубрик. Двойные и тройные названия указываются соответственно в двух или трех местах. Номера даются при основном варианте названия, от других частей делаются отсылки к основному варианту.

Например:

Нива Ярыгина, поч. в Бежецком Верхе 190

В разделе «Я»:

Ярыгина см. Нива Ярыгина

При названиях населенных пунктов название уезда дается обычно в родительном падеже. Например: Авдеевская, д. Можайского у. 184. Название уезда в предложном падеже с предлогом «в» дается лишь для Бежецкого Верха, который в источниках не называется «уездом».

Например:

Алексейцево, д. в Бежецком Верхе 61

При названиях не населенных пунктов, а других топографических единиц название уезда приводится в предложном падеже с предлогом «в».

Например:

Кипкинский враг в Дмитровском у. 145
Козловская межа в Суздальском у. 233
Мяниковское болото в Костромском у. 65, 79...

При названиях рек и речек уезд не указывается.

²¹ Там же, с. 562, 563.

Вследствие неустойчивости административных границ названия волостей и станов при названиях населенных пунктов, как правило, не указываются.

Однако, если в указателе рядом оказываются одинаковые названия селений одного типа (например, то и другое — деревни) одного и того же уезда, следует указать и более мелкую административную единицу.

Если в указателе рядом стоят одинаковые названия одинаковых по типу селений внутри одного уезда и одной волости (стана), при втором названии дается в скобках пояснение — «другое», при третьем — «третье».

Когда тип упомянутого в акте населенного пункта (село, сельцо, деревня, починок, пустошь) не удастся установить ни по издаваемому источнику, ни по другим публикациям и литературе, его название сопровождается термином «селение».

Если неясен сам тип топографической единицы, применяется определение «селение или урочище».

Когда неизвестна уездная принадлежность селения, волости или стана, говорится «неизв. у.». Если при этом можно указать уезд предположительно, предполагаемое название со знаком вопроса вставляется в скобках между словами «неизв.» и «у.».

Например: ..., селение неизв. (Боровского?) у.

Фигурирующие в комментариях уезды XIX в. следует для отличия их от уездов XVI в. указывать в сочетании с названием губернии. Например: Александровский у. Владимирской губ.

В указателях монастырей и церквей на первое место ставится агиографическое название, на второе — географическое.

Например:

Троицкий Махрицкий
Покровский Угличский

Когда полное агиографическое название монастыря не совпадает с устоявшимся в литературе традиционным, номера актов указываются при полном названии, а от традиционного дается отсылка к полному.

Например:

Симонов с.м. Успенский Симонов...
Успенский Симонов в г. Москве 108, 242, 282.

Составление предметно-терминологического указателя также представляет значительные сложности. Даваемые в нем пояснения к терминам должны быть предельно краткими. Следует обратить особое внимание на омонимы или близкие по написанию и звучанию слова, имеющие разное значение. Например: «живот» в значении «жизнь» и в значении «имущество»; «ям» в значении «налог» и в значении «ямская станция». Каждое отдельное значение слова выделяется в качестве самостоятельной предметно-терминологической единицы.

Названия разновидностей актов, записей и посланий приводятся в рубрике «Грамоты», причем к этой рубрике даются отсылки от других близких общих понятий, таких, как «Акты», «Записи», «Крепости», «Челобитья», а также от терминов, определяющих документ с точки зрения степени подлинности («Подлинники», «Списки», «Противни»).

Например:

Акты с.м. Грамоты
Записи с.м. Грамоты
Подлинники с.м. Грамоты

Указатели предваряются общим кратким предисловием, где излагаются основные принципы их составления и правила пользования ими. Здесь же говорится, кем указатели составлены.

Каждый указатель (во всяком случае, именной и географический),

пользуясь общим списком сокращений, имеет еще и свой особый, который приводится под строкой как примечание 1 к заголовку указателя. В этом списке даются в алфавитном порядке, но не в столбик, а в строку все сокращения, применяемые в данном указателе, и их расшифровки.

При составлении таблицы использования архивных фондов и печатных изданий учитываются подлинники и только те списки, по которым издан текст. Каждое собрание расписывается в порядке номеров документов в нем, а каждая копия книга — в порядке нумерации ее листов. Неправильно расписывать использованные собрания и копияльные книги в порядке нумерации документов тома.

Отдельные стороны археографической работы с актовым материалом оказываются общими у публикаторов и составителей разного рода обзоров и каталогов документальных источников. К этим общим моментам относятся прежде всего 1) датировка документов, 2) составление заголовков, 3) составление легенды. Уже в первой половине XIX в. стали издаваться описи отдельных архивных комплексов, в состав которых входили публичные и частные акты. В 1842 г. А. Х. Востоковым было опубликовано описание рукописей Румянцевского музея. Под № 52—54, 57, 59 Востоков описал сборники, включавшие в свой состав жалованные грамоты монастырям XVI в.²² Каждому сборнику Востоков дал общий широкий заголовок, например: «Списки с жалованных и данных на разные имена монастырям...»²³. Это избавило его от необходимости в дальнейшем, при описании каждой отдельной грамоты, указывать номинальный признак документа.

Подокументное описание сборников велось Востоковым в следующем порядке: прежде всего обозначался лист, на котором было помещено начало грамоты, затем указывалась дата грамоты по современному летоисчислению, называлось лицо, выдавшее грамоту, и лицо (юридическое или физическое), ее получившее, после чего давалась краткая характеристика содержания грамоты. Большое положительное значение описания грамот, осуществленного Востоковым, неоспоримо. Дав в целом правильное изложение содержания грамот, автор ввел в научный оборот ряд ценных неопубликованных источников. Погрешности, имеющиеся в его описании жалованных грамот, во многом объясняются почти полной неизученностью иммунитетных актов в русской исторической литературе первой половины XIX в. Вследствие отсутствия разработанной классификации жалованных грамот Востоков не мог оперировать терминами, конкретизировавшими содержание акта («тарханные», «несудимые» и др.). Поэтому он вынужден был прибегать к более или менее подробному изложению содержания грамот.

Таким образом, Востоков применил к актам метод описания документов, не имеющих определенного формуляра. Между тем известно, что акты, в отличие от делопроизводственных материалов и всех других видов источников, делятся на вполне четкие и однородные группы не только по номинальному признаку, но и по формуляру диспозитивной части. Следовательно, при описании актов можно в значительной мере игнорировать предметно-вопросный признак, отражая содержание документа указанием на его разновидность.

В описания Востокова вкрадывались неточности, позволявшие превратить толковать существо иммунитетного акта. Востоков нередко писал «об освобождении крестьян монастырских от всех пошлин, повинностей...». Автор как бы отвлекался от того обстоятельства, что в грамотах имелось в виду освобождение только от государственных повинностей.

Выражение Востокова «освобождение от всех пошлин...» неверно даже в случае понимания под пошлинами только государственных налогов.

²² Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, с. 75—99.

²³ Там же, с. 75.

Жалованные грамоты предоставляли освобождение от всех государственных податей и сборов лишь в исключительных случаях. Так, освобождение от дани в жалованных грамотах первой половины XVI в. носило условный характер. Дать в этот период перестала играть роль основного налога с частновладельческих земель и в большинстве случаев вообще с них не собиралась.

Неточен Востоков и в своих географических характеристиках; часто, не называя конкретно объект пожалования, он указывает только уезд: «крестьян монастырских, в Дмитровском уезде находящихся».

В 1881 г. Д. Лебедевым было издано описание коллекции так называемых «историко-юридических актов И. Д. Беляева»²⁴. Каждая грамота характеризовалась Лебедевым отдельно. Сначала автор указывал дату документа по современному летосчислению, проставляя рядом, в скобках, дату по летосчислению «от сотворения мира». При передаче содержания актов Лебедев во многом повторил ошибки Востокова. У него, как и у Востокова, предметно-вопросный признак господствует над номинальным. Лебедев, правда, несколько расширил номинальную характеристику жалованных грамот, однако сделал это без учета различий между отдельными категориями жалованных грамот: все иммунитетные акты фигурируют в описи Лебедева под названием «льготных»²⁵. Лебедев, по-видимому, следовал терминологии А. Н. Горбунова, который в своем исследовании о жалованных грамотах монастырям и церквям XIII—XV вв. разделил грамоты на сложные, условные группы, но не дал конкретной классификации грамот, объединив все иммунитетные акты под общим названием «льготные». На самом деле льготными грамотами называлась только группа актов, в которых предоставлялось временное освобождение от главных налогов. При описании жалованных грамот автор прибегал к весьма подробному изложению их содержания и точно указывал объект пожалования.

Лебедев, как и Востоков, сообщал о подписях, имевшихся на грамоте. Недостатком его передачи подписей является то, что он, подобно Востокову, называл имя только великого князя (или царя), содержавшееся в подписи, но не отмечал подписавшего грамоту дьяка.

Кроме изложения содержания грамот, Лебедев указывал и их внешние особенности: размеры (в вершках), наличие печати. С описью Лебедева сходны описание грамот новгородской епархии М. Г. Курдюмова²⁶ и описание грамот Симонова монастыря Н. А. Попова²⁷, в которых значительное место уделено характеристике отдельных жалованных грамот. Попов, как и Лебедев, называет все жалованные грамоты «льготными». Субъективный подход к документам проявился в описании Попова ярче, чем в описях Лебедева и Курдюмова. Некоторые жалованные грамоты Попов считал важными и поэтому приводил из них даже длинные цитаты²⁸, содержание других передавал очень кратко.

Крупным событием в области описания документальных материалов феодальной эпохи было появление четырехтомного «Обзора» С. А. Шумакова²⁹, который ввел в научный оборот большое количество ценных неопубликованных источников, в том числе жалованных грамот. Описание документов Шумаков вел по уездам, внутри уездных групп — по категориям землевладения и землевладельцам, а внутри этих подразделений — по номерам актов в соответствии с их расположением в собрании «грамот коллегии экономии». По субъективному подходу к описанию

²⁴ Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева. М., 1881.

²⁵ «Льготный» он назвал, например, заповедную грамоту от скоморохов и попрошайек (Лебедев Д. Собрание историко-юридических актов И. Д. Беляева, с. 13, № 29).

²⁶ Курдюмов М. Г. Грамоты Новгородской епархии.— ЛЗАК. СПб., 1908, вып. 14.

²⁷ Попов Н. А. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря.— ЧОИДР, 1910, кн. 2, с. 92—132.

²⁸ Там же, с. 100, № 68 по Москве.

²⁹ Шумаков С. [А]. Обзор «грамот коллегии экономии». М., 1899. Вып. 1; 1900. Вып. 2; 1912. Вып. 3; 1917. Вып. 4.

отдельных грамот Шумаков мало отличался от Попова. Он нередко цитировал интересные, с его точки зрения, грамоты. Если Лебедев и Попов злоупотребляли термином «льготная», то Шумаков неоправданно часто употреблял термин «тарханная». Обзор С. А. Шумакова охватывает только часть коллекции грамот коллегии экономии, документы нескольких, хотя и очень важных уездов.

После Октябрьской революции было опубликовано описание грамот, составленное А. И. Андреевым³⁰. Автор описывал каждую грамоту в следующем порядке: 1) дата по современному летосчислению; 2) разновидность; 3) лицо, выдавшее грамоту; 4) лицо, получившее грамоту; 5) объект; 6) степень сохранности документа; 7) сведения о печати; 8) издание (если акт опубликован). Пример описания жалованной грамоты: «1565 г., августа 24.— Жалованная тарханная грамота царя Ивана Васильевича Казанскому архиерейскому дому на земли и угодья в Казанском уезде и рыбные ловли в р. Волге. Ветха. Напеч. в «Сборн. Хилкова», № 58, стр. 156—160»³¹.

В 30-х годах была опубликована часть каталога частных актов³². Значительное число перечней грамот появилось в 50—70-х годах нашего века. Принципы отбора материала: номинальный, географический, по фондообразователю, по реально существующему фонду или группе фондов в составе одного хранилища.

По номинальному признаку составлены перечни таможенных грамот (А. Т. Николаевой³³), наместничьих, губных и земских (А. А. Зимин³⁴) жалованных и указных (автором настоящей статьи отдельно и совместно с В. Д. Назаровым и Б. Н. Флорей³⁵, а также Д. А. Тебекиным³⁶), полных и докладных (Е. И. Колычевой³⁷). Заголовки актов в этих перечнях отличаются подробностью. Приводятся сведения о позднейших подтверждениях грамот, о дьяках, выдавших или подтвердивших грамоту. По географическому принципу составлены перечни актов Переславль-Залесского уезда (М. И. Смирновым³⁸) и Казанского края (И. П. Ермолаевым³⁹), по принадлежности документов одному фондообразователю составлен список актов Спасо-Евфимьева монастыря (А. А. Зимин⁴⁰). Схема описания актов в них та же, что и в перечнях предыдущего типа.

Более суммарно описываются акты одного большого архивохранилища, например ЦГАДА (В. Н. Шумиловым⁴¹), однако, когда в нем вы-

³⁰ Андреев А. И. Краткая опись грамот, хранящихся в рукописном отделении Российской публичной библиотеки, выпуск первый. Пг., 1923.

³¹ Там же, с. 20, № 143.

³² Каталог частных актов Московского государства.— В кн.: Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936, вып. 2.

³³ Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI—XVII вв. процесса образования всероссийского рынка.— ИЗ, 1950, т. 31, с. 264—266.

³⁴ Памятники русского права. М., 1956, вып. 4, с. 222—225.

³⁵ Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [ч. 1].— АЕ за 1957 год. М., 1958, с. 302—376; То же, ч. 2.— АЕ за 1960 год. М., 1962, с. 129—200; Каштанов С. М., Назаров В. Д., Флоря Б. Н. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в., ч. 3.— АЕ за 1966 год. М., 1968, с. 197—253.

³⁶ Тебекин Д. А. Перечень иммунитетных грамот 1584—1610 гг. [ч. 1].— АЕ за 1978 год. М., 1979, с. 191—235; То же, ч. 2.— АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 210—255.

³⁷ Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI веков.— АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 66—81.

³⁸ Смирнов М. И. Указатель рукописных и изданных документов Переславского края: Доклады Переславль-Залесского науч.-просветит. о-ва. Переславль-Залесский, 1924.

³⁹ Ермолаев И. П. Казанский край во второй половине XVI—XVII вв.: (Хронологический перечень документов) / Под ред. С. М. Каштанова. Казань, 1980.

⁴⁰ Зимин А. А. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря.— АЕ за 1962 год. М., 1963, с. 366—396.

⁴¹ Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. / Сост. В. Н. Шумилов; Под ред. М. Н. Тихомирова. М., 1954.

деляется отдельный фонд, описание становится более подробным (обзор Дрвлекранилища ЦГАДА, составленный тем же автором ⁴²).

Задачей будущего является создание общего хронологического перечня всех разновидностей русских актов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

арх.	— архимандрит	подл.	— подлинный
в. кн.	— великий князь	поч.	— починок
д.	— деревня	пуст.	— пустошь
дд.	— деревни	р.	— река
иг.	— игумен	ркп.	— рукопись
имр.	— имярек	с.	— село
кв. скоб.	— квадратные скобки	сб.	— сборник
кн.	— князь	сс.	— села
кнг.	— княгиня	сц.	— сельцо
м-рь	— монастырь	ст.	— стан
отс.	— отсутствует	сщ.	— селище

⁴² Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов фонда № 135/Сост. В. Н. Шумилов;/Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1971.

В. Л. Янин

К 30-ЛЕТИЮ ОТКРЫТИЯ НОВГОРОДСКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ (методологические аспекты исследования)

С момента открытия в Новгороде 26 июля 1951 г. первой берестяной грамоты прошло три десятилетия, которые продемонстрировали исключительную надежность этого нового источника, практически беспредельную перспективность расширения коллекции текстов на бересте и многообразные их информативные возможности. Общее число берестяных грамот, найденных в Новгороде, к концу полевого сезона 1982 г. достигло 612. Из них в семи вышедших в свет томах систематического издания «Новгородские грамоты на бересте» опубликовано 539 документов (из раскопок 1951—1976 гг.)¹, а в монографии «Усадьба новгородского художника XII века» — еще 23²; два документа воспроизведены в предварительных публикациях³.

За 30 лет существенно расширилось число русских средневековых городов, в слоях которых найдены берестяные тексты. 14 документов найдено в Старой Руссе отрядом Новгородской археологической экспедиции под руководством А. Ф. Медведева⁴. 10 грамот происходят из Смоленска⁵, 4 — из Пскова⁶, 1 — из Витебска⁷. Летом 1980 г. берестяная грамота найдена в древнем смоленском городе Мстиславле (Могилевская область)⁸. Всего, таким образом, при раскопках древнерусских городов обнаружено 642 берестяные грамоты.

¹ Арцизовский А. В., Тихомиров М. П. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; Арцизовский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954; Арцизовский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953—1954 гг.). М., 1958; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). М., 1958; Они же. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963; Арцизовский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958—1961 гг.). М., 1963; Арцизовский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978.

² Количин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981 (грамоты № 541, 542, 544—562, 566, 568).

³ Янин В. Л., Количин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1979 года. М., 1980, с. 41 (грамота № 579); Они же. Новгородская экспедиция. — В кн.: Археологические открытия 1980 года. М., 1981, с. 39 (грамота № 582).

⁴ Арцизовский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 143—153 (грамоты № 1—13); Медведев А. Ф. Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе. — В кн.: Археологические открытия 1977 года. М., 1978, с. 24 (грамота № 14).

⁵ Авдусин Д. А. Смоленская берестяная грамота. — Советская археология, 1957, № 1, с. 248—249 (грамота № 1); Он же. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 г. — Советская археология, 1966, № 2, с. 319—324 (грамоты № 2, 3); Он же. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 гг. — Советская археология, 1969, № 3, с. 186—193 (грамоты № 4—7). Грамоты № 8—10 (1968 г.) не изданы.

⁶ Гроздилов Г. Раскопки древнего Пскова (1956; 1958—1960). — СГЭ, XXIII, 1962; Белецкий В. Древний Псков по материалам археологических раскопок экспедиции Государственного Эрмитажа. — СГЭ, XXIX, 1968; Лабугина И. К., Костючук Л. Я. Псковские берестяные грамоты № 3 и 4. — Советская археология, 1981, № 1, с. 66—88.

⁷ Дроченина Н. Н., Рыбаков Б. А. Берестяная грамота из Витебска. — Советская археология, 1960, № 1, с. 282—283.

⁸ Алексеев Л. В. Исследования Мстиславля. — В кн.: Археологические открытия 1980 года, с. 330—331.

Документы, найденные в Новгороде, следующим образом распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания:

XI в.	— 14	рубеж XIII—XIV вв.	— 18
рубеж XI—XII вв.	— 9	XIV в.	— 189
XII в.	— 101	рубеж XIV—XV вв.	— 51
рубеж XII—XIII вв.	— 69	первая половина XV в.	— 61
XIII в.	— 88	не установлено	— 2

Древнейшими к настоящему времени документами с твердыми стратиграфическими датами являются грамоты № 591 и 593, происходящие из предматериковых слоев Нутного раскопа и датируемые первой половиной XI в. Наиболее поздние — относятся к середине XV в. В перспективе не исключены находки как более поздних, так и более ранних документов. В частности, самые ранние в новгородских материалах орудия письма на бересте (писала) происходят из слоев 953—989 гг. Однако уже добытые к сегодняшнему дню документы отражают, надо полагать, те закономерности, которые и при дальнейших раскопках сохранят свое значение, характеризую наиболее «грамотными» напластования XII — первой половины XV в.

Поздний рубеж массового бытования берестяного письма определяется широким распространением бумаги на место пергамента и бересты, прогрессирующим на протяжении всего XV в., но определившим свое безраздельное господство над старыми способами письма к середине XV в., хотя сам процесс внедрения бумаги как писчего материала наблюдается уже с середины XIV в. Регресс берестяного письма, помимо общего уменьшения написанных с его помощью текстов, проявляется в Новгороде еще двояким способом. Во-первых, в XV в. резко уменьшается число граффити на стенах церквей, что, скорее всего, связано с переходом к преимущественному употреблению гусиного пера и чернил вместо ранее привычного писала. Во-вторых, этот переход отражен и появлением «гибридных» документов — берестяных грамот, написанных чернилами. Именно в слоях середины XV в. найдены обе чернильные берестяные грамоты (№ 13, 496). Впрочем, и слои XV в. отличаются в Новгороде посредственной сохранностью; на ряде раскопов их просто не было.

Что касается раннего рубежа, то его характеристика оказывается более сложной. Нет сомнений в том, что берестяное письмо в Новгороде существовало в X в., и предматериковые напластования всегда будут побуждать археологов к самым тщательным поискам в них древнейших грамот на бересте. Однако при этом надо принять в расчет следующие соображения.

Любая переписка возникает из необходимости передать информацию на достаточно значительное расстояние. Переписываться в пределах города (а в X—XI вв. — небольшого города) требуется лишь в исключительных случаях. Следовательно, для того чтобы переписка приобрела массовый или, во всяком случае, заметный характер, необходимо и массовое разделение авторов и адресатов писем. Три фактора такого разделения — и только они — могут иметь здесь существенное значение: 1) эпизодическая поездка или путешествие (военный поход, торговая экспедиция и т. п.); 2) систематические разъезды (сбор даней, вир и продаж и т. п.); 3) разделение землевладельца и его землевладения. Первые два фактора имеют случайный, исключительный характер, поскольку требуют посылки гонца, т. е. отвлечения помощника от главной задачи. Третий фактор постоянен, но он возникает лишь на грани XI—XII вв. с формированием вотчинной системы, в которой место жительства вотчинника локализуется в Новгороде, вдали от эксплуатируемых им вотчин⁹.

Кроме писем, существуют еще и берестяные памятные записки (исчисление должников и следующих с них сумм). Такие записки могли

⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Т а б л и ц а

Раскоп	Пло- щадь (в кв. м)	Общее число грамот	Одна гра- мота при- ходится на число кв. м	Раскоп	Пло- щадь (в кв. м)	Общее число грамот	Одна гра- мота при- ходится на число кв. м
Михайловский	440	25	17,2	На ул. Кирова	320	10	32
Буяный	160	9	17,8	Торговый	160	4	40
Тихвинский	364	17	21,4	Дмитриевский	360	7	51,4
Неревский	8840	395	22,4	Козмодемьянский	280	5	56
Дубошян	160	6	26,6	Ильинский	1430	21	68,1
Троицкий (I—VI)	1988	73	27	Рогатицкий	140	1	140
Нутный	348	11	31,6	Готский	552	1	552

стать многочисленными только после того, как ростовщичество сделалось значительным явлением, а это, по-видимому, снова ведет нас во времена середины — второй половины XI в.

Чертами закономерности отличаются и преобладающие в разные эпохи сюжетные характеристики берестяных документов. Возобновляющиеся из года в год находки берестяных грамот демонстрируют преимущественный интерес к земельным вопросам в XIII—XV вв., тогда как основным предметом внимания берестяных текстов XI — начала XIII в. оказываются деньги — главным образом в связи с ростовщическими операциями, т. е. с эксплуатацией денежного обращения. Эта тенденция, по-видимому, отражает и качественные этапы в формировании и укреплении вотчинной системы.

Любопытные материалы для размышлений дает группировка берестяных грамот по раскопам. В публикуемой таблице показана насыщенность берестяными грамотами разных раскопов. В ней не учтены 1 документ Троицкого — VII раскопа, работы на котором доведены пока только до горизонта XIV века, 1 грамота Нутного — II раскопа, доведенного до слоев конца XIV в., и 27 грамот, найденных в разных пунктах Новгорода при случайных обстоятельствах.

Разумеется, эти данные весьма условны, но тем не менее они демонстрируют общую тенденцию уменьшения насыщенности культурного слоя берестяными грамотами по мере удаления от древнейших боярских гнезд, от тех центров, где находятся наиболее ранние участки городской застройки. А поскольку именно в них концентрировалась основная масса землевладельцев, преимущественная связь берестяного письма с нуждами управления вотчинным хозяйством представляется мне подтвержденной. Из этого, однако, вовсе не следует вывод о социальной односторонности берестяного письма. Участниками переписки были не только феодалы, но и зависимые от них люди. Кроме того, берестяные грамоты встречаются и вне боярских комплексов. Широкое распространение грамотности во всех слоях новгородского общества демонстрируется самими текстами многих грамот. Здесь же речь идет о той сфере, где использование бересты для письма было неотъемлемой функцией самой организации хозяйственной жизни, и, следовательно, о направлении наиболее перспективных поисков.

Следует особо коснуться весьма важного, на наш взгляд, методологического вопроса, связанного с изучением берестяных грамот. В ряде работ, появившихся и появляющихся после открытия грамот на бересте, декларируется возникновение новой вспомогательной исторической дисциплины — берестологии. Мысль о ней была высказана впервые еще в 1952 г. А. В. Арциховским: «Для историков древнего мира открываемые в земле античные папирусы оказались настолько важными источниками, что возникла особая вспомогательная историческая наука — папирология. Для историков древней Руси и других стран будет, вероятно, в бу-

дущем создана подобная вспомогательная наука — „берестоведение“ или, может быть, „фленология“»¹⁰.

Если А. В. Арциховский предполагал создание такой дисциплины в будущем, то другие исследователи считают, что она уже существует. Д. С. Лихачев назвал одну из своих статей: «Новая наука — берестология»¹¹. М. П. Сотникова считает, что «„фонд берестяных грамот“ так велик... и так разнообразен по содержанию, что изучение грамот фактически составляет предмет особой вспомогательной дисциплины»¹². Л. В. Черепнин, отметив, что «появление новых источников вызывает к жизни и новые дисциплины», констатировал: «Так, находки берестяных грамот породили науку, за которой большое будущее — берестологию»¹³.

Несмотря на все эти авторитетные мнения, вопрос не кажется мне столь бесспорным. Берестяные грамоты представляют собой особую разновидность письменного источника, выделяемую лишь по материалу и способу письма, что само по себе еще не может служить поводом для их обособления от других письменных документов. Современная эпиграфика, например, объединяет надписи, вырезанные на камне, отлитые или чеканенные на металле, шитые на ткани и т. д. Вспомогательная дисциплина может формироваться на основе исследования достаточно однородных групп памятников, к которым применим единый методический подход. Однако берестяные грамоты не составляют такой однородной группы, включая в свой состав и деловое письмо, и памятную записку, и черновик официального акта, и школьное упражнение, и запись литературного характера. Все эти различные жанры берестяного документа обнаруживают теснейшее родство с аналогичными разделами фонда более поздних (да и современных ему) письменных источников, вместе с которыми они, очевидно, и должны изучаться.

Однако более важным представляется мне другое обстоятельство. В отличие от папирусов, находимых, как правило, вне породившего их бытового комплекса, берестяные грамоты, находимые в четких стратиграфических условиях, неотторжимы от своего археологического окружения. Они обнаруживаются вместе с многочисленными древностями в точно фиксированных прослойках культурного слоя, внутри комплексов, локально привязанных к определенным усадьбам и постройкам. Поэтому они могут и должны быть подвергнуты принципиальной группировке по этим комплексам, а анализ текстов этих документов требует постоянного их соотношения со всей совокупностью археологических находок.

Это совместное изучение всего репертуара древностей внутри хронологически и территориально ограниченного комплекса представляется первоочередной задачей исследования — не вычленение берестяных грамот из родственно единой совокупности фактов, а сохранение их органического синтеза с этой совокупностью. Отдельное от всего комплекса изучение берестяных грамот уже сейчас, к примеру, приводило к неверной социальной атрибуции некоторых текстов. По-видимому, пришло время для подготовки специального издания берестяных грамот, основанного на их группировке по стратиграфическим горизонтам комплексов-усадб. Первой попыткой такого издания является книга «Усадьба новгородского художника XII в.» (к краткому обобщению изложенного в ней опыта я вернусь ниже).

Декларацию о возникновении берестологии, якобы уже состоявшемся, недавно горячо поддержала Е. И. Каменцева. «Нет спору, — пишет

¹⁰ Арциховский А. В. Раскопки 1952 года в Новгороде. — Вестник Академии наук СССР, 1952, № 12, с. 57.

¹¹ Лихачев Д. С. Новая наука — берестология. — Новый мир, 1966, № 2, с. 171—174.

¹² Сотникова М. П. Русская эпиграфика в советское время. — ВИД. Л., 1970, вып. 3, с. 87.

¹³ Черепнин Л. В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, вып. 1, с. 40; Он же. Русская палеография и другие вспомогательные исторические дисциплины. — В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 28.

она, — что доводы, приводимые В. Л. Яниным, очень серьезны. Но не подходит ли он к берестяным грамотам в данном случае как археолог? Ведь точно так же специалисты в области эпиграфики считают их своим объектом исследования. Так же считают их своим объектом палеографы. Не правильнее ли будет считать, что берестология уже существует, хотим ли мы этого или нет?»¹⁴ Нет, не «точно так же». Берестяные грамоты являются несомненным объектом эпиграфики и палеографии, как и лингвистики, исторической географии, ономастики, истории права и множества других дисциплин, но такой же объект для этих дисциплин представляет любая относящаяся к сфере их интересов рукопись, написанная на пергамене или на бумаге.

В то же время к единому историко-лингвистическому комплексу, если он включает в свой состав и письменные, и вещественные источники, нельзя подходить «как археолог» или «как историк». В данном случае археолог предлагает изучать такой комплекс в его неразрывности, на основе синтеза всех его информационных возможностей — и «исторических», и «археологических». А что предлагает некий историк? Разъять комплекс? Во имя чего? Чтобы сказать о существовании несуществующей дисциплины? Или для обоснования права историка не интересоваться теми возможностями, которые предоставляет исследователю археологическая характеристика источника?

Любая научная дисциплина, если она уже возникла, обладает целью исследования и его специфическими методиками. Мы очень хорошо представляем себе нумизмата или палеографа, но никакое воображение не помогает нарисовать фигуру «берестолога». Ни цели, ни особых методик «берестологии» никто пока не сформулировал, а стремление к искусственной дифференциации части комплекса, когда весь комплекс исторически интегрирован и уже обладает той цельностью, к которой должен всегда стремиться исследователь и о которой он чаще всего вынужден бывает только мечтать, не представляется мне насущной потребностью современной науки.

Продемонстрирую изложенный выше подход к анализу берестяных грамот на конкретном примере.

В 1973 г. на Троицком раскопе в слоях рубежа XII—XIII вв. была найдена берестяная грамота № 502. Полностью сохранившийся текст представлял собой записку Мирослава, нацарапанную некоему Олисею-Гречину во время судебного заседания. В ней содержался совет спросить у Гавки Полочанина, который вот-вот должен войти, где тот остановился: «Ведь ты видел, как то было, и я Ивана схватил, поставил перед свидетелями. Как ответит?»¹⁵

По существу содержащегося в записке текста возможно утверждать, что отраженное в ней судебное расследование касается разбоя. Согласно Псковской судной грамоте, процесс о «бое и грабеже» начинался с допроса («обыска») выставленного истцом послуха: «...где будет обедал или где начинал; и послух изведется иночаем его, или где обедал, также и битого опросить, где его били и грабили...»¹⁶ Никаких материалов, позволяющих идентифицировать автора и адресата записки с известными по другим источникам лицами, документ не содержит. Вот, пожалуй, все, что можно сказать об этой грамоте, взятой вне связи с комплексом.

Между тем усадьба, на которой найдена грамота № 502, отличается тремя существенными особенностями. Во-первых, она замечательна богатством вещевых инвентаря, характеризующего ее владельца как богатого человека. Во-вторых, по своей площади она примерно вдвое меньше известных по другим раскопам боярских усадеб (730 кв. м против 1200—

¹⁴ Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учебное пособие. М., 1979, с. 35.

¹⁵ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 96—99.

¹⁶ Памятники русского права. М., 1953, вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. / Сост. А. А. Зимин. с. 288, ст. 20.

1800 кв. м), что говорит о более низком социальном ранге владельца. В-третьих, слои этой усадьбы, отложившиеся между 1151 и 1209 гг., насыщены разного рода церковными древностями, в том числе и берестяными грамотами со списками канонических имен. Поскольку в 1151 г. на соседнем с раскапываемым двором участке была построена церковь Василия Парийского, очевидно, что рассматриваемая усадьба была выделена построившей церковь боярской патронимией для клириков этого храма.

Располагая этими данными, стало возможным идентифицировать адресата грамоты № 502 Олисея-Гречина с упомянутым в летописи под 1193 г. Гречином — претендентом на архиепископскую кафедру, а ее автора, вероятно, — с новгородским посадником того же времени Мирошкой Нездиничем.

Принадлежность усадьбы Гречину подтвердилась косвенным образом в 1976 г. находкой в слоях того же времени пространной грамоты № 531, которая снова касалась запутанного судебного дела. Участники этого дела не имели никакого отношения к усадьбе, и документ оказался на ней в связи с тем, что ее владелец был членом суда¹⁷. Прямые указания на то, что этим владельцем является Гречин, были получены в 1977 г.: Гречину адресованы обнаруженные тогда здесь же берестяные грамоты № 546, 549 и 558.

Однако последние два документа характеризовали Гречина в ином ракурсе его деятельности. Они содержали заказ некоего попа Мины на исполнение храмовых икон. Художническая работа Гречина подтверждалась всем комплексом находок на его усадьбе, где были расчищены остатки иконописной мастерской, найдены многочисленные образцы красок и других необходимых для работы живописца припасов, инструменты, заготовки икон. В свою очередь, принадлежность к этому комплексу некоторых специфических берестяных текстов позволила опознать в них запись других сделанных ему заказов, что невозможно было бы сделать, рассматривая эти документы вне археологического комплекса.

Таким образом, совместное изучение всех материалов усадьбы дало возможность характеризовать ее владельца как человека весьма разносторонних способностей, проявлявшихся в разных сферах его деятельности. Он занимал выдающееся место в духовной иерархии Новгорода и в силу этого занимал высокий пост в смешанном суде посадника и князя, но он также был художником и руководителем иконописной мастерской. Такая характеристика позволила идентифицировать летописного Гречина 1193 г. с летописным же Гречином Петровичем, упомянутым под 1196 г. как художник, который расписал фресками надвратную церковь Разположения в новгородском Детинце.

Выяснение того обстоятельства, что Гречин писал не только иконы, но и фрески, поставило новую проблему исследования — поиски возможных произведений этого художника. Предпринятая попытка привела к предположительному выводу о его руководящем участии в создании знаменитого фрескового комплекса Спас-Нередицы 1199 г., а также о принадлежности ему известной двусторонней иконы «Спас Нерукотворный — Поклонение Кресту». Иными словами, комплексный подход к изучению берестяных грамот позволил впервые наметить пути к преодолению анонимности прославленных произведений древнерусского искусства, не говоря уже об осмыслении через археологический комплекс самих берестяных текстов, содержание которых не могло бы раскрыть и половину своих информативных возможностей при их изолированном исследовании¹⁸.

Тот же принцип неразрывности источникового комплекса лежит и в основе сегодняшней работы с берестяными грамотами Неревского раско-

¹⁷ Арцизовский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.), с. 130—134.

¹⁸ Колчин В. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в.

па. Топографирование документов боярской семьи Мишиничей установило принадлежность этой семье не одной, а, по крайней мере, трех боярских усадеб, вскрытых на Неревском раскопе, что и привело к открытию боярской патронимии как важной структурной ячейки конца. Однако в той же связи возникла трудная проблема выяснения территориальных пределов такой ячейки и ее генезиса. Круг исследованных берестяных грамот и генеалогических сведений в летописях и актах не содержит сколько-нибудь доказательных материалов по истории этой семьи до конца XIII в., что оставляет простор разным предположениям, в том числе и такому, что боярская семья Мишиничей водворилась на Неревском конце только в последней трети XIII в.

Анализ берестяной грамоты № 178, описывающей земельную покупку второй половины XIV в., установил, что перечисленные в ней пункты в конце периода новгородской независимости принадлежали жившему в том же квартале Новгорода боярину и посаднику Александру Самсоновичу, чем была обоснована причастность этого лица к боярской семье Мишиничей. Восстановление же генеалогии Александра Самсоновича привело к ряду существенных наблюдений о родственных связях значительной группы лиц, включая знаменитых Борецких, живших на соседнем с раскопаным участке. Таким образом, не только расширилось понимание комплекса (от усадеб до группы родственно связанных усадеб — патронимии), но и сама патронимия в этом конкретном случае оказалась включающей в свой состав несколько десятков боярских усадеб. А это, в свою очередь, делает надежным вывод о древних корнях патронимии, восходящей отнюдь не к последней трети XIII в., а к X в.¹⁹

Отсюда очевидно, что любая систематизация берестяных грамот должна включать на первом этапе их осмысления систематизацию всех древностей, выделяющих комплексы городской структуры разных порядков ее организации. Только в таком случае с должной полнотой выявляются взаимосвязи документов, как территориальные, так и хронологические.

Лишь на следующих этапах исследования могут и должны возникать другие классификационные схемы в зависимости от тех задач, которые ставит перед ними конкретный специалист.

Отмечу еще одно важное качество берестяных грамот. Поскольку большинство их является результатом дальних связей города и его громадной сельской округи, берестяные документы составляют немаловажный источник не только по истории городской культуры, но и по истории Новгородской земли в целом, демонстрируя прежде всего систему эксплуатации сельских владений Новгорода в таких подробностях, которые не освещены другими источниками. Однако и в этом случае берестяная грамота выступает не как абстракция, не как обобщение, а как документ, отражающий конкретные взаимосвязи определенных семей феодалов с определенными территориями, им подвластными. В большинстве случаев такая связь устанавливается только через принадлежность берестяного документа к конкретной усадьбе землевладельческой семьи, т. е. через археологическую реалию, открываемую раскопками.

Таким образом, мое стремление возражать против мнения, что берестология — это особая вспомогательная дисциплина истории, основывается не на цеховом желании оставить этот источник в исключительном ведении археологии, а на раздумьях о выборе наиболее важного направления в исследовании берестяных грамот сегодня, когда их активное использование несколько опережает решение достаточно существенных источниковедческих проблем, связанных с этой новой категорией исторических источников.

Касаясь научного значения берестяных грамот, мы можем теперь, когда их количество превысило внушительную цифру — 600 документов,

¹⁹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.

оценить их открытие как особо выдающееся достижение археологии. Берестяные грамоты позволили по-новому характеризовать многие стороны средневековой истории и городской культуры. Мы теперь иначе представляем себе и состояние грамотности в древнем Новгороде, и характер внутрисадебных отношений в нем, и те динамические процессы, которые лежали в основе развития новгородской экономики и политики. Однако главным результатом их открытия является персонификация жилого комплекса, возможность тяготеющие к генерализации вещественные материалы раскопок с конкретностью письменного документа, способность не только увидеть исчерпывающий ассортимент предметов и сооружений, которыми пользовался средневековый новгородец, но и услышать голос этого новгородца. Эта новая возможность изменила саму манеру археологического исследования, поставив перед ним проблемы, бывшие прежде традиционными для исследователей письменных источников.

Оценивая перспективы дальнейших поисков берестяных грамот в Новгороде, можно привести — пусть самый приблизительный — подсчет. За 50 лет раскопок в Новгороде вскрыто около 2,5 га культурного слоя, на которых обнаружено около 600 берестяных грамот. Если принять активно используемую площадь древнего города за 100 га (общая его площадь в пределах валов окольного города конца XIV в. равна 260 га), то количество еще не открытых, но хранящихся в земле берестяных документов приравняется 23 500. Такая цифра может показаться фантастической, но ее подкрепляют приведенные выше материалы о насыщенности новгородского культурного слоя берестяными грамотами на разных раскопках. Она может быть несколько меньше или несколько больше, но в любом случае Новгород таит в своих недрах многие тысячи берестяных документов, которым еще предстоит войти в фонд первоисточников нашей истории.

А. А. Турилов, А. В. Чернецов

СОФРОНИЙ, КНИГЧИЙ ИВАНА ГРОЗНОГО, И АДРЕСОВАННОЕ ЕМУ СОЧИНЕНИЕ

Книжная культура Руси XVI в. (и особенно библиотека Ивана Грозного¹) представляет большой научный интерес. В этой связи обращает на себя внимание рукопись второй половины XVII в. из собрания ЦГАДА², по-новому освещающая связи русских ученых книжников с окружением Ивана IV.

Основная часть рукописи занята текстами, посвященными календарю и пасхалии, одной из разновидностей «Миротворных кругов». Заглавие рукописи находит близкие аналогии в других текстах подобного содержания³: «Предисловие святцам. Творение грешного раба Ивана Рыкова, списание вкратце о году и о прочих пристоящих в нем. Российского царства цареву книжчию кир Софронию Постнику радоватися» и далее: «Тебе же, возлюбленне брате кир Софроние, пишу сие писание твоего ради словеси. Егда со царем изыде от наших псковских предел в царствующий град Москву, понуди нас восписать ко твоему христоролюбию...».

Этот текст отличается от известных до сих пор тем, что в нем назван автор (составитель). Имя Ивана Рыкова как будто не фигурировало в научной литературе. В то же время существуют еще две рукописи, содержащие заглавия с его именем⁴, которые дают основания для датировки всех связанных с ним текстов и соответственно для выяснения, когда жил кир Софроний и книгчим какого царя он был. Эти две рукописи не упоминают о кир Софронии. Первая из них — список рубежа XVII—XVIII вв. из собрания В. А. Десницкого в ГБЛ, содержащий гадательную книгу Рафли⁵. Это не просто руководство по одному из видов гадания, а значительный по объему трактат, включающий сведения космографического, календарного и астрологического характера. Отдельные календарно-астрономические фрагменты рукописей ЦГАДА и ГБЛ обнаруживают текстуальные совпадения. Предисловие к книге Рафли близко к приведенному выше; имеется в ней и текст об отъезде царя из Пскова (причем царь назван «Иоанном Васильевичем»), но вместо кир Софрония фигурирует имя кир Иоанна. Последнее, несомненно, не является случайной ошибкой, так как в дальнейшем тексте неоднократно встречаются обращения к нему; кир Иоанн назван «писарем градским».

Несмотря на различия текстов в рукописях ЦГАДА и ГБЛ, сходные предисловия несомненно имеют общее происхождение. В обоих случаях упоминается один эпизод — отъезд царя из Пскова. По-видимому, Иван Рыков, руководитель кружка книжников в Пскове (в книге Рафли он называет их своими «чадами»), в течение недолгого времени составил ряд компиляций, связанных с календарем, астрономией и астрологией.

Еще раз Иван Рыков упоминается в рукописи первой половины XVIII в. из собрания Е. В. Барсова в ГБЛ⁶. Одна из небольших статей

¹ Библиотека Ивана Грозного: Реконструкция и библиографическое описание. Л., 1982.

² ЦГАДА, ф. 188. Собрание ЦГАДА, оп. 1, № 632.

³ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, с. 127—129.

⁴ *Турилов А. А., Чернецов А. В.* Иван Рыков — псковский книжник XVI в. — В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли: Тезисы научно-практической конференции. Псков, 1982.

⁵ ОР ГБЛ, ф. 439 (Коллекция В. А. Десницкого), карт. 21, ед. хр. 3.

⁶ ОР ГБЛ, ф. 17 (собр. Е. В. Барсова), № 518.

в этой рукописи начинается предисловием, сходным с цитировавшимся, причем имя кир Софрония отсутствует. Дальнейший текст соответствует одной из глав рукописи ЦГАДА «О часех, како во дни или нощи часы растут и отрастают» и заключается словами: «Конец скончивает совещаение божественных дел. Написано во граде Пскове Российских стран в лето господне 1579». Это подтверждает связь Рыкова с Псковом, уточняет время написания его «творений» и соответствует данным о пребывании Ивана IV во Пскове. Таким образом, существуют достаточные основания для датировки 1579 г. календарно-астрономических текстов, следующих за предисловием, обращенным к кир Софронию. До обнаружения трех рассматриваемых рукописей связь Софрония с Иваном IV, их отъезд из Пскова с 1579 г. устанавливались только предположительно.

С именем Ивана Рыкова в рукописи ЦГАДА можно связывать обращение к кир Софронию, притчу о царе-годе, а также девять глав («О году солнечном», «О 12 зодиах», «О четырех временах года», «О солнечном статии», «О месяцах», «О календах, нопах и идусах», «О седмицы», «О дни» и «О часех»). Поскольку в рукописи Барсова вслед за последней из этих глав идет приведенное выше заключение, можно полагать, что текст, который Иван Рыков считал своим «творением», на этом кончается. В то же время есть основания для предположения, что компиляция Ивана Рыкова была более значительна по объему. Об этом свидетельствуют содержащиеся в тексте книги Рафли фрагменты календарно-астрономического содержания, отсутствующие в перечисленных девяти главах.

В следующем за этими главами тексте рукописи ЦГАДА особый интерес представляет статья «О русских часех, како бьют во всяком месяце в Новгороде Великом», переписанная в рукописи два раза (л. 28 об. и 35 об.). Эту статью, по-видимому отражающую самостоятельные наблюдения или вычисления русских астрономов, можно сопоставить с известной в рукописи XVI в. статьей «Указ книжным часам, во сколько часов обходит солнце над псковскою землею»⁷. Статья «О русских часех» не может быть безусловно приписана Ивану Рыкову, однако его авторство не исключено. «Предисловие святым» Ивана Рыкова и другие тексты в составе рукописи ЦГАДА представляют ценный материал для пока еще слабо разработанной текстологии русских «Миротворных кругов» — важнейшего источника по истории естественнонаучных и математических знаний на Руси.

Чрезвычайно интересно, что этот памятник письменности был составлен по инициативе «Российского царства царева книгчия». Слова «Российского царства» ясно показывают, что кир Софроний не был простым чтецом и что это была важная придворная должность. Он мог выступать в роли заказчика, по указанию которого создавались сочинения, имеющие государственное значение. Не бесспорна, но весьма вероятна его причастность к знаменитой библиотеке Ивана Грозного.

⁷ ОР ГБЛ, ф. 735, Рязанское собрание № 26.

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О МОНАСТЫРСКОМ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИИ В ГОДЫ ОПРИЧНИНЫ

Проблемы истории опричнины: причины, ее породившие, влияние на процессы социально-экономического развития России во второй половине XVI в., направленность опричного террора — получили разностороннее освещение в работах многих советских историков: С. Б. Веселовского, П. А. Садикова, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, С. О. Шмидта, Р. Г. Скрынникова, С. М. Каштанова, В. Д. Назарова и др. Опубликованный дореволюционными и советскими исследователями значительный актовый материал монастырских архивов является важной документальной базой для изучения внутренней политики в годы опричнины, вопроса о перераспределении земель внутри класса феодалов, росте монастырского землевладения, направленности опричных опал и казней.

Среди не решенных до конца вопросов истории опричнины остаются причины гибели как отдельных лиц, так и целых семей, и судеб принадлежавших им вотчин, особенно тех земель, которые переходили во владение духовных корпораций, архивы которых за вторую половину XVI в. сохранились плохо. Поэтому так важны поиски и публикации документов, позволяющих пополнить наши сведения о круге лиц, лишившихся своих вотчин, переход которых к монастырям произошел именно в годы опричнины.

В фондах Серпуховского историко-художественного музея хранится данная 1570—1571 гг. душеприказчиков М. И. Стромиллова на его вотчину с. Собакино с деревнями Серпуховскому Высоцкому монастырю¹. Это один из немногих актов XVI в., дошедших до нас в составе сохранившейся части монастырского архива, поступившего в музей в начале 1930-х годов, опись которого была составлена Л. Д. Воронцовой в начале XX в.²

Вклад записан во вкладной книге монастыря XVII—XVIII вв.³: «Дал вкладу Михаилу Иванов сын Стромиллов село Собакино с деревнями»⁴.

Данные грамоты являются одним из самых распространенных видов источников, наиболее часто хранившихся в монастырских архивах⁵, осо-

¹ Серпуховской историко-художественный музей (далее: СИХМ), № 10940.

² Об архиве Высоцкого монастыря и публикации отдельных документов см.: *Воронцова Л. Д.* Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря. — В кн.: *Древности: Труды Археографической комиссии императорского Московского Археологического общества* / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1898, т. 1. (То же, отд. оттиск); *Она же.* Два документа из архива Серпуховского Высоцкого монастыря. — В кн.: *Древности*. М., 1900, т. 2, вып. 1, стб. 172—175; *Она же.* Рукописи Серпуховского Высоцкого монастыря. — В кн.: *Древности*. М., 1902, т. 2, вып. 2, стб. 324—346; *Тренев Д. К.* Серпуховской Высоцкий монастырь, его иконы и достопамятности. М., 1902, с. 96—98.

³ Вкладная книга Высоцкого монастыря известна в двух вариантах: книга, ведшаяся в монастыре в XVII — начале XVIII в., в которую были внесены и записи вкладов XVI в., полученных монастырем с 7085 г. (СИХМ, № 2809), и редакция этой вкладной книги 1729 г., когда записи в книге были сгруппированы частично по годам и в них были опущены такие детали, как дни поминания вкладчиков и т. д. Редакция опубликована Л. Д. Воронцовой в «Древностях...» без записей вкладов после 1729 г. (СИХМ, № 1673). Мы пользовались первым вариантом вкладной книги.

⁴ СИХМ, № 2809, л. 13. Запись вклада без даты среди вкладов XVII в.

⁵ *Копанев А. И.* Дипломатика поземельных актов двинских крестьян. — ВИД, Л., 1974, вып. 6, с. 143; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 189.

бенно для второй половины XVI в., служат важным источником по истории роста монастырского землевладения, отразившим многообразные формы борьбы за землю⁶. Л. В. Черепнин отмечает, что данные грамоты по большей части лаконичны и сухи, но тем не менее «вскрывают иногда очень разнообразные социально-экономические отношения между вкладчиком и монастырскими властями»⁷.

Данная 1570—1571 г. Я. И. Шипкина и Н. И. Боранцова не выходит из ряда обычных по содержанию данных грамот. Так, в нее входят статьи, посвященные наиболее важным для вкладчика и приобретателя вопросам: имена душеприказчиков, дающих вклад, и вотчинника, по чьей духовной (несохранившейся) вклад дается, статья об условиях — «по своей душе и по своих родителей и прародителей», наименование приобретателя, объекты дарения, составлявшие вотчину М. И. Стромилова, статьи, обеспечивающие права монастыря, указание на то, что «вотчина не заложена, ни продана и в монастырь не отдана», запрет на отчуждение вложения родственниками М. И. Стромилова, обязательство «очищения» вотчины душеприказчиками в случае претензии на нее других феодалов. В удостоверительной части акта перечисление послухов, писца, рукоприкладство Н. И. Боранцова и послухов.

В данной грамоте повторяются в сокращенном виде статьи об условиях вклада, перечисление владений, отчуждаемых монастырю. Имеются сведения о двух земельных вкладах, полученных Высоцким монастырем во второй половине XVI в. С. Б. Веселовский, отметивший их в своей работе о монастырском землевладении, не называет их конкретно и не приводит точных ссылок на источники, указывая только, что он среди других архивных фондов пользовался собранием Грамот Коллегии экономики в ЦГАДА⁸. В. Н. Шумилов называет два документа по землевладению Высоцкого монастыря во второй половине XVI в. этого архивохранилища: отдельную грамоту Ивана IV на сельцо Глазово 1571 г.⁹; вклад Ю. И. Карпова¹⁰ и данную по духовной Г. Н. Безобразова на половину сельца Неданова с пустошами в Рязском уезде и две пустоши в Волоцком уезде 1595 г.¹¹

Таким образом, с Собакино с деревнями, полученное Высоцким монастырем по духовному завещанию М. И. Стромилова, было третьим земельным приобретением монастыря во второй половине XVI в. и вторым в годы опричнины.

Стромилковы ведут свой род (по С. Б. Веселовскому) от дьяка Алексея Стромилова, писавшего третью духовную великому князю Василию Дмитриевичу в первой четверти XV в.¹² Михаил Черт Алексеевич Стромиллов вместе с отцом были даны Василием Темным «неотказно в род и в род и до века» в службу митрополитам за измену великому князю и побег

⁶ Черепнин Л. В. Акты конца XIV—XV в., их разновидности и значение в качестве исторического источника. — АСЭИ, М., 1952, т. 1, с. 640.

⁷ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. М., 1951, ч. 2, с. 67.

⁸ Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси XVI в. — ИЗ, 1941, т. 10, примеч. на с. 101, диаграмма на с. 102.

⁹ Шумилов В. Н. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв. М., 1954, с. 86.

¹⁰ Сельцо Глазово вместе с пустошью Пониково записано как вклад Ю. И. Карпова во вкладной книге Высоцкого монастыря без даты, среди вкладов 40-х годов XVII в.: «Дал вкладу Юрье Иванович Карпов вотчину сельцо Глазово да пустошь Пониково» (СИХМ, № 2809, л. 9 об.).

¹¹ Шумилов В. Н. Указ. соч., с. 86. Во вкладной книге запись вклада без даты с заголовком «Безобразовых вкладные 130 г.» За ней следуют записи вкладов Безобразовых разных годов. Возможно, записи производились в 1621—1622 гг. по текстам вкладных разных лет.

¹² Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974, с. 302, 372; Он же. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 489; Он же. Владимир Гусев — составитель судебногоника 1497 г. — ИЗ, 1939, т. 5, с. 46—47. Л. В. Черепнин датирует грамоту мартом 1423 г. (ДДГ, М.; Л., 1950, с. 62, № 22), А. А. Зимин — 1419—1423 гг. (О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. — ПИ, М., 1958, вып. 6, с. 294).

к Ивану Андреевичу Можайскому в 1454 г.¹³ Стромилковы-Чертовы служили митрополитам в XV—XVI вв. на протяжении нескольких поколений в качестве рядовых детей боярских¹⁴. Видимо, у Алексея Стромилова был еще один сын, отец введенного дьяка Ивана III Ф. Стромилова, казненного за участие в заговоре 1497 г. вместе с В. Гусевым и другими его участниками. С. Б. Веселовский считает Ф. Стромилова внуком А. Стромилова и племянником Михаила Черта Стромилова¹⁵. О потомстве Ф. Стромилова ничего неизвестно. В родословной Стромилдовых, составленной Н. С. Стромилковым и опубликованной В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым, в поколенных росписях отмечены для XVI в. 11 человек, служивших в основном по Юрьеву Польскому¹⁶, а среди лиц, не вошедших в росписи, — 9 человек, где упомянуты Михайлец Иванович с братом Иванцом, дети боярские города Боровска¹⁷. По Боровску они записаны и в Дворовой тетради¹⁸. В Тысячной книге и Дворовой тетради записаны еще четверо Стромилдовых: Павел, Юшка, Яков Никифоровичи и Яков Владимирович, дети боярские по Юрьеву¹⁹.

Известен Петр Иванов сын Стромиллов, бывший в 1510 г. послухом у купчей на землю в Московском уезде²⁰. В разрядах второй половины XVI в. упоминаются Петр Павлинов сын и Юрий Стромилловы²¹, в списке стрелецких голов и сотников записан Иван Васильев сын Стромиллов²².

О службах боровских Стромилловых ничего неизвестно. М. И. Стромиллов был, видимо, последним представителем боровской ветви этого рода по мужской линии к моменту передачи вотчины Высоцкому монастырю.

Душеприказчиками М. И. Стромилова являются Яков Иванов сын Шишкин и Никифор Иванов сын Боранцов. Первый, видимо, брат Алексея Иванова сына Шишкина, записанного в Дворовой тетради сыном боярским по Серпухову, где служили и другие дети боярские Шишкины: Афоня и Русин Истомины дети, Михайло Григорьев сын Коштев и Яковец Коштев сын, Ширяй Протасов сын «губной староста», Русин Никитин сын Клеменов²³. В 1555 г. Афанасий Истомин сын Шишкин получил в поместье 100 четв. из бывших вотчинных земель Высоцкого монастыря²⁴. Русин Шишкин был вкладчиком монастыря в 70—80-х годах XVI в. К записи его вклада приписан вклад и по самом Русине²⁵. Положение Шишкиных, уцелевших после опричных репрессий против Шишкиных-Ольговых, было, видимо, не очень устойчивым. В 1571 г.

¹³ Веселовский С. Б. Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М., 1947, т. 1, с. 222.

¹⁴ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы..., ч. 2, с. 295—303; Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 250—252.

¹⁵ Веселовский С. Б. Владимир Гусев — составитель судебного..., с. 46—47. См. также: Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев, с. 307; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы..., ч. 2, с. 295—296; Зимин А. А. Летописные свидетельства о коронации Дмитрия внука и заговоре Владимира Гусева (1497—1498 гг.). — В кн.: Летописи и хроники, 1973. М., 1974, с. 240—251; Он же. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. — ИЗ, 1974, т. 87, с. 270—271; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967, с. 41—43, 79, 91, 100.

¹⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887, т. 2, с. 420—433.

¹⁷ Там же, с. 435.

¹⁸ ТКДТ, М., 1950, с. 172, л. 130.

¹⁹ Там же, с. 70, 152, л. 114, 124 об., 132 об., 134 об. В родословной из перечисленных Стромилловых отмечены Яков, Юрий (Юшка) и Павел Владимировичи (Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ. соч., с. 435); П. А. Садилов указывает детей боярских Стромилловых, владевших вотчинами под Переяславлем Залесским (Садилов П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950, с. 74).

²⁰ Акты Русского государства 1506—1526 гг. М., 1975, № 62, с. 69.

²¹ Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976, ч. 2, вып. 1, с. 153, 191, 195, 207; Тагуцьев Ю. В. Местнический справочник XVII в. — В кн.: Летопись Историко-родословного общества в Москве, 1910. Вильна, 1910, вып. 2/3 (22/23), с. 18.

²² ТКДТ, с. 164, л. 496.

²³ Там же, с. 122, л. 164.

²⁴ СИХМ, № 10239; Воронцова Л. Д. Рукописи..., стб. 339. Сотная 1555 г.

²⁵ СИХМ, № 2809, л. 11.

бежал в Литву какой-то Русин Шишкин²⁶. Серпуховитин Русин назван в числе детей боярских, которые «навели» Девлет Гирея на Москву весной того же года. А. А. Зимин отождествляет его с одним из Русинов Шишкиных, служивших по Серпухову²⁷.

Второй душеприказчик — Никифор Иванов сын Боранцов принадлежал к роду детей боярских, имевших во второй половине XVI в. поместья в соседнем с Серпуховским Каширском уезде²⁸. О службе Боранцовых в это время ничего неизвестно. Что касается послухов, то практика предусматривала среди них как родственников владельцев отчуждаемых вотчин, так и инофамильцев. В данном случае среди послухов однофамильцев Стромилых нет. Юрьевские Стромилы находились далеко и не могли рассматриваться как «гаранты» вклада. В таком случае послухами являются, как мы увидим, соседи, что для приобретателя «было гарантией бесспорности границ владения»²⁹. Это Михаил Юрьевич и Первой Осипович Соймоновы, Иван Григорьев и Ратман Игнатьев. Интересно, что среди послухов нет Чертовых, потомков Михаила Черта Стромилова, владевших землями в 20—40-х годах XVI в. в Хотуни (в волости или уезде), соседней с Серпуховским уездом.

Там владели с. Онаньинским Иван Михайлов сын Шолох Чертов в 1518—1519 гг., Семен Михайлов сын Чертов в 1519—1520 гг.³⁰ и 1539—1540 гг.³¹, Нечай Иванов сын Чертов с. Чирковым в 1539—1540 гг.³² Связи Стромилых и Чертовых довольно отчетливо прослеживаются до 60-х годов XVI в. В 1510 г. Семен Васильев сын Осокин Чертов был вместе с Петром Стромилыным послухом у купчей³³, а сын С. М. Чертова Михалец Семенов сын в Тысячной книге записан по Боровску³⁴. Любопытно, что Чертовы и Стромилы состояли в близком родстве в 60-х годах XVI в. Иван Михайлов сын Чертов пользовался архивом своего дяди Субботы Васильева сына Стромилова, у которого брал жалованные грамоты рода Стромилых для челобитья по своим нуждам³⁵. Но боровские Стромилы выглядят довольно обособленными к моменту отчуждения вотчины М. И. Стромилова, так как не могли или не хотели привлекать свидетелей у сделки своих родственников Стромилых и Чертовых, хотя и предусматривали возможность их попыток «вступаться» в отчуждаемую вотчину.

В Дворовой тетради записано шестеро Соймоновых по Серпухову, среди них Михайло Юрьевич, послух у данной, и Осип Юрьевич, отец послуха Первого Осиповича³⁶. В то же время трое Соймоновых, как и А. И. Шишкин, в 1555 г. получили поместья из бывших земель Высоцкого монастыря в Серпуховском уезде. Михаил Юрьевич получил 50 четв.³⁷ А в 1562 г. четыре брата Соймоновых и два их племянника стали совладельцами с. Васильевского Темнинской волости Серпуховского уезда, полученного ими в поместье³⁸. Среди них был и М. Ю. Соймонов. С. Васильевское расположено в 20 с небольшим километрах на юго-восток

²⁶ Описи царского архива XVI века и Архива Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 34.

²⁷ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964, с. 452, примеч. 4.

²⁸ Савелов Л. М. Родословные записи: (Опыт родословного словаря русского древнего дворянства). М., 1906, вып. 1, с. 11.

²⁹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение..., с. 30.

³⁰ Акты Русского государства 1506—1526 гг., № 169, с. 164; № 182, с. 179.

³¹ Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. М., 1978, № 67, с. 104.

³² Там же.

³³ Акты Русского государства..., № 62, с. 69.

³⁴ Указан как сын боярский 3-й статьи, с пометой «убит в Нижнем» (ТКДТ, с. 129, л. 173).

³⁵ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатии частных актов. Пг., 1920, с. 48—49.

³⁶ ТКДТ, с. 122, л. 164.

³⁷ СИХМ, № 10239; Воронцова Л. Д. Рукописи..., стб. 339. Сотная 1555 г.

³⁸ Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собрал и издал А. Юшков. М., 1898, ч. 1, с. 173—174, № 191.

от вотчины Стромилых с. Собакино. Шишкины и Соймоновы в XVII в. владели имениями в Серпуховском уезде³⁹. Первой Соймонов был в 1601 г. губным старостой в Серпухове⁴⁰, а А. А. и Д. Х. Соймоновы служили серпуховскими воеводами в конце XVII в.⁴¹, как и Л. А. Шишкин⁴².

Таким образом, Я. И. Шишкин, М. Ю. и П. О. Соймоновы были соседями М. И. Стромилы, кроме того, Стромилы, Соймоновы и Шишкины были связаны с Высоцким монастырем, являясь его вкладчиками и имея поместья в пределах его бывшей вотчины. Игнатьевы, к роду которых принадлежал послух Ратман Игнатьев, происходили от внука Федора Бяконта Игната; в Тысячной книге и Дворовой тетради Игнатьевых записано 12 человек, из них двое служили по Коломне⁴³. В XVII в. они владеют землями в соседнем с Серпуховским Коломенском уезде⁴⁴. В Синодике опальных царя Ивана записано несколько Игнатьевых, казненных в опричнину⁴⁵. Григорьевы, по данным О. М. Савелова, во второй половине XVI в. были детьми боярскими и помещиками в Тверском, Орловском, Зарайском и других уездах, служили головами, казацкими сотниками, засечными сторожами; некоторые в Рязани и Зарайске⁴⁶. О послухе Иване Григорьеве данных нет.

Время составления данной и перехода вотчины М. И. Стромилы Высоцкому монастырю можно уточнить. В льготной грамоте Ивана IV 1572 г. на вотчины Высоцкого монастыря, пострадавшие во время набега Девлет Гирея на Москву в мае 1571 г., бывшая вотчина М. И. Стромилы числится «Высоцкого монастыря у архимандрита с братьею сельцо Собакино, что было отчина Михаила Иванова сына Стромилы в Галичинской волости»; во время набега в Собакине был сожжен «двор монастырский да шесть келей в монастырке»⁴⁷. Следовательно, село уже в первые месяцы 1571 г. управлялось монастырской администрацией и поступило в монастырь до майского набега крымцев. На поступление вотчины в монастырь до мая указывает и то, что в данной нет никаких упоминаний о набеге.

Помимо сгоревшей церкви Николая чудотворца и монастырского двора с кельями, в вотчине, согласно льготной 1572 г., было сожжено семь дворов: «на пожарище двор Митка Сидоров, двор Офонка, двор Сенко, да восемь деревень, а в них двадцать дворов сожжены...»⁴⁸.

1570—1571 годы отмечены резким возрастанием числа отчуждений вотчин в пользу монастырей. Причинами этого были внутренние потрясения в государстве, в частности опричные казни, особый размах которых приходится на эти годы, а также эпидемии и недороды⁴⁹.

Судя по тексту данной, М. И. Стромил, его жена Марья и дочь Василиса умерли примерно в одно время. Возможно, они стали жертвами одной из эпидемий. Но не исключено, что их смерть и переход вотчины Высоцкому монастырю связаны с политическими событиями конца опричнины⁵⁰. Летом 1571 г. был казнен боярин И. П. Яковлев как один из виновников разгрома Москвы в майский набег Девлет Гирея, а в опалу

³⁹ Обзорение писцовых книг по Московской губернии... / Сост. П. Иванов. М., 1840, с. 77, 78.

⁴⁰ ААЭ. СПб., 1836, т. 2, № 19.

⁴¹ Симсон П. Ф. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880, с. 237—342.

⁴² Там же, с. 177.

⁴³ ТБДТ, л. 96, 120, 127, 135, 146, 147.

⁴⁴ Обзорение писцовых книг по Московской губернии..., с. 31.

⁴⁵ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969, с. 278—280.

⁴⁶ Савелов Л. М. Указ. соч., М., 1907, вып. 3, с. 267—269.

⁴⁷ СИХМ, № 10213; Воронцова Л. Д. Два документа..., стб. 172—175.

⁴⁸ СИХМ, № 10213; Воронцова Л. Д. Два документа..., стб. 172—175.

⁴⁹ Веселовский С. Б. Феодальное землевладение..., с. 95.

⁵⁰ Известен еще один случай отчуждения вотчин Стромилых. В 1566 г. у Субботы Васильева Стромилы была куплена вотчина с. Шильбутово в Московском уезде И. В. Шереметевым за 300 руб. (Веселовский С. Б. Исследования по истории классов служилых землевладельцев, с. 233).

он попал еще в начале года из-за неудачной осады Ревеля⁵¹. В 1550-х годах он был тысячником первой статьи по Коломне, где находились и вотчины Яковлевых. М. И. Стромиллов был поручителем по И. П. Яковлеву в 1565 г. на сумму в 50 руб.⁵² Не предвлялась ли опала и казнь И. П. Яковлева казнями людей, связанных с ним, в том числе и его поручителей? Ибо «практика поручительства... спланивала среду, с которой Иван (Иван IV.— В. III.) был в конфликте»⁵³.

В 1570—1571 гг. с. Нефедовское, вотчина А. И. Ракова и В. Раковой, было продано московскому Архангельскому собору⁵⁴. В. Д. Назаров считает, что стремление Раковых избавиться от вотчин, обратить их в деньги, может быть связано с шаткостью их положения или с опалами периода массовых казней⁵⁵. Может быть, переход вотчины М. И. Стромиллова Высоцкому монастырю вызван теми же причинами?

1570—1571 гг. Данная душеприказчиков
М. И. Стромиллова Я. И. Шишкина и Н. И. Боранцова
архимандриту Серпуховского Высоцкого монастыря Агапию
на с. Собакино с деревнями Боровского уезда⁵⁶

Се яз Яков Иванов сын Шишкин да яз, Никифор Иванов сын Боранцова. Божья воля сталось, Михаила Ивановича Стромиллова в животе не стало, его жены Марьи, и его дочери Василисы, и после живота своего Михаило праказал нам дати по своей душе и по своих родителех и прародителех в дом Пречистыя богородицы в Серпухове в Высотцкой монастырь архимандриту Агапью з братьею по духовной грамоте вотчину свою село Собакино со всеми угоды и с лесом, и с луги, а в селе был храм Никола чудотворец. Да х тому селу восм деревень: деревня Кувшинова, да деревня Лучино, да деревня Панино, да деревня Горасимово, деревня Карпово, деревня Микитино, деревня Данилово, деревня Железниково во вечный благ в прок без выкупу, со всеми угоды покамест серп и соха ходила, с пашнею и с лесом, и с луги, и со всеми угоды. И по приказу Михаила Иванова сына Стромиллова и по его духовной памяти яз, Яков Иванов сын Шишкин да яз, Микифор Иванов сын Боранцова, дали есмь ту вотчину село Собакино со всеми деревнями и с пашнею, и с хлебом з земляным, и со всеми угоды, и с лесом, и с луги, и со всем животом в дом Пречистой в Высотцкой монастырь в Серпухове архимандриту Агапью з братьею в вечный покой без выкупу. А та была у Михаила вотчина не заложена, ни продана и в монастырь не отдана. Нет да тое вотчины Михаилову роду, племяни никому дела. А хто в ту вотчину учнет вступатись, и мне Якову да мне Микифору та вотчина очищати духовную грамотою. А ся на ту вотчину и данная грамота. А на то послуши: Михаил Юрьев сын Соймонов да Первой Осипов сын Соймонов, да Иван Григорьев, да Ратман Игнатьев. А даваю запись писал Совинец Иванов. Лета 7079-го. К сей яз Микифор данай вотчину дали и руку приложил. Послух Михаила руку приложил. Послух Первый руку приложил. Послух Иванец руку приложил. Послух Ратманец руку приложил⁵⁷.

⁵¹ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного, с. 147.

⁵² СГГД, М., 1813, ч. 1, с. 509, 512.

⁵³ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 124.

⁵⁴ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в.— СА, 1968, № 3, с. 110, 111; Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного, с. 483, Приложение / Публ. В. Д. Назарова. См. также: Садиков П. А. Из истории опричнины XVI в.— ИА, 1940, кн. 3, с. 242, № 41.

⁵⁵ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики..., с. 110.

⁵⁶ Подлинник, написан скорописью на столбце размером 40,9×15,3 см. Филигрань по обрезу — верхняя часть перчатки с пятиконечной звездой над средним пальцем, очень близкая к № 686 (1564 г.) у Тромонина (Тромонин К. Я. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге... М., 1844). Бумага с темными пятнами, следами многочисленных сгибов, края столбца потрепаны. К столбцу подклеен лист бумаги XVII в. с филигранью — львы, держащие гербовый щит (по обрезу нижняя часть), на котором почерком XIX в. написаны чернилами «№ 32» и «№ 28. 7079 г.». В углу листа XVII в. наклейка, на ней почерком XIX в. чернилами написано «№ 71 Духовное завещание Кишкиных», надпись зачеркнута и написана другая иными чернилами «№ 106 Данная на вотчину завещанную Стромилловым. 7079 г.» Подклейка к документу бумаги XVII в., номера и надписи относятся к XIX в., когда составлялись описи монастырского архива. Документ был известен Л. Д. Воронцовой (Воронцова Л. Д. Рукописи..., № 54). Текст данной печатается по правилам издания документов XVI—XVII вв.

⁵⁷ На обороте подписи скорописью разных рук.

ФРАГМЕНТ ЛИЦЕВОГО СВОДА В КОПИИ XVII В.

Так называемая Александро-Невская летопись (далее — АНЛ)¹ в представлениях исследователей прочно связана с Лицевым летописным сводом XVI в.² Издатели Царственной книги (далее — Ц)³ — заключительной части Лицевого свода — даже сочли возможным при публикации в сомнительных случаях сличать ее текст с текстом АНЛ и восстанавливать по ней пробелы текста Ц. Однако, так как доказательств того, что АНЛ является копией именно Ц (в том виде, как она дошла до нас), не было, от приведения разночтений пришлось отказаться⁴. К тому времени, началу XX в., утвердилось мнение А. Е. Преснякова, считавшего АНЛ копией промежуточного варианта официальной истории царствования Ивана Грозного. А. Е. Пресняков полагал, что создание этой истории ее современниками закончено не было. Сначала Никоновская летопись с рисунками, или Синодальный том (далее — С)⁵ Лицевого летописного свода, редактировалась чьей-то властной рукой. Затем, после частичного ее перебелиения, летопись — теперь уже Ц — снова попала к редактору, который опять исправил ее текст приписками и зачеркиваниями отдельных строк⁶. По неизвестной нам причине работа над летописью внезапно прекратилась (в исторической литературе выдвигались на этот счет самые различные объяснения)⁷. Листы ее в результате длительного и, наверное, не очень бережного хранения перепутались⁸. В XVII в. с них сделали копию, должный порядок изложения событий в ней нарушен. Возможно, он соответствует порядку листов протографа⁹. Но каким-то образом хронологические границы АНЛ близки (за исключением отдельных известных времени царствования Федора Ивановича, «Похвалы» Василию III и текста с описанием событий 1563—1567 гг.) к рамкам Ц — 1533—1553 гг. Хронологические рамки С также частично соответствуют Лебедевской летописи. В первой содержатся известия 1535—1542, 1553—1560, 1563—1567 гг., во второй — 1553—1563 гг. Утраченный текст С восстанавливается по Лебедевской летописи.

Обе копии — АНЛ и Лебедевская летопись — дают в целом единый текст за 1533—1567 гг. Их предполагаемые источники — Ц и С — также дают единый текст за эти годы, но в них есть и параллельный текст за 1535—1542 гг.

¹ Опубликована в ПСРЛ, т. 29 (М., 1965), описание на с. 5—7.

² Пресняков А. Е. Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893, с. 30; ПСРЛ, СПб., 1906. Т. 13, вторая половина / Предисл. С. Ф. Платонова. (Фототипическое переизд.: М., 1965).

³ Опубликована в ПСРЛ, т. 13, вторая половина; См. также: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970, ч. 1, с. 128—130.

⁴ Пресняков А. Е. Царственная книга..., с. 30; ПСРЛ, т. 13, вторая половина / Предисл. С. Ф. Платонова.

⁵ Опубликована в ПСРЛ, т. 13. См. также: Описание рукописей Синодального собрания, ч. 1, с. 127—128.

⁶ Пресняков А. Е. Царственная книга..., с. 12.

⁷ Историографию см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980.

⁸ Так, М. М. Щербатов собрал Ц из «кишы» листов (Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича от 7042 году до 7061... / Предисл. издателя. СПб., 1769).

⁹ ПСРЛ, т. 29, с. 5. В публикации АНЛ последовательное изложение начинается с л. 233 до л. 237, затем продолжается на л. 135 об. и так далее до конца летописи. См.: Там же, с. 117—123.

Таковы были взгляды исследователей на взаимоотношения рассматриваемых летописей до тех пор, пока Т. Н. Протасьева, не выдвинула предположение о том, что С и Ц составляли когда-то единое целое, разделенное впоследствии на два тома. Деление это было случайным, и в С оказались переплетенными листы с известиями за 1535—1542, 1553—1560, 1563—1567 гг., а в Ц — за 1533—1553 гг. Разделение это произошло в XVII в., и С старше Ц на столетие¹⁰.

Предположение Т. Н. Протасьевой оказалось важным для изучения обеих рукописей. По ее мнению, первоначальный текст лицевой летописи содержал известия за 1535—1567 гг. Затем часть его была переписана набело («для отрезка с 1535 по 1542 г. Царственную книгу можно назвать исправленной копией с Никоновской»¹¹), так как рукопись подверглась редактированию. Поэтому-то и оказались переплетенными в одном томе «исправленная копия» с известиями за 1535—1542 гг. и листы первоначального варианта с известиями за 1542—1553 гг.

Развитие данного предположения Т. Н. Протасьевой, однако, привело к терминологической путанице. Ц включает известия за 1533—1553 гг. В нее действительно вошли, как показывают современные исследования, листы нового переработанного варианта с известиями за 1533—1542 гг. и листы первого варианта лицевой летописи с известиями за 1542—1553 гг. Но Ц получила название «Царственная книга» лишь в 1769 г., т. е. после того как трудами М. М. Щербатова был сформирован данный кодекс¹². Именно поэтому в него не могли попасть листы из С — кодекса, сформированного, по предположению Т. Н. Протасьевой, в 1639 г. в Оружейной палате¹³. Поэтому, вероятно, необходимо отделить исторически сложившиеся кодексы С (Син. № 962) и Ц (Син. № 149) от двух вариантов официальной лицевой истории царствования Ивана Грозного, т. е. реально существующие кодексы от двух гипотетических реконструкций¹⁴.

Этой терминологической путанице не избежал и Б. М. Клосс¹⁵, сделавший существенное дополнение к предположению Т. Н. Протасьевой: «В первоначальном составе Синодальная летопись (так!), написанная на бумаге основной части Лицевого свода, очевидно, представляла сплошной летописный текст с изложением событий от 7042 до 7075 г.»¹⁶.

Б. М. Клосс попытался также выявить этап работы над лицевой историей царствования Ивана Грозного, зафиксированный АНЛ и Лебедевской летописью. Вывод исследователя категоричен: «Основной и повторный тексты Александро-Невской и Лебедевской летописей переписаны соответственно с основного и повторного текстов последней части Лицевого свода, охватывающей события 1533—1567 гг.»¹⁷ Такой вывод основан на сопоставлении отдельных известий С, Ц и АНЛ. При этом из поля зрения Б. М. Клосса выпали значительные различия в трактовке событий, даваемые первым и вторым вариантами лицевой летописи.

Обратимся к источникам, на базе которых была составлена официальная история царствования Ивана Грозного. Исследователи называют

¹⁰ Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. № 962). — В кн.: Летописи и хроника: Сб. статей 1973 г. М., 1974, с. 278.

¹¹ Там же, с. 273.

¹² Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича... / Предисл. издателя.

¹³ Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи, с. 283.

¹⁴ Об этом подробнее см.: Морозов В. В. О составе так называемой Царственной книги. — В кн.: Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979, с. 79—80; Он же. Царственная книга как памятник летописания XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, табл. 1, 2.

¹⁵ «В нынешнем составе Царственная книга представляет собой совокупность повторных листов, являющихся копией (в переработке) части текста Синодальной летописи с включением фрагмента самой Синодальной летописи (за 7070—7061 гг.)» (Клосс Б. М. Никоновский свод..., с. 226).

¹⁶ Там же, с. 225.

¹⁷ Там же, с. 228.

такowymi для первого варианта: Свод 1560 г.¹⁸, Степенную книгу¹⁹, Новгородский свод 1539 г.²⁰, Постниковский летописец²¹. Затем, как уже отмечалось, представленная редактору летопись была подвергнута правке: в текст ее внесены приписки, основательно изменившие принятую концепцию. Началось перебеливание (с учетом приписок) первоначального текста. Вероятно, в это же время принято решение использовать в качестве источника и Летописец начала царства (далее — ЛНЦ)²², заимствования из которого частично параллельны уже имевшимся в первом варианте известиям из Свода 1560 г.²³ (включения из ЛНЦ в Ц написаны на бумаге с филиграммами, изображающими кресты и цветы²⁴, такими же, что и на листах с перебеленными приписками)²⁵. При перебеливании частично изменены и приписки редактора. Следует отметить при этом, что вся работа по созданию второго варианта отразилась только на листах Ц, в С она характеризуется лишь приписками.

На основании такого представления об истории сложения обеих рукописей и реконструкции состава двух вариантов официальной лицевой истории царствования Ивана Грозного попытаемся выявить этап создания этой истории, который зафиксировала АНЛ, и тем самым определить ее состав.

Сравним для этого Ц и АНЛ. Несомненно, АНЛ сходна с Ц, но это не абсолютно идентичная копия (речь идет только о тексте). Прежде всего, АНЛ хронологически шире Ц. Затем, АНЛ в целом не отражает окончательный вариант Ц. Анализ, например, рассказа о казни Ф. М. Мишурина в 1538 г. во время боярской «брани» в С, Ц, ЛНЦ показывает, что первоначальный беловой текст (С, л. 44) исправлялся редактором, но при перебеливании его за основу рассказа в Ц принята не эта версия (хотя приписки вошли в новый вариант), а другая, которая была заимствована из ЛНЦ²⁶. В АНЛ остался зафиксированный текст первоначального белового варианта с нанесенными на него приписками, т. е. текст л. 44 С²⁷. Вероятно, перед копиистом лежали только эти листы, а нового варианта он не знал.

Об этом же могут свидетельствовать повторения в АНЛ именно текста приписки, а не ее перебеленного варианта в описании событий 1553 г.²⁸ Исследователь Повести о болезни Ивана Грозного в марте 1553 г. выявил в Ц две пространные редакции Повести — вторую (написана скорописью на л. 650об.—653) и третью (написана полууставом на л. 666—679, 682)²⁹. Если прав Б. М. Клосс и АНЛ отражает окончательный вариант Ц³⁰, то ее текст должен бы совпадать с текстом третьей редакции.

¹⁸ Пока гипотеза об использовании в качестве источника именно Свода 1560 г. (Морозов В. В. Царственная книга как памятник летописания XVI века, с. 15—16) возражений не встретила. Однако традиционно считается, что в основе Лицевого свода лежит Никоновская летопись (Клосс Б. М. Никоновский свод..., с. 206—214). Впрочем, Б. М. Клосс не привел ни одного аргумента, относящегося к последней части Никоновской летописи, частично сходной с текстом Лицевого свода, т. е. к известиям 1533—1558 гг.

¹⁹ Пресняков А. Е. Царственная книга..., с. 12, примеч. 19.

²⁰ Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III и русские летописи. — В кн.: Теория и практика источниковедения и археографии отечественной истории. М., 1978.

²¹ Шмидт С. О. К истории лицевого летописания времени Ивана Грозного. — В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978.

²² Опубликован в ПСРЛ, т. 13 (поздняя редакция) и ПСРЛ, т. 29 (ранняя редакция).

²³ Морозов В. В. Об источниках Царственной книги (Летописец начала царства). — В кн.: Летописи и хроники.

²⁴ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899, ч. 1, предисл., с. 307—312; ч. 3, табл. СССІХХХІХ—СССХС.

²⁵ Пользуюсь возможностью принести благодарность А. А. Амосову за консультации по водяным знакам Ц.

²⁶ Шмидт С. О. К истории лицевого летописания..., с. 274—275.

²⁷ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 431—432; т. 29, с. 135.

²⁸ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 522—526, 529—532; т. 29, с. 211—214.

²⁹ Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979, с. 15—16.

³⁰ Клосс Б. М. Никоновский свод..., с. 231.

Сравним источники.

Вторая редакция
(текст приписки Ц)

Третья редакция
(беловой текст Ц)

Тексты АНЛ

л. 651. Царя же и великого князя дьякъ...

л. 651. А въ то же время.
л. 651 об. и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению.
л. 651 об. Сей убо тогда начать.
л. 651 об. братъ васъ, бояръ, государю доброхотнее.
л. 651 об. изнемога же велими.
л. 652. пеленичнику служиги.
л. 652.— и сыну его крестъ целовали.

л. 652. говорити много не могу.
л. 651 об. государь тем бояромъ почаль говорити.
л. 652. жестокого слова.
л. 652 об. служити государю малому.

л. 666. И тогда царя и великого князя дьякъ...

л. 674. Въ то же время.
л. 675 об. и никто же смеяше ничтоже рещи, ни соговорити не по его велению.
л. 676. Сей убо Селивестръ начать.
л. 676. Онъ государю добра хочеть.
л. 676 об. изнемогаше велими.
л. 669. пеленичному служиги.
л. 673 об. и сыну его царевичу князю Дмитрею крестъ целовали.

л. 668 об. говорити не могу много.
л. 677. государь почаль тем бояромъ говорити.
л. 677 об. жестького слова.
л. 671. служити государю младу.

л. 426. Царя же и великого князя дьякъ...

л. 527. И тогда царя и великого князя дьякъ...
л. 428. А в то же время.
л. 429. никтоже смеяша ничтоже сотворити не по его велению.
л. 429 об. Сей убо тогда начать.
л. 429 об. братъ вас бояр государю доброхотнее.
л. 430. изнемогаше велими.
л. 430 об. пеленичнику служиги.
л. 430 об. и сыну его крестъ целовали.
л. 527. и сыну его царевичу князю Дмитрею крестъ целовали

л. 431. говорити много не могу.
л. 431 об. государь темъ бояромъ почалъ говорити.
л. 432. жестокого слова.
л. 433. служити государю малому.
л. 527 об. служити государю младу.

Сравнение текстов показывает, что вероятность справедливости мнения Б. М. Клосса велика. Действительно, повторные тексты л.527 и 527об. АНЛ соответствуют текстам измененных и перебеленных приписок Ц. Но во всем ли соответствуют? Если по-прежнему следовать за Б. М. Клоссом, то текст (повторный) л. 527 АНЛ скопирован с л. 673 (перебеленная приписка) Ц. Сравним эти тексты.

Ц (л. 673—673 об.)

И которые бояре государю и сыну его царевичу [князю] * Дмитрею крестъ целовали [почали техъ бояръ встречати и говорити имъ, чтобы они государю и сыну его крестъ целовали]. // Бояре же, которые не захотели целовати государю и сыну его царевичу князю Дмитрею, съ теми бояры, которые государю и сыну его царевичу князю Дмитрею крестъ целовали, почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотятъ сами владети, а они имъ служити и ихъ владения не хотятъ.

* В скобках — слова, пропущенные на л. 527 АНЛ.

АНЛ (л. 527)

И которые бояре государю и сыну его царевичу Дмитрею крестъ целовали, бояре же, которые не захотели целовати государю и сыну его царевичу князю Дмитрею, с теми бояры, которые государю и сыну его царевичу князю Дмитрею крест целовали, почали бранитися жестоко, а говорячи имъ, что они хотятъ сами владеть, а они имъ служити и их владения...

Из приведенных отрывков Ц и АНЛ (лист перебеленной приписки и повторный лист) очевидна не идентичность текстов, на чем настаивал Б. М. Клосс, а их различие. Возможны возражения: пропуск писцом фрагмента текста, единичность примера. Первое возражение снимается, так как переписчик текста не просто автоматически пропустил фразу, заканчивающуюся теми же словами, что и предыдущая («государю и сыну его царевичу князю Дмитрею крестъ целовали»), но он не закончил переписку листа, опустив из 30 слов (включая предлоги) 18, завершающих текст листа. Такая ошибка, встречающаяся в сплошных текстах, здесь, пожалуй, невозможна, ведь, написав половину предложения, переписчик должен был перевернуть лист, чтобы продолжить текст.

Рассмотрим второе возражение. Всего повторных листов АНЛ, относя-

щихся к приписке Ц о событиях марта 1553 г., насчитывается три. Есть разночтения и на л. 527 об.: сохранение в тексте (повторном) боярского титула за Д. И. Немым, исключенного в беловом тексте л. 671 Ц³¹. Но, может быть, это не первый беловой текст, так как существовали промежуточные тексты от приписки к окончательному варианту³². Во всяком случае, довольно любопытно уже то, что на повторных листах сохранился только незначительный фрагмент приписки, тогда как в Ц Повесть о болезни Ивана Грозного перебелена полностью. Очевидных же следов утраты листов в этой части АНЛ нет³³.

Рассмотрим еще одно обстоятельство: киноварные заголовки и инициалы АНЛ соответствуют киноварным заголовкам и инициалам тех листов Лицевого свода, которые АНЛ копирует. Сопоставление обеих летописей показывает их полную идентичность в той части, где Ц написана на бумаге, известной по другим томам Лицевого свода, т. е. в текстах с событиями 1542—1553 гг. В этой части АНЛ выделяет киноварью заголовки³⁴: «В лето 7051. Сентября 11», «В лето 7052-го. Сентября 9 день», «В лето 7053-го. Декабря 16 день», «В лето 7054-го. Сентября 3», «В лето 7057-го. Сентября въ 14 день в пяток, на Воздвижение», «Месяца пуля, 3 в неделю», «И в пяток, того же месяца в 26»³⁵ и др.

В той же части, где текст Ц написан на бумаге, в других томах Лицевого свода не встречающейся, т. е. в известиях 1533—1542 гг., такого совпадения нет. Разночтение дает уже самое начало летописей.

Ц

- л. 1. ... Лета 7042. Сентября въ 22 день.
л. 3. ... Из Озерецкого поиде.
л. 9 об. онъ же нача боле прикладывати
л. 14. И пусти въ думу къ себе

АНЛ

- л. 233. ... В лето 7042 году. Сентября в 22 день.
л. 244 об. — ... И отголе поиде.
л. 236. И повеле боле прикладывати.
л. 136 об. И пустиша в думу к себе³⁶.

Как известно, начинается АНЛ Повестью о болезни и смерти Василия III. По обоснованному мнению С. А. Морозова, подтвержденному текстологическим и источниковедческим анализом, в АНЛ зафиксирована редакция первого варианта официальной истории Ивана Грозного, но уже после правки ее редактором³⁷.

В дальнейшем, при перебелении отредактированного первого варианта в текст Повести вносились изменения. Сравним источники.

Ц

- л. 29 об. Тогда же князь великий прибави к себе в думу къ духовной грамоте боярина своего князя Ивана Васильевича Шуйского. И пача съ теми бояры думати князь великий и приказывати о своем сыну великомъ князе Иванне и о великой княгине Елене и о своемъ сыну о князе Юрье Васильевиче и о своей духовной грамоте.

АНЛ

- л. 143. Тогда же князь великий прибави к себе в думу к духовной грамоте бояря своих князя Ивана Васильевича Шуйского [да Михаила Васильевича Тучкова да князя Михаила Васильевича Глинского. Прибавил потому поговоря з бояры, что ему в родстве по жеше по великой княгине Елене]³⁸.

Неидентичность текстов Ц и АНЛ очевидна. На основании данного сопоставления вывод, пожалуй, однозначен: перед переписчиком АНЛ лежал лист первоначального варианта лицевой летописи, где слова «да

³¹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 531; т. 29, с. 213.

³² М. М. Щербатов писал, что в «книге», найденной им, «многие листы были двойные и тройные; и многия» (Царственная книга, т. е. Летописец царствования царя Иоанна Васильевича..., Предисл. издателя).

³³ ПСРЛ, т. 29, с. 5—7.

³⁴ Эти киноварные заголовки в публикации Ц не выделены.

³⁵ АНЛ — л. 246 об., Ц — л. 242; АНЛ — л. 249 об., Ц — л. 248; АНЛ — л. 252 об., Ц — л. 255 об.; АНЛ — л. 255 об.; Ц — л. 263 об.; АНЛ — л. 449, Ц — л. 321; АНЛ — л. 503, Ц — л. 484 об.; АНЛ — л. 351 об., Ц — л. 544.

³⁶ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 409—410; т. 29, с. 117—118.

³⁷ Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III, с. 62.

³⁸ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 412; т. 29, с. 121 (в скобках — зачеркнутые в АНЛ слова).

Михаила... княгине Елене» были зачеркнуты. В дальнейшем, при перебелинии, текст редактировался: слова «боярь своих» были изменены на «боярина своего». Непосредственным же продолжением текста после слова «Шуйскаго» стали слова «И нача ... духовной грамоте», в АНЛ отделенные сообщением о приезде в Москву Юрия Ивановича³⁹. Перепутывание листов в данном случае исключено, так как в Ц текст «Тогда же... духовной грамоте» написан даже на одной стороне листа. Тем самым из сообщения о совете у великого князя исключились не только М. В. Тучков и М. В. Глинский, но брат Василия III — Юрий. У переписчика же АНЛ тексты «Тогда же... княгине Елене» и «И нача... духовной грамоте» были написаны на разных листах.

Следы изменения текста уже после его редактирования приписками и зачеркиваниями сохранились также на л. 150 и 227 АНЛ. Если на л. 150 зачеркнуты слова «и Михаила Воронцова и Михаила Тучкова и князя Михаила Глинского и Шигону», то на л. 227 имя Шигоны восстановлено, так же как и в Ц⁴⁰. Впрочем, это единичный факт, и на основании его судить об окончательности именно данного варианта, пожалуй, преждевременно.

Можно привести интересный пример: в тексте АНЛ пропущены известия л. 538—539 Ц от слов «и потомъ велелъ ставити шатры» до слов «по Булаку вверхъ от Казани-реки»⁴¹, соответствующие тексту первой страницы АНЛ⁴². Здесь, вероятно, можно предположить какую-то утрату фрагмента источника, неидентичного Ц.

Перед писцом АНЛ лежали не перебеленные листы, а, как уже было показано, листы с приписками, поэтому стали возможны ошибки, подобные той, что на л. 223. На л. 89 С приписка редактора «а наперед его сынъ его князь Петр да Иван болш[ой Шереметевъ], а с ними человек с триста» написана как продолжение белого текста. Но если на л. 224 Ц эта приписка перебелена там, где ей следовало бы быть (после слов «того не ведушу»), то переписчик АНЛ не смог установить для нее надлежащее место⁴³. Поэтому порядок изложения в Ц и АНЛ существенно отличен.

Ц

л. 224. а наперед его пригонилъ сынъ его князь Петр да Иванъ Большой Шереметевъ, а с ним человек съ триста, а в томъ совете быша бояре князь Михайло да князь Иванъ Кубенские, князь Дмитрей Палецкой...

АНЛ

л. 223. А в том совете быша бояре князь Михайло да князь Иванъ Кубенские, князь Дмитрей Палецкой, а наперед его сын его князь Петр да Иван Большой Шереметев...

Предположение о независимости данной части АНЛ от Ц (известия 1533—1542 гг., написанные в Ц на бумаге с водяными знаками, в других томах Лицевого свода не встречающимися) находит в данном случае веское подтверждение.

Для анализа данной части АНЛ важным представляется сопоставление АНЛ, Ц и ЛНЦ. Существенным отличием АНЛ от Ц является то, что АНЛ совершенно не знает вставок в Ц из ЛНЦ⁴⁴. Так как частично такое сопоставление было уже проведено Б. М. Клоссом⁴⁵, укажем только на заимствования в Ц из ЛНЦ, отсутствующие в АНЛ. Это известия 1535 г.: о походе из Москвы и Новгорода к Вильне⁴⁶, о пребыва-

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСРЛ, т. 13, с. 214; т. 29, с. 123. См. также: Морозов С. А. Повесть о смерти Василия III, с. 67.

⁴¹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 500—501; т. 29, с. 192 (пропуск между л. 501 и 350).

⁴² ПСРЛ, т. 29, с. 192, примеч. г.

⁴³ См.: ПСРЛ, т. 13, с. 141, примеч. 2; с. 439; т. 29, с. 141, примеч. а.

⁴⁴ На единственное исключение — вставку л. 529 АНЛ указывает Б. М. Клосс (Никоновский свод..., с. 230), однако речь здесь идет не о заимствовании текста ЛНЦ, а о копировании в АНЛ приписки редактора.

⁴⁵ Там же, с. 228—231.

⁴⁶ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 81—83, 421—422; т. 29, с. 129 (Ц — л. 93—93 об.; АНЛ — л. 175 об., 177).

нии в Москве новгородского архиепископа Макария⁴⁷ и шведского посольства⁴⁸, о походе на Себеж и Мстиславль⁴⁹, о возвращении Шах-Али (в летописях — Шигалей) из «нятства»⁵⁰; 1536 г.: о прибытии из Казани Д. Смагина⁵¹, о чуде во Введенской «за Торгом» церкви, поставленной Василием III⁵², о восстановлении Стародуба⁵³, о походе на Любеч⁵⁴, о восстановлении Устюга⁵⁵, о пожаре в Ярославле⁵⁶, о смерти Юрия Ивановича Дмитровского⁵⁷; 1537 г.: о пожаре во Владимире и восстановлении города⁵⁸, о поставлении Велижа⁵⁹; 1538 г.: об убийстве Ф. Мишурина⁶⁰; 1539 г.: о сведении митрополита Даниила и поставлении на его место Иоасафа Скрипицына⁶¹, о возвращении И. Буйносова из Казани⁶².

Анализ текста АНЛ и сопоставление его с текстами С, Ц и ЛНЦ достаточно убедительно показывают, что перед переписчиком АНЛ лежали листы лицевой летописи, являвшиеся первым вариантом официальной истории царствования Ивана Грозного. На этих же листах была нанесена правка редактора (чернилами и карандашом). Допустимо и предположение о том, что часть этих листов была перебелена с учетом правки редактора и последующими изменениями скорописного текста. Поэтому отдельные фрагменты имеют повторные чтения, учитывающие изменения правки редактора. Однако утверждение, что АНЛ является копией окончательного текста лицевой летописи, пожалуй, будет слишком категоричным, особенно если учесть полное отсутствие в АНЛ известий ЛНЦ, вошедших в состав Ц.

Таким образом, состав АНЛ (для основной ее части) может быть определен довольно точно: известия лицевой летописи, охватывавшей события 1533—1553 гг. и прошедшей редактирование при подготовке нового варианта. АНЛ сохранила не только текст протографа, но и его структурные особенности, и прежде всего разбивку текста. На основе анализа АНЛ можно с большой степенью надежности установить и количество утраченных листов протографа и количество миниатюр, их украшавших⁶³, а также сюжеты рисунков, определявшиеся содержанием иллюстрируемого текста⁶⁴.

⁴⁷ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 93, 422; т. 29, с. 128 (Ц — л. 97 об.— 98; АНЛ — л. 177).

⁴⁸ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 83, 422; т. 29, с. 130 (Ц — л. 98 об.— 99; АНЛ — л. 177—177 об.).

⁴⁹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 96, 422—423; т. 29, с. 130—131 (Ц — л. 115—115 об.; АНЛ — л. 183—183 об.).

⁵⁰ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 100—105, 424—427; т. 29, с. 131 (Ц — л. 117 об.— 130 об.; АНЛ — л. 184).

⁵¹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 105, 427; т. 29, с. 131 (Ц — л. 130 об.; в АНЛ — известие отсутствует).

⁵² Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 111, 427; т. 29, с. 132 (Ц — л. 136—136 об.; в АНЛ известие отсутствует).

⁵³ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 111, 427; т. 29, с. 132 (Ц — л. 136 об.; АНЛ — л. 185 об.).

⁵⁴ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 111, 427—428; т. 29, с. 132 (Ц — л. 137 об.— 138; АНЛ — л. 185 об.).

⁵⁵ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 114, 428; т. 29, с. 132 (Ц — л. 138 об.; АНЛ — л. 186).

⁵⁶ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 113, 428; т. 29, с. 132 (Ц — л. 139; АНЛ — л. 186). В повторном тексте, на л. 529 АНЛ, учтена лишь приписка редактора лицевой летописи («и поставлен... на погорелом»), но заимствования из ЛНЦ нет.

⁵⁷ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 115, 428; т. 29, с. 132 (Ц — л. 142; АНЛ — л. 186 об.).

⁵⁸ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 110—111, 432; т. 29, с. 134—135 (Ц — л. 168—168 об.; в АНЛ известие отсутствует).

⁵⁹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 111, 431; т. 29, с. 134—135 (Ц — л. 168 об.; в АНЛ известие отсутствует).

⁶⁰ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 126, 432; т. 29, с. 135 (Ц — л. 170—170 об.; АНЛ — л. 197—197 об.).

⁶¹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 127, 432; т. 29, с. 135 (Ц — л. 171—173 об.; АНЛ — л. 197 об.— 198).

⁶² Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 127, 432; т. 29, с. 135 (Ц — л. 173 об.; в АНЛ известие отсутствует).

⁶³ В Лицевом своде миниатюра предшествует иллюстрируемому тексту, начинавшемуся обязательно с киноварного заголовка или инициала.

⁶⁴ В литературе уже неоднократно отмечалось буквальное следование миниатюриста Лицевого свода за текстом. См. об этом: Арциховский А. А. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944; Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965; Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973; и др.

Если распространить наши принципы анализа АНЛ и сопоставления ее с сохранившейся частью лицевых летописей — С и Ц, то можно, пожалуй, согласиться с мнением С. А. Морозова, полагающего, что так называемая «Похвала» Василию III⁶⁵ входила в состав Лицевого свода и предшествовала Повести о болезни и смерти Василия III⁶⁶.

Ряд других известий АНЛ, опубликованных в приложениях № 1—8 29-го тома ПСРЛ, ставят перед исследователем весьма сложные вопросы. Уже то, что эти статьи находились непосредственно между другими известиями⁶⁷, позволяет предполагать, что они также скопированы с лицевых листов.

Первое из этих известий — о челобитье И. Ф. Бельского за С. Ф. Бельского, написанное на л. 229об.—230, продолжает повторный текст о поселении Шигаляя на Казань в 1551 г.⁶⁸ Интересно также, что известие о челобитье Бельского идентично статье ЛНЦ⁶⁹.

Два других известия — о посылке в Астрахань Ф. Неvejина и о приезде в Москву ногайских послов⁷⁰ — также, вероятно, относятся к известиям повторных листов. Они написаны на л. 505 и 505об. Им предшествовали (на л. 503, 504) и за ними следовали (на л. 506, 507) повторные листы с текстом благословения митрополита Макария 1550 г.⁷¹ Оба эти известия сходны с текстом аналогичной статьи ЛНЦ (первое — о посылке Ф. Неvejина — идентично, второе — о приезде послов — несколько шире)⁷².

Еще два фрагмента АНЛ, отражающие лицевые листы с известием о набеге крымского «царевича» Имина в 1540 г.⁷³, написаны на л. 529 об., на том же, где находится повторный текст о поставлении Стародуба в 1535 г.⁷⁴ Однако тексты ЛНЦ и АНЛ указывают на значительное расхождение их или, по крайней мере, на переработку первичного текста ЛНЦ перед включением его в лицевую летопись.

АНЛ

А иных в загонех татар побили и к великому князю на Москву прислали. И царевич и Крымские люди много поплениша грех ради наших. И пошли прочь из Украины великого князя со многим полоном.

ЛНЦ

...къ великому князю на Москву прислад, а иных в загонех. Татар побилъ; а царевич много за грехъ поплениша за небрежение наше.

Последний из таких фрагментов относится к набегу Сафа-Гирея на Муром в 1541 г.⁷⁵ Оно также заимствовано из ЛНЦ⁷⁶. Характерная особенность всех этих известий в том, что они не вошли в состав Ц. Это обстоятельство позволяет предполагать, что листов с данными текстами уже не было в «кише», обнаруженной М. М. Щербатовым и сформированной в кодекс, получивший название «Царственная книга».

Для подтверждения высказанного ранее предположения рассмотрим такой аргумент. На листах Ц в нижнем правом углу сохранилась буквенная пагинация времени создания летописи. Если листы с проанализированными текстами входили в первоначальный состав рукописи, то в таком случае они имели бы очередной порядковый номер, а при утрате их обнаружился бы пропуск в последовательности пагинации.

Известия л. 229об.—230, 505—505об. АНЛ (приложения 2 и 3) предшествуют Повести о приходе Саип-Гирея на Оку, т. е. (если бы они

⁶⁵ Опубликована как приложение к АНЛ (ПСРЛ, т. 29, с. 217, прил. 1).

⁶⁶ Морозов С. А. Летописные повести..., с. 12.

⁶⁷ ПСРЛ, т. 29, с. 217—218 (АНЛ — л. 229 об.—230, 505—505 об., 529 об., 534).

⁶⁸ ПСРЛ, т. 29, с. 164, примеч. п, х.

⁶⁹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 136—137, прил. 2; т. 29, с. 217.

⁷⁰ ПСРЛ, т. 29, с. 218, прил. 3.

⁷¹ Там же, с. 160.

⁷² Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 137.

⁷³ Ср.: ПСРЛ, т. 29, с. 218, прил. 4; т. 13, с. 130.

⁷⁴ ПСРЛ, т. 29, с. 132, примеч. в.

⁷⁵ Там же, с. 218, прил. 5.

⁷⁶ Ср.: Там же, примеч. е; ПСРЛ, т. 13, с. 135.

входили в состав лицевой летописи) они находились бы между л. 174 и 175 Ц. Действительно, в Ц на л. 174 имеется помета «222», затем, на л. 175 — пропуск пагинации, а помета «223» обнаруживается на л. 176. Но л. 175 приплетен М. М. Щербатовым не на должном месте: известие о походе на Коломну («июля 20, в неделю») относится к 1550 г.⁷⁷ Таким образом, разрыва в пагинации не было и поэтому, пожалуй, нет оснований считать, что известия л. 229об.—230 АНЛ входили в состав той «кипы», из которой сформирована Ц.

Известие л. 529 АНЛ (приложение 4) должно предшествовать рассказу о принесении икон из Ржевы в Москву⁷⁸ и находиться (если бы оно входило в состав лицевой летописи) между л. 173об. и 174 Ц. К сожалению, сохранившаяся на полях Ц пагинация не позволяет в данном случае сделать однозначный вывод, так как на л. 173об. помета в нижнем углу неясна — «241» или «249». Помета же «221» (напомним, что на л. 174 помета «222») находится на л. 171. В свою очередь, основной текст АНЛ здесь полностью идентичен тексту С, и за известием о поставлении на митрополию Иоасафа Скрипицына следует рассказ о принесении икон из Ржевы⁷⁹. Таким образом, С, Ц и АНЛ (если принять во внимание приложения) дают совершенно различные тексты: С и АНЛ (без приложений) сходны, но Ц шире С. Приложения же АНЛ не имеют аналогий в Ц, а дополнительные (сравнительно с С) известия Ц отсутствуют в С.

Обратимся теперь к фрагменту известия о набеге Сафа-Гирея (л. 535 АНЛ). Оно должно бы в лицевой летописи непосредственно предшествовать рассказу о «пожаловании» Владимира Андреевича Старицкого, написанному на л. 222 Ц. На этом листе в нижнем углу помета «271». Хронологически предшествующий текст в Ц написан на л. 218 с пометой «270». Как видно, и в этом случае нет оснований считать текст приложения 5 АНЛ входившим в состав того комплекса, из которого сформирована Ц.

Анализ рассмотренных фрагментов становится, таким образом, в сопоставлении с основным текстом, весьма серьезным аргументом для следующего вывода: АНЛ не является непосредственной копией Ц или С. Протографом этой летописи послужили лицевые листы официальной истории царствования Ивана Грозного еще в тот период, когда они не были сформированы в известные нам кодексы — Син. № 962 (С) и Син. № 149 (Ц). Однако это был не полный комплекс известий 1533—1553 гг. в их первом и втором вариантах, но только лишь первый вариант и некоторое количество листов повторного, только отчасти перебеленного текста. Как показывает анализ АНЛ, часть этих листов позднее, вероятно, была утрачена. Затем данный комплекс, уже зафиксированный АНЛ, распался. Часть его (статьи 1535—1542, 1563—1567 гг.) оказалась включенной в комплекс лицевых листов с известиями 1553—1563 гг., т. е. таким образом сформировался С. Другая часть (статьи 1542—1553 гг.) была присоединена к лицевым листам второго варианта с известиями 1533—1542 гг. (эти листы остались неизвестными переписчику АНЛ, в настоящее время они находятся в составе Ц). Листы же первого варианта со статьями 1533—1535 гг., с повторными известиями и листы, послужившие протографом текста, опубликованного в приложениях к АНЛ, были, вероятно, утрачены.

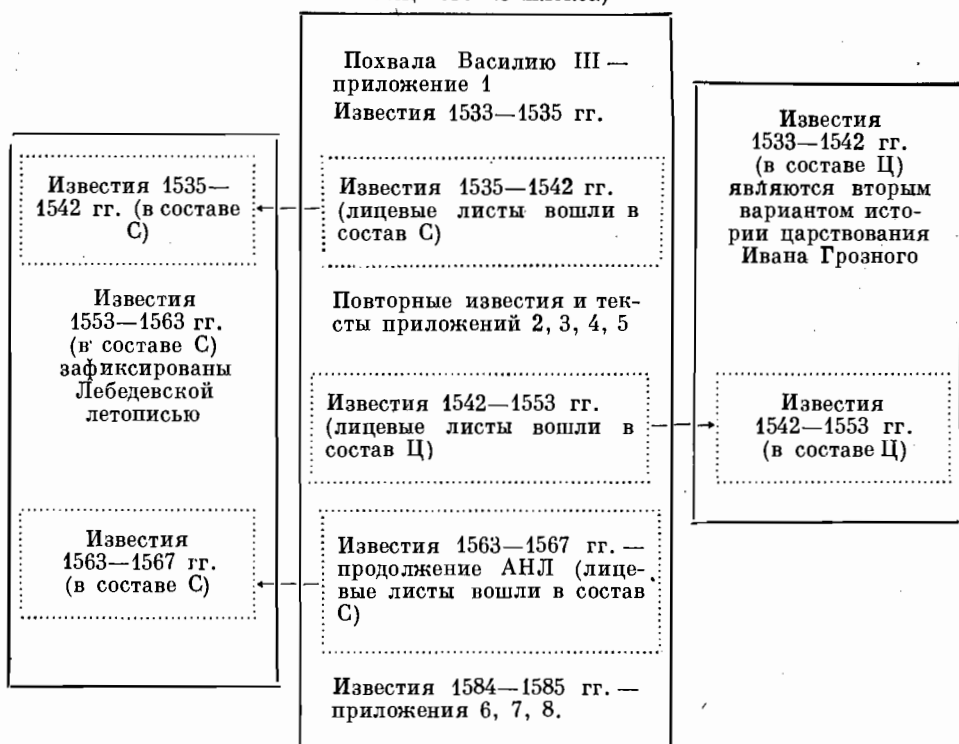
Такой представляется история формирования трех летописей (АНЛ, Ц и С), с одной стороны близких по составу, а с другой — весьма различных, отражающих судьбу крупнейшей исторической произведения XVI в. Взаимоотношения этих летописей можно выразить в следующей схеме.

⁷⁷ ПСРЛ, т. 13, с. 433, примеч. 1; 462.

⁷⁸ Там же, с. 130 и 432; т. 29, с. 135.

⁷⁹ Ср.: ПСРЛ, т. 13, с. 99, 432; т. 29, с. 135.

(копия не дошедшего до нас
лицевого комплекса)

В данной схеме нерассмотренными остались пока известия АНЛ, относящиеся к царствованию Федора Ивановича (приложения 6, 7, 8)⁸⁰. Они, несомненно, также скопированы с лицевых листов. Об этом свидетельствуют киноварные заголовки и инициалы АНЛ, сохраняющие, вероятно, структуру лицевой летописи. Большие неиллюстрированные фрагменты речей (они могут вызвать сомнения) аналогичны подобным местам Ц⁸¹, и, наоборот, дробность небольших фрагментов текста АНЛ является основанием для предположения о том, что именно им предшествовали миниатюры. Эти фрагменты описывают конкретное действие, легко поддающееся иллюстрированию.

Отрывочность известий 1584—1585 гг., пожалуй, не следствие неполноты и незавершенности их еще на стадии составления летописи. Скорее всего, такими — разрозненными и с утратами — они дошли до переписчика АНЛ. А это, в свою очередь, еще раз обращает внимание на некорректность анализа источников сторонниками ранней датировки составления Лицевого свода, настаивающими на импульсивном, в течение длительного времени, обращении к грандиозному летописному памятнику с тем, чтобы приноровить оценку им событий прошлого к какой-либо конкретной ситуации настоящего⁸².

Уже изложенные соображения, относящиеся к палеографии, в дополнение к текстологическому анализу могут быть применимы и при сопоставлении известий АНЛ за 1563—1567 гг.⁸³ и С, куда вошли лицевые листы с описанием событий за эти годы и которые являются протографом АНЛ.

⁸⁰ ПСРЛ, т. 29, с. 218—223.

⁸¹ Таковы фрагменты на л. 446—450 об., 457—458 об., 490—497 об. Ц, имеющие только по одной «входной» миниатюре (тексты послания митрополита Макария на Свягю, беседа при прощании Ивана Грозного с Анастасией и послание Макария Ивану IV).

⁸² Наиболее последовательно на такой позиции стоят Д. Н. Альшиц и Р. Г. Скрынников. Об этом см.: *Клосс Б. М. Никоновский свод...*, с. 208.

⁸³ ПСРЛ, т. 29, с. 315—355.

В задачи данной статьи не входит решение вопроса о времени составления Лицевого свода. Но согласование сложившегося в литературе противоречия в датировке переписки АНЛ, с одной стороны, и формирования С — с другой, по-видимому, требует внимания.

АНЛ написана на бумаге середины XVII в.⁸⁴ скорописью третьей его четверти⁸⁵. Заметим при этом, что комплекс лицевых листов, зафиксированных АНЛ, к тому времени был еще целым, а его распад и включение отдельных его частей в С и Ц, а также утраты могли произойти только после переписки текста в АНЛ. Между тем, как полагает Т. Н. Протасьева, С была сформирована уже в 1639 г. и предназначалась для обучения царевичей. В 1677 г. рукопись реставрировалась иконописцем Филиппом Павловым⁸⁶. Но в таком случае трудно объяснить причину столь странного отражения в АНЛ больших частей двух комплексов: переплетенного кодекса — С (Син. № 962) с известиями 1535—1542, 1563—1567 гг. — и «кипы», из которой изымались листы с известиями 1542—1553 гг., превратившейся позднее в Ц (Сим. № 149).

Ошибка Т. Н. Протасьевой порождена отождествлением переданных в 1639 г. в Оружейную палату пяти книг «царственных, знаменных в лицах, 1, 2, 4, 6 и 7 части» и «книги царственные, которая писана в лицах на александрейской бумаге в десть», также переданной в Оружейную палату в 1677 г.⁸⁷, хотя оснований для такого предположения, пожалуй, недостаточно. То, что книга, реставрированная в 1677 г., была именно С, доказывается Т. Н. Протасьевой весьма убедительно. Но пять книг, «знаменных в лицах», вероятно, еще необходимо отождествить с какими-то частями Лицевого свода. Поэтому предпочтительнее, приняв датировку АНЛ, остановиться на третьей четверти XVII в. как времени формирования С.

Итак, сформулируем основные выводы.

1. АНЛ зафиксировала не дошедший до нас комплекс листов лицевой летописи, ставших позднее, после его распада, составными частями двух кодексов — С и Ц.

2. В АНЛ скопирован текст лицевых листов первого варианта официальной истории царствования Ивана Грозного за 1533—1553, 1563—1567 гг., «Похвалы» Василию III, начальных лицевых листов истории царствования Федора Ивановича, а также отдельные лицевые листы повторного текста. Однако существуют (в составе Ц) и листы с текстами более позднего, чем в АНЛ, варианта.

3. Анализ текста АНЛ позволяет утверждать, что работа над созданием Лицевого свода не прекратилась ни в годы опричнины, ни со смертью Ивана Грозного; она продолжалась и в царствование Федора Ивановича.

4. Как показывает изучение АНЛ, лицевые листы с текстом официальной истории Ивана Грозного длительное время составляли три комплекса, один из которых был зафиксирован АНЛ, другой — Лебедевской летописью, третий (известия 1533—1542 гг. в составе Ц) скопирован не был.

5. Комплекс лицевых листов, зафиксированный АНЛ в третьей четверти XVII в., распался, вероятно, до 1677 г., когда был сформирован С.

⁸⁴ Лихачев Н. П. Палеографическое значение..., ч. 1, с. 333—334.

⁸⁵ ПСРЛ, т. 29, с. 6.

⁸⁶ Протасьева Т. Н. К вопросу о миниатюрах..., с. 278, 283—285.

⁸⁷ Там же, с. 281—282. См. также: Забелин Н. Е. Домашний быт русских царей. М., 1915, ч. 2, с. 170; Пресняков А. Е. Царственная книга..., с. 31.

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ «КЕЛЕЙНОГО ЛЕТОПИСЦА» ДИМИТРИЯ РОСТОВСКОГО

В настоящее время каждое известие, касающееся рукописи, содержащей «Слово о полку Игореве», имеет большое значение, поскольку история мусин-пушкинского сборника до сих пор еще недостаточно ясна. Современного исследователя привлекают все, даже косвенные, материалы, которые связаны с рукописью «Слова». Как известно, «Слово о полку Игореве» входило в состав сборника, который открывался «Книгой глаголемой Гранографъ», и, по одной из версий, хранилось в монастырской ризнице Спасо-Преображенского собора в Ярославле. В связи с этим новый свет на историю мусин-пушкинского сборника проливает работа выдающегося писателя петровского времени Димитрия Ростовского (Даниила Саввича Туптало, 1651—1709) над составлением «Келейного летописца» в начале XVIII в. Примечательно, что Димитрий называет в числе многочисленных источников своего произведения «Хронографъ Спаский Ярославский», заслуживающий самого пристального внимания. На основании выписок, сделанных Димитрием Ростовским из Спасо-Ярославского хронографа, можно попытаться выяснить, сколько и в какое время было хронографов в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря и когда именно туда поступила рукопись со «Словом о полку Игореве».

Замысел создания летописи, в которой можно было бы подробно изложить события ветхозаветной истории от сотворения мира до рождения Иисуса Христа, возник у Димитрия еще во время его пребывания на Украине, но только после назначения в Ростов-Ярославский в качестве митрополита Ростовского, куда Димитрий прибыл 1 марта 1702 г., он приступает к созданию «Келейного летописца».

Просвещенный архиерей Ростовский, решив придерживаться «в летописе сем обыкновеннаго издревле леточисления не по быблиахъ, но по хронографахъ идущаго»¹, в рассказе о судиях Израилевых поместил следующие извлечения из Спасо-Ярославского хронографа:

Колико же летъ старцами управляемы бяху людѣ Израилстии по кончине Иисусовой, о томъ в книгахъ оныхъ (в «Книге судей Израилевыхъ». — В. К.) не пишется, токмо известуется, яко пожина многи дни по Иусе, обаче Хронографѣ по своему разумению и лета изобретають, но несогласно.

Хронографъ Монеувас[й]ского митрополита киръ Дорофея, съ греческаго диалекта на славенский Арсениемъ и Дионисиемъ греками преведенный, в место племени Иудова мящи быти едино некое лице, Иудю завомое, сказуеть того судию бывша людемъ летъ

Хронографъ Спаский Ярославский пишетъ сиче по Иусе бысть судиа первый Иуда съ старцы летъ

Библиа	Хронографы	Римляне
	7	
	18	

Иныи Хронографѣ рускии Иуду, того же и Халева быти мяще, сказуютъ его бывша перваго по Иусе судию въ Израили и судивша летъ

Синописяъ Истории Георгия Кедрина Цариградца, греческимъ языкомъ в Парисии в лето 1647 печатаный, сказуеть по Иусе Навине, перваго людемъ вождя бывша Халева летъ²

Библиа	Хронографы	Римляне
	23	
	30	

¹ Димитрий Ростовский. Келейный летописец. — ОР ГИМ, Синодальное собр., № 53, л. 50.

² ОР ГИМ, Синодальное собр., № 53, л. 29 об. — 30.

Чрезвычайно важно отметить, что приведенная выписка из Спасо-Ярославского хронографа отличалась от аналогичных свидетельств «иных Хронографов русских» не только тем, что Иуда судил в Израиле 18 лет, а не 23 года, но также и тем, что Иуда правил «съ старцы» и не был назван Халевом.

Вторая ссылка на Спасо-Ярославский хронограф помещена в рассказе о Самегаре:

Аодъ судиа бе людемь Израилскимь
леть
Самегарь по Аоду судиа бе, но леть
ему в библиахъ не положено, и мнять
того судивша малое время, токмо месяцев
неколико.

А Хронограф Спаский Ярославский
тому Самегару положиль леть
Работаша по семь цару Ханаанску лет ³

Библиа	Хронографы	Римляне
80	80	80

Библиа	Хронографы	Римляне
20	7 20	20

В «библиахъ», т. е. в «Книге судей Израилевых», действительно не указывается на продолжительность времени правления Самегара, вместо этого помещен краткий рассказ, в котором говорится, что после смерти Аода «въста Самегарь сынъ Анафовъ, сеи изби иноплеменникъ 600 мужъ, радицею плужною и спасе и сеи Иизраиля» ⁴.

В работах исследователей, изучавших состав мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве», одна из гипотез с достаточной вероятностью устанавливает, что Хронограф относился к редакции 1617 г. В результате анализа развернутого заглавия Спасо-Ярославского хронографа О. В. Творогов пришел к выводу, что в сборнике находился Хронограф Распространенной редакции 1617 г., образовавшейся в результате дополнения текста Основной редакции Хронографа 1617 г. по списку Хронографа 1599 или 1601 г. ⁵

На основании вывода О. В. Творогова подобное заключение сделала и Г. Н. Моисеева, считая, что «Большой рукописный Гранограф Спасо-Ярославского монастыря», использованный ярославским жителем В. Крашенинниковым в середине XVIII в. для составления историко-географического компилятивного сочинения «Описание земноводного круга», действительно представлял собой Хронограф Распространенной редакции 1617 г. ⁶

Таким образом, мы должны сопоставить сделанные Дмитрием Ростовским извлечения из Спасо-Ярославского хронографа с аналогичными статьями Хронографа Распространенной редакции 1617 г.: если выписки не совпадут, тогда проблема усложнится и нам придется искать разгадку «Книге глаголемой Гранографъ».

Сравнивая выписки, сделанные Дмитрием Ростовским, со списками Хронографа Распространенной редакции 1617 г. (ОР БАН, Арханг., С.132; ОР ГПБ, F.IV.194 и F.IV.154; ОР ГБЛ, собр. Егорова, № 244; Музейное собр., № 415, 1410; собр. А. Н. Попова, № 6; собр. Ундольско-го, № 724; собр. Большакова, № 415), а также с рукописями Хронографа Основной редакции 1617 г. (ОР ГБЛ, Музейное собр., № 3358; собр. Пискарева, № 164—166; собр. Егорова, № 230, 231), мы встречаем в них следующее известие: «Сеи Июда, иже преже бывыи Халевъ, судиль Иизраилю 23 лета», а о том, сколько именно лет правил в Израиле

³ Там же, л. 30—30 об.

⁴ Библия/Печатник И. Фёдоров. Острог, 12 авг. 1581 г., л. 111.

⁵ Творогов О. В. К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве». — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 139.

⁶ Моисеева Г. Н. Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»: К истории сборника А. И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1977, с. 28—33.

Самегар, ни в Основной, ни в Распространенной редакции Хронографа 1617 г. вообще ничего не говорится. Идентичные свидетельства находятся в Хронографе редакции 1620 г. всех трех разрядов по классификации А. Н. Попова⁷ (ОР ГБЛ, собр. Ундольского, № 726; собр. А. Н. Попова, № 11; собр. Отдела рукописей, № 335; собр. Пискарева, № 167; собр. Румянцева, № 457 и т. д.), за исключением некоторых списков второго разряда третьей редакции Русского хронографа, в которых говорится, что «Сеи Июда прежде бывши Халев... судилъ Израилу 23 лета, инъ 27 лет, инъ 7 летъ» (ОР ГБЛ, собр. А. Н. Попова, № 9; собр. Отдела рукописей, № 885; Музейное собр., № 1840; собр. Ундольского, № 723).

Выдержка о Самегаре, подобная приведенной Димитрием Ростовским, встречается в списках летописца Еллинского и Римского второй редакции Академического вида (ОР ГБЛ, собр. Пискарева, № 162; собр. Егорова, № 867), а также в хронографической редакции Толковой палеи (ОР ГБЛ, собр. Тихонравова, № 724; собр. Овчинникова, № 446; собр. Ниловой пустыни, № 44). В этих древнейших хронографических сводах мы читаем, что «По Аводе же бысть судия Самегаръ летъ 7», однако о Иуде говорится, что он «сужаше людемъ летъ 7», а не 18, как указывалось в Спасо-Ярославском хронографе. Данные фрагменты восходят к древнерусскому переводу хроники Георгия Амартола: «Въ соудьяхъ же техъ бысть старей нарицаемъ именемъ Июда, и соужашъ людемъ летъ 7... По аводе же соудья Самегаръ летъ 7»⁸. В Хронографе редакции 1512 г. (ОР ГБЛ, собр. Ундольского, № 722, 1301; собр. Румянцева, № 455; собр. Тихонравова, № 225; собр. Егорова, № 174 и т. д.) отсутствуют какие-либо указания на продолжительность времени правления Самегара, а в рассказе об Иуде читаем, что «по оумертвию Иисусове въстави Господь судия в Израили Июду. И бяша Господь съ Июдою и спасе я отъ роуки врагъ ихъ и повоева многы языкы»⁹. Идентичные известия находятся и в Хронографе редакции 1599 г. (ОР ГИМ, собр. Уварова, № 23/1362), и в Хронографе редакции 1601 г. (ОР ГБЛ, собр. Большакова, № 21; Музейное собр., № 4440), восходящих к не дошедшему до нас Хронографу Пространной редакции. В списках Троицкого хронографа (ОР ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; собр. Ундольского, № 1) также не говорится о том, сколько лет судили в Израиле Иуда и Самегар. Следует отметить, что в Хронике Дороефа Монеувасийского¹⁰, которую Димитрий Ростовский широко использовал при составлении «Келейного летописца» и которую Е. В. Барсов отождествлял с Хронографом¹¹, открывавшим мусип-пушкинский сборник, «Июда бяше летъ седмъ» судьей в Израиле, а в статье о Самегаре отсутствуют указания на продолжительность его правления.

Выписки, аналогичные тем, которые сделал Димитрий Ростовский из Спасо-Ярославского хронографа, встречаются только в летописце Еллинском и Римском первой редакции (ОР ГИМ, Синодальное собр., № 280; собр. Уварова № 10/1334) и в Еллинском летописце второй редакции Чудовского вида (ОР ГПБ, собр. Общества любителей древней письменности, F.33; ОР ГИМ, Чудовское собр., № 51/353), а также в Хронографе особого состава (ОР ГБЛ, Горьковское собр., № 113; собр. Отдела рукописей, № 980), который представляет собой компиляцию, выполненную на основе Еллинского летописца первой редакции и выписок из

⁷ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 147—223.

⁸ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе: Текст, исследование и словарь. Пг., 1920, т. 1. Текст. с. 113.

⁹ Русский хронограф. Хронограф редакции 1512 года.— ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 92—93.

¹⁰ Список с Хроники Дороефа Монеувасийского был сделан по приказу Димитрия Ростовского с рукописи, принадлежавшей московскому Печатному двору (ЦГАДА, собр. библ. Московской синодальной типографии, № 339). На обороте переплета рукописи есть запись: «Совершился сия книга в лето 1703 января. Господинъ ея Димитрий, Архиеереи Ростовский и Ярославский».

¹¹ Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887, т. 1, с. 58—65.

Хронографа редакции 1512 г.¹² В названных памятниках помещен следующий рассказ: «По Моисеи же бысть судиа Исус Наввинъ и суди въ Израили 27 лет, и страшень ратоборець бывъ, и на мнзех бранех мужествовавъ, и въведоствовав же, и люди провед сквозе пустыню, и раздели воемъ землю обетованна, еже есть Иерусалимь, и преставися Исус, жив лет 110. По Исусе же быша судиа пръвыи Йоуда съ старци лет 18». Мы видим, что в Еллинском летописце, как и в Спасо-Ярославском хронографе, Иуда правил 18 лет, а не 23 года, как в «иных Хронографах русских» судил в Израиле «съ старци» и не назван Халевом. О Самегаре же говорится, что «По Аоде бысть судиа [С] амегар, иже раломъ уби мужъ от иноплеменникъ и суди лет 7»¹³.

Необходимо обратить внимание на то, что сразу же после окончания текста летописца Еллинского и Римского первой редакции (ОР ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334) на л. 431об.—432об. помещен «Временник, еже нарицается летописание русских князеи и земля Руския» — начало Новгородской первой летописи Младшего извода, дословно повторяющее заглавие второй статьи мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве»¹⁴.

На основании изложенного выше материала можно сделать вывод: «Хронографъ Спаский Ярославский», использованный Дмитрием Ростовским при составлении «Келейного летописца», относился не к Распространенной редакции 1617 г., а представлял собой летописец Еллинский и Римский, который нет оснований отождествлять ни с «Большим рукописным Гранографом Спасова Ярославского монастыря» В. Крашенинникова, ни с «Книгой глаголевой Гранографъ», открывавшей мусин-пушкинский сборник.

Исходя из этого положения, можно попытаться дать ответ на вопросы, сколько было Хронографов в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря и когда в монастырскую ризницу Спасо-Преображенского собора поступила рукопись со «Словом о полку Игореве». Еще в конце XVII в. в монастыре находился Хронограф редакции 1617 г., хранящийся ныне в Историческом музее в собрании Уварова. Из записи 1695 г., сделанной на л. 528, сразу же после окончания текста Хронографа, узнаем, что «203 года, июня в 27 продал сию книгу Ярославец, посацкий человек Васка Перфильев сын Ереминых, Спаса-Ярославского монастыря архимандриту Иосифу зачисто и подписал своею рукою».

Иосиф занимал должность архимандрита Спасо-Ярославского монастыря с 1691 по 1699 г. В 1700 г. он был переведен в Краснослободский Пензенский монастырь и увез с собой «хронограф келейный». Впоследствии, как видно из записи 1706 г., Иосиф, «желая по себе церковной памяти, сего ради дал сию книгу гранограф в вышеописанный в Темниковский уезд в Красную слободу в Предитечев монастырь»¹⁵. Следовательно, Хронографа архимандрита Иосифа не было в Спасо-Ярославском монастыре ко времени прибытия в Ростов Дмитрия (1 марта 1702 г.). В библиотеке Спасо-Преображенского собора в период работы Дмитрия над «Келейным летописцем» находился летописец Еллинский и Римский, который и был отмечен в описи имущества Спасо-Ярославского монастыря, составленной еще при жизни Дмитрия Ростовского 1 июля 1709 г. под названием «Книга Гранограф писменная в десть в переплете». В то же время известно, что «Большой рукописный Гранограф Спасова Ярославского монастыря», относящийся к Распространенной редакции 1617 г.,

¹² Описание рукописи см.: ЗОР ГБЛ, 1961, вып. 24, с. 90, 92.

¹³ ОР ГИМ, собр. Уварова, № 10/1334, л. 14—14 об.

¹⁴ Лихачев Д. С. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве.— ТОДРЛ, М.; Л., 1947, т. 5, с. 139—141.

¹⁵ Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. Хронограф ошибочно помещен два раза под № 7/1347 и 8/1368. (Протасьева Т. Н. Запись в хронографе XVII в.— В кн.: Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967, с. 320—328).

был использован ярославским купцом В. Крашенинниковым в конце 40-х — первой половине 50-х годов XVIII в. в «Описании земноводного круга». Заглавие Хронографа Распространенной редакции 1617 г. читалось и в погибшем сборнике А. И. Мусина-Пушкина со «Словом о полку Игореве». Но нам известно также и то, что согласно описям имущества Спасо-Ярославского монастыря с 1709 г. по 1787 г. в «книгохранительнице» была только одна рукопись Хронографа.

Это позволяет сделать важный вывод, касающийся истории мусин-пушкинского сборника: до 1709 г. в Спасо-Ярославском монастыре не мог находиться Хронограф со «Словом о полку Игореве», который поступил в монастырскую ризницу Спасо-Ярославского собора, вероятно, на место исчезнувшего летописца Еллинского и Римского после 1709 г. Поэтому мы не можем разделить традиционную точку зрения, считающую бесспорно доказанным, что находившийся в Спасо-Ярославском монастыре с самого начала XVIII в. «хронограф в десть», — тот самый хронограф, который исчез из Спасо-Ярославского монастыря в 80-х годах XVIII в. В начале XVIII в. в библиотеке Спасо-Преображенского собора хранился летописец Еллинский и Римский, в то время как в «Собрание российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина поступил Хронограф Распространенной редакции 1617 г. со «Словом о полку Игореве».

Наличие во всех описях единственной рукописи Хронографа объясняется тем, что в момент составления каждой данной описи в монастыре находился только один Хронограф, хотя в довольно больших промежутках между составлениями описей (1709 г.—1776 г.—1787 г.) в библиотеке могло быть несколько Хронографов, одни из которых впоследствии выбыли, как, например, Хронограф архимандрита Иосифа или летописец Еллинский и Римский, а на их место поступили другие или другой список Хронографа. Поэтому очевидно, что под словом «Хронограф» в описях имущества Спасо-Ярославского монастыря могли быть зафиксированы не только разные списки, но даже разные редакции Русского Хронографа.

Само слово «Хронограф» в древнерусской литературе имело два значения. Хронографом назывались как переводные византийские хроники, так и русские исторические компиляции: Палея, собственно Хронограф, летописец Еллинский и Римский¹⁶. По крайней мере, в описях 1709 и 1776 гг. под словом «Хронограф» фигурируют разные памятники: летописец Еллинский и Римский и, вероятно, Хронограф редакции 1617 г. со «Словом о полку Игореве». Последняя оговорка необходима потому, что до сих пор еще остается открытым вопрос, входило ли «Слово» в состав Спасо-Ярославского хронографа, использованного В. Крашенинниковым¹⁷. Однако уже сейчас можно с полной уверенностью заявить, что Хронографа со «Словом» не было в Спасо-Ярославском монастыре до 1709 г., когда в библиотеке хранился только один «Хронограф» — летописец Еллинский и Римский, свидетельства которого Димитрий Ростовский привел в «Келейном летописце».

Таким образом, можно считать установленным, что, хотя в описях имущества Спасо-Ярославского монастыря значится один Хронограф, на самом деле с конца XVII в. и до 80-х годов XVIII в., когда Хронограф со «Словом» стал собственностью «любителя отечественных древностей» А. И. Мусина-Пушкина, в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря находилось одновременно или в разное время как минимум три Хронографа, один из которых содержал в себе «Слово о полку Игореве».

¹⁶ Попов А. Н. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866, вып. 1, с. 1.

¹⁷ Дмитриев Л. А. К вопросу об истории открытия рукописи «Слово о полку Игореве». — РЛ, Л., 1981, № 3, с. 72.

В. Ф. Иванов

СУДЬБА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ЯКУТИИ XVIII — НАЧАЛА XIX В.

Возможности историка в разработке новой проблемы более ограничены, чем возможности представителей других наук, ведущих непосредственное наблюдение. Ставя перед собой ту или иную задачу и понимая ее общественную значимость, историк неизбежно вынужден считаться с наличием или отсутствием источников. Поэтому одним из главных условий постановки и решения новой проблемы является наличие необходимых источников¹. Между тем методика поиска письменных источников привлекла специальное внимание исследователей только в последнее время. Так, в работе Н. И. Ходаковского ставится задача глубокого изучения истории учреждений и делопроизводства². Обращается внимание на судьбы документальных материалов после завершения делопроизводства³. В целях облегчения поиска сохранившихся документов необходим также учет погибших или утерянных материалов⁴. Понятно, что такая работа нужна прежде всего там, где испытывается большой недостаток документов, например, в Сибири, где имеются огромные невосполнимые лакуны в письменных источниках по истории XVIII в. В дореволюционное время там не проводилось планомерной работы по накоплению архивов и их научно-технической разработке. Документальные материалы истреблялись пожарами, гнили, расхищались дилетантами, любителями старины. Об этом писал известный историк Г. Ф. Миллер, совершивший в 1733—1743 гг. путешествие по Сибири. Просмотрев до 20 архивов в городах и острогах, он с огорчением писал: «Во многих сибирских городах в архивах великие недостатки примечены: инде от пожаров, а инде дела от небрежения сгнили, или червяками поедены были»⁵. Однако тогда ученый с удовлетворением сказал о Якутском архиве: «Я тамошний архив в полном состоянии нашел»⁶. «Нигде не видал я, — продолжал он, — толь достаточной и полезными известиями наполненной архивы, как в Якудской канцелярии», где «превеликое множество дел находилось»⁷. В данном случае речь шла о документальном богатстве Якутии 1630—1730-х годов.

Как известно, в 1783 г. состоялась губернская реформа; система воеводского управления была упразднена окончательно. В состав Иркутской губернии вошли области: Иркутская, Нерчинская, Якутская и Охотская. В Якутской области были образованы уезды: Якутский, Олекминский, Оленский (Виллюйский), Жиганский и Зашиверский. Реформа поставила задачу упорядочения архива прежнего административного управления. В том же году в Якутске для этой цели была создана комиссия. Во главе ее стоял геодезии подпоручик Яков Федоров; ему подчинялись около

¹ Варшавчик М. А. Источниковедение истории КПСС. М., 1973, с. 11.

² Ходаковский Н. И. Источниковедческая эвристика: Проблемы поиска письменных источников: Дис. ... канд. ист. наук: Машинопись. М., 1977. — ГБЛ., Дк 111—1/369.

³ Там же, л. 144—146 и др.

⁴ Фарсоби В. В. К определению предмета источниковедения: (Историографические заметки). — В кн.: Источниковедение истории советского общества. М., 1968, вып. 2, с. 444; Ходаковский Н. И. Указ. соч., л. 147.

⁵ Сибирская советская энциклопедия. М., 1929, т. 1, с. 143.

⁶ Андреев А. И. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. — В кн.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.: JL., 1937, т. 1, с. 70.

⁷ Иванов В. Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии, XVII—XVIII вв. М., 1974, с. 78.

10 человек, что было связано с большим объемом работы. По нашим сведениям, комиссия систематизировала документы «по годам» и «по родам». В уездных городах также функционировали комиссии, приведшие в порядок много старых бумаг⁸. В итоге тогда было сделано много полезного для сохранения документальных материалов края XVIII в.

В своем описании пребывания в Якутске (летом 1830 г.) Н. С. Щукин справедливо отмечал, что «Якутский архив есть один из примечательнейших во всей Сибири, как по своей древности, так и по рукописям, в нем сохранившимся». Однако он обратил внимание на «небрежение» к архивным бумагам: «Они брошены были на жертву времени и стихиям в анбар, сквозь худую кровлю которого текла дождевая вода, и бедные свитки исчезли. Некоторые из них превратились в прах; других нельзя развернуть: от сырости они слились в одну массу». Более того, «множество рукописей» было «растасчено и употреблено на заклепку окон и стен». «Даже в якутских юртах,— продолжал он— я видел окна, сделанные из старинных рукописей»⁹.

В 1839 г. в Якутске побывал иркутский чиновник И. С. Сельский. Им была составлена «Записка о старых столбцах Якутского архива», представленная потом генерал-губернатору В. Я. Руперту. В ней также с тревогой говорилось о том, что документы свалены в старое помещение с ветхой крышей, многие из них подмочены и испорчены. В. Я. Руперт известил об этом Археографическую комиссию Академии наук. Началась переписка. В итоге часть дел Якутского архива (XVII в.) была перевезена в Петербург в 1840—1846 гг.¹⁰

В 60-х годах XIX в. в архив Министерства юстиции (в поместно-вотчинный отдел) поступили документы многих губернских и уездных учреждений, упраздненных судебной реформой. Среди этих поступлений были и бумаги Якутской приказной избы XVII в.¹¹ Значит, документы всех учреждений края XVIII—начала XIX в. оставались на месте.

Однако исследователи позднее подчеркивали с недоумением крайнюю скудость письменных источников по истории Якутии XVIII в. Так, в 1916 г. Е. Д. Стрелов опубликовал известные «Акты архивов Якутской области», где мы находим резюме от составителя: «Печатаемые в настоящем сборнике исторические документы— это почти все, что осталось в архиве Якутского областного управления от XVIII века. Они найдены мною среди разбитых дел, предназначенных к уничтожению»¹². Причем (что очень любопытно!) он добавлял: в 40-х или 50-х годах XIX в. «особая комиссия» в архиве Якутска уничтожила 8084 дела, относящиеся ко времени с 1674 по 1750 г., а в 60-х годах того же столетия вторично было уничтожено также много дел (например, из рассмотренных 1591 дела было оставлено к хранению лишь 91)¹³. К сожалению, Стрелов не попытался рассмотреть работу упомянутой им «особой комиссии». В своем капитальном труде С. А. Токарев подчеркивал: «Богатство письменных источников по эпохе 1630—1700-х годов сменяется, к сожалению, крайней скудостью для последующего периода, от 1710-х до 1760-х годов»¹⁴.

⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 115, л. 1—3, 5—8, 17—18об., 31—31об., 33, 35—37об., 53—55, 64—64об. и др.

⁹ Щукин Н. С. Поездка в Якутск. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1844, с. 202—203. В сочинении отмечено, что в Якутске «из старинных строений существуют три анбара: в одном из них, где прежде... хранилась мягкая рухлядь, помещен теперь архив» (с. 199).

¹⁰ ЛО ААН, ф. 133, оп. 1, д. 242, л. 1—12, 15, 16, 23—25, 63, 74, 85—87; ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 105, л. 4—8; Протоколы заседаний Археографической комиссии. СПб., 1886, вып. 1, с. 12, 13, 31, 69, 70, 97, 117, 118, 337, 409; СПб., 1892, вып. 3, с. 263—265 и др. Ныне эти документы (1113 дел) хранятся в АЛЮИИ.

¹¹ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.; Л., 1952, с. 21. В настоящее время архив Министерства юстиции находится в составе ЦГАДА, в котором фонд Якутской приказной избы насчитывает 7279 дел (в столбцах и книгах).

¹² Стрелов Е. Д. Акты архивов Якутской области. Якутск, 1916, с. II. Здесь опубликовано 66 документов.

¹³ Там же, с. 1.

¹⁴ Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, с. 19.

Ф. Г. Сафронов писал: «Материалы XVIII в. сохранились в отрывках. Это касается не только истории крестьянства, но и многих других вопросов истории Якутии. Какое-то событие явилось причиной гибели значительной части ведомственных архивов»¹⁵. В одной из новейших работ ученый опять повторил эту же мысль¹⁶. Другой историк, П. С. Софронов, указывал на плохую сохранность документов по изучаемому периоду и «частично» объяснял это «рядом известных причин»¹⁷. По его мнению, правительство и местная администрация не заботились об охране архивного материала: документы расхищались и сгорали во время пожаров. Они хранились в сырых подвальных помещениях и потому подвергались порче¹⁸. Таким образом, и здесь не раскрыты настоящие причины большой бедности документальных источников по истории Якутии XVIII в.

В лучшем случае наши предшественники на этот счет строили догадки, высказывали предположения. Решение вопроса остается открытым.

Изучение материалов ЦГА ЯАССР показало истинную роль комиссии по разборке и уничтожению архивных документов Якутии, созданной в середине XIX в. Комиссия уничтожила громадное количество документальных материалов края XVIII—XIX вв. Так, в обширном фонде областного правления (насчитывает более 40 тыс. единиц хранения) найдена служебная переписка (1860—1875 г.) местного губернатора (управляющего областью) с названной комиссией по вопросам разборки и уничтожения «старых дел»¹⁹. В распоряжениях губернатора говорится о «повелениях» Министерства внутренних дел (МВД) России об «устройстве» комиссий для уничтожения «старых дел» в архивах, о составе этих комиссий, порядке их деятельности и т. д. В переписке содержатся донесения комиссии губернатору о ходе разборки «старых дел», о составлении «описей» к ним, об их уничтожении. К сожалению, данная переписка, видимо, сохранилась не полностью.

В фонде областного стряпчего (ф. 14, оп. 2, д. 2) нами выявлены чрезвычайно интересные данные по разбору «решенных дел». Так, например, в документах стряпчего, представленных областному прокурору и носящих характер отчетности, приведены итоговые сведения о работе комиссии за 1857—1871 гг., где подробно указаны: в каких годах «разобраны» дела, каких «присутственных мест» (учреждений), за какие годы, в каком количестве и т. д. В фонде областного прокурора (ф. 194, оп. 4, д. 823; оп. 3, д. 18) сохранился ряд постановлений комиссии за 1876 г. по рассмотренным ею «описям», с резолюцией об «уничтожении» дел; здесь же имеется выписка (доклада от 12 января 1899 г.) из журнала областного правления о деятельности комиссии по «приведению в порядок» документов различных учреждений, находящихся в областном архиве, и т. д. В фонде губернатора (ф. 486, оп. 1, д. 18) есть отрывочные сведения об отправке в Московский архив Министерства юстиции якутских «древних свитков, относящихся к периоду до 1726 г.», и т. п. В целом все это дает достаточно полное представление для суждения о характере, ходе и итогах работы комиссии по уничтожению документальных источников по истории Якутии XVIII в.— начала XIX в.

Как известно, в середине XIX в. канцелярии центральных и местных учреждений России были переполнены деловыми бумагами; трудно было размещаться чиновникам; не хватало помещений для устаревшего делопроизводства. Тогда и возникла мысль освободиться от «ненужных» архивных дел. Такая потребность оказалась прежде всего в учреждениях МВД и Министерства финансов, наследовавших архивы древних учреждений, в них и начата была практика уничтожения архивных дел²⁰.

¹⁵ Сафронов Ф. Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX вв.). Якутск, 1961, с. 7.

¹⁶ Сафронов Ф. Г. Советская историография народов Якутии.— В кн.: Развитие гуманитарных исследований в Якутии. Новосибирск, 1981, с. 27.

¹⁷ Софронов П. С. Якуты в первой половине XVIII века. Якутск, 1972, с. 12.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 131, 1397, 1425, 1526, 1783, 1808.

²⁰ Саможваев В. Я. Архивное дело в России. М., 1902, кн. 1, с. 1.

В отчете МВД 1847 г., например, отмечено, что по представлению особых комиссий при губернских правлениях министр разрешил уничтожить в 18 губерниях до 30 тыс. дел. В 1852 г. министр санкционировал уничтожение уже 68 тыс. дел²¹. Таким образом, в губернских ведомствах МВД работы по «разборке» бумаг начали проводиться в середине XIX в.

31 января 1848 г. на места (в частности в Сибирь) были отправлены первые циркулярные предписания этого министерства о порядке уничтожения старых дел в уездных архивах²². 9 декабря 1852 г. и 5 марта 1853 г. МВД предписывало уничтожать «ненужные» дела и оставлять на хранение документы, «в которых впоследствии может встретиться надобность... при составлении исторических, статистических и других ученых сведений»²³. Приводился и перечень тех документов, которые следовало оставлять на дальнейшее хранение²⁴. Однако это последнее предписание на местах почти совершенно не исполнялось. Указания властей практически послужили поводом для истребления не только «ненужных», но и ценнейших архивных документов XVIII—XIX вв. Впоследствии данный почин «разборки» и уничтожения документов был подхвачен, узаконен, распространен и на учреждения других ведомств.

В дело вмешались высшие государственные власти. 25 декабря 1858 г. было утверждено положение Сибирского комитета о создании особых комиссий «для разбора и уничтожения решенных архивных дел губернских и уездных присутственных мест в Сибири», подчиненных ведомствам МВД и Министерства финансов²⁵. 15 июля 1859 г. министр внутренних дел в специальной «Записке» начертил проект состава комиссий. Согласно проекту в губернские комиссии включались чиновники правления: ассессор или советник, стряпчий и еще один человек. По такому же принципу создавались уездные и окружные комиссии. В «незначительных» городах Сибири «устройство» их предоставлялось на полное усмотрение местных властей. С 20 октября того же года положения «Записки» приобрели уже силу закона, так как царь наложил на нее резолюцию: «Исполнить»²⁶.

Как в прочих сибирских городах, в Якутске была учреждена «особая» архивная комиссия²⁷, в состав которой входили: прокурор (председатель), стряпчий, архивариус и писцы. Председателю вменялось в обязанность «наблюдать за действием» комиссии, а вся практическая работа осуществлялась писцами, командированными из тех учреждений, документы которых подлежали обработке в этот момент, архивариусом и стряпчим. Документы должны были разбираться по ведомственному и хронологическому признакам, а к ним составляться описи. По истечении каждой недели описи надлежало представлять на просмотр губернатору (управляющему)²⁸. Таким образом, на практике дело разбора, описания и уничтожения архивных материалов зависело от низших канцелярских чиновников, весьма далеких (говоря современным языком) от требований архивоведения, а тем более от запросов исторической науки.

В 1857 г. комиссией были начаты разборка и описание материалов Якутской воеводской канцелярии — центрального учреждения края. Вначале были «положены в опись» документы этой канцелярии за 1674—1750 гг. в количестве 8084 единиц хранения. До нашего времени сохранилась так называемая опись этих документов, содержащая обозначения: годы (с 1674 по 1750), порядковые номера единиц хранения (с 1-го по 8084-й) и изредка пометы, почему дела «подлежат уничтожению». Табл. 1, составлена по данной описи.

²¹ Там же.

²² ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1397, л. 3.

²³ Самоквасов В. Я. Архивное дело в России. М., 1902, кн. 2, с. 59. В ЦГА ЯАССР (ф. 12, оп. 1, д. 1397, л. 9) есть также сведения о предписаниях МВД от 6 сентября и 5 ноября 1854 г.

²⁴ Самоквасов В. Я. Архивное дело в России, кн. 2, с. 59—60.

²⁵ ПСЗ-II, т. 34, № 34993, с. 162.

²⁶ Там же, с. 162—169.

²⁷ Точная дата ее учреждения не установлена.

²⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 1425, л. 1—2.

Таблица 1*

Год	Номера уничтоженных ед. хр.	Год	Номера уничтоженных ед. хр.
1674	1	1726	1206—1361
1691 и 1697	2—4	1727	1362—1544
1700	5	1728	1545—1681
1702	6—14	1729	1682—1949
1704	15—18	1730	1950—2285
1705	19—26	1731	2286—2424
1706	27—32	1732	2425—2633
1707	33—45	1733	2634—3014
1708	46—47	1734	3015—3291
1709	48	1735	3292—3532
1710	49—55	1736	3533—3704
1711	56—59	1737	3705—3896
1712	60—71	1738	3897—4111
1713	72—76	1739	4112—4457
1714	77—112	1740	4458—4813
1715	113—157	1741	4814—5084
1716	158—211	1742	5085—5582
1717	212—283	1743	5583—6075
1718	284—314	1744	6076—6539
1719	315—372	1745	6540—7020
1720	373—475	1746	7021—7332
1721	476—576	1747	7333—7552
1722	577—705	1748	7553—7724
1723	706—891	1749	7725—7863
1724	892—1035	1750	7864—8084
1725	1036—1205		

* ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 131, л. 1—20 об. В поле зрения Е. Д. Стрелова была именно эта опись, но датировал он ее приблизительно (40—50-е годы XIX в.). Опись составлена в 1857 г.

Пометы в описи всегда шаблонны: «показанные дела» подлежат уничтожению, так как «предметы, составляющие эти дела давно уже получили окончательное решение»; «относятся к административной власти»; «не заключают в себе важности»; впоследствии не могут «принести никакой существенной пользы»; «составлены из лоскутьев разных дел»; «не имеют начала и конца, ветхи»²⁹. С одной стороны, из этой описи невозможно вынести суждения о содержании самих документальных материалов. С другой стороны, она показывает все же некоторые критерии, которыми руководствовалась комиссия при уничтожении документов, получивших «окончательное решение» и потому не содержащих «в себе важности». Первый критерий — это давность их происхождения; второй — дефектное состояние единиц хранения, не имевших «начала и конца», их «ветхость»; третий — предположение о том, что документы впоследствии не принесут «никакой существенной пользы». Предписания центральных властей были поняты членами комиссии как призыв к полному разрушению архивных документов, потерявших узкоутилитарное значение к моменту их экспертизы. Такой подход к делу стал основным правилом всей практической деятельности комиссии, выносившей безжалостный приговор ценнейшим историческим источникам края.

В 1858—1860 гг. продолжалась разборка документов воеводской канцелярии (за 1750—1775 гг.) в количестве 15 591 ед. хр.; провинциальной канцелярии (1775—1785 гг.) — 4720, якутских комендантов (за 1784—1789 гг.) — 4411³⁰. Следовательно, в 1857—1860 гг. были разобраны материалы центральных учреждений Якутии XVIII в., последовательно

²⁹ Там же, д. 131, л. 1—3, 4об., 5об., 6об., 8об., 10об., 13, 17.

³⁰ Там же, ф. 14, оп. 2, д. 2, л. 1, 3, 45—45об.

сменявших друг друга (воеводской и провинциальной канцелярий, якутских комендантов), в количестве 32 806 ед. хр. Якутский губернатор обратился в МВД с просьбой дать указание об уничтожении «означенных дел». 19 сентября 1860 г. министр МВД на это написал «разрешительное предписание». Областное правление издало распоряжение, согласно которому документы были «проданы с аукционного торга»³¹. Однако какая-то часть материалов воеводской канцелярии (за 1721—1775 гг.) была разобрана позже, в 1861 г., тоже с резолюцией: бумаги «подлежат уничтожению»³². По всей вероятности, в ходе разборки были составлены более подробные описи (всего 11), так как, кроме порядковой нумерации, видимо, они содержали в себе и другие атрибуции. 4 августа комиссия представила их якутскому губернатору. 19 августа губернатор возвратил просмотренные им описи, сделав существенные замечания: в них включено «много дел, составляющих интерес в историческом отношении», и они «не должны быть уничтожены»³³. Среди этих дел были указы и предписания, журналы и протоколы, ясачные и таможенные книги, шнуровые книги о выдаче жалования служилым, о «записке купеческих товаров», о выдаче подорожных, приходо-расходные книги, счетные выписки, входящие и исходящие настольные регистры, материалы о Камчатской экспедиции и т. д.³⁴ При этом губернатор предписал комиссии «тщательно пересмотреть все дела» и отделить дела, «не подлежащие уничтожению»³⁵. Согласно указанию названные выше дела с описями были оставлены на хранение³⁶. Здесь мы встречаемся с известным пониманием предписаний МВД 1852 и 1853 гг. Но весной 1863 г. во время ледохода на реке Лене «областной архив был потоплен водою», и книги, и описи пришли «в совершенную гнилость». Комиссия решила, что они должны быть «по необходимости уничтожены»³⁷. Такова трагическая судьба богатейших документальных материалов центральных учреждений Якутии XVIII в.

Комиссия между тем продолжала свою разрушительную деятельность. В дальнейшем ею были разобраны документы Якутской городской ратуши: в 1861—1863 и 1865 гг. (за 1780—1836 гг.) в количестве 4695 ед.хр.; в 1858 г.—Якутской городской думы (за 1780—1835 гг.) — 5038 ед.хр.; в 1868 г.—Якутской же городской ратуши и городской думы («по части распорядительной») (за 1780—1822 гг.) — 3501 ед.хр.; в 1861—1863 гг.—Якутской нижней расправы (за 1795—1800 гг.) — 2081 ед.хр.; в 1858, 1860, 1864 гг.—Якутского нижнего земского суда (за 1784—1820 гг.) — 4382 ед.хр.³⁸

В те же годы разбирались и уничтожались дела уездных и городских органов власти и управления Якутии XVIII — начала XIX в. (см. табл. 2).

В нашем распоряжении есть данные о документах различных низовых учреждений Якутии второй половины XVIII в. Сведений о памятниках письменности этих же учреждений первой половины столетия разыскать не удалось. Видимо, и они стали жертвой работы той же комиссии.

Начиная с 1864 г. комиссия приступила к рассмотрению материалов центральных учреждений области и города Якутска первой половины XIX в. Так, были разобраны материалы областных начальников (за 1804—1840 гг.) в количестве 3921 дела, областного правления (за 1816—1841 гг.) — 4029, городской управы (за 1800—1840 гг.) — 5623 дела и т. д.³⁹ Все эти дела решено было уничтожить.

В сводном отчете, представленном в МВД, говорится, что в 1857—

³¹ Там же, ф. 12, оп. 1, д. 1397, л. 23.

³² Там же, л. 23—23 об. Количество этих дел не указано.

³³ Там же, л. 9—10 об.

³⁴ Там же, л. 10, 12 об., 15, 23—24 об. Здесь под «запиской купеческих товаров», видимо, подразумевались записи таможенных пошлин.

³⁵ Там же, л. 10 об.

³⁶ Там же, л. 11—13, 24.

³⁷ Там же, л. 24 об.

³⁸ Там же, ф. 14, оп. 2, д. 2, л. 45—47 об.

³⁹ Там же, л. 47—47 об.

Таблица 2*

Учреждение	Уничтожено ед. хр.	За годы
Алданская воеводская канцелярия	2340	1776—1785
Амгинское частное комиссарство	200	1804—1810
Олекминские: нижняя расправа	464	1785—1804
нижний земский суд	1500	1785—1805
Жиганские: городничий	712	1784—1805
нижняя расправа	1200	1784—1798
нижний земский суд	1020	1784—1805
Зашиверские: городничий	653	1784—1804
нижний земский суд	385	1784—1795
земский исправник	30	1784—1804
нижняя расправа	497	1784—1798
уездное казначейство	307	1784—1805
частный комиссар	29	1784—1805
Оленская нижняя расправа	335	1785—1797
Удский частный комиссар	167	1800—1812

* ЦГА ЯАССР, ф. 14, оп. 2, д. 2, л. 45—47 об. В 1860 г. были «разобраны» еще документы Олекминского городничего (за 1784—1801 гг.) в количестве 622 единиц хранения.

1869 г. комиссией «продано с аукционного торга» 957 604 архивных ед.хр.⁴⁰ В нашем распоряжении нет сведений о разборе документов вилюйских, оленекских, индигирских и других зимовий. Архивные дела этих населенных пунктов также почти совсем не сохранились. По-видимому, они тоже разошлись по рукам частных лиц. Ведь в окружных центрах функционировали местные архивные комиссии, подчиненные окружным управлениям. Последние обращались по нужным вопросам в областное правление. Об этом свидетельствуют, например, такие факты. 22 мая 1862 г. Олекминское окружное управление отправило на повторное рассмотрение в Якутское областное правление «три описи старым архивным делам», которые были «пересоставлены» по замечаниям того же правления (от 20 января). В одну из описей были включены дела, подлежащие уничтожению⁴¹. Якутские власти обратились в МВД. 26 июня 1863 г. оттуда последовал ответ: документы окружного управления (за 1784—1846 гг.) «уничтожить или продать». 25 сентября 1863 г. в Олекминске была устроена аукционная продажа названных дел. Меццанин Василий Попов за 8 руб. 50 коп. «серебром» выкупил «расшитыми» 3540 ед.хр.⁴² Вполне вероятно, что подобная продажа-купля старых бумаг тогда практиковалась повсеместно.

В 1870—1900-х годах Якутская комиссия рассмотрела материалы около 20 областных, окружных и городских учреждений Якутии XIX в. (более 64 тыс. ед.хр.). Подавляющая часть их подлежала распродаже. Новым является то, что в соответствии с инструкциями незначительную часть дел стали все же оставлять на хранение⁴³.

С большим опозданием раздался голос Министерства юстиции в защиту документов («всех без исключения»), «относящихся к периоду до 1726 г.» Последние должны были быть «немедленно отсылаемы в Московский архив Министерства юстиции»⁴⁴. В 1881 г. в связи с этим

⁴⁰ Там же, л. 47 об.

⁴¹ Возможно, документы по двум описям были оставлены на хранение, но у нас нет об этом сведений.

⁴² Там же, ф. 12, оп. 1, д. 1526, л. 1, 4, 9—14, 18.

⁴³ Там же, ф. 14, оп. 2, д. 2, л. 50, 55, 93; ф. 194, оп. 1, д. 825, л. 13, 17—17об., 23—23об., 25—25об., 27—27об., 31—31об., 39—40об., 41—42, 47—48, 59—59об.; ф. 194, оп. 3, д. 18, л. 14—14об.

⁴⁴ Предписание министра юстиции об этом (чем оно было вызвано, трудно понять) состоялось 3 декабря 1866 г.—ЦГА ЯАССР, ф. 486, оп. 1, д. 18, л. 4, 8, 11—13.

Якутское областное правление трижды отправляло туда партии «древних свитков»: 30 июля — в 5 тюках, 20 августа — в 14, 10 декабря — в 19 тюках⁴⁵. Конечно, эти бумаги представляли собой небольшую часть богатейшего в прошлом архива.

Таким образом, теперь можно считать установленным, что в 1857—1869 и в 1870—1900-х годах якутская комиссия уничтожила огромное количество ценнейших документальных источников по истории края XVIII—XIX вв. Уничтожение это производилось путем продажи их с аукциона.

Подводя итоги, мы получаем в количественном отношении поражающий список исторических источников, навсегда утраченных для науки. Был разрушен весьма значительный массив памятников делопроизводительной документации Якутии XVIII в. — начала XIX в.

В конце XIX в. в столичной и сибирской печати появились первые свидетельства о дальнейшей судьбе части проданных бумаг. В газетах тогда отмечалось, что масса дел Якутского архива была продана с аукционного торга. В то время на местном базаре и в мелочных лавках Якутска в большом количестве попадались документы прошлого столетия, которые торговцы употребляли на обертку. Например, встречались материалы об экспедиции на Шантарские острова; путевой журнал какой-то экспедиции из Якутска до Удского острога; промемории В. Беринга; листки из дела о камчатском бунте; письмо Штейнгеля, члена Российско-американской компании; о Трескине, Пестеле и т. д.⁴⁶ Такие документы встречались до позднейшего времени. В частности, 16 декабря 1916 г. местный краевед Г. И. Попов сообщал: «В Баяге⁴⁷ я видел, как в старинные бумаги и дела 1760—1800 гг. завертывали масло. Несколько таких улусных дел из погибшего архива я за гроши приобрел для себя»⁴⁸.

В 1923 г. сибирский историк Н. Н. Бакай писал: «В Иркутске в отделе Географического общества в прежние годы не раз обсуждался вопрос об описании и разработке Якутского архива, но по недостатку средств и отсутствию людей, способных взяться за это дело, вопрос этот не был доведен до конца. В восьмидесятых годах (XIX в. — В. И.) по чьему-то распоряжению масса старинных дел этого архива была продана с аукционного торга, которые и были раскуплены местными торговцами для надобностей торговли. На базаре в Якутске попадали не лишние научного интереса дела XVIII столетия»⁴⁹. Старинные рукописи у частных лиц находились и позже. Например, 4 декабря 1952 г. на местном базаре зам. директора Якутского краеведческого музея им. Ем. Ярославского И. Д. Новгородов у «гражданина, продающего старые книги и бумаги», купил за 100 руб. рукопись второй половины XVIII в. (в 29 листах)⁵⁰. Рукопись представляет собой собрание документов о повинности якутов по доставке казенных и экспедиционных грузов в Охотский порт и на верховья Колымы (1763—1787 гг.).

Несмотря на всю разрушительную работу якутской комиссии в архивохранилищах Москвы, Ленинграда, Иркутска, Якутска и других городов страны находится определенный комплекс уцелевших документов. Однако рассмотрение их — предмет другого исследования.

Видимо, архивные комиссии создавались и действовали в населенных пунктах всей Сибири⁵¹. Надо думать, что их деятельность везде была

⁴⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 486, оп. 1, д. 18, л. 17—17 об., 21—21 об., 27.

⁴⁶ Неделя (газета), СПб., 1880, 28 сент., № 39; Сибирский вестник, Томск, 1886, 17 окт., № 86; Сибирская газета, Томск, 1886, 19 окт., № 42; Восточное обозрение (газета), СПб., 1886, 4 дек., № 49; и др.

⁴⁷ Баяга — населенный пункт бывшей Баягантайской волости Якутии.

⁴⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 386, оп. 2, д. 14, л. 19.

⁴⁹ Бакай Н. Архивы Сибири. — Жизнь Сибири, Новониколаевск, 1923, № 8 (12), с. 27.

⁵⁰ Хранится в рукописном фонде Якутского республиканского музея им. Ем. Ярославского, не введена в научный оборот.

⁵¹ Отрывочные сведения о работе комиссий в сибирских городах приведены в статье: Бакай Н. Архивы Сибири, с. 22—33.

Таблица 31*

Учреждения	Сохранилось ед. хр.	За годы
<i>Иркутские</i> ^{2*}		
Воеводская изба	490	1677—1735
Провинциальная канцелярия	40	1722—1861
Губернская канцелярия	27	1780—1783
Таможня	6	1699—1741
<i>Нерчинские</i>		
Воеводская изба	254	1669—1741
Таможня	1	1705—1741
<i>Енисейские</i> ^{3*}		
Провинциальная канцелярия	307	1740—1782
Таможня	3	1722—1726
Мангазейская воеводская канцелярия (енисейской провинции)	26	1730—1742
Нарымская воеводская канцелярия (енисейской губернии)	31	1740—1742
<i>Томские</i> ^{4*}		
Воеводская канцелярия	100	1703—1779
Таможня	1	1740—1741
<i>Сибирские (Тобольские)</i> ^{5*}		
Губернская канцелярия	607	1712—1780
Канцелярия ревизии счетов	35	1736—1763

^{1*} ЦГАДА, ф. 1025, 413, 829, 634, 428, 830, 630, 633, 415, 825; ЛОИИ, ф. 196, 168 (Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М., 1979, с. 49—50; Справочник — указатель фондов местных учреждений XVI—XVIII вв. /Сост. В. Н. Шумилов. М., 1955. Рукопись хранится в ЦГАДА).

^{2*} Иркутский губернский архив, заключающий в себе документы с середины XVII в., сгорел во время пожара 1879 г. Среди них, несомненно, находилось много дел по Якутии XVIII в.

^{3*} В 1890-х годах в Енисейске была организована комиссия по разборке дел (в количестве более 50 тыс.) различных учреждений. Громадное количество дел было предназначено к продаже с аукциона. Член этой комиссии Н. Н. Бакай отмечал, что «остановить продажу дел не представлялось возможным» (Бакай Н. Архивы Сибири. — Жизнь Сибири, Новониколаевск, 1923. № 8, с. 27).

^{4*} Документы Томского архива (в том числе первых трех десятилетий XVIII в.) были уничтожены по приказу местного воеводы незадолго до приезда Г. Ф. Миллера (его приняли там за ревизора): в течение нескольких ночей все старинные архивные дела и свитки были вывезены и погружены в реку Томь. А в 1891 г. в этом архиве имелось до 300 тыс. единиц хранения «но к сожалению, документов XVIII столетия почти не сохранилось» (Бакай Н. Архивы Сибири, с. 24, 28).

^{5*} Тобольские архивы — воеводской канцелярии, консистории и монастырские — горели много раз. Там могли быть и материалы по истории Якутии XVIII в.

аналогичной работе якутской комиссии. Прежде всего об этом говорит и плохая сохранность архивных документов многих уездов и провинций Сибири XVIII в. (см. табл. 3).

Таким образом, до нашего времени дошла лишь небольшая часть исторических документов Сибири XVIII в. Теперь можно считать доказанным, что масса бесценных памятников письменности той эпохи была истреблена сибирскими архивными комиссиями. Более того, такие же комиссии учинили настоящий разгром государственных архивных материалов в губерниях Европейской России (в Костромской, Тверской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской, Псковской и других губерниях)⁵².

⁵² См. об этом подробно: Самоквасов Д. Я. Архивное дело в России, кн. 1 и 2; Он же. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902.

Л. Л. Муравьева

**РУКОПИСИ СОЧИНЕНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ
ПРОФЕССОРОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
А. А. БАРСОВА И Х. А. ЧЕБОТАРЕВА**

Антон Алексеевич Барсов (1730—1791 гг.) и Харитон Андреевич Чеботарев (1746—1815 гг.) были профессорами Московского университета по кафедре русской словесности и древности философского факультета. Кроме того, Чеботарев — первый ректор университета (1805—1810 гг.). Оба они являлись членами Вольного Российского собрания (1771—1783 гг.), главнейшая цель которого была выявление и публикация древнерусских литературных памятников. Барсов — ученик М. В. Ломоносова, один из первых русских профессоров в университете, — был бессменным руководителем названного научного общества. Когда в 1804 г. возникло Общество истории и древностей российских при Московском же университете, его возглавил Чеботарев. Тот и другой работали в составе учрежденной в 1783 г. Российской Академии. Барсов много сделал в области языкознания и литературоведения. Чеботарев снискал себе известность, в частности, написанием большого труда по экономической географии¹. Ими был написан совместный труд по русской истории.

Среди первых появившихся в начале XIX в. биографических статей о А. А. Барсове имеется такое краткое свидетельство: «Когда гос. имп. Екатерина II, вознамерясь издавать свои Записки касательно Российской истории, повелела, чтобы в Московском университете сделаны были из разных русских летописцев, начиная с 1224 года, сводные выписки по порядку лет, то куратор Иван Иванович Шувалов в 1783 г. препоручил сие дело Барсову, который вскоре с помощью профессора Чеботарева и доставил в Кабинет несколько тетрадей такого Свода»². Краткие замечания о данном сочинении были сделаны потом М. И. Сухомлиновым³, а в советские годы — М. Д. Приселковым⁴ и Г. Н. Моисеевой⁵.

Особый интерес представляют наблюдения и связанный с ними вывод Моисеевой об использовании при написании названного труда текстов драгоценного памятника — Троицкой летописи (далее — Тр.), утраченной в начале XIX в. Однако, указав на наличие обильного материала Тр. в рукописях исторического сочинения конца XVIII в., она специально его не обследовала. Между тем сочинение Барсова и Чеботарева заслуживает самостоятельного изучения, и главным образом со стороны использованных в нем летописных источников, в том числе пергаменной летописи начала XV в.

Сводный летописный материал, подготовленный и откомментированный Барсовым и Чеботаревым, охватывает события русской истории с

¹ Библиографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855, ч. 1, с. VII—VIII, XV, 50, 51, 55, 57, 59; ч. 2, с. 543—545; История Московского университета. М., 1955, т. 1, с. 44, 46, 65; Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII века. М., 1960, т. 1, с. 338; 1962, т. 2, с. 336.

² Друг просвещения. Журнал литературы, наук и художеств. СПб., 1805, ч. 2, № 5, с. 152—156.

³ Сухомлинов М. И. История Российской Академии. СПб., 1878, вып. 4, с. 220, 228—229.

⁴ Приселков М. Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950, Введение, с. 12.

⁵ Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980, с. 87—90.

1224 по 1425 г. и составляет 9 рукописей. Он принадлежит к составу крупной исторической коллекции Эрмитажного собрания рукописей, начало которой было положено в 60-х годах XVIII в.⁶ Впервые сообщение о совместном труде московских профессоров было дано в 1793 г. отставным секретарем Кабинета Зимнего дворца Екатерины II А. Е. Храповицким. В ответе на запрос нового секретаря В. С. Попова он написал: «Выписки из Российской истории Барсова и Чеботарева переплетены в одной книге, в зеленой бумаге, in quarto; и всегда лежали на большом столе с прочими историческими. Им уже несколько лет продолжения нет, да и Барсов умер». В его «Записке» от 5 сентября того же года и Описи «Книгам в Кабинете Зимнего дворца, мая 19-го дня 1795 г.» они обозначены как «Сведения о России Барсова и Чеботарева с 1224 по 1380 г.»⁷

Обследуемые нами рукописи упомянуты также в Каталоге Эрмитажного собрания конца XVIII в.⁸ Здесь они записаны среди книг «In quarto», под № 56 («Сведения о России Барсова и Чеботарева с 1224-го до 1380 года». Список) и, очевидно, под № 128 («Исторические оригинальные выписки с 1380 г.»). В 1878 г. о их местонахождении писал Сухомлинов в Приложениях к своему исследованию, посвященному истории Российской Академии наук. Он отметил, что в Государственном архиве сохранились материалы, доставленные «сотрудником Барсова: Сведения о Российской истории с 1224 г., выписанные из разных рукописных летописцев» и «Продолжение XI, с 1374 по 1380 год, от профессора Харитона Чеботарева»⁹. В начале XX в. на «значительную массу этих Записок за дальнейшее время» в собрании рукописей «Русского отделения Библиотеки Академии наук» обратил внимание во введении к изданию 11-го тома Сочинений имп. Екатерины II А. Н. Пыпин¹⁰.

Названные рукописи Барсова и Чеботарева являлись частью фонда, представляющего собой источники, собранные для занятий Екатерины II историей. Некоторые из них включены в опубликованную в 1906 г. «Опись материалов, послуживших для составления „Записок касательно Российской истории“» и описаны тут в разделе «Автографы императрицы Екатерины и другие рукописи, сюда относящиеся, в Библиотеке имп. Академии наук». По данным В. И. Срезневского, они поступили в ОР БАН в 1902 г.¹¹ Перечислим рукописи, обозначенные в этой «Описи»:

1. 26.4.1.45.а. — Рукопись с золотым обрезом в 4°, 101 с., не считая заглавного листа; каллиграфическим почерком: «Продолжение Исторических выписок с 1380 года. № 1. Дмитриев бой с Мамаем на Дону. По высочайшему повелению, из разных старинных летописей ... сочинял надворный советник профессор Чеботарев. 1795». Каждая страница разделена на 4 грани: 1-ая содержит текст, 2 — года от р. х.; 3 — краткое оглавление текста, 4 — года от с. м. Текст изложен в 50 параграфах и обнимает 1380—1381 годы до р. х. — 2. 26.4.1.45.б. — Рукопись с золотым обрезом в 4°, 136 с. «Продолжение исторических выписок с 1380 года. № 2. Последние восемь лет владения в. кн. Дмитрия Ивановича Донского с 1381 до 1389 года...» — 3. 26.4.1.45.в. — Рукопись с золотым обрезом в 4°, 178 с. «Исторические оригинальные выписки с 1380 года. № 3. Царствование в. князя Василия Дмитриевича Московского. Первое десятилетие его владения с 1389 до 1399 года...» — 4—5. 34.7.28 (по новой описи). — Рукопись в двух томах, в 4°, писарским почерком: т. 1. (162 л.)

⁶ [Альшиц Д. Н.] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Памятники XI—XVII вв.: Описание. М., 1968, с. 5—22.

⁷ Мурзакевич Н. Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II. — ЖМНП, СПб., 1872, № 8, с. 329, 332, 334, 336.

⁸ [Альшиц Д. Н.] Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей. Приложение, с. 145, 155, 157.

⁹ Сухомлинов М. И. История Российской Академии, с. 496.

¹⁰ Пыпин А. Н. Введение. — В кн.: Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей... СПб., 1906, т. 11, с. XXXVII.

¹¹ Срезневский В. И. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение имп. Академии наук в 1902 г. — ИАН, 1903, т. 19, № 1, с. 39—40.

озаглавлен: «Исторические оригинальные выписки с 1380 года. № 4. Царствование в. князя Василия Дмитриевича Московского. Второе десятилетие его владения с 1399 до 1409 года. По высочайшему повелению, сочинены надворным советником и профессором Чеботаревым. 1796»; т. 2 (135 л.) «Последние лета царствования в. князя Василия Дмитриевича Московского с 1409 до 1425 года с приобщением к оным географической карты того времени и пяти синхронистических таблиц, изображающих тогдашнее состояние всей России (при сем в. князе) ... 1796». Карта не сохранилась¹².

В конце XIX в. историческая коллекция рукописей Эрмитажа была уже расформирована и передана в различные учреждения страны¹³. Эрмитажное собрание рукописей почти в полном составе в 1852 г. поступило в Публичную библиотеку¹⁴. Сегодня рукописи и отдельные материалы Барсова и Чеботарева бывшего Эрмитажного собрания находятся в разных хранилищах Ленинграда и Москвы. Три из перечисленных выше пяти рукописей ОР БАН, а именно № 1—3 — теперь хранятся в АЛОИИ, ф. Кабинета Екатерины II, ед. хр. 63, 64, 65. Еще одна, № 4 (т. 1) — в Эрмитажном собр. ОР ГПБ под № 569. Кроме того, в этом собрании под № 319 зарегистрирована рукопись А. Барсова и Х. Чеботарева «Сведения о Российской империи с 1224 г., выписанные из разных летописцев» (Список 1783 г.), 269 л. Современному исследователю доступна еще одна связанная с именем Чеботарева рукопись. Она тоже из кабинетных бумаг Екатерины II, ф. 10 ЦГАДА, ед. хр. 363, 34 л. и является дополнением к рукописи ОР ГПБ, № 319¹⁵.

Мы ознакомились в оригинале с указанными в литературе рукописями Барсова-Чеботарева; нам не удалось обнаружить Продолжения № 5 «Исторических записок с 1380 г.» (за 1409—1425 гг.). Но проведенный автором поиск позволил выявить дополнительные материалы из бумаг Х. А. Чеботарева, которые представляют собой дар историка Б. Л. Модзалевского библиотеке Академии наук в начале XX в. Среди этих материалов находится хранящаяся под № 220 (б. 26.5.119) в коллекции БАН АЛОИИ рукопись, снабженная такой надписью: «Сведения о Российской истории с 1224 г., выписанные из разных рукописных летописцев» в 4° на 52 л. (на бумаге знак 1781 г.). Рукопись черновая, далеко не полная; включает в себе описание событий 1230—1237, 1344—1347, 1353—1356, 1371—1372, 1378—1380 гг. Непосредственно в ОР БАН, ф. 26.5.131, под № 31 имеется «Отрывок из Записок Х. А. Чеботарева о русской истории», представляющий собой рукопись XVIII в. (на бумаге знак 1789 г.?) в 4° на 5 листах. В настоящем виде названный «Отрывок» имеет вид черновика (годы проставлены в тексте, нет примечаний и т. п.), охватывает выписки из летописей за X в. и содержит конец § 16 и 17—21 (33-я тетрадь), не дошедшей до нас в полном виде рукописи.

Отрывок «Записок Чеботарева» опубликован в ЧОИДР (1847, № 9, Смесь, с. 1—23) под названием «Вступление в настоящую историю о России»¹⁶. В подстрочном примечании к нему указано, что данный «Отрывок» получен «в Киеве от бывшего слушателя Московского университета Матвея Васил[евича] Могилянского, в 1785 г.» «Вступление» разбито на 12 параграфов, начинается словами автора: «Писать Российскую

¹² Сочинения Екатерины II..., т. 11, с. 455, 464—469.

¹³ Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853, с. 65—66.

¹⁴ *Вольценбург О. Э.* Библиотека Эрмитажа. 1764—1939 гг. Л., 1940, с. 21, 51.

¹⁵ Сообщения о хранении названных шести оригинальных рукописей Барсова и Чеботарева содержатся в «Каталоге русских рукописей Эрмитажного собрания» (Л., 1960, с. 28, 93), в книге С. Л. Пештича «Русская историография XVIII века» (Л., 1965, ч. 2, с. 264, примеч. 72) и в книге Д. Н. Альшица «Историческая коллекция Эрмитажного собрания...» (с. 104).

¹⁶ В «Библиографическом словаре профессоров и преподавателей имп. Московского университета», изданном в 1855 г., среди сведений о Х. А. Чеботареве упоминаются «Записки Чеботарева» и высказано суждение, что они, вероятно, представляют собой сочинение, которое «назначалось не для того только, чтоб служить профессору пособием при чтениях» (ч. 2, с. 454—548).

историю,— какое смелое предприятие!» и далее: «Но прежде, нежели вступим мы в подробное рассмотрение... за нужное считаем предположить следующее: а именно, что вся Российская история представляет собой две главные эпохи; одна древнюю, а другую новую» (с XVI в.); оно содержит краткое «Введение в древнюю Российскую историю». Автор «Вступления» рассматривает предпринимаемый им труд как продолжение изучения истории России, начатое В. Н. Татищевым и Г. Ф. Миллером. По своим взглядам на общий ход русской истории и ее периодизацию Чеботарев был сторонником такого крупного научного авторитета своего времени, как А.-Л. Шлёцер.

Сохранившиеся два связанных между собой «Отрывка» из рукописных материалов историка Чеботарева являются, возможно, один — законченным «Вступлением» к историческому труду, другой — черновым экземпляром первой его части (с разрывом в изложении текста в три полных параграфа, с 13-го по 15-й). С другой стороны, вполне вероятно, что профессор Х. А. Чеботарев параллельно с работой по заданию Екатерины II готовил (или написал) самостоятельные «Записки» (или учебник) по истории России, прямых сведений о которых не сохранилось до наших дней (или они не обнаружены). Правда, имеются показания, что настоящих «Отрывков» из бумаг Чеботарева представляет собой начальную часть курса лекций, читанного им в 1785 г. в Университете. Об этом сообщается в книге «Речи профессоров имп. Московского университета» (М., 1819, ч. 1, с. 327): «Российская история, писанная им для слушателей, осталась ненапечатанной»¹⁷.

Ранее изложенное дает основание сделать предварительное заключение, что труд, написанный для исторических занятий императрицы, имел в составе не менее двух (или трех) частей. Первая часть занимала в основном период, заключенный в «Несторовой летописи» (?), вторая часть — с 1224 по 1380 г., третья — с 1380 по 1425 г. О существовании предполагаемой первой части свидетельствует не только «Отрывок из Записок Х. А. Чеботарева». Имеется и другое показание в пользу подобного предположения. Речь идет о сообщении в «Обозрении русской литературы в 1825 г.», опубликованном в журнале «Московский телеграф». Там говорится, что «Барсов и Чеботарев... занимались Сводом русских летописей (с 1224 г.) для «Записок касательно Российской истории», и, «имея печатный Кёнигсбергский список, не почитали нужным разбор других списков по 1224»¹⁸ И так, в основе первой части выписок лежала, наверное, Радзивилловская летопись (до 1206 г., издание 1767 г.). Но, возможно, не только. В тексте «Отрывка» из рукописи, имевшей охват событий «по 1224 г.», можно прочесть такой авторский комментарий: «Видно из наших летописей» (л. 1 об.), «В летописях наших философом назван» (л. 2), который, думается, говорит о привлечении к работе над сводом выписок с самого ее начала нескольких летописей¹⁹.

Первая часть, как и две другие, включала несколько тетрадей, текст которых был изложен по отдельным параграфам. По всей вероятности, каждая из тетрадей всех трех (или двух) частей существовала как самостоятельная рукопись с описанием событий от 2—4 до 20 и более лет. Вторая часть составлена из 11 (№ 1—10, 12) тетрадей-Продолжений, имеющих собственную нумерацию. Они шиты и переплетены в одну рукопись. Что касается Продолжения № 11 второй части, то это отдельная рукопись; обе указанные рукописи находятся в разных архивах. Вторая часть имеет название «Сведения о Российской истории с 1224 г., выписанные из разных летописцев», разбита на отдельные Продолжения: А — с 1224 по 1236 г., № 1 — с 1237 по 1240 г., № 2 — с 1241 по 1263 г., № 3 — с 1264 по 1292 г., № 4 — с 1293 по 1319 г., № 5 — с 1320 по 1329 г.,

¹⁷ Попов Н. История имп. Московского общества истории и древностей Российских (ч. 1. 1804—1812 гг.). — ЧОИДР, 1884, кн. 1, с. 40.

¹⁸ Московский телеграф, 1825, ч. 1, № 2, с. 142.

¹⁹ См. об этом с. 126.

№ 6 — с 1330 — по 1340 г., № 7 — с 1340 по 1353 г., № 8 — с 1353 по 1359 г., № 9 — с 1359 по 1366 г., № 10 — с 1366 по 1373 г., № 11 — с 1374 по 1380 г., № 12 — с 1379 по 1380 г.²⁰ Третья часть получила название «Исторические оригинальные выписки с 1380 г.» и заключала пять тетрадей (упомянутых выше)²¹. Они сейчас составляют тоже две рукописи разных хранилищ.

В Петербург рукописи были пересланы не в одно время, очевидно, по мере готовности в 1783, 1795 и 1796 гг. В 1783 г. Екатерине II были переправлены тетради выписок с 1224 г. от двух авторов — А. Барсова и Х. Чеботарева. В посланных ими рукописях читаются такие пометы: (начало) до 1236 г. — от Антона Барсова, Продолжение № 1 — «От Антона Барсова»; Продолжение № 3 — «От Антона Барсова»; Продолжение № 4 — «От профессора Харитона Чеботарева», Продолжение № 5 — «От Антона Барсова»²² и т. д. Они написаны соответственно двумя почерками. В 1791 г. А. А. Барсов умер и работу продолжал один Чеботарев. Он является автором вышеназванной черновой рукописи «Сведений о Российской истории с 1224 г.», где сшиты неполные тетради — «Продолжения» № А, 7, 8, 10—12 (подписанные им в экземпляре, предназначенном для Екатерины II).

Обследуемый труд соответствовал характеру поручения Екатерины II. Он был не единственным такого рода сочинением, основанным на подлинных рукописях и предназначенным в данном случае для работы по написанию истории России самой императрицей. В упомянутую «Опись» материалов, послуживших для составления «Записок касательно Российской истории», включены такие сочинения, как «Выпись краткая современников Игоря от 879 года по 945 год», «Свод летописей с начала царствования великого князя Ивана Васильевича с 6970-го по 6980-й год» и т. п.²³ Исторический труд Екатерины II — «Записки» — начал печататься в 1783 г. в «Собеседнике любителей русского слова», но работа по сбору и систематизации материала продолжалась и в 80-е — середине 90-х годов. По плану императрицы, он должен был «историю веков начать от 862 года и продолжать ее по текущему веку»²⁴. «Записки» писались с перерывом и не были закончены до ее смерти в 1796 г. К этому году Екатерине II удалось довести свой труд только до конца XIV в. («третья эпоха», 1224—1462 гг.). После смерти императрицы Чеботарев не продолжил работы над начатым сочинением. «Исторический перечень», как сам профессор истории называл это сочинение, обрывался на 1425 г.

Свод выписок Барсова и Чеботарева дает краткое и последовательное, в строго хронологическом порядке, изложение исторических событий, по великим княжениям; сами выписки представляют собой полное и в сокращении переложение (с некоторым поновлением текста) летописных записей и нередко их пересказ с указанием содержания на полях рукописи. Они снабжены подстрочными примечаниями, содержащими дополнительные тексты к отдельным выпискам или ссылки на источники с сопоставлением известий в них. Вот некоторые из этих ссылок: «у одного Татищева... но по всем летописям», «так стоит в Никоновском летописце, а по всем летописцам видно, что Иван Калита княжил 12 лет», «у Татищева, который от слова почти все берет из Никона»²⁵. Встречается и такой вид примечаний: «Не имея лучших списков, многие места принужден оставлять, как они в подлиннике, без всякого смысла»²⁶. Первая и вторая части рассматриваемого труда имеют также «глухие» указания

²⁰ ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 319, с. 1—51; 1—34; 35—74; 1—67; 1—44; 1—61; 1—28; 1—67 и др.; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 363.

²¹ АЛОИИ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 63, 64, 65; ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 569; Сочинения Екатерины II..., т. 11, с. 467.

²² ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 319, с. 1, 67, 44, 61.

²³ Сочинения Екатерины II..., т. 2, с. 459, 462.

²⁴ Там же, с. 386.

²⁵ ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 569, л. 187, примеч. 7, л. 193, примеч. 24; ед. хр. 319, Продолжение № 7, л. 28, примеч. 48.

²⁶ АЛОИИ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 63, л. 13, примеч. 18, л. 19, примеч. ж.

авторов (как и в «Отрывке» за X в.): на «другой летописец», «многие другие летописцы», «прочие летописцы»²⁷.

Теперь обратимся к вопросу о летописных источниках «Сведений о Российской истории с 1224 г.» и «Исторических оригинальных выписок с 1384 г.»²⁸. Ко времени «заказа» императрицы, посланного в Москву, и в ходе работы А. Барсова и Х. Чеботарева был напечатан ряд крупнейших летописных памятников. Но в распоряжении ученых могли быть и были не только печатные летописи, но и известные и малоизвестные тогда рукописные летописные памятники. В появившихся в середине XIX в. биографических заметках о А. И. Мусине-Пушкине указывается, что знаменитый коллекционер купил после смерти А. А. Барсова все его бумаги и книги, в числе которых оказалось много летописей и редких изданий²⁹. Среди подаренных Модзалевским материалов в Публичную библиотеку находилась «Опись летописцам, из которых сочинялись [историче]ские выписки для ея императорского [вели]чества»; документ составлен Х. А. Чеботаревым и имеет такую приписку: «Все оные летописцы возвращены в контору святейшего правительствующего Синода по ее требованию апреля 5 1788 года». «Опись летописцам» из бумаг Чеботарева, опубликованная в 1903 г. В. И. Срезневским³⁰, сейчас хранится в ОР БАН под № 33 [б.26.5.31 — по новой описи]. Она содержит перечень 25 книг с шифрами Синодальной и Типографской библиотек. Перечисленные в «Описи летописцам» книги далеко не исчерпывают круг источников, которые находились в руках ученых при составлении обследуемого нами исторического сочинения. Более того, по всей вероятности, они не были и основными при отборе материала для этого труда. Х. А. Чеботарев хорошо осведомлен, что в то время «много в Москве отыскано» рукописей. В «Исторических оригинальных выписках с 1380 г.» (№ 4) ученый оставил примечание, что он располагает («сколько у меня есть») рукописными и печатными летописями³¹. Далее назовем в хронологическом порядке ссылки авторов на конкретные летописи — кроме Тр.

«Сведения с 1224 г.», белой экз.: Казанский летописец — до 1236 г., Никоновский летописец (далее — Ник.) — 1318, 1340, 1352, 1366, 1367, 1371, 1372 (2) гг.; Катавасьев летописец (далее — Кат.) — 1357, 1359, 1360, 1361, 1362, 1367 (2), 1378 (2); Синописс (далее — Синоп.) — 1357, 1359 (2), 1360, 1362, 1366, 1368 (3), 1371, 1376, 1377, 1378 (2); Кириловский летописец (далее — Кир.) — 1359, 1360 (2), 1362, 1367, 1368, 1372, 1375 гг.; «Сведения с 1224 г.», черновой экз.: Ник. — 1353 (6), 1354 (9), 1355 (6), 1356 (5), 1371 (2), 1372 (11), 1374 (3), 1378 (7); Синоп. — 1353 (4), 1354 (2), 1371, 1372, 1378 (4); Кир. — 1353 (3), 1354 (2), 1371, 1372 (2); Кат. — 1354 (3), 1371 (2), 1372 (3), Син. 63 — 1354 (2), 1371 (4), 1378 (2) гг.

«Оригинальные исторические выписки с 1380 г.»: Ник. — 1380, 1382 (3),

²⁷ ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 319, Продолжение № 3, л. 53, примеч. 1; Продолжение № 8, л. 6, примеч. 31; Продолжение № 9, л. 21, примеч. 43; л. 31, примеч. 57, 59; Продолжение № 10, л. 28, примеч. 84; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 363, л. 3, примеч. 1; л. 4, примеч. 5; АЛЮИИ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 63, Продолжение № 1, л. 4, примеч. 3; л. 9, примеч. 8 и 9; Продолжение № 3, л. 124, примеч. Ж; ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 569, Продолжение № 4, л. 223, примеч. 33; л. 242, примеч. 73; л. 262, примеч. 97.

²⁸ Во «Вступлении в настоящую историю о России» Чеботарев ссылается на Степенную книгу м. Макария, византийские, польские, шведские хроники (ЧОИДР, 1877, № 19, с. 17 и др.). Что касается «Отрывка из Записок Х. А. Чеботарева о Русской истории», то здесь нет точных указаний на использованные источники.

²⁹ Биографические сведения о жизни и ученых трудах и собрании российских древностей гр. Алексея Ивановича Мусина-Пушкина (ок. 1820 г.). — ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 30, с. 2, 5; [Снегирев И.] Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1838, т. 1, с. 62. Заметим также, что, по современному данным К. Ф. Калайдовича, «профессор Барсов нередко при своих исторических сочинениях пользовался древнейшими летописцами, находившимися в библиотеке Ферапонтова» (Известие о древностях славяно-русских и об Игнатие Ферапонтовиче, первом собирателе оных. М., 1811, с. 8).

³⁰ Срезневский В. И. Сведения о рукописях..., с. 40—42.

³¹ ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 569, л. 187, примеч. 7; л. 234, примеч. 52.

1383, 1384 (2), 1386 (3), 1388, 1389 (4), 1390 (2), 1391, 1393, 1395 (2), 1396, 1402 (2), 1405, 1407, 1409; Архангелогородский летописец — 1380, 1382 (2), 1389, 1393, 1395, 1399 (2), 1402, 1408, 1409; «Литовская и польская историческая литература» — 1382; Татищев — 1382, 1383, 1386, 1389, 1390 (2), 1391, 1393, 1394, 1395, 1396, 1399 (2), 1402, 1405 (2), 1407, 1409 (2); Ростовский летописец — 1383, 1384 (2), 1395 (4), 1396, 1397, 1401, 1403, 1405, 1406 (2), 1407, 1409; Новгородский летописец — 1387 (2), 1396, 1397, 1399 (2), 1405, 1407 (2), 1409; Русский Временник — 1390, 1392 (2), 1395 (2), 1402, 1407, 1408; Миллер, архивская рукопись Миллера — 1391 (5), 1392, 1393, 1395 (4), 1396 (2), 1397, 1399, 1400, 1402 (3), 1405 (2), 1406, 1407, 1409; Псковская летопись — 1395 (2), 1402; Степенная книга — 1395 (2), 1396, 1406, 1407 (3), 1409 (2); Кантемировская рукопись — 1397 г.

Таким образом, Барсов и Чеботарев использовали в своей работе довольно широкий круг источников, как печатных, так и в «подлинниках». В основном это летописные памятники. Главными из них были Синописис и Никоновская летопись, обильно привлечены также Новгородская, Ростовская, Архангелогородская летописи. Некоторые были известны уже В. Н. Татищеву. Для сравнения с летописями и в дополнение к ним учебные привлекали материал сочинений В. Н. Татищева и Г. Ф. Миллера. Но ссылки, связанные с упоминанием Миллера, говорят и о наличии тогда в руках Чеботарева книг из его собрания, в частности «Архивской Миллеровой рукописи или летописи» («Рукописная летопись с 1389 до 1560 г. Архива Коллегии иностранных дел в прежней Миллеровой библиотеке № 7 — Архивский летописец»). Данный летописный памятник как «превосходнейший» называет в качестве источника И. Г. Стриттер в Предисловии к своей «Истории Российского государства»³².

В сочинении Барсова и Чеботарева указаны публикации XVIII в. — Синописис (1774, 1785 гг.); Русская летопись по Никонову списку (1767—1792 гг.); Книга Степенная царского родословия (1775 г.); Летописец Новгородский (Синодальный список NI, 1781 г.); Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 6360—852 по 7106—1598 года (Архангелогородская летопись, 1781 г.); Новгородский летописец, начинающийся от 946 и продолжающийся до 1441 года (Академический список NV, 1786 г.); Русский Временник (1790 г.); История о Казанском царстве (1791 г.).

В ряде случаев Барсов и Чеботарев предпочли «подлинники»-рукописи печатным летописям. В упомянутой выше «Описи летописцам», составленной Чеботаревым в 1788 г., записаны две рукописи Синописиса (по 7031 и 7082 гг. Типографская библиотека). В этом документе 1788 г. названа рукопись «Катавасьева летописца» — Летописец от начала прозвания Руской земли, от лета 3360, и князей их от 6370 до лета 6985-го. А сей летописец писал Катавасья Юрьева сын лета 7052. Троице-Сергиева монастыря (из Типографской библиотеки, № 46)³³. Он известен нам теперь как Синодальный список № 152 NIV³⁴. Очевидно, «Псковский летописец» — это включенный в «Опись» 1788 г. Летописец от начала князей Руских до великаго князя Иоанна Васильевича по 6994 лето (из Типографской библиотеки, № 52). Современное нам название памятника — Синодальный список № 154 Псковской 2-й летописи³⁵. В «Портфелях» Миллера сохранились выписки из каталогов Синодальной и Типографской библиотек, в частности с упоминанием и «Катавасьева летописца» (Летописец — «писан Катавасьем в 7052 г.»)³⁶.

Обе последние рукописи Типографской библиотеки — источники «Истории Российской с древнейших времен» М. М. Щербатова (1770—

³² Стриттер И. История Российского государства. СПб., 1800, ч. 1, с. 2. Не случайно ссылки на эту рукопись идут у Чеботарева с конца XIV в.

³³ ОР БАН, ф. 26.51.31, ед. хр. 33, л. 1 об. — 2.

³⁴ [Дмигриева Р. П.] Библиография русского летописания. М.; Л., 1962, № 18.

³⁵ Там же. Не исключено, что это Псковский список (по 1463 г.), подаренный В. Н. Татищевым Академии наук (Там же, № 15).

³⁶ ЦГАДА, ф. 199, «Портфели Миллера», № 144, ч. 4, ед. хр. 5.

1791 г.). Он привлекал из этой библиотеки также Кирилло-Белозерский летописец (Син. собр. № 486) — Летописец от начала Русския земли до великаго князя Иоанна Васильевича... по 7047 год, Кирилова монастыря³⁷. Вполне возможно, что здесь речь идет об источнике интересующего нас исторического сочинения конца XVIII в. — «Кириловском летописце». Ростовский летописец, по определению А. А. Шахматова, сборник XVI в., составленный из Московского свода 1480 г. и Новгородского свода 1539 г.³⁸, тоже был уже в обороте. В своем распоряжении «Ростовский список» из Московского главного архива Министерства иностранных дел (№ 20/25) имел историк Стриттер³⁹. Его широко потом использовал Н. М. Карамзин. Одно время он принадлежал С. Д. Кантемиру, который подарил потом рукопись Н. Н. Бантыш-Каменскому⁴⁰. Что касается «Кантемировской рукописи», упоминаемой Чеботаревым (под 1397 г. через «и») вместе с Ростовской летописью, то она могла быть самостоятельным источником. Относительно Син. 63 мы затрудняемся сказать что-нибудь достаточно определенно.

В заключении отдельно остановимся на вопросе о материале Тр., содержащемся в обследуемом нами труде конце XVIII в. Сам факт, что Тр. (или ее копия) была в творческой лаборатории при его создании, несомненен. Правда, он здесь еще недостаточно оценен и привлечен к описанию исторических событий наряду с другими, поздними памятниками летописания. С 60-х годов XVIII в. Тр. находилась короткое время в научном обороте. Вытребованная вместе с другими рукописями из Троице-Сергиева монастыря по предписанию Сената (от имени Екатерины II) она оказалась, вероятно, вначале в Петербурге, а затем в Москве, где в Синодальной типографии было собрано для отбора к печати большое количество рукописных книг из разных хранилищ и библиотек.

Впервые исследователь встречается с официальным упоминанием об этой пергаменной летописи в Реестре, составленном в лавре по распоряжению Синода 1768 г.⁴¹ В Троице-Сергиевом монастыре ее обнаружил в 1804 г. Н. М. Карамзин, который потом передал памятник в Общество истории и древностей российских⁴². В 1812 г. Тр. вместе с библиотечкой «Общества» сгорела в московском пожаре. Но еще в середине 90-х годов она оставалась в Москве. В бумагах А. И. Мусина-Пушкина отложился «Реестр, сочиненный при святейшем Синоде из присланных в оный по высочайшему е. и. в. повелению из разных духовных мест книг, в коих находятся записки касательно Российской истории». В нем дается название 205 книг, включая (под № 114) «Летописец писанный на пергаменте... продолжающейся по лето 6916 (6913?)-е»⁴³, т. е. по 1408 г. включительно⁴⁴. Думается, что он был составлен на основании проведенной работы еще по одному официальному запросу, связанному с выявлением на местах рукописей исторического содержания.

В 1791 г. Мусин-Пушкин был назначен обер-прокурором Синода и при его участии тогда были предприняты новые условия по розысканию в монастырях рукописей и составлению реестров и ведомостей⁴⁵. В этот год соответствующее предписание поступило и в Троицкую лавру. Тогда же в Петербург была выслана новая партия рукописей (с реестром),

³⁷ Библиография русского летописания, № 18.

³⁸ Шахматов А. А. О так называемой Ростовской летописи. — ЧОИДР, 1904, кн. 1, отд. 1, с. 1—67.

³⁹ Пыпин А. Н. Введение к кн.: Сочинения Екатерины II..., с. VI.

⁴⁰ ПСРЛ. СПб., 1856, т. 7, Предисловие, с. VIII.

⁴¹ Кочетов С. И. Троицкий пергаменный список летописи 1408 г. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 21—23.

⁴² Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., [1816], т. 1, с. XXXVII.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1270, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 46, л. 14.

⁴⁴ Здесь, по всей вероятности, ошибка. Его описание кончается словами: «(описывается)... приспешствие в войсками на Русскую землю Едигея». Это событие относится не к 6913, а к 6916 г.

⁴⁵ Сочинения Екатерины II..., т. 2. Примечания, с. 647—648; Кочетов С. И. Указ. соч., с. 23. Об этом также см.: Козлов В. И. Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод. — АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 93, 94.

в числе которых Тр. не оказалось. Эта летопись еще не была возвращена обратно (как и некоторые другие рукописи) в монастырь и находилась в Синодальной типографии. В тот период с ней могли познакомиться и работать над ее текстом Г. Ф. Миллер, а затем А. А. Барсов и Х. А. Чеботарев. Историограф Миллер провел сверку на полях напечатанной в 1767 г. в «Библиотеке Российской исторической» «Летописи Нестора» по Кёнигсбергскому списку с пергаменным памятником (до 898 г.). И он первым дал тогда ему и название — «Список Сергиево-Троицкого монастыря» и «Троицкий список», которое утвердилось в литературе⁴⁶. Данный экземпляр Радзивилловской летописи хранился в Архиве Министерства иностранных дел (№ 45), который с 1766 г. возглавлял Миллер⁴⁷. Он замечателен еще тем, что его привлек в качестве источника «Истории государства Российского» Карамзин⁴⁸. Но последний, вероятно, был известен ранее Барсову и Чеботареву, использовавшим в своей работе печатную Радзивилловскую летопись⁴⁹. Упомянутое выше «древлехранилище», как и «Синодальное», было доступно им.

Итак, Барсов и Чеботарев имели прямую возможность привлечь к написанию своего труда летопись, находившуюся в Синодальной типографии и получившую название по месту ее основного хранения — в Троицкой лавре. И они ссылаются (как несколько позднее Карамзин) в их совместном труде на пергаменный памятник начала XV в. под названием Троицкий летописец. Заметим здесь, что в числе источников обследуемого сочинения других соответствующих памятников Троице-Сергиева монастыря не обнаруживается. Дальнейшее сопоставление нами соответствующих ссылок Барсова и Чеботарева с данными Примечаний Карамзина из Тр. и других родственных летописей свидетельствует, что они взяты именно из пергаменного памятника (см. ниже, например, 1355, 1360, 1368, 1371, 1376, 1378 гг.).

В совместном труде, написанном Барсовым и Чеботаревым, прямые ссылки на Троицкий летописец читаются начиная с 1340/1 г. и затем — под 1353, 1354, 1355, 1360, 1367, 1368 (2), 1368/9, 1371/2 (3), 1372 (6), 1377/8, 1378 гг.⁵⁰ В этот перечень входят и те ссылки, которые сохранились только в черновом экземпляре «Сведений с 1224 г.» Это ссылки за 1353, 1354, 1355, 1371/2 (2), 1372 (4), 1377/8 гг. (правда, за 1354, 1372 (1) гг. они зачеркнуты). Повторим, что данный экземпляр далеко не полный и, наверное, содержал и другие указания на Тр. С другой стороны, в последнем нет ссылок на этот Летописец, которые имеются в беловом экземпляре. Общие между ними ссылки на интересующий нас памятник прослеживаются только за 1341, 1371 (1) гг. (Такое же расхождение имеет место и в отношении других источников «Сведений»; отличается также нумерация листов и примечаний.) Г. Н. Моисеева, отметив три ссылки на искомый памятник (для примера) под 1341, 1360 и 1372 гг., пишет, что Х. А. Чеботаревым «особенно активно привлечены сведения этой летописи в рассказе о событиях с 1380 по 1409 г.»⁵¹. Но в рукописях другого сочинения, т. е. «Исторических оригинальных выписках с 1380 г.» нами не обнаружено ни одного Примечания с прямыми ссылками на Тр.

⁴⁶ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись, Введение, с. 8, 9.

⁴⁷ *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884, с. 38.

⁴⁸ Сборник князя Оболенского, М., 1840, № 11, с. 1.

⁴⁹ Московский телеграф, 1825, ч. 1, № 2, с. 142.

⁵⁰ ОР ГПБ, Эрм. собр., ед. хр. 319, Продолжение № 6, л. 27, примеч. 46; Продолжение № 9, л. 9, примеч. 9; Продолжение № 10, л. 10, примеч. 19; л. 14, примеч. 46; л. 16, примеч. 50; л. 21, примеч. 64; л. 42, примеч. 26, 27; ЦГАДА, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 363, л. 37, примеч. 51. — Архив ЛОИИ, ф. 226, оп. 1, ед. хр. 220. Продолжение № 8, л. 18 об., текст; л. 19 об., примеч. 12; л. 21 об., примеч. 17; Продолжение № 10, л. 26 об., примеч. 49, 50; л. 27, примеч. 47; л. 27 об., примеч. 51; л. 28 об., примеч. 53, 56; л. 29 об., примеч. 59 и 60; л. 30 об., примеч. 61, 66; Продолжение № 11, л. 44 об., примеч. 125.

⁵¹ *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании..., с. 87, 90.

Что представляют собой Примечания «Сведений о Российской истории с 1224 г.», касающиеся Тр.? Это конкретные указания на разночтения этого источника (как и других) с текстом выписок; и они имеют, конечно, особое значение. Вот эти примечания.

1340/1 г.— Известие о смерти Ивана Калиты, сопровождается Примечанием № 46: «Месяца марта в 31 день, по Троицкому летописцу кончина сего великого князя отнесена к 6849 году, с чем согласна и надгробная надпись над сим князем в Архангельском соборе». 1353 г.— «Того же лета приидоша из Царьграда послы иже посыланы к патриарху, и приесоша от патриарха и царя грамоты епископу Алексею. Троиц.» (текст). 1354 г.— Известие о возвращении вел. кн. Ивана Ивановича из Орды. Вероятно, к нему Примечание № 12: «По крещении около (далее зачеркнуто одно слово и неясно) Троиц.». 1355 г.— Известие о смерти Константина Суздальского имеет Примечание № 17: «Ноября 21. Кат. и Тр.». 1360 г.— Известие о вокняжении Дмитрия Суздальского во Владимире. К нему Примечание № 9: «По Троицкому летописцу князь Дмитрий Константинович получил великое княжение Владимирское от Хидирия, а не от Науруса. Ибо в оном сказано: убиен бысть царь Наурус, а Ходырь седе на царство и даст великое княжение князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому». 1367 г.— Известие о походе ратью суздальских князей против Булат-Темира. К нему Примечание № 19: «В Синописе стоит: князь Борис с детьми своими иде, а в Троицком согласно с Никоном поставлено: князь Дмитрий (не Борисович (с) ошибкою, а надо Константинович) и с детьми поидоша». 1368/9 г.— Известие о пожаре в Новгороде. К нему Примечание № 46: «По Троицкому летописцу и по Синопису сей пожар был в 6877 году». 1368 г.— Известие о приглашении Михаила Тверского в Москву. К нему Примечание № 50: «В Троицком летописце стоит — „на третий день“, а в Синописе — „и бысть им суд на третьем на миру и правде“». 1368 г.— Известие о походе Олгерда Литовского против вел. кн. Дмитрия Ивановича и бое в пределах Московской области. К нему Примечание № 64: «А в Троицком летописце стоит декабрь в 21 день». 1371/2 г.— Известие о возвращении вел. кн. Дмитрия Ивановича из Мамаевой Орды. К нему Примечание № 49: «Осени тое — Троицк». (В бел. экз. это Примечание № 25, указания на источник нет.) 1371/2 г.— Примечание № 26 (в черн. экз. № 47): «Явная ошибка в слове („и укрепил добре под“.— Л. М.) от невежи переписчика Никоновой летописи, ибо в Троицком летописце, где упоминается сие самое обстоятельство, поставлено: „и укрепил под собою великое княжение“. Смотри Троицк. летопис. 6879 год». 1371/2 г.— Известие о возвращении из Орды вместе с великим князем Ивана Тверского. К нему Примечание № 27: «По Троицкому летописцу князь Иван Михайлович Тверской выкуплен в Орде не татарами, но самим великим князем Дмитрием Ивановичем, и при том не за 10, но за 30 тысяч рублей. Смотри Троиц. летопис. в том же 6879». (Последние слова читаются только в черн. экз. № 51.) 1372 г.— Известие о литовской рати против Переяславля с участием Михаила Тверского и других князей. К нему Примечание № 30 (в черн. экз. № 56): «В Никонов. Тручскаго, в Кириловом летописце Дрюческаго, а в Троицком Трубецкаго». 1372 г.— Известие о рати Михаила Тверского против Дмитрова. К нему Примечание № 53: «3 града окуп. Ник., Троиц., Синоп. 81 (?)». 1372 г.— Известие о походе литовского кн. Кестутия на Торжок. К нему Примечание № 59: «А с ним князь Михаил Александрович Тверской, и Торжок взяша, а литовская рать отъиде во свояси со многим полоном — Ник., Троицк.». 1372 г.— Известие о возвращении литовской рати с похода мимо Торжка, а Андрея Полоцкого с трубцевским князем — мимо Твери. К нему Примечание № 60: «Трубецким. Троицк.». 1372 г.— Известие о поездке новгородцев в Торжок. К нему Примечание № 61: «И с великаго князя мужи?» (неясный текст). 1372 г.— Известие о рати Михаила Тверского против Торжка и его послах к новгородцам. К нему Примечание № 66: «И новоторжцем. Троицк. и Кир(ил)». 1377/8 г.—

Известие, связанное с данными о Митяе. К нему Примечание № 125: «„В духовники и печатники“. Троицк.». 1378 г.—Известие о прещении кн. Семена Ивановича митрополитом Алексеем. К нему Примечание № 51: «А по Синопису и Троицкому летописцу Симеон».

Настоящий материал Тр., заключенный в «Сведениях о Российской истории с 1224 г.», сопоставлен нами с Примечаниями свода выписок из этого памятника, сделанными Н. М. Карамзиным к своей «Истории государства Российского», и текстом Симеоновской летописи (далее — Сим.), использованной М. Д. Приселковым для его реконструкции. Это дает такую картину.

Примечание № 46 Чеботарева под 1340/1 г. соответствует Примечанию № 318 Карамзина, которое гласит, что «Иоанн скончался в 1340, а не в 1341 г. (см. Лет. Новгород. и Троицк.)»⁵², в «Сведениях с 1224 г.» содержится еще Примечание № 48, поясняющее что Калита, по данным «всех летописцев» (кроме Ник.), княжил с 1328 г. 12 лет. 1340/1-м мартовским годом датируют смерть Ивана Калиты III и Сим. летописи⁵³. Вместе с тем известно, что Тр. «опережала» другие летописи на один год. Об этом писал и Карамзин⁵⁴. Выписка «Сведений» о возвращении послов из Царьграда под 1353 г. повторена в подробном изложении Сим., но под 1354 г. Еще одно возможное известие Тр. с опережением событий на один год.

Сим. не дает дополнительных чтений к показанию времени в известии о возвращении в 1354 г. Ивана Калиты из Орды⁵⁵, которое, судя по данным Чеботарева, содержала Тр.

Примечание № 17 Чеботарева под 1355 г. имеет аналогию Примечанию № 376 у Карамзина, где он называет точную дату смерти Константина Суздальского — 21 ноября. Об этом пишет и Сим.⁵⁶ Приселков не отмечает эту выписку историка (без указания на источник) среди текстов Тр. Примечание № 9 Чеботарева под 1360 г. близко к Примечанию № 392 Карамзина, где он ссылается на Тр.⁵⁷ В первом случае текст этой летописи коротко пересказан составителем. Примечание № 19 «Сведений» говорит о возможном дефекте названного известия 1367 г. в Тр. По словам Чеботарева, оно было записано одинаково с Ник., где читается: «Князь Дмитрий Константинович... со князем Борисом Константиновичем... и с своими детьми... поиде»⁵⁸. У Карамзина эта часть сообщения под 1367 г. о набеge Булат-Темира на нижегородские владения, данного им в Примечании № 7, пропущена (через многоточие). Сходное чтение известия о рати Дмитрия Суздальского против татар находится в Сим.⁵⁹

Далее, Карамзин не оговаривает (как это делает Чеботарев), что пожар в Великом Новгороде мая 1368 г. описан в Тр. под 1369 г. (Примечание № 46). Относительно этого известия он отмечает другое ее различие (Примечание № 137 — не «по половине улиц», а «по Головине улице») ⁶⁰. Здесь Сим. расходится с Тр.⁶¹ Заметим, что Владимирский летописец, отразивший традицию Тр., описывает майский пожар под 1369 г.⁶² Разночтение, указанное в «Сведениях» под № 50, не совпадает с показанием выписки Карамзина о событии, связанном с поездкой кн. Михаила в Москву в 1368 г. (Примечание № 10). В этой выписке сказано: «В Троицк... „заваша князя Михаила любовью в Москву, и бысть им суд на третей“»; новейшие переписчики, не поняв сего выра-

⁵² Карамзин Н. М. Примечания к «Истории государства Российского». СПб., 1852, т. 4, с. 202. (Далее: Карамзин Н. М. Примечания).

⁵³ НЛ. М.; Л., 1950, с. 351; ПСРЛ, СПб., 1913, т. 18, с. 93.

⁵⁴ Карамзин Н. М. Примечания, т. 4, примеч. 197 и др.

⁵⁵ ПСРЛ, т. 18, с. 98, 99.

⁵⁶ Карамзин Н. М. Примечания, т. 4, с. 255; ПСРЛ, т. 18, с. 99.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Примечания, т. 4, с. 269. Правда, здесь высказана иная догадка.

⁵⁸ ПСРЛ, М., 1965 (Фототип. воспроизведение текста изд. 1897 г.), т. 11, с. 9.

⁵⁹ Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 6; ПСРЛ, т. 18, с. 106.

⁶⁰ Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 90.

⁶¹ ПСРЛ, т. 18, с. 109.

⁶² ПСРЛ, М., 1965, т. 30, с. 117.

жения, прибавили: «на третей день!»⁶³. Сим. дает чтение идентичное выписке, сделанной Чеботаревым⁶⁴.

В краткой выписке Карамзина из сообщения Тр. о походе кн. Ольгерда на Москву в 1368 г. нет показания о точной дате боя (Примечание № 14). Сим. называет другую дату — 21 ноября⁶⁵. Карамзин также не называет упомянутых Чеботаревым (Примечания № 49, 261—47) разночтений памятника с Ник. в известии о возвращении вел. кн. Дмитрия в 1371/2 г. из Орды. Данного известия он касается в Примечании № 23⁶⁶. В Сим. оно читается под 1371 г. и интересующие нас фразы гласят: «На ту же осень» и «а княжения великого под собою покрепил»⁶⁷. Все это совпадает с соответствующим показанием Чеботарева. Кроме того, Карамзин молчит о разночтении Тр. с другими летописями в отношении данных о выкупе Михаила Тверского в 1371 г. из Орды и самой сумме этого выкупа. Сим. называет «10 тысяч серебра», а не «30 тысяч рублей»⁶⁸. Затем Карамзин не указывает (Примечание № 25), а Сим. опускает сведение об участии трубчевского («трубецкаго») кн. Дмитрия Ольгердовича в походе кн. Кестутя против Переяславля⁶⁹. Но историограф дает сноску на это сообщение Тр. (в соответствии с Сим.) под 1373 г., а не под 1372 г. (у Чеботарева, Примечание № 60). Данные Чеботарева об окупе с Дмитрова во время похода кн. Михаила Тверского содержатся в Сим., но тоже под 1373 г.⁷⁰.

В этой летописи нет текста о взятии кн. Кестутием вместе с Михаилом Тверским Торжка в 1372 г., о котором как материале Тр. и Ник. упоминает Чеботарев (Примечание № 59). Подобное сообщение действительно содержит Ник.⁷¹ В Примечании № 25 Карамзина приведены другие данные о событиях, связанных с междоусобной борьбой Михаила Тверского и Михаила Кашинского в 1372—1373 гг.⁷² В сопоставляемом сообщении Сим. о ссоре Великого Новгорода с Тверью в 1372/3 г. отсутствуют данные, содержащиеся в Примечаниях «Сведений» № 61 и № 66⁷³. М. Д. Приселков вводит не имеющую указания на источник выписку Карамзина (Примечание № 54) за 1377 г. с характеристикой Митяя в текст реконструируемой им Тр. Но здесь вместо указанных Чеботаревым (в Примечании № 125) слов об избрании попа «в духовники и печатники» читается: «во отчество и печатники»⁷⁴. И, наконец, относительно Примечания № 51 под 1378 г., касающегося показания Тр. о имени «в святом крещении» сына Ивана Калиты (Симеон, а не Елфрей)⁷⁵. Так читается в Сим. (1377 г.)⁷⁶.

В целях более полного освещения поднятого вопроса о Тр. укажем также на целый ряд общих известий Сим. и выписок в Примечаниях к «Истории» Карамзина с текстом и Примечаниями без ссылок на источник обследуемого сочинения конца XVIII в. Это касается, в частности, «Сведений с 1224 г.», Приложения № 11, 1374—1380 гг.

Проведенный текстологический анализ обследуемого сочинения говорит, что в одной из его частей, а именно в «Сведениях о Российской истории с 1224 г.» был привлечен как сравнительный материал текст Тр. В выписках и примечаниях труда Барсова и Чеботарева находятся интересные аналогии параллельным записям Сим. и (или) Карамзина (в том числе и тем, которые не сопровождаются его ссылками на Тр.). В первом

⁶³ Карамзин Н. М. Примечание, т. 5, с. 8.

⁶⁴ ПСРЛ, т. 18, с. 107.

⁶⁵ Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 9; ПСРЛ, т. 18, с. 108.

⁶⁶ Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 13, 14.

⁶⁷ ПСРЛ, т. 18, с. 111.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 14; ПСРЛ, т. 18, с. 112.

⁷⁰ ПСРЛ, т. 18, с. 113.

⁷¹ ПСРЛ, т. 11, с. 17, 18.

⁷² Карамзин Н. М. Примечания, т. 5, с. 14, 15.

⁷³ ПСРЛ, т. 18, с. 113.

⁷⁴ Приселков М. Д. Указ. соч., с. 408, примеч. 1.

⁷⁵ ПСРЛ, т. 11, с. 32.

⁷⁶ ПСРЛ, т. 18, с. 120.

содержатся и отдельные «лишние» чтения к записям против текстов сопоставляемых с ним памятников. Но есть и расхождения. Они говорят о вероятных дополнительных текстуальных отличиях Сим. с Тр. (об этом писали А. А. Шахматов и М. Д. Приселков). Правда, обнаруживаемые расхождения могут, на наш взгляд, объясняться в разных случаях появлением текстов, неверным прочтением источника, описками, вызванными пересказом, сокращением известий. Тем более не исключено, что в распоряжении профессоров Московского университета была какая-то копия Тр. (например, у Г. Ф. Миллера). Во всяком случае, они имели, как это явствует из Примечания № 26 «Сведений», копию «Никоновой летописи», «невежа переписчик» которой допустил ошибку в одной из выписок известия 1371 г. Необходимо также иметь в виду, что рукописи Барсова и Чеботарева, поднесенные Екатерине II, — это «списки» их труда, выполненные специальными переписчиками.

В целом труд по истории России А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева, написанный в 80-х — первой половине 90-х годов XVIII в. как вспомогательное сочинение для исторических занятий императрицы, является оригинальным памятником, имеющим самостоятельный историографический, источниковедческий и археографический интерес. Он отражает официальное направление развития исторических знаний. Совместный труд профессоров Московского университета, каждый из которых «из разных летописцев собирал, сравнивал, разности замечал, приводил в порядок и Исторический перечень сочинял»⁷⁷, представляет собой распространенный в свое время вид сочинений по русской истории. Он свидетельствует о большом и конкретном фонде, находившемся в научном обороте печатных и рукописных памятников летописания и других источников в конце XVIII в. Можно думать, что некоторые из них введены в науку Барсовым и Чеботаревым впервые, например пергаменный памятник начала XV в. Рассмотренный труд свидетельствует о бытовании и использовании ценной и не сохранившейся летописи в конце XVIII в., т. е. до того, как были предприняты усилия к привлечению ее текстов к изданию в начале XIX в. Лаврентьевской летописи, — при участии того же Чеботарева, Черепанова и Тимковского. Труд по русской истории Барсова и Чеботарева может служить новым источником, в дополнение к материалам Миллера, Карамзина и участников подготовки издания «Летописи по Лаврентьевскому списку», для продолжения работы по уточнению реконструкции Тр., успешно начатой и развернутой Приселковым.

⁷⁷ АЛОИИ, ф. 203, оп. 1, ед. хр. 63, Тит. лист.

А. А. Литвин

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГГ. В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Первые публикации о революционных событиях в Поволжье 1905—1907 гг. — листовки казанских большевиков — появились на страницах газеты «Известия Татарского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Областного комитета РКП(б) и Казанского Совета рабочих и красноармейских депутатов» (30 октября 1920 г.), а затем в журнале Татарского бюро Истпарта «Пути революции». В журнале были опубликованы 43 прокламации Казанского комитета партии за 1905 г.¹ Среди них — обращения к рабочим и работницам, солдатам, деревенской бедноте с призывом бороться с самодержавием. Важным было включение большевистских листовок в переводе с татарского языка. В них Казанский комитет РСДРП уделял особое внимание воспитанию дружбы народов, разоблачению действий полиции по разжиганию национальной розни.

В 1925 г. в журнале «Пролетарий Татарстана» наряду с воспоминаниями участников революции и листовкой Казанского комитета РСДРП (1905 г.) были опубликованы два донесения начальника казанского жандармского управления в Департамент полиции от 12 и 13 августа 1907 г. В них сообщалось об активной работе социал-демократов, составе комитета РСДРП, избрании Центрального бюро профсоюзов города, а также о том, что казанские социал-демократы принимали участие в поволжской конференции, что комитет и бюро профсоюзов были арестованы полицией².

Юбилейные сборники документов, состоящие преимущественно из большевистских листовок, были изданы в Самаре и Ульяновске³. В связи с рассматриваемой темой нельзя не отметить серию публикаций «1905. Материалы и документы» (М.; Л., 1925—1928.)⁴ под общей редакцией М. Н. Покровского. Так, в сборнике «Профессиональное движение» были даны тексты уставов профсоюзов рабочих-типографов и железнодорожников Саратова. Они отражали поддержку РСДРП рабочими, их готовность выполнить решение комитета партии. В сборнике «Стачечное движение» были опубликованы прокламации Саратовского комитета РСДРП с призывом к стачке, содержащие политические и экономические требования рабочих, а также докладная саратовского губернатора П. А. Столыпина

¹ Прокламации Казанского комитета РСДРП. — Пути революции, Казань, 1923, № 3, с. 97—178.

² Материалы и документы о деятельности нелегального ЦБ профсоюзов в г. Казани. — Пролетарий Татарстана, Казань, 1925, № 11, с. 10—12.

³ 1905 год в Самарском крае: Материалы по истории РКП(б) и революционного движения / Под ред. Н. Сперанского. Самара, 1925; Сборник прокламаций Симбирской группы РСДРП(б), 1905—1907 / Под ред. Р. Войткевича. Сост. В. Алексеев и В. Колышкевич. Ульяновск, 1928. Последний сборник и издание «Большевистские прокламации и листовки по Москве и Московской губернии» (М.; Л., 1926) были единственными сборниками листовок местных партийных организаций, выпущенными в 20-е годы. См. об этом: Угаров И. Ф. Основные советские публикации документов и материалов по истории революции 1905—1907 гг. — АЕ за 1975 год, М., 1976, с. 213.

⁴ Для нашей темы важны следующие сборники серии: Стачечное движение / Сост. А. М. Панкратова. М.; Л., 1925; Аграрное движение в 1905—1907 гг. / Сост. С. Дубровский и Б. Граве. М.; Л., 1925. Т. 1; Профессиональное движение / Сост. А. Кац и Ю. Милонов. М.; Л., 1926.

министру внутренних дел от 14 января 1905 г. о ходе забастовки рабочих⁵. В других сборниках серии большевистские источники по истории Поволжья не представлены.

И. Ф. Угаров, проводший археографический анализ серии, справедливо упрекал составителей сборника «Аграрное движение в 1905—1907 гг.» за отсутствие в нем сообщений нелегальной, даже большевистской печати. Он писал, что в сборнике по независимым от составителей обстоятельствам отсутствовали материалы по Саратовской губернии, где в 1905 г. было сильное крестьянское движение. Составители объясняли этот факт тем, что сборник целиком подготовлен на данных из фонда Департамента полиции, в котором не оказалось документов о крестьянском движении в Саратовской губернии⁶. В результате в сборнике были изданы в основном донесения казанского и самарского губернаторов, жандармов и полицейских. Публикация документов только из враждебного революции лагеря значительно снижала научную ценность издания.

В то же время в Ленинграде вышел сборник, посвященный революционному движению крестьян⁷. Есть в нем и документы о крестьянских волнениях в Поволжье (донесения саратовского и симбирского губернаторов, выступления представителей средневожских губерний на Всероссийском крестьянском съезде). Позднее целый ряд документов о событиях первой русской революции в Поволжье был опубликован в общих сборниках или журнальных подборках⁸. Они сообщали о реакции властей на выступления крестьян Саратовской губернии, о том, что 17—18 октября 1905 г. Казань находилась в руках народа, о распространении большевистских листовок в крае в мае 1905 г., забастовке рабочих города 1 мая 1906 г. и других событиях.

В 1935 г. в Чебоксарах вышел сборник документов о революционном движении в национальных районах страны⁹. В нем были представлены извлечения из документов Департамента полиции о выступлениях татарских, чувашских и марийских крестьян в 1905 г. (донесения казанского губернатора, полиции, отрывки из перлюстрированных полицией писем и др.).

Заметим, что значительную часть рассмотренных публикаций 20-х — середины 30-х годов представляли собой большевистские листовки. В то же время имели место издания документов, авторы которых — представители правительственных и карательных учреждений — сообщали преимущественно о фактах революционного крестьянского движения в 1905—1907 гг.

Новые, хотя и неполные издания большевистских прокламаций¹⁰ появились в 40—50-е годы. В сборник «Листовки казанских большевиков. 1903—1907 гг.» вошло 108 документов, из них 1905—1907 гг. посвящено 90 листовок, частично опубликованных в 1923 г. в журнале «Пути революции». Если «Сборник прокламаций Симбирской группы РСДРП (б). 1905—1907» 1928 г. включал 15 прокламаций, Устав Симбирской организации РСДРП и отчет Симбирской группы РСДРП за апрель 1906 г., то в сборнике «Прокламации Симбирской организации РСДРП», вышедшем в 1951 г., собраны 26 документов: Устав Симбирской организации

⁵ Профессиональное движение, с. 334—336, 351—353; Стачное движение, с. 135—149.

⁶ Аграрное движение в 1905—1907 гг., т. 1, с. V, X; Угаров И. Ф. Указ. соч., с. 210.

⁷ Карпов Н. Крестьянское движение в революции 1905 г. Л., 1925 (1926), с. 73, 75, 143—146, 161—162, 194—197 и др.

⁸ Революция и самодержавие. М.; Л., 1928, с. 99—103, 232—235; Лурье М. От всеобщей стачки к вооруженному восстанию. — Историк-марксист, 1935, № 10, с. 116—126; Первое мая в царской России, 1890—1916 гг.: Сб. документов. М., 1939, с. 74—75, 142—143 и др.

⁹ Национальные движения в период первой революции в России: Сб. документов из архива бывшего Департамента полиции / Подгот. к печати И. Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935.

¹⁰ Листовки казанских большевиков, 1903—1907 гг. / Сост. И. А. Айнетдинов. Казань, 1941; Прокламации Симбирской организации РСДРП, 1904—1907 гг.: (Сб. документов) / Сост. М. Бутаев и М. Кривов. Ульяновск, 1951.

РСДРП, отчеты организации за апрель 1906 г. и за март—апрель 1907 г., 23 прокламации, из них 22 — за 1905—1907 гг. В легенде каждой прокламации указывается ее место хранения, источник воспроизведения (подлинник или копия, размер).

Сборник 1951 г. начинается прокламацией «Ко всем запасным» 1904 г. В сборнике 1928 г. наиболее ранний документ датирован апрелем 1905 г. При составлении второго сборника проводились сверка с оригиналом, необходимая археографическая обработка документов, использовались публикации первого сборника. Составители оговорили, что прокламацию «Наши требования» и отчеты Симбирской организации они публикуют в перепечатке из сборника 1928 г., так как их подлинники обнаружить не удалось¹¹. В казанском и ульяновском сборниках 1941 и 1951 гг. отражены не все стороны партийной жизни 1905—1907 гг.: нет сведений о внутрипартийном строительстве, борьбе большевиков с меньшевиками, эсерами, националистами и других аспектах деятельности поволжских большевиков.

Число публикаций значительно возросло в связи с празднованием полувекового юбилея революции. В республиках и областях только в 1955—1959 гг. вышло более 50 сборников документов и материалов¹². С 1955 г. начала издаваться под общей редакцией А. М. Панкратовой многотомная серия «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы»¹³. Источники о революционных событиях в Среднем Поволжье вошли в раздел «Поволжье», где представлены по губерниям рабочее и крестьянское движения, революционная пропаганда и агитация в воинских частях. Кроме листовок большевистских комитетов, донесений царских чиновников, были приведены малоизвестные тексты телеграмм Советов рабочих депутатов, сообщения революционной и либеральной прессы. Опубликованы также сводные данные о стачечном движении по донесениям старших фабричных инспекторов за январь — начало февраля 1905 г.¹⁴

Одновременно продолжали издаваться сборники листовок большевистских организаций. В них печатались частично листовки из предыдущих публикаций, а также новые, неизвестные ранее, а в поволжских сборниках — и листовки периода 1905—1907 гг. на языках народов многонационального края. Наиболее крупной публикацией этого вида партийной печати в 50-е годы стал сборник «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.»¹⁵. В предисловии указано, что в сборник вошли листовки большевистских комитетов, в том числе Казанского, и тех комитетов, в составе которых были большевики и меньшевики, но руководство принадлежало большевикам. В числе таких комитетов названы Самарский и Саратовский¹⁶. Листовок симбирских большевиков в сборнике нет. Казанский, Самарский и Саратовский комитеты в сборнике представлены 106 листовками. Составители сообщали, что листовки печатаются по подлиннику, не указывая на факт их публикации ранее. При сравнении сборника с прошлыми изданиями выяснилось, что число новых, неизвестных до этого листовок не превышало 25.

Вышел в свет также сборник «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.» (Казань, 1955). В нем опубликовано 95 листовок, из них впервые — 18. Среди новых источников

¹¹ Прокламации Симбирской организации РСДРП, 1904—1907 гг., с. 17, 68—69, 98, 102—104 и др.

¹² Вопросы источниковедения первой русской революции. М., 1977, с. 5.

¹³ Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г. М., 1955; Революционное движение в России весной и летом 1905 г. Апрель — сентябрь. М., 1957—1961. Ч. 1, 2; Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М., 1955. Ч. 1, 2; Высший подъем революции 1905—1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. М., 1955—1957. Ч. 1—4; Второй период революции. 1906—1907 гг. М., 1957—1963. Ч. 1—3.

¹⁴ Начало первой русской революции. Январь — март 1905 г., с. 354—400, 711.

¹⁵ Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг. М., 1956. Ч. 1—3.

¹⁶ Там же, ч. 1, с. 25.

назовем листовку Алафузовского районного комитета в декабре 1905 г., призывавшую к вооруженному восстанию против самодержавия, листовку Казанского комитета с обращением к крестьянам выбирать в Думу депутатов, готовых отстаивать интересы крестьянства¹⁷, и др.

Дореволюционное Поволжье — аграрный район. Поэтому естественно появление многих публикаций о крестьянских выступлениях в регионе. В 1955 г. в Ульяновске вышел сборник документов и материалов «Крестьянское движение в Симбирской губернии в период революции 1905—1907 гг.». В нем собрано 149 документов. Они свидетельствовали о распространении в деревнях губерний листовок ЦК РСДРП, Московского, Казанского, Самарского, Нижегородского и других комитетов партии. В целях обобщения опыта руководства крестьянским движением, по инициативе Казанской и Симбирской организаций РСДРП, большевики Поволжья провели осенью 1906 г. аграрную конференцию. На ней присутствовало 13 делегатов. Составители сборника, не обнаружив документов о работе конференции, ограничились перепечаткой информации из газеты «Пролетарий».

Большевистские листовки к крестьянам Среднего Поволжья в 1905—1907 гг. были изданы в виде специального сборника¹⁸. В него вошли 24 листовки, из них 19 публиковались впервые. Наибольший интерес представляли листовки уездных партийных организаций. Так, в сборнике была опубликована листовка Аграрной коллегии при Камышинском комитете РСДРП к «Товарищам крестьянам» (1905 г.) с призывом помогать партии деньгами для выписки революционной литературы и на расходы разъездным пропагандистам¹⁹.

50-летнему юбилею первой русской революции были посвящены сборники документов и материалов, изданные во всех национальных республиках Поволжья и Прикамья²⁰. Наряду с переизданиями в них были опубликованы и новые источники. Так, в сборник о революционном движении в Чувашии вошла обнаруженная в ЦГА ТатАССР неизвестная листовка Казанского комитета РСДРП «Народу от народных представителей» на чувашском языке по поводу роспуска Государственной думы в августе 1906 г. В сборнике о революционном движении в Татарии опубликовано 359 документов. Часть из них непосредственно отражала настроение масс: резолюции рабочих собраний, прошения и приговоры крестьян, письма студентов, перехваченные полицией, и др. Нельзя не отметить также документы сборника, характеризующие борьбу большевиков с буржуазными националистами, разоблачение черносотенцев, действия либеральной буржуазии.

Сборник, посвященный событиям первой русской революции в Самарской губернии²¹, отличался от предшествующих наличием документов, раскрывающих руководящую роль В. И. Ленина, ЦК РСДРП по отношению к местным большевистским организациям, показавших бескомпромиссную борьбу, которая тогда шла с меньшевиками по вопросу о перспективах развития революции.

Публикация переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями в 1903—1905 гг.²² позволила по-

¹⁷ Листовки Казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг., с. 160—164, 208—211.

¹⁸ Листовки большевиков Среднего Поволжья к крестьянам в период революции 1905—1907 гг. / Сост. и автор вступит. ст. И. П. Шмыгин. — Учен. зап. Ульян. пед. ин-та, 1958 (1959), т. 14, с. 21—107.

¹⁹ Там же, с. 53.

²⁰ Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии: Сб. документов и материалов. Саранск, 1955; Революционное движение в Чувашии в период первой русской революции 1905—1907 гг.: Материалы и документы. Чебоксары, 1956; Революционное движение в Татарии в 1905—1907 гг.: Документы и материалы. Казань, 1957.

²¹ Революция 1905—1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы. Куйбышев, 1965.

²² Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1903—1905 гг.: Сб. документов: В 3-х т. М., 1974—1977.

казать огромное влияние ленинского руководства на деятельность средневожских большевистских организаций накануне первой русской революции. Вышедший в 1979 г. первый том «Переписки В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями. 1905—1907 гг.»²³ дал возможность проследить возрастание этого влияния в первые месяцы революции.

К 70-летию революции в Москве был издан сборник документов и материалов об историческом значении революции 1905—1907 гг.²⁴ В нем опубликованы две листовки Саратовского комитета РСДРП, две — Самарского и одна — Казанского. Наиболее интересна из них по своему содержанию листовка Казанского комитета партии (1905 г.), обращенная к татарскому населению с призывом к дружбе и союзу с русским народом в борьбе против самодержавия. В сборнике документов и материалов «Революция 1905—1907 гг.» была издана листовка Самарского комитета РСДРП от 11 октября 1905 г., ранее публиковавшаяся²⁵.

Все листовки самарских и саратовских большевиков, которые удалось собрать, опубликованы в двух сборниках²⁶. В первом сборнике из 234 листовок 162 посвящены первой русской революции. Расположены они хронологически, публикация осуществлена на основе оригиналов и копий, сохранившихся в архивах, или перепечаток из предыдущих сборников, когда подлинников обнаружить не удалось. Часть листовок введена в научный оборот впервые. Во втором сборнике опубликовано 76 листовок, из них по периоду революции — 55.

Итак, кануну и периоду первой русской революции в Среднем Поволжье посвящено 19 сборников, значительная часть которых была выпущена к ее полувековому юбилею. Издания отдельных источников составили не менее 200. В настоящее время назрела пора выпустить сводный сборник документов и материалов о работе большевиков Поволжья накануне и в период первой русской революции, где бы их деятельность была представлена не эпизодически, а всесторонне.

²³ Переписка В. И. Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями, 1905—1907 гг.: Сб. документов: В 5-ти т. М., 1979. Т. 1. Кн. 1, 2.

²⁴ Первая русская революция и ее историческое значение. М., 1975.

²⁵ Революция 1905—1907 годов: Документы и материалы. М., 1975. с. 193—195.

²⁶ Листовки и прокламации Самарского комитета РСДРП(б). 1902—1917. Куйбышев, 1959; Листовки саратовских большевиков, 1902—1917 гг. Саратов, 1979.

В. О. Седельников

У ИСТОКОВ ЖУРНАЛА «АРХИВНОЕ ДЕЛО» (1921—1925 ГГ.)

Первым советским периодическим изданием, посвященным «вопросам архивоведения в широком смысле слова»¹, стал журнал Центрархива РСФСР «Архивное дело». Известно, что он сыграл большую роль в архивном строительстве, а материалы его активно используются историками архивного дела и исторической науки, однако процесс становления «Архивного дела» до сих пор мало изучен.

Специальных исследований, посвященных журналу, нет. В ряде работ констатируется факт издания журнала, дается очень краткая характеристика его задач, направления, роли, приводятся цифровые данные (число выпущенных номеров, тиражи и пр.) за тот или иной период, а также сжато освещаются отдельные статьи². Краткие сведения о журнале имеются и в энциклопедических изданиях³. Общее представление о содержании журнала дают отраслевые каталоги⁴, где расписано большинство статей. Самостоятельный указатель содержания «Архивного дела»⁵ до сих пор не издан, хотя и мог быть напечатан в существующем виде или положен в основу при возобновлении работы.

Целью данной статьи является освещение истории становления журнала. Хотя первый номер «Архивного дела» вышел в 1923 г., подготовка его велась задолго до этого, являясь фактически продолжением работы по изданию «Исторического архива»⁶. Начальный период, неразрывно связанный с подготовкой к изданию «Красного архива», частично нашел отражение в литературе⁷. Но целесообразно осветить его более полно, используя весь комплекс имеющихся в нашем распоряжении источников, в подавляющем большинстве архивных, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Это дает возможность не только правильно понять процесс дальнейшего развития архивной периодики, но и расширить существующие представления об архивном строительстве и советской исторической науке в 1920-х годах.

Архивный фонд журнала (ЦГАОР СССР, ф. 7925) сохранился лишь за 1938—1941 гг. Период становления «Архивного дела» в определенной мере отразили документы Главного управления архивным делом (ГУАД)

¹ От редакции. — АД, 1923, вып. 1.

² Чернов А. В. История и организация архивного дела в СССР. М., 1940, с. 154; Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1966, т. 4, с. 263—264 (автор раздела «Историческая периодика» Г. Д. Алексеева); Махсаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917—1945 гг.). М., 1966, с. 131—132, 174; Валиков В. И. Архивное строительство в СССР (1917—1945 гг.). М., 1976, с. 57, 96, 135—136; 55 лет советскому архивоведческому изданию. — СА, 1979, № 4, с. 3; и др. В дипломной работе Л. И. Прониной (научный руководитель проф. О. М. Медушевская) «Источники по истории архивоведческой мысли в РСФСР (1918—1929 гг.)», защищенной в МГИАИ в 1978 г., очень кратко даны история издания с привлечением ограниченного круга архивных источников и обзор содержания журнала.

³ СИЭ. М., 1961, т. 1, с. 846; БСЭ. 3-е изд. М., 1970, т. 2, с. 291.

⁴ Каталог архивоведческой литературы, 1917—1959 гг. М., 1961; Советская археография: Аннотированный каталог научно-методической литературы (1917—1970 гг.). М., 1974. Вып. 1.

⁵ Систематический указатель к журналу «Архивное дело», 1923—1941 гг. (№ 1—58) / Сост. В. К. Лукомский. М., 1943. На правах рукописи. Хранится в библиотечке МГИАИ.

⁶ Седельников В. О. Журнал «Исторический архив» и возникновение советской архивной периодики. 1918—1921 гг. — АЕ за 1979 год. М., 1981, с. 106—120.

⁷ Махнова Г. П. К истории журнала «Красный архив». — В кн.: История и историки: Историографический ежегодник, 1973 г. М., 1975, с. 72, 73.

и управления Центрархива РСФСР, вошедшие составной частью в фонд Главного архивного управления СССР (ЦГАОР СССР, ф. 5325). В основном это протоколы заседаний коллегиальных органов. Помогли воссоздать историю журнала и документы личных фондов видных советских архивистов: его ответственного редактора В. В. Максакова (ААН, ф. 1646), А. С. Николаева (ЦГАОР СССР, ф. 7798), М. С. Вишневого (архив МГИАИ).

На совещании ответственных работников ГУАД по издательским вопросам 14 августа 1921 г., постановившем прекратить издание «Исторического архива», было также решено «издавать журнал „Архивное дело“», научно-теоретический и исторический журнал Главархива⁸. В нем предполагались следующие отделы: научно-теоретический, исторический («публикуемые материалы»), библиография, летопись архивной жизни, некрологи. Совещание определило срок «получения материала для следующей книжки журнала — 20 сентября»⁹. Отметим, что сама эта формулировка говорит о преемственности, которую участники совещания усматривали между прекращавшим свое существование «Историческим архивом» и предполагавшимся к изданию новым журналом. Характерно, что постановлением коллегии ГУАД от 25 августа 1921 г., утвердившим решение совещания, «Исторический архив» переименовывался в «Архивное дело» — еще одно подтверждение того, что новый журнал рассматривался как преемник прежнего¹⁰.

Совещание от 14 августа наметило конкретные мероприятия по сбору материалов для первого выпуска. Предполагалось опубликовать значительное число работ петроградских историков и архивистов¹¹: «Архив, библиотека и музей» И. Л. Маяковского, «Археограф, археолог и историк» С. В. Рождественского, «Дипломатарий» Н. П. Лихачева, «Подготовка живой силы архивных деятелей» А. С. Николаева, «Архивная терминология» Г. А. Князева, «Об описях и описаниях» И. А. Блинова, «Составление исторических очерков по архивным фондам» С. Е. Корнилович, «Архивные выставки» С. А. Аннинского и ряда других по научно-теоретическим вопросам (в протоколе не названных). По предложению В. В. Максакова в состав первой книжки включалась и статья Е. В. Тарле «Об архивах в эпоху революции». Совещание обратилось к Николаеву и Маяковскому с просьбой договориться с петроградскими архивистами о предоставлении работ для публикации в журнале.

Была принята рекомендация Вишневого поместить в разделе «Летопись архивной жизни», который должен был составляться силами орготдела ГУАД, статью «Об архивных фондах в провинции». Автором ее намечался В. И. Пичета. По предложению Николаева признавалось целесообразным публиковать в этом разделе не только статьи общего характера, но и работы об архивах отдельных городов, в том числе Москвы и Петрограда. Найти автора хроники по Петрограду было решено просить Маяковского, а вопрос о хронике по Москве — передать на рассмотрение редколлегии. Каждый номер планировалось снабжать указателями.

С октября 1921 г. вопрос о журнале оказался в центре внимания руководства ГУАД. 11 октября состоялось заседание редакционно-издательской коллегии¹² в составе В. В. Адоратского, В. Н. Сторожева,

⁸ Одно из официально принятых в то время (наряду с ГУАД) сокращенных названий Главного управления архивным делом.

⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 1—10б. См. также: *Седельников В. О.* Указ. соч., с. 118.

¹⁰ Бюллетень Главархива, 1921, № 1, с. 24. В утвержденном проекте издания не указан отдел некрологов, который, по-видимому, был объединен с отделом хроники («Летопись архивной жизни»).

¹¹ Здесь и далее названия работ приводятся в точном соответствии с текстами архивных документов, в которых они указаны. Когда удавалось выяснить опубликованность работ (под теми же или измененными названиями), это указывается в тексте или даются соответствующие сноски.

¹² В ГУАД (позднее в управлении Центрархива) наряду с коллегией, осуществлявшей общее руководство, существовали и коллегии по направлениям деятельности: редакционно-издательская, научно-теоретическая, научно-организационная и др.

В. М. Фриче, В. П. Полонского и Н. Ф. Бельчикова. На нем по докладу Бельчикова «Об издательских предположениях Главархива» было признано «необходимым издание Главархивом специального журнала под названием «Революционный архив» — журнала истории революции и архивного дела»¹³. В письме ГУАД в Госиздат от 19 октября более подробно раскрыт профиль издания в соответствии с его новым названием: «Журнал... посвящен истории революции и теории архивного дела. В отделе историческом предположено вести издание материалов с научными комментариями по истории революционного движения в России. Журнал предположено выпускать 1 раз в 3—4 месяца, размер 20—25 печат[ных] листов»¹⁴.

В первоначальной структуре журнала, судя по предполагавшимся к печати в первой книжке материалам, упор делался на архивоведческие статьи и хронику, что соответствовало и названию «Архивное дело». Но, очевидно, руководство архивным ведомством, учитывая политическое и научное значение публикации наиболее актуальных документов, решило перенести центр тяжести на исторический отдел и соответственно изменить название журнала.

Последнее предположение в значительной степени подтверждается протоколом заседания редакционно-издательской коллегии от 25 октября 1921 г., когда при участии Покровского, Адоратского, Сторожева, Пичеты, Максакова, Фриче, Бельчикова и Вишневого вновь обсуждался вопрос о журнале.

Заведующий ГУАД Покровский в своем выступлении сообщил, что «по мысли членов коллегии Главархива» журнал должен иметь отделы: научно-археографический¹⁵; исторический, «где будут печататься материалы по внешней и внутренней политике и историко-культурные материалы»; хроника; библиография. Затем он назвал материалы (имея в виду исторический отдел), которые должны войти в первый номер журнала. Это, прежде всего, документы о русско-германских отношениях второй половины XIX в.¹⁶; затем перлюстрация «оранжевой книги», письма Победоносцева к Александру III¹⁷ и Николаю II, а также историко-культурные и историко-революционные материалы (о А. С. Пушкине, из дневника [А. В.?] Рачинского и др.). В библиографическом отделе предполагались «научные отзывы по специально-архивным изданиям русским и заграничным». По предложению Покровского было решено переименовать журнал в «Красный архив», что больше соответствовало уточненному профилю издания.

В результате обсуждения вопроса о руководителях отделов журнала коллегия постановила принять на себя коллективное руководство первым отделом¹⁸, отдел хроники поручить М. С. Вишневскому, русскую часть отдела библиографии — Д. Н. Егорову¹⁹, иностранную — В. И. Пичете. Ответственным редактором журнала был назначен В. П. Полонский. Были

¹³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 9. В работе Г. П. Махновой (Указ. соч., с. 72) рассмотрение истории журнала «Красный архив» начинается с этого совещания, что нельзя признать правильным. Рассмотренные выше более ранние издательские предположения имеют прямое отношение к «Красному архиву», поскольку в «Архивном деле» планировался и публикаторский отдел.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 305, л. 95.

¹⁵ О понимании в те годы термина «археография» можно судить по определению: «Отрасль исторической науки, имеющая своей задачей собирание, описание и издание исторических памятников» (БСЭ. 1-е изд., М., 1926, т. 3, с. 531). Очевидно, эта трактовка разделялась и Покровским, редактировавшим в энциклопедии раздел истории.

¹⁶ Русско-германские отношения: Секретные документы. — КА, 1922, т. 1, с. 3—208; Русско-германские отношения: Документы из секретного архива бывшего министерства иностранных дел. М., 1922.

¹⁷ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. — КА, 1923, т. 4, с. 317—337; Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925—1926. Т. 1, 2.

¹⁸ Вероятно, в данном случае понимался не только «научно-археографический», но и «исторический» отдел.

¹⁹ В конце ноября 1921 г. Егоров ввиду своего отказа выбыл из состава редакции (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 19).

определены объем каждого номера (30 печатных листов), тираж — 6 тыс. экземпляров (5 тыс. — для России, 1 тыс. — для зарубежных читателей) и периодичность журнала (4 раза в год). Выпуск первого номера планировался на февраль 1922 г.²⁰

Чтобы устранить возможные сомнения в том, что выше шла речь об одном и том же издании, сошлемся на письмо Бельчикова Николаеву от 25 октября 1921 г.: «Надеюсь после сдачи в типографию материалов для «Революц[ионного] = Красного архива» (то же, что «Архивное дело») двинуться в Петербург»²¹.

На заседании редакционно-издательской коллегии 1 ноября 1921 г. обсуждался «вопрос о содержании научно-археографического отдела журнала Главархива»²². Было признано необходимым осветить в первом номере I Всероссийскую конференцию архивных деятелей, прошедшую в конце сентября — начале октября. Статью о конференции поручалось написать Пичете²³. В составе первого номера подтверждалась статья Рождественского, а также планировалась статья В. В. Шереметевского «Из семинария по архивоведению». Адоратскому и Максакову коллегия поручила подготовить статью «Политическая секция ЕГАФ». В порядке сткликов на доклад И. Л. Маяковского «О разграничении понятий архива, библиотеки и музея», сделанный на I Всероссийской конференции архивных деятелей, были намечены статьи В. М. Фриче (об архиве), Д. Н. Егорова (о библиотеке)²⁴ и Ю. В. Готье (о музее).

Для привлечения к журналу широкого круга квалифицированных архивистов редакционно-издательская коллегия решила обратиться к научно-теоретическому отделу ГУАД с просьбой взять на себя инициативу в постановке тех вопросов по профилю отдела, которые, по мнению его руководства, должны быть освещены в журнале. То же пожелание было высказано орготделу относительно вопросов информационного характера.

Научно-теоретическая коллегия на заседании 8 ноября 1921 г. при участии М. М. Богословского (председателя коллегии), Пичеты, Сторожева, Егорова, Вишневского и Бельчикова постановила «издание специального журнала Главархива считать безусловно полезным и нужным в настоящее время». Одобрив «предложение ред[акционно]-издат[ельской] коллегии о своевременном возбуждении перед нею вопросов научно-теоретического характера для освещения в текущих номерах журнала», она вынесла решение «делать в известные сроки такие сообщения...»²⁵.

На заседании обсуждался и вопрос о названии журнала, поставленный Егоровым. Он «указал, что, по-видимому, журнал Главархива преследует две цели. Судя по названию — это агитационный орган. Ведь если бы задачей журнала было освещение истории революции вообще, что вполне своевременно и м[ожет] б[ыть] научно выполнено, то тогда естественно назвать журнал «Революционным архивом» или «Архивом революции». Но здесь «Красный архив», и цель и смысл т[аким] об[разом] иные.

Содержание журнала вполне отвечает задачам и нуждам Главархива, но содержание плохо вяжется с названием журнала. Содержание вполне ценно и безусловно прямо отвечает на запросы архивного дела, но мало соответствует наименованию. В результате можно ожидать нареканий со стороны ряда лиц, что журнал не удался, что издание вышло впустую. Во избежание возможности такого предвзятого взгляда, вызываемого самим названием журнала, м[ожет] б[ыть] возможно изменить его

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 12.

²¹ Там же, ф. 7798, оп. 1, д. 23, л. 1.

²² Там же, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 14.

²³ Подготовка к публикации реферата на эту же тему была возложена на Бельчикова.

²⁴ В тексте протокола пропущено указание на поручение Егорову статьи о библиотеке, но оно логически вытекает из содержания документа.

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 288, л. 36—36об.

наименование»²⁶. Участники совещания согласились с этим мнением, но коллегия ГУАД отклонила предложение об изменении названия журнала²⁷.

Очевидно, Егоров имел в виду несоответствие названия «Красный архив» именно материалам архивоведческого характера, которые пока составляли большую часть содержания первого номера, несмотря на предположения о значительном числе публикаций документов. Фактически его выступление явилось первой, еще не сформулированной окончательно постановкой вопроса о разделении архивного периодического издания на два журнала: архивоведческий и археографический. А пока подготовка первого номера журнала велась в рамках его прежнего, смешанного, профиля.

На заседании редакционно-издательской коллегии 8 ноября 1921 г. было заслушано сообщение ответственного редактора Полонского, отметившего необходимость предоставить сведения о содержании отделов или, в случае готовности, сами материалы для первой книжки. Коллегия обратилась к редакторам отделов с соответствующей просьбой²⁸. Сохранился черновой набросок плана первого номера «Красного архива», который датирован 13 ноября 1921 г. и, как можно предположить, является сводкой сведений, представленных Полонскому²⁹. В нем перечислены работы по отделам журнала. Указаны авторы работ и степень готовности большинства рукописей.

В научно-археографическом отделе указаны готовые к сдаче в набор работы Рождественского «Историк—археограф—архивист» и Шереметевского «Из семинария по архивоведению» (последняя — объемом 1 печ. лист). Отмечены как находящиеся у авторов работы Адоратского и Максакова «Политическая секция ЕГАФ» объемом 0,5 печ. листа, Бельчикова «Первая Всероссийская конференция архивных деятелей РСФСР (реферат)», Пичеты «Первая Всероссийская конференция архивных деятелей», Фриче, Егорова и Готье «Архив, библиотека и музей (дискуссионные статьи)», Егорова «К вопросу об археографическом образовании архивных деятелей».

В отделе «историко-культурной секции»³⁰ предполагалась публикация материалов об А. С. Пушкине, Н. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском, а также писем И. С. Тургенева и А. А. Фета. Авторы и состояние рукописей не указаны.

Отдел библиографии включал в себя готовые работы (рецензии и обзоры): «Заграничная археография»³¹, А. С. Орлова «Учебник палеографии В. Н. Щепкина», В. И. Пичеты «Описание дел архива Министерства народного просвещения. Казенные еврейские училища», «М. И. Смирнов. Переславщина», «Воронежский историко-археологический журнал»³², «Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. 1», Н. Ф. Бельчикова «Литературный музей». Без указания на степень готовности обозначены работы В. И. Пичеты «Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. 2», «Рабочее движение во Владимирской губернии» и «История труда (журнал)», А. Ф. Изюмова «Русский исторический журнал, № 7», «Былое» и «Дела и дни», М. С. Вишневого «Издания Рязанского архива», А. А. Сергеева «История Петроградского университета», С. К. Богоявленского «Архивное дело в России. Дипломатика частных актов», Д. Н. Егорова «Архивное дело на Западе»³³, Ю. В. Готье «Мемуары Витте».

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, д. 267, л. 48.

²⁸ Там же, д. 302, л. 15.

²⁹ Там же, д. 305, л. 108—110.

³⁰ Так в тексте документа.

³¹ Автор не указан. Судя по более поздним архивным документам и фактическому содержанию первого номера журнала, это работа И. В. Пузино «Западноевропейские периодические издания по архивному делу» (АД, 1923, вып. 1, с. 44—53).

³² Имелся в виду «Воронежский историко-археологический вестник» (1921, вып. 1). Рецензия Пичеты опубликована: КА, 1922, т. 1, с. 431—432.

³³ Рецензии Сергеева на «Материалы по истории С.-Петербургского университета,

В документе не указаны публикации по вопросам внешней и внутренней политики России. Очевидно, они предполагались в составе, предложенном ранее Покровским. Не охарактеризован и отдел хроники («Летопись архивной жизни»). О том, каким он мыслился, можно судить по содержанию обращения редакции «Красного архива» к архивным работникам.

В нем говорилось, что в отделе хроники будут даваться «систематические обзоры состояния архивного дела» как в центре (Москве и Петрограде), так и на местах. Особое внимание обращалось на информацию об архивной жизни в провинции: «Одних официальных сообщений в виде докладных записок, отчетов и т. п. мало, необходимо широкое осведомление и частным порядком, необходима самая деятельная инициатива в освещении событий архивной жизни на местах со стороны местных деятелей в нашей области». Далее раскрывалось содержание отдела хроники: «Все ценное, все полезное и практичное, все что должно быть известно всем, кто интересуется архивной жизнью и кому надлежит знать, как строится архивное дело, каковы его успехи, неудачи, катастрофы, каковы должны быть пути его успешного развития, все это и многое другое должно найти себе место на страницах отдела летописи архивной жизни.

В отделе летописи должны найти место также и сведения о состоянии архивных фондов, их перемещении, разборке, описании, о фондах утраченных, еще не выявленных, о фондах, находящихся в библиотеках, музеях, научных обществах, политических и профсоюзных организациях, о фондах, образующихся с развитием деятельности советских учреждений, частновладельческих и т. п. Не менее важное значение мы придаем и делу пропаганды и популяризации общекультурного значения архивов путем архивных выставок, устных вечеров, исторических журналов или вечеров, посвященных историческому архивному документу, путем устройства лекций, участия на митингах и т. п.

В отделе летописи должны найти себе место и сведения о научных исследованиях, статьях, докладах, написанных на основании архивных источников, хранящихся в местных архивах.

Здесь же найдут себе место и все организационные стороны деятельности учреждений Центрархива РСФСР³⁴, вопросы взаимоотношений с ведомствами и учреждениями.

В заключение, подчеркнув, что «отдел летописи достаточно полным и содержательностью своей ценным сможет быть при условии самого широкого проявления инициативы со стороны всех, кому дороги интересы исторической науки», редакция обратилась «с широким призывом ко всем, кто чувствует и понимает значительность развития архивного дела в связи с общим развитием культуры страны, принять участие в создании этого отдела журнала „Красный архив“...»³⁵.

Документ этот не только характеризует деятельность Центрархива по созданию своего журнала и раскрывает планы редакции относительно хроники, в которой предполагалось освещать практически все актуальные вопросы архивного дела. Значение его, по нашему мнению, шире: обращение показывает, насколько тесно советское архивное строительство увязывалось с развитием культуры и науки в стране и какое большое внимание уделялось пропаганде и популяризации архивного дела.

1819—1835 гг.» (Пг., 1915. Т. 1), Бояжленского на первый выпуск (монография А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатии частных актов») и Егорова на третий выпуск «Архивных курсов» (Пг., 1920) опубликованы: КА, 1922, т. 1, с. 422—426.

³⁴ Согласно декрету ВЦИК от 30 января 1922 г., все архивные учреждения республики в совокупности образовали Центральный архив (Центрархив) РСФСР. Для заведования им было создано Управление Центрархива, заменившее ГУАД (Сборник руководящих материалов по архивному делу. М., 1961, с. 19—21).

³⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 305, л. 122—123. Обращение не датировано. Написано между 30 января 1922 г. (дата образования Центрархива) и 14 февраля 1922 г. (дата выделения из «Красного архива» материалов по архивной тематике во вновь созданный сборник «Архивное дело» — об этом см. ниже).

15 ноября 1921 г. состоялось очередное заседание редакционно-издательской коллегии, на котором широко обсуждались кандидатуры авторов. Ввиду болезни В. Н. Сторожева ответственным за опубликование «оранжевой книги» был назначен В. В. Адоратский. Было решено просить писать рецензии о «Русском историческом журнале, № 7» — М. Н. Покровского, о «Делах и днях» — В. М. Фриче³⁶, о «Былом», № 16» — В. П. Полонского, об «Архиве истории труда, вып. 1» — А. Ф. Изюмова³⁷, «Истории Петербургского университета» — А. А. Сергеева, «Литературном музее», вып. 1» — Н. Ф. Бельчикова, о учебнике В. Н. Щепкина — А. С. Орлова. Автором рецензий-рефератов о Чернине, Бетмане-Гольеве, Тирпице предполагался С. А. Котляревский; для подготовки к печати писем Вильгельма II намечался В. Н. Сторожев, Гинденбург — Д. Н. Егоров, Шейдемана и Носке — В. М. Фриче, Бисмарка — А. Н. Савин. Дискуссионные статьи об «архиве, библиотеке и музее» переносились во второй номер журнала. Для предоставления материалов «по историко-культурной секции» был назначен срок 25 ноября 1921 г.³⁸

В течение декабря редакционно-издательская коллегия дважды рассматривала вопросы (в основном технического характера), связанные с подготовкой журнала к изданию. На одном из заседаний 13 декабря определен был и срок сдачи материалов «по научно-археографическому и историческому отделу» — 15 декабря 1921 г.³⁹

3 января 1922 г. на заседании редакционно-издательской коллегии вновь был поставлен вопрос о руководстве отделами редакции журнала. При этом в основе его структуры устанавливались и несколько иные принципы, чем ранее. Выделялся отдел политических материалов, руководителем которого стал Адоратский; создавался «иностранский» отдел⁴⁰, заведовать которым поручили Максакову. Руководство отделом историко-культурных материалов возлагалось на Фриче, библиографии — на Пичету, хроники — на Вишневого⁴¹.

Заседание редакционно-издательской коллегии 31 января 1922 г. положило начало формированию системы периодических изданий Центрархива в том виде, в котором она существовала на протяжении 1920-х годов и в последующий период вплоть до 1941 г. Было признано целесообразным приступить к изданию «серии сборников «Архивное дело» научно-археографического характера...», вернувшись к первоначальному названию⁴². 7 февраля 1922 г. научно-теоретическая коллегия также признала «издание таковых сборников вполне своевременным» и поручила их общее редактирование председателю коллегии Богословскому⁴³.

Предполагавшиеся к изданию сборники рассматривались вне зависимости от «Красного архива». Такой вывод подтверждается рассмотрением состава «археографического отдела» первого номера журнала «Красный архив» на очередном заседании редакционно-издательской коллегии 7 февраля. Архивоведческие работы еще оставались в поле зрения редакции, в первом номере намечались статьи Рождественского, Егорова, Пузино, Пичеты. Вероятно, часть материалов находилась уже в печати: коллегия обязала ответственного за техническую сторону изда-

³⁶ Рецензия Фриче на «Дела и дни» (Пг., 1920—1921. Кн. 1, 2) опубликована: КА, 1922, т. 1, с. 429—431.

³⁷ Рецензия Изюмова на «Архив истории труда в России, выпускаемый ученой комиссией по исследованию истории труда в России при Петроградском губернском Совете профессиональных союзов» (Пг., 1921. Кн. 1) опубликована: КА, 1922, т. 1, с. 426—427.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 16.

³⁹ Там же, л. 23а.

⁴⁰ Очевидно, имелось в виду получение материалов с мест, поддержание контактов с иностранными авторами и редактирование их работ.

⁴¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 302, л. 24.

⁴² Там же, л. 26. Присутствовали Адоратский, Полонский, Максаков, Фриче, Бель-

ния Ф. Я. Бурче «делать по вторникам сообщения о ходе работ в типографии»⁴⁴.

Однако параллельная публикация в двух изданиях статей одного характера вряд ли представлялась оправданной, поэтому на заседании редакционно-издательской коллегии 14 февраля 1922 г. было принято решение передать статьи по архивной тематике в сборник «Архивное дело»⁴⁵. Коллегия Центрархива 24 февраля 1922 г. утвердила решение об издании «Архивного дела» и одобрила кандидатуру Богословского как редактора⁴⁶.

28 февраля состоялось заседание научно-теоретической коллегии, на котором обсуждалось содержание первого выпуска нового издания. В него включались статьи Егорова, Рождественского, Лихачева, Шереметевского, Вишневого, Пичеты, бюллетень Главархива, вып. 2⁴⁷ и библиография⁴⁸.

2 мая 1922 г. (по-видимому, к этому времени подготовительная работа в основном была закончена) в Госиздат было направлено письмо⁴⁹ с просьбой принять к печати вып. 1 сборника «Архивное дело» объемом 12 печ. листов и тиражом 1 тыс. экземпляров. В письме изложено содержание выпуска. В «Археографический отдел» вошли работы С. В. Рождественского «Историк—археограф—архивист», Д. Н. Егорова «Образование архивиста на Западе», Н. П. Лихачева «О составлении перечня изданных русских актов», И. В. Пузино «Заграничная архивная археография», С. Н. Валка «Архивные обзоры». «Научно-исторический отдел» состоял из работ Н. Ф. Бельчикова «Славянофилы и Закревский» и А. А. Сергеева «Тайный совет императрицы Анны I». В раздел «Архивная жизнь» включены работы М. С. Вишневого «Летопись архивной жизни», В. И. Пичеты «I Всероссийская конференция архивных деятелей» и «Заграничные архивы». Разделы «Некрологи» и «Библиография» в письме не раскрыты. Некоторые работы (Валка, Бельчикова, Сергеева, Вишневого, Пичеты) отмечены знаком вопроса на полях документа. Очевидно, не была выяснена степень готовности или вызывало сомнение само включение. Отмечен и раздел «Библиография» — видимо, не было определено окончательно его содержание.

Необходимо подчеркнуть следующее. Судя по архивным документам, в начальный период работы над «Архивным делом» это издание рассматривалось как повременное — сборник (термин «журнал» употреблен только в решении коллегии Центрархива от 24 февраля 1922 г.). Но в ноябре-декабре 1922 г. в ходе подготовки второго выпуска оно уже фигурирует как журнал⁵⁰. Тем не менее более поздние архивные источники показывают, что тип издания окончательно еще не был определен.

На основании даты на титульном листе принято считать, что вып. 1 «Архивного дела» вышел в 1923 г. Однако в копии письма Центрархива в Госиздат от 27 декабря 1922 г. содержится просьба «выдать ордер на получение 50 экз. авторских *вышедшего* 1-го тома „Архивного дела“»⁵¹, что допускает предположение о фактическом выходе журнала в конце 1922 г. Тираж его составил 1 тыс. экземпляров, объем — 10,75 печ. листа⁵².

В обращении к читателям раскрывались задачи первого «в России специального органа, посвященного вопросам архивоведения в широком смысле слова». Редакция отмечала, что журнал «ставит своей целью научную обработку теоретических и практических проблем архивного

⁴⁴ Там же, д. 302, л. 27.

⁴⁵ Там же, л. 28.

⁴⁶ Там же, д. 367, л. 5 об.

⁴⁷ Был подготовлен к печати, но не вышел. Опубликован позднее, будучи включенным во второй выпуск «Архивного дела» (1925).

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 288, л. 27.

⁴⁹ Там же, д. 306, л. 52—52 об.

⁵⁰ Там же, л. 85, 94.

⁵¹ Там же, л. 110.

⁵² Там же, д. 1752, л. 35. В журнале объем не указан.

дела и посильное освещение новой архивной жизни, как она проходит после реформы 1 июня 1918 года в живой работе в центре и на местах». На его страницах предполагалось освещать «как очередные проблемы современной научной археографии, так и вопросы практического архивного устройства, которые самой жизнью выдвигаются на первое место. Таковы, напр[имер], вопросы о рациональной охране и методах научного описания архивных материалов, о пропаганде архивного дела, столь необходимой ввиду укоренившегося общего взгляда на архивы как на бумажный хлам, вопросы профессионального характера и многие другие.

Освещение процесса архивной реформы в условиях нынешних дней, нередко болезненно отражающихся на документальном наследии прошлого, и пропаганда научных взглядов на исторический документ и его охрану — вот основные задачи, к осуществлению которых будет стремиться редакция „Архивного дела“»⁵³.

В оглавлении журнала не обозначены отделы, но они явно просматриваются в последовательности опубликованных материалов. В первый отдел («научно-археографический», «археографический») вошли статьи «Историк—археограф—архивист» С. В. Рождественского, «Образование архивиста на Западе» Д. Н. Егорова, «К вопросу о составлении перечня изданных русских актов» Н. П. Лихачева, «Западноевропейские периодические издания по архивному делу» И. В. Пузино, «Архивные обзоры» С. Н. Валка, «Из семинария по архивоведению» В. В. Шереметевского. В хронике помещены обзорные статьи «Летопись архивной жизни провинции за 1920 г.» М. С. Вишневого⁵⁴ и «Первая Всероссийская конференция архивных деятелей» В. И. Пичеты. К этому разделу примыкает работа С. Талантовой «Архив помещиков Опочининых», хотя по содержанию, являясь кратким обзором фонда, она вряд ли к нему подходит. В отдельный раздел выделены некрологи историкам и архивистам, скончавшимся в 1918—1921 гг.: А. Я. Ефименко (автор В. И. Пичета), П. А. Гейсману (автор Н. П. Михневич), П. И. Беляеву (автор А. А. Кизеветтер), С. А. Шумакову (автор С. И. Порфирьев), В. В. Нечаеву (некролог подписан инициалами Н. Ч.— можно предположить, что автор Н. П. Чулков), И. С. Беляеву (автор Чулков), Н. Н. Маркову (автор В. В. Шереметевский), К. В. Вознесенскому (некролог не подписан), Д. В. Цветаеву (автор Чулков), Г. Г. Лукьянову (некролог подписан инициалами Н. Ч.— предположительно Чулков), И. Н. Ельчанинову (автор Чулков), Н. В. Рождественскому (автор С. К. Богоявленский), С. П. Соколову (автор Шереметевский), Д. А. Кондратьеву (некролог подписан инициалами А. Я.), А. Н. Журдан (автор А. Попов), Г. Е. Катанаеву (автор А. А. Сергеев), В. И. Оппоковой (автор С. Н. Чернов). Есть основания предпологать, что публикация некрологов, написанных Богоявленским, Кизеветтером, Михневичем, Порфирьевым, Чулковым и Шереметевским, первоначально намечалась во второй книжке «Исторического архива», вышедшей в виде «Сборника материалов и статей» (М., 1921. Вып. 1)⁵⁵.

В отделе библиографии опубликованы рецензии: А. С. Орлова на «Учебник русской палеографии» В. Н. Щеткина (М., 1918), В. И. Пичеты на «Описание дел архива Министерства народного просвещения» (Пг., 1917. Т. 1), «Описание дел бывшего архива Министерства народного просвещения. Казенные еврейские училища» (Пг., 1920. Т. 1), «Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Книги Литовской метрики VII—XXVIII» (М., 1916. Кн. 21) и книгу М. И. Смирнова «Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор» (Переславль-Залесский, 1921. Вып. 9), Н. П. Чулкова на «Описание документов и бумаг, хранящихся в

⁵³ «От редакции». — АД, 1923, вып. 1.

⁵⁴ Вишневский в качестве инспектора ГУАД принимал активное участие в обследовании архивного дела на местах в 1919—1920 гг. Отчеты о командировках см.: Архив МГИАИ, ф. М. С. Вишневого, д. 153, 154, 155, 156.

⁵⁵ Седельников В. О. Указ. соч., с. 116—117.

б. Московском архиве Министерства юстиции» (Госиздат, 1921. Кн. 20), Н. Ф. Бельчикова на книгу А. С. Полякова «О смерти Пушкина» (Пг., 1922).

Состав опубликованных материалов показывает, какую серьезную эволюцию проделало содержание журнала от первых издательских предположений. Первоначально издание, фигурировавшее под названиями «Архивное дело», «Революционный архив», «Красный архив», планировалось как архивоведческо-публикаторский журнал. Даже после окончательного размежевания «Красного архива» и «Архивного дела» в последнем предполагалось, помимо архивоведческих работ, публиковать и материалы исторического характера⁵⁶. В итоге длительных поисков, напряженной работы по определению профиля издания «Архивное дело» стало действительно архивоведческим журналом, в большей степени отвечающим задачам советского архивного строительства. Конечно, не все материалы первого выпуска были одинаково актуальны, но тематика опубликованных работ достаточно ясно указывает на профиль издания.

Показателен отбор рецензируемых работ. Все они так или иначе тесно связаны с архивами. Это либо научные описания архивных документов, либо выполненные на основе архивных разысканий исследования (книга Полякова), либо имеющие прямое отношение к архивной работе учебные пособия (учебник Щепкина). Не случайна рецензия на краеведческую работу Смирнова: наряду с другими в книге рассматриваются и архивные источники, автор ее был одним из наиболее видных и квалифицированных архивистов, внесшим большой вклад в становление и развитие архивного дела в Переславле-Залесском.

Появление нового журнала не прошло незамеченным. Ведущий критико-библиографический журнал «Печать и революция» опубликовал рецензию В. Нечаевой, в которой дана положительная оценка содержания первого выпуска. В то же время автор отметила желательность систематической публикации архивных обзоров; несмотря на широкую публикаторскую работу Центрархива, «в его хранилищах всегда останется ряд фондов, не имеющих широкого интереса или исключительного значения, но важных для ряда специалистов-исследователей. Дать последним посредством опубликования обзоров содержания архивных фондов руководящую нить в их поисках нужного материала — действительно насущная задача, и „Архивное дело“ должно откликнуться на нее»⁵⁷.

Выход в свет журнала был положительно воспринят и на страницах местной архивоведческой печати. В рецензии А. Георгиевского говорилось, что «такой периодический орган нельзя не приветствовать в наше время, когда ценность и важность архивного строительства недостаточно сознается и ее нужно воспитывать... Настоящее издание, в котором участвуют лучшие специалисты архивного дела, заслуживает самого глубокого сочувствия и широкого распространения»⁵⁸.

Содержание вып. 1 «Архивного дела» обсуждалось на общем собрании членов Общества российских архивных деятелей 23 августа 1923 г. Собрание записало в своем решении: «Журнал „Архивное дело“ является необходимым органом для освещения многих сторон архивной жизни, поэтому является существенно необходимым поддержать его»⁵⁹.

В краеведческой печати появилась краткая рецензия (подписанная инициалами Д. С.), где отмечены чрезвычайная полезность и своевремен-

⁵⁶ Судя по названиям планировавшегося отдела («научно-исторический») и входивших в него работ Бельчикова («Славянофилы и Закревский») и Сергеева («Тайный совет императрицы Анны I»), это либо исследовательские статьи, либо публикации.

⁵⁷ Печать и революция, 1923, № 3, с. 235.

⁵⁸ Известия Приморского губернского архивного бюро, Владивосток, 1923, т. 1, вып. 2, с. 45—46.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 7789, оп. 1, д. 1, л. 201—202. По содержанию журнала были высказаны и резкие критические замечания, в значительной степени объяснимые довольно сложными отношениями в тот период между архивными органами Москвы и Петрограда.

ность журнала, а также наличие в нем «статей, имеющих практическое и инструкционное значение для краеведов...»⁶⁰.

Интерес к журналу проявляла зарубежная научная общественность. Еще до выхода в свет вып. 1 «Архивного дела», 20 июня 1922 г., Центрархивом было получено письмо заведующего Славянским отделением Нью-Йоркской публичной библиотеки А. Ярмолинского с просьбой внести эту организацию в число подписчиков на журнал⁶¹.

В 1923/24 бюджетном году предполагалось издать три выпуска⁶², причем подготовка второго выпуска велась уже в первой половине 1922 г. Вопрос о его содержании рассматривался на заседании научно-теоретической коллегии 9 мая 1922 г. (присутствовали М. М. Богословский, Д. Н. Егоров, В. И. Пичета, М. С. Вишневский, Н. Ф. Бельчиков и заведующий архивом Наркомата почт и телеграфа Г. К. Кранихфельд). Было принято решение в «археографический» отдел включить статьи В. В. Шереметевского и М. К. Любавского, а о составе «научно-исторического отдела вступить в переговоры с архивными деятелями Москвы». Получило одобрение предложение Егорова «дать библиографию зарубежных архивных журналов с 1914 г. и статью Пичеты „Обзор архивной жизни в Польше“, снести с проф. Багалеем и Маяковским о получении от них очерка архивной жизни на Украине»⁶³.

В ноябре 1922 г. постановлением редакционно-издательской коллегии в состав вып. 2 были включены обзор деятельности Петроградского отделения Центрархива и центральных петроградских архивохранилищ, а также обзорная статья «Летопись архивной жизни провинции за 1921 г.» Подготовка этих материалов возлагалась на орготдел⁶⁴.

2 апреля 1923 г. на заседании научно-теоретической коллегии⁶⁵ секретарь журнала Сергеев доложил проект содержания вып. 2, который был одобрен. В начале выпуска предполагались работы: «Долговечны ли наши архивы?» А. А. Гераклитова, «Архивная выставка и пропаганда в защиту документа» С. А. Аннинского, «Поверочная и разборочная комиссия» С. К. Богоявленского, «Архив и регистратура» Н. В. Русинова. Раздел «Хроника архивной жизни» включал в себя следующие материалы⁶⁶: «Архивные курсы в Москве зимой 1922—1923 гг.», «Выставка памяти моряков-декабристов в Петербурге», «Архивный музей в Петербурге», «Четыре юбилея», «Работы комиссии по изучению Достоевского и Чехова», «Съезд польских историков-архивистов», «Истпартовский архив в Литве», «К празднованию 5-летнего юбилея архивной реформы в России» и некролог А. Н. Савина. Библиография была представлена работами Бельчикова («Вопросы краеведения», вып. 1), Гераклитова («Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины». Тверь, 1923), Егорова («Смирнов. Архивы на Западе»⁶⁷), Пичеты («Архивное дело на Кубани», «Польские инвентари»), Сергеева (Пичета В. И. «Введение в русскую историю». М., Пг., 1923; Муратов М. В. «Духоборы в Сибири»⁶⁸).

Большинство вышеизложенных предположений осталось нереализованным. Во вторую книжку журнала из названных работ вошла статья Гераклитова «Долговечны ли наши архивы?». Статья Шереметевского

⁶⁰ Краеведение, 1923, вып. 1, с. 203.

⁶¹ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 306, л. 57.

⁶² Там же, д. 505, л. 6.

⁶³ Там же, д. 288, л. 68. Очевидно, имелся в виду украинский архивист В. В. Мияковский.

⁶⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 306, л. 85.

⁶⁵ Там же, д. 288, л. 101—102. Присутствовали М. М. Богословский, В. И. Пичета, Н. Ф. Бельчиков, С. К. Богоявленский, И. А. Голубов, А. А. Сергеев.

⁶⁶ Поскольку авторы в документе не указаны, можно предположить, что в этот раздел должны были войти неподписанные информационные заметки.

⁶⁷ Скорее всего, имелось в виду издание: Смирнов А. И. Очерки по истории архивного дела. Ярославль, 1922. Ч. 1. Записки лекций автора, изданные студентами Ярославского отделения Моск. археол. ин-та. Вып. 1. На правах рукописи.

⁶⁸ Очевидно, подразумевалась работа М. В. Муратова «Духоборцы в Восточной Сибири в первой половине XIX в.» (Иркутск, 1923).

была напечатана в первом выпуске «Архивного дела»⁶⁹. Позднее были опубликованы статьи Богоявленского⁷⁰ и Русинова⁷¹.

Пока не удалось выяснить, о какой статье Любавского шла речь на заседании 9 мая 1922 г.; в протоколе ее название не дано. Возможно, имелась в виду статья «Московский исторический архив»⁷². Но не исключено, что на заседании говорилось о работе Любавского «Деятельность Московского областного управления архивным делом», оставшейся неопубликованной (об этом будет сказано ниже).

В конце 1922 г. уже велась работа и над третьим выпуском журнала. Он планировался как юбилейный, посвященный 5-летию декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». Самым ранним указанием на подготовку этого номера является обнаруженное среди документов Центрархива письмо редакции «Архивного дела» к Гераклитову от 12 декабря 1922 г., содержащее просьбу «дать для указанного выпуска небольшой очерк из жизни и деятельности архивов в Саратовском крае за 1918—1922 гг.»⁷³.

Известен и состав юбилейного номера, каким он был представлен Сергеевым на уже упоминавшемся заседании 2 апреля 1923 г. В основном разделе, открывавшем выпуск, названы работы Д. Б. Рязанова «Ход реформы архивного дела», С. Ф. Платонова «Реформа архивного управления в 1918 г.», Любавского «Деятельность Московского областного управления архивным делом», Пичеты «История учреждения ЕГАФ за 5 лет», В. К. Клейна «Состояние ЕГАФ за 5 лет», А. Е. Преснякова «История реформы в Петербурге», Николаева «История реформы (по протоколам совещаний управляющих)»⁷⁴, П. Е. Щеголева «Реформы архивов (страницы воспоминаний)», Покровского «Архив и история». Раздел «Провинция» включал работы Гераклитова «Саратовские архивы за 5 лет», Н. Ф. Малицкого «Владимирские архивы», Маяковского⁷⁵ «Киевские архивы» и Пичеты «Минские архивы». В последнем разделе — «Юбилей» — планировалось поместить материалы, посвященные С. Ф. Платонову, А. Е. Преснякову и С. Д. Яхонтову⁷⁶.

Юбилейному номеру журнала не суждено было выйти в свет, поскольку (по неизвестным для нас причинам) коллегия Центрархива 16 ноября 1923 г. отменила празднование пятилетия архивной реформы⁷⁷. Впоследствии к 10-летию реорганизации и централизации архивного дела также была предусмотрена подготовка специального выпуска журнала⁷⁸. Предполагалось использовать часть материалов, подготовленных к предыдущему, пятилетнему юбилею. 14 мая 1928 г. ответственный секретарь «Архивного дела» Сергеев писал ответственному редактору журнала Максакову: «У нас есть статьи — 1) Преснякова, 2) Платонова, 3) Любавского о первых месяцах реформы. По-моему, авторов надо попросить посмотреть эти статьи вновь»⁷⁹. К сожалению, и это начинание осталось нереализованным. Тем более важной становится задача поиска неизданных работ видных историков и архивистов.

⁶⁹ Имеем в виду статью «Из семинария по архивоведению». Работа В. В. Шереметевского «Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии» (АД, 1925, вып. 2, с. 52—59), судя по содержанию, написана позднее.

⁷⁰ *Богоявленский С. К.* Работа поверочной и разборочной комиссий.— АД, 1926, вып. 5—6, с. 68—83.

⁷¹ *Русинов Н. В.* Регистратура и архив.— АД, 1926, вып. 7, с. 10—20; вып. 8/9, с. 26—35.

⁷² АД, 1925, вып. 2, с. 69—71. Вторая его статья «К вопросу о недроблении архивных фондов» (АД, 1926, вып. 5/6, с. 62—67), судя по содержанию, написана не ранее 1925 г.

⁷³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 306, л. 94.

⁷⁴ Очевидно, имелось в виду Совещание управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ.

⁷⁵ Скорее всего, допущена неточность. Очевидно, автор В. В. Мияковский.

⁷⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 288, л. 103.

⁷⁷ Там же, д. 367, л. 81об.

⁷⁸ Там же, д. 1445, л. 6об.— 7.

⁷⁹ ААН, ф. 1646, оп. 1, д. 1711, л. 42.

Как отмечалось в отчете Центрархива за 1918—1925 гг., второй выпуск «Архивного дела» вышел «в свет в первой четверти 1925 года, когда потребность в освещении теоретических и практических вопросов в печати сделалась особенно настойчивой»⁸⁰. О назревшей потребности в журнале свидетельствуют и материалы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР, состоявшегося в марте 1925 г. Видный ленинградский архивист Николаев, выступая на съезде, говорил: «У нас есть бесконечное количество наболевших вопросов, и это бесконечное количество наболевших вопросов нам приходится лишь в редких случаях выносить на общее обсуждение. Мы оторваны друг от друга. Что вы делаете на местах? Что делается в Москве? Что делается в Ленинграде? Мы не знаем, ибо у нас нет органа, при помощи которого мы могли бы общаться... Нам нужен журнал, который выходит не в 3 года 2 раза, а по крайней мере два раза в один год, чтобы там была широкая и большая хроника, в которой отражалось бы все, что есть в нашем деле сильного. Управление непременно организует большой текущий журнал, в котором мы найдем источник постоянного общения по многим теоретическим и практическим вопросам, ибо если мы сами не будем познавать и не сможем передать грядущим поколениям наши знания, то наша созидательная работа будет слаба и поверхностна»⁸¹.

Максаков в своем заключительном слове, объясняя перерыв в издании журнала, отметил, что «тут много причин и хозяйственно-технического характера и отсутствие работников для этого дела». Журнал должен отражать потребности «революционного архива», помогать своими материалами молодым кадрам, «которые еще не знакомы с азбукой архивного дела. Теперь у нас есть постановление, чтобы этот журнал выходил через каждые 3 месяца обязательно; 4 книжки в год вы будете получать»⁸². Выступление Максакова позволяет предположительно конкретизировать причины перерыва в издании: объективные технические трудности (типография, бумага и др.) и поиски «лица» журнала, в наибольшей степени отвечавшего потребностям советского архивного строительства.

В резолюции съезда по докладу Максакова «О деятельности Центрархива РСФСР» указывалось: «Ощущаемая на местах потребность в общем научно-архивном руководстве, в широкой информации о деятельности Центрархива и его органов и соприкасающихся с архивами научных учреждений, а также необходимость разработки вопросов, вытекающих из повседневной архивной практики, должна быть удовлетворена регулярным выпуском в свет специального архивно-научного журнала «Архивное дело» (не реже 4 книг в год), информационного бюллетеня и разного рода справочников по архивному делу. К участию в журнале „Архивное дело“ должны быть привлечены работники мест»⁸³.

Материалы съезда показывают, насколько ясно осознавалась необходимость журнала самими архивистами и руководством Центрархива, какой представлялась его роль в советском архивном строительстве. Решения съезда оказали серьезное влияние на дальнейшее издание «Архивного дела».

Как уже говорилось, ответственным редактором первого выпуска «Архивного дела» был назначен Богословский. Очевидно, под его редакцией и вышла первая книжка; иных сведений на этот счет в источниках не обнаружено. В дальнейшем (по август 1923 г.) подготовка второго номера велась под руководством редакционно-издательской коллегии в составе Адоратского, Бельчикова, Максакова, Пичеты, Полонского и Фриче. Коллегия из своего состава сформировала рабочий орган — издательский комитет, в который вошли Максаков, Полонский и Фриче.

⁸⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 14 доп., л. 76.

⁸¹ Протоколы первого съезда архивных деятелей РСФСР, 14—19 марта 1925 г. М.; Л., 1926, с. 194.

⁸² Там же, с. 211.

⁸³ Там же, с. 300.

Поскольку на Полонском и Фриче лежала значительная работа по изданию «Красного архива», можно с большой долей вероятности предположить, что руководство подготовкой «Архивного дела» осуществлял Максаков. Активное участие в этой деятельности принимала и научно-теоретическая коллегия. Так как издательского отдела как самостоятельного подразделения управления Центрархива в то время еще не существовало, все текущие редакционно-издательские дела выполнялись сотрудниками научно-теоретического отдела, в составе которого была редакционно-издательская часть, и культурно-исторической секцией ЕГАФ «по плану и заданиям редакционно-издательской коллегии»⁸⁴.

Ответственным секретарем журнала 6 февраля 1923 г. был назначен А. А. Сергеев⁸⁵, представителем «Архивного дела» в Петрограде в августе 1923 г. стал М. С. Вишневецкий, одновременно представлявший и «Красный архив»⁸⁶.

Постановлением коллегии Центрархива от 31 августа 1923 г. редакционно-издательская коллегия была преобразована в редакционно-издательский комитет в составе В. М. Фриче (председателя), С. М. Дубровского, В. В. Максакова и К. Г. Котельникова (секретаря)⁸⁷. На заседании комитета 20 ноября 1924 г. была официально утверждена редакционная коллегия «Архивного дела». В нее вошли В. В. Максаков, М. М. Константинов (заведующий орготделом управления Центрархива) и А. А. Сергеев⁸⁸. 10 ноября 1925 г. вместо уволившегося из Центрархива Константинова в редколлегию был введен Вишневецкий⁸⁹.

В таком составе редколлегия работала на протяжении 1920-х годов. Бессменным ответственным редактором был Максаков. Громадную работу по изданию «Архивного дела» вел ответственный секретарь журнала Сергеев. Его письма к Максакову за 1926—1928 гг., обнаруженные в фонде последнего⁹⁰, касаются вопросов отбора и приема материалов для журнала, их редактирования, корректуры и рецензирования, согласования тех или иных поправок и изменений, выплаты гонораров, размещения статей в номерах журнала, набора, выбора шрифтов и многих других. Следует учитывать, что Сергеев был и ответственным секретарем журнала «Красный архив».

С 1925 г. издание журнала принимает все более регулярный характер. Постановлением коллегии Центрархива от 31 марта 1925 г. редакционно-издательскому комитету было поручено срочно разработать план ближайших номеров «Архивного дела», причем третий выпуск «решено посвятить работам съезда» (архивных деятелей)⁹¹.

4 июля 1925 г. научно-организационная коллегия Центрархива⁹² рассмотрела программу журнала, разработанную его редколлекцией⁹³. В ходе обсуждения этого вопроса «Архивное дело» фигурирует как сборник, следовательно, вопрос о типе издания — повременном или периодическом — окончательно еще не был решен.

⁸⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 488, л. 132 об.

⁸⁵ Там же, д. 302, л. 45.

⁸⁶ Там же, д. 477, л. 84.

⁸⁷ Там же, д. 367, л. 70 об.; д. 488, л. 132 об.

⁸⁸ Там же, д. 661, л. 20.

⁸⁹ Бюллетень Центрархива РСФСР, 1925, № 28, с. 4. В самом журнале состав редколлегии стал указываться с вып. 7 за 1926 г. В вып. 8/9 за 1926 г. впервые указан ответственный редактор — В. В. Максаков. На этом же заседании коллегии Центрархива был расширен состав редакционно-издательского комитета, в который вошли В. В. Адоратский, С. М. Антонова, С. М. Дубровский, Ф. Н. Дрabbкина, В. В. Максаков, В. Л. Меллер, И. Г. Тоболин, В. М. Фриче и А. В. Шестаков.

⁹⁰ ААН, ф. 1646, оп. 1, д. 1711.

⁹¹ Бюллетень Центрархива РСФСР, 1925, № 13, с. 2.

⁹² В феврале 1925 г. научно-теоретическая коллегия была переименована в научно-организационную коллегия. Такое название было «более правильное, т. к. основная масса вопросов, подлежащих ведению коллегии, носит научно-организационный характер» (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 635, л. 1-1об).

⁹³ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 887, л. 34—34 об. Присутствовали В. В. Максаков (председатель), М. С. Вишневецкий, М. М. Константинов и по приглашению Б. И. Анфилов, И. А. Голубцов, М. К. Любавский.

Докладчик Максаков сообщил, что в связи с подготовкой пятого выпуска редколлегии наметила общую программу издания, «а именно: в каждом сборнике предполагается иметь две части. 1-я часть должна заключать в себе принципиальные руководящие статьи, небольшие статьи методического характера и популярные очерки по вопросам архивной техники, рассчитанные главным образом, на новых и мало еще опытных провинциальных архивных работников. Кроме того, редколлегия считает необходимым для этой группы работников дать ряд очерков с характеристикой губернских архивных фондов, имеющих целью ознакомить т[оварищей], работающих на местах, с научным и практическим значением вверенных им архивных фондов. 2-я часть сборника должна заключать в себе: архивную хронику РСФСР, СССР и заграницы и библиографию, делящуюся в свою очередь на 2 раздела: на библиографию книг по вопросам архивного дела и на библиографию различных изданий документов, исследований, построенных на архивных материалах и т. п. с краткими рецензиями»⁹⁴.

Выступивший после докладчика Константинов высказался за необходимость публикации в каждом номере теоретических статей. Любавский поддержал идею относительно очерков о губернских архивных фондах и предложил иллюстрировать очерки конкретными документами. Наряду с этим он счел нежелательным смешивать данный раздел с популярными очерками по архивоведению. Голубцов рекомендовал давать популярные статьи в виде приложений к сборникам. Максаков по этому поводу указал, что редколлегия также находит нецелесообразным смешивать популярные статьи с работами серьезного научного характера.

В целом предложенная на рассмотрение научно-организационной коллегии программа была одобрена. Анализ структуры вышедших позднее (1925—1929 гг.) номеров журнала⁹⁵ показывает, что эта программа не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. Журнал освещал наиболее важные, актуальные теоретические и практические проблемы советского архивоведения, широко пропагандировал передовой отечественный и зарубежный опыт архивной работы, способствовал обмену информацией между центральными и местными учреждениями, знакомил читателей с выходящей в стране и за рубежом архивоведческой литературой.

⁹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 9, д. 887, л. 34—34 об.

⁹⁵ Во всех изученных нами архивных документах после 1925 г. «Архивное дело» фигурирует уже как журнал. В пользу этого говорят и некоторые типические признаки издания — довольно строгая периодичность и характер содержания, свойственный журнальной периодике.

О. Э. Богданова

АРХИВЫ НАРКОМАТОВ И ЦЕНТРАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹

Все дальше в прошлое уходят тяжелые годы войны, все меньше остается в живых непосредственных участников тех лет, а интерес историков к этому времени не ослабевает. Имеется обширная историография Великой Отечественной войны. Источниковой базой для нее явились прежде всего документы военных лет. Для сбора их в годы войны создавались в различных организациях и учреждениях специальные комиссии, секторы, отделы. Обширный круг источников, главным образом личного происхождения, был собран Комиссией по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР, образованной в декабре 1941 г.² Были созданы специальные отделы документов Отечественной войны в ряде центральных государственных архивов. Так, в ноябре 1941 г. такой отдел был образован в архиве Красной Армии, в мае 1942 г. — в архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, в начале 1943 г. — в Литературном архиве³.

Основной базой комплектования государственных архивов являются документы учреждений, организаций и предприятий. Промежуточное звено в хранении документов между текущим делопроизводством и государственным архивом — ведомственные архивы. От их деятельности во многом зависит наличие полноценной источниковой базы по истории нашего общества. Особое значение имеют архивы центральных органов власти и управления государством, в документах которых отражаются почти все стороны состояния народного хозяйства страны и руководства им.

Имеющиеся в настоящее время в советском архивоведении работы (учебные пособия, подготовленные кафедрой истории и организации архивного дела МГИАИ) основное внимание уделяют изучению организационно-нормативных документов и законодательных актов о ведомственных архивах. До сих пор отсутствуют специальные исследования, посвященные анализу состояния, организационного построения, направлений работы, обеспеченности кадрами, методическими пособиями, хранилищами ведомственных архивов. Настоящая статья — одна из первых попыток в этом направлении.

Объектом исследования являются архивы наркоматов и других центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны, которая стала испытанием, проверкой на прочность для всего государственного аппарата страны, и ее архивной службы в том числе.

Создаваемые в ведомствах в военные годы документы, объединяемые понятием «архив архива», т. е. всевозможные справки, учетные документы, перечни, планы и отчеты о работе, докладные записки, акты и т. п.,

¹ В основу статьи положен доклад на конференции МГИАИ, посвященной 60-летию Ленинского декрета по архивному делу, в сентябре 1978 г., частично отраженный в статье автора «Ведомственные архивы в годы войны 1941—1945 гг.» (В кн.: Актуальные проблемы советского архивоведения: Сб. статей. М., 1980, вып. 2. Ротапринт).

² Самсонов А. М. Вклад историков АН СССР в изучение проблем Великой Отечественной войны. — Вестник Академии наук СССР, 1981, № 9; Курносоев А. А. Воспоминания — интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: (Организация и методика собирания). — АЕ за 1973 год. М., 1974; и др.

³ Максаков В. В. Архивы и архивное дело в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — ВА, 1961, № 2, с. 4.

до наших дней, к сожалению, не дошли⁴. Основным источником для изучения избранной темы нам послужили документы органов архивного управления, осуществлявших организационно-методическое руководство архивами центральных ведомств. Это прежде всего планы, отчеты, докладные записки, справки о работе отделений Организационно-методического отдела Управления государственными архивами (УГА, в дальнейшем ГАУ) НКВД СССР и материалы конференций, совещаний, встреч, проводимых работниками органов архивного управления с сотрудниками центральных ведомственных архивов, а также документы, присылаемые из учреждений по их запросам (копии приказов, распоряжений и др.).

Бурный рост промышленности, коллективизация сельского хозяйства, развитие авиации, морского и речного флотов, расширение сети автомобильных и шоссейных дорог и другие направления деятельности Советского правительства по развитию народного хозяйства привели к тому, что к началу войны Советский Союз стал государством со сложившейся мощной социалистической экономикой.

Определенное значение в укреплении оборонной мощи страны и развитии отдельных отраслей народного хозяйства имели мероприятия, проведенные в предвоенные годы по улучшению системы управления промышленностью и созданию новых наркоматов. Так, в 1941 г. промышленностью страны руководили уже не 6 наркоматов, как это было в 1937 г. а 21 наркомат. Разукрупнение наркоматов способствовало проведению более четкого и оперативного руководства производством в годы войны, обеспечивая слаженную работу всего народного хозяйства в трудных условиях военного времени.

В 30-е годы правительством и центральными органами архивного управления был принят ряд мер по обеспечению сохранности документов, создаваемых в деятельности учреждений, организаций и предприятий. На основании постановления ЦИК и СНК СССР от 5 февраля 1936 г. «Об упорядочении архивного дела в наркоматах и центральных учреждениях СССР»⁵ в каждом ведомстве союзного значения создавался на правах самостоятельного структурного подразделения архив.

К началу 1941 г., по неполным данным, в архивах наркоматов и других центральных учреждений хранилось 13 300 тыс. дел общего делопроизводства и 6500 тыс. дел технической документации⁶. Эти цифры включали как дела, образовавшиеся в результате деятельности структурных подразделений самого учреждения, так и дела подведомственных ему учреждений и организаций, расположенных в г. Москве или ликвидированных без права передачи.

Война потребовала перестройки работы всего государственного аппарата, новые неотложные задачи поставила она и перед архивами центральных ведомств. Одной из основных задач была подготовка документов к эвакуации в тыл страны. Для ее выполнения необходимо было срочно освободить архивы от документов, не имевших научно-исторического значения и утративших хозяйственно-практическую ценность. УГА НКВД СССР была разработана специальная инструкция, которая давала широкие права членам экспертных комиссий ведомств по выделению документов к уничтожению. «Инструкция по выделению документальных материалов, не подлежащих хранению в архивах наркоматов, учреждений, организаций и предприятий, расположенных на территории, объявленной на военном положении» (утверждена заместителем наркома внутренних дел СССР 2 июля 1941 г.), не только разрешала выделять к уничтожению дела, срок хранения которых по утвержденным перечням документов со сроками их хранения еще не истек, но и отбирать для унич-

⁴ Вывод сделан на основании опроса сотрудников архивов и канцелярий ряда центральных ведомств и бесед с руководящими работниками ЦГАНХ СССР, в котором хранятся документы наркоматов и других центральных учреждений военных лет.

⁵ СЗ, 1936, № 7, ст. 57.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 810, л. 10об.

тожения документы из текущего делопроизводства, если «в дальнейшем эти дела в оперативно-справочных целях не потребуются»⁷.

Как видно из отчетов отделений Организационно-методического отдела УГА НКВД СССР за 1941 г., в результате работы, проведенной в ведомствах по разгрузке архивов от материалов, не подлежащих дальнейшему хранению, было выделено к уничтожению около 3 млн. дел⁸. Обстоятельства военного времени требовали оперативности в выполнении этой работы.

«Переброска в кратчайший срок тысяч заводов и фабрик на восток была трудовым подвигом громадного значения для сохранения оборонной мощи страны»⁹. Работниками ведомственных архивов в июле — сентябре 1941 г. была проведена чрезвычайно сложная работа по отбору и упаковке документов, подлежащих эвакуации, перевозке и размещению их на новом месте. Всего из Москвы было отправлено осенью 1941 г. 1 161 284 дела, 2385 ящиков и 1120 мешков архивных документов¹⁰. В этот период УГА НКВД СССР разработало и разослало большое количество директивных писем: начальникам центральных ведомственных архивов, управляющим делами наркоматов, начальникам отделов государственных архивов. Цель их — организовать четкий учет документов всех действующих центральных учреждений, как эвакуированных, так и оставшихся в Москве. Особое внимание уделялось сохранности документов учреждений системы Наркомата обороны СССР. Органами центрального архивного управления было проведено специальное обследование состояния хранения в архиве фронтовых документов и разработаны предложения о мерах по их упорядочению и сохранности, о чем было сообщено руководству наркомата.

Вывозились, как правило, документы, наиболее важные и необходимые для использования в практической деятельности ведомства. В Москве наркоматами и центральными ведомствами СССР и РСФСР было оставлено 608 299 дел, 170 мешков, 50 пудов и 25 ящиков архивных документов¹¹.

В ноябре-декабре 1941 г. сотрудниками УГА НКВД СССР была осуществлена большая и кропотливая работа по определению количества вывезенных и оставленных в Москве документов ведомств, установлению местонахождения эвакуированных архивов, контролю за их состоянием и деятельностью. Рассылались письменные запросы, проводились обследования на местах. За это время были собраны сведения о 63 ведомственных архивах, обследовано 40 архивов наркоматов и других центральных ведомств, в том числе 28 эвакуированных¹².

При обследовании давались необходимые рекомендации и разъяснения об охране документов, наиболее рациональном их размещении и особенностях работы ведомственных архивов в условиях войны. В мае 1942 г. в Москве, Казани и Саратове состоялась кустовые совещания работников управлений делами и архивов центральных учреждений СССР и РСФСР. На них были подведены итоги работы ведомственных архивов за 11 месяцев войны и намечены задачи на ближайшее будущее. В частности было принято решение о мерах по восстановлению неправильно уничтоженных документов. Кроме того, намечалось укрепить архивы кадрами, организовать между ведомственными архивами соревнование¹³.

⁷ Там же, д. 821, л. 2.

⁸ Там же, д. 900, л. 41.

⁹ Тридцатилетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне: Документы и материалы. М., 1975, с. 19—20.

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 900, л. 42. Сведений о количестве дел, помещавшихся в одном мешке или ящике, не обнаружено. На совещании работников архивов наркоматов и центральных учреждений в сентябре 1945 г. заместитель начальника организационно-инспекторского отдела ГАУ И. П. Козлитин назвал следующую цифру вывезенных из Москвы осенью 1941 г. архивных документов — 2 273 721 дело (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 2048, л. 3 об.).

¹¹ Там же, д. 900, л. 42.

¹² Там же.

¹³ Там же, д. 1321, л. 19—45.

Решения московского совещания были разосланы за подписью заместителя наркома внутренних дел СССР всем центральным учреждениям СССР и РСФСР и начальникам архивных отделов.

Большое значение имело проведенное в июне 1942 г. УГА НКВД СССР первое совещание работников ведомственных архивов, хранящих фото- и кинодокументы. Оно положило начало руководству центральных органов архивного управления этими архивами.

На всех названных совещаниях большое внимание уделялось вопросам сохранности и сбора документов, создающихся в годы войны. Кроме того, вопросы собирания, особого учета и концентрации в ведомственных архивах всех категорий документов Отечественной войны, и в первую очередь документов, образующихся на фронтах, рассматривало совещание руководящих работников архивов наркоматов и других центральных учреждений 15–16 июня 1943 г.

Задачи архивов по сбору и сохранности документов Великой Отечественной войны были рассмотрены в специальном докладе на конференции историков-архивистов СССР в июне 1943 г. В принятой по докладу резолюции говорилось об этой работе как о деле большой государственной важности¹⁴. Этому же вопросу посвящен ряд циркулярных указаний и инструктивных писем УГА НКВД СССР о задачах архивов и экспертных комиссий наркоматов и других учреждений, организаций и предприятий СССР¹⁵.

В 1942–1943 гг. почти всеми центральными учреждениями страны были изданы специальные приказы о работе ведомственных архивов в условиях войны. В приказах определялся круг мероприятий, необходимых для организации правильного хранения законченных делопроизводством секретных, технических и общих документов как самого ведомства, так и подчиненных ему учреждений. Внимание к этим архивам было в большой степени результатом значительной, кропотливой проверки состояния архивов и работы экспертных комиссий учреждений в условиях военного времени, проведенной сотрудниками УГА НКВД СССР. В приказах подчеркивалось, что отбор на хранение и уничтожение документов, создаваемых в годы войны, следует проводить только под руководством экспертно-поверочных комиссий отделов государственных архивов. Намечались меры по упорядочению состояния документальной части текущего делопроизводства как в центральном ведомстве, так и в учреждениях, предприятиях и организациях всей системы. Предлагалось взять на особый учет документы, эвакуированные из прифронтовой полосы.

Обеспечение сохранности документов прежде всего зависит от места и условий их хранения. Многие эвакуированные архивы центральных ведомств первоначально были размещены в неподходящих для этого местах: сырых подвалах, на баржах, в коридорах, в пакгаузах речных пристаней и даже, как, например, архив Наркомата угольной промышленности СССР, под открытым небом.

Более наглядное представление о хранении документов наркоматов и других центральных ведомств по состоянию на 1 ноября 1942 г. может дать таблица, составленная нами на основании справок работников Управления государственными архивами, обследовавших ряд учреждений СССР и РСФСР¹⁶.

Плохо были обеспечены ведомственные архивы (как эвакуированные, так и оставшиеся в Москве) кадрами: многие сотрудники ушли на фронт, а оставшиеся зачастую использовались в учреждении на других участках работы. В конце 1942 г. после решительного вмешательства УГА НКВД СССР положение заметно улучшилось: ряду архивов были выделены помещения, пригодные для хранения документов, и необходимое оборудо-

¹⁴ Резолюции конференции историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. М., 1943, с. 10–13.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 1501, л. 5.

¹⁶ Там же, д. 1326, л. 4–23.

Таблица

Наркомат или центральное ведомство	Местонахождение	Характеристика помещения	Количество дел	Состояние документов
Наркомат боеприпасов СССР	Челябинск	Сведений нет	Сведений нет	Неупорядоченное
Наркомат среднего машиностроения СССР	Челябинск Москва	Сырье полуподвальное Сырое, темное, с неисправной канализационной сетью; имеют доступ посторонние лица	60 тыс. Сведений нет	Неупорядоченное Беспорядочное, покрыты плесенью
Наркомат рыбной промышленности СССР	Астрахань, с сентября 1942 г. — Аральск Москва	Сведений нет	514 мешков (наиболее ценных) Сведений нет	Сведений нет Хаотическое
Наркомат по строительству СССР	Москва	Не приспособленное для хранения документов	То же	Хаотическое, постоянно подмокают
Наркомат юстиции СССР	Чкалов	Сведений нет	4300	Сведений нет
Наркомат заготовок СССР	Москва	Не обеспеченное охраной	Сведений нет	Хаотическое
Наркомат легкой промышленности СССР	Козьмодемьянск, с февраля 1942 г. — Москва	Не обеспечивающее сохранность документов	4500	Сведений нет
Наркомат лесной промышленности СССР	Владимир	В здании госпиталя, без надзора	21 714	То же
Наркомат лесной промышленности СССР	Киров	В структурных частях Наркомата	Большинство	Неучтенное, хаотическое
Наркомат минометного вооружения СССР	Москва	Не обеспеченное охраной, имеют доступ посторонние люди	Сведений нет	Неучтенное, хаотическое
Наркомат судостроительной промышленности СССР	Пенза	Приспособленное для хранения документов	То же	Неупорядоченное
Наркомат местной промышленности РСФСР	Москва	В структурных подразделениях наркомата	За 1941 г. 15 880	Сведений нет
Комитет по делам искусств при СНК СССР	Горький Уфа	Оборудованное, специальное	30 тыс.	Приведены в порядок Сведений нет
Центральный союз потребителей СССР и РСФСР	Томск Москва	На полу лестничной клетки здания, первоначально выделенного для наркомата	5620 6766	То же » » » »
Сельхозбанк СССР	Астрахань, затем Гурьев Москва Омск Москва	Сведений нет В помещении Наркомата внешней торговли СССР Сведений нет То же » В структурных частях Сельхозбанка, в шкафах	35 тыс. 117 045 Сведений нет За 1940—1941 гг.	Неупорядоченное

вание, отстранены от работы как несоответствующие своей должности начальники архивов в 30 наркоматах и центральных ведомствах СССР и РСФСР.

В целях повышения квалификации работников ведомственных архивов были организованы специальные месячные курсы, первые занятия на которых проходили с 16 ноября по 15 декабря 1942 г. Окончили курсы 25 человек¹⁷.

Проведенные УГА НКВД СССР обследования, совещания и другие мероприятия оказали большое влияние на улучшение работы архивов центральных ведомств. В ряде наркоматов был усилен контроль за ведением документальной части текущего делопроизводства, состоянием и работой архивов подведомственных учреждений. Так, например, архивом Наркомата черной металлургии СССР был установлен систематический контроль за ведением делопроизводства в центральном аппарате и учреждениях всей системы; серьезных результатов добился также и центральный архив Наркомата путей сообщения. Центральный архив Наркомата финансов СССР ввел в практику своей работы обсуждение результатов проведенных обследований на специальных инструктивных совещаниях секретарей и делопроизводителей¹⁸.

Немаловажную роль в усилении внимания ведомств к работе своих архивов и сохранности архивных документов, на наш взгляд, сыграло привлечение к ответственности лиц, допустивших незаконное уничтожение архивных документов. На основании проведенного прокуратурой РСФСР расследования Совнарком РСФСР наложил административные взыскания на руководителей (заместителей наркомов) ряда ведомств РСФСР¹⁹. Способствовало улучшению работы ведомственных архивов и социалистическое соревнование между ними.

Накануне войны в ведомственных архивах находилось большое количество документов с истекшими сроками хранения. Такое положение было обусловлено нехваткой помещений и значительным ростом количества учреждений и создаваемой ими документации. Сложные условия военного времени требовали усилить концентрацию документов в архивах ведомств. К сожалению, как свидетельствуют материалы обследований, проведенных работниками органов архивного управления, во многих центральных ведомствах документы военных лет хранились в структурных подразделениях в неупорядоченном состоянии.

На совещании начальников ведомственных архивов наркоматов и других центральных учреждений в июне 1943 г. было высказано серьезное беспокойство по поводу ухудшения обработки дел в годы войны. Отмечалось, что эвакуация и реэвакуация учреждений, изменение их структуры и функций, значительная смена состава работников существенно изменили ведение текущего делопроизводства. Поэтому появилась упрощенная обработка дел, которая в будущем отразится на качестве работ по использованию, учету и сохранности архивных документов. «Обработка неупорядоченных материалов,— предупреждал один из выступавших на совещании,— потребует от нашего государства во много раз больше сил и средств»²⁰. Стремясь обеспечить большую сохранность докумен-

¹⁷ Там же, д. 1321, л. 46.

¹⁸ Там же, д. 1501, л. 8—9.

¹⁹ В отчете о работе отделений Организационно-методического отдела УГА НКВД СССР за 1942 г. говорится: «Обследованием был выявлен целый ряд фактов уничтожения ценных документов и невыполнения наших указаний об эвакуации ведомственных архивов в глубь страны... В марте — апреле дело о виновных в огульном уничтожении документальных материалов Наркомата финансов РСФСР и Наркомата земледелия РСФСР было передано на рассмотрение Прокурора РСФСР. Дело об уничтожении архива Наркомата легкой промышленности РСФСР было передано в Совнарком РСФСР». На основании представленных прокуратурой материалов Совнарком РСФСР 4 января 1943 г. наложил административные взыскания на заместителей наркомов финансов, земледелия и легкой промышленности РСФСР (ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 1321, л. 44—45).

²⁰ Там же, д. 1501, л. 16.

тов, сотрудники ведомственных архивов порой принимали материалы в необработанном состоянии. Но в силу своих ограниченных возможностей часто затягивали приведение их в порядок на длительное время. Эта практика оказывала отрицательное влияние на состояние текущего делопроизводства в учреждениях, сводя на нет достигнутые ранее успехи в этой области.

По неполным данным, собранным сотрудниками ГАУ НКВД СССР в сентябре 1945 г., в 192 наркоматах и других центральных ведомствах СССР и РСФСР за период с 22 июня 1941 г. по 9 мая 1945 г. было создано около 3 млн. дел на бумажной основе. Из них было приведено полностью в порядок лишь около 300 тыс. дел. Причем примерно 415 тыс. дел в сентябре 1945 г. находилось в структурных подразделениях и в значительной своей части в неупорядоченном состоянии²¹.

С конца 1942 — начала 1943 г. работа архивов центральных ведомств нормализовалась. Была продолжена деятельность по созданию и переработке положений об архивах, ведомственных перечней документов с указанием сроков их хранения²² и по другим направлениям.

В ряде ведомств работа архивов находилась на весьма высоком уровне. По инициативе работников ведомственных архивов создавались методические пособия, организовывались занятия с сотрудниками, ведающими текущим делопроизводством, разъяснялся порядок сбора и сохранности документов. Так, например, по инициативе сотрудников архива Наркомата авиационной промышленности СССР не только проводились периодически общественные смотры состояния текущего делопроизводства, как в ряде других ведомств, но и была создана постоянно действующая Центральная комиссия по смотру за делопроизводством и хозяйственной работой канцелярий, управлений и секретарей отделов наркомата. Победители первого смотра были награждены крупными денежными премиями и значками «Отличник социалистического соревнования авиационной промышленности». Целый ряд интересных мероприятий по сбору, сохранности и приведению в порядок документов военных лет был разработан по инициативе архива в Наркомате легкой промышленности РСФСР²³.

Согласно требованиям центральных государственных органов архивного управления все архивы должны были составлять годовые планы и строить всю свою деятельность в соответствии с ними. К сожалению, имеющиеся документы не дают полного представления о состоянии работы по планированию и отчетности ведомственных архивов в годы войны. Анализируя циркулярные письма органов архивного управления ведомственным архивам, документы совещаний и конференций архивистов, приказы по наркоматам и другим центральным учреждениям, можно сделать вывод о том, что работа по планированию в архивах центральных ведомств в военные годы проводилась не всегда достаточно качественно.

В 1944 г. Главное архивное управление выдвинуло перед ведомственными архивами задачу составить перспективный план сдачи документов в государственный архив. Следует отметить, что работа ведомственных архивов в этом направлении имела важнейшее значение для решения вопросов комплектования Государственного архивного фонда СССР. Научный совет УГА НКВД СССР еще в августе 1943 г. указал на необходимость «к 1 марта 1944 г. разработать единый перспективный план комплектования центральных и местных государственных архивов»²⁴. На совещании руководителей работников архивов наркоматов и других центральных учреждений СССР и РСФСР, проходившем в июне 1944 г., был поставлен специальный доклад «Комплектование Государственного архивного фонда СССР и задачи центральных ведомственных архивов».

²¹ Стенограмма Совещания руководителей работников архивов наркоматов и других центральных учреждений СССР и РСФСР от 17—18 сентября 1945 г.— ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 2048, л. 7.

²² Там же, д. 1321, л. 47; д. 1695, л. 98.

²³ Там же, д. 2048, л. 13.

²⁴ Там же, д. 1539, л. 60.

В принятом решении, в частности, говорилось: «...б. Для составления пятилетнего плана комплектования центральных государственных архивов... ведомственным архивам представить в ГАУ НКВД СССР данные о количестве документальных материалов, подлежащих передаче в 1944—1948 гг. на постоянное хранение в центральные государственные архивы. 7. Всем ведомственным архивам составить перспективные планы передачи документальных материалов в центральные государственные архивы в сроки, согласованные с этими архивами»²⁵.

Таким образом, от качества работы по планированию в ведомственных архивах в большой степени зависело прогнозирование вопросов комплектования Государственного архивного фонда СССР. Следует сказать, что перспективные планы архивов центральных ведомств не могли быть достаточно точными из-за того, что в ведомствах находилось большое количество документов в неупорядоченном состоянии.

Ограниченными были и возможности государственных архивов. Всего за годы войны в государственные архивы поступило на хранение около 7,7 млн. дел²⁶.

Сотрудники архивов центральных органов управления народным хозяйством на своих совещаниях в 1943—1945 гг. ставили вопросы о подготовке квалифицированных кадров для архивов учреждений, в том числе о целесообразности возобновления работы Историко-архивного техникума; говорили о необходимости установить типовые штаты и структуру для архивов центральных ведомств; выступали с инициативой создания отраслевых государственных архивов: транспорта, связи, внешней политики СССР и др.²⁷

Необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны совещания руководителей архивов центральных ведомств государственными органами архивного управления проводились регулярно. На совещаниях подводились итоги деятельности ведомственных архивов за истекший период времени и определялись основные направления работы на будущее. В Организационно-методическом отделе УГА (в дальнейшем ГАУ) НКВД СССР в годы войны велась специальная контрольная картотека на архивы центральных ведомств. В ней отмечались сведения, отражающие состояние архивов как самих центральных учреждений, так и подведомственных им учреждений, организаций и предприятий. Велась в отделе также картотека на ведомственные архивы, хранящие кино- и фотодокументы.

Война потребовала от всей страны огромного напряжения сил, постоянного наращивания военной мощи, развития всех отраслей промышленности, обслуживающих армию и флот, создания новых образцов оружия, танков, самолетов, разработки новых залежей полезных ископаемых, строительных материалов и т. д. Особые трудности для нашей страны вызвала временная оккупация гитлеровцами наиболее развитых в промышленном отношении районов и массовое перемещение на восток большого количества предприятий всех отраслей народного хозяйства. В этих условиях от государственного аппарата требовалась особая четкость и оперативность в работе, умение находить внутренние резервы производства, всемерно использовать накопленный опыт прошлых лет. Следовательно, значительно возросла роль работы ведомственных архивов в области использования архивных документов. Об организации использования документов для нужд промышленности, транспорта и сельского хозяйства как одной из первоочередных задач деятельности ведомственных архивов говорилось уже на совещании начальников архивов наркоматов и других центральных учреждений 26 мая 1942 г.

²⁵ Там же, д. 1723, л. 193.

²⁶ Цапкин В. В. Вопросы комплектования Государственного архивного фонда в годы Великой Отечественной войны.— СА, 1974, № 1, с. 32.

²⁷ Стенограмма совещания руководящих работников архивов наркоматов и центральных учреждений СССР и РСФСР от 29—30 июля 1944 г.— ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 1723, л. 193.

В конце того же года УГА НКВД СССР было разослано в эти учреждения циркулярное письмо от 7 декабря 1942 г., в котором работникам ведомственных архивов рекомендовалось составить специальные обзоры документов с целью улучшения возможностей более полного использования архивных материалов в интересах обороны страны и развития народного хозяйства²⁸. Этому же вопросу был посвящен доклад на совещании работников ведомственных архивов в июне 1943 г., большое внимание ему было уделено и на совещаниях в июле 1944 г. и сентябре 1945 г.

Работа по использованию в ведомственных архивах велась в основном по двум направлениям: информация структурных подразделений учреждения о составе и содержании хранящихся в архиве документов и выявление документов по запросам своего и других учреждений. Традиционными формами использования архивных документов были: выдача архивных справок, подбор документов для работы исследователей в читальных залах и предоставление документов во временное пользование. Количество поступающих запросов и выявленных архивами документов с каждым годом увеличивалось. Так, 23 союзных и республиканских наркомата в 1943 г. получили 4703 запроса и выдали для использования 13 138 дел, а в 1944 г. они получили уже 10 296 запросов и выдали 23 101²⁹ дело. Примером того, как изменялся объем работ по использованию, может служить центральный архив Наркомата совхозов СССР. В 1940 г. архивом было выявлено по запросам 750 дел, в 1942 г.— 560, в 1943 г.— 1010, в 1944 г.— 3120, а только за первую половину 1945 г.— 2515 дел³⁰.

Помощь, которую оказывали ведомственные архивы народному хозяйству страны, была очень важна и выражалась во многих миллионах рублей экономии. Так, только за первое полугодие 1945 г. использование документов технических архивов Наркомата лесной промышленности СССР принесло нашей стране экономию в 8 413 600 руб.³¹, Наркомата пищевой промышленности СССР — около 7 млн. руб.

Архивы центральных ведомств стремились улучшить работу по использованию документов, совершенствовать ее формы, уменьшать сроки выполнения заявок на выявление документов, расширять круг учреждений, заинтересованных в информации о документах архива. На совещании работников архивов центральных ведомств, проходившем в июне 1944 г., в числе других мер было принято решение организовать издание бюллетеней о составе технических документов, хранящихся в ведомственных архивах, готовить списки документов по отдельным объектам, издавать технические справочники, альбомы типовых проектов и т. п.³²

В организации работы по использованию документов, как и во многих других направлениях деятельности ведомственных архивов, между архивами существовала большая разница. Например, архивы Наркомата внешней торговли СССР, Наркомата вооружения СССР, Наркомата земледелия СССР, Наркомата пищевой промышленности СССР, Наркомата финансов СССР и некоторых других оказывали своим учреждениям значительную помощь. Другие ведомственные архивы выявлением документов занимались мало. Особенно плохо была поставлена эта работа в наркоматах: тяжелого машиностроения СССР, текстильной промышленности СССР, легкой промышленности СССР и мясо-молочной промышленности СССР³³. Серьезным недостатком в организации работ по использованию документов, на наш взгляд, являлось отсутствие учета эффективности этой работы. Ведомственные архивы не были обеспечены методи-

²⁸ Там же, д. 1321, л. 46.

²⁹ В указанной статье (см. сноску 1 наст. ст.) ошибочно напечатана цифра 21 101 (с. 146).

³⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5325, оп. 10, д. 2048, л. 23.

³¹ Там же, л. 6. В указанной статье (см. сноску 1 наст. ст.) ошибочно напечатана цифра 841 тыс. (с. 147).

³² Там же, д. 1723, л. 196.

³³ Там же, л. 195.

ческими пособиями и рекомендациями, не проводилось обобщения и широкого обмена опытом работы между архивами центральных ведомств.

Проделанный анализ позволяет сделать общий вывод о том, что в годы войны, несмотря на очень трудные, порой почти невозможные для нормальной работы условия, в которых часто оказывались архивы наркоматов и других центральных учреждений, они проводили работу по сбору, учету и сохранности документов, контролировали состояние документальной части текущего делопроизводства, разрабатывали положения об архивах и ведомственные перечни документов со сроками их хранения, принимали меры по концентрации в архивохранилищах документов, создаваемых в текущем делопроизводстве, обработке документов и передаче их на хранение в государственные архивы, проводили определенную работу по планированию и отчетности. Большой вклад внесли архивы наркоматов и центральных ведомств в решение одной из важнейших задач, стоявших в тот период перед советским народом, — восстановление уничтоженных фашистами объектов национального достояния.

Серьезное внимание деятельности ведомственных архивов наркоматов и центральных учреждений в годы войны оказывали государственные органы архивного управления. Благодаря решительному вмешательству работников УГА НКВД СССР была предотвращена возможная гибель документов во многих ведомствах. Ими проводились проверки состояния архивов, принимались меры по обеспечению ведомственных архивов квалифицированными кадрами, помещениями, был организован учет архивов центральных ведомств СССР и РСФСР. Следует также подчеркнуть, что в годы Великой Отечественной войны государственными архивными органами регулярно созывались совещания руководящих работников ведомственных архивов, сотрудников канцелярий и других делопроизводственных служб центральных ведомств, на которых подводились итоги проделанной работы, вскрывались недостатки и причины их появления, определялись основные направления работы на будущее.

Вместе с тем следует сказать об имевшихся недостатках в организации работы с ведомственными архивами. Так, работники Управления государственными архивами в первые месяцы войны не проявили необходимой оперативности в рассмотрении отборочных списков и актов на выделяемые к уничтожению документы наркоматов и других центральных учреждений и в организации контроля за качеством проведения экспертизы ценности документов. Не сумели в рассматриваемый период оказать существенное влияние на ведение документальной части текущего делопроизводства в ведомствах и его упорядочение. Слабо была организована помощь ведомственным архивам в организации работ по всестороннему использованию документов в военных, народнохозяйственных и других целях. Не был обеспечен своевременный прием документов из ведомственных архивов на государственное хранение, что в значительной степени отразилось на обеспечении сохранности документов и деятельности ведомственных архивов в годы войны.

Следует особо подчеркнуть, что в годы войны в ряде архивов центральных органов управления народным хозяйством в нарушение существовавших правил и инструкций вошел в практику прием документов из структурных подразделений в необработанном виде. Это, по нашему мнению, явилось одной из причин снижения требовательности к оформлению и формированию дел в текущем делопроизводстве в последующие годы, с одной стороны, и затянувшейся на длительное время работы архивов по упорядочению принятых документов — с другой.

Таким образом, война явилась проверкой умения работать в исключительных условиях для сотрудников архивов наркоматов и других центральных учреждений, а для работников государственных органов архивного управления — контролировать и руководить их деятельностью. Она оказала определенное влияние на работу и состояние архивов центральных ведомств в последующие годы, что отразилось, в свою очередь, на комплектовании государственных архивов.

АРХЕОГРАФИЯ В ТРУДАХ П. А. КОЛЕСНИКОВА

В утверждении современной археографии как специальной исторической дисциплины, в более четком разграничении ее фундаментальных и прикладных аспектов существенную помощь может оказать рассмотрение роли археографических исследований и разработок в творчестве видных отечественных историков. Одним из них является доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки П. А. Колесников, к мнению которого внимательно относятся представители самых различных исторических школ.

Петр Андреевич Колесников родился и провел детские и юношеские годы на юге России. В 1920-х годах судьба привела его в далекую от отчего дома Вологодскую землю, здесь он остался на долгие десятилетия, прикипев душой к Русскому Северу.

Многие годы П. А. Колесников работал в органах системы народного образования и культуры. И повсюду: в сельской избе-читальне, в школе, в РОНО, куда бы ни приводил П. А. Колесникова жизненный путь, всегда в его руках были памятники письменности, документы, книги, требующие охраны, используемые в обучении, в краеведческих и методических разработках. П. А. Колесников довольно поздно встал на путь профессиональных научных занятий, однако многолетний опыт работы с документами позволил ему как бы миновать обычный для профессионала период ученичества, и уже самые ранние научные работы Петра Андреевича основаны на солидной источниковой базе центральных и местных архивохранилищ.

В творчестве П. А. Колесникова удачно сочетаются все направления археографической практики: выявление, описание и публикация источников. При этом и поиск, и описание, и издание памятников проявляются как единый связанный процесс. Особое внимание уделяется исследователем разработке и практическому применению в публикациях регест и таблиц. Десять лет назад П. А. Колесников подготовил к изданию двухтомник «Северная Русь» (Вологда, 1971—1973), куда включены как фрагменты полных текстов, так и концентрированные выдержки из документов кадастра XVII—XVIII вв. Широчайшее использование регестового и табличного методов позволило ученому добиться исключительной насыщенности в информационном отношении при сохранении всего наиболее существенного в документах и вместить все это в относительно небольшой объем двух книжек. «Северная Русь» справедливо считается настольной книгой всякого историка отечественного крестьянства. Метод табличной подачи информации был развит и усовершенствован Петром Андреевичем в следующей его книге «Северная деревня в XV — первой половине XIX века» (Вологда, 1976). С легкой руки П. А. Колесникова методика концентрированных изданий текстов ныне широко используется не только в Вологде, но и в ротационных публикациях академических учреждений.

Современная археография представляет собой сложное и многообразное явление. Все большее место в ней приобретают широкие начинания, немислимые без коллективного участия многих исполнителей. Научно-организационная деятельность П. А. Колесникова на археографической ниве столь же значительна и естественна, как и личные разработки и исследования. Примером коллективного труда, задуманного и воплощенного под руководством Петра Андреевича, является издание писцового мате-

риала XVI в. по северным уездам во всем, сохранившемся до наших дней объеме. Часть памятников (сотных выписей и аналогичных документов) была опубликована в соответствии с современными требованиями в составе сборников статей и материалов. Центральное место среди них занимает специальный том «Северного археографического сборника» (Вологда, 1972), посвященный исключительно изданию памятников писцового дела. В настоящее время подготовлен к печати и второй том, завершающий серию.

Характерной чертой П. А. Колесникова как руководителя археографических начинаний является редкое умение подбирать авторский коллектив и координировать работу отдельных участников. Заслуженный авторитет Петра Андреевича как исследователя обычно приводит ученых центральных учреждений к принятию предложений о кооперации. Содружество же специалистов центра и периферии дает быстрый и позитивный результат. Вместе с тем забота П. А. Колесникова о подготовке местных кадров, столь естественная для профессора-педагога, позволяет ему привлечь для участия в подготовке серьезных научных публикаций и совсем еще юных студентов (усилиями которых, кстати, и произведено издание ряда памятников писцового дела). Раннее введение студентов в науку, предпринятое при подготовке корпуса сотных выписей, принесло свои плоды, и сейчас уже можно говорить о складывании вполне самобытной школы вологодских историков-аграрников.

Силами студентов Вологодского пединститута в значительной мере осуществляются и полевые разработки в Вологодской области. П. А. Колесников стоит у самого истока вологодской полевой археографии не только в силу своих обязанностей председателя Северного отделения Археографической комиссии (координирующего полевые разыскания в Архангельской и Вологодской областях и Коми АССР), но и по своему непосредственному вкладу в подготовку студенческих экспедиций, проводящихся либо самостоятельно, либо в последние годы в кооперации с археографами Библиотеки Академии наук СССР.

Примечательным в работе вологодских археографов-полеводов является внимание к письменным памятникам нового и новейшего времени. Блестящим результатом усилий, в значительной мере студенческих, направленных и вдохновляемых участником Великой Отечественной войны П. А. Колесниковым, является томик, озаглавленный просто и скромно «Письма с фронта» (Вологда, 1979). Про этот сборник с полным правом можно сказать, что «эта книжка небольшая томов цремногих тяжелей». Редко какому периферийному изданию удастся положить начало целой традиции и приобрести размах всесоюзного масштаба. Именно с этого сборника, а, точнее, с поисковой работы студентов вологодских институтов, начались такие широкие мероприятия, как операция «Фронтное письмо», экспедиция «Летопись Великой Отечественной», проводящиеся ныне по решению ЦК ВЛКСМ. Нужно быть не только организатором науки, но и убежденным педагогом-воспитателем, чтобы направить археографические разработки (может быть, даже в ущерб личным творческим планам) в столь новое, непроторенное, но чрезвычайно важное, необходимое для молодого поколения патристически-воспитательное русло¹.

Многие археографические начинания П. А. Колесникова по сущности своей и по форме воплощения являются начинаниями пионерскими, не имевшими аналогий ранее. Особенно следует сказать об одном проекте, выношенном Петром Андреевичем и осуществляемом в настоящее время.

Север издавна называют сокровищницей старины, музеем под открытым небом. Общеизвестно, что почетное место в экспозициях и запанниках многих центральных музеев принадлежит памятникам, вывезен-

¹ Сейчас готовится второй сборник писем, включающий и послания фронтовикам. См. об этом: Яковлева Т. Прелюдия к уроку истории. — Комсомольская правда, 1983, 14 апр.

ным из северных пределов. Профессионалы-историки знают также, что и документальные памятники северных земель занимают видную долю в хранилищах ретроспективной информации. Однако что осталось на местах? Что еще не введено в научный оборот и может стать источником будущих разработок? Как обеспечить сохранность этих потенциальных источников? Как организовать наиболее рациональное использование их? И рождается проект: провести учет *всех* документов, рукописных и старопечатных книг, находящихся в фондах местных музеев. Привести в известность, открыть для использования ученым — это уже гарантия того, что не пропадут без вести уникальные тексты, не исчезнет без следа богатейшая культурная традиция, не угаснет свеча преемственности от прадедов к правнукам.

Предварительные поездки показали, что силами студентов в данном случае не обойтись, требуются квалифицированные археографы-«древники», специалисты высокой профессиональной подготовки. Следовательно, нужна кооперация, путь уже испытанный и надежный. Общественная археографическая группа, объединившая ученых Вологды, Ленинграда и Москвы, уже провела сплошное обследование местных музеев. Действительность превзошла самые радужные надежды. Не обзор, не маленький томик каталога, а целая серия будет посвящена публикации полученных результатов. Первые выпуски уже вышли в свет и с интересом встречены общественностью². На очереди следующие выпуски, а значит, и хлопоты, работа редактора, координатора и т. п. — снова повседневный труд организатора региональной археографии, ставший привычным для П. А. Колесникова.

П. А. Колесникову — 75. Трудно представить, что энергичный, деятельный Петр Андреевич начал отсчет уже четвертой четверти века. Эрудиция и широта интересов, умение выслушать собеседника и дар природного оратора, уважение к мнениям коллег и в то же время суровость, даже непримиримость к наукообразной, словесной эквилибристике. Эти, как и многие другие качества, делают П. А. Колесникова желанным участником научных коллективов, постоянным и активным организатором многих научных конференций. А доброта и щедрость души, русское хлебосошество, влюбленность в древнюю, но не стареющую Вологду с величественной Софией на Кремлевском холме, искренняя преданность неброской северной природе и истории превращают для каждого исследователя визит в Вологду не в протокольную обязанность, а в праздник для души и сердца³.

² Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель / Под ред. П. А. Колесникова. Вологда, 1982. Ч. 1. Рукописные книги; 1983. Ч. 2. Книги кириллической печати 1564—1825 гг.

³ Голошумов Е. Влюбленный в Русский Север. — Советская Россия, 1983, 17 марта.

И. Н. Лебедева

**В. Д. ЛИХАЧЕВА —
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУКОПИСНОЙ КНИГИ**

Первой исследовательской публикацией Веры Дмитриевны Лихачевой (1937—1981), изданной в 1961 г., была ее дипломная работа, защищенная на факультете истории искусства Института живописи, ваяния и зодчества им. И. Е. Репина, о греческом Четвероевангелии XI в. из собрания ГПБ. Последняя ее работа — монография об искусстве Византии — вышла посмертно в конце 1981 г.¹ Две эти работы разделены двумя десятилетиями.

Список трудов Веры Дмитриевны, подготовленных и изданных ею за эти 20 лет, насчитывает 70 названий. Из них 32 посвящены средневековой рукописной книге: греческой, древнерусской, болгарской, грузинской. Из четырех ее монографий две написаны специально о рукописях. Наконец, тема докторской диссертации Веры Дмитриевны — книжная графика Византии. Отсюда видно, какое значительное место в исследовательском творчестве В. Д. Лихачевой занимала рукописная книга, прежде всего греческие рукописи замечательных собраний Ленинграда и Москвы. Верой Дмитриевной введено в научный оборот, передатировано и переосмыслено большое число памятников средневековой книжности, в основном греческой. Но ее заслуга не ограничивается только этим. Вера Дмитриевна явилась подлинным новатором, сделав рукописную книгу предметом целостного изучения, применив к художественно оформленной рукописи метод лингвистического анализа и впервые в отечественной научной литературе создав цикл работ об искусстве рукописной книги.

Первая работа Веры Дмитриевны о греческом Четвероевангелии ГПБ (греч. 801) явилась в большой степени программной для ее будущей исследовательской деятельности. Она была посвящена греческой книге конца XI в., написанной в императорском скриптории Константинополя. И датировала, и локализовала книгу сама Вера Дмитриевна, будучи первой исследовательницей кодекса. Уже в этой первой работе проявились особенности методического подхода: рассмотрение художественно оформленного кодекса как единого целого, включающего текст, декор и миниатюры. Помимо традиционного для таких работ художественного анализа миниатюр, заставок и инициалов, Вера Дмитриевна рассматривает организацию листа рукописи, соотношение текста и полей, расположение строк на листе и форму начертания букв как органическую составную часть общего декора рукописи. И датировка, и локализация обоснованы палеографическими и искусствоведческими данными.

Надо отметить, что работе над рукописью ГПБ предшествовали занятия Веры Дмитриевны греческой палеографией у Е. Э. Гранстрем и греческим языком у А. И. Доватура. Хорошее знание языка, умение легко читать рукописный текст, владение литературой предмета обеспечили успех этой первой исследовательской работе: до настоящего времени выводы Веры Дмитриевны относительно рукописи ГПБ остаются в силе.

В 1961—1965 гг. В. Д. Лихачева проходила аспирантуру в Государственном Эрмитаже. Тема ее кандидатской диссертации «Иконографиче-

¹ Лихачева В. Д. Четвероевангелие XI в. в собрании Ленинградской публичной библиотеки — ВВ, XIX, 1961, с. 144—153; Она же. Искусство Византии IV—XV веков. Л., 1981.

ский канон и художественный стиль в палеологовской живописи Византии» не была связана непосредственно с рукописной книгой, но тем не менее Вера Дмитриевна продолжила заниматься рукописями не только греческими, но и грузинскими.

В 1964 г. БАН обратилась к В. Д. Лихачевой как к единственному в Ленинграде специалисту, работающему с греческими художественно оформленными рукописями, за консультацией по поводу редкой находки. При реставрации одной из старопечатных книг в БАН были обнаружены четыре небольших листа пергамента, вложенные между листами книги. Два из них оказались фрагментами греческой рукописи, написанной крупным унциалом V—VI вв., а два других содержали четыре миниатюры с греческими и грузинскими надписями. Результатом работы Веры Дмитриевны с этими двумя листами с миниатюрами явилась большая статья², в которой один лист был определен как фрагмент сирийской рукописи VI в., а другой — как фрагмент грузинской рукописи XI в.

После окончания аспирантуры В. Д. Лихачева стала преподавателем (в последующем доцентом и профессором) Института живописи, ваяния и зодчества им. И. Е. Репина. Читая курсы истории византийского и древнерусского искусства, Вера Дмитриевна наряду с изучением станкового искусства продолжала занятия над рукописной книгой. Предметом ее особенного внимания стали греческие рукописи XI в. Но в те же годы Вера Дмитриевна обратилась к изучению одной из самых замечательных художественно оформленных рукописных книг Древней Руси — Киевской Псалтири 1397 г.³ В. Д. Лихачева впервые в нашей литературе связала Киевскую Псалтирь 1397 г. с целой группой византийских псалтирей XI в., созданных в Константинополе, на основании сходства стилистических и иконографических черт. Но, отметив сходство, Вера Дмитриевна обратила внимание и на существенное отличие русской рукописи от греческих: если в греческих рукописях художественная целостность композиции листа достигается гармонией мелкого изящного письма и небольших разбросанных на полях иллюстраций, то в Киевской Псалтири четкий прямоугольный блок текста, написанного крупным литургическим унциалом, напротив, контрастирует со свободно разбросанными маргинальными миниатюрами.

Итогом многолетнего изучения греческих рукописей XI в. явилась обобщающая монография, посвященная искусству книги в Константинополе второй половины XI в.⁴ Это был первый в научной литературе труд такого рода⁵. Книга построена главным образом на материале рукописей отечественных собраний, а именно собраний Ленинграда, Москвы, Тбилиси, причем прежде всего на материале рукописей, введенных в оборот самой Верой Дмитриевной.

В предисловии к книге Вера Дмитриевна четко сформулировала свой метод изучения художественно оформленной рукописной книги как кодикологический, т. е. рассмотрение рукописи как единого целого, в котором все элементы органично связаны. Задачу книги автор определила как

² Лихачева В. Д. Два листа с сирийскими миниатюрами VI века и грузинскими XI века в собрании БАН.— *Byzantinoslavica*, XXVI, 1965.

³ Лихачева В. Д. Иконоборческие темы в миниатюрах Киевской Псалтири.— XIV Congrès International des Études Byzantines. Bucarest, 6—12 Sept. 1971: Résumés — Communications. Bucarest, 1971; Она же. Миниатюры Киевской Псалтири и их византийские источники.— В кн.: Книга и графика: Сб. в честь А. А. Сидорова. М., 1972, с. 38—47; Она же. Изображения иконоборцев и иконопочитателей на листах Киевской Псалтири.— В кн.: Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1974, сб. 2, с. 100—106.

⁴ Лихачева В. Д. Искусство книги. Константинополь. XI век. М., 1976.

⁵ Из обобщающих работ по истории художественно оформленной греческой рукописной книги XI в. можно назвать лишь исследование К. Вейцмана (*Weitzmann K.* Byzantine Miniature and Icon Painting in the Eleventh Century.— In: *Weitzmann K.* Studies in Classical and Byzantine Manuscript Illumination. Chicago, 1971, p. 271—281).

изучение особенностей связи этих основных элементов структуры книги — декора миниатюр и текста — в рукописях константинопольской школы второй половины XI в. XI век — период расцвета искусства рукописной книги, особенно в скрипториях столицы Византии. От этого периода сохранилось сравнительно большое число памятников, среди которых много датированных и локализуемых благодаря наличию записей писцов. Поэтому сам материал дает возможность по отношению к второй половине XI в. высунуть важнейшие вопросы, связанные с изготовлением книги, прежде всего вопрос о скрипториях, центрах переписки книг⁶.

Центральным вопросом, исследуемым в книге В. Д. Лихачевой, явилась деятельность двух главных константинопольских центров книгописания, императорского и Студийского (монастырского). Второй важный вопрос, который разрабатывается в книге В. Д. Лихачевой, — художественное оформление разных типов книг в зависимости от их содержания.

В первой главе книги «Искусство живописи в Константинополе второй половины XI века» книжная миниатюра рассматривается на фоне общего состояния византийского искусства как ведущая область художественного творчества в Византии этого времени, а декор рукописной книги как вполне оформившийся и сложившийся в своих основных особенностях. После этого автор переходит к рассмотрению деятельности двух константинопольских скрипториев. К палеографическим и кодикологическим данным рукописи, которые Ж. Иригуэн выделил как основные признаки для определения мастерской письма, Вера Дмитриевна прибавляет еще два признака: иконографические особенности миниатюр и их художественные особенности⁷.

Таким образом, тремя определяющими моментами для Веры Дмитриевны при отнесении ею рукописи к тому или иному скрипторию являются палеография, иконография и стиль. Признаки, которые свойственны рукописям, изготовленным в императорской мастерской письма, — это тщательность выделки пергамента (тонкость, белизна), каллиграфичность письма, широкие поля, большое число миниатюр (с наличием изображений членов царской семьи), наличие золота, пурпура, кобальта в миниатюрах, заставках, инициалах, богатство орнамента. Эти особенности подробно рассмотрены на трех рукописях из собраний Москвы и Ленинграда: Апостоле 1072 г. из библиотеки МГУ (№ 2280), Псалтири, выполненной около 1080 г., из собрания ГПБ (греч. 214) и уже упоминавшегося Четвероевангелия конца XI в. из того же собрания (греч. 801)⁸.

Заслуживает особого внимания анализ письма греческих рукописей этого периода как художественного явления. По мнению Веры Дмитриевны, само письмо рукописей императорского скриптория представляет собой своего рода орнаментальный мотив. Начертания отдельных букв, лигатуры — соединения нескольких букв в одно целое, знаки придыхания и ударения, образующие в сочетании с буквами сложные узоры, детали начинающих или оканчивающих строку букв, выносимые на поля и нарушающие тем самым четкий контур текста — все это создает живописное впечатление от целого листа.

⁶ Методика изучения центров переписки книг в средние века разработана прежде всего на материале палеографии латинской. Большую библиографию исследований западноевропейских скрипториев см. в кн.: *Veizin J. Les scriptoria d'Angers au XI siècle*. Paris, 1974. К изучению скрипториев византийских впервые обратился французский палеограф Ж. Иригуэн, который определил это направление исследований как важнейшую задачу науки о рукописных книгах (*Irigoin J. Pour une étude des centres de copie byzantins*. — *Scriptorium*, Bruxelles, 1958, t. XII, N 2, p. 208—227. См. также: *Фонкич Б. Л. Византийские скриптории*. — *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*, Wien, 1981, Bd. 31, S. 425—444.

⁷ *Лихачева В. Д. Искусство книги...*, с. 32—33.

⁸ Рукописи этого же скриптория предшествующего века изучены Ж. Иригуэном (*Irigoin J. Un groupe des manuscrits du scriptorium imperial (X siècle)*. — *Revue des études grecques*, 73. Paris, 1960).

Вторым крупным центром книгописания в Константинополе был знаменитый Студийский монастырь св. Иоанна Предтечи. Книгописной деятельностью этого монастыря посвящены две специальные монографии⁹. В настоящее время около трех десятков рукописных книг считаются происходящими из скриптория этого монастыря¹⁰.

Вера Дмитриевна исследует студийские рукописи второй половины XI в.: Псалтирь 1066 г., хранящаяся в Британском музее (Add. 19352), Евангелие Парижской Национальной библиотеки (græc. 74), написанное около того же времени, что и Лондонская Псалтирь, Лекционарий Афонского Дионисиева монастыря № 587 середины XI в. Эти рукописи интересны для исследовательницы не только сами по себе; в последующие века их миниатюры копируются в других странах. Вера Дмитриевна рассматривает две грузинские рукописи XII в. — так называемое второе Джручское и Гелатское Евангелия, хранящиеся в Институте рукописей им. акад. Кекелидзе АН ГССР (H 1667 и Q 908), а также Киевскую Псалтирь 1397 г. как иллюстрированные книги, созданные под влиянием студийских образцов. В отличие от Елеопулоса и ряда других исследователей, Вера Дмитриевна не считает знаменитую Хлудовскую Псалтирь IX в. созданием студийского скриптория (этого же мнения придерживается и Б. Л. Фонкич¹¹). Но зато к списку книг, написанных в Студийском монастыре в конце XI в., она добавляет еще два литургических свитка из ленинградских хранилищ: рукопись БАН (РАИК № 1) и рукопись ГПБ (греч. 672). Обе рукописи определены как студийские на основании иконографического анализа миниатюр. Иконография — главный отличительный признак студийских кодексов, по мнению Веры Дмитриевны. В миниатюрах студийских рукописей изображаются св. Иоанн Предтеча, патрон монастыря, св. Феодор Студит, сцена инвестиции.

Большой раздел книги посвящен связи искусства и обряда. Вера Дмитриевна рассматривает особенности художественного оформления литургических книг в зависимости от их содержания: Лекционариев, Псалтирей, Менологиев, свитков, содержащих тексты различных служб. В единстве изображения и текста ведущая роль принадлежит тексту, он является определяющим, миниатюра является комментарием, толкованием определенного текста.

Изданная сравнительно недавно, книга Веры Дмитриевны стала уже библиографической редкостью. Между тем в учебных курсах по истории византийской культуры и по греческой кодикологии эта книга является необходимым учебным пособием, поэтому правомерно поставить вопрос об ее переиздании.

1976 год явился переломным в работе Веры Дмитриевны. После издания такой значительной монографии, как «Искусство книги. Константинополь. XI век», в следующем же году издается еще одна книга, а еще через год была защищена докторская диссертация. И в эти же годы продолжалась подготовка монографии по истории искусства Византии.

В 1977 г. Вера Дмитриевна издала альбом византийской миниатюры в собраниях СССР¹². В альбоме воспроизведены миниатюры 15 рукописных кодексов IX—XV вв. из собраний Москвы и Ленинграда. Все рукописи воспроизведены в альбоме в разворот — впервые в изданиях такого рода разворот рукописи рассматривается как единая цельная композиция. В предисловии к альбому искусство византийской рукописной книги рассматривается в сопоставлении с книгой западной. Вера Дмитриевна

⁹ Ελεοπούλου Ν. Κ. Ἡ βιβλιοθήκη καὶ τὸ βιβλιογραφικὸν ἐργαστήριον τῆς μονῆς τοῦ Στουδίου. Ἀθήναι, 1967; Salucci B. La scuola calligrafica de monastero bizantina Studios. Messina; Firenze, 1973.

¹⁰ Фонкич Б. Л. Византийские скриптории..., с. 433—435.

¹¹ Там же, с. 435.

¹² Лизачева В. Д. Византийская миниатюра: Памятники византийской миниатюры IX—XV веков в собраниях Советского Союза. М., 1977.

сопоставляет прежде всего саму композицию рукописного листа, отмечая строгую четкость блока текста (без разделения строки на слова, без разделения текста на абзацы), органическую связь инициала и текста, отсутствие богатого орнаментального украшения на полях листа греческого кодекса в противоположность западноевропейскому.

Многолетняя работа Веры Дмитриевны над греческими рукописями разного времени позволила ей создать фундаментальный труд — докторскую диссертацию «Искусство книжной графики Византии», которую она блестяще защитила в 1978 г. в Институте им. Репина. Основная тема работы — история складывания основных принципов системы художественного оформления греческой рукописной книги, которых Вера Дмитриевна насчитывает четыре: органическое единство всех элементов декора; решение страницы и разворота как цельной композиции; связь декоративного оформления с почерком; применение разных почерков для разных частей текста, а также в зависимости от содержания текста. Метод работы — кодикологический анализ всей системы рукописного декора. Материал исследования — главным образом памятники из рукописных собраний СССР¹³.

В работе Веры Дмитриевны детально прослеживается, как система художественного оформления книги складывается на протяжении многих веков и достигает расцвета в Константинополе во второй половине XI в. Создание кодекса как единой композиции определяется не только художественными задачами, но миниатюры, декор и текст увязаны друг с другом прежде всего по содержанию. В этой единой композиции определяющим является текст, декор призван подчеркнуть какие-то его особенности; наконец, миниатюра является толкованием, комментарием к тексту. Докторская диссертация Веры Дмитриевны, как и остальные ее работы о рукописных книгах, выходит за пределы лишь греческой кодикологии, без учета ее наблюдений, выводов, метода невозможно изучение рукописной книги вообще, на каком бы языке она ни была создана.

В конце 1981 г. вышла из печати книга Веры Дмитриевны по истории византийского искусства¹⁴, сама Вера Дмитриевна этой книги уже не увидела. Черный переплет этой небольшой по формату книги (она издана в серии «Очерки истории и теории изобразительных искусств») украшен яркой иллюстрацией — воспроизведением миниатюры «Вознесение» из рукописи XII в. Это символично: искусство рукописной книги вошло органической частью в изложение общей истории византийского искусства.

Завершая этот краткий обзор цикла трудов В. Д. Лихачевой по искусству рукописной книги, автор этих строк вполне отдает себе отчет в том, что этот обзор заведомо не полон. Не отмечены в этом обзоре многочисленные рецензии Веры Дмитриевны на книги о рукописях греческих, грузинских, древнерусских, рецензии, по своему содержанию выходящие за пределы этого жанра (например, рецензия на книгу Спатаракиса о портрете в византийской иллюстрированной книге, озаглавленная: «Были ли портреты в византийском искусстве?»¹⁵). Не упомянуты ее работы о художественном оформлении Изборника Святослава 1073 г. и о болгарской рукописи XIV в., восходящей к студийскому образцу. Всесторонний анализ и оценка многочисленных исследований В. Д. Лихачевой — дело будущего. И не только потому, что не все ее труды изданы. Должно пройти какое-то время, чтобы можно было взглянуть на работы Веры Дмитриевны словно с некоторого расстояния. А пока — пока она живет в нашей памяти.

Рукописная книга занимала ведущее место не только в научных трудах Веры Дмитриевны. Она в своих учебных курсах в Институте

¹³ Лихачева В. Д. Искусство книжной графики Византии: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Л., 1977.

¹⁴ Лихачева В. Д. Искусство Византии IV—XV веков.

¹⁵ См.: ВВ, М., 1979. Т. 40.

им. Репина с увлечением рассказывала студентам о рукописях, демонстрируя подобранные с большим знанием предмета и вкусом слайды. Она щедро делилась тем, что знала и умела сама, и с коллегами, и со студентами. Руководимые ею студенты выбирали для курсовых и дипломных работ темы, связанные с греческими и древнерусскими рукописями ленинградских хранилищ. Вера Дмитриевна часто приводила своих студентов на экскурсии в Рукописный отдел БАН. Она сама проводила экскурсии, и сотрудники этого отдела с интересом слушали эти живые лекции. Вера Дмитриевна никогда не повторялась. Каждый раз, рассказывая об одной и той же рукописной книге, она находила в ней новые грани, новые параллели по сравнению с увиденным ею во время очередной поездки в Армению, Грузию или за границу.

Жизнь Веры Дмитриевны Лихачевой оборвалась на высшем подъеме ее творческих сил. Вера Дмитриевна была прилежной и настойчивой в изучении греческого языка и греческой палеографии, удачливой в выборе тем своих работ и в творческих находках, щедрой в общении с людьми, необычайно целеустремленной и собранной в работе. Она любила и понимала рукописную книгу, умела чувствовать неповторимую красоту и индивидуальность каждого изучаемого ею кодекса и передавать это ощущение другим.

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1982 ГОДА

А. И. Шкурко

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ В МУЗЕЯХ РСФСР. ОХРАНА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Выполняя решения XXV и XXVI съездов КПСС, постановлений партии и правительства по реализации законов СССР и РСФСР об охране и использовании памятников истории и культуры¹, государственные органы культуры, музеи, специальные реставрационные организации и учреждения за последние годы усилили работу по учету, сохранению и реставрации, использованию и пропаганде памятников. Музейный фонд РСФСР увеличился за десятую пятилетку более чем на 2 млн. предметов и достиг 22,5 млн. единиц хранения. Сеть музеев России выросла на четверть и охватывает 872 музея и филиала.

Документальные памятники составляют значительную часть музейного фонда Российской Федерации, насчитывая 3,5 млн. единиц хранения. Проблема обеспечения их сохранности и использования многогранна. Ее решение в условиях государственных музеев имеет (в отличие от архивов и библиотек) свои особенности.

Организационные основы обеспечения сохранности и использования письменных источников, хранящихся в государственных музеях, заложены в положениях об охране и использовании памятников истории и культуры, о ГАФ, о Музейном фонде Союза ССР, распорядительных, нормативных и инструктивных документах Главархива СССР, министерств культуры СССР и РСФСР.

В Положении о Музейном фонде Союза ССР записано: «Документальные материалы музеев и собранные ими документальные коллекции входят в состав Государственного архивного фонда СССР и подлежат учету в архивных учреждениях. Порядок хранения этих материалов и коллекций, перемещения их из музея в музей, систематизации, описания, использования и уничтожения их согласовывается Министерством культуры СССР, министерствами культуры союзных республик и другими министерствами, ведомствами и организациями, имеющими музеи, соответственно с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР и архивными управлениями при Советах Министров союзных республик»².

Согласно новому Положению о Государственном архивном фонде СССР³, документальные памятники, хранящиеся в музеях и библиотеках системы Министерства культуры СССР, причислены к «отраслевым государственным фондам», подлежащим учету, хранению, научному описанию и использованию по правилам Главархива СССР.

¹ Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1976; Закон РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1979.

² Положение о Музейном фонде Союза ССР. Утв. приказом министра культуры СССР от 26 июля 1965 г., № 273. М., 1966, с. 5.

³ Постановление Совета Министров СССР от 4 апреля 1980 г., № 274 об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР и Положения о Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. — Собрание постановлений Правительства СССР, М., 1980, № 10, ст. 71.

Вместе с тем письменные источники, хранящиеся в музеях, входят как неотъемлемая часть в состав Музейного фонда страны. В указателе «Личные архивные фонды в хранилищах СССР» (М., 1980. Т. 3) учтены фонды более 500 хранилищ, в том числе 150 музеев Российской Федерации. Еще до революции, когда архивное дело не было централизовано, старейшие музеи России имели крупные коллекции документальных памятников. Заслуживает внимания история комплектования фонда документальных памятников в Государственном ордена Ленина Историческом музее — головном музее республики⁴. Первая коллекция писем и автографов 1701—1792 гг. и некоторые документы XVIII в. поступили в музей в 1882 г., еще до открытия экспозиции. Ряд материалов был получен в дар, в том числе коллекции А. Д. Черткова, П. И. Щукина, архив И. Е. Забелина и др. В 1912 г. были созданы два отдела, хранящих письменные источники: Отдел рукописей и архив (переименован в 1939 г. в Отдел письменных источников). Отдел рукописей сосредоточил у себя в основном памятники древнерусской письменности допетровского времени и книги старой печати⁵.

В результате многолетней собирательской работы в музей поступили материалы от научных обществ, ученых комиссий, статистических комитетов, издательств, отдельных музеев, ученых, коллекционеров и частных лиц. Но более всего пополнился документальный фонд благодаря целенаправленному сбору памятников истории и культуры в годы Советской власти, в итоге плодотворной работы историко-бытовых экспедиций. Отдел письменных источников превратился в большое архивохранилище, материалы которого отражают важнейшие события социально-экономической, политической и культурной жизни нашей страны.

По своему характеру они очень разнообразны. Здесь жалованные грамоты и столбцы XVII в., рукописные сборники исторического и литературного содержания, крестьянские челобитные, поместно-вотчинные и монастырские фонды, коллекции из бывших музеев — «Старой Москвы», Военно-исторического музея А. В. Суворова и др.; издания нелегальной литературы революционного подполья и материалы политических процессов; эпистолярное наследие видных государственных и общественных деятелей, а также выдающихся представителей науки, культуры и искусства; документальные реликвии Великого Октября, гражданской и Великой Отечественной войн; коммунистического строительства. В отделе сосредоточены фонды личного происхождения и частные коллекции, коллекции документов, привезенные участниками историко-бытовых экспедиций; тематические коллекции, сформированные из разрозненных поступлений; всего 485 фондов общим объемом 50 717 ед.хр. (не менее 10 млн. листов).

Структура собрания ОПИ ГИМ отражает типичные черты комплектования фондов, характерные для тех музеев республики, чьи документальные коллекции сложились еще до революции. Возьмем для примера Военно-исторический музей А. В. Суворова в Ленинграде. Накопление материалов, составивших впоследствии фонд письменных источников этого музея, началось с 1898 г., с момента учреждения при Главном штабе русской армии Особой комиссии по увековечению памяти А. В. Суворова, открытой для этой цели сбора средств по добровольной подписке и одновременного начала сбора экспонатов для будущего «памятихранилища» А. В. Суворова. Пополнение, систематизация и изучение этого собрания продолжается по сей день. Тематически оно разделяется на ряд самостоятельных групп: автографы А. В. Суворова; документы и рукописи, принадлежавшие А. В. Суворову, документы об итало-швей-

⁴ Пользуюсь случаем выразить благодарность заведующей ОПИ ГИМ Н. Б. Панухиной за подготовку этих сведений. См. также: Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного Исторического музея / Сост. Э. И. Бакст и др.; Ред. И. С. Калантырская. М., 1967.

⁵ Щепкина М. В., Прогасьева Т. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958.

царском походе 1799 г.; материалы по истории русской армии и отечественного военного искусства XVIII—XIX вв.; личные архивы биографов А. В. Суворова; архивные материалы по истории музея; комплекс документов, объединенных общей темой «Суворовское наследие в Советских Вооруженных Силах».

Все музеи республики комплектуются письменными источниками и в настоящее время. Это по преимуществу документальные материалы личного происхождения — одна из важнейших групп исторических источников, которые зачастую содержат факты, отсутствующие в официальных документах.

В последнее время особый размах приобрело комплектование музеями материалов по истории советского общества, среди которых документы составляют более трети. Поэтому принципиальное значение приобретает разработка научно обоснованных критериев отбора и методики организации комплектования материалов, особенно по периоду развитого социализма. В этом музее опираются и рассчитывают на расширение участия научных учреждений АН СССР и ученых вузов. Оправдав себя формой соединения науки с практикой музейного дела стала деятельность научно-методических советов по работе музеев при Министерстве культуры СССР (председатель член-корреспондент АН СССР Ю. А. Поляков) и Министерстве культуры РСФСР (председатель проф. В. З. Дробижев). На заседаниях российского Совета были обсуждены задачи музеев по подготовке к 60-летию образования СССР и 40-летию Победы в Великой Отечественной войне, определены актуальные вопросы изучения и отражения музейными средствами этих выдающихся событий и исторических юбилеев.

За последние два десятилетия в стране возникла массовая сеть музеев на общественных началах. Только в РСФСР их насчитывается более 5 тыс. Это еще одно проявление широкого интереса советских людей, молодежи к активному освоению культурных ценностей, проявление их высокой гражданской и общественной активности. В этих музеях, по ориентировочным данным, хранится около 2,5 млн. памятников истории и культуры, значительную часть которых составляют документы.

С 1 сентября 1981 г. ЦК ВЛКСМ вместе с Министерством культуры СССР, Министерством просвещения СССР и другими организациями проводит Всесоюзную экспедицию «Летопись Великой Отечественной». В ее задачи входит запись воспоминаний фронтовиков, участников партизанского и подпольного движения, тружеников тыла, а также поиск документов и реликвий военного времени и обеспечение их сохранности путем передачи в государственные и общественные музеи и архивные учреждения.

Трудно переоценить значение этого массового движения для героико-патриотического воспитания подрастающего поколения. Однако эффективность деятельности следопытов в главных аспектах — воспитательном и охраны памятников — во многом зависит от того, в какой мере она опирается на принципы и методы, выработанные современной исторической наукой, насколько целенаправленно и последовательно она ведется.

В распространении среди участников Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа и названной выше экспедиции, среди создателей общественных музеев научных принципов, основных приемов выявления и собирания документов, их учета, хранения и использования большую роль играет Археографическая комиссия АН СССР, подготовленные ею совместно с ЦК ВЛКСМ, Министерством просвещения СССР методические рекомендации⁶.

⁶ О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции «Летопись Великой Отечественной») / Подгот. В. Д. Шмитков, А. А. Курнос, В. Е. Туманов; Под ред. и с предисл. С. О. Шмидта. М., 1981.

Деятельность органов культуры, государственных музеев по организационно-методическому руководству самостоятельными музейным строительством опирается на участие научной общественности. Оно особенно важно при реализации главной задачи — взятии на государственный учет подлинных памятников, хранящихся в общественных музеях. Секторы, созданные в государственных областных историко-краеведческих музеях, специальные методисты по общественным музеям, областные, краевые междуведомственные советы или секции по координации деятельности самостоятельных музеев ведут в этом направлении значительную работу, но она еще далека до завершения.

Нельзя не упомянуть и о работе местных органов культуры по постановке на государственный учет и охрану движимых памятников истории и культуры, находящихся в собственности (или пользовании) государственных, кооперативных, общественных учреждений, предприятий и организаций, а также частных лиц. К их числу отнесены также документальные памятники. Успех этой огромной и сложной работы, прямо вытекающей из требований законов СССР и РСФСР об охране и использовании памятников, во многом зависит от профессиональной подготовки специалистов-экспертов в созданных на местах группах. Не случайно на коллегии Министерства культуры РСФСР, обсуждавшей ход этой работы, отмечалось, что наиболее организованно и плодотворно она началась в Ленинграде и Москве, где управления культуры могут привлекать для экспертизы высококвалифицированные кадры работников центральных музеев и научных учреждений.

Учет письменных источников, хранящихся в музеях, имеет свою особенность: документальные памятники в музее, в отличие от архивов и библиотек, являются лишь одним из трех основных компонентов собрания, наряду с вещественными и изобразительными материалами. Письменные источники поступают в музеи, как правило, в сочетании с другими памятниками истории и культуры, по единым коллекционным или полевым описям, а затем в фондовом отделе проходят систематизацию и научно-техническую обработку. Тесная взаимосвязь документальных памятников с остальными музейными коллекциями с момента их поступления в музей и специфические архивные правила последующей обработки письменных источников создали дополнительные (по сравнению с архивами и библиотеками) сложности в постановке дела учета документов в музеях.

Особенно отчетливо проявились эти сложности в ходе сплошной проверки наличия фондов музеев Российской Федерации, проводившейся в 1978—1981 гг. Сверка наличия письменных источников с учетной документацией шла одновременно в двух направлениях: путем сопоставления с записями в учетных документах, установленных Основными правилами работы государственных архивов, и в общемузейной учетной документации. В результате выявилась необходимость проведения большой работы по упорядочению учетной документации и совершенствованию методики учета письменных источников в музеях в целях сопоставимости общемузейной учетной документации и основных учетных показателей по фондохранилищу документов. В основных методических рекомендациях Главархива СССР и разработках ВНИИДАД дано четкое определение комплекса учетных документов и правил их заполнения по каждому архивному фонду. Но проблема сопоставимости показателей по этим учетным документам и общепринятой музейной документации путем введения единой унифицированной системы для всех музеев страны ждет еще своего научного обоснования и методического решения.

Министерство культуры РСФСР уделяет немалое внимание вопросам упорядочения учетной документации музеев в ходе плановых систематических проверок на местах. В течение трех последних лет было обследовано таким образом 218 музеев в 37 административных единицах республики. При Министерстве культуры РСФСР создана постоянно действующая экспертно-фондовая комиссия. В 1979—1981 гг. на ее заседаниях

были заслушаны и приняты итоговые акты сверки наличия фондов, с учетной документацией в 250 музеях.

Значительное внимание в последние годы Министерство культуры РСФСР уделяет обеспечению сохранности и улучшению использования фондовых (в том числе и документальных) материалов. Местные органы культуры, музеи РСФСР приняли конкретные меры к расширению площадей и улучшению условий хранения музейных ценностей. Дополнительные помещения под фондохранилища получили более 100 музеев.

Одновременно продолжается работа по усилению охраны и пожарной безопасности музеев. В настоящее время большинство музеев оборудовано охранно-пожарной сигнализацией, значительная часть музеев имеет ведомственную сторожевую и пожарную службы, вневедомственную или милицейскую охрану. Повсеместно введена система ответственных дежурств. Определены порядок пользования ключами и сдачи служебных помещений по окончании рабочего дня; правила допуска, учета и регистрации лиц, входящих в хранилища; правила выдачи документальных материалов, порядок их фотокопирования и микрофильмирования; периодичность проведения санитарных дней и других мероприятий санитарно-гигиенического характера по обеспечению сохранности письменных источников.

В настоящее время в республиканских, краевых и областных музеях введены должности главных хранителей, заведующих секторами учета, увеличено число работников фондохранилищ. Во многих музеях выделены специальные лица, несущие персональную ответственность за учет, обработку, сохранность и использование как рукописных и старопечатных книг, так и архивных документов.

Общезвестны нормативные документы и практические руководства по обеспечению сохранности документов, подготовленные для работников государственных архивов. Между тем музеи испытывают нехватку научно-методической литературы и квалифицированного инструктажа по естественнонаучным вопросам обеспечения сохранности письменных источников, технического оснащения фондовых и экспозиционных помещений с учетом специфики музейного хранения и использования разнообразных видов документальных материалов. В этом направлении требуется большая работа органов культуры совместно со специализированными организациями Главархива и АН СССР.

Специфические задачи стоят перед музеями при определении основных принципов хранения документальных памятников на экспозициях и на выставках в условиях комплексного показа музейных предметов разных типов, особенно в связи с наметившейся тенденцией расширения экспозиционных площадей и интенсивным развитием выставочной деятельности.

В этой связи требует, в частности, решения вопрос о создании при головных музеях службы воспроизведения документов для экспозиций в виде факсимильных копий на основе современной фото- и светокопировальной техники при минимальном участии художника-копииста.

Все музеи республики явились активными участниками Всесоюзного смотра научно-фондовой работы музеев, посвященного 60-летию образования СССР. В ходе смотра заметно активизировалась деятельность местных музеев по научному описанию документальных памятников и старинных книг. Многие музеи, по рекомендации Министерства культуры СССР, осуществили передачу рукописных, старопечатных, а также редких книг из библиотечного в основной музейный фонд, начали их научное описание. Так, в 1980 г. в Череповце был издан «Каталог русских книг гражданской печати XVIII века Череповецкого краеведческого музея» (сост. Н. П. Дробова), подготовленный при научной консультации сотрудников ИРЛИ и БАН. Большая работа по учету и научному описанию рукописных, старопечатных книг, книг гражданской печати, документов XVI—XX вв., хранящихся в музеях Вологодской области, была проведена по инициативе Северного отделения Археографической комиссии,

кафедры истории СССР ВГПИ совместно со специалистами Археографической комиссии АН СССР, БАН, Череповецкого краеведческого музея под руководством А. А. Амосова при поддержке и материальном обеспечении работы Управлением культуры Вологодского облисполкома, Секцией документальных памятников Вологодского областного отделения ВООПИК⁷.

В последнее время наметились рабочие контакты Управления музеев Министерства культуры РСФСР и Главархива СССР в осуществлении контроля за состоянием учетно-хранительской работы с документальными материалами, проводимой в музеях республики. Например, при обследовании фондов документальных материалов музеев Вологодской области, Дмитровского и Истринского краеведческих музеев одновременно работали комиссии и специалисты обоих ведомств. Нередки случаи практической помощи музеям со стороны работников государственных архивов. При участии Государственного архива Калининской области была проведена, например, научно-техническая обработка документальных материалов Калининского государственного историко-архитектурного и литературного музея.

В настоящее время созданы реальные предпосылки для дальнейшего углубления сотрудничества учреждений системы Главархива СССР, Археографической комиссии, академических институтов, вузов с музеями, хранящими документальные памятники. Залогом успеха являются положительные результаты взаимного обогащения опытом в процессе работы межведомственных советов, информационных центров и конференций по актуальным вопросам архивного дела. Сотрудники головных музеев РСФСР неизменно участвуют в этой совместной работе. Например, специалисты ГИМ, ГЛМ, ГРМ выступали со своими докладами на Всесоюзной научной конференции «Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности», организованной в Ленинграде на базе БАН Археографической комиссией АН СССР в феврале 1979 г.; на научно-практической конференции работников архивных учреждений РСФСР по теме «Актуальные проблемы обеспечения сохранности документальных памятников» в Ставрополе в октябре 1979 г.; на Всесоюзном совещании-семинаре по вопросам учета, сохранности и использования фондов рукописей, редких и ценных изданий, проведенном Министерством культуры СССР на базе ГБЛ в декабре 1979 г.; на всесоюзной конференции-семинаре «Архивные фонды художественных музеев СССР», состоявшейся в Москве в 1981 г.

Итогом совместной работы архивохранилищ разных ведомств явились Методические рекомендации по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения (М., 1971), одобренные Межведомственным научно-методическим советом по приобретению документальных материалов в собственность государства при Главархиве СССР и Методической комиссией Главархива СССР. В этих рекомендациях, разработанных при участии специалистов ГИМ, ГЛМ, обобщен опыт крупнейших архивохранилищ, в том числе и музеев Российской Федерации.

Особое место при решении вопросов координации занимает проблема сотрудничества музеев и научно-исследовательских учреждений в целях дальнейшего повышения эффективности использования документальных материалов, хранящихся в музеях республики. Как известно, эта проблема обсуждалась на общем собрании Отделения истории АН СССР в ноябре 1978 г. В принятом постановлении были намечены пути всемерного расширения научно-исследовательской деятельности музеев при постоянном сотрудничестве с учреждениями Отделения.

⁷ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. Рукописные книги / Под ред. П. А. Колесникова. См. об этом статьи А. А. Амосова и В. В. Морозова в кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. 2. Памятники старинной письменности, с. 112—122.

Характер научно-исследовательской работы музеев, их вклад в изучение истории и пропаганду исторических знаний наиболее ярко проявляются в таких изданиях, как «Труды», сборники, историко-краеведческие «Записки», обзоры и каталоги фондов и коллекций. В этих изданиях участвуют сотрудники музеев, члены их ученых Советов, представители научных учреждений и вузов, общественники, краеведы. Опубликованные в них материалы обращают на себя внимание, благодаря введению в научный оборот большого числа новых источников как из фондов музеев, так и из архивов местных партийных и государственных органов. Таковы, например, издания ГИМ, Пермского, Волгоградского и Ульяновского областных краеведческих музеев за последнее десятилетие⁸. В них отражены многие вопросы истории советского общества, социально-экономического развития дореволюционной России, истории классовой борьбы и освободительного движения на трех его этапах, достижения передовых деятелей культуры, науки и техники.

О плодотворных результатах совместной научной работы сотрудников ОПИ ГИМ и Института истории АН СССР свидетельствует, например, сборник документов по истории крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева⁹ к ее 200-летию. В сборник вошло 109 документов, в основном ранее не опубликованных. В настоящее время ГИМ, продолжая сотрудничество с Институтом истории АН СССР, готовит публикацию крестьянских челобитных.

Документальные собрания музея являются не только источниковой базой для отдельных публикаций. Письменные источники широко используются при разработке научных концепций различных выставок и экспозиций, при планировании реставрации, реконструкции и музеефикации памятников, при подготовке серийных выпусков научно-популярной литературы, театральных спектаклей, фильмов и телевизионных передач, тематических вечеров и устных журналов, в работе клубных объединений по интересам и во многих других случаях.

Разнообразие форм исследовательской и научно-информационной деятельности на базе документальных собраний музеев — убедительное свидетельство растущей эффективности использования письменных источников. Вместе с тем на пути дальнейшего решения этой весьма сложной проблемы — немало трудностей, успешное решение которых возможно только на основе дальнейшего совершенствования координации деятельности по обеспечению сохранности и повышению эффективности использования документальных памятников со стороны Главархива СССР, Отделения истории АН СССР, Археографической комиссии АН СССР, Министерства культуры СССР и других заинтересованных организаций и ведомств.

⁸ Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма / Под ред. В. Г. Вержбицкого. — ТГИМ. М., 1974. Вып. 45; Материалы по истории России в период капитализма / Под ред. В. Г. Вержбицкого. — ТГИМ. М., 1976. Вып. 46; На рубеже двух веков: Из истории преобразований петровского времени / Под ред. Л. Г. Бескровного. — ТГИМ. М., 1978. Вып. 47; Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюгина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1980; Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому / Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1975; Костюгина Л. М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974; Прогасева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980; Сказание о Мамаевом побоище / Текст в соврем. транскрипции и пер. на рус. яз. Т. В. Диановой и М. Черниловской; Палеогр. описание рукописи Т. В. Диановой. М., 1980; Бушкин П. Я., Шуцкая Г. К. Научные издания музеев 1967—1977 гг. — ВИ, 1979, № 8.

⁹ Крестьянская война 1773—1775 г. в России / Сост. и авт. коммент. С. С. Дрейзен, Е. И. Индова, М. Д. Курмачева и др.; Отв. ред. Е. И. Индова. М., 1973.

А. С. Прокопенко

О КОНТРОЛЕ ЗА ОБЕСПЕЧЕНИЕМ СОХРАННОСТИ ДОКУМЕНТОВ ГАФ СССР, ХРАНЯЩИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЯХ СТРАНЫ

В Законе Союза ССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» впервые специально выделены «документальные памятники — акты органов государственной власти и органов государственного управления, другие письменные документы, кинофотодокументы и звукозаписи, а также древние и другие рукописи и архивы, записи фольклора и музыки, печатные издания»¹. Тем самым подчеркнута важное общественное и культурное значение архивов и необходимость значительного повышения роли государственного контроля за охраной и порядком использования документальных памятников. Государственный контроль осуществляется в соответствии с законом Советами народных депутатов, их исполнительными и распорядительными органами и другими уполномоченными на то государственными органами. В этом ряду особое место принадлежит Государственной инспекции архивов, созданной в 1980 г.

Основной задачей госинспекции является осуществление контроля за исполнением и соблюдением учреждениями системы Главархива СССР, министерствами, ведомствами, общественными организациями постановлений правительства СССР и правительств союзных республик по вопросам архивного дела, Закона Союза ССР и законов союзных республик «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в части, касающейся документальных памятников, нормативных актов Главархива СССР.

Госинспекция призвана систематически проверять состояние комплектования, учета, сохранности, качество обработки и порядок использования документов ГАФ в государственных и ведомственных архивах, в музеях и библиотеках. На основании предписаний инспекции проверенные учреждения в течение не более двух месяцев разрабатывают конкретные планы мероприятий по устранению отмеченных недостатков. Через два года (могут быть и отклонения от этого срока) проводится повторная проверка реализации намеченных мероприятий. Особенно важно право госинспекции приостанавливать незаконные действия и распоряжения руководства государственных и ведомственных архивов, нарушающих правила охраны и использования документальных памятников, сообщать о таких же нарушениях, совершенных другими лицами, в административные комиссии при исполкомах городских Советов народных депутатов.

Главное же внимание инспекция уделяет кропотливой организационной и методической работе с архивами.

Как известно, новым положением о ГАФ СССР музеи и библиотеки Министерства культуры СССР отнесены к категории организаций, осуществляющих самостоятельное хранение документов. В рукописных отделах музеев и библиотек, в том числе библиотек высших учебных заведений, сконцентрированы ценнейшие документальные памятники истории и культуры.

Опыт работы госинспекции, проверившей значительное число музеев страны, показывает, что музеям и органам, осуществляющим руковод-

¹ Закон Союза Советских Социалистических Республик об охране и использовании памятников истории и культуры. Принят Верховным Советом СССР 29 окт. 1976 г. М., 1976.

ство ими, предстоит еще немало поработать над приведением условий хранения, учета, комплектования и порядка использования документов в соответствие с требованиями положения о ГАФ СССР.

Хранители документальных фондов многих музеев не знакомы с нормативами и методическими рекомендациями Главархива СССР по работе с документами. В некоторых музеях большое число этих фондов не обработано и не описано, и описи как основной справочник о составе и содержании материалов практически отсутствуют. Научно не обосновано фондирование документов, кроме личных фондов, отсутствует нередко учёт фондов, нет нумерации и списков фондов. Документы часто находятся в общем хранилище вместе с вещественными экспонатами, доступ к ним не ограничен.

Подчас несовершенен и порядок выдачи документов исследователям: в книге выдачи указывается лишь количество выданных единиц хранения без их названий и инвентарных номеров, что особенно недопустимо при отсутствии нумерации листов.

Так, выяснилось, что неудовлетворительно поставлена работа с документами в некоторых районных краеведческих музеях Московской области. Музеи области располагают интереснейшими коллекциями исторических документов XVII—XIX вв., однако основная часть документов не охвачена никакими формами учета. Ни одним музеем не представляются в профильные архивные органы паспорта архивов и карточки пофондового учета. Имело место уничтожение документов без составления надлежащей документации и извещения архивных органов. В Дмитровском и Московском областном музеях допускалось использование необработанных документов в научных и реставрационных целях не только сотрудниками музеев, но и представителями сторонних организаций. Не ведется выявление и учет особо ценных документов, требующих реставрации. На протяжении многих лет документы коллекций хранились в непригодных помещениях, что существенно отразилось на их физической сохранности. Листы многих документов обтрепаны, имеются следы грибковой плесени. Наиболее критическое положение с сохранностью документов сложилось в Дмитровском музее: имеются случаи сцементирования плотных пачек документов (ревизские сказки 1815 г.); ряду документов (письма П. А. Кропоткина) нанесены непоправимые механические повреждения, поставившие уникальную коллекцию музея практически на грань физического уничтожения.

На протяжении десятилетий советскими специалистами выработаны подробнейшие рекомендации и практические нормы по обеспечению сохранности и учету документов государственных учреждений и личных фондов. Однако эти проверенные практикой рекомендации в большинстве музеев пока еще не нашли применения.

Отношение музейных работников к документу как к экспонату позволяет приравнивать документальные памятники к вещественным. Это привело к положению, вызывающему серьезную тревогу. Не следует забывать, что документ, где бы он ни хранился, является прежде всего документом с присущими ему специфическими особенностями хранения, учета, комплектования и использования.

Госинспекция архивов ставит своей задачей добиться такого положения, чтобы, во-первых, музеи четко регламентировали работу основными нормативно-распорядительными документами (положение о музее, фондовом отделе, должностные инструкции на главного хранителя фондов, хранителя документальных фондов, производственные планы и т. п.).

Во-вторых, необходима последовательная работа по фондированию документов. Комплексы документов, хранящихся в музеях, должны быть заключены в рамки фондов или коллекций, иначе невозможен должный учет.

В-третьих, обязательно составление списков фондов, закрепляющих номера фондов, под которыми они затем постоянно фигурируют в справочной литературе. Особое требование предъявляется к составлению и оформлению описей — основных учетных документов.

В-четвертых. Для обеспечения условий долговременной сохранности документальных фондов необходим контроль за соблюдением требований Главархива СССР в отношении помещений для архивохранилищ, температурно-влажностного режима и санитарно-гигиенических норм хранения документов; систематическое проведение реставрационно-профилактической обработки документов, в том числе дезинфекции при их приеме на хранение, организация реставрационно-переплетных работ и связанные с этим выявление и учет поврежденных документов, а также документов со слабоконтрастными и затухающими текстами. Все учреждения, хранящие документы ГАФ СССР, обязаны проводить работу по выявлению и учету особо ценных документов и созданию их страховых копий. В целях правильной организации и проведения этих видов работы Главархивом СССР разработаны «Инструкция о выявлении, учете, описании и хранении особо ценных документов» (М., 1980) и «Положение о создании и организации страхового фонда копий особо ценных документов государственных архивов» (М., 1980).

В-пятых. Необходимо соблюдение установленного Главархивом порядка обеспечения сохранности документов при их использовании. Как показывают акты проверок деятельности музеев, в настоящее время за немногим исключением эти требования музеями не выполняются.

Чтобы исправить положение по проверкам в союзных республиках приняты решения коллегий или изданы приказы министерств культуры союзных республик (например, решение коллегии Министерства культуры Армянской ССР от 16 января 1982 г. «О мерах по улучшению состояния комплектования, сохранности и порядка учета архивных документов в музеях республики», которым намечена развернутая программа работы с документами на текущее и будущее пятилетия).

Государственные музеи автономных республик, краев, областей РСФСР составляют планы мероприятий по устранению отмеченных недостатков.

Мы уже располагаем данными о том, что некоторым музеям выделяют новые помещения для хранения документов, укрепляют их кадрами. К сожалению, есть и такие факты, когда требования госинспекции музеями игнорируются, и мы вынуждены применять более строгие меры: так было опечатано архивохранилище Дмитровского музея, поскольку там не прекратили использование неучтенных документов.

Но не все краеведческие музеи, особенно районные, в состоянии в ближайшее обозримое время выполнить существующие требования по сохранности, учету, реставрации документов. Объясняется это отсутствием достаточных денежных ресурсов, необходимых помещений, кадров, техники. В этой связи представляется целесообразным концентрировать особо ценные документы районных музеев в областных краеведческих музеях, как это, например, в определенной степени сделано во Владимирской области. Во многих случаях такая централизация целесообразна.

Следует активизировать работу по повышению квалификации музейных работников, обеспечивающих хранение и использование документов. В первую очередь это организация стажировки в государственных архивах. Государственные архивы всегда готовы пойти в этом отношении навстречу музеям. Есть еще много детально не разработанных проблем и в области комплектования, профильности документов, особенностей учета и хранения и их соотношения по музейным и архивным правилам, которые в ближайшие годы найдут отражение в специальных совместных нормативных документах, таких, как «Положение об охране и использовании документальных памятников».

Важно отметить, что период после 1980 г. характеризуется все более возрастающим в качественном и количественном отношении сотрудничеством Министерства культуры СССР и Главархива СССР, музеев и архивов, а это верный признак преодоления имеющихся трудностей и нерешенных вопросов в организации работы с документами ГАФ СССР, хранящимися в музеях.

М. П. Мироненко

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Двенадцатые Тихомировские чтения, состоявшиеся 1 июня 1982 г., были посвящены проблеме охраны документальных памятников (к пятилетию Закона СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры») ¹.

Заседание открылось вступительным словом председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта. Он напомнил об утратах, понесенных за истекший год советской исторической наукой и нашей общественностью, — скончались академик А. П. Окладников и академик АН Армянской ССР Л. С. Хачикян. Присутствующие почтили вставанием память выдающихся ученых.

С. О. Шмидт остановился на той роли, которую сыграл принятый в 1977 г. Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» в подъеме общественного внимания к документальным памятникам, включенным этим законом в круг объектов, охраняемых государством. Он отметил большой размах, который в последние годы приняло массовое движение собирания исторических документов — движение школьников-следопытов и молодежи, возникновение народных и общественных музеев. Вместе с тем он указал на некоторые тревожные проблемы, возникающие в результате массовости движения и вытекающей из этого недостаточной компетентности его участников. Археографическая комиссия АН СССР обратилась по этому поводу со специальным письмом в ЦК ВЛКСМ. Результатом этого явилось Постановление ЦК ВЛКСМ от 6 ноября 1979 г., предусматривающее бережное отношение к историческим реликвиям и обеспечение их использования в пропагандистских, воспитательных и научных целях. Археографической комиссией совместно с Центральным архивом ВЛКСМ выпущены методические рекомендации для руководителей поисковой работы ². Немалая работа в этом направлении проводится в ВООПИК, вышеуказанные вопросы детально рассматривались на заседании секции документальных памятников 31 мая 1982 г.

С докладом «Документальные памятники в музеях РСФСР. Охрана и использование» выступил заместитель министра культуры РСФСР А. И. Шкурко ³. Доклад «Деятельность Государственной инспекции архивов Главархива СССР по обеспечению сохранности документальных памятников» был сделан начальником государственной инспекции архивов Главархива СССР А. С. Прокопенко ⁴.

С докладом «Центральный архив ВЛКСМ и задачи собирания и использования документальных памятников в целях коммунистического воспитания молодежи» выступил заведующий Центральным архивом ВЛКСМ В. Д. Шмитков. Он подчеркнул, что этот архив является частью аппарата ЦК ВЛКСМ. Из этого вытекает двойное направление его деятельности: с одной стороны, научно-архивное изучение истории ВЛКСМ, с другой — идеологическое обеспечение массовых кампаний, проводимых комсомолом. Это нашло свое отражение в составе документов, в принци-

¹ Информацию о заседании см.: СА, 1982, № 6; ВИ, 1982, № 8.

² О сборе, учете и использовании документальных памятников истории и культуры: (Рекомендации руководителю поисковой и музейной работы общественных музеев, экспедиции «Летопись Великой Отечественной»). М., 1981.

³ См. наст. изд.

⁴ См. наст. изд.

пах их комплектования. В. Д. Шмитков указал также на особенность Центрального архива ВЛКСМ, являющегося одновременно историческим архивом и музейным хранилищем. Среди его материалов — документы, листовки, комсомольские билеты, мандаты, кинофильмы. Со временем, когда будет создан музей ВЛКСМ, музейные экспонаты будут переданы туда.

В. Д. Шмитков осветил различные формы использования документальных памятников, хранящихся в архиве: организацию выставок, публикацию в прессе исторической хроники в форме подборок документов и др. Особое внимание уделяется привлечению молодежи к разысканию и собиранию документов у населения, участию в экспедициях по сбору фронтовых писем «Память» и «Летопись Великой Отечественной». В заключение В. Д. Шмитков внес предложение о том, чтобы Археографическая комиссия, Главархив СССР, Министерство культуры СССР совместно с ЦК ВЛКСМ выработали единый нормативный документ по собиранию комсомолом и молодежью памятников истории и культуры.

Опыту работы по учету и научному описанию документальных памятников в хранилищах Вологодской области был посвящен доклад П. А. Колесникова (Северное отделение Археографической комиссии). Эта работа ведется там по нескольким основным направлениям. Главное место среди них занимает в последние годы организация археографических экспедиций в малые хранилища (районные краеведческие, народные и школьные музеи). С 1979 г. такие экспедиции проводятся при участии сотрудников Археографической комиссии и под руководством научного сотрудника БАН А. А. Амосова. Ближится к завершению намеченная работа по оказанию помощи музеям в организации правильного хранения и использования документальных материалов и по подготовке к печати каталогов хранящихся в музеях наиболее редких документальных памятников.

Вышел в свет 1-й выпуск каталога, посвященный рукописным книгам⁵, сдан в печать 2-й выпуск, в котором будут помещены сведения о старопечатных книгах. Готовится еще несколько выпусков, где будут описаны наиболее ценные группы актовых материалов дооктябрьского и советского периодов. Археографические экспедиции показали, что фонды памятников письменности музеев области оказались несравненно богаче, нежели было известно ранее. Выявлено 536 рукописных книг древнерусской традиции, свыше 2500 экземпляров изданий кириллического шрифта XVI—XIX вв., более 2 тыс. экземпляров изданий гражданского шрифта XVIII — начала XIX в. К этому следует прибавить несколько тысяч подлинных документов, древнейшие из которых восходят к началу XVII в., а самые «молодые» повествуют о сегодняшних днях. П. А. Колесников поставил вопрос о месте хранения наиболее ценных документальных памятников — следует ли оставлять их в районных музеях, или целесообразнее передать в областные музеи или архивы, имеющие лучшие условия для их хранения, использования, реставрации. Докладчик высказался за их передачу в областные хранилища.

Вторым направлением стали поиски и собирание документальных памятников у населения. Особый размах получил сбор писем с фронта и на фронт в годы Великой Отечественной войны. Собрано около 4 тыс. писем. Опубликован сборник «Письма с фронта, 1941—1945» (Архангельск, 1979), готовится второй сборник, включающий синхронную переписку фронта и тыла.

Наконец, третьим направлением стала работа по созданию фондовых документальных памятников истории и культуры. Используя опыт Смоленской и других областей, проводится анкетирование сельских населенных пунктов. Цель его — сохранить память об исчезающих в процессе укрупнения сельских поселений. В областном краеведческом музее создан специальный фонд этих документов.

⁵ Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Вологда, 1982. Ч. 1. Рукописные книги.

С докладом «Общественные музеи и архивы „рядовых людей“» выступила С. В. Житомирская (ВООПИК) ⁶. Она напомнила о дискуссии по вопросу о собирании архивных фондов наших современников, обычных тружеников, развернувшейся несколько лет назад на страницах «Литературной газеты». Дискуссия показала широкий общественный интерес к этой проблеме. Однако архивные и музейные работники не приняли в ней тогда активного участия, и дискуссия не имела практических результатов.

Как подчеркнул докладчик, в последние годы, особенно после принятия Закона об охране и использовании памятников истории и культуры, наметились серьезные сдвиги в этом отношении. Развернувшееся массовое движение по созданию народных и общественных музеев вовлекло в собирательскую деятельность миллионы людей. В этих музеях все чаще концентрируются как раз материалы «рядовых» современников. И архивные органы, и органы культуры, руководящие этим широким движением, значительно большее внимание уделяют теперь проблемам документов личного происхождения, и в их числе фондам простых тружеников.

По всей видимости, именно малые музеи и архивы с их микротерриториальным или микропроизводственным принципом создания и в будущем будут хранителями подобных материалов. Но, по мнению докладчика, это ставит перед архивной и музейной наукой новые задачи: необходимо оказать серьезную помощь этим хранилищам, разработав научные критерии собирания и методiku всей работы с документами людей своего села, города, района. Для этого должны быть объединены усилия Глав-архива СССР, союзного и республиканского министерств культуры, Министерства просвещения и академических учреждений, занимающихся историей советского периода.

После докладов состоялись прения. И. А. Альтман (ГАВО) в своем выступлении рассказал о работе по сбору у населения документальных памятников, которую проводит ГАВО ⁷. Опыт владимирских архивистов показывает, какие плодотворные результаты дает постоянный контакт архивов со школьным краеведением. Организованная ГАВО и ставшая уже традицией торжественная передача собранных школьниками фронтовых писем и других документов на государственное хранение стимулирует дальнейший поиск, обеспечивая в то же время сохранность ценных материалов. Силами владимирских архивистов и активистов ВООПИК изданы методические рекомендации по проведению операции «Фронтное письмо» ⁸.

А. А. Амосов (БАН) остановился на проблеме культуры отношения к документу среди широких слоев населения. Стихийное отношение к любому написанному документу как к памятнику, свойственное людям прошлого, позволило сохранить до наших дней акты XIV—XV вв. В некоторых крестьянских семьях существовали целые семейные канцелярии. Ныне же традиция бережного отношения к любому хранящемуся в семье документу почти утрачена. Поэтому не следует преувеличивать объем находящихся у населения документальных памятников, многие из них уже утрачены.

А. А. Амосов подчеркнул важность использования спасенных и собранных документальных памятников как гаранта сохранности документов. Нельзя сохранить документ, не используя его. Используя документы и привлекая к ним внимание общественности, мы сможем воспитать бережное отношение к ним среди широких масс населения.

⁶ См. ее статью в сборнике «Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры». (М., 1982, ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи, с. 28—33).

⁷ Альтман И. А., Альтман М. М. Государственные архивы и школьное краеведение: перспективы сотрудничества.— В кн.: Вопросы собирания, учета и хранения..., с. 120—127.

⁸ Операция «Фронтное письмо»: Сбор и использование документов периода Великой Отечественной войны. Рекомендации руководителю поисковой группы. Владимир, 1980.

И. В. Левочкин (ГИМ) отметил, что Тихомировские чтения поставили на обсуждение очень актуальные вопросы, связанные с учетом, собиранием и использованием документального наследия, которым отдал много сил академик М. Н. Тихомиров. Далее он сказал, что опыт работы со стажерами, которых направляют в Отдел рукописей ГИМ, показал, как остро стоит вопрос о профессиональной подготовке кадров местных музеев. Многие из них не видят разницы между рукописной и старопечатной книгой, не могут определить по филиграммам дату, прочитать древний текст. Необходимо готовить в высшей школе специалистов по работе с рукописями и старопечатными книгами в музеях.

И. В. Левочкин затронул также проблемы, общие для центральных и местных музеев,— трудности с реставрацией и микрофильмированием, являющимися необходимым условием сохранности документальных памятников. Для Отдела рукописей ГИМ существенной проблемой является предстоящий капитальный ремонт. Необходимо организовать его так, чтобы рукописи не пришлось запаковывать в ящики, что приведет к гибели многих документов. Работа читального зала во время ремонта должна продолжаться, и рукописи не должны быть выведены из научного оборота.

Е. И. Индова (Институт истории СССР АН СССР) в своем выступлении поставила вопрос о соединении фондов, части которых разрознены и находятся в школьных или народных музеях и в государственных хранилищах. Она также предложила, чтобы объявления о сборе архивами личных фондов были централизованными и содержали упоминание о том, что материалы принимаются на вечное хранение.

З. П. Иноземцева (Главархив РСФСР) показала, в каких направлениях в Российской Федерации ведется работа по реализации Закона РСФСР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Архивные учреждения республики осуществляют государственный контроль за собиранием учреждениями, организациями и гражданами старинных документальных памятников. Усилена юридическая ответственность руководителей учреждений, организаций и предприятий за нарушение правил обеспечения сохранности документов. Значительно активизировалась работа по комплектованию государственных архивов документами личного происхождения. На учете архивных органов РСФСР состоит свыше 3,5 тыс. владельцев личных архивов, ежегодный прием от них документов составляет около 10 тыс. дел. Впервые проведен анализ состава владельцев личных архивов, который позволил выработать ряд рекомендаций организационного характера.

В то же время остается еще немало нерешенных вопросов. В целом по РСФСР контроль за собиранием документов, особенно старинных, еще не полностью налажен, формы и методы его четко не определены. Главархиву РСФСР, местным архивным органам предстоит дальнейшая разработка нормативных, методических, организационных основ, регламентирующих это направление работы.

Е. Н. Воробьева (ЦГАЛИ) в своем выступлении приветствовала сотрудничество архивов и музеев, получившее ныне большие возможности благодаря новому закону. Спасительное действие закона сказалось также и в том, что теперь к собиранию личных фондов привлечены практически все центральные и, что особенно важно, местные архивы. Такие крупнейшие архивы, как ЦГАЛИ, становятся теперь методическими центрами, руководящими разумным распределением материалов личного происхождения между центральными и местными хранилищами. В связи с этим *Е. Н. Воробьева* указала на важность регулярного выпуска информационных справочников типа «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР».

И. В. Поздеева (МГУ) посвятила свое выступление организации исполнения закона на местах. Закон действует уже пять лет, а в некоторых районах до сих пор его не учитывают. Создаются ненужные барьеры и препятствия для собирательской работы. Некоторые краеведческие музеи Московской области отказываются пускать археографические экс-

педиции в свои фонды. По мнению И. В. Поздеевой, в разрешение на археографическую экспедицию следует внести пункт не о праве, а об обязанности ее членов помогать местным музеям в учете и описании документальных памятников. И. В. Поздеева подчеркнула необходимость оперативной информации для полевой археографической работы. Она поставила вопрос о создании единого всесоюзного печатного органа, который будет заниматься оперативной фиксацией находок археографических экспедиций.

Подводя итоги заседания, *С. О. Шмидт* отметил его деловой характер и подчеркнул, что на нем удалось объединить специалистов из разных учреждений, занимающихся одной проблемой — охраной и использованием документальных памятников. Для решения поднятых здесь вопросов — организации сбора документов, их правильного хранения, передачи особо ценных документов из малых хранилищ в большие, различных форм их использования, вопросов подготовки кадров, обеспечения налаженной информации — необходимо объединение сил Главархива, Министерств культуры СССР и РСФСР, Академии наук и всех заинтересованных ведомств. К этому стремился и основатель Археографической комиссии академик М. Н. Тихомиров, сделавший очень много для охраны и использования документальных памятников.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

К. И. Иванова

РУКОПИСИ И. П. ЛАПТЕВА В СОБРАНИИ М. П. ПОГОДИНА

Известное «древлехранилище» М. П. Погодина — одна из лучших частных коллекций рукописей, собранных в первую половину прошлого века.

М. П. Погодин был знатоком славянской старины, всю его деятельность характеризует глубокий и неизменный интерес к судьбе славянства и его письменности. Погодин понимал значение изучения всего наследия книжности и культуры для истории славян. Кроме того, М. П. Погодин был страстным коллекционером и заботливым хранителем памятников письменности. Его знали в книжных лавках, на ярмарках, в монастырях. Во время своих путешествий или через других лиц он стремился приобрести для своего собрания древние рукописи и старопечатные книги. Успеху способствовали и его широкие связи со славянофилами, с любителями старины, со старообрядцами, а также с русскими и зарубежными славистами.

130 лет тому назад Погодинское собрание рукописей поступило в Публичную библиотеку и имело в своем составе 2019 рукописных книг¹.

Известно, что для пополнения своего древлехранилища М. П. Погодин покупал материалы из многих частных коллекций. Одни собрания рукописей целиком перешли в его владение, другие — частями. Так, в течение одного только 1842 г. Погодин приобрел собрание П. М. Строева (329 рукописных и старопечатных книг, часть которых ранее принадлежала К. Ф. Калайдовичу) и библиотеку Н. П. Филатова².

В 1840 г. к Погодину попали рукописи И. П. Лаптева, известного любителя русской истории и собирателя памятников старины. Вологодский, а потом Санкт-петербургский купец Иван Петрович Лаптев тоже принадлежал к увлеченным коллекционерам старой славянской книги. Почти 40 лет он собирал рукописи, монеты и другие предметы старины³.

¹ О Погодинском древлехранилище см.: Краткие библиографические известия о составе археологических собраний М. П. Погодина в 1844 г. и дальнейших его приобретениях. — Москвитянин, СПб., 1844, кн. 5, с. 169—176; Отчет имп. Петербургской публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853, с. 21—52; Библиографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855, ч. 2, с. 265—272; *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882; *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России. СПб., 1912, ч. 2, с. 26—27; *Розов Н. Н.* Южнославянские рукописи ГПБ: Обзор. — ТГПБ, 1958, т. 5 (8), с. 106—107; *Загребин В. М.* Сербские рукописи из собрания М. П. Погодина. — АЕ за 1973 год, М., 1974, с. 188—199; *Иванова К. И.* Об уточнении времени написания некоторых славянских рукописей XIV—XV вв. — АЕ за 1976 год, М., 1977, с. 148—152; *Она же.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. Сведения о рукописях и о самом древлехранилище находятся в опубликованной переписке М. П. Погодина, а также в книгах: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910. Ч. 1—22; *Она же.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878.

² *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892, ч. 6, с. 349—362; Архив М. Погодина. — ГБЛ, ф. 231.

³ *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891, т. 1, кн. 1, с. 54; 1892, кн. 2, с. 1171, 1270.

Известно, как много внимания уделял Лаптев изучению бумажных водяных знаков. Он издал и первый русский альбом филиграней⁴.

После смерти Лаптева, в 1838 г., его собрание было объявлено для продажи. Погодин поручил Т. Ф. Большакову приобрести для него рукописи на аукционе в Петербурге. За 5 тыс. руб. Большаков привез Погодину около 200 рукописей и несколько старопечатных книг, среди них были рукописи и старопечатные книги из коллекции Лаптева и из собрания Большакова по собственному выбору Погодина. В 1838 г. была приобретена и знаменитая болгарская псалтырь XIII в., получившая наименование «Погодинской псалтыри»⁵.

О рукописях Лаптева, которые Большаков привез из Петербурга Погодину, точных сведений нет. В своих записках Погодин отмечает, что он получил не все лаптевские рукописи, а только «исторические»⁶. Так как перечня рукописей Лаптева, попавших к Погодину, нет, они затерялись среди многочисленных кодексов Погодинского собрания. Ныне можно выявить только те, на листах которых сохранились пометы, сделанные рукою самого Лаптева. Замечания Лаптева дают нам возможность судить о больших познаниях этого любителя старой русской книги в области палеографии. Лаптев не ограничивался изучением только водяных знаков; он также серьезно изучал тексты памятников, слыхал их с другими известными ему списками и изданиями. Иногда он пополнял утраченный текст и по мере своих возможностей реставрировал испорченные места. Кроме того, Лаптев обращал внимание на внешнее оформление рукописей; переплет, орнамент, а также на пометы и вкладные записи и снабжал иногда свои рукописи кратким палеографическим описанием.

В Погодинском собрании заметки Лаптева сохранились на следующих рукописях: № 38, 267, 876, 1030, 1054, 1098 и 1599. Из них только рукопись № 38 написана на пергамене, а остальные шесть написаны на бумаге. Ниже даются краткое описание лаптевских рукописей в коллекции Н. П. Погодина и воспроизведение наиболее интересных заметок самого Лаптева (с соблюдением его оригинальной орфографии) относительно времени написания рукописей и их палеографических особенностей.

1. Служебник молдавского письма (Погод., 38) на пергамене, (101+2 листа), писан во второй половине XVI в.⁷ Рукопись писана каллиграфическим полууставом. Переплет современный рукописи. На л. 1 имеется следующая запись И. П. Лаптева: «Сей манускрипт в котором столетия писан неизвестно, но по двоеглавым же орлам, на черной коже вытесненным, видно, что сия рукопись переплетена с прочими книгами в пятнадцатом столетии, в одно время. Ибо по узорам на переплетах с теми книгами сличена, кои писаны тогда в православном Путъском монастыре в Молдавии, и из онной доставленных к московскому книжному торговцу Ивану Васильеву Пискареву, и от оннаго ис партии сей служебник куплен автором, который издал книгу в 1824-м году под

⁴ *Лаптев И. П.* Опыт в старинной русской дипломатике или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи. СПб., 1824. К книге были приложены изображения 170 водяных знаков. Об альбоме Лаптева см.: *Черепнин Л. В.* Русская палеография. М., 1956, с. 46—47; *Жуковская Л. П.* Развитие славяно-русской палеографии в России. М., 1965, с. 39.

⁵ ГПБ, Погод. 8.

⁶ Известно, что рукописи из коллекции Лаптева попали и в другие собрания. Так, в собрании В. М. Ундольского (ГБЛ, ф. 310) находятся рукописи № 76—85, сначала принадлежавшие Лаптеву, а потом Кочуеву. В Уваровском собрании ГИМ также хранятся две рукописи, ранее принадлежавшие И. П. Лаптеву: № 505/205 и 1334/10; в основном собрании ГПБ ранее принадлежала Лаптеву рукопись F. IV. Кроме того, Лаптеву принадлежал и один из томов знаменитого летописного свода XVI в. (Ныне: ГПБ, Ф.п., № 233).

⁷ В Описании пергаменных рукописей ГПБ рукопись Погод. 38 датируется XV—XVI вв. См.: *Гранстрем Е. Э.* Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдавские, сербские. Л., 1953, с. 90; *Иванова Кл.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин, с. 200—204.

названием: Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи с приложением рисунков бывшим вологодским, а ныне санктпетербургским купцом Ивановом Лаптевым).

На обороте последнего листа рукою Лаптева сделана еще одна заметка: «В сем служебнике в тетрадах по семи, по шести и по осми листов, а всех же сто один лист куплен Лаптевым у Пискарева 1832 года».

В этой записи весьма интересным является сообщение о том, что у И. В. Пискарева находились рукописи из молдавского монастыря Путна. Нам не удалось установить, получал ли Лаптев другие молдавские книги из книжной лавки Пискарева, хотя в Погодинском собрании рукописи с указанием о принадлежности Путненскому монастырю отсутствуют.

2. Патерик скитский и Пандекты Никона Черногорца. (Погод., 267). Рукопись русская, писана на бумаге, конца XIV в., 398 л. в 1^о.

К Лаптеву рукопись попала через новолadoжского крестьянина Григория Климова. До XVIII в. она хранилась в монастыре на озере Оскуе (в Тихвинском уезде Санкт-Петербургской губернии). Так как рукопись была плохой сохранности, Лаптев ее реставрировал: он подклеил отдельные листы полосками бумаги, иногда прикрепляя их нитками, оберегая текст. Он же переписал заново л. 168 и левый столбец на л. 233; переписал часть последнего листа и подклеил к ним кусочек сохранившегося листа оригинала. К началу рукописи Лаптев присоединил еще три листа. Первые два остались чистыми, а на третьем он написал свои заметки о рукописи и скопировал отрывок текста.

Так как в начале Пандектов Никона на л. 156 опущено заглавие и текст начинается прямо с первой главы, Лаптев переписал на полях этого листа оглавление книги, скопировав его с Почаевского издания 1795 г.

Заметки относительно датировки, состава и палеографических особенностей рукописи помещены на чистом листе 3—3 об. В них Лаптев пишет, что он занимался сличением текста Пандектов рукописи 267 с другим, ныне неизвестным, пергаменным списком, собственностью купца Г. А. Громова. Далее он предлагает некоторые суждения о качестве бумаги: «И бумага в листах более хлопчатая, почему и трепишная и удержала по хлопчатке наименование бумага. Здесь несколько есть и трепишной, грубой, на которой поперех частых редкия линии, а хлопчатая с одними частыми, а без ретких линий». И. Лаптев отмечает и некоторые приписки о вкладах в монастырскую (позднее превращенную в приходскую) церковь Преображения на Оскуе. Под конец он дает и библиографическую справку: «О сей же книге Никонове или Пандекте пространно изяснено в обозрении о Кормчей книге, печатанном в 1829 г., последнего щета на странице 187 второго издания... года»⁹. «Сей же перевод печатанного во Остроге и в Почаеве несколько посокращеннее, а по наречию весьма тех древнее. Шрифт же и выговор литер следующий...» (Далее следуют начертания букв, встречающихся в тексте, и соотвeтствия им в современном русском языке.)

3. Патерик азбучный и иерусалимский с прибавлениями (Погод., 876). Рукопись русская, хорошо сохранившая черты болгарского оригинала. 321 л. бумаги, в 1^о. Датируется самым концом XIV или началом XV в.¹⁰ Первые листы в книге добавлены в XVIII в. взамен утраченных.

⁸ Описание см.: *Иванова-Константинова К.* Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания.— ТОДРЛ, 1970, т. 25, с. 294—308. В статье заметки И. Лаптева публикуются целиком.

⁹ Второе издание Обозрения Кормчей книги Розенкампфа, упомянутое Лаптевым как предстоящее, вышло в 1839 г., после смерти И. Лаптева.

¹⁰ Основной водяной знак — трилистник (крест), подобный № 3626 из последнего десятилетия XIV в. по кн.: *Mošin Vl., Traljčič S. Vodeni znakovi XIII i XIV v. Zagreb.* 1957. Такой же знак отмечен у Briquet, № 5617 под 1390 г.

После патериков помещено несколько статей аскетического и исихастского характера: 100 изречений Диадоча, поучения Симеона Нового Богослова, главизны Григория Синаита и послание патриарха Евфимия Тырновского к Киприану. Заметки Лаптева находим на первом листе: «У сей книги предисловие четыре листы приписано из другой книги и спустя сей рукописи от написания чрез не одно столетие. А настоящая рукопись как сначала по листам под страницами скреплена и названа Отечник, или Патирик Иерусалимской, а в другой половине в 14-и тетраде о житии святых отец, а в остальных тетрадях поучения и заповеди от отречшихся мира и послания и предания уставом и о вере христианстей. По шрифту, по юсам и по заводским пяти клемам [так!] на бумаге, рукопись сия писана в пятнадцатом столети или по сей 1835 гот течет ей четвертое столетие, на исходе. Куплена купцом С. петербургским Иваном Лаптевым из лави [так!] Ивана Иванова Соплакисна (?) ис книг бывшего купца Василия Солодовьяникова Вилмастранскаго».

4. Слова Исаака Сирина с прибавлениями (Погод., 1030). Рукопись русская, второй четверти XV в., 302 л. бумаги в 1°. Писана полууставом в два столбца.

На л. 1 в красиво оформленной гравированной (почерком «под полуустав») раме Лаптев сделал следующее описание: «Книга преподобнаго Исаака Сирина.— Книга священномученика Петра Дамаскина греческой церкви, бывшего после шастаго вселенскаго собора.— Слова Иоанна Дамаскина и некоторых святых.— Которыя книги в одном переплете. Ясно видимо как по шрифту букв, так и по заводским клеймам на бумаге доказывают собою, что писаны до Стоглаваго в Москве собора, прежде его целым почти столетием, не при царях, а еще при князе Иоанне Васильевичу в начале его княжения, женившемся на Греческой Царевне Софии, освободитель России от татарскаго ига, то есть при деде Грознаго Царя Ивана Васильевича, и как видно писец рукописи во окончании ея на листу тв (302) именно при Князе упоминает «се изъ гвоздь даюся великомъ князю Иванъ Васильевичу чтобы ма пожаловалъ в волости своя а изъ емъ челомъ бію своемъ господарю». Книга же Петра Дамаскина, хотя и есть напечатанная в книге Добротолюбия в части третьей на листу пятом со особыми заглавиями и на полях выносками вразумительные; но однакоже в печатной последняя статья на листу семдесят первом на обороте несколько сокращена, а всей рукописе сполна и без сокращения видится. Таковая книга имеется и в Москве в Синодальной библиотеке на баргамене и Даниил митрополит бывшей до Стоглаваго собора в книге своей в слове четвертом Петра Дамаскина приводит во свидетельство. От написания же сей, по сей 1836 год составит блиско четырехсот лет. Куплена у торговца книжнаго Алексея Глушкова. Со знаков же заводских на бумаге на обороте сего сняты рисунки. Принадлежит ныне сию рукопись, писанная на хлопчатой бумаге, Санктпетербургскому купцу Ивану Петрову Лаптеву».

На л. 1об. скопированы 13 водяных знаков, по которым рукопись датируется второй четвертью XV в.

5. «Диоптра» («Зерцало») инока Филиппа Пустынника (Монотропа) (Погод., 1098). Рукопись русская, писана в XVII в., 219 л. бумаги в 4°. В конце рукописи сделаны Лаптевыми замечания о ее датировке и составе: «Сия книга замечательно на бумаге по клеймам писана во времена в Москве Стоглаваго собора». Далее он отмечает, что первый славянский перевод был сделан в Рахове в XIII в. Он сам сличал эту рукопись с более древним списком Зерцала, откуда скопировал интересную приписку о том, что в 1460 г. «Иванешко (?) дячишко» получил от некоего Корнилия возможность скопировать текст Зерцала. При этом имя писца написано тайнописью по счетной системе, не совсем ясной.

6. Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями (Погод., 1054). Рукопись болгарская XIV и первой четверти XV в., 359 л. бумаги в 1°. Эта рукопись попала на Русь в самом начале XV в. Добавления к тексту

Лествицы сделаны русским переписчиком¹¹. О том, что рукопись ранее принадлежала Лаптеву, свидетельствуют отгиск печати с инициалами ИЛ (л. 224б) и карандашная запись, сделанная почерком Лаптева, о содержании рукописи.

7. Рукопись (Погод., 1599) перешла к М. Погодину из собрания Лаптева. Ее описание было опубликовано А. Ф. Бычковым¹².

¹¹ *Лихачева В. Д.* Болгарская миниатюра второй половины XIV века с изображением Иоанна Климаса.— В кн.: *Българско средновековие: Българо-съветски сборник в чест на 70 годишнината на проф. Иван Дуйчев.* София, 1980, с. 349—353; *Иванова К. А.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин, с. 308—325.

¹² *Бычков А. Ф.* Описание церковно-славянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882, ч. 1. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников, № 50, с. 232—234.

А. Б. Шешин

ПИСЬМА ДЕКАБРИСТА Д. И. ЗАВАЛИШИНА К АЛЕКСАНДРУ I

Одним из малоизученных в декабристской литературе вопросов является попытка Д. И. Завалишина в 1821—1825 гг. создать Вселенский Орден Восстановления¹.

Замысел создания Ордена основывался на просветительских теориях XVIII — начала XIX в., когда многие видели главное средство решения общественных задач в распространении просвещения и нравственности. Кроме того, в это время политические идеи еще часто принимали вид религиозных учений, поэтому задачи распространения нравственности и просвещения нередко связывали с христианством. В Европе появлялись тайные общества, стремившиеся претворить в жизнь просветительские теории. Просвещение и моральное перерождение людей рассматривалось как главное и даже единственное средство преобразования общественных отношений.

Союз Благоденствия, подобно тайным просветительским обществам в других странах, имел цель «распространением между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения споспешествовать правительству к возведению России на степень величия и благоденствия...»². Подобно многим своим современникам, Завалишин видел главную причину всех неблагоприятных явлений общественной жизни в недостатке просвещения и упадке нравственности. «Восстановление нравственных начал по духу христианства» он считал «единственным средством врачевания общественных недугов» и полагал, что «за этим улучшение внешних условий будет следовать неизбежно само собою»³.

В соответствии с этими представлениями Завалишин задумал создание Вселенского Ордена Восстановления — всемирной тайной организации, призванной преобразовать мир путем распространения просвещения и «восстановления» нравственности. Подобно многим сторонникам просветительских теорий, Завалишину в начальный период его политической деятельности «главную силу и опору для преобразования общественного и государственного быта представлялся сам государь». Веря в добрые намерения Александра I, Завалишин полагал, что император «при всей своей власти не может искоренить зло без содействия людей, осо-

¹ Об этом см.: *Шешин А. Б.* Декабрист К. П. Торсон.— Улан-Удэ, 1980, с. 72—74; *Он же.* Декабрист — защитник индейцев.— Дружба народов, 1981, № 10, с. 267—269.

² Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951, т. 1, с. 240—242.

³ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906, с. 52.

бенно на то себя посвятивших»⁴. Оказать это содействие в «искоренении зла» и должен был Орден Восстановления.

В конце XVIII — начале XIX в. еще не знали о классах и классовой борьбе. Философы и политические мыслители этой бурной эпохи писали и говорили прежде всего о противоречии между правительством и народом. Примирить это основное, как тогда считали, противоречие и мечтал Завалишин.

Орден Восстановления мыслился не как организация, ведущая борьбу за осуществление каких-то своих целей, а как сила, которая должна была «стать между» враждующими сторонами, прежде всего между ведущими борьбу революционерами и правительствами, и примирить их, «отнесясь добросовестно и к представителям власти, и к борцам за свободу»⁵.

Предполагалось, что «нравственные» монархи перестанут угнетать народ, «нравственные» правительства будут управлять странами в соответствии с интересами народа. Наступят всеобщий мир и всеобщее благоденствие. Это была утопия, характерная для той эпохи.

Замысел создания Ордена Восстановления, который Д. И. Завалишин намеревался осуществить при поддержке Александра I, созрел у него в 1821 г.⁶ Две попытки лично встретиться с императором закончились неудачей. 17 августа 1822 г. мичман Завалишин отправился в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер». Из Лондона в ноябре 1822 г. мичман отослал письмо Александру I, находившемуся на Веронском конгрессе Священного союза, «требуя личного свидания и желая объяснить, что он не туда идет и не туда ведет Россию, куда следует»⁷.

Об этом письме Завалишин впоследствии рассказал в своих воспоминаниях⁸. Поэтому историки давно уже искали его. О местонахождении этого письма было упомянуто еще в примечаниях к следственному делу Завалишина, но историки, видимо, не обратили внимания на это сообщение⁹.

Зашифрованная копия этого письма (подлинник не обнаружен) хранится в ЦГАОР среди бумаг, отобранных у Завалишина после ареста¹⁰. Во время следствия текст письма был расшифрован. «Всю жизнь мою посвящу тебе и отечеству, — писал Завалишин Александру I. — Не хочу более оставаться в неизвестности — призови, требуй. Да явлюсь пред тобой и не замедлю — время дорого.

Другое письмо отправлю к тебе чрез Россию¹¹. На фрегате Крейсере оставляю Англию; иду в Тенериф. Там могут меня найти. Но не медли, государь; время дорого. Напиши приказание мне явиться пред тобою —

⁴ РО ИРЛИ, ф. 265, д. 1059, л. 80б.

⁵ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 52—53.

⁶ Восстание декабристов: Материалы. М.; Л., 1927, т. 3, с. 227.

⁷ *Завалишин Д. И.* Записки декабриста, с. 67.

⁸ Там же, с. 67, 82, 85—86; *Завалишин Д. И.* Вселенский Орден Восстановления. — РС, 1882, янв.-март, т. 33, с. 39—40.

⁹ Восстание декабристов, т. 3, с. 436. Отметим также, что недостаточное знакомство с этими примечаниями и другой литературой было причиной ошибки Л. П. Петровского, сообщившего о «выявлении» им в ЦГВИА новых источников о допросах Д. И. Завалишина (*Петровский Л. П.* История одного допроса. — История СССР, 1975, № 6, с. 81—85). Эти источники не требовалось выявлять: все использованные Л. П. Петровским документы являются копиями документов второго следственного дела Д. И. Завалишина (ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 47); сообщение о нем см.: Восстание декабристов, т. 3, с. 435—437). Более того, «выявленные» Л. П. Петровским документы были за четыре года до появления его статьи использованы в очерке Б. И. Еропкина «Декабрист Д. И. Завалишин» (Сибирь, 1971, № 2, с. 78—82).

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 48, л. 68—68об.

¹¹ Позднее Д. И. Завалишин вспоминал: «Отправив письмо государю в Верону по обычной английской почте, я, опасаясь, что оно могло или не застать его в Вероне, или быть задержано кем-либо из окружающих, отправил и дубликаты в Петербург: один на имя митрополита, знакомого мне, другой на имя князя Петра Михайловича Волконского» (*Завалишин Д. И.* Вселенский Орден Восстановления, с. 40).

и тотчас по получении сего письма отправь в Teneriff в С. Круз¹², дабы оно успело застать меня там прежде, нежели уйду в Бразилию. Ежели же не хочешь, дабы сие письмо было гласным — то пришли кого-нибудь, дабы тайно мог видеться со мною и сказать твои приказанія».

В мае 1824 г., когда «Крейсер» находился у о. Ситха, Завалишин по повелению императора покинул фрегат и, проехав через Сибирь, 3 ноября прибыл в Петербург¹³. Завалишин надеялся, что его речь об Ордена Восстановления произведет впечатление на императора¹⁴. Но встреча не состоялась, и Завалишин изложил все то, о чем он хотел поведать Александру I, в письме от 5 ноября 1824 г.

Как вспоминал Завалишин, предложения, изложенные в этом письме, рассматривала комиссия под председательством А. А. Аракчеева, в состав которой входили министр народного просвещения адмирал А. С. Шишков, адмирал Н. С. Мордвинов и министр иностранных дел К. В. Несельроде. В декабре А. С. Шишков объявил Д. И. Завалишину, что «государь находит идею увлекательною, но неудобноисполнимою»¹⁵.

Это второе письмо Завалишина, содержавшее план создания Ордена Восстановления, искали еще следователи. Во время допросов Завалишин не раз ссылался на это письмо, но письма не оказалось ни в бумагах Александра I, которые просматривали после смерти императора, ни в бумагах декабриста. Возникла мысль, что письмо осталось у адмирала Шишкова.

26 июля 1826 г. генерал-адъютант В. В. Левашов обратился к министру народного просвещения с просьбой доставить к нему письмо Завалишина. На это Шишков ответил, что письма у него нет. «На отношение Вашего превосходительства от 26-го сего месяца касательно письма от 5 ноября 1824 года, поданного блаженной памяти государю императору бывшим лейтенантом 8-го флотского экипажа Завалишиным, об утверждении в России Ордена Восстановления, — писал адмирал 31 июля, — поспешаю уведомить Вас, милостивый государь мой, что письмо сие благоугодно было блаженные памяти государю императору вручить мне для прочтения с тем, чтобы по учинении сего представить оное обратно его величеству, что мною тогда же и исполнено»¹⁶.

Трудно сказать, что побудило Шишкова дать такой ответ. Ведь письмо Завалишина к Александру I находится в фонде Шишкова в ЦГИА СССР, что позволяет думать, что и в 1826 г. оно находилось у него¹⁷. Это автограф Д. И. Завалишина, написанный характерным для него чрезвычайно мелким «бисерным» почерком на пяти листах плотной бумаги. Даты подлинник не имеет. В верхнем правом углу первого листа — помета А. С. Шишкова: «Письмо сие отдано мне было от государя императора Александра I».

Письмо от 5 ноября 1824 г. содержит рассказ о том, что привело его автора к идее Ордена Восстановления, аргументы в пользу закрепления России на берегах Тихого океана и план организации Ордена.

Д. И. Завалишин сообщал в нем императору, что целью создаваемого Ордена является восстановление нравственности, и намечал следующие средства к этому: «Во-первых, все члены Ордена должны были находиться на службе и примерным, истинным исполнением долга по всем службам восстановить правду и порядок. Другие, вспомоществуемые частными пособиями, — иметь надзор и основать новые училища, в коих первою наукою были бы правила веры и чести. Наконец, те, кои по беспокойному духу искать должны деятельности», отправятся распространять

¹² У острова Teneriff (Канарские острова; главный город — Санта-Крус) останавливались корабли, пересекавшие Атлантический океан.

¹³ Лазарев М. П. Документы. М., 1952, т. 1, с. 255—256; Восстание декабристов, т. 3, с. 228; ЦГИА, ф. 1673, оп. 1, д. 26, л. 1.

¹⁴ Завалишин Д. И. Записки декабриста, с. 81—86.

¹⁵ Там же; Завалишин Д. И. Вселенский Орден Восстановления, с. 41, 43.

¹⁶ ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 47, л. 47, 91; ЦГИА, ф. 735, оп. 10, д. 39, л. 1—2.

¹⁷ ЦГИА, ф. 1673, оп. 1, д. 26, л. 1—5.

христианство (а вместе с ним просвещение и христианскую нравственность) в странах, куда оно еще не проникло¹⁸.

Сначала Д. И. Завалишин хотел, чтобы его общество действовало тайно, но потом решил открыться императору и просить его поддержки. «Естьли ты утвердишь сей Орден,— писал он Александру I,— то образование его будет следующее: наберется Совет из людей опытных для управления оным и приглашены или непосредственным действием привлечены к вступлению те из людей, коих за нужное для безопасности удалить почтется»¹⁹. Затем предполагалось открыто объявить во всем мире о существовании Ордена, «открыть подписку вольных пожертвований и прием людей на службу». Размещение Ордена намечалось в Калифорнии и «для первого пристанища» нужно было просить Российско-Американскую компанию уступить ему крепость Росс.

Кроме писем 1822 и 1824 гг., о которых идет речь в нашей статье, известны были три письма Д. И. Завалишина к Александру I 1825 г. Однако эти письма, опубликованные в составе следственного дела декабриста²⁰, были написаны и отправлены уже после того, как император отказал Д. И. Завалишину в помощи для организации Ордена Восставления.

При изучении и использовании писем Д. И. Завалишина к Александру I необходимо учитывать, что они отражают лишь одну сторону его сложных и противоречивых планов и замыслов. Обращаясь к Александру I, декабрист мог раскрыть только то, что могло соответствовать интересам императора. Полностью планы Д. И. Завалишина возможно восстановить только на основании всего комплекса документов, характеризующих его взаимоотношения и с Александром I, и с декабристами.

¹⁸ Там же, л. 2об.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Письма от 20 июля, 21 авг. и 21 окт. 1825 г.— Восстание декабристов, т. 3, с. 250—252. Все письма напечатаны здесь по копиям. На первых двух имеются пометы: «Найдено в бумагах Завалишина», внушившие некоторым авторам мысль, что письма эти не были отправлены к Александру I (см., например: *Пигарев К. Жизнь Рыльева. М., 1947, с. 149*). В действительности это не так: копии этих же двух писем Завалишина находятся и в деле, где сосредоточены копии декабристских бумаг, найденных в кабинете покойного императора (ЦГАОР СССР, ф. 48, д. 12, л. 62—64об.). Таким образом, эти письма были получены Александром I.

А. Л. Тузов

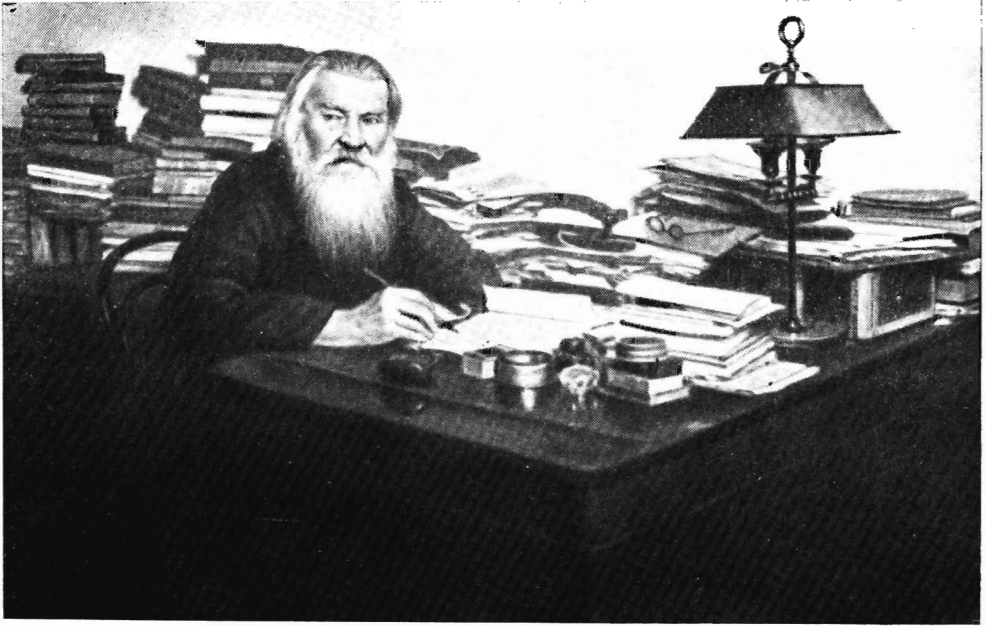
АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О И. Е. ЗАБЕЛИНЕ

Исполняется 75 лет со дня смерти видного русского историка, замечательного исследователя московской старины и древнерусского быта Ивана Егоровича Забелина (1820—1908). Историографы продолжают изучение его научного творчества. Первостепенное значение имеет определение круга источников об историке, в том числе архивных материалов¹. Цель настоящего сообщения — уточнение представления об архиве Забелина и материалах, связанных с его научной деятельностью.

До последнего времени из архивных источников о Забелине использовались преимущественно материалы его личного фонда в ОПИ ГИМ².

¹ *Нечкина М. В. История истории: (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки).*— В кн.: *История и историки: Историография истории СССР. М., 1965, с. 6—26.*

² ОПИ ГИМ, ф. 440. См., например: *Рубинштейн Н. Л. Иван Егорович Забелин: Исторические воззрения и научная деятельность.*— *История СССР, 1965, № 2, с. 54—74;* *Бугько С. П. Дневниковые записи И. Е. Забелина.*— В кн.: *Материалы научной студенческой конференции МГИАИ, май 1970 г. М., 1970, вып. 2. Источниковедение*

И. Е. Забелин в последние годы жизни

Этот крупный фонд, завещанный полностью ученым Историческому музею³, отличается хорошая сохранность дневников, переписки, подготовительных материалов и т. д. в сравнении с личными фондами ученых периода капитализма, которых дошло до нас немного, а дошедшие, по верному замечанию С. С. Дмитриева, «часто страдают неполнотой»⁴. Фонд И. Е. Забелина примечателен и тем, что коллекция документальных материалов составляет в нем самую большую часть⁵.

Во-первых, к бесспорному положению, что основной комплекс забелинских материалов хранится в ОПИ ГИМ, следует добавить следующее. Состав личного фонда Забелина не оставался неизменным. Ряд материалов был передан в ОР и другие отделы ГИМ, а также во вновь организованную ГПИБ — сюда поступило книжное собрание ученого, еще раньше влившееся в Библиотеку ГИМ⁶. Среди переданных материалов есть такие, которые характеризуют И. Е. Забелина как историка, отражают его научные интересы. Так, в 20-е годы московский краевед И. М. Тарабрин исследовал состав библиотеки Забелина как отражение научных ин-

историографии, с. 40—44. В ОПИ ГИМ вместе с подготовленным к печати в конце 1940-х годов текстом материалов второй части «Истории города Москвы» И. Е. Забелина хранятся правленные гранки предисловия и приложения к нему (издание не было осуществлено): *Рубинштейн И. Л.* И. Е. Забелин — историк Москвы: *Сакович С. И., Коголи П. И., Григорова С. П.* Материалы для истории Москвы в собрании И. Е. Забелина: (Краткий обзор). — ф. 440, ед. хр. 254-а, л. 1—6, 41—44, 46).

³ *Забелина М. П.* Заветы Ивана Егоровича Забелина. — В кн.: Отчет... Российского исторического музея... за 1883—1908 годы. М., 1916, с. 19—22; Отчет... Российского исторического музея... за 1909 год. М., 1910, с. 5—8.

⁴ *Дмитриев С. С.* Личные архивные фонды: Виды и значение их исторических источников. — ВА, 1965, № 3, с. 41.

⁵ *Калантырская И. С.* Фонды деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. — В кн.: Письменные источники в собрании Государственного Исторического музея. М., 1958, ч. 1, с. 44.

⁶ Там же, с. 44—45; Путеводитель по фондам личного происхождения Отдела письменных источников Государственного Исторического музея. М., 1967, с. 112. примеч. 1.

тересов ученого⁷, с такой же точки зрения рассматривал М. Н. Сперанский состав забелинского собрания рукописных памятников⁸.

Во-вторых, архивные источники о И. Е. Забелине не исчерпываются названными хранилищами. Укажем на некоторые материалы, выявленные в архивах Москвы и Ленинграда.

Документы ЦГИА г. Москвы подтверждают, что в 1981 г. исполнилось 100 лет с начала деятельности И. Е. Забелина в качестве официального историка древней столицы⁹. Дело «Об учреждении Комиссии для обсуждения вопроса о необходимости составления исторического описания Москвы» показывает, как Забелин принял на себя обязанности историографа. Оно содержит сведения о ходе подготовки «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы» (вместе с помощниками) и «Истории города Москвы»¹⁰, а также о тираже и степени популярности этих работ. «Материалы...» были изданы в 700 экземплярах (и дополнительно 300 оттисков для сотрудников издания за их счет), но «700 верных покупателей на изданную книгу», как желал того И. Е. Забелин, «в городе Москве, как и во всей России» не нашлось¹¹. Зато тираж «Истории города Москвы» в 1200 экземпляров разошелся быстро, и автор вскоре переиздал ее¹².

Интересны материалы фонда Московской городской думы о праздновании в Москве юбилеев И. Е. Забелина и документы об увековечении его памяти¹³. Интересно и дело из фонда Московского университета об избрании ученого-самоучки почетным членом. Среди подписей единогласного решения Совета университета в марте 1884 г. о баллотировке И. Е. Забелина есть и подпись В. О. Ключевского¹⁴.

Ряд документальных материалов отложился в связи со службой И. Е. Забелина по ведомствам министерств народного просвещения и императорского двора в фондах этих учреждений в ЦГИА СССР. Помимо стандартных формулярных списков и других служебных документов, примечательно дело 1882 г. «О разрешении И. Е. Забелину и его сотрудникам заниматься в архивах духовного ведомства в Москве»¹⁵. Из документов дела видно, как широка была программа намеченных ученым архивных разысканий в ходе подготовки «Материалов для истории, археологии и статистики города Москвы». И. Е. Забелин не только допускался к занятиям в архивах духовного ведомства, но и предписывалось допустить его «заниматься рассмотрением дел, книг и архивных бумаг для извлечения сведений по истории, археологии и статистике г. Москвы» во всех приходских церквях и монастырях города¹⁶.

Если указанные материалы только примыкают к творческим материалам ученого, дополняют основной фонд забелинских материалов, генетически связанный с ОПИ ГИМ, то хранящаяся в ОР ГПБ рукопись И. Е. Забелина под названием «Глава X. Очерк IX. Подмосковные поселения» относится к самостоятельным документам творческого харак-

⁷ Филимонов С. Б. Введение.— В кн.: Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения / Сост. и автор статьи С. Б. Филимонов. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 1980, с. 26—27.

⁸ Сперанский М. Н. Собрание рукописей И. Е. Забелина: Старая традиция.— В кн.: Отчет Государственного Исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, Прил. 2, с. 1—27.

⁹ Известия Московской городской думы, 1881, вып. 5, отд. официальный, стб. 14; вып. 8, отд. неофициальный, стб. 1—2.

¹⁰ Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1; 1891. Ч. 2; Он же. История города Москвы. М., 1902. Ч. 1 с приложением древнего плана Кремля.

¹¹ ЦГИА г. Москвы, ф. 179, оп. 21, т. 1, ед. хр. 450.

¹² Забелин И. Е. История города Москвы. 2-е изд. (автора), испр. и доп. с рис. в тексте и в особом альбоме. М., 1905. Ч. 1.

¹³ ЦГИА г. Москвы, ф. 179, оп. 21, т. 1, ед. хр. 450, л. 30—47.

¹⁴ Там же, ф. 418, оп. 53, ед. хр. 147, л. 3.

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 52 (1—1), ед. хр. 867.

¹⁶ Там же, л. 8.

тера¹⁷. Статья на 39 листах (и 38 оборотах) написана одним из характерных забелинских почерков — мелким, быстрым, достаточно разборчивым. О содержании рукописи говорит ее подзаголовок: «Воробьевы горы. Поклонная гора на Можайке. Кунцево. Архангельское. Поклонная гора, южной московской стороны. Коломенское, Царицыно. Восточная Владимирская сторона Москвы. Кусково. Сады XVIII ст. Косино. Кузьминки. Люблино. Горенки, Измайлово. Сады XVII ст. Поклонная гора на троицкой стороне. Останково¹⁸. Петровское, Разумовское, Петровский дворец»¹⁹.

Содержание рукописи, авторское оформление ее заглавия позволяют высказать мнение, что она предназначалась для издания «Живописная Россия» (приложение к петербургскому журналу «Новь»), в котором было опубликовано девять очерков И. Е. Забелина по истории Москвы²⁰. Видимо, выявленная рукопись осталась по каким-то причинам неопубликованной²¹. Это предположение позволяет объяснить, почему в заголовке статьи Забелина стоит «Очерк IX». Вероятно, очерк «Подмосковные поселения» должен был заключить цикл забелинских очерков в «Живописной России». Опубликованный очерк IX тоже посвящен Подмосковию, но не его селениям, а монастырям — «Окрестные святыни»²². По-видимому, часть неопубликованного материала была использована автором: так, в начале очерка VI «Москва — город» находим прямые совпадения с содержанием очерка «Подмосковные поселения»: также говорится об исключительной красоте подмосковных мест и «восхитительной панораме», открывающейся с Поклонной горы Можайской дороги²³.

Если настоящее предположение получит доказательство, то место очерка «Подмосковные поселения» в научном наследии И. Е. Забелина будет существенно уточнено²⁴.

В заключение следует пожелать дальнейших архивных разысканий о И. Е. Забелине, имя которого носит одна из улиц нашей столицы.

¹⁷ ОР ГПБ, ф. 1000, оп. 2, № 482.

¹⁸ Так в тексте.

¹⁹ ОР ГПБ, ф. 1000, оп. 2, № 482, л. 1.

²⁰ Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / Под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.; М., 1898, т. 6. Москва и Московская промышленная область, ч. 1. Москва, с. 1—241.

²¹ Сведений о публикации данной работы у нас нет. См.: Кузьминский К. С. Список печатных трудов И. Е. Забелина с 1842 по 1908 год. — В кн.: Отчет... Российского Исторического музея... за 1883—1908 годы, с. 23—34. Обязательно см. также «Замеченные опечатки» — (Там же, с. 207) и особенно дополнения «К стр. 25—34» (Там же, с. 6/№, после с. 208).

²² Живописная Россия, т. 6, ч. 1, с. 225—241.

²³ Там же, с. 120—121.

²⁴ Первоначальные соображения о вновь найденном очерке см.: Тузов А. Л. Источники о И. Е. Забелине в архивах Ленинграда. — В кн.: Источниковедение и историография. Специальные исторические дисциплины. М., 1980, с. 125.

В. Ю. Коровайников

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ФОНДЕ ЯРОСЛАВСКОГО ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО И КРАЕВЕДЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Материалы Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества (ЯЕИКО), находящиеся в настоящее время в Государственном архиве Ярославской области, представляют значительный интерес в плане изучения истории краеведческого движения в Ярославской губер-

¹ Автор выражает признательность профессору Сергею Сергеевичу Дмитриеву за советы и дополнительную информацию о работе Общества.

нии². В ф. 1541 хранятся материалы за дореволюционный период деятельности общества, а в ф. Р-221 сосредоточены документы советского времени. Фонды невелики по объему, насчитывают 338 дел.

Общество для исследования Ярославской губернии в естественно-историческом отношении (таково первоначальное название ЯЕИКО) было образовано в 1864 г. по инициативе и при деятельном участии известного педагога, ботаника и естествоиспытателя профессора Демидовского лицея в Ярославле Андрея Станиславовича Петровского (1831—1882). Цель общества по его уставу состояла в «исследовании Ярославской губернии в естественно-историческом отношении и в устройстве при гимназии местного естественно-исторического музея»³. В 1901 г. общество было переименовано в Ярославское естественно-историческое общество (ЯЕИО). До революции деятельность ЯЕИО ограничивалась изучением флоры и фауны ярославского «края», а также климата и геологического строения губернии. Собранные во время экскурсий экспонаты помещались в музей общества, двери которого впервые открылись для посетителей уже 12 января 1865 г.⁴ В 1902—1909 гг. были образованы Вологодское, Вельское (Вельск — город в Вологодской губернии), Ростовское и Рыбинское отделения ЯЕИО.

В советское время тематика занятий членов Ярославского общества значительно расширилась, впервые стали изучаться экономика, история, культура города и губернии. В Мышкине, Пошехоно-Володарске, Тутаеве (быв. Романов-Борисоглебск) и Угличе открылись новые отделения общества. Регулярно собирались местные съезды и конференции краеведов.

16 июня 1923 г. при ЯЕИО была организована секция краеведения⁵, в работе которой активное участие принимали историки профессора В. Н. Бочкарев и И. И. Полосин, преподававшие в то время в Ярославском педагогическом институте (ЯПИ). Деятельно трудились в секции также профессора и преподаватели того же института: историк древнерусского искусства Н. Г. Первухин (автор широко известных монографий о замечательных памятниках русского искусства XVII в. в Ярославле — храмах Богоявления, Ильи Пророка и Иоанна Предтечи в Толчкове, изданных К. Ф. Некрасовым, племянником поэта, в 1913, 1915, 1916 гг. в Москве), А. М. Смирнов-Кутачевский (фольклорист), С. А. Копорский (языковед и фольклорист), М. Е. Кадек (эконом-географ, впоследствии профессор Московского университета и ректор Рижского университета).

В 1924 г. общество получило название ЯЕИКО. Образование и деятельность секции краеведения — важный этап в истории ЯЕИКО. Секция объединила местных краеведов, направила их усилия на изучение наиболее важных проблем региональной истории: темы революционного движения, экономического развития Ярославля в XVII—XIX вв., культурной жизни города. Секция издавала труды⁶.

Общее представление о деятельности секции краеведения дают годовые отчеты ЯЕИКО за период с 16 июня 1923 г. по 1 октября 1930 г.⁷ Отчеты содержат сведения о направлениях работы секции и тематике заслушанных на ее заседаниях докладов, о персональном составе президиума секции (секретарем которой был С. С. Дмитриев, ныне профессор исторического факультета МГУ) и количественном составе секции, посещаемости заседаний и др. Небольшой отчет о деятельности секции за неполные пять лет ее существования с приложением списка докладов, заслушанных на заседаниях секции, был опубликован С. С. Дмитриевым (под псевдонимом С. Д.)⁸. В то же время, в 1924—1929 гг., в ярослав-

² Некоторые сведения о ЯЕИКО содержатся в местных краеведческих изданиях, путеводителях по ГАЯО и Ярославскому историко-краеведческому музею.

³ ГАЯО, ф. 1541, оп. 1, д. 1, л. 4.

⁴ Там же, д. 2, л. 120.

⁵ Там же, ф. Р-221, оп. 1, д. 190, л. 30.

⁶ Огурцов Н. Г. Опыт местной библиографии. Ярославль, 1924; Ярославский край: Сб. статей. Ярославль, 1929. Сб. 1, 2.

⁷ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 173, 189, 190, 217, 224, 226, 243, 262, 277.

⁸ Ярославский край, сб. 1, с. 79—82.

тской областной газете «Северный рабочий» С. С. Дмитриев время от времени печатал хроникально-документальные заметки и сообщения о заседаниях секции краеведения, о краеведческих конференциях. Они публиковались под псевдонимами С. Д., Ч. С. (т. е. член секции), Ч. С. К. (т. е. член секции краеведения).

Особого внимания заслуживают 60 рукописных и машинописных протоколов заседаний секции за 21 июня 1923 г.—1 марта 1929 г. и материалы к ним⁹. В протоколах содержатся данные об участии членов секции в подготовке к празднованию 900-летия Ярославля в 1924 г. и к губернскому съезду краеведения 1924 г., посвященному 60-летию ЯЕИКО, о планировании работы секции и др. Протоколы отражают содержание прочитанных на заседаниях секции докладов.

Формуляр протоколов достаточно устойчив и фиксирует название секции и общества, номер протокола (нумерация годовая), дату заседания, список присутствующих, фамилии председателя и секретаря, повестку дня заседания, изложение содержания доклада и выступлений в прениях, ход обсуждения «текущих дел», фамилии вновь избранных членов, заверительные подписи председателя и секретаря. Наиболее интересны протоколы, представленные несколькими вариантами записи: черновиком, «беловиком» и машинописной копией. Сравнительный анализ содержания всех вариантов протокола позволяет дополнить содержание белового варианта сведениями из черновика, устранить опечатки в машинописной копии.

На заседании 28 июня 1923 г. был заслушан доклад старейшего ярославского краеведа И. А. Тихомирова (1866—1938) о задачах и целях секции¹⁰ (в фонде ЯЕИКО сохранился текст доклада — автограф)¹¹. Перечислив уже сделанное в области изучения родного края, И. А. Тихомиров пришел к выводу, что «до сих пор» основное внимание уделялось животному и растительному миру и совсем незначительное — человеку. Докладчик предложил обширную программу работы секции, включившую изучение антропологии, физической географии края и жизни человека «во всех ее проявлениях». В ходе обсуждения доклада решено было обратить внимание на «собрание и хранение памятников письменности прошлого и настоящего», «на сохранение для науки и искусства остатков дворянской культуры»¹². Об активности И. А. Тихомирова наглядно свидетельствуют пять докладов, сделанных им в секции в 1923—1928 гг. А об отношении к нему научной общественности того времени говорит такой факт. В 1924 г. был издан с грифом «Секция краеведения при Ярославском естеств.-историческом и Краеведческом обществе» первый монументальный опыт советской краевой библиографии — книга Н. Г. Огурцова «Опыт местной библиографии. Ярославский край (1718—1924)». Книгу предварял следующий текст: «Самоотверженному краеведу-ярославцу Иллариону Александровичу Тихомирову посвящается этот охранный труд».

Историческому прошлому Ярославля посвящен ряд докладов В. Н. Бочкарева. Доклад «Спасский монастырь и его обитатели в XVII веке»¹³, вскоре опубликованный¹⁴, представляет собой часть готовившейся автором большой работы «Ярославский Спасский монастырь и его вотчинное хозяйство». В докладе «Ярославский посад в XVII в.»¹⁵ В. Н. Бочкарев проследил развитие торговли в городе за 60 лет (имеются сведения о количестве торговых рядов и лавок, предметах торговли, связях торговли с ремеслом, росте торговых оборотов).

В докладе «Социально-экономическая база Ярославля как города-музея

⁹ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, л. 193, 194, 203, 204, 219, 220, 241, 260.

¹⁰ Там же, д. 193, л. 2—2об.

¹¹ Там же, л. 4—6.

¹² Там же, л. 2об., 4об.—6.

¹³ Там же, д. 241, л. 31.

¹⁴ Ярославский край, сб. 2, с. 113—132.

¹⁵ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 260, л. 32.

XVII в.»¹⁶ (тезисы доклада опубликованы)¹⁷ автор исследовал экономические причины бурного роста церковного строительства в XVII в. и пришел к выводу, что «кожевенное производство, а также торговля рыбой и солью способствовали накоплению средств в Ярославле, а большое количество хорошо подготовленных каменщиков и кирпичников дало возможность создать на эти средства прекрасные памятники архитектуры и изобразительного искусства»¹⁸. Доклад В. Н. Бочкарева «Ярославская губерния 150 лет назад; ее возникновение, территория и население»¹⁹ представляет собой экономико-статистический обзор земель, вошедших во вновь образованную губернию. Этот доклад переработан в статью, вышедшую отдельным изданием²⁰. О содержании других докладов В. Н. Бочкарева («Из истории ярославской посадской буржуазии XVIII в.», «Ярославль 60—70-х годов XVIII столетия», «Фабрично-заводская промышленность последней четверти XVIII в. города Ярославля и его уездов»)²¹ ничего сказать нельзя, так как отсутствуют протоколы. Протокол, в котором зафиксирован доклад «Предпосылки революции 1917 г. в Ярославской губернии по материалам местного жандармского архива»²², — «глухой». Такой характер протокольной записи о данном докладе, видимо, объясняется тем, что все основное содержание доклада было только что опубликовано его автором в «Каторге и ссылке» (1922, № 1) и «Историко-революционном вестнике» (1923, № 5).

Изучению посадского населения посвящен доклад И. И. Полосина «Ярославский посад по переписным книгам 1646 г.»²³ Основные выводы докладчика относительно процессов дифференциации города и деревни, выделения ярославского посада из уезда подтвердились позднейшими исследованиями²⁴.

Студент ЯПИ Н. П. Синотов сделал доклад на тему «Аграрная реформа 1861 г. в Ярославской губернии по уставным грамотам»²⁵, опубликованный в Трудах ЯПИ²⁶. Докладчик ознакомил членов секции с результатами работы группы студентов, обработавшей 665 уставных грамот. П. А. Зайончковский и Б. Г. Литвак отметили вклад, внесенный в изучение уставных грамот «группой И. И. Полосина и В. Н. Бочкарева»²⁷.

Два доклада о движении декабристов прочитал член секции архивист и историк А. И. Смирнов. Доклад «Отголоски восстания декабристов в Ярославской губернии»²⁸ опубликован под тем же названием в трудах секции²⁹. В докладе содержится описание пребывания в Ярославле следовавших в ссылку декабристов и «бунтов рабочих и крепостных крестьян». В ходе обсуждения доклада было высказано сомнение в правильности вывода о том, что выступление декабристов послужило непосредственной причиной крестьянских волнений. Во втором докладе А. И. Смирнова «Ярославцы-декабристы»³⁰ освещены биографии трех

¹⁶ Там же, л. 97—98.

¹⁷ ТЯПИ. Ярославль, 1929, т. 3, вып. 4, с. 118—119.

¹⁸ Там же, с. 119.

¹⁹ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 220, л. 57.

²⁰ Бочкарев В. Н. Ярославское наместничество в последней четверти XVIII века. Ярославль, 1926.

²¹ Отчет за 1929/30 г. — ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 277, л. 54об.

²² Там же, д. 194, л. 46об.

²³ Там же, д. 220, л. 76—76об.

²⁴ Талльман Е. М. Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII века. — ИЗ, 1946, т. 20, с. 96—129 и др.

²⁵ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 241, л. 28.

²⁶ Синотов Н. П. Аграрная реформа 19 февраля 1861 года в Ярославской губернии. — В кн.: ТЯПИ, т. 3, вып. 4, с. 83—110.

²⁷ Зайончковский П. А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958, с. 18; Литвак Б. Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года. — История СССР, 1960, № 6, с. 102.

²⁸ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 220, л. 39.

²⁹ Ярославский край, сб. 2, с. 85—112.

³⁰ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 220, л. 45.

декабристов, выходцев из Ярославской губернии, — кн. Д. А. Щейна-Ростовского, кн. В. М. Голицына и Н. П. Окулова.

Жизни и творчеству великого русского поэта Н. А. Некрасова посвящены доклады этнографа и антрополога А. Е. Богдановича (1862—1940, отец белорусского поэта М. А. Богдановича) «Поэзия Н. А. Некрасова», Н. Г. Первухина «Н. А. Некрасов и ярославский край», В. Ф. Чистякова с записями воспоминаний старожилов-ярославцев о Некрасовых³¹ (воспоминания были затем опубликованы³², а также использованы в работе педагога А. Г. Полотебнова «Грешнево и Некрасов»³³). Большой интерес у присутствующих вызвал доклад С. С. Дмитриева «Материалы для биографий семьи Некрасовых и А. В. Сухова-Кобылина, найденные в „Ярославских губернских ведомостях“»³⁴. Часть доклада, касающаяся сведений о семье Некрасовых, была опубликована и ввела новые важные данные в советское некрасоведение³⁵. Материалом для доклада послужили 18 объявлений отца поэта в местной газете о распродаже имущества, ямской гоньбе и оркестре крепостных музыкантов, а также два стихотворения К. А. Некрасова, младшего брата поэта, в которых, по мнению докладчика, отразились обострившиеся отношения между отцом и младшим сыном. С. С. Дмитриевым была также написана статья «Сотрудничество Л. Н. Трефолева в исторических журналах» — первая из работ С. С. Дмитриева по изучению исторической журналистики в России³⁶. И. А. Тихомиров подготовил доклад «Ф. Г. Волков как актер и художник»³⁷ (содержание доклада не зафиксировано в протоколе). С докладом «Ярославец скульптор А. М. Опекушин, его жизнь и творчество»³⁸ выступил А. И. Скребков. Докладчик продемонстрировал некоторые личные документы А. М. Опекушина, поделился воспоминаниями о встречах со своим знаменитым земляком.

Значительное место в работе секции краеведения занимало изучение фольклора и этнографии. На заседаниях секции был заслушан цикл докладов К. М. Дмитриева под общим названием «Курбская волость Ярославского уезда. Исторический и этнографический обзоры»³⁹, доклады А. И. Скребкова «Деревня в историко-бытовом, этнографическом и экономическом разрезах»⁴⁰ (деревня Каурцово Бурмакинской волости Ярославского уезда), А. Д. Титова «Свадебные обряды Положиновской волости Даниловского уезда»⁴¹ и «Крестьянская свадьба Даниловского уезда»⁴² (последний опубликован под тем же названием)⁴³ и др.

В фонде ЯЕИКО находятся некоторые материалы отделений общества, а также часть материалов местных съездов и конференций по краеведению, представляющие немалый интерес для исследователей.

³¹ Там же, д. 260, л. 26—26об.

³² Воспоминания старожилов некрасовщины о Некрасовых. — В кн.: Ярославский край, сб. 2, с. 198—200.

³³ Ярославский край, сб. 1, с. 66—77.

³⁴ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 260, л. 32об.

³⁵ Дмитриев С. С. Объявления Некрасовых в ярославской газете. — В кн.: Ярославский край, сб. 1, с. 60—65.

³⁶ Ярославский край, сб. 2, с. 142—165.

³⁷ ГАЯО, ф. Р-221, оп. 1, д. 219, л. 1.

³⁸ Там же, д. 241, л. 1.

³⁹ Там же, д. 260, л. 8—8об., 16—17, 37, 94.

⁴⁰ Там же, д. 241, л. 21—22 об.

⁴¹ Там же, д. 193, л. 10 об.

⁴² Там же, д. 194, л. 31.

⁴³ Ярославский край, сб. 2, с. 166—183.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ТАВРИЧЕСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
И ТАВРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ 1920—1931 ГГ.

Продолжительная и разносторонняя деятельность Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК), преобразованной 25 марта 1923 г. в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ), нашла в печатных источниках неравномерное отражение: подавляющее большинство изданий этой организации относится к дореволюционному периоду ее существования¹. Более того, если «Известия» ТУАК содержат наряду с другими научными и делопроизводственными материалами и такой ценный источник, как протоколы заседаний Комиссии за 1887—1917 гг., то в «Известиях» ТОИАЭ приведены лишь перечни докладов, заслушанных на заседаниях Комиссии и Общества в 1920—1928 гг.²; протоколы заседаний ТУАК за 1918—1919 гг. опубликованы в отдельном издании³.

Основная часть архива ТУАК и ТОИАЭ, насчитывающая 106 дел, хранится в фондах Крымского краеведческого музея (ККМ)⁴. Она включает списки членов, переписку, заполненные анкеты по учету памятников древности в Крыму, отчеты за 1920—1927 гг. (отличающиеся от изданных большей полнотой), рукописи некоторых опубликованных и неопубликованных работ, а также — что особенно важно! — все 130 неопубликованных (рукописных и машинописных) протоколов заседаний ТУАК и ТОИАЭ за 17 января 1920 г. — 15 января 1931 г. (К сожалению, в протоколах изложено содержание не всех докладов и прений по ним; многие сообщения в протоколах лишь названы, а прения по ним не зафиксированы.) Обнаруженные материалы позволяют существенно обогатить известные по литературе представления о деятельности ТУАК и ТОИАЭ советского периода, так как статья деятельного члена Комиссии и Общества профессора В. И. Филоненко⁵ основана на печатных источниках.

Протоколы свидетельствуют, что ТОИАЭ функционировало до 15 января 1931 г., когда Общество вошло во вновь организуемое Крымское бюро краеведения⁶. В деятельности ТУАК и ТОИАЭ в 1920—1931 гг. живое участие принимали такие видные представители науки и культуры, как Д. В. Айналов, Г. А. Бонч-Осмоловский, В. И. Вернадский,

¹ Известия Таврической ученой архивной комиссии (далее: ИТУАК). Симферополь, 1887—1920. Т. 1—57; Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (далее: ИТОИАЭ). Симферополь, 1927—1931. Т. 1 (58) — 4.

² Маркевич А. Краткий очерк деятельности Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1887—1927 гг. — ИТОИАЭ. Симферополь, 1928, т. 2 (59), с. 181—187; Маркевич А. И., Эрнст Н. Л. Отчет о деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1928 г. — ИТОИАЭ. Симферополь, 1929, т. 3(60), с. 191—193.

³ Приложение к № 57 Известий Таврической ученой архивной комиссии (далее: Приложение), [Симферополь, 1920].

⁴ Другая, менее значительная часть архива ТУАК хранится в Крымском областном государственном архиве (КОГА, ф. 161, оп. 1, д. 1—19); она содержит в основном анкетные сведения 1916 г. о состоянии архивов при учреждениях губернии.

⁵ Филоненко В. Наукова діяльність Таврійської наукової архівної комісії і Таврійського товариства історії; археології та етнографії (1887—1929 рр.). — Архіви України, 1967, № 1 (81), с. 31—34.

⁶ Следует обратить внимание исследователей на неопубликованный очерк известного крымского краеведа А. И. Полканова «Краеведение», написанный, вероятно, в конце 1930-х годов: в нем содержатся сведения по истории краеведения в Крыму, и в частности о деятельности Крымского бюро краеведения. — КОГА, ф. 3814 (А. И. Полканова), оп. 1, д. 136, л. 1—36.

Б. Д. Греков (состоявший в должности товарища председателя ТУАК⁷), Н. К. Гудзий, И. Ю. Крачковский, А. Е. Крымский, Е. В. Петухов, К. А. Тренев, Ф. И. Шмит и др. Председателем ТУАК и ТОИАЭ был А. И. Маркевич, с 3 апреля 1930 г.— Н. Л. Эрнст.

Как справедливо отмечал В. И. Филоненко⁸, особого внимания заслуживает деятельность ТУАК и ТОИАЭ советского периода, связанная с разработкой вопросов источниковедения и других специальных исторических дисциплин. На заседаниях Комиссии и Общества в 1920—1931 гг. заслушивались доклады (многие из которых были впоследствии опубликованы), посвященные источникам вещественным (и прежде всего археологическим), этнографическим, лингвистическим, устным. Но главным объектом охраны, собирания и изучения являлись письменные источники. Так, в отчете ТУАК за 1920 и 1921 гг. А. И. Маркевич указывал, что в связи с Февральской революцией 1917 г., «исполняя свой долг, Комиссия обратилась в местной прессе с воззваниями к населению Тавриды о бережном отношении к памятникам истории Родины, как монументальным и вещественным, так и письменным, в частности архивным, как важнейшим историческим ценностям, а вместе с тем обращалась с ходатайствами к властям о принятии мер к охране архивов в городах и селениях...»⁹. Забота Комиссии о сохранении архивных материалов во многом способствовала организации, с установлением Советской власти, Крымского центрального архива, инициатором учреждения и первым заведующим которого был Б. Д. Греков¹⁰.

На заседаниях ТУАК и ТОИАЭ советского периода было заслушано немало докладов (подавляющее большинство которых было опубликовано), специально посвященных письменным источникам по истории Крыма, преимущественно античного и средневекового периодов¹¹.

⁷ Согласно протоколам (см. Приложение), Б. Д. Греков был избран действительным членом ТУАК 3 (16) февраля 1919 г., а через заседание, 25 марта 1919 г., — товарищем председателя Комиссии. На заседаниях ТУАК 11 мая, 24 сентября, 17 октября и 1 ноября 1919 г. им были сделаны соответственно следующие сообщения: «Об ученой и учебной деятельности А. С. Лаппо-Данилевского» (опубликовано в ИТУАК. Симферополь, 1919, т. 56, с. 148—156), «Памяти академика М. А. Дьяконова», «Памяти С. Д. Шереметева», «Об ученой и литературной деятельности С. Ф. Платонова». По материалам ТУАК не представляется возможным определить, когда Б. Д. Греков оставил должность товарища председателя Комиссии. Но на заседании 25 июня 1922 г. А. И. Маркевич «просил избрать, не откладывая, товарища председателя, так как профессор Б. Д. Греков, уехавший из Симферополя, хотя и не отказался еще от этой должности, но, очевидно, нести ее не в состоянии» (ККМ, КП-23075, л. 33).

⁸ Филоненко В. Указ. соч., с. 33.

⁹ ККМ, КП-23076, л. 3. Подробнее о мерах, предпринимавшихся ТУАК по спасению архивов, см. также: ИТУАК. Симферополь, 1919, т. 56, с. 315; ИТОИАЭ, т. 2 (59), с. 182—183.

¹⁰ Филмонов С. Б. Б. Д. Греков — заведующий Крымцентрархивом. — СА, 1978, № 3, с. 28—31. В дополнение к изложенным в статье сведениям по истории архивного строительства в Крыму полезно сообщить следующее. Из докладной записки Б. Д. Грекова таврическому губернатору от 24 июня 1919 г. явствует, что А. С. Лаппо-Данилевский, высказываясь за устройство центральных архивов, «указывал на Таврическую губернию, с которой, по его мнению, удобней всего было бы начать это дело, так как архивы этого края сравнительно молодые, их легче свезти в одно место, легче справиться с описанием документов и т. п.» (КОГА, ф. р.—2235, оп. 1, д. 25, л. 12). К советскому архивному строительству, кроме Б. Д. Грекова, А. И. Маркевича, привлекались и другие видные представители старой интеллигенции: согласно удостоверению Крымского областного архивного управления от 13 июня 1921 г., известный поэт и художник М. А. Волошин уполномочивался быть архивистом по г. Феодосии и уезду (удостоверение хранится в личном фонде М. А. Волошина).

¹¹ Греков Б. Д. «Повесть временных лет» о походе Владимира на Корсунь. — ИТОИАЭ, т. 3 (60), с. 99—112; Дложевский С. С. Декилька невиданих місць з рукопису Павла Дюбрюкса. — Там же, Симферополь, 1927, т. 1 (58), с. 67—68; Жебелев С. А. Геродот и скифские божества. — Там же, с. 85—90; Каля И. С. По поводу одной крымчакской рукописи. — Там же, с. 100—105; Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал: Топонимические данные крымских архивов. — Там же, т. 2 (59), с. 17—32; Новосадский Н. И. Несколько заметок о композиции первой книги Геродота. — Там же, т. 1 (58), с. 122—125; Пархоменко В. А. Новые толкования «Записки готского топарха». — Там же, т. 2 (59),

Среди оставшихся неопубликованными¹² следует выделить доклад сотрудника Крымского Истпарта И. Р. Гелиса «Мемуары революции как исторический источник», прочитанный 24 мая 1925 г. Он явился едва ли не первой в советской историографии попыткой такого рода исследования. Как отмечено в протоколе, докладчик напомнил, что «в ближайшие годы предстоят юбилеи революций 1905 и 1917 гг., к которым будут писаться многочисленные мемуары их участниками. Внесению порядка в эту будущую мемуарную литературу, повышению критического уровня ее и должен служить настоящий доклад, указывающий, как нужно писать мемуары. С этой целью докладчик анализирует природу наличной мемуарной литературы и классифицирует мемуары по их авторам на мемуары: 1 — организаторов, 2 — участников, 3 — свидетелей, 4 — очевидцев, 5 — современников, и считает первые наиболее ценными, последние — наименее. Далее докладчик указывает, как нужно писать: стремиться к точности географических и хронологических указаний, выявлять основные моменты движения, выяснять политические группировки и национальные течения, искать авангард движения, изображать работу партий и значение отдельных фигур, работу организаций и связь их с массами, выяснять повод к событиям и выступлениям, выяснять фазы движения». В прениях по докладу Н. Л. Эрнст указал, что «избранный докладчиком практический подход к вопросу об исторических мемуарах заключает в себе опасность, что стирается грань между мемуарами и историческими исследованиями и от мемуариста требуется, чтобы он был исследователем. От этого мемуары потеряют ценность непосредственности». А. И. Маркевич отметил, что «часто наиболее ценными являются как раз мемуары современников, а не организаторов, которые более пристрастны»¹³.

Значительное место в работах ТУАК и ТОИАЭ советского периода занимает и археографическая деятельность. (Рукописи некоторых из подготовленных Комиссией и Обществом к изданию ценных малоизвестных источников по истории Крыма отложились в ККМ.) В составленном, вероятно, в середине 1920-х годов «Списке научных материалов и исследований Таврического общества истории, археологии и этнографии в рукописях, приготовленных к печати»¹⁴ в разделе «Серия: классики краеведения в русских переводах»¹⁵ значатся: академик П. Паллас («Заметки во время путешествия по некоторым южным наместничествам Русского государства»¹⁶); Тунманн («Крым» (Из Бюшинга. «Всеобщее землеописание»)¹⁷); Кларк («Путешествие по России, Турции, Кавказу и Крыму»¹⁸); Дюбуа де Монпере («Путешествие вокруг Кавказа и по

с. 133—135; *Самойлович А. Н.* Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыш-хана. — Там же, т. 1 (58), с. 141—144; *Смолин В. Ф.* К вопросу об источниках Страбона к Боспорскому царству. — Там же, т. 3 (60), с. 66—71.

¹² *Маркон И. Ю.* «Давид Лехну и его хроника Крымского ханства». [О сочинении карасубазарского раввина Давида Лехну «Устное слово», представляющего собой хроника Крымского ханства 1681—1731 гг.] — Протокол от 16 нояб. 1924 г. (ККМ. КП-24584, л. 14 об.—15).

¹³ ККМ, КП-24584, л. 26.

¹⁴ Там же, КП-24587, л. 1.

¹⁵ Намеченные в этой серии публикации соответствуют развернутой программе издания записок иностранцев о Крыме (начиная с писателей древности и кончая первой половиной XIX в.), представленной в письме А. Л. Бертье-Делагарда к А. И. Маркевичу от 14 (27) февраля 1918 г. (Приложение, с. 9—11).

¹⁶ *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793 и 1794 гг. / Пер. с нем. и предисл. С. Л. Белявской, А. Л. Бертье-Делагарда. Т. 2 (ККМ, КП-22971, л. 1—175 об.).

¹⁷ *Тунманн М.* Крымское государство / Пер. С. Л. Белявской; Поправки, дополнения и вставки Н. Л. Эрнста (ККМ, КП-24590, л. 1—36). См. также: *Тунманн.* Крымское ханство / Пер. с нем. издания 1784 г. Н. Л. Эрнста, С. Л. Белявской; Примеч., предисл. и прил. Н. Л. Эрнста. [Симферополь], 1936.

¹⁸ Путешествие по России, Татари и Турции Эдуарда Даниила Кларка, профессора минералогии Кембриджского университета / Пер. проф. А. А. Брандта, гл. XVII—XXIII (ККМ, КП-23140, л. 1—185).

Крыму»¹⁹); Гютри («Путешествие по Крыму»); Кравен («Путешествие по Крыму»²⁰). В разделе «Исторические материалы» того же «Списка...» отмечено также: «Ордера кн. Потемкина по управлению Крымом (дополнительно к изданным. Касаются гл[авным] обр[азом] раздачи земель)»²¹.

Была подготовлена к печати и обширная корреспонденция (333 письма) академика П. И. Кеппена к Х. Х. Стевену 1820—1862 гг.²² В предисловии к ней, наличие которого выгодно отличает данную публикацию от большинства других, А. И. Маркевич писал: «В 1913 году член Таврической ученой архивной комиссии А. А. Стевен передал в ее распоряжение собрание писем к его деду, известному ботанику Христиану Христиановичу Стевену, его сослуживца и друга П. И. Кеппена. Эти письма Комиссия издает в переводе на русский язык как весьма ценный материал не только для характеристики обоих знаменитых ученых, но и той эпохи, которую охватывают эти письма, именно с начала 1820 г. до конца 1862 г. По-видимому, до нас дошли не все письма Кеппена к Стевену, чем объясняются значительные перерывы в их переписке. Комиссия жалеет, что не имеет возможности издать и письма Х. Х. Стевена к Кеппену, которые находятся в бумагах последнего, переданных в Российскую Академию наук, и в других собраниях его бумаг. Это будет сделано при первой возможности. Ответные письма Стевена особенно были бы ценны для иллюстрации жизни Крыма как в экономическом и хозяйственном отношении, так и культурно-общественном. Печатаемые письма Кеппена разнообразны по содержанию, отличаются деловитостью, иногда сухостью языка и чужды литературной отделки и художественности. Немногие примечания к письмам разъясняют местные крымские обстоятельства и отношения обоих корреспондентов»²³.

Среди докладов, заслушанных на заседаниях ТУАН и ТОИАЭ советского периода, выделяется цикл историко-литературной тематики (некоторые из докладов были опубликованы): о В. Я. Брюсове²⁴, П. А. Вяземском²⁵, А. С. Грибоедове²⁶, Ф. М. Достоевском²⁷, М. Ю. Лермонтове²⁸, А. С. Пушкине²⁹, Л. Н. Толстом³⁰, Н. Г. Чернышевском³¹,

¹⁹ *Монпери Д. де.* Из путешествия вокруг Кавказа к черкесам и абхазцам в Колхиду, Грузию, Армению и в Крым: Пер. с фр. (ККМ, КП-24592, л. 1—220 об.).

²⁰ *Кравен.* Путешествие в Константинополь через Крым в 1766 г.: (Выписки из писем). Пер. с фр. (ККМ, КП-24591, л. 1—160 об.).

²¹ В ККМ и КОГА этих оставшихся неопубликованными материалов обнаружить не удалось. Хуже того, на заседании ТОИАЭ 27 сентября 1925 г. А. И. Маркевич заявил: «Окончательно выяснилось, что в Центр[альном] архиве погибли подлинные ордера Потемкина и Зубова...» (ККМ, КП-24584, л. 29.).

²² ККМ, КП-23126, КП-23128, КП-23129, л. 1—995.

²³ Там же, КП-24602, л. 12.

²⁴ *Опалов В. Г.* В. Я. Брюсов в Крыму.— ИТОИАЭ, т. 3(60), с. 160—164.

²⁵ *Маркевич А. И.* П. А. Вяземский и Крым.— Там же, с. 113—115; *Он же.* П. А. Вяземский как поэт и критик.— Протокол от 5 апр. 1929 г. (ККМ, КП-24584, л. 86).

²⁶ *Филоненко В. И.* Грибоедов в Крыму.— ИТОИАЭ, т. 1 (58), с. 157—164; *Он же.* Грибоедов и Восток.— Протокол от 22 февр. 1929 г. (ККМ, КП-24584, л. 85 об.).

²⁷ *Петухов Е. В.* Из интимной жизни Достоевского.— Протокол от 24 марта 1928 г. (ККМ, КП-24584, л. 75); *Он же.* Новое о Достоевском.— Протокол от 29 нояб. 1930 г. (Там же, л. 103).

²⁸ *Соколов В. В.* Лермонтов в Тамани.— ИТОИАЭ, т. 2 (59), с. 127—129.

²⁹ *Жирицкий Л. В.* Пушкин и Овидий.— ИТОИАЭ, т. 1 (58), с. 90—99; *Петухов Е. В.* Заметки о Пушкине.— Там же, с. 126—131; *Платонов С. Ф.* Пушкин и Крым.— Там же, т. 2 (59), с. 1—6; *Адрианов С.* Пушкин и Крым.— Там же, с. 6—7; *Филоненко В. И.* «Подражания Корану» Пушкина.— Там же, с. 8—16; *Маркевич А.* Пушкин у Крыму.— Студії з Крыму: Всеукраїнська АН. Збірник Іст.-філол. відділу (Далее: Студії), I—IX/Ред. А. Е. Крымський, Київ. 1930, № 89, с. 111—115. (Благодарю В. И. Канарш, указавшую на это малоизвестное издание); *Вернадский Г. В.* Пушкин как историк; *Гудзий Н. К.* А. С. Пушкин как литературный критик; *Василевский Н. Н.* Салгир Пушкина; *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму.— Протоколы от 18 окт. 1920 г., 17 окт. 1927 г., 16 апр. 1929 г. (ККМ, КП-23075, л. 21; КП-24584, л. 69, 86об.).

³⁰ *Гудзий Н. К.* Молодой Толстой и цензура: (Цензурная история рассказа «Севастополь в мае 1855 г.»).— ИТОИАЭ, т. 2(59), с. 55—57; *Маркевич А. И.* Толстой как историк; *Он же.* Толстой в Крыму; *Филоненко В. И.* 9 сент. 1928 г. в Ясной Поля-

А. П. Чехове³². К нему примыкает ряд оставшихся неопубликованными сообщений, посвященных памяти скончавшихся известных деятелей науки (нередко основой для сообщения являлись личные воспоминания выступавших): В. В. Бартольда (В. И. Филоненко), А. Л. Бертье-Делагарда (Д. В. Айналов, А. Н. Деревицкий, И. А. Линниченко, А. И. Маркевич, С. А. Мокржецкий), В. С. Икёникова (А. М. Лукьяненко, Г. А. Максимович, А. И. Маркевич), А. И. Соболевского (А. Н. Деревицкий, А. М. Лукьяненко, А. И. Маркевич), Б. В. Фармаковского (Л. А. Мойсеев)³³ и др.

В 1929 г. в редакционной статье «О задачах „Известий Таврического общества истории, археологии и этнографии“» отмечалось: «В лежащих перед нами трех томах нашего органа нет почти ни одной статьи из истории Крыма русского периода и ни одной — из истории революционного движения в Крыму, истории гражданской войны и советского периода»³⁴. Между тем из протоколов явствует, что на заседаниях ТОИАЭ обсуждался ряд докладов по истории освободительного и революционного движения, истории гражданской войны и установления Советской власти в Крыму.

Так, заседание 27 декабря 1925 г. было полностью посвящено памяти декабристов. На нем с докладами выступили профессора А. К. Сынопалов («Корни идеологии декабристов»), Е. В. Петухов («Декабристы и русская литература»), А. И. Маркевич («Декабристы и Крым»). Как зафиксировано в протоколе, последний докладчик «указывает на очаг декабристских идей, существовавший в имении [А. М.] Бороздина Саблы, очерчивает личность самого Бороздина и участие в его кругу декабристов — Давыдовых, Раевских, Муравьевых, Поджио, [В. Н.] Лихарева и пр. Впоследствии Саблы перешли во владение Давыдовых, создавших здесь средоточие воспоминаний о декабристах. Другим декабристским очагом была семья Раевских. Воспоминания и реликвии о Никите Муравьеве хранились в имении Киль-Бурун, принадлежавшем его племяннику. Здесь хранилась некоторое время его библиотека»³⁵. Далее докладчик упоминает о ряде декабристов и лиц, связанных с их движением, имеющих отношение к Крыму: о [Н. И.] Лорере, Н. Н. Раевском, [П. Д.] Мозгане, [В. А.] Шпейере, [В. И.] Пестеле, [Е. В.] фон Руге, [В. П.] Романове, [В. А.] Перовском, [Г. Ф.] Олизаре, потомках [В. П.] Ивашева, и полагает, что связей декабристов с Крымом было значительно больше, но за гибелью многих архивов их ныне трудно установить. Докладчик демонстрирует собранию ряд принадлежащих Обществу портретов декабристов и их потомков. По предложению докладчика собрание постановляет означенные портреты передать в Революционный отдел Центрального музея Тавриды»³⁶.

Но этим не ограничиваются документальные материалы ТОИАЭ, связанные с изучением движения 1825 г.: 19 декабря 1925 г. был заслушан

не; Соколов А. А. Толстой и Восток.— Протокол от 16 сент. 1928 г. (ККМ, КП-24584, л. 79 об.).

³¹ Жирицкий Л. В. Литературная деятельность Чернышевского.— Протокол от 16 дек. 1928 г. (ККМ, КП-24584, л. 81 об.).

³² Опалов В. Г. Чехов в Крыму.— Протокол от 3 нояб. 1929 г. (ККМ, КП-24584, л. 90 об.).

³³ Протоколы соответственно от 5 нояб. 1930 г.; 22 марта, 16 апр., 1 мая 1920 г.; 17 февр. 1924 г.; 7 июня 1929 г.; 1 мая 1920 г. (ККМ, КП-24584, л. 101 об.; КП-23075, л. 14—16; КП-24584, л. 9—90 об., 88 об.).

³⁴ ИТОИАЭ, т. 3(60), с. IV.

³⁵ О книгах из библиотек декабристов, хранящихся ныне в Научной библиотеке Симферопольского государственного университета им. М. В. Фрунзе, см. статьи В. И. Канарш: Что читали декабристы.— Курортная газета, Ялта, 1972, 8 сент.; Из сибирской «академии».— В мире книг, 1973, № 6, с. 81; Книги из «каторжной академии» декабристов.— Крымская правда, Симферополь, 1973, 19 янв.; В поисках книг декабристов.— Крымская правда, 1974, 24 сент.; Книги Монтежье на декабристской каторге.— Университетская жизнь, Симферополь, 1979, 2 нояб.

³⁶ ККМ, КП-24584, л. 34 об. Подробнее см.: Маркевич А. Декабристы и Крым.— Студий. с. 116—121.

доклад Г. А. Максимовича «Памяти декабристов»³⁷, 15 января 1931 г.— доклад А. К. Сирота «Крымские материалы о декабристах», в котором автор, согласно протоколу, «анализирует имеющуюся в Ц[ентральном] м[узее] Т[авриды] коллекцию рисунков декабристов из семейного архива Давыдовых и рассматривает вопросы: к какому времени и какому месту ссылки относятся рисунки, что именно они изображают, кем рисовались и какие выводы о характере ссылки они позволяют сделать»³⁸. Отдельные вопросы последующих периодов русской революционной истории были затронуты в докладах Н. К. Баумана «Н. Г. Чернышевский как революционер», А. И. Маркевича «Женские образы и тени в истории Тавриды» (в протоколе отмечено, что А. И. Маркевич поделился и личными воспоминаниями о Софье Перовской. Однако они в протоколе не изложены), В. Л. Камшицкого «Севастополь в 1905 г.» (этот достаточно подробно изложенный в протоколе доклад, основанный как на архивных источниках, так и на «устных воспоминаниях участников», содержал и попытку дать характеристику лейтенанта П. П. Шмидта), С. Т. Бобрышева «Анализ движущих сил революции 1905 г.»³⁹. Революционным событиям 1917 г. и борьбе за установление Советской власти в Крыму были посвящены доклады П. В. Никольского «Симферопольский городской общественный комитет в 1917 г.», М. Ф. Бунегина «Эпоха Сулькевича»⁴⁰ и германской оккупации в Крыму»⁴¹, а также другие, впоследствии опубликованные доклады⁴².

Рассмотренные документы и материалы дополняют наши представления об истории исторического краеведения, исторической науки в целом, о творческой биографии ряда видных представителей науки и культуры. Они свидетельствуют о значительном вкладе исторического краеведения 1920-х годов в развитие археографии и источниковедения.

³⁷ ККМ, КП-24584, л. 33—33 об.

³⁸ Там же, л. 105—105об. Ныне в ККМ хранятся следующие рисунки из архива Давыдовых: «Могила А. Г. Муравьевой», «Читинский острог», «В доме Трубецких в Чите», «Декабристы Якубович, Давыдов и неизвестный», «Памятник В. Л. Давыдову на кладбище в Красноярске», «Петровский завод (дома Трубецкого, Муравьева, Давыдова)», «Чертова могила», «У дверей тюрьмы», «Поселок Петровского завода», — КП-8987/1 — КП-8987/9.

³⁹ Протоколы соответственно от 16 дек. 1928 г., 27 сент., 22 марта, 19 дек. 1925 г. (ККМ, КП-24584, л. 81об., 29—29об., 24об., 33).

⁴⁰ О борьбе большевистских организаций Крыма против антинародной политики «краевого правительства» во главе с царским генералом Сулькевичем в 1918 г.: Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981, с. 63—69.

⁴¹ Протоколы от 21 нояб. 1926 г., 3 апр. 1927 г. (ККМ, КП-24584, л. 56 об., 64).

⁴² *Куплетский [Л.]*. Чонгар.— ИТОИАЭ. Симферополь, 1931, т. 4, с. 1—29; *Клявин-Вассман Я. Ю., Шабалин И. Н.* Документы Революционного штаба восстания в керченских каменоломнях в 1919 г.— Там же, с. 44—66.

А. Д. Зайцев

МАТЕРИАЛЫ АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА В ЦГАЛИ СССР

Документальные материалы, связанные с жизнью и творчеством выдающегося советского историка Бориса Дмитриевича Грекова (1882—1953), помимо основного корпуса документов, находящихся в семье историка, имеются в ряде наших архивохранилищ. Некоторые из них хранятся в ЦГАЛИ СССР. Это рукописи и письма. К первым относится, прежде всего, машинописная копия заключения, сделанного Б. Д. Грековым в 1937 г. (датируется по письму Е. Р. Вейсмана в Главреперт-

ком)¹ о четвертом варианте сценария Е. Р. Вейсмана фильма «Илья Муромец». Сценарий не вызвал «возражений с научной точки зрения». По мнению Грекова, показ фильма «будет несомненно полезен», так как «в наше время особенно важно показать, что мы не пасынки в Европе, а занимали в ней место столь же достойное, как и другие крупные европейские государства», а Киевская Русь «заняла почетное место в среде европейских и азиатских народов»².

В фонде редакции журнала «Знамя» сохранился подлинник отзыва Б. Д. Грекова на статью А. Т. Кукаркина «Обзор серии „Исторические романы“», подписанный 16 марта 1941 г., в котором, в частности, говорится: «Со стороны научно-исторических требований я не нашел в данной статье ничего такого, что требовало бы каких-либо серьезных поправок. Несколько мелочей я отметил карандашом и карандашом же предложил те изменения, какие, по моему разумению, следовало бы внести в текст статьи»³. На документе содержится также отрицательный отзыв А. К. Тарасенкова, который, видимо, и решил судьбу статьи.

В фонде Гослитмузея хранится письмо Е. Ф. Любомировой В. Д. Бонч-Бруевичу, к которому приложены машинописные копии кратких отзывов С. В. Бахрушина, С. Н. Валка, Б. Д. Грекова, В. И. Пичеты, Н. Л. Рубинштейна и других об исследовании П. Г. Любомирова «Крепостная Россия XVII и XVIII вв.». В своем отзыве, датированном 11 марта 1940 г., Греков писал: «Сборник статей покойного профессора П. Г. Любомирова „Крепостная Россия“ представляет собой чрезвычайно ценный научный труд, крайне необходимый для вузовского преподавания» (ф. 612, оп. 1, ед. хр. 1468. За любезное указание на этот документ приношу благодарность С. В. Шумихину).

Личные творческие планы Б. Д. Грекова и перспективы возглавляемого им Института истории АН СССР нашли отражение в рукописном наброске и машинописной копии с него, сделанной историком, по всей вероятности, в конце 1940 г. Возможно, это был ответ на какую-то анкету редакции журнала «Октябрь», в фонде которого этот документ и сохранился⁴.

Самое раннее письмо, сохранившееся в архиве, написано Б. Д. Грековым 19 февраля 1913 г. Василию Григорьевичу Дружинину из Тихвинского монастыря, где он работал в архиве. Греков писал: «Архив оч[ень] интересный — можно написать целую диссертацию: рост Тихв[инского] посада под влиянием монастыря, изучение самой структуры посада в XVII веке, неизвестная нам почти, наконец, хозяйство монастырское и управление за XVI—XVII—XVIII века и до наших дней»⁵.

В библиографическом отношении важны четыре письма Б. Д. Грекова редактору «Исторического вестника» Борису Борисовичу Глинскому 18 июля — 13 августа 1913 г., так как на их основании устанавливается факт сотрудничества историка в журнале и его авторство двух статей, помещенных в нем с подписью: Б. Г—в⁶. 18 июля Б. Д. Греков писал: «Не найдете ли вы возможным поместить в своем журнале мою статейку, Вам посылаемую, «15 июля в Остафьеве»? Два года тому назад такая же статья по поводу открытия в Остафьеве памятника Карамзина была напечатана в вашем журнале»⁷. 29 июля историк писал: «Относительно подписи «Б. Г—в» ничего не имею против»⁸. Речь идет о статьях Б. Д. Грекова, посвященных описанию открытия памятников Н. М. Карамзину 18 июля 1911 г. и А. С. Пушкину, В. А. Жуковскому,

¹ ЦГАЛИ, ф. 962, оп. 1, ед. хр. 75, л. 1—2.

² Там же, ф. 1038, оп. 1, ед. хр. 4118, л. III—V.

³ Там же, ф. 618, оп. 2, ед. хр. 1062, л. 43.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 619, оп. 16 ед. хр. 947.

⁵ Там же, ф. 167, оп. 1, ед. хр. 180, л. 1.

⁶ Греков Б. Д. Остафьево 18 июля 1911 года.— ИВ, 1911, № 9; Он же. 15 июля 1913 года в Остафьеве.— ИВ, 1913, № 9.

⁷ ЦГАЛИ, ф. 2574, оп. 1, ед. хр. 122, л. 1.

⁸ Там же, л. 2.

П. А. Вяземскому 15 июля 1913 г. в имении графа С. Д. Шереметева — Остафьева. Среди выступавших на открытии памятника Н. М. Карамзину Б. Д. Греков отметил С. Ф. Платонова, который «...легко и свободно, как всегда, произнес [...] свою краткую речь о значении Карамзина для современников»⁹. Подчеркивая большое культурно-воспитательное значение увековечения памяти Н. М. Карамзина, Б. Д. Греков писал: «Имя Карамзина должен знать и знает каждый школьник, как имя Пушкина, Гоголя и других великих русских людей.

О Пушкинском Михайловском, Гоголевской Васильевке, о Державинской Званке кой-кто слышал, а об Остафьева почти никто не знал ничего... А по праву Остафьево должно стать и непременно станет (это вопрос времени и нашего культурного роста) не менее известным и популярным, чем другие места земли русской, освященные великими именами. Остафьево может стать предметом воспитательного воздействия на учащихся, которые с большим удобством будут совершать сюда свои научные экскурсии»¹⁰. В письме от 7 августа историк предлагает журналу еще одну свою работу: «В «Przegląd'e Historyczn'om» за 1907 г. т. IV, стр. 170—180 напечатана статья (10 страниц только) с подписью «М. Н.» (Это Генрих Мерчинг, инженер, д[ействительный] с[татский] с[оветник], проф[ессор] Инст[итута] пут[ей] сообщения). Статья единственная в своем роде, первая затрагивающая до сих пор совсем неизвестную сторону в истории Дмитрия Самозванца. Заглавие ее «Польские ариане и Дм[итрий] Самозв[анец]». Написана живо и совсем по новым источникам. Доказывается арианство Дмитрия, подробности его приезда в Москву, называются люди, его окружавшие, до сих пор неизвестные литературе вопроса. Эта статейка переведена под моей редакцией на русский язык, в печати перевода не появлялось, а м[ежду] т[ем] было бы очень желательно видеть ее на русском языке. Если сочтете удобным и уместным, я вам ее пришлю для напечатания. Смысл статьи клонится к тому, что Дм[итрий] настоящий царь, по кр[айней] мере в этом были убеждены польские ариане»¹¹.

В фонде Михаила Ивановича Лягина — поэта-самоучки, архангельского краеведа и архивиста, хранится новгородная поздравительная открытка Б. Д. Грекова от 3 декабря 1928 г.¹² Судя по составленному М. И. Лягиным приложению к его воспоминаниям, в числе других документов имелось «письмо академика Грекова с выпиской биографии М. И. Лягина»¹³. Из письма М. И. Лягина Б. Д. Грекову от 27 декабря 1927 г. следует, что во время пребывания в Архангельске историк обращался за помощью к краеведу и переписывался с ним позднее¹⁴.

В письме от 14 марта 1930 г. академику Павлу Никитичу Сакулину Б. Д. Греков извиняется за несостоявшуюся встречу, говоря, в частности, что «...общение с Вами, человеком, которому одинаково понятно и близко как прошлое, так и настоящее (сочетание сейчас довольно редкое), мне дорого и всегда являлось для меня источником, поддерживающим мои моральные силы»¹⁵.

Несколько писем Б. Д. Грекова касаются вопросов издания «Русской Правды». Так, в письмах Ивану Ивановичу Лазаревскому, художественному редактору издания, от 19 декабря 1937 г., 4 марта 1938 г. и 17 октября 1939 г. историк дает указания, в частности «о необходимости фотокопировать тексты так, чтобы в нашем воспроизведении были даны не только строки и буквы, а и страницы целиком, как они есть»¹⁶. Этому же посвящены и два письма Б. Д. Грекова в Издательство

⁹ Греков Б. Д. Остафьево 18 июля 1911. — ИВ, 1911, № 9, с. 1107.

¹⁰ Там же, с. 1109.

¹¹ ЦГАЛИ, ф. 2571, оп. 1, ед. хр. 122, л. 3—4.

¹² Там же, ф. 295, оп. 1, ед. хр. 31.

¹³ Там же, ед. хр. 27, л. 10.

¹⁴ Там же, ед. хр. 29.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 444, оп. 1, ед. хр. 266.

¹⁶ Там же, ф. 1932, оп. 1, ед. хр. 28, л. 1, 5, 6.

АН СССР П. И. Чагину от 16 января 1938 г.¹⁷ В фонде И. И. Лазаревского хранятся также описание внешних особенностей различных списков «Русской Правды»¹⁸, титульный лист издания, утвержденный Б. Д. Грековым 8 января 1939 г.¹⁹, рабочие экземпляры издания²⁰. Здесь же имеется переписка И. И. Лазаревского с Издательством АН СССР и Гознаком о художественно-полиграфическом оформлении и технической стороне издания «Русской Правды» с 28 апреля 1938 г. по 16 августа 1941 г.²¹ В письме заведующему производственным отделом Издательства АН СССР С. А. Карпову И. И. Лазаревский писал в начале 1940 г.: «4 января я имел беседу с т. т. академиком Грековым и научными работниками Института истории Лавровым и Тихомировым относительно положения с изданием «Правды Русской» <...> Относительно работы с Гознаком договорился о выделении академиком Грековым т. Тихомирова под личным постоянным наблюдением самого академика Грекова»²². В письме от 19 декабря 1940 г. И. И. Лазаревский отмечает, что «профессору М. Н. Тихомирову — человеку очень загруженному академической работой — и мне пришлось потратить несколько дней, чтобы в Историческом музее и в Ленинской библиотеке отметить на фото с подлинных рукописей все красные литеры, знаки и строки. <...> Сейчас все листы проверяются проф. М. Тихомировым по подлинным спискам»²³. На ходатайстве И. И. Лазаревского об увеличении гонорара за работу имеется резолюция М. Н. Тихомирова от 16 августа 1941 г.²⁴, поддерживающая ходатайство.

Материалы о Б. Д. Грекове, хранящиеся в ЦГАЛИ СССР, показывают разносторонний характер деятельности ученого и дополняют наши представления о Б. Д. Грекове — историке, археографе, организаторе науки.

¹⁷ Там же, л. 3, 4.

¹⁸ Там же, ед. хр. 29.

¹⁹ Там же, ед. хр. 31.

²⁰ Там же, ед. хр. 32—34.

²¹ Там же, ед. хр. 30.

²² ЦГАЛИ, ф. 1932, оп. 1, ед. хр. 30, л. 13.

²³ Там же, л. 9.

²⁴ Там же, л. 10.

С. Б. Филимонов

С. В. БАХРУШИН — ЧЛЕН ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ОБЛАСТИ)

Документальные материалы Общества изучения Московской губернии (с октября 1929 г. — области)¹ позволяют рассмотреть малоизвестную в литературе сторону творческой биографии советского историка Сергея Владимировича Бахрушина (1882—1950)² — его историко-краеведческую деятельность в 1920-е годы.

Согласно документам (сохранившимся, к сожалению, не полно), Бахрушин являлся одним из учредителей общества³, состоял членом

¹ Историко-краеведческие материалы фонда Общества изучения Московской губернии (области): К методике изучения истории советского исторического краеведения / Сост. и авт. статьи С. Б. Филимонов; Под ред. С. О. Шмидта. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980.

² *Каштанов С. М.* Творческое наследие С. В. Бахрушина и его значение для советской исторической науки: (К 100-летию со дня рождения). — История СССР, 1982, № 6, с. 110—123 (указана литература).

³ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 6, д. 3, протокол заседания учредительного собрания по организации Об-ва изучения Московской губ. от 9 янв. 1925 г. Здесь и далее в связи с отсутствием нумерации листов в делах приводятся названия документов.

культурно-исторической секции (вначале — отделения) на протяжении всего периода ее существования (май 1925 г.— октябрь 1930 г.), избирался председателем ее президиума (20 октября 1926 г.— 10 февраля 1928 г.), был председателем созданной при ней в 1929 г. Комиссии по истории торговли и транспорта.

Главной целью культурно-исторической секции Бахрушин считал «обслуживание и изучение уездов Московской губернии»⁴. В качестве одной из первоочередных задач он обосновывал необходимость историко-экономического изучения трех подмосковных городов, «каждый из которых определенно характеризует известный момент в истории промышленного развития русского города»: Орехова-Зуева, выросшего из фабричного поселка, всецело обязанного своим возникновением промышленному развитию и «иллюстрирующего успехи русской текстильной индустрии»; Коломны как старинного города, утратившего свое торгово-стратегическое значение на путях к Дону и превратившегося в один из крупных центров тяжелой индустрии; Вереи — города некогда богатого, но потерявшего всякое значение вследствие изменения торговых путей и форм производства⁵. Реализацией этого одобренного президиумом секции⁶ замысла Бахрушина следует признать работу О. П. Булич по истории Коломны (вызавшую в целом положительный отзыв Бахрушина⁷ и впоследствии опубликованную⁸) и доклад Н. И. Власьева «К истории города Вереи»⁹.

Самим Бахрушиным на заседаниях культурно-исторической секции были прочитаны два доклада: 25 мая 1927 г.— «Александровская слобода», 26 ноября 1929 г.— «Исторический очерк Московского уезда»¹⁰. Протокол заседания от 26 ноября 1929 г. не обнаружен. Заседание 25 мая 1927 г. представлено черновым и беловым протоколами, написанными рукой секретаря секции М. Н. Тихомирова¹¹. Причину отсутствия изложения доклада в протоколах Тихомиров пояснил пометами: «Доклад издан отдельной книжкой»; «резюме доклада прилагается». Однако текста доклада и резюме обнаружить не удалось; работа эта не значится в перечне трудов Бахрушина, отсутствует она и в личном фонде историка¹². Нами предпринята попытка восстановить общее содержание доклада, используя вопросы и замечания участников прений и ответы Бахрушина, зафиксированные в протоколах.

В своей работе автор «имел в виду не историю города, а только историко-археологический очерк слободы в узком значении этого слова» (С. В. Бахрушин). Историю слободы он прослеживал с эпохи Ивана IV, лишь затрагивая более ранний период (П. Н. Мидлер), так как не располагал достоверными сведениями об Александровой слободе до XVI в.: «Все краеведческие сочинения дают лишь неточные догадки» (С. В. Бахрушин). Не останавливаясь на описании первоначального облика слободы в XVI в. и ландшафта, ее окружавшего (В. Н. Бочкарев), С. В. Бахрушин основное внимание уделил истории монастыря (Д. М. Банин), рассказал о сооружении в слободе в 1513 г. собора (С. В. Бахрушин); не располагая точными сведениями о посаде в XVI в., лишь коснулся вопроса о слободах, окружавших дворец (С. В. Бахрушин). В числе источников докладчиком были использованы опубликованный «рассказ о старце Корнилии» (С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров); рукопись Троице-Сергиевой лавры со сведениями о сооружении собора (С. В. Бахру-

⁴ Там же, карт. 14, д. 67, протокол № 2 заседания президиума отделения от 3 нояб. 1926 г.

⁵ Там же, карт. 15, д. 9, записка Бахрушина об обследовании городских поселков (автограф), между 20 октября и 3 ноября 1926 г.

⁶ Там же, карт. 14, д. 67, протокол № 2... от 3 нояб. 1926 г.

⁷ Там же, карт. 39, д. 8, автограф отзыва, 8 октября 1927 г.

⁸ Булич О. П. Коломна. Пути исторического развития города: Общий очерк. М., 1928.

⁹ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 14, д. 72, протокол заседания секции от 1 марта 1929 г.

¹⁰ Там же, протокол... от 15 нояб. 1929 г.

¹¹ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 14, д. 67.

¹² Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952, т. 1, с. 9—20; ААН, ф. 624.

шин, М. Н. Тихомиров); некоторые легенды (Б. Б. Кафенгауз, Д. М. Банин), правда без специального их анализа, так как «эта тема ближе всего историкам литературы» (С. В. Бахрушин); географическая «номенклатура» (Д. М. Банин), однако, боясь уйти в область догадок, историк не брался за ее объяснение (С. В. Бахрушин). Д. М. Банин высказал предположение об отсутствии стратегических целей при строительстве слободы: по его словам, находящееся в трех верстах от нее село Крутец гораздо выгоднее в стратегическом отношении. По отзыву председателевавшего на заседании В. Н. Бочкарева, очерк Александровой слободы, сделанный С. В. Бахрушиным «чрезвычайно удачно», явился «ценнейшим вкладом в нашу краеведческую литературу».

Немалый интерес представляют выступления Бахрушина в прениях по докладам других членов секции. Они имели преимущественно источниковедческий характер. Так, историк отмечал недостаточность сведений писцовых книг для установления ландшафта местности (обсуждался доклад Л. В. Черепнина «Вотчина митрополита в XV—XVI вв. на территории Московского, Дмитровского, Звенигородского и Коломенского уездов») ¹³; обращал внимание на необходимость извлечения из писцовых книг данных о социальном положении крестьянства, о его «оседании» на землю раньше помещиков, о существовании общины (доклад М. Я. Феноменова «Опыт краеведной работы по писцовым книгам») ¹⁴; поднимал вопрос о возможности восстановить по вкладным книгам монастыря его социальное окружение, социальный состав примыкавших к нему волостей, признавал «богатейшим» материал монастырских приходо-расходных книг (доклад К. Н. Щепетова «Разработка архива бывшего Иосифова монастыря») ¹⁵; напоминал о таком ценном историко-демографическом источнике, как исповедные книги (доклад Е. А. Звягинцева «Население московских слобод в XVIII в.») ¹⁶; выдвигал проблему комплексного использования купеческих мемуаров, переписки, материалов по истории «промышленных заведений» для изучения истории русской буржуазии, уяснения ее «классовой психологии» (доклад Б. Б. Кафенгауза «Мемуары московского купечества XIX—XX вв.»), а также указывал на важность собирания материалов о революционном строительстве (доклад А. Н. Хмелева «История административного деления Центральной промышленной области за 10 лет революции») ¹⁷. При обсуждении докладов М. Н. Тихомирова «Села и деревни Дмитровского края в XV—XVI вв.» и «Место битвы при реке Веле 1181 г.» ¹⁸, оцененных С. В. Бахрушиным как образцы такого рода исследований, он затронул вопросы использования лингвистических и устных источников.

Источниковедческие интересы Бахрушина нашли выражение и в других аспектах его деятельности в секции. 23 апреля 1929 г. Тихомиров доложил президиуму секции о намеченном им совместно с Бахрушиным плане разработки архива Иосифо-Волоколамского монастыря. Предполагавшийся «Сборник актов по хозяйственной истории Иосифо-Волоколамского монастыря» должен был включать три части: описание состава и содержания архива; наиболее интересные документы; указатель литературы по истории монастыря ¹⁹. Будучи председателем комиссии по истории торговли и транспорта (в состав которой входил и Кафенгауз), Бахрушин главную ее задачу видел в разработке таможенных книг Московской

¹³ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 14, д. 72, протокол заседания секции от 16 янв. 1930 г.

¹⁴ Там же, д. 67, протокол... от 23 марта 1927 г.

¹⁵ Там же, д. 72, протокол... от 29 марта 1929 г.

¹⁶ Там же, д. 70, протокол... от 23 нояб. 1928 г.

¹⁷ Там же, д. 67, протоколы... от 23 нояб. 1926 г. и 23 нояб. 1927 г.

¹⁸ Там же, д. 70, протоколы... от 2 марта и 9 нояб. 1928 г.

¹⁹ Там же, д. 72, протокол заседания президиума секции от 23 апр. 1929 г. См. также: Шмидт С. О. Работа М. Н. Тихомирова в 1920-е годы по изучению истории Московского края: (Новые материалы).— АЕ за 1973 год. М., 1974, с. 171; Материалы о деятельности М. Н. Тихомирова в Обществе изучения Московской губернии / Публ. подгот. С. Б. Филимонов.— Там же, с. 303—304.

губернии XVII—XVIII вв., «конспекты» которых он планировал напечатать²⁰.

Серьезное внимание ученый уделял и научно-популяризаторской деятельности. Он принимал участие в организованном секцией лекционном цикле «По старой и новой Москве» и 14 апреля 1926 г. в Центральном доме работников просвещения выступил с лекцией «Народное образование в прошлом и настоящем»²¹. Президиум секции одобрил предложенный им план издания научно-популярных брошюр по истории Московской области: «Эти брошюры, по мысли Сергея Владимировича, должны носить особый характер. Любая тема должна исходить из одной или нескольких отдельных местностей, хотя будет привлекаться исторический материал частного и общего характера, имеющий отношение и к другим пунктам»²².

Свидетельством признания научного авторитета Бахрушина явился тот факт, что по инициативе Общества изучения Московской губернии он выступал на III краеведческой конференции РСФСР (Москва, 11—14 декабря 1927 г.) с центральным докладом «Задачи исторического изучения края». Тезисы доклада (сохранился их автограф²³) предварительно обсуждались с участием П. Н. Миллера, К. В. Сивкова, М. Н. Тихомирова, М. Я. Феноменова²⁴. Они позволяют судить о большом значении, которое придавал Бахрушин историческому краеведению, и о его понимании задач исторического изучения края. Ученый писал: «Изучение (географическое, естественно-историческое, этнологическое и хозяйственное) отдельной области невозможно без исторического ее исследования. В настоящее время такая работа по краевой истории вызывается жизненными потребностями момента, что доказывает наблюдаемый всюду в СССР подъем интереса к местной истории. Углубленное изучение истории отдельной местности не только способствует выяснению характерных местных черт, но и позволяет установить существенные стороны исторических явлений, обычно ускользающие от внимания исследователей; они служат единственным прочным основанием для широких обобщающих исторических построений. Помимо теоретического интереса краеведческого изучения местной истории, оно может иметь большое практическое значение (например, в области местного хозяйства...)». По мнению историка, «краеведческому изучению в первую очередь подлежат: а) история населения края, его движения, социального состава²⁵ и расселения в различные эпохи, б) история отдельных населенных пунктов (городов, сел, деревень, **имений**), в) история производств кустарных и фабрично-заводских, г) история сельского хозяйства, д) торговые пути и история торговли, е) история местного быта, ж) собирание названий урочищ, з) «живая старина» (поверья, легенды, предания)». Здесь же он напоминает: «В связи с изучением прошлого края стоит собирание на местах вещественных памятников старины и архивных материалов и работа об охране архитектурных и иных памятников старины в крае».

Деятельность Бахрушина в Обществе изучения Московской губернии (области) составила существенный этап в формировании его научных взглядов и интересов, в выработке методов источниковедческого анализа, в совершенствовании организаторского и популяризаторского мастерства. Это следует учесть при создании научной биографии Бахрушина — ученого-энциклопедиста.

²⁰ ОР ГБЛ, ф. 177, карт. 14, д. 72, протокол... от 23 сент. 1929 г.

²¹ Там же, карт. 15, д. 4, отчет о работе секции за 1925—1926 гг.

²² Там же, карт. 14, д. 72, протокол... от 23 сент. 1929 г.

²³ Там же, карт. 39, д. 9.

²⁴ Там же, карт. 6, д. 16, протокол № 18 заседания правления Общества от 26 сент. 1927 г.

²⁵ Так в автографе. В опубликованных тезисах (*Бахрушин С. В. Задачи исторического изучения края*. — Бюлл. III Всероссийской конференции по краеведению, М., 1927, № 5, с. 148—149), ошибочно напечатано: «История населения края, движения его социального состава...» Тезисы не значатся в списке работ историка (*Бахрушин С. В. Указ. соч.*).

ОТЧЕТ М. Н. ТИХОМИРОВА О СОХРАНЕНИИ АРХИВА И СЕМЕЙНЫХ РЕЛИКВИЙ АКСАКОВЫХ

В первые годы Советской власти многие частные архивы, оставленные их владельцами в силу ряда причин без присмотра, оказались под угрозой гибели и уничтожения. С принятием ленинских декретов по архивному делу были созданы условия для их сосредоточения в государственных хранилищах. В сохранении архивов участвовали как старые специалисты, поддержавшие первые мероприятия пролетарской революции, так и молодые представители советской научной интеллигенции, среди которых был и М. Н. Тихомиров. Об этом свидетельствует отчет Михаила Николаевича о его поездке в июле 1921 г. в Бузулукский уезд Самарской губернии для сохранения и вывоза архива и семейных реликвий Аксаковых, выявленный нами в личном фонде видного советского архивиста М. С. Вишневецкого, работавшего в 20-е годы инспектором ГУАД, а затем преподавателем МГИАИ¹. Она была предпринята на средства губисполкома по поручению исторической комиссии Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете, членом которого М. Н. Тихомиров был с ноября 1920 г., являясь одновременно сотрудником губархива и музея, ассистентом кафедры палеографии. Отчет написан черными чернилами без каких-либо поправок рукой Михаила Николаевича, общий объем рукописи 11 листов, использована старая бумага с водяным знаком 1718 г., размером 23×36 см. Он датирован 5 августа 1921 г.

О деятельности М. Н. Тихомирова по выявлению и сохранению важнейших памятников древнерусской письменности, архивов и вещественных памятников в Заволжье и Приуралье сообщалось в печати, писали С. Н. Валк, И. П. Староверова, М. Т. Белявский, А. Г. Сукаев² и др. Отчет позволяет уточнить обстоятельства поездки и ее результаты. Следует прежде всего отметить, что архив Аксаковых хранился и был вывезен М. Н. Тихомировым из с. Языково Могутовской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, а не из с. Надеждино Белебеевского уезда Уфимской губернии, как указывали С. Н. Валк и В. Б. Павлов-Сильванский³. Здесь, в имении Ольги Григорьевны Аксаковой — дочери Григория Сергеевича Аксакова, любимой внучки С. Т. Аксакова, которой посвящена книга Сергея Тимофеевича «Детские годы Багрова-внука», — хранился семейный архив Аксаковых, судьба которого беспокоила как архивные, так и научные учреждения Самарской губернии и центра⁴.

М. Н. Тихомиров отмечает, что уездные органы власти выдали О. Г. Аксаковой грамоту о неприкосновенности бывшего Аксаковского дома, надзор за архивом возлагался на Ольгу Григорьевну, которая, будучи членом и научным сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Самарском университете, по его поручению принялась за разборку архива, «желая сделать копии наиболее ценных бумаг».

¹ Лаборатория кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ, ф. М. С. Вишневецкого, оп. 1, д. 331, л. 1—11.

² Краеведение, 1923, № 2, с. 170—173; Валк С. Н. Археографическая деятельность академика М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1962 год. М., 1963; Староверова И. П. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 309; Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Староверова. М., 1974; Белявский М. Т., Сукаев А. Г. Новые материалы о М. Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области. — АЕ за 1976 год. М., 1977.

³ Валк С. Н. Указ. статья, с. 5; Павлов-Сильванский В. Б. М. Н. Тихомиров — организатор археографических экспедиций. — АЕ за 1970 год. М., 1971, с. 248.

⁴ О сопричастности А. Ф. Кони к сохранению архива Аксаковых см.: Муратов А. Б. А. Ф. Кони и Пушкинский дом. — В кн.: Пушкинский дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982, с. 46.

Заботливое участие в спасении архива приняли заведующий Бузулукским отделом народного образования Д. Романовский, жительница с. Языково А. Г. Смараглова. Имение посетила также комиссия из четырех человек, в которую входили, в частности, заведующий Бузулукским музейным отделом, инструктор отдела народного образования, составившая опись предметов и принявшая на учет ряд картин и книг (л. 5—6).

В то же время отдельные представители волостных и других местных организаций, не понимая значения и ценности архива и реликвий Аксаковых, забирали некоторые предметы мебели, вещи, книги и создавали реальную угрозу гибели архива и реликвий Аксаковых. В создавшейся обстановке, как пишет М. Н. Тихомиров, «я увидел необходимость немедленного вывоза всего ценного имущества в безопасное место». После смерти 7 апреля 1921 г. 73-летней О. Г. Аксаковой «вопрос о перевозке архива в Самару возник с новой силой, т. к. архив лишился последнего и главного своего хранителя» (л. 1). Вывоз документов и материалов был возложен на М. Н. Тихомирова.

По пути в Языково он посетил г. Бузулук, где ознакомился с состоянием музейного дела. В архиве при Бузулукском музее, отмечается в отчете, наиболее полным собранием были «так называемые державинские бумаги, вернее дела, касающиеся наследников Державина... Среди других бумаг есть любопытное письмо к[онца] XVIII в. знаменитого вольского купца В. А. Злобина, посвященное торговым делам, и ряд других, большей частью разрозненных, деловых документов... встречается один столбец конца XVII века и три жалованные грамоты того же времени. Наконец, ценным материалом являются несколько книг церковных летописей из сел — Могутова, Державина, Пронькина и других. Это в высшей степени интересный материал для местной хозяйственной истории со второй половины XIX века» (л. 2—3). Здесь же находились вывезенные из аксаковского архива книга И. С. Тургенева «Записки охотника» с его автографом и рисунки в красках различных грибов, выполненные одной из дочерей С. Т. Аксакова, среди которых и рисунок гриба, «найденного Гоголем».

М. Н. Тихомиров подробно описывает далее результаты обследования архива Аксаковых, который после смерти Ольги Григорьевны находился под присмотром Х. С. Лихачевой, бывшей служащей, жившей в имении более 30 лет. Этим двум женщинам — О. Г. Аксаковой и Х. С. Лихачевой, подчеркивает М. Н. Тихомиров, «аксаковский архив главным образом и обязан своим спасением» (л. 5).

В этом архиве М. Н. Тихомиров обнаружил «рукописи И. С. Аксакова — „Зимняя дорога“, „Бродяга“, „Самые достоверные записки чиновника очевидца“, „Присутственный день уголовной палаты“; черновик с пометой — „Тетрадь стихов, принадлежат И. Аксакову. М., 1829 г.“ и ряд других черновых рукописей... начисто переписанная красивым почерком пол[овины] XIX в. рукопись — „Постоялый двор“ (подпись „Иван Тургенев“), папка с бумагами — „Участие в комиссии князя Васильчикова“» (л. 8).

Значительную часть архива составляли письма: Ивану Сергеевичу Аксакову — поэту, публицисту, теоретику славянофильства, среди них письма поэта и идеолога славянофильства А. С. Хомякова, филолога, историка Я. К. Грота, русского дипломата Н. К. Гирса, писателя славянофила Ф. В. Чижова, Н. А. Милютина, Е. С. Шеншиной, Ф. Унковского, сенатора А. И. Васильчикова, И. Наумовича, Можаровского, переписка И. С. Аксакова с графом А. Г. Комаровским; письма И. С. Аксакова К. К. Толстому, М. Ф. Мещерской, А. И. Бахметьевой, Д. Оболенскому и др.

В архиве находились также «большое количество семейных писем Аксаковых 1851—1852-х годов» (л. 9), переписка Ивана Сергеевича с матерью Ольгой Семеновной Аксаковой (с 1875 по 23 марта 1878 г.), письма его жены, Анны Федоровны Аксаковой, по случаю кончины Ивана Сергеевича. М. Н. Тихомиров выделяет большую группу писем И. С. Ак-

сакова родителям: астраханские — 1844 г.⁵, бессарабские — 11 октября—27 декабря 1848 г. и ярославские — 23 мая 1849—29 марта 1851 г.⁶

Кроме семейной переписки, в архиве Аксаковых сохранились письма С. Т. Аксакову П. В. Анненкова, И. Берга, Т. Н. Грановского, Д. В. Дашкова, М. Н. Загоскина, Г. Ф. Квитки-Основьяненко, А. Г. Комаровского, М. Н. Лонгинова, Н. А. Милютина, В. И. Панаева, Н. Д. Свербеева, М. Д. Скобелева, кн. А. А. Шаховского, А. С. Шишкова и других государственных и общественно-политических деятелей, ученых и писателей, а также братьев и сыновей С. Т. Аксакова.

Несколько особняком от других документов архива Аксаковых стоит «пакет» с архивом газеты «День» за 1862 г., издававшейся И. С. Аксаковым в 1861—1865 гг.

Рассказав о разборке архива и составлении его описи, М. Н. Тихомиров пишет: «Мною были приняты меры к упаковке не только собственно рукописного материала, но и наиболее ценных портретов и вещей» (л. 7). В их числе он называет копию художницы Васнецовой с портрета С. Т. Аксакова, написанного в 1878 г. И. Н. Крамским по заказу П. М. Третьякова, находящуюся сейчас в музее-усадьбе Абрамцево, «старинный групповой портрет, изображающий Тимофея Степановича с маленькими сыновьями» — Сергеем и Николаем, работы неизвестного художника конца XVIII в. (хранящийся там же)⁷, портреты Н. В. Гоголя «старинной, очень интересной кисти» (л. 9), Г. С. Аксакова в молодости и три акварельных портрета — С. Т. Аксакова в молодости (1830-е годы), И. С. Аксакова и О. С. Аксаковой (1840-е годы) и фотографии членов семьи Аксаковых, а также две реликвии старинного аксаковского быта — бюро и зеркало красного дерева, по преданию, принадлежавшие герою «Семейной хроники» — дедушке Степану Михайловичу (л. 7), «некоторые мелкие реликвии Аксаковых — например икона Сергея Тимофеевича с перламутровым крестом, с мощами.

Одним словом, произведена полная вывозка всех ценных предметов Аксаковского архива. На месте оставлены только вещи сравнительно небольшого значения», — как бы подводя итоги, писал М. Н. Тихомиров.

Но теперь, когда отпала угроза утраты архива и реликвий Аксаковых, его волновала дальнейшая судьба аксаковской усадьбы. Поэтому две последние страницы его отчета почти целиком посвящены этому вопросу. «Что касается самого Языковского имения, — писал он, — то надо заметить, что оно вовсе не отвечает представлению о большом дворянском гнезде. Правда, большинство построек еще сохранилось, но сам «барский» дом представляет собой только маленький флигелек в четыре комнаты с кухней, сохранившийся от пожара, истребившего в 1914 г. большой дом. Внутри сохранившийся домик поражает простотой и даже бедностью убранства — старая мебель, копии с картин на стенах, два шкапа с французскими и английскими романами. Но и в этой бедности убранства теплятся какие-то воспоминания о минувшей жизни. Было бы крайне обидно и тяжело, если бы это последнее гнездо внучки большого писателя постигло разорение. Между тем, этот домик в парке, пышно раскинувшимся вокруг него, мог бы сделаться отличным домом отдыха для нескольких научных работников. Это спасло бы гнездо Аксаковых от запустения и дало бы возможность восстановить силы не одному работнику» (л. 10).

Трудами М. Н. Тихомирова с помощью Н. А. Белгородского, «па долю которого выпали хлопоты по перевозке архива по железной дороге», все материалы были доставлены в Самару и помещены в архив-

⁵ Опубликованы в кн.: Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888, ч. 1, т. 1, с. 37—225.

⁶ Там же, ч. 1, т. 2, с. 3—95, 164—392.

⁷ Сюжет, композиция и детали картины свидетельствуют о том, что речь идет о картине М. И. Бельского «Портрет учителя с учениками» (1773), находящейся в Государственном Русском музее, копия с которой хранилась в имении О. Г. Аксаковой как картина, изображающая Т. С. Аксакова с сыновьями.

музей Аксаковской комнаты, являвшейся филиалом городского музея⁸. Основной ее фонд составили документы и около 56 реликвий Аксаковых, находившиеся в с. Языково. Хранителем архива-музея стал М. Н. Тихомиров, подготовивший подробное «Описание архива семьи Аксаковых», датированное 26 июня 1923 г.⁹ Это, как отмечает И. П. Староверова, самая ранняя из находящихся в фонде М. Н. Тихомирова научных работ Михаила Николаевича¹⁰. Все рукописи и реликвии поступили в конце 20-х годов в ИРЛИ¹¹.

Отчет М. Н. Тихомирова — ценный источник, на конкретном материале ярко и убедительно показывающий всю сложность положения с сохранением и правильным использованием архивов, реликвий, библиотек и других культурных ценностей деятелей литературы и искусства в тяжелейшие годы разрухи, голода и гражданской войны, в первые годы становления Советского государства. Не меньшую ценность он имеет и для характеристики деятельности самого Михаила Николаевича Тихомирова, тогда молодого историка, делавшего первые шаги в большую науку.

Своей поездкой в языковскую усадьбу он внес весомый вклад в сохранение архива и реликвий Аксаковых. Отчет показывает также и те труднейшие условия, в которых было осуществлено им спасение архива Аксаковых. Летом 1921 г. Поволжье охватил голод, который, как писал В. И. Ленин, «по-видимому, лишь немногим меньше, чем бедствие 1891 года.

Это — тяжелое последствие отсталости России и семилетней войны, сначала империалистской, потом гражданской, которую навязали рабочим и крестьянам помещики и капиталисты всех стран»¹².

Поездка в этих условиях была подвигом молодого историка, но он пишет не о своих успехах, а о трудностях, возникших при выполнении задания. Этим и завершается его отчет. Заключительные абзацы ответа М. Н. Тихомирова заслуживают того, чтобы их привести полностью: «... Считаю нужным заметить, что медленность в составлении подробной описи архива во многом зависела от тех тяжелых условий, в которых протекала моя поездка. Не говоря уже о неудобствах передвижения, моя экспедиция встретила слишком слабую поддержку со стороны Бузулука. Достаточно сказать, что на всю поездку местный райпродком ассигновал — 5 ф[унтов] хлеба и 2 ф[унта] копченостей.

Но самое главное заключалось, конечно, в моей болезни. Я имел несчастье заболеть тяжелейшей формой малярии и в течение более 2-х недель валялся в постели, расшатав окончательно свое здоровье. Здесь я упоминаю об этих обстоятельствах с единственной целью оправдать себя от возможных упреков в медленности, с которой мне пришлось работать» (л. 11).

Приведенные тихомировские строки удивительно точно передают атмосферу тех далеких лет, трудности, но в то же время и глубокое понимание значения архивов и других культурных ценностей, необходимость их спасения и сохранения, готовность ради этого преодолеть любые препятствия, голод и болезни. А это и было одной из главных черт тех героических лет.

⁸ Краеведение, 1923, № 2, с. 170—172. Об истории Аксаковской комнаты, созданной еще в 1909 г., см.: *Зинкевич В. В.* Аксаковская комната. — В кн.: Материалы по изучению Самарского края. Самара, 1928, вып. 5, с. 8—10.

⁹ ААН, ф. 693 (М. Н. Тихомиров), оп. 1, д. 68, л. 1—330.

¹⁰ Староверова И. П. Фонд М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР, с. 306.

¹¹ При воссоздании в 1948 г. по предложению акад. С. И. Вавилова музея Абрамцево и по решению Президиума АН СССР большинство изобразительных материалов, связанных с С. Т. Аксаковым, переданы в музей-усадьбу Абрамцево. См.: *Пагомова Н. П.* Абрамцево. М., 1969, с. 248.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 75.

ЗАПИСКА М. Н. ТИХОМИРОВА 1937 Г. О ЗАДАЧАХ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нет необходимости обстоятельно говорить о важности введения в научный оборот не только научно-исследовательского, но и научно-педагогического наследия академика Михаила Николаевича Тихомирова. Достаточно известен его крупнейший вклад в развитие исторического образования, в литературе получили освещение его педагогические принципы и отдельные направления преподавательской деятельности¹. Менее изучен путь Тихомирова как педагога. В частности, далеко не полны сведения о его работе в МГИАИ в 1930—1940-х годах. Некоторые данные об этой работе есть в печати²; переработанный курс источниковедения истории СССР, читавшийся Тихомировым, издан в качестве учебника³, однако преподавание ученого в МГИАИ не оставило документальных следов в его личном архивном фонде⁴ и исследованию не подвергалось. Тем ценнее материалы об этом преподавании, которые удастся разыскать.

В архиве МГИАИ в фонде М. С. Вишневого сохранился документ, запечатлевший раздумья Тихомирова о специфике и перспективах развития историко-архивного образования, о качестве подготовки специалистов архивного дела. Документ представляет собою копию записки в дирекцию института, датированную 15 ноября 1937 г.⁵ Обстоятельства ее возникновения таковы. В 1937 г. сменилось руководство института, шло образование новых кафедр и перераспределение между ними учебных дисциплин⁶. Дирекция обратилась к видным ученым, преподававшим в это время в МГИАИ, с просьбой представить свои соображения об улучшении учебной работы. В ответ на это обращение подали соответствующие записки Ю. В. Готье, С. А. Никитин, А. Н. Сперанский, М. Н. Тихомиров. Копии записок были переданы для изучения в методическую комиссию по архивоведению, которую возглавлял Вишневский. Таким образом записки попали в личный архив последнего.

Содержание сохранившихся четырех записок в основном сходно. Их авторы рассматривали учебный план института под углом зрения совершенствования подготовки студентов, причем каждый ученый выделял аспекты, связанные со своей специальностью.

Коренным образом изменить существовавший учебный план предлагал Сперанский⁷. Исходя из положения, что «каждый научный работник архива должен быть прежде всего историком», он выдвигал на первое место подготовку историков разных специальностей. Для этого следовало наряду с общеисторическими курсами внедрять исследовательские курсы по отдельным проблемам, их задачей должен стать «практический показ техники монографического изучения». Необходимо также ввести

¹ Шмидт С. О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М. Н. Тихомирова). — АЕ за 1965 г. М., 1966, с. 23—28; Александров В. А. Принципы научно-педагогической деятельности М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1968 г. М., 1970, с. 325—336; Муравьев А. В. Спецкурс М. Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.». — Там же, с. 318—324; Чистякова Е. В. М. Н. Тихомиров как палеограф-педагог. — АЕ за 1969 г. М., 1971, с. 212—217.

² Рослова А. С. 25 лет работы МГИАИ. — ТМГИАИ, М., 1958, т. 11, с. 14, 26, 38.

³ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940. Т. 1. Учебник вышел под грифом ГАУ НКВД СССР и Историко-архивного института.

⁴ Рукописное наследство академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание / Сост. И. П. Старовойтова. М., 1974.

⁵ Лаборатория кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ, ф. М. С. Вишневого, оп. 1, д. 329, л. 9—11 об. Копия занимает шесть страниц машинописи. Подлинник записки не обнаружен.

⁶ Рослова А. С. Указ. соч., с. 18—20.

⁷ Лаборатория кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ, ф. М. С. Вишневого, оп. 1, д. 329, л. 1—4.

практикумы научно-исследовательского характера, расширить круг вспомогательных исторических дисциплин. Основным курсом для историков-архивистов Сперанский считал источниковедение, но его следовало «возможно тщательно разбить по эпохам» и видам источников и читать параллельно с соответствующими темами курса истории СССР. Изучение методов «научно-архивной разработки» источников (их описания и издания) составляло часть курса источниковедения. Такой подход Сперанского при сравнительно малом его внимании к задачам архивно-технической подготовки вызвал резкие возражения Вишневецкого, о чем свидетельствуют его пометы на тексте записки.

Однако при всей спорности ряда предложений в рассуждениях Сперанского содержался важный рациональный момент. Он подчеркивал, что особые курсы «по методике и технике архивного дела, по публикации документов, по истории собственно архивов, оторванные от изучения истории определенной эпохи, неизбежно ведут к построению или формального курса, или к сообщению ряда практических сведений (характера ведомственной инструкции)...»⁸.

Подобно Сперанскому, Никитин считал, что работа в архивах требует от выпускников института «не только знания архивной техники, но и умения вести научную работу в разных ее формах», а потому рекомендовал усилить внимание к общему курсу истории, к вспомогательным историческим дисциплинам. Курс архивных дисциплин следовало перестроить так, чтобы в них превалировала «методика, а не техника». По мнению Никитина, в центре внимания преподавателей архивоведения должны находиться «вопросы научного описания, составления обзоров по фондам и т. п.», а «техническо-делопроизводственная часть» должна изучаться в минимально необходимых пределах, иначе институт рисковал готовить «слишком квалифицированных делопроизводственно людей, но плохих архивистов»⁹.

Предложения Готье сводились к необходимости ввести специализацию студентов по категориям архивов (он рекомендовал разработать «общий средний профиль научного архивиста» и варианты этого профиля), а также по районам страны, где им предстоит работать. Архивоведческие дисциплины он советовал преподавать так, «чтобы они не пугали студента сухостью, а, наоборот, привлекали бы его к архивной работе», для чего следовало расширить круг вспомогательных дисциплин¹⁰.

Вероятно, соображения, высказанные в упомянутых записках, в какой-то форме обсуждались в кругу преподавателей института. Во всяком случае, в первой части записки Тихомирова содержатся положения, столь противоречащие мнениям Сперанского и Никитина, что напоминают полемику. Речь здесь идет об архивоведческой подготовке студентов.

Тихомиров начинал с того, как важно для создания историко-архивных кадров воспитывать у студентов «основные навыки и любовь к работе над архивными документами». Выпускник института «должен совершенно ясно представлять значение архивных документов не только для историка, но и для повседневной жизни». Понимание всего значения архивного дела может быть достигнуто «только путем длительного воспитания навыков архивной работы». Фундамент архивоведческой методики Тихомиров видел в технике: «Архивист прежде всего должен быть тщательно подготовлен к технике архивного дела и ни в коем случае не рассматривать технические навыки как что-то дополнительное и мало-важное, целиком лежащее на заботе каких-то особых „техников“ архивного дела»¹¹.

Он приводил в пример такой вопрос, как уничтожение насекомых-вредителей. Недостаточное внимание к нему, как и вообще к технике

⁸ Там же, л. 4.

⁹ Там же, л. 7, 8.

¹⁰ Там же, л. 5; 6.

¹¹ Там же, л. 9.

хранения архивных документов, нередко влечет за собой гибель ценнейших документов, что отнюдь не безразлично для исторической науки. Поэтому историк-архивист, знающий свойства материала рукописей, обязан оказывать помощь в таких работах, как дезинфекция и дезинсекция рукописей. «В лучших рукописных хранилищах СССР подготовка к дезинфекции всегда производится под наблюдением больших академических сил, никогда не гнушающихся подобной работой». Интерес к самым различным сторонам архивной работы, в представлении Тихомирова, совершенно естествен для студентов, избравших профессию историка-архивиста. «Между тем, — писал ученый, — среди студенчества института нередко наблюдается равнодушное отношение к технике архивного дела»¹². Рассматривая себя как будущих «инженеров» архивного дела (взгляд, весьма распространенный в 1930-х годах), некоторая часть студентов не считала технику заслуживающей внимания. Но это приводило к падению интереса к вопросам описания архивного материала и его хранения, имеющим научное значение. Такое положение вызывало удивление Тихомирова, но он не брался анализировать его причины, считая, что они должны быть «освещены представителями кафедры истории и техники архивного дела».

Тихомиров предлагал практический способ улучшения работы, тесно связанный с его непосредственной научной деятельностью. Считая одной из основных задач историка-архивиста составление описей и констатируя отсутствие удовлетворительных описей у многих ценнейших фондов (в том числе содержащих материалы отдаленных эпох), ученый выдвинул проект организации обязательного практикума по научному описанию документов для всех студентов под руководством профессора¹³. Для этого нужно было выбрать большой фонд и систематически описывать его в течение нескольких лет. Тихомиров усматривал пользу такого предприятия в двух отношениях. С одной стороны, составление описей является «прекрасной школой для выработки настоящего историка-архивиста, так как описание документов вырабатывает в ... составителе необходимость точного и ясного представления об описываемом». Подобная работа играет большую роль в обучении, открывая «дорогу к пониманию всего богатства и интереса архивного материала», она наглядно показывает «неразрывную связь между работой историка и техникой архивного дела, о чем часто забывают как историки, так и сами архивисты». С другой стороны, подобная работа принесла бы значительную практическую пользу, помогая архивным органам разрешать вопрос о совершенствовании описания документов.

Насколько известно, предложение Тихомирова не было осуществлено им в Историко-архивном институте. Однако, будучи профессором МГУ, он проводил со студентами практические занятия по палеографии в РО ГИМ¹⁴.

Во второй части записки Тихомиров обращался к другой важной стороне профессиональной подготовки историков-архивистов — к «правильному распределению занятий по специальным историческим дисциплинам». Здесь же он сделал особую оговорку: «Специальные или, как, на мой взгляд, их неправильно называют, вспомогательные исторические дисциплины...» Весьма показательно это раннее и принципиальное употребление ученым термина «специальные исторические дисциплины». Как известно, данный термин был введен в научный оборот Тихомировым гораздо позднее¹⁵. В 1959 г. в докладе «О задачах изучения палеогра-

¹² Там же, л. 9об.

¹³ Проект организации описательных работ силами студентов продолжал традиции передового отечественного архивоведения: еще в 1885 г. Н. В. Калачов, предлагая преобразовать МАМЮ во второй Археологический институт, считал обязательным для его слушателей составлять инвентарные описи под руководством профессоров (Маяковский И. Л. Н. В. Калачов как историк-архивист: (Из истории русского архивоведения. 1860-е — 1880-е гг.). — ТМГИАИ, М., 1948, т. 4, с. 174).

¹⁴ Чистякова Е. В. Указ. соч., с. 215.

¹⁵ Шмидт С. О. Современные проблемы источниковедения. — В кн.: Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969, с. 23, 24.

фии» на заседании Археографической комиссии он говорил, что более правильно считать палеографию специальной дисциплиной, а не вспомогательной¹⁶. Обосновал употребление нового термина Тихомиров в 1961 г. в статье «Об охране и изучении письменных богатств нашей страны»¹⁷ и во втором издании учебника по источниковедению¹⁸.

По словам Тихомирова, специальные исторические дисциплины «имеют особенное значение для историка-архивиста». Связано это с их ведущей ролью при изучении архивных документов. «Если историк в широком смысле слова только в отдельных случаях сталкивается с архивными материалами, то для историка-архивиста архивные документы являются той стихией, в которой он постоянно работает». Знание этих дисциплин ученый признавал «во всех случаях обязательным» для выпускников института. К числу необходимых он относил: «1) палеографию и дипломатику (включая сфрагистику и пр.), 2) источниковедение, 3) историю учреждений, 4) методику и технику публикации, 5) историческую географию». Почти по всем предметам лекции читались к тому времени в институте, преподавание исторической географии началось с 1937/38 учебного года. Тихомиров считал, однако, что нельзя удовлетворяться одним фактом чтения лекций. По его мнению, «обычная программа этих предметов, рассчитанная на общеисторические вузы (МГУ, ИФЛИ и пр.), должна быть пересмотрена в духе ее приближения к основным задачам и специфике Историко-архивного института». В последней части своей записки ученый именно с этой точки зрения детально анализировал названные специальные исторические дисциплины¹⁹.

Задачи курса палеографии Тихомиров рассматривал весьма широко, связывая с тем фактом, что большинство документов в архивах хронологически относятся к новому времени. Поэтому следовало изучать не только московскую скоропись XVI—XVII вв., чем преимущественно занимались в общеисторических вузах, «но и палеографию XVIII и даже XIX века». Ученый предостерегал, что «кажущаяся легкость палеографии XIX века на деле приводит к значительным недоразумениям, так как все палеографические руководства в лучшем случае доводят свои обзоры до конца XVIII века». Другой существенной задачей он считал «введение в курс палеографии изучения не только московской, но и украинско-белорусской скорописи XVI—XVIII веков, в особенности для студентов, готовящихся к архивной деятельности на Украине и в Белоруссии».

В направлении архивоведческой специализации должен был, по мнению Тихомирова, перерабатываться и курс источниковедения. В своей основе он по-прежнему тесно связывался с общим курсом истории СССР, но надлежало выделить особые лекции, «посвященные громадным архивным фондам» XVII—XX вв. «Было бы неправильно эту задачу перекладывать на специальные архивные дисциплины, так как характеристика, скажем, таких материалов, как дела Берг-коллегии, является основной задачей историка». Здесь, отмечал ученый, еще одно проявление постоянной связи между исторической наукой и техникой архивного дела. В курс источниковедения необходимо включить и обзор печатных материалов, «может быть, в виде особого предмета, своего рода исторической библиографии». Тихомиров высказался также за оптимальный объем курса источниковедения — за удаление из него всех тем, «которые перегружают этот курс подробностями, может быть и интересными, но второстепенными для специального курса, читаемого в Историко-архивном институте».

¹⁶ Бем Ю. О. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР. — АЕ за 1959 г. М., 1960, с. 353.

¹⁷ ВИ, 1961, № 4, с. 66—67; Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 367.

¹⁸ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. М., 1962, вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII в.: Учебное пособие, с. 14.

¹⁹ О перестройке преподавания дипломатики и сфрагистики в записке не сказано.

Сохранился проект программы курса источниковедения²⁰, составленный Тихомировым и отразивший намеченные им в записке принципы. Так, в конце разделов программы, содержащих обзор основных групп делопроизводственных документов XVII—XVIII вв., предусмотрены характеристики крупнейших архивных комплексов: фондов Разрядного и Поместного приказов, Сената, коллегий и др.

Основную задачу курса истории учреждений Тихомиров видел в том, чтобы «дать историку-архивисту ключ к распределению архивных материалов». Делопроизводство учреждений каждого исторического периода имело свои особенности, без знания которых невозможно разобраться в документах. Изучение истории учреждений и их делопроизводства «является не самоцелью, а только своего рода ступенькой, с которой историк-архивист легко доберется до документов...». Поэтому, например, в широком объеме не следовало рассматривать «эпохи, от которых почти не осталось документов».

В преподавании методики и техники публикации, и особенно исторической географии, Тихомиров рекомендовал сосредоточить внимание на специфике источников нового времени, так как «90 процентов архивных работников, несомненно, будут работать над документами XVIII—XX веков». Перечисляя известные дореволюционные пособия по исторической географии (А. Н. Барсова, М. К. Любавского, С. М. Середонина), он видел их недостаток в отсутствии сведений по XVIII—XIX вв., без которых «старые архивные фонды, исходящие из прежних географических границ (губерний, уездов и пр.), будут во многом непонятны».

По словам Тихомирова, его предложения вовсе не означали, что из курсов специальных исторических дисциплин должны быть исключены вопросы, связанные с ранними периодами истории СССР. Но все же главное внимание следовало обратить на изучение наиболее распространенных документов, «на подготовку архивных работников, которым придется иметь дело не с абстрактным материалом, а с определенными видами архивных источников».

Предложенная перестройка преподавания специальных исторических дисциплин не могла, по мысли Тихомирова, принести положительных результатов без реорганизации практических занятий. Для получения студентами навыков работы с документами, для практического приложения познаний в специальных дисциплинах ученый предлагал ввести практикумы по длительному и основательному разбору какого-либо одного источника. В сочетании с изучением древнерусского языка практикum по исследованию, например, Русской Правды, Начальной летописи и других уникальных памятников «создаст навыки по чтению и работе над документами, а также приучит к осторожному отношению и к критике источников». В упомянутом проекте программы курса источниковедения Тихомиров также предусматривал проведение семинаров по отдельным памятникам, давал краткий список источников XII—XVII вв. для их разбора на занятиях.

Рассмотренная записка Тихомирова содержит важные сведения как для изучения научно-педагогической деятельности этого выдающегося советского историка, так и для понимания путей развития специального исторического образования в нашей стране в 1930-х годах. Особенно интересна она для разработки истории преподавания вспомогательных, или специальных исторических дисциплин. Многие идеи Тихомирова, высказанные в записке, могут стать полезными и при совершенствовании подготовки историков-архивистов в наши дни. Записка напоминает о возможностях дальнейшего выявления документов о преподавании Тихомирова в Историко-архивном институте, среди которых могут обнаружиться не менее ценные.

²⁰ Лаборатория кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ, ф. М. С. Вишневого, оп. 1, д. 202. Машинопись с правкой Тихомирова. Проект составлен, видимо, вскоре после записки.

ПЕРЕПИСКА М. Н. ТИХОМИРОВА С В. И. ПИЧЕТОЙ
(1941—1943 ГГ.)

Переписка Михаила Николаевича Тихомирова с Владимиром Ивановичем Пичетой и его женой Александрой Петровной в первые годы Великой Отечественной войны позволяет представить старшее поколение советских ученых-историков в годы Великой Отечественной войны.

В личном фонде академика В. И. Пичеты¹ хранятся 9 писем, написанных М. Н. Тихомировым из Ашхабада, Свердловска, Москвы в Ташкент в 1941—1943 гг. В личном фонде М. Н. Тихомирова сохранилось 9 писем В. И. Пичеты², одно письмо А. П. Пичета³. Они являются, за исключением одного письма, ответами на письма М. Н. Тихомирова.

Письма М. Н. Тихомирова, который считал, что историк должен владеть пером, как писатель, являются образцом эпистолярного искусства, они немногословны, просты по форме, образны. Михаила Николаевича с Владимиром Ивановичем связывали не только общие научные интересы, совместная работа над учебником «История СССР», занятия историей южных славян. Михаил Николаевич дорожил перепиской с Владимиром Ивановичем и часто писал ему, потому что находил в его письмах «всегда много нового и свежего» (письмо от 2 апреля 1942 г.)⁴.

В. И. Пичета не менее ценил переписку с М. Н. Тихомировым: «Весточка от Вас в разлуке, как луч весеннего солнца после долгой и суровой зимы», — писал он в письме от 15—16 апреля 1942 г., «Пишите, дорогой Михаил Николаевич! Ваши письма укрепляют мою бодрость и любовь к жизни» (6 декабря 1942 г.). В. И. Пичета был рад письмам М. Н. Тихомирова и не задерживал ответов на них (письма от 16 марта и 15—16 апреля 1942 г.). «Только что получил Ваше письмо и принимаюсь за „эпистолярику“» (5 мая 1942 г.). Владимир Иванович очень ждал приезда Михаила Николаевича в Ташкент. «При встрече поговорим» (21 апреля 1942 г.). Когда В. И. Пичета вернулся из Москвы, он сразу написал М. Н. Тихомирову: «Стремлюсь возобновить переписку с Вами» (8 октября 1942 г.).

Михаил Николаевич с присущим ему чувством гражданского долга был до глубины души взволнован событиями Великой Отечественной войны. Он тяжело пережил эвакуацию. «Так грустно на душе, что мы уехали из Москвы», — писал он в письме от 6 декабря 1941 г. Он не мог примириться с отъездом из Москвы в трудное для страны и народа время: «Чем дальше на восток, тем спокойнее, и тем в то же время обиднее, что уезжаешь фактически с поля битвы, ибо Москва сделалась таким полем» (20 января 1942 г.). Отвечая ему, В. И. Пичета пишет в письме от 25 декабря 1941 г. «о Москве нашей родной, которой подвластны наши думы и стремления»: «Мечтаю о скором возвращении в Москву». «„Скучно жить на этом свете без Москвы“, когда-то мы в нее вернемся», — заключает печальными словами Михаил Николаевич свое письмо от 20 января 1942 г.

Ни для В. И. Пичеты, ни для М. Н. Тихомирова не было сомнения

¹ ААН, ф. 1548, оп. 3, д. 217, л. 1—24.

² Там же, ф. 693, оп. 4, д. 477, л. 1—26.

³ Там же, д. 476, л. 1.

⁴ Как М. Н. Тихомиров ценил их, видно из письма П. Н. Миллера от 17 августа 1942 г., переданного В. И. Пичете во время его командировки в Москву: «Только что получил письмо от М. Н. Тихомирова из Ашхабада: «Видите ли Вы В. И. Пичету, который сейчас в Москве? Если видите, то передайте ему привет и скажите, что без него стало совсем тошно, потому что, бывало, ждешь писем из Ташкента» (ф. 1548, оп. 3, д. 140, л. 1). М. Н. Тихомирову было близко и дорого все, что касалось В. И. Пичеты. В письме Н. А. Машкина В. И. Пичете от 24 декабря 1942 г. из Ашхабада читаем: «Часто говорим мы о Вас с М. Н. Тихомировым» (ф. 1548, оп. 3, д. 136, л. 1).

в победоносном окончании Великой Отечественной войны. «На войне не бывает побед без поражений», — писал В. И. Пичета в письме от 3 февраля 1942 г. Здесь же есть слова о том, что надо «стиснуть зубы» в борьбе за победу и «только вера в великую мощь русского народа вносит успокоение в мою взволнованную и встревоженную душу». В письме от 16 марта 1942 г. В. И. Пичета пишет о том, как его обрадовала победа под Москвой, в ней он увидел коренной перелом в войне: «Знаю, что в конечном итоге победа будет за нами». Михаил Николаевич Тихомиров в своем ответе на это письмо подчеркнул мировое значение победы Советского Союза: «Вероятно, будущие поколения станут с остервенением изучать нашу великую историческую эпоху, несомненно более замечательную даже чем 1789—1814 гг. Но как тягостно видеть смерть людей тем, кто живет в эту эпоху. Для будущих поколений она будет овеяна славой, а мы не всегда умеем быть на уровне своей эпохи» (2 апреля 1942 г.). Уже в октябре 1942 г. В. И. Пичета пишет: «В победе ясен поворот, думается о возвращении, пока бои происходят на Волге» (8 октября 1942 г.). М. Н. Тихомиров ликовал, когда советские войска после победоносного завершения Сталинградской битвы перешли в наступление: «Наконец-то наши войска гонят немцев и ждем скорого освобождения Днепра» (25 февраля 1943 г.).

В победах советского оружия на фронтах Великой Отечественной войны М. Н. Тихомиров видел источник вдохновения ученых: «На этом фоне и старые и молодые должны подтянуться и работать» (25 февраля 1942 г.). Он считал, что научная работа в те годы имела «крупное политическое значение, как показатель того, что война не убила нашей научной жизни» (7—8 марта 1942 г.).

М. Н. Тихомиров писал В. И. Пичете, что «ведь мы с Вами люди пера, а не ружья» (15 мая 1942 г.). В годы войны они, ученые необычайно широкой исследовательской тематики, еще более ее расширили и работали особенно напряженно. Почти в каждом письме об этом речь. Михаил Николаевич писал В. И. Пичете: «Я в Ашхабаде, несмотря ни на что, начал кое-какие работы» (6 декабря 1941 г.), «от суеты, от мира отложился и начал работать» (20 января 1942 г.), «я все-таки и здесь много работаю, в частности бываю и в местном архиве, где помогаю консультационной работой» (8 марта 1942 г.), «здесь я, по крайней мере, не так мало поработал» (30 апреля 1942 г.), «работаю в местном архиве, где имеются очень поздние, но интересные материалы» (30 апреля 1942 г.), «интересные документы я нашел в здешнем архиве»⁵ (15 мая 1942 г.), «работаю много и не покладая рук» (25 февраля 1943 г.). Об этом же М. Н. Тихомиров также писал С. В. Бахрушину: «Я здесь порядочно работаю»⁶.

Эта работа положила начало исследованию М. Н. Тихомировым истории Туркменистана. Он начал писать ее еще в годы войны. Сохранились выписки М. Н. Тихомирова из общих трудов о Туркмении⁷, типографский экземпляр физической карты Туркменской ССР с нанесенными М. Н. Тихомировым названиями городов, местечек, урочищ⁸, машинописные выписки из документальных материалов ЦГА ТССР по истории присоединения Туркмении к России с правкой М. Н. Тихомирова⁹, рукопись «Присоединение Туркмении к России»¹⁰ и первый вариант «Присоединения Мерва к России», в котором приведены материалы, собранные в Ашхабаде в 1941—1942 гг.¹¹ Позднее М. Н. Тихомиров вспоминал: «Во время моей работы в Ашхабаде я призывал местных

⁵ Речь идет о материалах по истории Туркмении.

⁶ Письмо из Ашхабада С. В. Бахрушину в Ташкент от 23 апреля 1942 г. (ААН, ф. 624, оп. 4, д. 223, л. 1).

⁷ ААН, ф. 693, оп. 1, д. 11, л. 1—10.

⁸ Там же, д. 177, л. 1.

⁹ Там же, д. 158, л. 1—126.

¹⁰ Там же, д. 12 (36 л.).

¹¹ Там же, д. 13 (134 л.), л. 1—46, 48—134.

ученых произвести опрос туркменов о взятии Геоптепе в 1881 г. и о народном собрании „генгеше“ 1884 г., постановившем о присоединении Мерва к России. Тогда еще жили 60-летние и 70-летние старики, бывшие и при взятии Геоптепе и во время собрания генгеше»¹². Работа завершилась выходом в свет книги «Присоединение Мерва к России» (М., 1960).

В. И. Пичета пишет М. Н. Тихомирову: «Спасаясь только усиленной работой» (3 февраля 1942 г.), «я понемногу работаю» (15—16 апреля), «только в работе нахожу я источник от тяжелых мыслей и „подлого“ настроения» (5 мая 1942 г.).

В годы войны М. Н. Тихомиров и В. И. Пичета одновременно работали над несколькими темами. Еще до Великой Отечественной войны в 1939 г. М. Н. Тихомиров опубликовал статьи «Сражение на Неве»¹³ и «Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XIII вв.)»¹⁴, а 9 декабря 1939 г. прочел в Центральном доме Красной Армии им. М. В. Фрунзе лекцию для начсостава на тему «Борьба русского народа с интервентами в начале XIII в.»¹⁵. Накануне войны, 23 мая 1941 г., в «Вечерней Москве» была опубликована статья М. Н. Тихомирова «Александр Невский». В начале Великой Отечественной войны в августе 1941 г. была подписана в печать брошюра М. Н. Тихомирова «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV в.» (М., 1941)¹⁶. О своих ближайших планах продолжить эту тему он писал В. И. Пичете: «Решил написать биографию (научную) Александра Невского в связи с 700-летием Ледового побоища» (6 декабря 1941 г.). В рукописи «Борьба русского народа с немецкими интервентами в XIII в.», помеченной 1 ноября 1942 г., М. Н. Тихомиров писал: «Редкая годовщина справлялась в такое время и так гармонировала с тогдашней обстановкой, как годовщина великой битвы на Чудском озере»¹⁷. В письме от 15 мая 1942 г. М. Н. Тихомиров сообщил В. И. Пичете, что закончил спешную работу для Учпедгиза. Это была написанная совместно с В. И. Лебедевым и В. К. Никольским книга «Великие русские полководцы». Книга для внеклассного чтения учащихся неполной средней школы¹⁸.

В годы войны М. Н. Тихомиров и В. И. Пичета продолжали работать над проблемой взаимоотношений между Россией и южными славянами. Еще к началу 40-х годов относится фрагмент первого варианта статьи М. Н. Тихомирова «Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.»¹⁹. Рукопись статьи об исторических связях русского народа с южными славянами М. Н. Тихомиров сдал в Институт истории АН СССР в октябре 1941 г., о чем пишет В. И. Пичете 6 декабря 1941 г. В письме от 16 марта 1942 г. В. И. Пичета сообщает: «С большим удовольствием прочел Вашу статью в „Историческом журнале“ № 10—11 1941 г.»²⁰

В годы войны М. Н. Тихомиров возвращается к дальнейшей работе над этой темой для сборника «Россия и южные славяне в их культурных и политических связях»²¹. Об этом М. Н. Тихомиров писал С. В. Бахрушину: «Работаю больше всего в области связей русского

¹² Тихомиров М. Н. О значении исторической науки.— Вестник Московского университета. Сер. История, 1969, № 1, с. 95.

¹³ ВИЖ, 1940, № 7, с. 96—102.

¹⁴ Знамя, 1939, кн. 3, с. 209—229.

¹⁵ ААН, ф. 693, оп. 3, д. 5, л. 1.

¹⁶ Брошюра была переиздана в 1942 г. в Москве и Свердловске, вышла в Баку на азербайджанском языке, а в Казани — на татарском.

¹⁷ ААН, ф. 693, оп. 1, д. 14, л. 1.

¹⁸ Книга вышла в 1943 г. и была переиздана в 1948 г. под названием «Наши великие предки», а в 1950 г. переведена на венгерский язык.

¹⁹ ААН, ф. 693, оп. 1, д. 54 (29 л.).

²⁰ Тихомиров М. Н. Исторические связи южных и восточных славян в древнейшее время.— ИЖ, 1941, № 10/11, с. 62—70; *Он же*. Исторические связи русского народа с южными славянами в XIV—XVI веках.— ИЖ, 1941, № 12, с. 72—78.

²¹ Работа сектора славяноведения Института истории Академии наук СССР (1943—1944).— ИЖ, 1944, № 10/11, с. 139.

народа с южными славянами»²². В. И. Пичета, который для этого сборника писал статью об Юрии Крижаниче²³, М. Н. Тихомиров описывал трудности, которые приходилось ему испытывать при создании этой статьи: «Я с Вашего благословения приступил к работе над историческими связями русского народа с южными славянами. Пишу заново, всячески горько сетуя на недостаток литературы» (21 ноября 1942 г.). Этот материал послужил основой для доклада, прочитанного на первой научной сессии исторического факультета МГУ по вопросам истории западных и южных славян (17–20 ноября 1944 г.). Из сравнения основных разделов доклада со статьёй, опубликованной в «Славянском сборнике», видно, что он лег в основу статьи²⁴. К теме о связях русского народа с южными славянами М. Н. Тихомиров обращался также в последующих докладах «Россия и южнославянские царства XIII–XIV вв.» на научной сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященной истории славян, в 1946 г. и «Культурные связи между Россией и народами Югославии XV–XVI вв.» в 1956 г.²⁵

Много лет отдал М. Н. Тихомиров исследованию «Русской Правды»²⁶. В 1939 г. он защитил докторскую диссертацию «Исследование о „Русской Правде“. Происхождение текстов», которая была опубликована в 1941 г.²⁷ В. И. Пичета от души поздравил автора: «Я держал в руках Вашу замечательную диссертацию и приветствую Вас с ее выходом. Она ведь событие важное, историческое» (6 декабря 1942 г.).

В годы войны М. Н. Тихомиров был озабочен завершением издания «Русской Правды»: «Начаты большие работы, и они должны быть как-то закончены. Сейчас я особенно понимаю, например, всю ценность работы по выпуску 1-го тома „Русской Правды“. Страшно жалею о 2-м томе, часть которого была готова к печати (фототипии). Твердо уверен, что даже сейчас можно было бы выпустить часть 2-го тома из печати», — писал он В. И. Пичете 7–8 марта 1942 г. (Позднее М. Н. Тихомировым было написано «Пособие для изучения „Русской Правды“». М., 1953).

В. И. Пичета и М. Н. Тихомиров вместе с А. В. Шестаковым были авторами и редакторами учебника 1-го тома «Истории СССР» для исторических факультетов. В архиве М. Н. Тихомирова сохранилась запись замечаний, сделанных при обсуждении в 1941 г. учебника²⁸. В обсуждении приняли участие С. В. Бахрушин, Н. Г. Берёжков, Б. Б. Кафенгауз, А. А. Новосельский, Н. В. Устюгов, Л. В. Черепнин. В годы войны М. Н. Тихомиров и В. И. Пичета думали о подготовке второго издания учебника в соответствии с полученными замечаниями. В. И. Пичета написал М. Н. Тихомирову: «Во втором издании придется все-таки пересмотреть, в особенности Шестакова, — пишете и будем на учебнике под-

²² ААН, ф. 624, оп. 4, д. 223, л. 1.

²³ Пичета В. И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618–1683 гг.). — В кн.: Славянский сборник. М., 1947, с. 202–240.

²⁴ Ср.: Белявская И. М. Научная сессия по вопросам истории западных и южных славян (17–20 ноября 1944 г.). — Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, М., 1945, вып. 3, с. 51 и Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейшего времени до половины XVII в. — В кн.: Славянский сборник, с. 125–201. Тихомиров М. Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 94–166. В книге И. П. Старовой «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание» (М., 1974, с. 17, № 34) указано, что доклад 19 марта 1945 г. на заседании Ученого совета Института истории АН СССР лег в основу статьи, опубликованной в «Славянском сборнике». Основываясь на сообщении И. М. Белявской, следует считать основой статьи и доклад, произнесенный М. Н. Тихомировым на научной сессии по вопросам истории западных и южных славян 17–20 ноября 1944 г.

²⁵ ААН, ф. 693, оп. 3, д. 9, л. 5.

²⁶ См.: Михаил Николаевич Тихомиров: (Материалы к библиографии ученых СССР). Сер. История. М., 1963, вып. 6.

²⁷ Тихомиров М. Н. Исследование о «Русской Правде»: Происхождение текстов. М.; Л., 1941. 255 с.

²⁸ ААН, ф. 693, оп. 3, д. 138, л. 1; История СССР / Под ред. В. И. Пичеты, М. Н. Тихомирова, А. В. Шестакова. М., 1941. Т. 1.

держивать связь» (25 декабря 1941 г.). М. Н. Тихомиров отвечал, что хотел заняться редактированием «нашего учебника», переработать части Шестакова (20 января 1942 г.). В последующих письмах В. И. Пичета возвращался к вопросу об учебнике: «Если будете перерабатывать „Историю СССР“, то придется сделать большие дополнения». В. И. Пичета специально отметил вопрос о внешней политике России (21 апреля 1942 г.). В письме от 6 декабря 1942 г. В. И. Пичета вновь возвращается к вопросу об учебнике: «Хотелось бы выпустить второе издание нашей книги, переработанное в определенном плане со славянским характером, с радикально измененной статьей Шестакова»²⁹.

М. Н. Тихомиров, историк русского города, начал изучение этой проблемы еще в 30-е годы и не оставлял ее до последних лет жизни: «Работать над историей городов я начал давно, и первые отдельные этюды на эту тему, как и оставленные мной неопубликованными, имеют 10–15-летнюю давность»³⁰. С начала Великой Отечественной войны М. Н. Тихомиров был убежден в необходимости эти исследования продолжить: «Горькие вести о разрушении многих городов, в особенности Киева и Новгорода, не только не остановили, но ускорили мои работы, начатые в далеком Ашхабаде (в декабре 1941)»³¹. О том, что он продолжает заниматься древнерусскими городами, М. Н. Тихомиров писал в Ташкент С. В. Бахрушину (23 апреля 1942 г.)³² и В. И. Пичете (30 апреля 1942 г.). В 1944 г. он закончил автореферат работы «Древнерусские города X–XIII вв. до монгольского нашествия»³³, в 1945 г. выступил в МГУ с докладом на эту тему и опубликовал автореферат книги, а в 1946 г. книгу³⁴.

Одновременно с этими работами М. Н. Тихомиров обдумывал руководство к изучению письменности (письмо от 21 января 1942 г.), которое вышло после войны³⁵.

Вернувшись в Москву в начале 1943 г., М. Н. Тихомиров написал статью «Россия в системе государств до конца XVII в.» (письмо от 25 февраля 1943 г.).

Владимиром Ивановичем Пичетой в годы войны было опубликовано более 75 статей³⁶. Больше всего он пишет М. Н. Тихомирову о занятых «Историей Польши (1795–1815)» (16 марта, 15–16 апреля, 5 мая 1942 г.), о докладах «Польские славянофилы в первой половине XIX в.» (16 марта 1942 г.), «Планы Наполеона против России в 1812 г.» (5 мая 1942 г.)³⁷. Он делится своими планами о работе над темой о борьбе белорусского народа против интервентов для АН БССР (6 декабря 1942 г.).

Одновременно В. И. Пичета был назначен одним из редакторов 2-го тома учебника «История Узбекистана», о чем он написал М. Н. Тихомирову 15–16 апреля 1942 г. Владимир Иванович Пичета стал одним из авторов 1-го тома «Истории Узбекистана», о чем пишет в письме от 5 мая 1942 г. 6 декабря 1942 г. В. И. Пичета сообщает: «Я кончил почти раздел о Средней Азии XVII и XVIII вв.» Для работы над «Историей Узбекистана» В. И. Пичета учил узбекский язык и читал на языке оригинала «Анекдоты Насретдина Афанди», изданные Гослитиздатом УзССР в Ташкенте в 1941 г. (сост. Шариф Риза)³⁸. За участие в написании

²⁹ А. В. Шестаков скончался 29 июня 1941 г.

³⁰ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1946, вып. 99, с. 4.

³¹ Там же, с. 5.

³² ААН, ф. 624, оп. 4, д. 223, л. 1.

³³ Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, М., 1945, вып. 3, с. 33–37.

³⁴ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — Учен. зап. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1946, вып. 99, 256 с.; 2-е изд., 1956, 477 с.

³⁵ Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография: (Учебное пособие для вузов). М., 1966.

³⁶ Владимир Иванович Пичета: Библиографический указатель. Минск, 1978, с. 56–64.

³⁷ Пичета В. И. Политические планы Наполеона относительно России: Краткое изложение доклада. — Историк-марксист, 1942, № 10, с. 139.

³⁸ ААН, ф. 1548, оп. 2, д. 35.

«Истории Узбекистана» В. И. Пичета был удостоен в 1943 г. звания заслуженного деятеля науки Узбекской ССР.

М. Н. Тихомиров был очень внимателен к Владимиру Ивановичу, просил его не переутомляться: «Не согласен с тем, что Вам надо опять засесть за письменный стол и сидеть устойчиво, ведь Вы и так в Москве пересидели слишком много времени за писанием разных спешных работ» (7—8 марта 1942 г.). «Смутило меня письмо Грекова³⁹ и сообщение Мишулина [А. В.], что все вы в Ташкенте заняты без конца. Отчасти я это вижу из вашего письма. Как же так, „История Польши“ и т. 2 „Истории Узбекистана“. Значит опять бессонные ночи и усталость» (30 апреля 1942 г.). Михаил Николаевич просил Владимира Ивановича побережь свои силы для завершения «Истории Польши»: «У Вас благодарная и благородная задача — написать „Историю Польши“» (15 мая 1942 г.).

Михаил Николаевич старался поддержать бодрое настроение Владимира Ивановича, когда к нему приходили печальные мысли «о духовной и физической старости» (5 мая 1942 г.). «Старость так не переживают, как Вы... Вы, наоборот, слишком молоды для своих лет», — писал ему в ответ Михаил Николаевич (15 мая 1942 г.). Михаил Николаевич ценил душевную щедрость Александры Петровны Пичета: «Вот и в Ташкенте она, вероятно, хлопочет о всех странствующих и путешествующих» (20 января 1942 г.). Дарственная надпись на книге «От В. И. Пичеты с сердечным приветом» выражала его расположение к М. Н. Тихомирову⁴⁰.

Михаил Николаевич тяжело переживал болезнь своих соратников по науке. В ответ на письмо Владимира Ивановича (16 марта 1942 г.) о том, что «плох Ю. В. Готье», он писал: «Самое тягостное известие о болезни Ю. В. Готье и ленинградских товарищах. Юрий Владимирович кажется мне особенно симпатичным на фоне суеты и чванства многих других ученых. Веселый и простой, он по справедливости занимает академическое место, и его труды не просто толстые книги, а книги полные серьезной научной работы. Если Вы его видите, то передайте ему мой сердечный поклон, здесь это старое русское слово вполне подходит» (2 апреля 1942 г.). С большим уважением отзывался М. Н. Тихомиров об историке И. С. Галкине, ректоре Московского университета в 1942—1948 гг. (20 января 1942 г.).

Вернувшись в Москву в начале 1943 г., Михаил Николаевич готовил к изданию два сборника, созданные коллективом сектора славяноведения Института истории АН СССР, руководимого В. И. Пичетой, и подробно информировал его об этой работе. В письме от 25 февраля 1943 г. он сообщил о подготовке к изданию сборников «Образование славянских государств» и «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии» и писал о трудностях, с которыми встретился в работе над ними: «Плохо были выправлены латинские и другие тексты, что причинило мне много хлопот» (25 февраля 1943 г.).

М. Н. Тихомиров дал высокую оценку двум подготовленным в годы войны сборникам по славяноведению: «Держал гранки Вашего сборника „Образование славянских государств“. Сборник очень хороший — и Ваши статьи⁴¹ и статьи Б. Д. Грекова⁴² и Ю. В. Готье⁴³, Неедлы⁴⁴ и Дер-

³⁹ «Заседаний больше чем можно вместить» (письмо Б. Д. Грекова М. Н. Тихомирову от 20 апреля 1942 г. — ААН, ф. 693, оп. 4, д. 195, л. 5).

⁴⁰ ААН, ф. 693, оп. 5, д. 64, л. 99.

⁴¹ Пичета В. И. Образование Польского государства. — В кн.: Славянский сборник, с. 45—73; *Он же*. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618—1683 гг.). — Там же, с. 202—240.

⁴² Статья Б. Д. Грекова «Образование русского государства» была опубликована: ИАН. Сер. истории и философии, 1945, т. 2, № 3, с. 129—139.

⁴³ Готье Ю. В. Образование Сербского государства. — В кн.: Славянский сборник, с. 5—44.

⁴⁴ Неедлы З. Р. Возникновение Чешского государства. — В кн.: Славянский сборник, с. 74—124.

жавина⁴⁵... Спорю, что это были из лучших институтских сборников. Проверял и „Вековую борьбу“ — тоже хороший и ценный сборник... хорошие статьи З. Неедлы»⁴⁶ (25 февраля 1943 г.).

Еще в начале войны М. Н. Тихомиров предполагал, что «понадобятся научные кадры, а понадобятся они в громадных размерах после войны» (письмо от 15 мая 1942 г.). Уже в 1943 г. из Москвы он писал В. И. Пичете: «Потребность в людях, в научных кадрах громадная» (25 февраля 1943 г.).

Михаил Николаевич высоко ценил в ученых умение устанавливать контакты с молодежью, связь учителей и учеников. Он подробно описывает Владимиру Ивановичу встречу ученых со студентами Московского университета в Свердловске: «Было устроено заседание кафедры истории СССР с участием [С. В.] Бахрушина, [Б. Д.] Грекова и [И. И.] Минца. Собралось 80—100 чел. студентов и преподавателей, аудитория, невиданная со времени Москвы... говорил Минц хорошо и вещи нужные, о собирании материалов, об Отечественной войне... наши юные студенты особенно внимательно слушали Грекова и Бахрушина и высказывали свое восхищение после заседания на другой день, когда я пришел читать лекции. Наша молодежь очень чуткая, и добрый отзывчивый тон наших академиков пал на хорошую почву, многие души были уловлены для истории в этот день, и за это я бесконечно благодарен С[ергею] В[ладимировичу] и Б[орису] Д[митриевичу]» (21 ноября 1942 г.).

В. И. Пичета и М. Н. Тихомиров на всю жизнь сохранили уважение к своим учителям и неоднократно вспоминали о них с благодарностью. М. Н. Тихомиров писал В. И. Пичете: «Как много значит ободрить и поддержать во-время. Когда-то Б. Д. Греков показывал мне, семнадцатилетнему юноше, учебник скорописи Беляева и с восторгом говорил о почерках XVII века. Он-то об этом давно забыл, как забыл и С. В. Бахрушин о моих беседах с ним, когда я был студентом, а я до сих пор об этом помню» (21 ноября 1942 г.)⁴⁷. О признательности В. И. Пичеты своему учителю мы узнаем из посланного ему 15 июня 1944 г. письма Р. Ю. Виппера: «Глубоко тронут Вашим сердечным приветствием, которое будит во мне воспоминания о первых университетских встречах»⁴⁸.

Подвиги на фронтах Великой Отечественной войны воодушевляли М. Н. Тихомирова в работе со студентами: «Последние события показали, что много героизма оказалось в нашей молодежи, которую так часто ругали за то и за другое» (7—8 марта 1942 г.). К своим обязанностям педагога и воспитателя Михаил Николаевич относился очень ревностно, они всегда стояли у него на первом плане: «Надо бы теперь в Москву, но нельзя так бросить студентов...» (21 ноября 1942 г.). Много и подробно писал он Владимиру Ивановичу о студентах: «Студенты Тур и Мальцев, занимающиеся у меня в семинаре, недавно вспоминали о Вас и просили наладить занятия по польскому языку» (7—8 марта 1942 г.). Для Н. К. Тура и А. Н. Мальцева Михаил Николаевич на всю жизнь остался учителем и другом. Письма Н. К. Тура с фронта Михаилу Николаевичу в 1943 г. не оставались без ответа. В личном фонде М. Н. Тихомирова сохранилось семь писем Н. К. Тура, написанных с фронта и из армии в 1943—1944 гг.⁴⁹ Н. К. Тур писал своему учителю: «Только

⁴⁵ Державин Н. С. Славяне в древности. Б. м., б. г.

⁴⁶ Неедлы З. «Дранг нах Остен». — В кн.: Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии. М., 1944, с. 31—42; *Он же*. Национальное движение славян в XIX в. — Там же, с. 94—107; *Он же*. Борьба славянских народов за национальную независимость в первую мировую войну 1914—1918 гг. — Там же, с. 107—118; *Он же*. Гитлеризм — злейший враг славянства. — Там же, с. 119—126; *Он же*. Чехословакия. — Там же, с. 127—150.

⁴⁷ Об этом же М. Н. Тихомиров писал С. В. Бахрушину в Ташкент: «Горжусь, как и всегда раньше гордился, тем, что работал когда-то под Вашим руководством» (письмо от 23 апреля 1942 г.). — ААН, ф. 624, оп. 4, д. 223, л. 1.

⁴⁸ Там же, ф. 1548, оп. 3, д. 50, л. 2.

⁴⁹ ААН, ф. 693, оп. 4, д. 627. После войны Н. К. Тур поступил в аспирантуру Московского университета, сохранилась фотография 1947 г., на которой он снят вме-

теперь я оцениваю все те знания, которые получил в стенах университета», «честь истфаковца никогда не посрамлю».

С А. Н. Мальцевым⁵⁰ М. Н. Тихомирова связывала долгие дружба и совместная работа в Московском университете. А. Н. Мальцев называл М. Н. Тихомирова «вдохновителем его работы»⁵¹. М. Н. Тихомиров высоко ценил эти работы и считал их «вполне оригинальными научными исследованиями»⁵². С А. Н. Мальцевым М. Н. Тихомиров много путешествовал, в часы досуга играл в шахматы⁵³. А. Н. Мальцев писал Михаилу Николаевичу о своей работе в архивах⁵⁴. В личном архиве М. Н. Тихомирова хранятся статьи А. Н. Мальцева и его фотографии с дарственными надписями «дорогому учителю и старшему товарищу», 27 писем А. Н. Мальцева М. Н. Тихомирову⁵⁵.

Михаил Николаевич писал В. И. Пичете: «Ваши работы с нашими студентами не остались бесплодными. 3 студента стремятся учить польский язык, занимаясь у меня в семинаре по темам о Галицко-Волынской Руси, из них двое учились у Вас в Москве» (21 ноября 1942 г.).

Самому М. Н. Тихомирову всегда хорошо было со студентами. Он писал об этом В. И. Пичете: «Вам было бы гораздо легче, если бы рядом с Вами была молодежь, студенты. Когда я приехал в Ашхабад, я нашел здесь моих учеников» (15 мая 1942 г.)⁵⁶.

Мир студентов был ему близок. Он писал Александре Петровне Пичете: «Молодежь и здесь нашла в себе много юмора. Вместо слова „пообедали“ студенты говорят „насупились“, человека же, отпускаящего супы, они называют „супостатом“, а свой обед „большим супом“ в честь известного фильма» (8 марта 1942 г.).

сте с другими учениками М. Н. Тихомирова в читальном зале ЦГАДА (Там же, оп. 2, д. 150, л. 1). Когда Н. К. Тур заболел и уехал из Москвы, он писал Михаилу Николаевичу как самому близкому другу о семье и своих занятиях в университетской библиотеке г. Свердловска (Там же, оп. 4, д. 627, л. 14). В 1948 г. в семье Н. К. Тура родились близнецы, им дали имена Михаила и Александра в честь Михаила Николаевича Тихомирова и Александра Николаевича Мальцева. Мне бы очень хотелось, чтобы мои сыновья были хоть немного достойны тех, кто носит эти имена теперь», — писал Н. К. Тур Михаилу Николаевичу (Там же, л. 15). Михаил Николаевич ответил письмом с добрыми пожеланиями малышам, «молодым Турам», как называл он их (Там же, оп. 2, д. 242, л. 1). Михаил Николаевич хранил в своем архиве фотографии семьи Н. К. Тура, на одной из которых надпись: «В знак любви и признательности дорогому учителю нашего отца Михаилу Николаевичу Тихомирову от братьев Тур Миши и Саши» (Там же, л. 3). В тяжелую минуту жизни писала Михаилу Николаевичу Ирина Павловна Тур, благодаря за все то доброе, что он сделал для мужа (Там же, оп. 4, д. 628, л. 1); тяжело больному написал Михаилу Николаевичу Н. К. Тур (Там же, д. 627, л. 23). В отношении к Н. К. Туру и его семье проявилась свойственная Михаилу Николаевичу душевная теплота. В одном из писем А. Н. Мальцеву М. Н. Тихомиров писал: «Великое счастье быть просто человеком, знать и видеть горести и радости простой жизни, а не смотреть на нее из окна ЗИСа-110» (Там же, д. 31, л. 1). Сам М. Н. Тихомиров владел этим великим даром. Пичете писали из действующей армии и находившиеся на излечении многочисленные ученики (ф. 1548, оп. 3, д. 65, л. 1; д. 68, л. 1; д. 84, л. 1; д. 106, л. 1; д. 121, л. 1; д. 218, л. 1; д. 227, л. 1; д. 240, л. 1—2).

⁵⁰ О А. Н. Мальцеве см. некролог памяти А. Н. Мальцева и список его печатных трудов (АЕ за 1964 год. М., 1965, с. 389—390). О заседании кафедр источниковедения истории СССР и истории СССР периода феодализма МГУ 14 окт. 1974 г., посвященном памяти А. Н. Мальцева, см.: *Афианы В. Ю.* В Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. — АЕ за 1974 год. М., 1975, с. 378—380.

⁵¹ ААН, ф. 693, оп. 5, д. 55, л. 49; *Долдобанова Н. А., Шеламанова Н. Б.* К биографии академика М. Н. Тихомирова. — АЕ за 1965 год. М., 1966, с. 175.

⁵² ААН, ф. 693, оп. 1, д. 295, л. 1.

⁵³ Там же, оп. 2, д. 154, л. 1; д. 161, л. 3; д. 194, л. 2; д. 185, л. 1—2; д. 218, л. 4—6.

⁵⁴ Там же, оп. 4, д. 368, л. 15—16.

⁵⁵ Там же, оп. 4, д. 368.

⁵⁶ Сохранилось много писем учеников В. И. Пичеты, написанных ему из действующей армии, госпиталей, эвакуации, с просьбами помочь советом в работе. Из них видно, какой глубокий интерес к науке заронил он в их сердцах (Там же, ф. 1548, оп. 3, д. 65, л. 1; д. 68, л. 1; д. 84, л. 1; д. 98, л. 1; д. 106, л. 1; д. 115, л. 8, 11; д. 121, л. 1; д. 126, л. 1; д. 149, л. 1; д. 210, л. 1; д. 211, л. 1; д. 218, л. 1; д. 221, л. 1; д. 237, л. 1). Во время войны В. И. Пичета поддерживал связь со своими учениками, в его личном архиве 11 писем Г. Э. Санчука (Там же, оп. 3, д. 195), 6 писем В. Д. Королюка (Там же, д. 117), письмо И. М. Белявской (Там же, д. 27), письмо Н. Н. Улащика (Там же, д. 223).

Активный и деятельный М. Н. Тихомиров резко осуждал людей нерадивых, ленивых и беспечных: «Сейчас во время войны я стал как-то особенно ненавидеть бездельников от науки. Никто еще не задавался целью подсчитать, сколько ущерба принесли стране люди-паразиты, не желающие и не умеющие работать» (7–8 марта 1942 г.). И это же письмо: «Ненавижу и презираю это вечное очковтирательство». Эта мысль волновала М. Н. Тихомирова, и он неоднократно обращается к ней в своих письмах к В. И. Пичете. Он насмешливо писал о «скрытых талантах» (2 января 1942 г.). В письме от 30 апреля 1942 г.: «Отсутствие интереса и желания глубоко работать по истории — настоящая болезнь века». В письме от 15 мая 1942 г.: «Наука существует для народа, а не для отчетов бюрократов, скрывающихся под маской учености. В древней Руси говорили о развратных злых монахах: „Не спасут вас черные ризы“, так и сейчас крики и внешние проявления учености не должны спасать бездельников». В. И. Пичета был полностью согласен в этом с М. Н. Тихомировым (письмо от 6 декабря 1942 г.).

Переписка В. И. Пичеты и М. Н. Тихомирова раскрывает позиции, мысли, оценки выдающихся ученых-историков в годы Великой Отечественной войны. Они видели свой долг в разработке тем, которые имели актуальное значение в борьбе с фашизмом. Письма М. Н. Тихомирова и В. И. Пичеты характеризуют их как великих тружеников и патриотов. Перспективы развития советской исторической науки были им ясны уже в первые годы Великой Отечественной войны. Очень убедительно звучат слова М. Н. Тихомирова из его письма С. В. Бахрушину: «Работаю не только для насущного дня, а для будущего в прок» (письмо из Ашхабада от 24 апреля 1942 г.)⁵⁷. Своей неустанной работой они, «люди пера», стремились приблизить час победы. Внимательные и чуткие наставники молодежи, думающие о будущем развитии науки, они готовили ее к осуществлению новых задач, которые предстояло решать после войны.

⁵⁷ ААН, ф. 624, оп. 4, д. 223, л. 1.

С. В. Журавлев

МАТЕРИАЛЫ О ПРЕПОДАВАНИИ А. Ц. МЕРЗОНОМ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В МГИАИ¹

Александр Цезаревич Мерзон (1915—1959) внес значительный вклад в развитие отечественного источниковедения². Среди документов кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ и в фонде института в ЦГАОР г. Москвы сохранились ценные материалы (стенограммы, протоколы заседаний, планы работ и др.) о его научной и преподавательской деятельности. Особое место занимает неопубликованный лекционный курс по источниковедению истории СССР до конца XVIII в. Архивные документы дают возможность в некоторой мере проследить становление этого курса, а четыре опубликованных учебных пособия Мерзона (о них будет сказано ниже), в основу которых легли части курса, позволяют рассмотреть эволюцию его источниковедческих взглядов. Большой интерес представляют краткие тезисы доклада Мерзона «О критике исторических источников» (1957), хранящиеся в фонде С. Н. Валка в архиве ЛОИИ. Ознакомление читателей с лекционным курсом Мерзона и создан-

¹ В основу статьи положен доклад автора 14 октября 1981 г. на совместном заседании кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ и кружка источниковедения истории СССР. См.: *Наузов В. П., Шумилин С. В.* Обсуждение трудов А. Ц. Мерзона по источниковедению. — СА, 1982, № 1, с. 93—94.

² См. некролог: Александр Цезаревич Мерзон. — История СССР, 1959, № 6, с. 214.

ными в процессе его подготовки другими материалами по источниковедению отечественной истории и является задачей данного обзора.

Жизненный путь А. Ц. Мерзона характерен для людей его поколения: раннее, с 14 лет, начало трудовой деятельности, рабфак и исторический факультет МГУ. Рано проявились и его способности: уже в 1940 г. вышла в свет его книжка «Дмитрий Донской», написанная с привлечением летописных источников. В годы Великой Отечественной войны Мерзон ушел на фронт, в 1942 г. стал членом Коммунистической партии. В 1944 г. он был тяжело ранен в боях за Ригу и потерял ногу.

После войны он плодотворно работал как историк. Характерной чертой его творчества была многоплановость. Ученый занимался и собственно исторической тематикой, и источниковедческой. Много лет он посвятил издательской деятельности и редактированию учебников и учебных пособий по истории СССР для вузов, томов (с 3-го по 7-й) «Всемирной истории», ряда монографий и публикаций, написал немало статей и рецензий³. В 1948 г. Мерзон защитил кандидатскую диссертацию «Рынок Устюга Великого во второй четверти XVII в.», расширенную затем в монографию (в соавторстве с Ю. А. Тихоновым), получившую высокую оценку специалистов⁴.

Будучи старшим научным сотрудником Института истории АН СССР, Мерзон одновременно преподавал в МОПИ, а с 1950/51 учебного года — в МГИАИ на кафедре вспомогательных исторических дисциплин⁵. Именно с работой в МГИАИ связаны самые плодотворные годы творчества ученого, когда в полной мере раскрылся его талант исследователя и педагога. С 1951 г. он читал здесь курс лекций «Источники по русской истории с древнейших времен до конца XVIII в.» на первом и втором курсах и вел на втором курсе практические занятия по актовому источниковедению⁶. Для этих занятий он подготовил ряд методических разработок, среди которых: «Акты Великого Новгорода», «Акты социально-экономической истории феодальной эпохи», «Приемы источниковедческого анализа международных договоров как материалов по истории внешней политики России». В 1954 г. вместе с А. А. Зиминным он выступил на кафедре с докладом о развитии дипломатики в советское время⁷.

Широкие источниковедческие интересы ученого проявились в подборе тем дипломных работ, защищенных в МГИАИ под его руководством. Их проблематика касалась крестьянского вопроса в публицистике XVI в., источников по истории Московского восстания 1648 г. и Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева, источников по истории русских городов XVII—XVIII вв., в том числе таможенных книг и наказов городов в Уложенную комиссию⁸, источниковедческого изучения произведений В. В. Крестинина, трудов В. Г. Белинского, А. И. Герцена, а также источников личного происхождения периодов первой мировой и Великой Отечественной войн, многотиражных газет первых послевоенных лет.

³ Мерзон А. Ц. Развитие межобластных рыночных связей во второй половине XVII в.: (По материалам г. Великого Устюга). — История СССР, 1957, № 2, с. 118—138; *Он же*. Устюжские таможенные книги XVII в. — ПИ, М., 1958, вып. 6, с. 67—128; *Он же*. — ВИ, 1955, № 5, с. 148—152. — Рец. на кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2; *Он же*. — История СССР, 1957, № 2, с. 164—167. — Рец. на кн.: ПИ, М., 1956. Вып. 5; *Он же*. Книга по истории и организации делопроизводства. — ИА, 1960, № 2, с. 223—228 (совм. с И. К. Додоновым, Г. С. Топорковым). — Рец. на кн.: Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М., 1959; и др.

⁴ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания Всероссийского рынка (XVII в.). М., 1960. См.: *Сербина К. Н.* — ВИ, 1961, № 3, с. 158—161. — Рец. на кн.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч.; *Александров В. А.* — История СССР, 1961, № 4, с. 195—199. — Рец. на кн.: Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч.

⁵ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 997, л. 7.

⁶ Там же, д. 679, л. 10 и др.

⁷ Там же, д. 908, л. 7, 4.

⁸ Часть дипломной работы легла в основу статьи: *Покровская И. М.* Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 г. как исторический источник. — АЕ за 1961 год. М., 1962, с. 82—98.

Активное участие Мерзон принял в разработке кафедрой вспомогательных исторических дисциплин новой программы по источниковедению истории СССР. Основные принципы построения новой программы обсуждались на заседании Ученого совета МГИАИ в 1952 г., утверждена она была в 1954 г. Обсуждение выявило необходимость более глубокого, аналитического подхода к источникам, и в основу программы был положен вводный принцип их систематизации⁹.

Работу над созданием лекционного курса по источниковедению отечественной истории периода феодализма Мерзон начал вскоре после прихода в МГИАИ. В 1953 г. был написан первый вариант курса, соответствующего новой программе по источниковедению. 6 мая 1953 г. на заседании кафедры вспомогательных исторических дисциплин состоялось обсуждение вводной лекции. Мерзон сообщил, что «в течение учебного года подготовил курс (17 лекций)»¹⁰. При разработке вводной лекции, по словам ученого, «был использован текст курса В. И. Самойлова¹¹, учтена лекция С. О. Шмидта¹², в которой он говорит об источниковедении»¹³. По некоторым вопросам Мерзон консультировался с профессорами Л. В. Черепниным и И. И. Смирновым»¹⁴.

Формированию Мерзона как источниковеда способствовали та обстановка творческих исканий, которая была характерна для кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ в 1950-х годах, живые дискуссии по проблемам источниковедения на кафедре и в институте с участием В. К. Яцунского, А. А. Зимина и других преподавателей (особенно в связи с обсуждением принципов построения программ курса источниковедения и систематизации исторических источников), а также в среде аспирантов и студентов¹⁵. Особое влияние на источниковедческие взгляды Мерзона оказали работы Черепнина.

Важнейшей частью вводной лекции Мерзона был вопрос о содержании источниковедческого анализа и задачах критики источников. Данной проблемой он занимался особенно серьезно, начиная с 1952 г.¹⁶, логическим завершением работы стала подготовка учебного пособия.

Напомним, что в 1957 г. развернулась дискуссия об основных принципах и задачах критики исторических источников, «сыгравшая благотворную роль в разработке проблематики теоретического источниковедения»¹⁷. Непосредственным поводом к дискуссии послужил доклад Мерзона «О критике исторических источников» на научном совещании в МГИАИ 7 мая 1957 г.¹⁸ Судя по тезисам доклада¹⁹, основное содержание его было таково.

⁹ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 652, 803.

¹⁰ Там же, д. 768, л. 17.

¹¹ Василий Иванович Самойлов заведовал кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ в начале 1950-х годов и читал лекции по источниковедению истории СССР периода феодализма.

¹² Речь идет о вводной лекции по отечественной истории, которую С. О. Шмидт читал для первокурсников.

¹³ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 768, л. 18.

¹⁴ Там же, д. 769, л. 19.

¹⁵ См. об этом: *Каштанов С., Шингарева Е.* Кружок источниковедения истории СССР.— МГИАИ, М., 1961, т. 16, с. 489; *Шмидт С. О.* Наш кружок.— В кн.: *Источниковедение и историография: Специальные исторические дисциплины.* М., 1980, с. 142 и след.

¹⁶ Об этом свидетельствуют выступления Мерзона на заседаниях кафедры 28 января и 13 апреля 1952 г., обсуждение в июне 1952 г. проспекта учебного пособия «Методика источниковедческого анализа текстов», среди авторов которого был Мерзон (ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 680, л. 90; д. 678, л. 5; д. 833, л. 1 и др.).

¹⁷ *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения.— В кн.: *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М., 1969, с. 7.

¹⁸ Сохранились тезисы доклада (Архив ЛОИИ, ф. 297. С. Н. Валк, оп. 1, д. 198, л. 500—506) и стенограмма совещания (ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 1042). См. также: *А. Н.* О критике исторических источников: (В Московском государственном историко-архивном институте).— ИА, 1957, № 5, с. 281—287; *Николаева А. Т.* Научное совещание по вопросу критики исторических источников.— ВИ, 1957, № 5, с. 201—203.

¹⁹ Ксерокопия экземпляра тезисов, хранящегося в архиве ЛОИИ, любезно предоставлена С. О. Шмидтом.

Историческим источником является всякий памятник прошлого, отражающий какую-либо сторону истории человеческого общества. Центральное место среди источников занимают письменные памятники (рукописные и печатные). Источниковедение представляет собой вспомогательную историческую дисциплину, разрабатывающую методы изучения и использования письменных источников.

Для рассмотрения одного из теоретических вопросов источниковедения — о критике источников — необходимо раскрыть содержание научной критики источников, основанной на принципах марксистско-ленинской методологии, и показать ее место в источниковедении; выявить комплекс задач, решаемых в процессе критического изучения письменных памятников; охарактеризовать методы и приемы критики исторических источников.

Содержание традиционных понятий «внешняя критика» и «внутренняя критика» источников должно быть уточнено.

Критика источников — составная часть источниковедческого анализа. Источниковедческим анализом называется предварительное изучение письменных памятников, которые предстоит использовать в историческом исследовании. Источниковедческий анализ включает в себя следующие моменты: 1. Отбор источников. Общее ознакомление с исследуемыми письменными памятниками. 2. Критика источников. 3. Определение значения источников для изучения различных сторон исторического процесса. 4. Разработка способов использования источников в историческом исследовании.

Критика исторических источников — это их разбор и оценка. Критика источников — широкое понятие. Необходимо четко разграничить между собой, во-первых, задачи источниковедческой критики; во-вторых, методы и приемы критического изучения источников; в-третьих, последовательные этапы этого изучения.

Перед источниковедческой критикой стоят следующие основные задачи: критическое изучение происхождения источника (выяснение истории его создания), критическое изучение сведений об историческом процессе, содержащихся в источнике.

Процесс изучения происхождения источника включает в себя следующие моменты: установление подлинности источника, времени возникновения источника, места происхождения источника, автора или составителя, конкретных обстоятельств возникновения источника, первоначального текста источника и всех последующих изменений его состава.

При критическом изучении содержащихся в источнике сведений об историческом процессе подлежат рассмотрению следующие моменты: выяснение классово направленнойности источника, степени достоверности освещения в нем исторических явлений и событий; степени полноты исторических сведений, имеющих в источнике.

Критика источника неразрывно связана с его интерпретацией (толкованием). К интерпретации, осуществляемой в ходе источниковедческого анализа, относится научное прочтение источника. Правильное чтение и понимание текста является необходимой предпосылкой раскрытия содержания изучаемого памятника.

Всестороннее критическое изучение источника может быть достигнуто при помощи разнообразных методов и приемов. В органическом сочетании с приемами, которые разрабатываются источниковедением, используются исследовательские приемы, применяемые другими вспомогательными историческими дисциплинами (палеографией, метрологией, хронологией, археографией, дипломатикой, сфрагистикой, исторической географией), а также архивоведением. Привлекаются данные языкознания, литературоведения, истории государства и права, истории народного хозяйства, статистики и других отраслей научного знания.

Всю совокупность методов и приемов, применяемых для критического разбора и оценки источников, можно разделить на две группы: методы и приемы критического изучения внешних особенностей источника; ме-

тоды и приемы критического изучения содержания источника и его формы.

К числу приемов первой группы относятся: приемы изучения знаков письменности, писчего материала, формата, художественных украшений, переплета и других внешних признаков рукописных памятников; приемы изучения печатей; приемы изучения особенностей типографского набора, шрифтов, бумаги, иллюстраций и других внешних признаков печатных источников.

К числу приемов изучения содержания и формы источника относятся: приемы изучения языка; приемы изучения хронологических и метрологических данных, а также данных по топонимике и этнонимике; приемы изучения сведений о лицах, учреждениях и организациях; приемы изучения сведений об исторических событиях и явлениях; приемы проверки цифровых данных; приемы текстологического анализа; приемы изучения стиля и структуры.

Таким образом, разрешая одни и те же задачи — изучение происхождения источника и анализ его содержания и формы, внешняя критика имеет дело с внешними данными памятника, а внутренняя критика — с его содержанием и формой. Приемы внешней и внутренней критики сочетаются в ходе источниковедческого анализа.

В процессе критики источников отдельные памятники сопоставляются друг с другом. Тем самым осуществляется их синтез, т. е. обобщаются данные, которые добыты в итоге источниковедческого изучения ряда памятников.

Сличение источников между собой при их совместном изучении дает возможность установить следующее: взаимные отношения различных источников; сходство и различия в сообщениях разных памятников об одном и том же событии или явлении; принадлежность исследуемых памятников к определенным видам и разновидностям. Эту источниковедческую по своему характеру работу следует отличать от совместного изучения группы памятников, которое проводится с другими целями в процессе исследования конкретных научно-исторических проблем.

Охарактеризованные методы и приемы составляют общую методику источниковедческой критики. Они применимы в той или иной мере ко всем источникам любой эпохи. Однако критика источников каждого типа имеет свою специфику. Поэтому разрабатываются частные методики, представляющие собой комплексы приемов критики отдельных видов источников. Значительной спецификой отличается критика статистических материалов, законодательных памятников, актовых материалов, документов делопроизводства, литературных памятников (хроник, летописей, мемуаров, дневников, публицистических произведений). Необходимо также учитывать, что существенно отличается критика источников, относящихся к различным эпохам — феодальной, капиталистической и особенно социалистической.

Последовательные стадии критического изучения источников намечаются в зависимости от особенностей происхождения и содержания данного источника, степени его изученности, общего характера предпринимаемого источниковедческого исследования. При этом должна быть обеспечена взаимная проверка данных, полученных в результате применения разных приемов при решении каждой из задач источниковедческой критики.

Критика источника служит необходимой предпосылкой для последующего определения его значения при исследовании различных сторон исторической действительности. На заключительной стадии источниковедческого анализа разрабатываются способы использования изучаемых памятников в научно-историческом исследовании. Они отличаются большим разнообразием. Среди методов, которые могут быть использованы при изучении самых различных источников, следует назвать, например, статистическую обработку извлеченного из них фактического материала,

картографирование, т. е. составление исторических карт и схем по данным того или иного памятника и др.

Обсуждение доклада Мерзона, по словам В. И. Шункова, «вылилось в дискуссию по вопросам общего источниковедения, и больше того — общего исторического исследования»²⁰. Реализовав критические замечания, сделанные участниками совещания, Мерзон в 1958 г. опубликовал учебное пособие «Основные задачи критики исторических источников» (объемом 21 с.). В пособии были развернуты и дополнены фактическим материалом основные положения доклада 1957 г. Изменения коснулись главным образом определения «внутренней критики» источника (она имеет дело только с содержанием источника; изучение формы источника исключено из определения).

Так, автор пособия писал: «...Разрешая одни и те же задачи — изучение происхождения источника и анализ содержащихся в нем сведений об историческом процессе, внешняя критика имеет дело с внешними данными памятника, а внутренняя критика — с его содержанием. Приемы внешней и внутренней критики сочетаются в ходе источниковедческого анализа». Это положение сопровождается следующим примечанием: «В существующей литературе имеется и другая трактовка вопроса о внешней и внутренней критике. Сущность ее сводится к тому, что эти понятия положены в основу деления критики источников на две составные части. При этом не разграничены между собой задачи и приемы источниковедческой критики. Внешняя критика отождествляется с критикой происхождения источника. Выше сделана попытка уточнить содержание указанных понятий и найти им должное место в источниковедческом анализе. Вопрос о критике исторических источников, несомненно, требует дальнейшего исследования»²¹. Напечатанное на множительном аппарате тиражом 250 экземпляров для студентов МГИАИ пособие осталось малодоступным даже специалистам.

Следует подчеркнуть, что Мерзон был одним из зачинателей разработки теоретических проблем источниковедения в послевоенный период, хотя «источниковедческий взрыв» 1960-х годов привел к пересмотру ряда положений доклада и пособия Мерзона. Вместе с тем многие из его идей сохранили свое значение и получили развитие позднее. Работа Мерзона — это не только факт «историографии источниковедения». Она остается и поныне серьезным достижением методики преподавания источниковедения благодаря четкому и систематичному изложению фактического материала и предельно ясной схеме способов изучения конкретных видов и разновидностей источников. В дальнейшем эта схема в большой степени использовалась в пособиях по источниковедению.

Результатом работы Мерзона над лекционным курсом стало опубликование еще трех учебных пособий: «Воззвания, возникшие за время народных восстаний XVII в.» (М., 1955. 9 с.); «Писцовые и переписные книги XV—XVII вв.» (М., 1956. 42 с. с прил.) и «Таможенные книги XVII в.» (М., 1957. 96 с. с прил.). Их можно оценить как самостоятельные научные исследования.

Выход в свет этих учебных пособий стал знаменательным событием. Они поучительны с точки зрения методики работы с писцовыми, переписными и таможенными книгами как историческими источниками²². Автор одной из историографических работ об изучении писцовых книг отмечал, что Мерзон сумел преодолеть существовавшее до него одностороннее представление о том, что условность сведений писцовых книг делает их непригодными для освещения исторических явлений²³.

²⁰ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 1042, л. 48.

²¹ Мерзон А. И. Основные задачи критики исторических источников. М., 1958, с. 17.

²² Шмидт С. О. Вопросы истории России XVI в. в новой исторической литературе. — В кн.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. М., 1962, с. 101; *Он же*. К изучению аграрной истории России XVI в. — ВИ, 1968, № 5, с. 31.

²³ Киселев Е. А. Проблема достоверности писцовых книг в дореволюционной и советской исторической литературе. — В кн.: Проблемы истории СССР. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 51, 52.

Учебные пособия Мерзона по источниковедению получили высокую оценку не только его коллег-ученых, но и студентов. Сохранился протокол от 17 ноября 1958 г. расширенного заседания кафедры вспомогательных исторических дисциплин с участием аспирантов и студентов третьего и четвертого курсов, посвященного обсуждению пособий «Таможенные книги XVII в.» и «Писцовые и переписные книги XV—XVII вв.» В отзывах Б. Б. Кафенгауза, А. А. Новосельского, И. И. Смирнова и других отмечалась большая методическая ценность пособий, частные замечания были сделаны по тексту. Выступившие студенты МГИАИ обратили внимание на доступность, простоту изложения материала, наличие ценных приложений, дающих возможность «представить себе таможенные книги и их содержание». Общее мнение выступавших касалось необходимости расширить объем пособий; автор обещал «обдумать каждое замечание и учесть при дальнейшей работе над пособиями»²⁴.

Интерес ученого к проблемам теории и методики источниковедения нашел яркое воплощение в его лекционном курсе. Чтобы по достоинству оценить работу Мерзона, нужно учесть, что это был один из первых самостоятельных курсов источниковедения. К середине 1950-х годов, когда он создавался, существовал единственный учебник по источниковедению отечественной истории до XIX в. — книга М. Н. Тихомирова. По словам ее автора, задачей учебника было «ознакомить студента с основными видами источников и с важнейшими из источников, дав понятие о критическом подходе к ним»²⁵. Труд Мерзона не являлся повторением учебника Тихомирова, он органично дополнял его. В своем лекционном курсе автор концентрировал внимание на критическом анализе важнейших источников, стремясь научить студентов творчески подходить к ним. «Если историк не источниковед, то он и не историк. Всякая серьезная работа в области истории начинается с изучения источников», — говорилось во вводной лекции.

В курсе рассматривались только важнейшие источники по истории русского народа. Тщательно продуманная структура и порядок изложения материала были рассчитаны на то, чтобы его было легче запомнить и законспектировать. Давая общее представление об исторической базе различных периодов отечественной истории, Мерзон учитывал профиль подготовки историков-архивистов. В каждой лекции обязательными являлись: обзор основных публикаций и литературы по теме, указание архивов, в которых данные источники находятся, указание на слабо изученные проблемы. Мерзон подробно освещал дискуссионные вопросы, объективно знакомя с различными точками зрения. В лекционном курсе отразилась громадная работа его автора над большим числом источников и обширной специальной литературой. Являясь сторонником видовой систематизации источников, он в основном по этому принципу и строил свой лекционный курс.

Курс состоит из 20 глав: 1. Источниковедение и его задачи; 2. Источники эпохи первобытнообщинного строя; 3. Русские летописи XI—XV вв.; 4. Законодательные памятники XI—XIV вв.; 5. Записки иностранцев о России VI—XI вв.; 6. Произведения литературы XI—XV вв.; 7. Писцовые и переписные книги XV—XVII вв.; 8. Таможенные книги XVII в.; 9. Публицистические произведения конца XI—XVII в.; 10. Законодательные источники XV—XVII вв.; 11. Летописи и хронографы XVI—XVII вв., мемуары XVII вв.; 12. Возвращения, возникшие во время народных восстаний XVII—XVIII вв.; 13. Статистические источники XVIII в.; 14. Экономико-географические описания XVIII в.; 15. Законодательные источники XVIII в.; 16. Документы дипломатических учреждений XVIII в.; 17. Военно-оперативные документы и уставы XVIII в.; 18. Судебно-следственные материалы XVIII в.; 19. Публицистика и мемуары XVIII в.; 20. Записки иностранцев о России XVIII в.

²⁴ ЦГАОР г. Москвы, ф. Р-535, оп. 1, д. 1224, л. 18, 19, 22.

²⁵ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР: С древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940, т. 1, с. 4.

Рукопись лекционного курса сохранилась в архиве кафедры вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ полностью, за исключением двух лекций «Писцовые и переписные книги» и «Таможенные книги». Их содержание отразилось в созданных на основе текста лекций учебных пособиях с теми же названиями. Рукопись представляет собой автограф (относится к последним годам преподавания Мерзона в МГИАИ), написанный простым твердым карандашом на обеих сторонах бумажного листа стандартного формата; ее объем 575 л. В 1967 г. текст был перепечатан на машинке. На этом экземпляре имеются многочисленные пометы, добавления, замечания, исправления А. А. Зиминой, А. Т. Николаевой и С. О. Шмидта, сделанные в связи с тем, что лекционный курс А. Ц. Мерзона предполагалось опубликовать.

Вводная тема курса — предмет, содержание и задачи источниковедения, его место среди других исторических дисциплин. Далее — ознакомление с основными группами источников, понятием источниковедческого анализа. В историографическом очерке дается характеристика этапов становления и развития источниковедения, отмечаются сильные и слабые стороны творчества М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Шахматова, А. Е. Преснякова. Подчеркивается большой вклад советских ученых, поднявших источниковедение на качественно новый уровень, прежде всего благодаря марксистско-ленинской методологии. В целом историографические оценки Мерзона были в русле тенденций, характерных для научной литературы 1960-х годов.

Ученый считал необходимым для источниковедения правильное сочетание фактологии и теории, выступал против формализма в исследовании, подгона под заранее заданную схему. «Факты должны служить основой, исходным моментом изучения», — подчеркивал Мерзон. Эта фраза стала как бы девизом его лекционного курса.

В каждой главе четко обозначены несколько важных источников (как правило, таких, о которых студент мог получить информацию и в учебнике М. Н. Тихомирова), при характеристике которых автор стремился создать представление о методике работы с источниками такого рода вообще.

Особое внимание привлекают более широкая разработка проблематики изучения писцовых, переписных и таможенных книг и впервые в литературе предпринятое выделение в особую группу источников по истории классовой борьбы.

Характеризуя приемы изучения писцовых и переписных книг, Мерзон выделил статистический, картографический методы, метод перекрестного сопоставления сведений, разбросанных в разных отделах писцовых и переписных книг, но относящихся к одному и тому же лицу, метод сопоставления разновременных описаний и переписей по одному и тому же району, а также метод сопоставления данных писцовых и переписных книг с данными других источников. В главе о таможенных книгах XVII в. несомненную ценность представляет обзор сохранившихся книг. Из приемов их изучения автор выделял картографический и статистический методы.

Предметом специального рассмотрения в курсе стали воззвания, возникшие во время народных восстаний XVII—XVIII вв. Автор делил лекцию на пять разделов: известия о прокламациях И. И. Болотникова; «прелестные грамоты» С. Т. Разина; сведения о прокламациях, появившихся во время восстания в Москве в 1662 г. («Медный бунт»); «прелестные письма» К. Булавина; манифесты Е. И. Пугачева. Приводя данные об источниках, где имеются известия о прокламациях, грамотах, воззваниях, манифестах, вышедших из среды восставших, Мерзон подчеркивал большую ценность этих источников. Их содержание помогает уяснить характер выступления, его цель, идеологию и социальную базу восставших. При этом нужно подмечать особенности каждого выступления, видеть как сильные, так и слабые стороны восстаний XVII—XVIII вв.

Источники по истории классовой борьбы сохранились также среди документов делопроизводства судебно-следственных учреждений XVII—XVIII вв. Автор курса отмечал важность этих материалов как исторических источников, особенно в комплексном изучении с воззваниями, вышедшими из лагеря восставших. Он подчеркивал необходимость тщательного критического анализа документов суда и следствия, так как их классовая тенденциозность очевидна. На примере судебно-следственных материалов о восстаниях К. Булавина и Е. И. Пугачёва, а также о процессе А. Н. Радищева автор курса показывал методику работы с ними.

Анализируя русскую публицистику XVIII в., Мерзон отмечал, что ее характерной особенностью было зарождение революционной мысли, основоположником которой выступил А. Н. Радищев. В лекционном курсе разбираются его произведения: «Житие Федора Васильевича Ушакова» (1789), «Беседа о том, что есть сын отечества» (1789), «Письмо к другу, жителюствующему в Тобольске» (1790) и главный труд его жизни — «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790).

Рассмотренные материалы научно-педагогической деятельности Мерзона в МГИАИ дают возможность исследователям-историографам и источникововедам расширить представление об истории преподавания источниковедения в нашей стране. Они позволяют углубить и оценку творчества ученого, так как разработка им ряда проблем теории и методики источниковедения во многом подготовила современные достижения этой специальной исторической дисциплины.

О. М. Чунакова

ОБЗОР АРХИВА С. С. КАКАБАДЗЕ

Научное творчество историка-медиевиста грузиноведа Саурмага Саргисовича Какабадзе (1928—1977) посвящено изучению источников различного характера: памятников литературы, архитектуры, искусства. Вопросы истории он рассматривал в тесной связи с вопросами культуры, понимая под этим термином всю совокупность деятельности человека — материальное производство, быт и нравы, идеологию, науку и технику, литературу и искусство.

Какабадзе родился в Тбилиси. В 1950 г. он окончил факультет западноевропейских языков и литератур ТГУ, а за год до этого экстерном — исторический факультет Кутаисского государственного педагогического института. После окончания университета он некоторое время работал переводчиком в грузинском телеграфном агентстве, а затем — старшим научным сотрудником в Государственном историко-этнографическом музее г. Тбилиси и Государственном литературном музее Грузинской ССР. В 1960 г. Какабадзе был приглашен академиком И. А. Орбели в ЛО ИНА, где еще в 1958 г. Кавказский кабинет под руководством Орбели возобновил работу, прерванную войной. С 1960 по 1965 г. Какабадзе преподавал грузинский язык и историю Грузии на восточном факультете ЛГУ. Начав работать в ЛО ИНА младшим научным сотрудником, он в 1968 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1977 г. был избран на должность старшего научного сотрудника, фактически закончив к этому времени работу над докторской диссертацией.

Свою научную деятельность в ЛО ИНА Какабадзе начал с изучения грузинской дипломатики, результатом которого явился ряд статей и монография «Грузинские документы Института народов Азии АН СССР», (М., 1967), содержащая исследование, описание 720 первоисточников и комментарии к ним. Другая значительная работа «Грузинские документы IX—XV вв.» (М., 1982) состоит из критических текстов, переводов на

русский язык и комментарии. В течение 10 лет ученый работал над летописным сводом «Картлис цховреба», подготовив его всестороннее исследование, критический текст начальной части с русским переводом и комментарием. Уделяя большое внимание изучению памятников архитектуры и искусства, Какабадзе в последние годы жизни особенно много занимался архитектурой Грузии, собирал материал во время своих многочисленных поездок по республике. Исследователь работал также над описанием архива известного ориенталиста XIX в. академика М. И. Броссе, хранящегося в ЛО ИВАН, и над богатым архивом своего отца историка Саргиса Несторовича Какабадзе (1886—1967).

Наряду с Р. Р. Орбели, Какабадзе был неизменным консультантом ленинградских востоковедов по вопросам грузиноведения, руководил курсовыми и дипломными работами по истории Грузии на восточном факультете ЛГУ, а в 1974—1977 гг. преподавал древнегрузинский язык аспирантам ЛО ИВАН. Он принимал активное участие в научных сессиях и конференциях, писал статьи для БСЭ, СИЭ.

Преждевременная смерть прервала деятельность талантливого ученого, многие замыслы которого остались неосуществленными. Поэтому особое значение приобретают материалы его архива, ныне хранящегося у его вдовы, Елены Сергеевны Какабадзе.

Архив насчитывает 74 папки, 19 тетрадей и блокнотов и 7 конвертов. Все документальные материалы можно разбить на три тематические группы: научные труды и материалы к ним, материалы поездок и экспедиций, материалы к преподавательской деятельности. Главное место в архиве занимают рукописи опубликованных и неопубликованных работ и материалы (выписки, конспекты, заметки) к ним.

Из неопубликованных работ надо прежде всего выделить монографию «Картлис цховреба» (1972 г., машинопись, 660 л.).

Древнейший грузинский летописный сборник «Картлис цховреба» («Житие Картли») является одним из основных источников по истории Грузии и важным источником по истории соседних стран Кавказа и Ближнего Востока. Он состоит из нескольких произведений, написанных в разное время. Принято считать, что в первоначальный состав сборника входили шесть произведений, охватывающих историю с древнейших времен до первой четверти XII в. Затем в него были внесены еще пять сочинений, описывающих историю Грузии XII — начала XIV в. Все эти произведения представляют собой «старый» цикл, «довахтанговскую» редакцию сборника, в отличие от составленных в XVIII в. комиссией Вахтанга VI хроник «нового» цикла, охватывающего историю Грузии с конца XIV до начала XVII в.

В научной литературе наибольшие споры вызывают состав, время написания и источники «старого» цикла. Сложность проблемы вызвана тем, что произведения этого цикла в разное время подвергались различным редакциям и степень сохранности текста в списках неодинакова. При этом дошедшие до нас списки выполнены не ранее XVI в. (лишь древнеармянский перевод сохранился в списке рубежа XIII—XIV вв.).

Первое издание «Картлис цховреба», осуществленное М. И. Броссе в 1849 г., основано на трех известных тогда рукописях XVIII в., содержащих «послевахтанговскую» редакцию. Во втором, предпринятом С. Г. Каухчишвили в 1955 г., критический текст основан уже на 15 рукописях, представляющих как «довахтанговскую», так и «послевахтанговскую» редакции. Разграничения более ранних слоев текста от последующих в этих изданиях нет.

Какабадзе предпринял новое издание сборника с целью установления критического текста начальной части по пяти рукописям, сохранившим памятник в «довахтанговской» редакции (при подготовке критического текста он привлекал также древнеармянский перевод). Изучение текста показало, что сама «довахтанговская» редакция содержит по существу две редакции, восходящие, очевидно, к XII в. Какабадзе предпринял попытку наметить некоторые текстологические критерии для выделения

более ранних (до XII в.) слоев памятника. При подготовке критического текста начальной части памятника ученый установил стеммы пяти известных рукописей, представляющих две редакции текста. К одной, по его мнению, относится копия 1697 г. с не дошедшего до нас мцхетского списка, список Марии и список Мачабели, выполненный с несохранившегося списка Арчила. К этой же редакции относится вариант, с которого выполнен древнеармянский перевод. Вторую редакцию представляют списки царицы Анны и Чалашвили.

Монография Какабадзе, помимо критического текста начальной части памятника, ее перевода на русский язык и комментария, содержит пространную вступительную статью исследовательского характера. В ней рассматривается история изучения сборника, дается характеристика списков и изданий, разбираются редакционные приписки начальных частей и вопросы авторства Леонти Мровели и Джуаншера, которым приписываются сочинения, входящие в сборник, рассматриваются списки царей и вопросы хронологии древней Картли.

Другая важная работа Какабадзе — «Очерки по истории культуры Грузии» (предполагалась в объеме 10 а. л.), к сожалению, осталась незавершенной. Сохранились лишь аннотация (1975 г., машинопись, 1 л.), проспект (1973 г., машинопись, 5 л.) и отдельные заметки, в частности к предисловию (машинопись, 35 л.). В нем отмечены трудности, встающие перед исследователями грузинской культуры: недостаточная изученность истории Закавказья вообще, отсутствие систематических исследований по истории грузинского искусства, рассмотрение проблем древнегрузинской литературы вне связи с другими сторонами культурной жизни, плохая изученность памятников иных конфессиональных и этнических культур на территории Грузии, неизученность взаимодействия и взаимовлияния всех культур на территории Грузии и культуры Грузии с культурами соседних регионов. Сознывая эти трудности, автор намеревался преодолеть их в своем «Очерке». Его задачей было дать сводное изложение истории грузинской культуры в древности и в средние века в ее главных проявлениях: литературе, архитектуре, искусстве и науке. Работа должна была основываться на всех известных письменных и археологических источниках с привлечением памятников архитектуры и искусства. Намечалось описать быт и нравы грузинского общества, объем его знаний и представлений о мире; грузинскую культуру предполагалось рассмотреть в ее систематических связях с культурами соседних народов. Если бы эти замыслы удалось осуществить, «Очерки по истории культуры Грузии» явились бы первым сводным изложением истории культуры изучаемого периода с попыткой типологизации и выявления реально существовавших связей между различными культурными явлениями.

Как явствует из проспекта, монография должна была состоять из пяти очерков, показывающих состояние общества в каждый отдельный период и вместе с тем в динамике и во взаимосвязи с культурами соседних стран. Для каждого очерка предполагалось взять узловые моменты в развитии общества, когда с наибольшей полнотой отразились его особенности, и кризисные моменты, связанные с зарождением нового. Поскольку автор стремился работу строго документировать, а источники по своему характеру различны для отдельных периодов и сохранились в разной степени полноты, то в каждом очерке могла быть представлена не вся культура в целом, а лишь то, что можно воспроизвести на основании источников.

Материалов собственно «Очерков» сохранилось немного. Однако в архиве ученого имеются многочисленные, тщательно выполненные исследования, посвященные частным проблемам архитектуры и искусства; некоторые из них, вероятно, могли послужить основой для «Очерков». Отметим следующие неопубликованные работы: «Грузинская купольная архитектура IV—VI вв.» (б. г., машинопись, 52 л.); «Некоторые вопросы грузинской купольной архитектуры V в.» (б. г., машинопись, 32 л.)¹;

¹ Работа опубликована в сокращенном виде в 1975 г.— См. прилагаемый список.

текст доклада «Некоторые спорные вопросы грузинской архитектуры раннего средневековья» (машинопись, 5 л.), прочитанного на заседании Кавказского кабинета ЛО ИВАН 21 января 1970 г.; текст доклада «О некоторых вопросах армяно-грузинских взаимоотношений в IV—VII вв.» (автограф, 9 л., машинопись, 44 л.), прочитанного 31 октября 1974 г. в Институте востоковедения АН Армянской ССР; текст доклада «Происхождение грузинской письменности по грузинским и армянским источникам» (машинопись, 16 л.), прочитанного на конференции на Восточном факультете ЛГУ 24 марта 1977 г.; заметки «Грузинские летописи и византийские связи» (б. г., машинопись, 14 л.), «Культура раннесредневековой Грузии и Армении (опыт типологического исследования)» (1977 г., машинопись, 8 л.) и др. Многие материалы посвящены отдельным архитектурным или эпиграфическим памятникам: монография «Уплисцихе» на грузинском языке (1959 г., машинопись, 121 л.), резюме к ней на русском языке (машинопись, 15 л.), очерки «Вопросы реконструкции базилики Свети-Цховели в Мцхета» (1965 г., машинопись, 40 л.), «Некоторые вопросы архитектуры Болниси» (б. г., машинопись на груз. яз., 48 л.; на рус. яз., 26 л.), тексты докладов «Современное состояние изучения храма Джвари» (машинопись, 4 л.), прочитанного на заседании Кавказского кабинета ЛО ИВАН 1 апреля 1977 г., «Строительная надпись Болнисского Сиона» (машинопись, 19 л.), прочитанного 27 апреля 1977 г. на заседании Государственного Эрмитажа, посвященном памяти И. А. Орбели.

Архив содержит также переводы на русский язык отрывка из «Русуданиани» (б. г., машинопись, 4 л.), «Мученичества и претерпения св. Евстафия Мцхетского» (б. г., автограф, 3 л.), заявку в редколлегияю серии «Письменные памятники Востока» на перевод поэмы «Ростомиани» (1966 г., совместно с М. Б. Руденко). Сохранились заметки к работе над материалами архива М. И. Броссе, описания двух грузинских документов ЛО ИНА, не вошедшие в монографию 1967 г., заметки и выписки по архитектуре Ирана и Армении.

Среди материалов экспедиций — тетради и блокноты, содержащие описания, планы и рисунки архитектурных памятников Грузии, а также отдельные заметки, выписки, схемы (общим числом до 300), более 100 фотографий, негативы и рисунки памятников, орнаментов, крестов, надписей. В частности, здесь собраны материалы по базиликам Шуамта, Мцхета, Тианетского Сиона, Руиспъри, Некреси, Хашми, Анчисхати, Ркони, Гурджаани, купольных храмов Мцхетского Джвари, Атенского Сиона, Ниноцминды, Эрүшети, Самцевриси, Цроми, Самтавро, Бочорма, Вардзиа, Никорцминда, Ошки, Бана, кафедралов Алаверди, храма Баграта в Кутаиси, Свети-Цховели, дворцов Телави, Рустави, Некреси, церквей Вачнадзиани, Шио-Мгвиме, Гелатского монастыря и др.

К материалам преподавательской деятельности относятся «Грамматический очерк грузинского языка» (б. г., автограф, 115 л.), грамматические таблицы древнегрузинского языка (б. г., машинопись, 13 л.) и спецкурс «Грузинское источниковедение (грузинская дипломатика)» (автограф, 25 л.), прочитанный в ЕГУ в 1974 г.

В архиве имеются также тетради, содержащие записи и конспекты по грамматике картвельских, аккадского и хеттского языков, по всеобщей истории и истории Грузии, по грузинской литературе, архитектуре и искусству, свидетельствующие о широте интересов ученого. Будучи историком-медиевистом, он имел также отличную филологическую подготовку (занимался аккадским и хеттским языками у проф. И. М. Дьяконова), был прекрасным текстологом, о чем свидетельствует подготовленный им критический текст начальной части «Картлис цховреба». Занятия архитектурой и искусством позволили ему стать специалистом по истории культуры.

Большая часть научного наследия Какабадзе осталась неизданной, хотя публикация некоторых его работ могла бы представить интерес и для грузиноведения, и для всей исторической науки.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ С. С. КАКАБАДЗЕ *

О так называемых «хетто-иберийских» языках.— ВЯ, 1955, № 4, с. 65—72.

Словари картвельских языков в собраниях ЛО ИНА.— Бюлл. Архива востоковедов, 1963, вып. 3, с. 282—288.

«Картлис цховреба» и Вахушти Багратиони «Описание Грузинского царства»: Отрывки/Пер. с груз.— В кн.: Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народами. Грозный, 1963, с. 100—121, 121—123.

Вопросы установления критического текста начальной части летописного сборника «Картлис цховреба». — ПП и ПИКНВ, М., 1965, вып. 1, с. 7—9.

Некоторые вопросы хронологии древней Картли по грузинским источникам.— ПС, 1965, вып. 13(76), с. 114—125.

Грузинские документы Института народов Азии.— ПП и ПИКНВ, М., 1966, вып. 2, с. 7—8.

Установление критического текста начальной части «Картлис цховреба». — ПС, 1966, вып. 15(78), с. 172—179.

Грузинские документы Института народов Азии АН СССР. М., 1967. 512 с.

Институт мамасахлиса в древней Грузии.— ПП и ПИКНВ, М., 1967, вып. 3, с. 51—52.

К вопросу о столице древней Картли (Иберии) Армази-Мцхета.— В кн.: Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967, с. 121—124.

Палеография грузинская.— СИЭ. М., 1967, т. 10, с. 748.

Древнейшие грузинские сведения о Юго-Западной Грузии.— ПП и ПИКНВ, М., 1968, вып. 4, с. 50—53.

Жизнеописание картлийского царя Арчила.— ПП и ПИКНВ, М., 1969, вып. 5, с. 12—14.

Хроника ксанских эриставов начала XV в.— ПШВ, 1968. М., 1970, с. 101—126.

К изучению текста начальной части сборника «Картлис цховреба». — В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970, с. 42—45.

Некоторые вопросы раннехристианской архитектуры Грузии.— В кн.: Государственный Эрмитаж: Краткие тезисы докладов к конференции «Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия». Л., 1972, с. 23—24.

Термины Зена сопели, Шида Картли, Шида калаки, Даби.— ПП и ПИКНВ, М., 1973, вып. 9, с. 6—8.

Борис Тихонович Руденко.— В кн.: Цицишвили Н. Семь планет (Барам-Гуриани)/Совм. с Р. Р. Орбели. М., 1975, с. 15—23.

Некоторые вопросы грузинской купольной архитектуры V в.— ПП и ПИКНВ, М., 1975, вып. 11, с. 25—28.

Палеография грузинская.— БСЭ, 4-е изд. М., 1975, т. 19, с. 105.

Вопросы текстологического изучения начальной части «Картлис цховреба». — Мацне, 1977, № 2, с. 47—60. На груз. яз.

О списке Теймураза летописи «Картлис цховреба». — В кн.: Византиноведческие этюды. Тбилиси, 1978, с. 172—175. На груз. яз.

Некоторые вопросы изучения древнеармянской версии «Картлис цховреба». — В кн.: Кавказ и Византия. Ереван, 1979, вып. 1, с. 73—81.

Памятник эриставов/Пер., исслед. и примеч. С. С. Какабадзе. Тбилиси, 1979. 54 с.

К изучению грузинской культовой архитектуры IV—VI вв.— КСИА, 1980, вып. 160, с. 38—45.

Грузинские документы IX—XV вв. М., 1982. 273 с.

* Названия работ расположены в хронологическом порядке.

М. А. Славина

ЛИЧНЫЙ АРХИВ Н. Ф. СЛАВИНА

Многообразная научно-исследовательская и педагогическая деятельность крупного специалиста в области истории Великой Октябрьской социалистической революции и источниковедческой Ленинианы Наума Фаддеевича Славина (1916—1980) нашла отражение не только в его опубликованных работах, но и в материалах оставленного им обширного личного архива, представляющих несомненный научный интерес.

Славин родился 19 сентября 1916 г. в г. Черикове (ныне Могилевская обл., БССР) в семье служащего. В 1937 г. окончил Московский трамвайный техникум, несколько месяцев работал по специальности, а затем поступил в Историко-архивный институт.

Окончившего с отличием институт Славина направили на работу в

ЦГА Татарской АССР (г. Казань) в качестве начальника отдела Октябрьской революции.

В конце 1942 г. Н. Ф. Славин после завершения ускоренного курса Арзамасского пулеметно-минометного училища и присвоения звания лейтенанта воевал на Волховском фронте. В 1943 г. он стал коммунистом. До июня 1944 г. командовал минометным взводом стрелкового полка, потом был переведен на партийно-политическую работу (парторг батальона, инструктор политотдела 44-й Чудовской Краснознаменной дивизии). Принимал участие в боях на Волховском, Ленинградском, 3-м и 2-м Прибалтийских фронтах, в частности в боях за овладение городами Чудово, Остров, Валга, Рига и др. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

В 1946 г. Славин после увольнения в запас поступил в аспирантуру МГИАИ по кафедре истории СССР. В 1949 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Крах парламентского маневра контрреволюции в сентябре—октябре 1917 г. (Предпарламент)». После окончания аспирантуры Славин более 30 лет проработал в ПГУ доцентом на кафедре истории СССР. В 1962—1970 гг. заведовал кафедрой.

Описываемое собрание представляет собой типичный пример хорошо сохранившегося и тщательно организованного личного архива советского специалиста в области отечественной истории нового времени, пропагандиста научных знаний, воспитателя молодежи.

Все материалы можно условно разделить по следующим рубрикам: документы биографического характера, материалы научно-исследовательской деятельности, материалы научно-публикаторской и редакторской работы, научно-педагогической, общественно-пропагандистской деятельности и переписка.

В группе биографических материалов особый интерес представляют подробные записи лекционных курсов Ю. В. Готье по истории СССР с древнейших времен, экземпляры фронтовых газет и листовок, удостоверение ст. лейтенанта Н. Ф. Славина — члена комиссии по выявлению ущерба, нанесенного немецкой армией г. Риге и его окрестностям, и др. В красноармейской газете 54-й армии «В решающий бой» от 2 июля 1944 г., в статье «История великих дел» отмечено, что Славин «много труда вложил в создание истории своего полка». К этой группе материалов примыкают некрологи из газет «Ленинская правда» от 12 марта 1980 г. (Петрозаводск), «Петрозаводский университет» от 21 марта 1980 г., многочисленные письма и телеграммы от общественных организаций, ученых, учеников Славина с выражением соболезнований в связи с его скоростижной кончиной.

Самым содержательным является раздел архива, в котором отложились материалы его многолетней научной деятельности, начиная со студенческих времен.

Большая работа была проделана Славиным в бытность сотрудником ЦГА ТатАССР. В фонде имеются тезисы и текст доклада «О Центральном Государственном архиве ТАССР» на научной сессии историко-филологического факультета Казанского университета им. В. И. Ульянова-Ленина 26 февраля 1942 г. (сохранилась программа сессии, в которой обозначены доклады академиков Е. В. Тарле, Н. С. Державина, С. П. Обнорского, И. А. Трахтенберга, проф. Б. Ф. Поршнева и др.); статья Славина «Народная война 1812 г.» (машинопись и корректура, а также подготовительные материалы к ней). Сборник, для которого статья предназначалась, в свет не вышел. При поступлении в аспирантуру Славин представил ее в качестве реферата, на который дал отзыв академик Е. В. Тарле (автограф датирован 27 мая 1946 г.). Сохранились вырезки из местных газет со статьями Славина.

В архиве имеются рукописи двух аспирантских докладов: «Образование буржуазных политических партий в России в период первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.» (321 с.) и «Кадетская контрреволюция накануне Великой Октябрьской социалистической

революции» (363 с.) с обширной библиографией, включающей и архивные источники (ЦГИА СССР, ф. 579 — П. Н. Милюкова, ф. 539 — В. В. Водозова; ЦГАОР СССР, ф. 1238 — Демократического совещания, ф. 1235 — Предпарламента; ф. 474 — Юридического совещания при временном правительстве). Ряд документов впервые выявлены и расшифрованы им.

Сохранились почти все материалы, связанные с подготовкой и защитой кандидатской диссертации.

В архиве отложились подготовительные материалы и рукописи всех опубликованных работ Славина по истории Октября, представляющие этапы их подготовки¹ (а также переписка с издательством или редакцией, рецензии, отзывы на рукописи). Это как бы главы или фрагменты незавершенного капитального исследования по проблеме «Обострение общенационального кризиса накануне Великого Октября». Обширна источниковая база исследования: многие сотни выписок, фотокопий и микрофильмов документов из ЦГАОР СССР (ф. 3, 6, 579 и др.), ЦГИА СССР (ф. 857), ЦГВИА (ф. 366, 2015), ЦГАВМФ (ф. 418), ОПИ ГИМ (ф. 31). Составлен систематизированный по месяцам 1917 г. перечень этих микрофильмов и фотокопий с указанием номеров дел и листов. Кроме архивных источников, присутствуют выписки из воспоминаний и другого рода изданий, вышедших с 1917 г. в нашей стране и за рубежом.

Почти все источники систематизированы в соответствии с планом исследования по главам или разделам и разложены по пронумерованным папкам, а внутри — по более мелким рубрикам с указаниями на их характер и назначение.

Обширный материал отложился в связи с обращением Славина к источниковедческому изучению ленинских работ сентября-октября 1917 г.,² Здесь рукописи опубликованных статей с набросками, выписками (кроме упомянутых выше, статья «В. И. Ленин о возможности мирного развития революции в момент ликвидации корниловского мятежа». — Учен. зап. ПГУ, т. 2, вып. 1, Петрозаводск, 1962) и неопубликованные рукописи. Подготовлена к печати статья «Борьба В. И. Ленина против оппортунизма (сентябрь — начало октября 1917 г.)». Осталась неоконченной работа «Некоторые вопросы источниковедческого анализа статей В. И. Ленина первой половины сентября 1917 г.». Есть и другие варианты ее названия, в частности «Источники статьи В. И. Ленина „О компромиссах“». Возможно, это название части проведенного исследования. Среди этих материалов — фотокопия «Расписания поездов Финляндской железной дороги 1916—1917 гг.» (на финском языке) и составленная автором на основе этого расписания и соответствующих свидетельств из воспоминаний связанных Ленина сетка движения поездов, с которыми Ленин, находясь в сентябре 1917 г. в Финляндии, получал корреспонденцию из Петрограда. Автор анализирует эти данные для выяснения вопроса о том, какой информацией располагал Ленин в момент написания исследуемых статей. В этих рукописях находит продолжение полемика с В. И. Старцевым и некоторыми другими историками. Частично это использовано в последней статье Славина «К вопросу о путях борьбы за переход власти к Советам после разгрома корниловского мятежа» (История СССР, 1982, № 4).

В материалах архива нашло отражение многолетнее сотрудничество Славина с издательством «Советская энциклопедия». Сохранились рукопи-

¹ Например, статья «К вопросу об отношении большевиков к Демократическому совещанию и Предпарламенту» (Вопросы истории КПСС, 1967, № 9) имеет 5 вариантов, «Статья В. И. Ленина „О компромиссах“» (В кн.: Исторический опыт Великого Октября. М., 1975) — четыре, «Еще раз по поводу статьи В. И. Ленина „О компромиссах“» (В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1978) — 3 варианта, не считая тезисов, набросков. См. также рукопись статьи «К вопросу о периодизации истории Октябрьской революции» (В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1982).

² См. об этом: *Городецкий Е. Н.* Историографические и источниковедческие проблемы Великого Октября. М., 1982, с. 139, 221, 293; и др.

си его статей, опубликованных в СИЭ (8 статей), а также в 3-м издании БСЭ (6 статей). Кроме того, Славин входил в состав авторского коллектива двух изданий энциклопедии «Великая Октябрьская социалистическая революция». Сохранилась переписка с издательством, редакторами, рецензентами. Эти документы дают представление о том, сколь ответственно подходили и автор и редакторы к подготовке каждой статьи. Например, статья «Милуков» была направлена на отзыв 10 крупным ученым, среди которых М. В. Нечкина, Л. В. Черешнин, А. Л. Сидоров и др. «Общая оценка статьи высокая», — сообщает автору редактор СИЭ Ю. Н. Шебалдин в письме от 21 июля 1965 г.

Тематически самостоятельную часть образуют научные исследования Н. Ф. Славина по истории Карелии, которые накапливались с первых лет его работы в республике. Его прежде всего интересовало развитие революционных событий 1917 г. в крае. По этой проблеме имеются многочисленные выписки из фондов ЦГА КарелАССР и Партархива КарелАССР, центральных архивов (ЦГИА СССР, ф. 1278, ЦГАОР СССР, ф. 3); материалы местной прессы того времени, а также рукописи статей, написанных на основе этих источников: «Революционные события в Карелии весной 1917 г.», «Массовое движение в Карелии в канун Октября», «Великий Октябрь в Карелии»³ и «Образование двоевластия в Олонецкой губернии»⁴.

Сохранился материал по истории коммунистических субботников в Карелии: выписки из местных архивов и прессы, тезисы доклада Славина на тему «Коммунистические субботники в Карелии в 1919—1920 гг.» на V научной сессии Карело-Финского университета (1954 г.), рукопись статьи «Первые коммунистические субботники в Карелии»⁵, аннотация брошюры «У истоков коммунистического труда» и переписка с Государственным издательством по поводу публикации брошюры на эту тему, а также несколько вариантов рукописи брошюры, опубликованной под названием «В борьбе за коммунистический труд» (Петрозаводск, 1961); рукопись историографической статьи «Изучение истории Карелии и истории СССР в Петрозаводском университете» (в соавторстве)⁶.

В архиве имеются рецензии, отзывы, замечания на различные виды научной продукции, главным образом, по близкой научным интересам Н. Ф. Славина тематике, в том числе и по истории Карелии. Например, рукопись неопубликованной рецензии на «Очерки истории Карелии» (Петрозаводск, 1964, т. 2), большой список замечаний по этому изданию; замечания по статье «Карельская автономная социалистическая республика. Карелия» для СИЭ и др.; множество отзывов на рукописи статей, кандидатских диссертаций, обсуждавшихся на кафедре истории СССР ПГУ, на авторефераты диссертаций.

К описываемой части архива следует отнести и материалы, связанные с участием Славина в работе научных конференций, сессий, симпозиумов, совещаний: тексты его выступлений, программы конференций, о которых отчасти уже упоминалось, записи докладов и выступлений других участников.

Многие годы Н. Ф. Славин сотрудничал с ЦГА КарелАССР, осуществляя научное руководство подготовкой ряда документальных публикаций. Сохранились почти все материалы, связанные с изданием сборника документов «Борьба за установление и упрочение Советской власти в Карелии» (Петрозаводск, 1957), редакторами которого были В. И. Машезерский и Н. Ф. Славин, часть материалов по подготовке «Истории Карелии в документах и материалах. Хрестоматия. Учебное пособие для средних школ Карельской АССР»⁷ (остальные — в фондах ЦГА КарелАССР). Славин

³ На рубеже, Петрозаводск, 1957, № 3, 4, 5.

⁴ Научная конференция по истории и литературе Советской Карелии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1970.

⁵ На рубеже, 1955, № 1.

⁶ Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск, 1970.

⁷ Петрозаводск, 1972. Ч. 1, 2; 2-е изд. 1980. Ч. 1; 1984. Ч. 2.

был (вместе с Я. А. Балагуровым) редактором этой публикации. При втором издании хрестоматия была подвергнута Славиным существенной редакционной и археографической правке, во второй части был изменен состав документов (в связи с расширением хронологических рамок). Об объеме проделанной работы можно судить по многочисленным пометкам редактора на экземплярах первого издания книги.

Представлены и некоторые материалы деятельности Славина в качестве редактора путеводителя по ЦГА КарелАССР⁸: Схема путеводителя с редакционными замечаниями, рукопись предисловия, написанного Славиным, его замечания на аннотации по фондам. Здесь же рецензия на рукопись путеводителя, присланная Главархивом РСФСР. В рецензии, в частности, сказано: «Путеводитель по ЦГА Карелии выгодно отличается от рукописей других путеводителей тщательной обработкой текста, краткостью характеристик и продуманным расположением материала в них... Путеводитель составлен вполне квалифицированно. Чувствуется, что авторы его внимательно продумали каждую строчку и тщательно отредактировали текст». В рецензии имеются и критические замечания; пометки на полях показывают, что они были учтены при окончательном редактировании путеводителя.

В качестве члена Научного совета Архивного отдела при Совете Министров КарелАССР Славин принимал участие в обсуждении многих вопросов научной деятельности архива, о чем свидетельствует ряд документов. Есть документы и о деятельности Славина как члена Ученого совета Карельского государственного краеведческого музея (например, «Отзыв на тематико-экспозиционные планы по темам «Карелия в период Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (1917—1920 гг.)» и «Карелия в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.)», написанный 6 апреля 1967 г.).

В обширном разделе архива о научно-педагогической деятельности Н. Ф. Славина можно выделить такие рубрики: а) документы научно-методического характера, б) рабочие документы преподавания, в) материалы, связанные с руководством кафедрой. Здесь и рукописи многих научно-методических докладов и статей, частично опубликованных в изданиях ПГУ, в журнале «Вестник высшей школы»; рукопись и подготовительные материалы брошюры «Работа над дипломным сочинением по истории» (Петрозаводск, 1974); рецензии на учебные программы по истории СССР, истории Карелии, архивоведению; развернутые замечания на проект «Программы по историографии истории СССР» (ч. 2. Советская историография отечественной истории), разработанный в МГИАИ (М., 1978); рецензии на методические пособия. Две последние работы этого рода — рукописи рецензий на пособие О. Г. Обичкина «Дипломная работа по истории КПСС»⁹ и на «Сборник документов по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма» (М., 1978. Вып. 1. 1917—1920 гг.) (не опубл.).

Рабочие документы преподавания представлены конспектами всех лекционных курсов, которые Славин читал на историко-филологическом факультете ПГУ. Это курс истории СССР (советский период), несколько раз перерабатывавшийся лектором: первый вариант охватывает весь советский период, последний — до 1937 г. Во многих вариантах имеются конспекты лекций по архивоведению. Здесь же — фотокопии таблиц, документов, демонстрировавшихся на лекциях, а также подборка руководящих указаний по архивному строительству и археографии, вырезки газетных публикаций об архивах и архивных открытиях, разработанная лектором программа спецкурса «Архивоведение» с методическими указаниями о порядке проведения архивной практики.

Все годы Славин читал спецкурс «История Великой Октябрьской со-

⁸ Центральный государственный архив Карельской АССР: Путеводитель. Петрозаводск, 1963.

⁹ Славин Н. Ф. Пособие для дипломников. — Вестник высшей школы, 1980, № 2.

диалистической революции» и вел спецсеминар по нему. Наряду с конспектами лекций по спецкурсу (с вариантами) имеются и варианты его программы, списки монографий, обязательных для изучения студентами, тематика докладов для спецсеминара, тематика курсовых и дипломных работ. В 50-е годы Славин читал курсы «История Карелии (советский период)» и «Методика преподавания истории в школе», руководил педагогической практикой студентов. Сохранились конспекты лекций по этим курсам, а также документы о подработке.

В архиве имеются тетради с записями, которые Славин систематически вел на семинарских занятиях по общему курсу и спецкурсу в течение многих лет, замечания, отзывы и рецензии на курсовые и дипломные работы; записи во время коллоквиумов, зачетов и экзаменов (Славин многократно был председателем комиссии по истории на вступительных экзаменах в ПГУ), справки с анализом итогов вступительных экзаменов.

Сохранилось большинство дипломных работ, выполненных под научным руководством Славина. Многие из их авторов — ныне кандидаты наук, работают в научных учреждениях и вузах республики и за ее пределами.

Деятельность Славина в качестве заведующего кафедрой истории СССР нашла отражение в архиве в виде графиков учебного процесса, планов и отчетов о работе кафедры, планов отдельных мероприятий, записей, делавшихся по ходу заседаний кафедры, замечаний по лекциям сотрудников и пр.

Самостоятельный раздел архива образуют материалы общественной и пропагандистской деятельности. Восемь лет (в 50-е — начале 60-х годов) Славин был секретарем партийного бюро историко-филологического факультета ПГУ, многие годы входил в его состав. Сохранились рукописные тезисы отчетных и иных докладов, с которыми он выступал на партийных собраниях и заседаниях партбюро, проектов соответствующих решений, планы работы парторганизации, тематика политинформаций, тексты докладов на общеуниверситетских торжественных заседаниях, посвященных знаменательным датам.

О многочисленных выступлениях Славина перед учителями истории г. Петрозаводска и республики на разного рода совещаниях, семинарах, курсах, педагогических чтениях свидетельствуют тексты или тезисы лекций по актуальным вопросам отечественной истории советского периода и методике их изложения в школьном курсе истории. Например, «Вопросы периодизации в преподавании истории советского общества», «Новейшая литература по истории Октябрьской революции», «Элементы краеведения в школьном курсе истории СССР», «Вопросы культурного строительства в курсе истории СССР десятого класса» и многие другие. Здесь же рецензии на школьные учебники, на доклады учителей и пр.

Имеются тексты, тезисы лекций, с которыми Н. Ф. Славин выступал по линии общества «Знание» и как внештатный лектор Петрозаводского ГК КПСС, главным образом по ленинской тематике: «Ленин и народ», «Ленин — вождь Октября» и др. Некоторые тексты изданы Карельским отделением общества «Знание» в виде материалов в помощь лектору. В местной печати было опубликовано более 15 пропагандистских статей Славина, рукописи которых, а также соответствующие экземпляры газет имеются в архиве. Здесь же отклики на некоторые публикации центральных газет, которые Славин посылал или намеревался направить в редакции.

Некоторые материалы архива не поддаются четкой рубрикации и самим фондообразователем помещены в папки под названием «Varia».

Наконец, последний раздел архива — переписка: по научным вопросам, деловая и личная. Много писем от научного руководителя профессора Е. А. Луцкого, преподавателя архивного дела О. Е. Карноуховой; письма многих сверстников и знакомых Славина по МГИАИ, а также его коллег из Москвы и Ленинграда; копии писем Славина этим и другим лицам. Содержание переписки показывает, что научные публикации

Славина привлекали внимание специалистов. В переписке находит отражение деятельность Славина в качестве члена Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Великая Октябрьская социалистическая революция», руководителя Петрозаводской группы этого Совета, участника многих мероприятий, проводимых Советом.

В архиве отложились письма к Славину его бывших студентов, которые (нередко через много лет после выпуска) обращались к нему за советами, главным образом, по вопросам научной работы и неизменно получали обстоятельные ответы (копии многих ответов имеются).

С военной поры сохранились письма Н. Ф. Славину в действующую армию, в послевоенные годы — письма однополчан и, наконец, письма «красных следопытов» из тех городов, в освобождении которых от немецко-фашистских захватчиков он принимал участие.

Ю. В. Андрушайтите

КАТАЛОГ ПЕРГАМЕНОВ БАН ЛИТОВСКОЙ ССР

В 1980 г. вышел в свет «Каталог пергаменов»¹, в котором описаны шесть коллекций (фонды 1—6) Отдела рукописей БАН ЛитССР, содержащие письменные источники исключительно на пергамене. Его составил известный литовский историк Р. Ясас.

Из 1400 ед. хр.² большинство представляют собой документы. Фактически число последних гораздо больше, так как многие документы являются транзюмпами, т. е. подтверждениями других более ранних грамот и содержат их тексты. Описаны и две копияные книги (№ 13, 1188), одна из которых содержит 75, другая — 109 документов, хотя каждый в отдельности в каталоге не раскрывается.

Кроме документов имеются фрагменты нотированных рукописей с текстами (№ 22, 1282), рисунок генеалогического древа Дворжецких-Богдановичей (№ 1333), фрагменты рукописных книг (№ 21, 691), свитки Библии на иврите XVIII—XIX вв. (№ 1281, 1383—1388).

Как написано в предисловии, в каталоге «впервые дается исчерпывающая информация о хранящихся в Отделе рукописей Центральной библиотеки документах и рукописях» на пергамене³. Из этого можно сделать вывод, что в данном издании охарактеризованы все источники на пергамене упомянутого хранилища, поскольку под «рукописями» можно понимать и рукописные книги. Однако далее оговаривается, что «отдельные пергамены» из других фондов в него не вошли, так как предполагается издать каталоги этих фондов. Обзор собраний этого отдела 1963 г. показывает, что источники на пергамене находятся и в фондах № 19 (18 пергаменных книг), № 22. Описание четырех рукописных книг, в том числе Туровского евангелия XI в., включено, например, в Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв., подготовленный Археографической комиссией АН СССР.

Сравнение рецензируемого каталога с другими справочными изданиями Отдела рукописей позволяет сказать, что если каталог представляет преимущественно документы, то за его пределами остались главным об-

¹ Pergamentų katalogas/Sud. R. Jasas. Vilnius, 1980, 617 p. Титул и предисловие на лит. и рус. яз., указатели на лит. яз. Рец.: *Klaupa Z.*— *Lietuvos istorijos metraštis*, 1980, Vilnius, 1981.

² В обзоре В. Абрамавичюса (*Rankraščių rinkiniai*. Vilnius, 1963, p. 219) при характеристике этих коллекций указана цифра «около 1500» (хотя число единиц хранения составляло 1395, т. е. должно быть — «около 1400»). Эта опечатка вошла в другие работы, в том числе в «Малую литовскую советскую энциклопедию» (Вильнюс, 1968, т. 2, с. 628. На лит. яз.).

³ Pergamentų katalogas, p. 11.

разом только рукописные книги на пергамене. Целесообразность такого разделения очевидна. Во-первых, описанные шесть коллекций состоят только из письменных источников на пергамене, в отличие от других фондов этого отдела (и от собраний многих хранилищ СССР, из которых источники на пергамене, как правило, не выделены в отдельные коллекции). Во-вторых, принципы и методика описания документов и нарративных материалов различаются.

Хронологические рамки каталога — конец XII в. — 1935 г. Составитель стремился к полноте охвата документов на пергамене⁴. Большинство грамот относится к XVI в. (640) и XVII в. (301).

Из 1400 документов почти 900 написаны по-латыни, среди последних самый ранний — XII в. и один из позднейших — 1922 г. На старобелорусском языке⁵ — 297 документов за 1399—1685 гг. (преимущественно XVI в.); на польском — 148, на русском — 33 (конец XVIII — первые десятилетия XIX в.); остальные — на немецком, французском и других языках. Интересно отметить документ № 298 от 1526 г. Он написан польской графикой на сильно искаженном старобелорусском языке с элементами польского. Если передать некоторые места этой грамоты русским шрифтом, то получится следующее: «Я, Иван Шестженчевич, и з жоною швоею, названю Анною ... шим нашим листом...» Язык ее похож на язык Ольшевской летописи, писанной в 1550 г.⁶ Имеются и многоязычные документы.

Происхождение и содержание источников охарактеризовано в предисловии Р. Ясаса. Они относятся преимущественно к истории Литвы и Белоруссии, а также Польши, России, представляют собой как публичные, так и частные акты и другие документы. Это привилегии польских князей, великих князей литовских и королей польских, небольшая группа грамот российских императоров (главным образом о пожалованиях военных и гражданских чинов), буллы и индульгенции римских пап, кардиналов, документы глав монашеских орденов, немногочисленные грамоты городских магистратов, грамоты и уставы цеховых ремесленных организаций, судебные решения, владельческие акты, завещания, дипломы об окончании высших учебных заведений, выписки из родословных книг и т. д. Преобладающее число документов исходит от светских и духовных феодалов Великого княжества Литовского и Польши.

Перечисленные источники освещают разные стороны жизни главным образом феодального общества указанных регионов: в основном социально-экономические отношения, в частности содержат сведения по истории городов, католической церкви, генеалогии шляхетских родов и др. Общеполитическим вопросам непосредственно посвящено немного документов (№ 18, 483, 615 и др.).

Эти источники попали в Отдел рукописей разными путями и в разное время. Больше половины из них было собрано еще в XIX — начале XX в. и хранилось в Рукописном отделении Виленской публичной библиотеки. В 1915 г. в связи с первой мировой войной ценнейшие материалы, в их числе три из шести коллекций, описанных в рецензируемом каталоге, были эвакуированы в глубь России. В 1946 г. они были возвращены Государственной библиотекой им. В. И. Ленина в Вильнюс и составили часть рукописного собрания БАН ЛитССР. За истекшие десятилетия оно

⁴ Подготовители «Каталога пергаментних документів Центрального державного історичного архіву УРСР у Львові. 1233—1799» (Київ, 1972), например, ограничились источниками по XVIII в., исходя из разницы в характере и форме документов ранних веков и XIX в. Эта позиция подверглась аргументированной критике (См. рец.: Шапов Я. Н. — ВИ, 1973, № 10, с. 160).

⁵ В литературе нет единообразия в названиях делопроизводственного языка Великого княжества Литовского. Язык этих документов в дореволюционных описаниях определялся как «русский». В каталоге употребляется термин «белорусский», хотя более точным считают определение З. Зинквичюса «славянский канцелярский язык Великого княжества Литовского», но оно слишком громоздкое.

⁶ ПСРЛ. М., 1980, т. 35, с. 173—192. В каталоге, к сожалению, нет соответствующего указателя. Анализ источников по языкам проведен Н. Н. Улащиком.

интенсивно пополнялось. Были сформированы и новые коллекции пергаменных документов⁷. Необходимость их печатного научного описания стала очевидной.

«Перечневые описи» как документов, так и рукописных книг на пергамене Виленской публичной библиотеки, выполненные П. А. Гильтебрандтом, Ф. Н. Добрянским и другими сотрудниками, издавались в конце XIX — начале XX в.⁸ Оценивая вып. 1 (1871 г.), М. О. Коялович выражал пожелание, чтобы описание, «так прекрасно начатое, продолжалось безостановочно в том же направлении и с такими же учеными приемами»⁹. Однако, что касается актов на пергамене, последующие выпуски, различные по методике, зависившей от конкретного составителя, уже не были столь полными и тщательными. Главная причина — нехватка денег — прямо отмечена Добрянским в предисловии к последнему выпуску: «Виленская публичная библиотека не располагает средствами, специально назначенными на издание описей и каталогов библиотеки, и пользуется только случайными ассигновками на этот предмет». Поэтому и решено было «дать хотя краткое описание ббльшего числа рукописей...»¹⁰.

Отдел рукописей БАН ЛитССР, унаследовавший часть собрания Виленской публичной библиотеки, систематически выпускает описания и обзоры фондов¹¹. Рецензируемый каталог — одно из немногих советских изданий такого рода, отражающих в основном документы на пергамене, и самое крупное по числу описательных статей.

Более чем за 100 лет, прошедших после выпуска первого описания — РО ВПБ, собрание, как уже отмечалось, значительно выросло. В дореволюционных изданиях было описано только 816 грамот¹², несколько уже были и хронологические рамки этих описаний — конец XII—XIX в.

Относительно новизны вводимых в научный оборот документов. Документы фондов 1—3, составляющие больше половины позиций каталога, уже фигурировали в отмеченных дореволюционных справочниках, важнейшие источники были в разное время опубликованы. Документы фондов 4—6 впервые получили печатное научное описание и, судя по указаниям каталога, подавляющее их большинство ранее не публиковалось.

Описания расположены в хронологическом порядке. Учитывая временной охват, такое расположение позволяет проследить развитие содержания и формы документов на пергамене в Литве почти за весь период их создания¹³. Однако надо заметить, что при большом разнообразии документов по содержанию, происхождению и видам (разновидностям) соответствующие указатели значительно облегчили бы пользование каталогом. Особенно важно это для включенных документов.

Элементы описания, кратко изложенные в предисловии (в силу этого отсутствует мотивация их выбора составителем), в основном соответствуют принятым в советской архивной и археографической практике и отраженным в соответствующих печатных справочниках¹⁴. Но есть и су-

⁷ Rankraščių rinkiniai, p. 24—28; 230—231; Rankraščių rinkinių rodyklė (Указатель рукописных собраний)/Sud. E. Treinienė. Vilnius, 1977, p. 6, 48.

⁸ Рукописное отделение Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1871. Вып. 1. (Далее: РО ВПБ); Описание рукописей Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1882; Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки. Вильна, 1895—1906. Вып. 1—5. (Далее: ОРО ВПБ).

⁹ Коялович М. Западнорусские археографические издания. — ЖМНП, 1872, № 2, с. 252.

¹⁰ ОРО ВПБ, Вильна, 1906, вып. 5, с. V.

¹¹ Перечень см.: Pergamentų katalogas, p. 5.

¹² ОРО ВПБ, вып. 5, с. VI.

¹³ Самый ранний документ с территории Литвы в каталоге № 12 — грамота Ягайлы от 1387 г. Более ранние акты на пергамене, написанные в Литве, начиная с грамоты Миндовга 1254 г., см.: Lietuvos TSR istorijos šaltiniai. Vilnius, 1955, т. 1. Feodalinis laikotarpis, N 52, 55—57 ir kiti.

¹⁴ Ближе всего по характеру документов к рецензируемому изданию отмеченный львовский каталог (см. сноску 4), который до сих пор был единственным советским архивным справочником только документов на пергамене. Другие каталоги

цественные различия как в составе, так и в расположении этих элементов.

После порядкового номера описательной статьи дано начало и основное содержание документа с помощью текста оригинала с сокращением второстепенных сведений. Не знающий литовского языка, но владеющий языком источника читатель получает представление о лице, от которого исходит документ, адресате и сути источника. В этом большое достоинство рассматриваемого каталога. Помимо главной, информационной, функции, такой элемент описания выполняет и другую функцию — дает в сокращенной форме публикацию документа. Это особенно важно в тех случаях, когда источник раньше не издавался. Подобного рода прием уже применялся литовскими археографами при описании документов на бумажной основе — инвентарей¹⁵.

В предисловии Р. Ясаса оговорены особенности передачи текста, которые тщательно соблюдаются. Написание заглавных и некоторых прописных букв, пунктуация приведены в соответствие с современным правописанием. К сожалению, в русском предисловии отсутствует важная оговорка, имеющаяся в литовском: «Тексты на польском, немецком, итальянском, испанском, французском, шведском языках даны без изменений в правописании (кроме написания заглавных букв и разделения текста)»¹⁶.

Объем оригинального текста, данного в сокращении, различен. Конечно, он зависит от величины, значения и сохранности полного текста. Но очевидно, что по фонду 2 составитель учитывал и степень подробности передачи (или сокращенной публикации) документа в РО ВПБ. В некоторых случаях (№ 442, 582 и др.) все же из текста оригинала не удается получить представление о сути дела без привлечения аннотации на литовском языке. В ряде случаев (при плохом состоянии пергамента, пропаже документа) для раскрытия содержания используются другие возможности. № 430 — передан по копии, хранящейся в Галерее М. Чюрлёниса в г. Каунасе, № 724 — по тексту, опубликованному в ОРО ВПБ IV, № 848 — по копии польского перевода. Содержание № 67, например, установлено по польской аннотации на другой стороне пергамента.

Помещение оригинального текста в начале описания определило расположение остальных элементов. Они даны в каталоге также по возможности с приближением к оригиналу: дата — арабскими цифрами (месяц римскими), место составления грамот, написанных на латинском языке (а таких в каталоге около двух третей), — по-латыни, в остальных случаях — по-литовски; имя, фамилия, титул подписавшего документ — на языке оригинала.

Далее по-литовски следуют сведения об источнике: подлинность документа (отмечены только копии и подделки), состояние пергамента, художественное оформление текста, характеристика печатей, язык, число строк, размер.

и описания включают как документы и рукописные книги на пергамене, так и источники на бумажной и иной основе. Это зависит от состава фондов, которые описываются (Государственное древлехранилище хартий и рукописей: Опись документальных материалов, ф. 135. М., 1971), от характера издания. Так, в некоторых описаниях нарративных источников на пергамене фигурируют и отдельные грамоты (Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание русских и славянских рукописей XI—XVII вв. JL, 1976, с. 16, 176, 205); в описаниях латинских рукописей — акты, уставы, дипломы на пергамене (Каталог рукописей и фрагментов латинского алфавита, хранящихся в Матенадаране. Ереван, 1980, № 8—10, 17. Документ описаны по тем же принципам, что и остальные источники в этих изданиях; Латинские рукописи Библиотеки Академии наук СССР: Описание рукописей латинского алфавита X—XV вв. JL, 1978, с. 252—257 и др.). В «Описании рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 6. Рукописи латинского алфавита XVI—XVII вв.» (JL, 1979, с. 11), наоборот, оговорено, что документы не включаются, так как они должны быть описаны по правилам дипломатики.

¹⁵ Feodalinių žemės valdų Lietuvoje inventorių aprašymas. Vilnius, 1963.

¹⁶ Pergamentų katalogas, p. 10.

Такой элемент, как записи на документах, не фиксируется в каталоге. В отмеченных дореволюционных описаниях пергаменов из фондов 1—3 записи указаны или воспроизведены¹⁷. Составителями современных описаний и каталогов этот вопрос решается по-разному. Например, в изданиях, названных в сноске 14, они приводятся. Естественно, описание становится более полным. Правда, характер этих изданий разный. Так, «Государственное древлехранилище хартий и рукописей» представляет собой опись фонда, большинство документов которого не только опубликовано, но и изучено в той или иной степени. Воспроизведение записей дополняет сведения об уже опубликованных документах. И эта печатная опись, конечно, охватывает максимум сведений об источниках фонда.

В львовском каталоге (см. сноску 4) все пометы воспроизведены. Как отметил Я. Н. Щапов, создалась парадоксальная ситуация: тексты большинства описанных в нем документов не изданы, а записи на них, занимающие порой больше места, чем аннотация документа, публикуются¹⁸. Видимо, независимо от характера справочного издания безусловно полезным является изложение основных записей или указание на них.

Аннотация содержания документа на литовском языке подробная или в виде заголовка зачастую содержит и часть тех данных, которые опущены при сокращении текста оригинала (имена и фамилии, географические названия, сведения по содержанию). В аннотации транзюмтов передается и краткое содержание включенных в них более ранних документов, даты их составления, иногда — указание на публикацию. Кроме того, в аннотации определяется вид (разновидность) документа, его подлинность (указаны только копии), если это не отмечено ранее. Правда, многие различные по содержанию и юридическому назначению документы определяются обобщающим наименованием «*raštas*», которое можно перевести по-разному — «грамота» («лист»), «письмо» и т. д. Преобладание этого наименования, очевидно, объясняется сложностью установления видов (разновидностей) иноязычных документов и отсутствием в литовском языке необходимых терминов¹⁹. Поэтому разновидность документа часто определяется способом смыслового перевода соответствующих иноязычных словосочетаний на литовский язык.

Приведем примеры в сравнении с дореволюционным описанием РО ВПБ (см. сноску 8).

РО ВПБ

Каталог пергаменов

№ 3. Вечистый лист	№ 258. Грамота... подтверждающая право собственности...
№ 14. Жалованный лист	№ 581. Грамота, которой возведен в бояре...
№ 17. Привилегия	№ 591. Грамота... предоставляющая право...
№ 54. Продажная запись	№ 614. Грамота... на продажу.

В аннотациях каталога употребляются и заимствования традиционных латинских и других наименований: «привилегия», «индальгенция», «тестамент», «диплом». Наконец, используются и литовские делопроизводственные термины: «*išrašas*» (выписка), «*aplinkraštis*» (циркуляр) и др.

Таким образом, сложный вопрос обозначения вида (разновидности) документов на разных языках в каталоге удачно решен путем сочетания литовских терминов, заимствований традиционных латинских и других

¹⁷ Наиболее подробно описаны пергамены фонда 2 в РО ВПБ.

¹⁸ Щапов Я. Н. Указ. соч., с. 159.

¹⁹ По этим причинам в аналогичной ситуации составители вышеуказанного львовского каталога специально оговорили в предисловии, что номинальный признак не является обязательным в аннотации. Терминологические трудности, которые пришлось преодолеть составителю литовского каталога в других вопросах, указал в своей рецензии Кяупа. В связи с этим можно только приветствовать постановку вопроса о создании литовского терминологического словаря исторических терминов (*Mulevičius L. Reikia istorijos terminų žodyno.* — In: Lietuvos istorijos metraštis. 1980 m. Vilnius, 1981).

названий и смыслового перевода преимущественно славянских наименований. Для специального изучения этого вопроса каталог предоставляет богатый материал. Кроме аннотаций, в определении разновидности помощь читателю оказывают клаузулы оригинального текста и часто фигурирующие в нем самоназвания документов.

Сведения о том, когда и откуда документ поступил в библиотеку, не приводятся. Об источниках фонда 2 можно узнать в РО ВПБ. Общие данные по истории других фондов имеются в упомянутом обзоре В. Абрамовичуса.

После аннотации в левой части описания указаны публикации документа в сокращенной (РО ВПБ, КДКДВ) и полной форме; справа — современные шифры хранения (по фондам 1—3, как правило, номера единиц хранения в каталоге и в дореволюционных описаниях совпадают, что облегчает их использование).

Правда, непонятно, почему при ссылке на дореволюционное описание РО ВПБ не отмечено, что имеется в виду регест, и можно принять ее за указание на полную публикацию, а при ссылке на КДКДВ такое указание имеется. Видимо, описания в РО ВПБ составитель не считает регестом. Описания там, действительно, разные по форме. Кроме заголовка, легенды и подписи они представляют собой то цитирование содержания источника, то его изложение с цитатами. В первом случае это как бы сокращенная публикация оригинала. Во втором случае многие описания, на наш взгляд, вполне можно определить как регесты²⁰.

Сравнение данных о полной публикации ряда документов (№ 16—18, 20) по КДКДВ позволяет считать, что в этих и подобных случаях отмечено лишь последнее издание документа, содержащее сведения и о предыдущих. Это вполне логично и экономно. Но в других описательных статьях имеются ссылки на две публикации (№ 30, 148, 336, 338 и др.). В аналогичных случаях в № 201, 669 ссылки на РО ВПБ нет. В предисловии необходимо было указать принцип составления этих ссылок. Важно учитывать замечание составителя в предисловии каталога, что его информация об опубликованности источников не является исчерпывающей, так как еще не составлена полная библиография изданий документов по истории Литвы. Дополнения по этому вопросу имеются в рецензии З. Кяуны.

Вряд ли можно согласиться с тем, что в каталоге не отмечены описания документов в ОРО ВПБ (а лишь публикации в них). Эти описания, представляющие собой более или менее подробный заголовок с цитатами и легендами, можно рассматривать как краткие регесты того же типа, что и регесты в КДКДВ, упоминаемые в каталоге (№ 25, 136 и др.).

К описаниям даны отдельные текстуальные примечания, отсылки.

Работа над каталогом облегчалась наличием дореволюционных печатных справочников по фондам 1—3 и картотеки фондов 4—6, составленной сотрудниками Отдела рукописей. Но Р. Ясас заново провел большие источниковедческие, палеографические и археографические изыскания. В результате уточнена датировка документов (1, 142, 411, 544 и др.) как на основании позднейших публикаций и исследований, так и самим составителем (последняя помечена квадратными скобками).

Вкрались и досадные опечатки: в № 158 вместо IX. 6 получилось XI.6; в № 411 дата содержащегося в нем листа — 1536.II.12, тогда как в № 7 РО ВПБ «1536 года, 12 марта». Непонятно, почему дарственная запись под № 726 имеет ту же дату, что и № 725, в № 63 РО ВПБ, на который дана ссылка в каталоге, указано, что документы идентичны по содержанию, но отличаются датами (№ 725 — от 5 марта 1592 г.) и фамилиями свидетелей.

²⁰ В литературе до сих пор не существует единого мнения о регестах, как по форме, так и по их назначению (Валк С. И. Регесты в их прошлом и настоящем. — АЕ за 1968 год. М., 1970; Шепелев Л. Е. Регесты и проблемы научного использования исторических документов XIX — начала XX в. — ВИД, Л., 1981, ч. 12, с. 159).

При передаче оригинального текста составителем дополнительно прочтены или уточнены отдельные слова, имена или их части (№ 258, 336, 411, 556 и др.).

В каталоге более тщательно, чем в дореволюционных справочниках охарактеризовано состояние пергаментов и печатей, их художественные особенности, что позволяет сравнить эти данные по фондам 1—3 за прошедшее столетие.

Каталог имеет именной и географический указатели на литовском языке (сост. Е. Каралюте). Поэтому основными являются собственные названия, переданные по-литовски (или в литовской транскрипции), далее — другие формы, как они значатся в документах, но латинским шрифтом. Эти последние также приводятся в указателях с отсылкой к основному слову, но не все и не всегда.

Поскольку написание топонимов и антропонимов на литовском языке часто значительно отличается от их форм, содержащихся в документах, особенно на славянских языках, то для читателей, не владеющих литовским языком, возникают значительные неудобства. Например, Польша (Polska) фигурирует в географическом указателе только в литовском переводе — Lenkija, Новогрудок — только в транскрипции Naugardukas, Свираны, Лысково — только Svironys, Lyskovas и т. д. Еще труднее искать в указателе славянские имена и фамилии.

Встречаются в указателях и отдельные огрехи. Например, при характеристике в именном указателе следовало записать: Михелевич Абрашко, брестский купец (как он и проходит в документе).

Необходимо было указать принципы составления указателей. Удобным было бы выделение параллельного ряда славянских имен собственных с отсылками к основному слову.

Отдельные недостатки не могут умалить ценности рассмотренного издания. Каталог имеет не только справочное, охранное значение, но и содержит важные сведения по истории, в частности по истории культуры Литвы, Белоруссии, Польши, России, а также многочисленные данные из области генеалогии, сфрагистики, исторической географии. Это итог многолетней работы. Больше половины документов каталога (фонды 1—3) имеют теперь научные печатные описания как на русском (дореволюционные), так и на литовском языке, а все документы — сокращенную публикацию на языке оригинала, что будет способствовать их глубокому изучению. Внесен важный вклад и в дипломатику.

Каталог свидетельствует о наследовании лучших традиций дореволюционной археографии и развитии их с учетом достижений современной исторической науки и специальных исторических дисциплин. Мы сосредоточили внимание на методике описания. Всесторонний анализ содержания документов каталога еще предстоит специалистам. Научная общественность с интересом ожидает выпуска каталогов других фондов Отдела рукописей БАН ЛитССР.

А. А. Амосов

НОВЫЙ ФИЛИГРАНОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ¹

Государственный Исторический музей и Институт истории СССР АН СССР сделали хороший подарок сотрудникам рукописных хранилищ, всем исследователям и любителям отечественных древностей. Авторы альбома — признанные специалисты в сфере изучения памятников старой письменности.

¹ Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1980. Ротапринт, 500 экз.

Альбому предшествует весьма лаконичное предисловие ответственного редактора В. И. Буганова, характеризующее задачи издания, и сжатое введение Т. В. Диановой, излагающее предысторию справочника и его состав. Основная часть отведена атласу водяных знаков (филиграней), извлеченных главным образом из точно датированных рукописей ОР ГИМ. Внушительна общая цифра воспроизведенных в натуральную величину знаков бумаги — 1295. Обращает на себя внимание, с какой тщательностью и любовью выполнены прорисы знаков. Атлас имеет три указателя: 1-й — «водяных знаков и рукописей, в которых они обнаружены», 2-й — «изображений», 3-й — «рукописных книг, на которых были обнаружены водяные знаки». Может показаться, что 1-й и 3-й указатели дублируют друг друга, однако для практического использования справочника полезны оба, поскольку сведения одного порядка приведены в них в различной последовательности.

Публикация данного альбома, безусловно, является заметным фактом отечественной археографии и других сопредельных дисциплин. Приветствуя его выпуск, хотелось бы высказать ряд пожеланий, которые, думается, будут небесполезными при продолжении работы и подготовке к печати второго, гораздо более объемного альбома водяных знаков, составленного в ГИМ по материалам изданий кириллической печати XVII в.²

Почти 30% филиграней атласа взяты из коллекции известного русского архивиста XIX в. Н. И. Тихомирова, представляющей прорисы знаков бумаги документов, находящихся ныне в ЦГАДА. Учитывая место хранения оригиналов, было бы целесообразнее (несмотря на хранение прорисей в ОР ГИМ) дать соответствующую информацию на титульном листе, а не во введении. Включение в научный оборот части материалов Н. И. Тихомирова — существенная заслуга составителей альбома. Отныне мы с полным основанием можем считать его наряду с Н. П. Лихачевым одним из основоположников научной филигранологии. Вместе с тем вряд ли нужно преувеличивать вклад Тихомирова в становление этой дисциплины, поскольку из намерения сопроводить коллекцию предметным указателем вовсе не следует (как это можно понять из введения к альбому), что Тихомиров предвосхитил систему группировки знаков, разработанную Ш. Брике (напомним, что в классическом труде Н. П. Лихачева также содержится пространный предметный указатель, но никто не говорит о *системе группировки Лихачева*).

Атлас знаков — наиболее ценная часть справочника. Однако при его подготовке составители упустили некоторые существенные моменты. Так, не показано при воспроизведении филиграней место их на сетке понтюзо и вержеров. Технически это легко осуществимо, в плане информационном — крайне важно, ибо для многих сюжетно простых знаков расположение эмблемы на сетке является одним из наиболее надежных приемов идентификации (не случайно со времен Ш. Брике во всех авторитетных справочниках педантично отмечается соотношение эмблемы и хотя бы понтюзо).

Составители стремились не только дать точные прорисы знаков (порой можно даже говорить об эстетической точности), но и по возможности четко расположить их. В целом это удалось, хотя в ряде случаев из воспроизведения не вполне ясно, являются ли буквы литерным аксессуаром знака или контрамаркой (№ 15, 126, 128, 136 и др.). Некоторые знаки, учтенные в альбоме как самостоятельные, вызывают сомнение. В частности, литерные сочетания под № 53, 61, 62, 76, 80 и другие по своему характеру являются скорее контрамарками к каким-то эмблематическим филиграням (не учтенным составителями), нежели исконными знаками.

² Дианова Т. В. Альбом-указатель водяных знаков бумаги XVII в. по рукописям Государственного Исторического музея. — АЕ за 1968 год. М., 1970, с. 459.

Один из наиболее сложных моментов в построении любого альбома филиграней — группировка прорисей. Авторы рецензируемого справочника пошли традиционным путем, положив в основу формально-содержательный признак, и расположили знаки в алфавите названий. При этом получилось известное расхождение в сюжетном и терминологическом определении некоторых групп в данном альбоме и ранее изданных в нашей стране (литеры — буквы, шут — голова шута, ворота — башни. Ср., например, указатели изображений в рецензируемом справочнике и альбомах А. А. Гераклитова, Э. Т. Лауцявичюса, О. Я. Мацюка). Для частного случая это допустимо, однако в перспективе, как мы неоднократно отмечали, крайне желательно иметь унифицированную номенклатуру сюжетных и терминологических обозначений для всех групп филиграней. Другим неудобством группировки по формально-содержательному признаку является почти неизбежное дробление сходных по содержанию изображения групп (в рецензируемом альбоме, например, даны отдельно «Орлы» и все остальные «Птицы») или, напротив, слияние по существу разных знаков (в частности, помещение Дельфина, № 1181, — в группу «Рыбы»). Подобные моменты могут, особенно для лиц малосведущих в филигранологии, осложнить поиск нужной информации.

До сих пор нерешенным в филигранологии остается вопрос о классификации и группировке знаков с гербовыми эмблемами. Сколько-нибудь разработанной системы вообще нет и в зарубежной литературе. Не является исключением и рассматриваемый альбом. В группе «Гербы» авторы выделили совокупность гербов Амстердама и отдельно все прочие (объединяемые некоторыми формально-геральдическими признаками). Однако при этом большое количество несомненных гербов (кстати, включаемых в подобную совокупность в других альбомах, как отечественных, так и зарубежных) оказались в иных группах. Укажем лишь несколько случаев. «Чешский лев» и герб «Семь провинций» попали в группу «Львы»; между группами «Лилия» и «Перевязь» оказались разделенными варианты эмблемы Страсбурга; герб Берна попал под обозначение «Медведь», а герб Базеля — под «Рог изобилия» (хотя генетически и по смыслу — это навершие епископского посоха). Особенно остро стоит вопрос о классификации и группировке польско-литовских гербов. Нет двух альбомов, где эта совокупность была бы определена одинаково. В рецензируемом издании, в частности, выпали из геральдического раздела такие гербы, как Гоздава (№ 893—900), Ястжамбец (№ 1070), Тэмпа подкова (№ 1071—1072), Слеповрон (№ 1075—1076), Лис (№ 1212—1214), Элита (№ 1215—1216), Топор (№ 1222—1230), помещенные в иные сюжетных группах. Разумеется, в частных случаях группировка знаков может быть делом вкуса, однако здесь, как и в обозначении знаков, весьма желательно унифицированная система.

С технической стороны альбом подготовлен добротнo. Можно высказать лишь одно пожелание: при воспроизведении знака в атласе наряду с номером помещать и даты его бытования (что с легкой руки А. Стевенсона в «Новом Брикe» стало почти общепринятым в европейских справочниках). Это незначительное дополнение позволило бы многократно облегчить и ускорить поиск, избавив от обращения всякий раз к указателю.

Есть пожелания и к справочному аппарату издания. Несомненно, очень полезными и информативными были бы хронологический указатель и указатель литер (аксессуаров и контрамарок) при знаках. Наконец, в изданиях такого рода весьма нужны и конкорданции с другими альбомами (конечно, если есть совпадения воспроизводимых знаков с ранее определенными филигранями у других авторов).

На хорошем уровне выдержано качество печати, скромно, но со вкусом оформлен альбом. Однако совершенно недопустимым представляется выпуск в свет издания особо длительного и интенсивного использования (а альбомы филиграней относятся именно к таким изданиям) в мягкой обложке и неудобного формата. Маленький тираж выпуска, 500 экземп-

ляров, определяет этот альбом как библиографическую редкость, которая через десяток лет станет из-за естественного износа редкостью и физической. Хотелось бы верить, что при втором издании альбома все эти пожелания будут учтены.

Д. С. Лихачев

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ ПОГОДИНСКОГО СОБРАНИЯ

Перед нами огромный труд¹, потребовавший от его автора, К. Ивановой, болгарского ученого, не только многолетних занятий над рукописями одного из самых замечательных по богатству разнородных древнеславянских рукописных книг собраний — собрания М. П. Погодина в ГПБ, но и совершенно исключительных знаний — отличных знаний славянских рукописей и всего их репертуара. Дело, сделанное К. Ивановой для древнеболгарской письменности, имеет национальное значение для Болгарии.

До сих пор продолжают споры о том, что важнее: краткие, но охватывающие большое число единиц каталоги древнеславянских рукописей или более трудоемкие постатейные научные описания рукописных собраний. Научные описания — результат углубленного исследования каждой рукописи, каталоги же — результат просмотра специалистами большого числа рукописей, где во многом специалистам приходится верить «на слово». В общем это два разных жанра научной работы и оба в одинаковой мере нужны.

Книга болгарской исследовательницы, эрудированного знатока древнеславянского рукописного наследия, принадлежит ко второму жанру. В книге даются детализированные описания рукописей и постатейные данные об их содержании. Собрание М. П. Погодина — одно из самых богатых наших рукописных сокровищниц, особенно богатое болгарскими рукописями или рукописями хотя и не болгарскими, но содержащими болгарские произведения. Сохранилось много свидетельств о том, что Погодин питал особенную симпатию к болгарам. Поэтому начать описание древнеславянских рукописей Балканского полуострова именно с Погодинского собрания вполне резонно.

В обычных каталогах древнеславянских рукописей и в научных описаниях национальная принадлежность рукописи обычно устанавливается кратко: «сербская редакция», «болгарская редакция» или другая редакция. Это часто приводит к спорам. Дело в том, что в 50% случаев рукопись не бывает однозначной национальной принадлежности: ее текст проходит сложную дорогу через разные страны, монастыри с разнонациональным «населением». Именно поэтому К. Иванова отказывается от самого термина «редакция» и «извод», давая детализированные описания почерков, орфографии, языка, интерпункции и пр. Только детализированные данные могут быть бесспорны. Вообще, преимущества научных описаний перед каталогами состоят именно в детализированности, а следовательно, и убедительности данных.

Дело, которое сделала К. Иванова для «снятия» споров о той или иной национальной принадлежности рукописей, огромно. Заслуга К. Ивановой также и в том, что она ввела в научный оборот большое число ранее неизвестных списков древнеславянских текстов, «вернула» болгарской письменности большое число рукописей и памятников, облегчив тем

¹ *Иванова К.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1981. 576 с.

самым составление подробной истории болгарской литературы. По образцу книги К. Ивановой могут теперь продолжаться описания других собраний, хранящихся в Советском Союзе и других странах.

Научное описание балканских рукописей Погодинского собрания ГПБ, выполненное К. Ивановой, заслуживает самой высокой оценки. Эта книга не утратит своего значения для исследователей нескольких поколений.

И. Л. Беленький

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ ПО ТЕКСТОЛОГИИ

В библиотеке ИМЛИ в последние годы ведется активная библиографическая работа в области текстологии. Вышли в свет составленные Е. Д. Лебедевой под редакцией Е. И. Прохорова два указателя, учитывающих советскую текстологическую литературу¹, а также справочник, подытоживающий деятельность Международной эдиционно-текстологической комиссии².

Включенные в первый указатель работы по текстологии русской литературы XVIII—XX вв. систематизированы в трех разделах: «Общий отдел» (текстология в целом и ее проблемы: история текста, атрибуция, датировка, комментирование, правописание, типы и виды изданий, писатели и царская цензура); «Personalia»; «Приложения» (список работ об архивных фондах, содержащих литературные материалы; своды описаний рукописей, авторефератов диссертаций, хроникальных материалов). Указателю предпослана статья Прохорова «Текстология как научная дисциплина». В предисловии «От составителя» четко и исчерпывающе сформулированы принципы отбора и систематизации литературы; в книге имеется вспомогательный именной указатель. Аналогичен состав и двух других рецензируемых справочников.

Во втором указателе представлены работы теоретического характера (отдельные исключения оговорены составителем), посвященные русской литературе и фольклору, начиная с древнего периода, фольклору и литературе народов СССР (учтены труды, написанные на языках народов СССР). Схема указателя такова: «Основы текстологии» (общие труды); «Общие вопросы теории текстологии» (история науки, ее дисциплинарный статус, предмет, метод, методика и взаимоотношения с другими областями знания); «Проблематика текстологии» (в отличие от «Общего отдела» первого указателя введена дополнительно новая рубрика «Проблемы издания»); «Вопросы текстологии» (частные проблемы теории на материале древнерусской и новой русской литературы, литературы народов СССР, произведений фольклора); «Приложения» (перечни сборников статей, авторефератов диссертаций, библиографических указателей и обзоров литературы, хроникальных материалов). Указатель предваряется статьей Прохорова «Текстология новой русской литературы. Краткий обзор теоретических взглядов».

В сущности, оба справочника составляют единое целое — библиографический труд, в котором в различных аспектах регистрируются и исследуются (в историографических статьях Прохорова и в самой форме пред-

¹ *Лебедева Е. Д.* Текстология русской литературы XVIII—XX вв.: Указатель советских работ на рус. яз., 1917—1975. / Науч. ред. Е. И. Прохоров; Библиогр. ред. Ю. Д. Рыскин. М., 1978. 207 с. (АН СССР. ИНИОН); *Лебедева Е. Д.* Текстология. Вопросы теории: Указатель советских работ за 1917—1981 гг. / Науч. ред. Е. И. Прохоров; Отв. ред. В. П. Пироговская. М., 1982. 95 с. (АН СССР. ИНИОН).

² *Лебедева Е. Д.* Текстология: Труды Международной эдиционно-текстологической комиссии при Международном комитете славистов. Указатель докладов и публикаций, 1958—1978. / Науч. ред. Е. И. Прохоров; Отв. ред. В. П. Пироговская. М., 1980. 46 с. (АН СССР. ИНИОН).

ставления материала) отечественное текстологическое наследие послереволюционного периода и современное состояние текстологии.

Советская текстология развивается в тесном взаимодействии с зарубежной, в частности со славистической. Трудно поэтому переоценить значение третьего справочника. Его структура оригинальна, он включает статью академика Д. С. Лихачева о работе Международной эдиционно-текстологической комиссии за 1958—1978 гг.; списки докладов, сделанных на заседаниях комиссии и международных конгрессах славистов, и сведения об их публикации; свод хроникальных материалов о работе комиссии и указатель трудов председателя комиссии К. Гурского.

Первый из рассматриваемых справочников, согласно предисловию (с. 4), — «выборочный указатель». Представляется, что подобная установка, относящаяся по существу к персональной его части, вполне обоснованна. Что же касается «Общего отдела», то в нем весьма очевидна полнота отбора научно значимых работ. Полнотой отличается и кумуляция трудов по текстологии новой русской литературы во втором указателе.

Из некоторых досадных пропусков, в рамках концептуальной схемы, принятой составителем и редактором первых двух справочников, следует назвать тезисы доклада А. А. Макарова «Эдиционно-текстологическая культура в России 10—30-х годов XIX в.» (В кн.: Проблемы книговедения и искусства книги. М., 1969), статью Б. Ф. Егорова «Неосуществленный замысел Б. М. Эйхенбаума» (Учен. зап. Тарт. ун-та, 1960, вып. 48); авторефераты диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук М. О. Чудаковой «Печатная книга и рукопись» (М., 1979) и кандидата — С. И. Белокопя «Предмет и задачи литературоведческого источниковедения» (М., 1978).

Больше возражений вызывает характер отбора во втором указателе трудов по проблемам текстологии фольклора, литератур древнерусской и народов СССР. Вероятно, более целесообразно было бы собрать все работы по этим проблемам в рубриках раздела «Вопросы текстологии» (с выделением еще подразбики «восточная текстология») и делать отсылки в необходимых случаях в другие разделы и рубрики. Далее, текстология фольклора понимается прежде всего как издание фольклорных текстов, что противоречит методологическим принципам, изложенным в статье Прохорова. В силу этого не учтены статьи К. В. Чистова «Практический, „нормальный“ текст, целесообразный текст, инвариант как фольклористические категории» (В кн.: Краткое содержание докладов на научных сессиях 1974—1976 гг. Ин-та этнографии АН СССР. Л., 1977); С. Н. Азбелева «О специфике творческого процесса в фольклоре и литературе» (В кн.: Русский фольклор. Л., 1979, т. 19). Текстология памятников традиционного содержания представлена только двумя работами Л. П. Жуковской, помещенными в различных рубриках, и одной статьей К. И. Логачева. Оба автора — ведущие специалисты в данной области текстологии, их перу принадлежит значительное число исследований, к сожалению не учтенных в указателе.

Однако отмеченные факты, так же как ряд пробелов в учете работ по древнерусской литературе, в большинстве случаев — не столько ненамеренные пропуски, сколько сознательные ограничения, вытекающие из определенной установки. Согласно ей, материалы по указанным проблемам важны в справочнике не сами по себе, а прежде всего как контекстные, сопряженные с проблематикой текстологии новой русской литературы. Конструктивность подобной установки безусловна. Хотелось бы только, чтобы об этом отчетливо было сказано в предисловии. Возможно, что в будущем рубрика второго указателя «Текстология и другие области знания» послужит отправной точкой для создания специального междисциплинарного указателя³. А пока принципиально важен и тот выборочный учет литературы по контекстной проблематике, который осуществлен в нем.

³ Инициатива создания подобного справочника может принадлежать Археографической комиссии АН СССР.

Рецензируемые издания — значительное явление в отечественной литературоведческой библиографии. Начинание библиотеки ИМЛИ, огромный труд, проделанный составителем и редакторами, заслуживает самой высокой оценки и должен получить поддержку со стороны научной общест­венности. Хотелось бы видеть продолжение начатой работы. В част­ности, необходим указатель дореволюционной текстологической литера­туры.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ П. П. СМЕРНОВА

(К 100-летию со дня рождения)¹

Павел Петрович Смирнов (1882—1947) — известный советский историк, автор ценных работ по истории русского города XVI—XVII вв.² В личном фонде ученого в ОР ГБЛ (ф. 279, карт. 1, ед. хр. 8) сохранился машинописный экземпляр «Списка научных трудов проф. Павла Петровича Смирнова», составленный им в 1946 г. В него включены, помимо опубликованных, также многочисленные работы, не появившиеся в печати (выступления на заседаниях научных обществ, кафедр, кружков, отзывы на диссертации). Так, например, упомянут доклад «Список гостей и торговых людей гостиной и суконной сотни 1634 г.», прочитанный на заседании Исторического общества Нестора-летописца в 1911 г. Среди опубликованных работ этот доклад не выявлен, но издано подробное изложение его содержания³.

В том же списке названы труды, видимо находившиеся в 1946 г. в печати и вышедшие в свет после смерти ученого.

В данный список помещены названия тех трудов ученого, с которыми была возможность ознакомиться и публикации которых проверены по библиографическим справочникам.

1909

Орловский уезд в конце XVI в. по писцовой книге 1594—[159]5 гг.— УИ, Киев, № 1, ч. 2, с. 1—85; № 3, ч. 2, с. 87—116; № 5, ч. 2, с. 117—162; № 7, Прибавления, с. 163—178; № 8, Прибавления, с. 179—200; № 9, Прибавления, с. 201—232; № 10, Прибавления, с. 233—272.

рического общества Нестора-летописца, посвященном памяти В. О. Ключевского).— Военно-исторический вестник, Киев, кн. 1, с. 79—86; кн. 2, с. 65—77; отд. отд. 21 с.

Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев 1627 г.: (Из общественных настроений русских горожан XVII в.).— ЧИОНЛ, Киев, кн. 23, вып. 1, отд. 2, с. 1—32.

Посадские люди Московского государства.— В кн.: Русская история в очерках и статьях/Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., т. 3, с. 369—410; отд. отд. 27 с.

Экономическая политика Московского государства в XVII веке.— Там же, с. 85—111; отд. отд. 44 с.

Подгот. к печати: Челобитная московских и всех городов торговых людей об изгнании иноземных купцов, кроме англичан, 1627 г.— ЧИОНЛ, Киев, кн. 23, вып. 1, отд. 3, с. 97—104.

1910

Движение населения в Московском государстве.— В кн.: Русская история в очерках и статьях/Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., т. 2, с. 62—80; Москва в XIV и XV веках.— Там же, с. 1—48.

Орловский уезд в конце XVI в. по писцовой книге 1594—[159]5 гг.— УИ, Киев, № 3, с. 273—320; № 5, с. 321—335. Отд. изд. 334 с.

1912

В. О. Ключевский: (Доклад, прочитанный 13 ноября 1911 г. в заседании Исто-

1913

Болтин и его значение в историографии: (Лекция pro venia legendi 13 де-

¹ Составитель В. Ф. Козлов.

² О П. П. Смирнове см.: Козлов В. Ф. Материалы заседания Ученого совета МГИАИ, посвященного памяти профессора П. П. Смирнова.— АЕ за 1980 г. М., 1981, с. 243—247; Он же. О сборнике документов «Охрана памятников старины и искусства», подготовленном П. П. Смирновым в 1942 г.— В кн.: Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. М., 1982, ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи, с. 179—184.

³ ЧИОНЛ. Киев, кн. 23, вып. 1, отд. 1, с. 12—15.

кабря 1911 г.) — УИ, Киев, № 4, ч. 2, с. 1—10; отд. отт. 10 с.

О начале Уложения и Земского Собора 1648—[16]49 гг.—ЖМНП, № 9, сент., отд. 2, с. 36—66.

Подгот. к печати: Несколько документов к истории Соборного Уложения и Земского Собора 1648—1649 гг.—ЧОИДР, кн. 4, ч. 4, с. 1—20; отд. отт. 20 с.

1914

Заметка к истории города Костромы.— В кн.: Юбилейный сборник статей студенческого историко-этнографического кружка при ун-те св. Владимира. Киев, с. 301—308.

Конспект чтений по русской истории Московского и Петербургского периодов. Б. м., б. г. 8 с.

Подгот. к печати: Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.—ЧОИДР, кн. 4; отд. отт. 70 с.

1916

Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 г.— В кн.: Труды Саратовской губ. ученой архивной комиссии, Саратов, вып. 33, с. 1—XXIII; отд. отт. с. 23.

1917

Города Московского государства в первой половине XVII в. Формы землевладения. Киев, т. 1, вып. 1. 144 с.

Рец. на кн.: Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916, IX+312 с.—Русская мысль, кн. 5—6, отд. 20, с. 4—9.

1918

Рец. на кн.: Максимович Г. А. Выборы и наказы в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Нежин, 1917. ч. 1. Выборы и составление наказов, 332 с.—Родная земля: Лит.-полит. и науч. ежемесячник, Киев, № 1, с. 34—40.

1919

Города Московского государства в первой половине XVII в. Количество и движение населения. Киев. Т. 1. Вып. 2. 357 с.

1928

Волзький шлях I стародавнi руси. Нариси з руської Історії VI—IX вв., Київ. 229 с.

Московские ткачи XVII в. и их привилегии: (Жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 и 1648 гг.).—Труды Среднеаз. гос. ун-та.

Сер. 3, История, Ташкент, вып. 1, с. 4—28.

1929

Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г.—Труды Среднеаз. гос. ун-та. Сер. 3, История, Ташкент, вып. 2, с. 1—85.

1934

Из истории классовой борьбы в городах Московского государства XVII в.—Исторический сборник, т. 3, с. 81—131.

1936

«Алтан Тобчи» как исторический источник: Монгольская летопись 1604 г.—Лит. Узбекистан, Ташкент, кн. 4, с. 75—87.

1937

Пушкин и Восток.—Лит. Узбекистан, Ташкент, кн. 1, с. 59—74.

1938

Посадское «строение» при царе Борисе Годунове.—ИЗ, т. 4, с. 3—20; отд. отт. 20 с.

1941

Рец. на кн.: Шефер А. Л. Очерки истории Самары — Куйбышева. Куйбышев, 1940. 220 с.—АД, № 1/57, с. 75—78.

1942

Ред.: Наши великие предки: Указатель литературы. М. 78 с.

1943

Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.—ИЖ, № 8/9, с. 50—57.

1946

Книги строельные.—ТМГИАИ, т. 2, с. 100—123.

Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.—ВИ, № 2/3, с. 55—90.

1947

Подмосковное землевладение в середине XVII в. по межевым строельным книгам 1649 г.—ТМГИАИ, т. 3, с. 99—140.

Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л. Т. 1. 490 с.

1948

Древний Галич и его важнейшие памятники: (Исторический очерк).—Учен. зап. МГПИ им. Ленина, т. 9, вып. 1, с. 81—112.

Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. М.; Л. Т. 2. 740 с.

III. ПУБЛИКАЦИИ

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О ШВЕДСКОМ ДВОРЕ В НОВГОРОДЕ

Шведский двор в Новгороде был устроен в XVII в. согласно Столбовскому мирному договору 1617 г. и жалованной грамоте 1618 г., данной шведским купцам на право ведения свободной торговли в России и устройства гостиных дворов в Москве, Новгороде и Пскове. История шведского двора в Новгороде хорошо документирована, большинство источников изданы в двух сборниках¹.

Сохранилось немало документов из переписки новгородских воевод с русским царем относительно местоположения шведского двора в Новгороде. Дело в том, что, по мирному договору и жалованной грамоте, место для него отводилось на Софийской стороне. Однако шведы наотрез отказались от этого места и просили устроить им двор на Торговой стороне, что и было в конце концов разрешено. В одной из отписок новгородского воеводы в Москву содержатся конкретные топографические данные, по которым местоположение шведского двора устанавливается совершенно точно: он находился в 20 саж. от Николо-Дворищенского собора и церкви Параскевы и занимал площадь в 1866 кв. м².

По изданным ранее материалам удается проследить историю шведской торговой фактории в Новгороде от ее возникновения до конца XVII в. Но не все периоды существования конторы отражены в известных документах достаточно полно, поэтому вызывает большой интерес находка источников, содержащих новые сведения по истории шведского двора.

Недавно в ЦГАДА были обнаружены документы³, существенно дополняющие историю гостиного двора шведов в Новгороде неизвестными ранее фактами и интересными подробностями. Среди них роспись всех дворовых построек, отписка новгородского воеводы царю и черновик отписки патриарху, записка пятиконецкому новгородскому старосте и благословение московского патриарха. Все документы относятся к 1656 г. и связаны с начавшейся весной этого года русско-шведской войной, превратившей торговые отношения между государствами.

По указу царя шведские гостиные дворы в русских городах передавались в собственность Российского государства. Царская грамота с распоряжениями о судьбе шведских купцов и шведского двора в Новгороде не сохранилась, однако ее содержание подробно передано в ответе новгородского воеводы. По этой грамоте, шведские купцы были переведены на другой двор, подальше от торгового двора, к ним была приставлена стража, все товары и шведские деньги переписаны, а список послан царю. Кроме того, был составлен и тоже послан царю список русских должников.

Другой документ, непосредственно связанный с царской грамотой, представляет собой записку новгородского воеводы, который согласно

¹ Русско-шведские экономические отношения в XVII в. М.; Л., 1960. (Далее: РШЭО); Экономические связи между Россией и Швецией в XVII в. М.; Стокгольм, 1978.

² Экономические связи..., с. 85, № 50.

³ ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, ед. хр. 114, л. 1—11. Расклеенный столбец, текст на л. 5—10 черновой; есть вставки между строк и на полях, часть текста вычеркнута. При передаче текста вставки и вычеркнутые места оговариваются в примечаниях. Документы обнаружены М. Е. Бычковой, которой приношу благодарность за любезное предоставление этих материалов и за консультацию по подготовке документов к публикации.

царской грамоте велел пятиконецкому старосте выбрать из новгородцев человека честного для охраны шведского двора и для его последующей продажи.

Интересен черновик отписки новгородского воеводы патриарху, в первой части которой дословно повторяется отписка, посланная царю, а далее излагается челобитье архимандрита Иверского монастыря о передаче шведского двора для расширения подворья Иверского монастыря в Новгороде.

Шведский двор был оценен в 95 руб. Воевода сообщил об этом царю и патриарху и ждал указания, в чье пользование передать шведский двор. Среди обнаруженных документов находится «благословение» московского патриарха на передачу двора Иверскому монастырю.

Перечисленные документы содержат важные подробности о положении иноземных дворов в Новгороде в периоды ухудшения или полного разрыва торговых отношений. Кроме того, в них заключена информация о полномочиях новгородских воевод, которые, как следует из источников, не могли решать самостоятельно ни один вопрос, связанный с международными отношениями России.

Особенно важна для нас роспись построек шведского двора, составленная в 1656 г., вероятно, в момент передачи двора Иверскому монастырю. Это единственный документ, в котором перечислены все строения еще действующего двора. Изданная ранее роспись шведского двора⁴ фиксирует уже запущенное состояние двора, и по ней трудно судить об его устройстве. Теперь же мы имеем полную роспись всех построек с указанием размеров, перечислением сенией, переходов, окон, печей, а также упоминанием тына и ворот, навеса, колодца, сада. Все это позволяет восстановить микрофотографию шведского двора и его внешний вид.

И последний публикуемый здесь архивный документ происходит из «Дела о ремонте Воеводского дома и башен в 1745—1748 годах»⁵ и содержит описание каменного дворца на Торговой стороне. Несомненно, речь идет о сохранившихся постройках шведского двора 1684 г. В тот год пришедшие в негодность деревянные строения были заменены каменными, которые с началом Северной войны были переданы Русскому государству.

Е. А. Рыбина

Память пятиконецкому старосте Власу Пискулину

Лета 7164 июля в... день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя, и белыя Росии самодержца указу память пятиконецкому старосте Власу Пискулину с товарищи. Велети ему выбрать из новгородцев из посадцких людей в целовалники для береженья^а и продажи^б свейского двора^в немецких животов человека добра, душою прямо и животом прожиточна, которого б с такое дело стало. Да на того целовалника выбор за своею и за выборных людей руками принести в съезжую избу и подать воиводе князю Ивану Андреевичу Голицыну да дьяку Василию Шпилкину тотчас. //

Отписка новгородского воеводы Ивана Голицына царю

Государю благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеичу всеа великия и малыя, и белыя Росии, холопи твои, Ивашко Голицын, Васка Шпилкин, челом бьют. В нынешнем, государь, во 7164 году в июня в 30 день в твоей, великого государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеича всеа великия и малыя, и белыя Росии грамоте за приписью дьяка Дмитрея Шубина писано к нам^г, холопом твоим, что взят в вашу государеву казну на свейском комисаре за сырой шелк и за ремень семдесят тысяч рублей. И свейской комисар умер, а после

⁴ РШЭО, с. 224—225, № 151.

⁵ ЦГАДА, ф. 248, ед. хр. 3176. Дело о ремонте Воеводского дома и башен, 1745—1748 гг.

^а Далее зачеркнуто: немецких свейских людей и для;

^б Далее зачеркнуто: их;

^в Вписано над строкой.

^г Вписано над строкой: в Великий Новгород;

иво остались на свейском дворе товары немногие, а порутчики по нем свияне ж и вашей государевой казне взять не на ком. И по указу отца твоего государева, великого государя, велено в Новгороде на свейском дворе у свейского стряпчего и у иных свиян, торговых людей, товары их и денги, и кабалы на русских людей переписать и товары оценить и запечатать до указа, собрав где в полату, чтоб от пожарного времени было бережно и поставить сторожу. А свейского двора свиян перевести на иной двор, обыскав крепко двор в деревянном городе, // где от церкви и от рядов подале. И потому ж поставить крепкую сторожу и из двора не спускать и к ним никою не припускать. А гость на них покупает, выбрав целовалника, посадцкого человека, на их немецкие денги. А что товаров и денег, и кабал на русских людей по переписке у свиян объявитца, и тому прислати роспись.

л.3

И по твоему великого государя, благоверного царевича, великого князя Алексея Алексеевича всеа великия и малыя, и белыя Росии указу^д велели мы, холопи твои, в Великом Новгороде на свейском дворе у свейского стряпчего и у иных свиян торговых товаров их и денги, и кабалы на русских людей переписать, и товары их оценить велели, и запечатать в полату до вашего государеву указу, чтоб от пожарного времени было бережно, и поставит сторожу. А свейского двора свиян велели перевести на иной двор в деревянном городе, сыскав крепко двор от церкви и от рядов подалеку, и потому ж велели мы, холопи твои, к ним сторожу крепкую, из двора не спускать и к ним никою припускать. А есть на них велели покупать целовалнику посадцкому человеку на их немецкие денги, а что // каких товаров и денег, и кабал на русских людей по переписке у свиян объявилось, и тому все мы, холопи твои, послали к тебе, великому государю, благоверному царевичю и великому князю Алексею Алексеевичю всеа великия и малыя, и белыя Росии к Москве роспись за мою, холопа твоего, Васкиною рукою и велели подать в Посольском приказе вашему государеву думному дьяку Алмазу Иванову. //

л.4

л.4 об. О немецких полоняниках.

Черновик отписки патриарху Никону^б.

л.6

И в нынешнем, государь, во 7164 году июня в 12 день били челом великому государю царю, великому князю Алексею Михайловичу всеа великия и малыя, и белыя Росии самодержцу Пречистые Богородицы^в Иверского монастыря архимарит Деонисей з братею, чтоб великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа великия и малыя, и белыя Росии самодержец пожаловал их, велел тот немецкой свейской двор по оценке торговых людей дать им^ж в припуск монастырскому подворью для пространства на Михайлове улице, бывал двор Михаила^з Милославского^з, потому что их прежней монастырской двор весь огнил и жить не в чем. // И того же, государь, Иверского монастыря наместник и строитель того свейского немецкого двора смотрели и сказали^н мне, Ивашку, что тот свейский немецкой двор к тому их монастырскому двору годен, потому что ста близко и хоромы на том немецком дворе новые^н. И я, Ивашка, велел тот немецкой свейской двор торговым людям и плотнику оценить и по оценке, государь, торговых людей и плотников тот немецкой свейской двор оценен^н девяноста пять^н, рублей^н и тот, государь, двор как ты, великий государь, святейший Никон патриарх, и оное укажет. //

л.6 об.

Роспись шведского двора.

л.7

Роспись, сколько на Свейском^м дворе хором и всякого дворового строения.

^д Далее зачеркнуто: мы.

^в На л. 5 дословно повторяется отписка царю. См. л. 2—4.

^г Вписано над строкой;

^ж Далее до конца листа текст написан вместо вычеркнутого другим почерком. Вычеркнутый текст: к прежнему в припуск для пространства, а по оценке в твою государеву казну десятинную взят и о том дворе, како ты, великий государь, святейший Никон, патриарх московский и всеа великия и малыя и белыя Росии нам укажешь.

^з Переделано из Михайловского;

^н Текст на л. 6 об. написан тем же почерком, что и текст л. 6 вместо вычеркнутого;

^{н-н} Вставка между строк;

^{н-к} Вписано другими чернилами и другим почерком;

^л Вписано над строкой: полтинам;

^м Вписано над строкой: на немецком, далее в строке зачеркнуто: немецком;

Светлица новая 4-х сажень ^а с полсаж[енью], а в ней 2 чюлана, а в-ысподе ^о 2 анбара, в чем хлебы ставят, а под анбары 2 погреба, один летней, другой зимней. На одной стороне у светлицы окно ^п большое створистое, а в нем ^п 4 окончины больших, а на другой стороне другое ^р ж окно большое ж, а в нем ^р 4 окончины больших, да в чюлане 2 окна большие створистые ^с ж, а в них ^с да 2 окончины в них большие. А у другою чюлана одно окно, в нем окончина середняя. А подле той светлицы сени ^т малые ^т проходные, а по сторон тех сени поварня, в чем еству варят, а от той поварни ^у из светлицы переходы в большие сени с ^ф крыл[цом] ^ф из одной клетки вон и с сенницею ^у, ^х а под той ^х поварни с одного сенница, а под той поварнею и под сенницею анбар. А по другую сторону тех же сени светлица 3-х сажень и с углами, а под нею анбар. А на стороне той светлицы 3 окна, а в них 3 окончины створистые средние. // А по другую сторону одно окно створистое. Да подле той светлицы сени большие 5 сажень, а под теми сенми 2 анбара, в чем товар кладут, а в тех сенях 2 чюлана, а на сенях чердак ^п. А з другой стороне у тех же сени светлица 5 сажень, а в ней 3 ^ч чюлана, на одной стороне ^ш окно большое, а в нем 4 окончины большие створистые, да 2 окна меньшие. // А по другую сторону у той же светлицы ^ш окно створистое, а в нем окончина большая, да 2 окна малые. А на третей стороне 3 окна малые. А под тою светлицею 2 анбара, в чем товар держат, да ^в в те[х] же во всех 3-х светлицах печи муравлены, делано с полского образца з дымницы ^о. Да у ворот светлица пол 6 сажень з ^ю жильль с подклетом ^ю, а в ней по одну сторону окно большое створистое ^а, а в нем 4 окончины больших, да 2 окна малых. А по другую сторону окно большое створистое ж, а в нем 2 окончины больших // да ^а два окна мых ^б. А на третей стороне 3 окна малых. А в той светлицы 3 чюлана ^в, да у той же светлицы сени рубленные пол 3-х сажень, а в тех сенях чюлан, да у тех сени 2 крыльцы, верхней да нижней, да 2 лесницы. Да в подклете 2 чюлана. Да в подсене чюлан. Да на дворе пивоварня ^г 4-х сажень. Да ^д подле той поварни конюшня 4 сажень, а в ней 6 стоил, а наверху сенник. Да на дворе ж колодез чистой рублен, покрыт шатром, да подле того колодезя и поварни погреб рубленой 3 сажень, в чем питье ставят. Да позади того колодезя и поварни подле светлицы садок, а в нем 21 дерев полод[ов]ых, да позади светл[ицы] баня 2 сажена. Да на дворе ж навес зделан, крыт тесом, что ^а ставят возы с товаром, 12 сажень. Да у ^е того ^е двора ворота створистые большие, а другие, меньшие, да около того двора тын ^ж в забор делан.//

О немецких полоняниках.

Благословение патриарха Никона.

Благословение великого' государя, святейшего Никона, патриарха московского всеа великия и малыя и белыя России в Великий Новгород воеводе князю Ивану Андреевичу Голицыну. В нынешнем во 7164 году писал ты к нам, великому государю, что по челобитью Иверского монастыря архимарита Дионисия з братьею в Великом Новгороде немецкой свейской двор к монастырскому подворью, что на Михайловке, в припуск для пространства, а по оценке торговых людей оценен в девяноста в пять

^а Далее зачеркнуто: ручных;

^о Далее зачеркнуто: погреб зимней;

^{п-п} Вписано над строкой;

^{р-р} Вписано над строкой;

^{с-с} Вписано над строкой;

^{т-т} Вписано над строкой, в строке зачеркнуто: небольшие;

^{у-у} Вписано над строкой и на поле;

^{ф-ф} Зачеркнуто;

^{х-х} Текст на поле очень неясен;

^п Переделано из: чюлан;

^ч Переделано из: 2;

^ш Далее зачеркнуто: 4 окна, а к ним;

^ш Далее зачеркнуто: 1 ж;

^{о-о} Вписано между строк;

^{ю-ю} Вписано между строк;

^а Вписано над строкой, в строке зачеркнуто: а в нем;

^а Перед словом зачеркнуто: а на;

^б Так в рукописи, очевидно: малых.

^в Далее зачеркнуто: а у тех у всех свети;

^г Переделано из: поварня;

^д Написано над строкой, в строке зачеркнуто: где;

^{е-е} Написано над строкой, в строке зачеркнуто: около;

^ж Далее зачеркнуто: делан.

рублев, а что на том дворе хоромного строения и тому ж ты под отпискою своею прислал роспись к нам, великому государю, и по той твоей отписке и по росписи ведомо. И мы, великий государь, за тот свейской двор по оценке торговых людей девяноста рублей денег послали к тебе с твоим человеком, с Артемием Ивановым, сыном Татариним. И как к тебе ся наша грамота придет, а твой человек придет в Великий Новгород и ты б те денги, девяноста рублей, у него велел в государеву казну принять и двор велел отдать Пречистые Богородицы Иверского монастырю и данную на тот двор ис приказа за дьячею приписью дать, а которого месяца и числа тот твой человек в Новгород приедет и те денги у него в государеву велишь принять и данную на тот... //

л.11 об В Великий Новгород воеводе князю Ивану Андреевичю Голицину.

ЦГАДА, Госархив, разряд XXVII, ед. хр. 114, л. 1—11.

Опись каменных строений на Торговой стороне.

л.174об. Опись бывшему каменному ветхому дворцу, что на Торговой стороне, тако ж и бывшему Посольскому каменному же дворцу, которые дворец и Посольский двор застроены обывательскими дворами, и сколко мерою тех дворов имелось, онога никак познать невозможно. Толко на тех дворах имеются одни ветхие каменные полаты с погребями, в два аппарата. Во оных своды обвалились, и стены разседались, которые подлежат разобрать каменщикам подряд потысечно и ис которых может выбраться годного кирпича двести тридцать тысяч, железа семдесят пять пудов, за работу каменщиком сорок шесть рублей. И оные материалы употребить к строению, куда потребно будет, чтоб напрасно оные материалы не могли пропадать, оные покрытия тако же, и от растащения обывателей.

В объявленном дворце полаты длиной восемь сажень один аршин, шириной четыре сажени с половиной, со сводами высотой от фундамента две сажени, стены толстотой один аршин с половиной. На Посолском дворе полаты длиной пять сажень два аршина с половиной, шириной четыре сажени, высотой десять аршин, стены толстотой один аршин с четвертью.

А ежели оному дворцу подлежит быть, тако ж и Посольскому двору, то на каких саженьях и сколко, и с какими службами, надлежит зделать проект со всем вышеописанным вновь и по тому проекту чинить смету всяким материалам.

Архитектори гезель Алексей Рославлев

ЦГАДА, ф. 248, ед. хр. 3176. Дело о ремонте Воеводского дома и башен, 1745—1748 гг.

ВОСПОМИНАНИЯ Н. М. НИКОЛЬСКОГО «КАК МЫ ПРИШЛИ К ПАРТИЗНАМ»

Академик АН БССР, член-корреспондент АН СССР Николай Михайлович Никольский (1877—1959), ученый-историк, востоковед и этнограф, перу которого принадлежат десятки монографий и сотни научных статей, был большим патриотом нашей Родины¹. Два года он находился в оккупированном немецко-фашистскими захватчиками Минске. «Мы, — вспоминал ученый, — были измучены голодом, холодом и неоднократными переселениями. Грустили по свободе, по работе; наш долг властно призывал нас вернуться каким-нибудь путем в среду советского народа и занять свое место в рядах защитников советской Отчизны»². Он продол-

¹ О нем см.: БСЭ. 3-е изд. М., 1974, т. 18, с. 14; СИЭ. М., 1967, т. 10, стб. 225—227; БелСЭ. Минск, 1973, т. 7, с. 517; *Богвинник* М. Н. М. Никольский. Минск, 1967; *Лившиц* Г. М. Выдающиеся историки республики Н. М. Никольский и В. Н. Перцев: (К 100-летию со дня рождения). — *Вестник Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна*. Сер. 3, 1977, № 3, с. 48—50; Наука и научно-исследовательская работа в Белоруссии (1918—1973 гг.): Библиогр. указ. лит. В 5-ти т. Минск, 1977, т. 4. Персоналии, с. 151—154; и др.

² *Савецкая Беларусь*, 1944, 15 сакавіка.

жал работу над своей плановой темой и в 1943 г. закончил монографию³:

1 августа 1943 г. с помощью минских подпольщиков Н. М. Никольский вместе с семьей был выведен в партизанскую зону, а оттуда доставлен в партизанскую бригаду «Разгром», действовавшую в Минской области⁴.

В трех партизанских отрядах пришлось побывать Никольскому, прежде чем 9 марта 1944 г. его с семьей отправили в советский тыл. Он делил с партизанами все тяготы жизни, был в курсе событий на фронтах Великой Отечественной войны и помогал командирам и политработникам проводить политинформации для бойцов. В свою очередь партизаны живо интересовались научной работой академика, которую он продолжал и в отряде, помогали ему доставать бумагу, чернила. «Партизаны, — писал ученый, — окружили нас братской любовью и заботой. С опасностью для жизни они охраняли нас и во время трудных переездов, и во время немецких вторжений в партизанскую зону. Но главное не в этом. Самое главное заключается в том, что мы стали очевидцами большого знаменательного движения, той беспримерной в истории патриотической борьбы, которую день и ночь ведут партизаны против немецких оккупантов»⁵.

Незадолго до своего отлета в тыл Н. М. Никольский подготовил, очевидно по просьбе партизан, воспоминания «Как мы пришли к партизанам». Написанные в характерном для ученого стиле, они были помещены в рукописном журнале «Партизан Отечественной войны» (1944, февраль, № 4), выходившем в отряде им. С. Лазо бригады «За Советскую Белоруссию». Журнал находится в экспозиции Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). Копия воспоминания — в Партийном архиве Института истории партии при ЦК КП Белоруссии, ф. 3500 (Белорусский штаб партизанского движения), оп. 3, д. 109, с. 3—18. Воспоминания представляют собой яркое свидетельство ученого-патриота о всенародном характере партизанского движения, развернувшегося в годы Великой Отечественной войны на территории Белоруссии.

Воспоминания печатаются по подлиннику.

В. И. Гуленко, М. Ф. Шумейко

КАК МЫ ПРИШЛИ К ПАРТИЗАНАМ

*Заслуженный деятель науки
академик Н. М. Никольский*

С начала июня 1941 г. минские научные работники переживали дни приятных и радостных хлопот — дни подготовки празднования 20-летней годовщины основания Белорусского государственного университета. Партия и правительство расценивали этот юбилей как праздник большой культурной победы не только Белоруссии, но и всего Советского Союза.

Мне, как одному из организаторов и старейших работников БГУ, пришлось принимать также деятельное участие в подготовке юбилея.

Назначили, наконец, и день празднования — 29 июня, и подошли последние самые горячие дни. 21 июня я весь вечер пробыл в БГУ — осматривал уже почти законченную выставку, делал последние распоряжения относительно установки и развешивания новых экспонатов в историческом музее, участвовал в нескольких совещаниях.

В университете меня поймал сотрудник «Правды» и попросил к 12 ча-

³ Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов. Минск, 1948.

⁴ *Богвинник М.* Указ. соч., с. 6—7.

⁵ Савецкая Беларусь, 1944, 15 сакавіка.

сам следующего дня написать статью о юбилее БГУ для «Правды». Таким образом, с раннего утра 22 июня я сидел за письменным столом и писал эту ответственную статью.

Около 12 часов дня статья была окончена, и я с облегчением и приятным чувством исполнения почетного поручения слушал дневной выпуск «последних известий». Вдруг раздался заключительные слова диктора: «Внимание! Внимание! Слушайте выступление товарища Молотова!» Все в волнении и тревоге сбежались к аппарату. «...Наглое разбойничье нападение Гитлера...» * Война без объявления войны... Фашисты сбросили маску... наше дело правое, победа будет за нами!» Так внезапно от творческой, научной и культурной работы и Минск и вся Советская страна были брошены в небывалую еще в истории ожесточенную борьбу не на жизнь, а на смерть, с гуннами и вандалами 20-го в., кричавшими о культуре, но на самом деле сметавшими на своем опустошительном пути всякую культуру.

Уже 24 июня Минск пылал, пылал, начиная с главной Советской улицы¹. Жители Минска либо уходили из него, либо прятались по подвалам. Вечером 25-го огонь подошел к нашему кварталу... Немцы безжалостно и варварски бомбили Минск с воздуха.

Ушли и мы...

С болью в сердце уходил я из своего кабинета, прощаясь со своими дорогими книгами, накопленными за 40 лет упорной и кропотливой научной работы, прощаясь и с работой, а может быть и с жизнью. Мы хотели сесть на поезд в Колодищах², так как из Минска поезда 25 июня уже не ходили. Но когда мы добрались до станции, то там поблизости уже был высажен немецкий десант. Тогда мы пошли к Могилевскому шоссе по дороге, по которой шли туда же наши воинские части. И по пути мы должны были бесконечное число раз ложиться в канавы, в ямы, в кусты при налетах немецких аэропланов, бросавших бомбы, гранаты и строчивших из пулеметов по безоружной и беззащитной толпе беженцев — женщин и детей.

Пришлось перенести много тревожных минут... К ночи пошел проливной дождь. Промокшие насквозь, голодные и обессиленные, остановились мы на ночь под навесом крыши сарая в деревне Заямочное. С рассветом, еще больше измученные, мы не смогли подняться, а на следующий день мимо деревни уже пошли немецкие войска.

Таким образом, мы оказались в полосе оккупации.

Шедшие вместе с нами два молодых научных работника из Института истории Академии наук БССР, директором которого я был, решили все же идти дальше и пробиваться через фронт. Я и моя жена по старости и слабости не имели для этого сил и вынуждены были остаться. 7 июля мы вернулись в Минск. По счастью, дом, в котором мы жили, уцелел, и моя квартира еще никем не была занята. Так началась наша безрадостная жизнь в немецкой оккупации, о которой мы еще не имели настоящего представления, но инстинктом чувствовали, что она ничего хорошего нам не сулит.

В своих листовках, плакатах и газетах немцы вопили, что они «освободили» нас от варварства и дикости большевиков и принесли с собой культуру и новую «свободную» жизнь. Однако в первую же неделю хозяйничанья в Минске все минчане узнали, что эти похвальбы — гнусная ложь и что в действительности немцы разрушают культуру и свободную жизнь, заменяя их варварством и рабством.

В Академии наук, в университете и во всех других научных и культурных учреждениях немцы систематически и везде по одному плану разгромили лаборатории, учебные кабинеты, исторические музеи, испортив или уничтожив аппаратуру и экспонаты. Из библиотек и архивов выбрасывали книги и дела прямо на улицу, сжигали их на кострах, из кар-

* Здесь и далее отточия автора воспоминаний.

тинной галереи все самые лучшие картины были увезены в Германию. А ученые — «на что теперь ученые, разве только улицы подметать» — так буквально сказал одному минскому научному работнику немецкий офицер.

И эта «установка» строго проводилась в жизнь. Только медицинские работники могли работать по специальности — врачами, а прочие устраивались кто как мог. Одни пошли в немецкие прихлебатели и «пристроились» на «культурной работе», другие — кто кем: историк — завхозом, литератор — агентом по снабжению, этнограф — кладовщиком, другой историк и биолог — картотечниками в канцеляриях. Были и такие, которые никак и никуда устроиться не могли.

Я и сам не стремился устроиться работать на врагов своей Родины, да и при желании не мог бы этого сделать по своему преклонному возрасту, и был зачислен «безработным» по немецкой регистрации. Но фактически безработным не был. Я решил продолжать свою советскую научную работу в полной уверенности, что «наше дело правое, победа будет за нами!» И за два года, прожитые мною в Минске при немецкой оккупации, я написал свою плановую работу 1941 г., а затем написал большую монографию, тема которой была намечена по плану четвертой пятилетки³. Эта работа была моей жизнью... Я работал для Советской Родины, для славы советской науки. Эта работа дала мне силы для того, чтобы перенести первые, самые тягостные, самые убийственные в моральном отношении месяцы войны.

Моральная обстановка была несравненно тяжелее материальной обстановки. У нас были кое-какие ресурсы для обмена и продажи, накопившиеся за время нашей жизни в советских условиях, и это спасло нас от медленного умирания, от недоедания.

Совсем другой была моральная обстановка. До декабря месяца 1941 г., когда немцы потерпели несколько поражений под Москвой, скрыть которые им не удалось, советские патриоты вынуждены были молчать и между собой только шептаться [...]. Было несколько хороших надежных давних наших друзей, с которыми мы и отводили душу. С этой стороны моральная обстановка стала немного легче. Зато немецкий моральный гнет со времени введения «гражданского» управления стал проявлять все большую и большую силу. Появилась полиция, явная и тайная [...]. Стала регулярно выходить гнуснейшая «Белорусская газета» [«Белорусская газета»], появилась ежедневная «Минскер Цайтунг» [«Minsker Zeitung»] (Минская газета на немецком языке) — зловонные помойки, наполненные самой архихлестаковской похвальбой, самой наглой ложью, самой мерзкой клеветой!

Таким образом, круг тех лиц, с которыми мы могли откровенно и по душам беседовать, критиковать печальное настоящее и высчитывать сроки частуления радостного будущего, был узким, а встречи — несчастными [...]. С сентября по май уже с семи часов вечера нельзя было выходить на улицу, и люди, придя домой после работы, уже никуда больше пойти не могли.

Поворот для нас начался с февраля 1942 г. Уже с декабря в Минск из районов стали приходиться вести о появлении партизан и о их смелых выступлениях против немецких оккупантов. Слухи были разные: одни были похожи больше на легенду, другие были скромнее, но правдивее [...].

Лично мы убедились в правдивости этих вестей после того, как один бывший работник Института истории, ездивший в Западную Белоруссию, рассказал нам о неожиданной встрече с партизанами, обстрелявшими машину, на которой он ехал, приняв ее за ожидавшуюся немецкую машину с полицейскими, и о разгроме партизанами в одной деревне всех немецких учреждений. На обратном пути он, проезжая через эту деревню, видел сожженные хаты, где помещались немцы, разбросанные на улице полуобгоревшие портреты Гитлера и немецкие плакаты и слышал рассказы жителей деревни об этом смелом выступлении партизан. Потом

пошли слухи о проникновении партизан даже в Минск и об их смелых и ловких операциях в городе.

Невольно приходила на ум мысль, не помогут ли партизаны минским советским людям? Но для этого нужно было найти какую-нибудь связь с ними. Не сразу, но такая связь у нас создалась, упрочилась и привела к коренному повороту в нашей судьбе.

В феврале 1942 г. у нас завязалось знакомство с одним молодым товарищем, которого прислала к нам с картофелем из-под Минска одна наша самая близкая приятельница (теперь партизанка) Зина⁴. Пришедший товарищ назвался Ваней⁵, и до сих пор мы его так и называем Ванюшкой, хотя он уже давно занимает ответственные посты в партизанских отрядах. Ваня рассказал нам, что пришел познакомиться с нами, как с советскими патриотами. Он был в Красной Армии политруком, сначала на финляндском фронте, где во время штурма линии Маннергейма ему пришлось замечать тяжело раненого командира роты и вести ее в атаку. В 1941 г. его часть была переброшена в Белоруссию, на германскую границу. Во время отступления, в конце июня 1941 г. ему удалось избежать плена и под чужим именем устроиться на работу под Минском простым рабочим при складе. Ваня горел желанием вернуться к боевой работе и искал связи с партизанами, чтобы включиться в их борьбу. Он часто заходил к нам и скоро стал у нас своим человеком, родным, относившимся к нам с какой-то особенной теплотой и нежностью. И мы в свою очередь его крепко полюбили.

Попасть в партизанский отряд было нелегко, и только в июне 1942 г. Зина сообщила нам, что Ваня, наконец, «в лесу». Нам было радостно, с одной стороны, что наш друг избавился от немецких разбойников, а с другой, было грустно, что мы потеряли хорошего человека. Но Ваня о нас не забыл. В конце ноября он неожиданно, к великой нашей радости, снова явился к нам.

С этого момента у нас завязалась первая связь с партизанской бригадой. Явившись к нам первый раз из партизанского отряда, Ваня передал пламенный партизанский привет от своего командира, который оказался одним из моих читателей и почитателей по антирелигиозной линии и был хорошо знаком с моей «Историей русской церкви»⁶ и с некоторыми моими другими работами по истории религии. Кроме привета, Ваня привез и партизанский гостинец — мяса, сала — продуктов в Минске очень дорогих и за нашим столом редких. На это мы ответили, и после отвечали, чем могли — бельем, одеждой, медикаментами, географическими картами, письменными принадлежностями и другими вещами.

Тогда же Ваней был поставлен вопрос о нашей эвакуации из Минска в партизанскую зону, а затем в Москву. Согласие Москвы было получено, дело как будто бы налаживалось, но затем затормозилось, сначала немецкими попытками блокировок партизанских отрядов, а затем переброской бригады, в которой был Ваня, в Борисовский район, за Березину. Если бы я и моя жена были помоложе и не страдали слабостью сердца, то мы не посмотрели бы на дальность расстояния и на необходимость пройти значительную опасную часть пути пешком по лесным тропам и пошли бы за Березину. Но такой путь был нам не по силам, и поэтому эвакуация наша, намечавшаяся в конце февраля, не состоялась. Однако связь с Ваней и его бригадой не прекратилась. Его появления в Минске стали реже, но каждый раз он заходил к нам и часто у нас ночевал.

В это время, в феврале 1943 г., у нас завязалась связь с другим партизанским отрядом. В числе моих учениц по БГУ была одна минчанка, перед войной уже читавшая лекции по истории ВКП(б) на историческом факультете педагогического института, которую мы запросто звали Маней⁷. Во время пожара Минска она погорела, а после прихода немцев устроилась на работу в одной деревне, недалеко от Минска. Летом и осенью 1942 г. она приходила несколько раз в Минск и заходила к нам. Зимой 1942/43 г. она втянулась в партизанскую работу, стала связной, и через нее у нас установилась связь с другими партизанскими

отрядами — с ее отрядом и с двумя другими. Связные, которые приходили с ней и получали у нас также приют и ночлег, устраивали у нас свидания с минскими партизанскими работниками. Эти посещения были частыми, с этого времени мы стали иметь более или менее регулярные вести с родины, оперативные сводки, листовки, газеты и т. д.

Настроение стало другим. Мы узнали из первоисточника о разгроме немцев под Сталинградом и взятии 300 000-й армии во главе с ее командующим г. Паулюсом и его штабом, о занятии Воронежа, Курска, Харькова, Ростова, о колоссальных потерях немцев. Мы узнали о больших переменах в организации Красной Армии, о героической работе тыла, о наших международных отношениях и успехах. Нам посчастливилось прочитать доклады тов. Сталина 6 ноября 1942 г. и 1 мая 1943 г. и некоторые другие его выступления. Я не могу высказать словесно то необыкновенное чувство радости, гордости и пламенного желания вырваться скорее из немецкого плена и включиться в общенародную работу для победы над врагом, какое охватило нас в это время. На волю из плена, на свободу из «стана ликующих и праздничноболтающих, умывающих руки в крови» в стан тех, которые борются до последней капли крови, до последних сил труда «за великое дело любви» к Родине, к своему народу [...].

Осуществление нашего желания взяла на себя Маня. Она вела переговоры с отрядами и партийными организациями, она составила план нашего ухода из Минска, подготовила перевозочные средства, привлекла на помощь ряд людей в Минске и под Минском. Это была нелегкая задача. В конце июня из Минска к партизанам пришли два старых ученых — академик Прилежаев⁸ и профессор Ветохин⁹, и это заставило немцев насторожиться. Мы хотели уйти 16 июля, но этот срок пришлось изменить ввиду вышеуказанного обстоятельства и произведенных взрывов на двух заводах в Минске, после которых немцы ввели контроль на всех главных дорогах из Минска, проверку документов и вещей всех едущих и идущих из города и в город. Наш уход задержался до 1 августа. Контроль продолжался с неделю, а затем был снят, но мы выждали еще неделю, пока не удостоверились, что выезд из Минска стал опять свободным.

И вот подошел день освобождения. Странное чувство владело мной. Завтра я уйду, оставляю здесь свою библиотеку в 3000 книг, с которыми я сжился, которые будут безвозвратно для меня потеряны, оставляю привычную обстановку, домашний уют, известные удобства, уйду сам и моя семья только с самыми необходимыми вещами, уйдем по существу на театр военных действий!..

Я не только спокоен, но и радуюсь! Мы идем на свободу, идем служить Родине — это дороже всего, и для этого нужно пожертвовать всем, лишь бы только быть на свободе и вместе с Родиной!

Книги возвратятся, если не все, то самые нужные, а жизнь, если оставаться дольше в Минске, в любой час, в любой день может прерваться и уже больше не вернется. Я взял с собой только свои работы, свои заметки и выписки, около двадцати таких книг, которые всегда должны быть у меня под рукой, конспекты своих лекций. С этим и самыми необходимыми вещами 1 августа, в воскресенье, в великолепное солнечное утро на крестьянской повозке, ожидавшей нас на небольшой базарной площади недалеко от нашего дома, мы двинулись в путь. Правила лошадью Маня, а я и жена сидели в качестве пассажиров, с веселым видом горожан, едущих на прогулку в деревню...

Кончились пыльные улицы Минска, потянулось шоссе. Никто нас не остановил! Нам светит яркое солнышко, веет душистый ветер, зеленеют леса и перелески! До свиданья, Минск, дорогой Минск!... Мы еще вернемся! Мы вернемся к тебе опять вслед за Красной Армией, уже не безгласными рабами, а радостными строителями нового Минска, который будет краше и больше прежнего!...

Маня скоро сворачивает с шоссе на лесную дорогу и везет нас глу-

хими проселками, чтобы избежать всякой встречи с полицейскими, которые могли бы остановить нас на шоссе или на большой дороге. По этой причине мы делаем большой крюк и вместо 20 километров до речки, за которой начинается партизанская зона, мы проезжаем верных 25 километров.

Наконец, вот она, «пограничная» партизанская деревня, а за нею — речка и территория партизан. На спуске к переправе через реку мы встречаем первых партизан. Волнение и радость наши неопишутемы. Можно, наконец, вслух приветствовать их запретным в Минске обращением «товарищ» и можно громко выразить наши радостные чувства. Мы почувствовали, что находимся среди своих, опять на любимой Советской Родине!..

С помощью партизан переехали вброд речку и углубились в лес, где нас должны были ожидать наши спутники — двое членов нашей семьи и профессор Кравцов¹⁰, выехавшие из Минска еще к вечеру 31 июля. Скоро мы соединились вместе. С ними было пять человек партизан, приехавших для сопровождения нас в дальнейшем пути и для доставки нас в наше будущее место жительства. Сердечно простились мы с Маней и двинулись дальше в лес, к месту ночлега.

Никогда не изгладится из памяти первая ночь в лесу, в партизанской зоне, в палатках из хвойных ветвей. На маленькой полянке, на которой были раскинуты палатки, всю ночь горел костер, около которого грелись по очереди караульные. Не спалось. Мыслей было столько, что не передумаешь, чувств столько, что не почувствуешь... В памяти пробежала вся двухлетняя горькая жизнь в немецкой неволе. Она теперь позади. Теперь не мы будем ходить с опаской, а немцы будут опасаться нас. Мы знаем, что впереди будет еще много тревог и опасностей, партизанская зона — военная зона, но прежде, минское чувство полной неуверенности в своей судьбе сменилось теперь чувством спокойной уверенности. Это чувство еще более укрепилось в течение нашего дальнейшего пути. Маленький отряд, сопровождавший нас, вез точно по своей земле, где знаком не только каждый поворот дороги, но и каждый кустик. Весело шутили, пели партизанские песни, рассказывали нам о своей боевой работе.

В деревнях, через которые мы проезжали, мы видели партизанские посты и как-то странно было вспоминать Минск и его окрестности, наполненные немцами и полицейскими [...]. «Неслыханные победы», о которых все еще продолжали кричать немцы, на самом деле оказывались весьма скромными: немцы могли распоряжаться только в больших городах и в ближайших окрестностях, а в остальную Белоруссию осмеливаются выезжать только крупными отрядами, вооруженными с ног до головы, и все-таки трусливыми, как шайка мелких грабителей на больших дорогах.

Еще одна ночь в деревне, и мы у цели. Началась наша жизнь на партизанской территории. Партизаны окружили нас самой братской заботливостью, постарались создать нам по возможности самые лучшие бытовые условия, охраняли нас день и ночь. По разным причинам наша жизнь среди партизан затянулась надолго, скоро будет уже полгода, как она продолжается. Она не была спокойной. Несколько раз мы переживали тревоги из-за немецких попыток вторжения и из-за гнусных воздушных налетов немецких разбойников на мирные деревни. Приходилось несколько раз прятаться в лесу и в болоте, ночевать под открытым небом и под проливным дождем. Но мы стойко переносили все эти тяжелые для наших старческих лет невзгоды, потому что мы были опять на родине, с советскими людьми, с нашими братьями и всегда были и останемся уверенными в нашей победе. Несколько раз мы меняли наше местожительство, пока судьба не привела нас в лагерь партизанского отряда им. С. Лазо. Приходилось совершать длинные переезды с переходами через опасные места под верной охраной товарищей партизан, которые с опасностью для жизни оберегали нас, как самых дорогих, самых близких им людей.

Эти переходы и переезды никогда не изгладятся из нашей памяти. Десятки, сотни партизан прошли с нами и перед нами. Это были люди разных национальностей и разных специальностей: белорусы, украинцы, русские, татары, грузины, армяне, казахи, чехи, поляки; крестьяне, рабочие, служащие, учителя, инженеры, врачи, научные работники — представители всех республик и всех профессий Советского Союза.

И мы видели, что все они сейчас только партизаны, спаянные одним духом, одной целью, одной волей к борьбе и к победе, беззаветной любовью к Советской Родине и неискоренимой ненавистью к подлым захватчикам. Мне хотелось бы дать характеристику некоторых отдельных товарищей, с которыми нам пришлось встретиться и с которыми мы имели постоянную непосредственную связь, но всего не поместить в маленькой статье, для этого потребовалось бы написать большую повесть.

За эти полгода мы близко познакомились с партизанским движением и убедились, что партизанское движение Великой Отечественной войны поистине беспримерно в истории по своему масштабу и размаху, по своей тактике и технике, по своему всенародному характеру и по своему необыкновенному героизму.

И мне хотелось бы в заключение моего очерка повторить пожелание, высказанное мною на незабываемой встрече Нового 1944 г. вместе с партизанами на товарищеском вечере в штабе бригады.

Я высказал уверенность, что 1944 год будет годом окончательного разгрома фашизма и что к новому 1945 г. эти леса и эти землянки станут уже историческим прошлым. Я пожелал, чтобы эти леса и эти землянки, про которые уже сейчас складываются и еще долго будут складываться легенды и песни, не были преданы запустению и забвению, но чтобы Советское государство превратило хотя бы часть из них в заповедник, в подлинный музей истории партизанского движения и чтобы постоянно сюда стекались туристы и паломники из всех республик и областей Советского Союза и из дружественных к нему стран.

Слава, бессмертная слава советским партизанам!

Слава, бессмертная слава героической Красной Армии!

Славься, Отечество наше свободное,
Славы народов надежный оплот!
Знамя советское, знамя народное
Пусть от победы к победе ведет!

БГМИВОВ, инв. № 13264 (Журнал «Партизан Отечественной войны», 1944, февраль, № 4, с. 7–20). Машинопись.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ныне — Ленинский проспект г. Минска.
- ² Колодищи — железнодорожная станция на линии Минск—Борисов.
- ³ Имеется в виду монография «Этюды по истории финикийских общинных и земледельческих культов» (Минск, 1948).
- ⁴ Завистович З. И. (1914—1944) — до войны аспирантка БГУ. Участница Колодищанского подполья. 27 июня 1944 г. арестована фашистами, погибла.
- ⁵ Очевидно, партизанский разведчик Архип Андреевич Притчин, легализовавшийся по документам Ивана Степановича Красовского (*Новиков И. Бессмертие Минска. Минск, 1977, с. 189*).
- ⁶ Монография «История русской церкви» (Минск, 1930).

- ⁷ Молокович М. Ф. (1903—1943) — участница Минского коммунистического подполья, руководитель Колодищанского подполья. До войны работала в Институте советского права, Институте истории партии при ЦК КП(б)Б, Белорусском политехническом институте. В августе 1943 г. расстреляна оккупантами.
- ⁸ Прилежаев Н. А. (1872—1944) — белорусский советский химик-органик, член-корреспондент АН СССР, академик АН БССР.
- ⁹ Ветохин И. А. (1884—1959) — белорусский советский физиолог, член-корреспондент АН БССР, профессор физиологии БГУ.
- ¹⁰ Кравцов А. А. (1874—1967) — белорусский советский ученый, зав. кафедрой строительной механики Белорусского политехнического института, профессор.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В. К. ЯЦУНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ ПАМЯТИ АКАДЕМИКА Б. Д. ГРЕКОВА

22 апреля 1982 г. отмечалось 100-летие выдающегося историка и организатора науки, видного общественного деятеля академика Бориса Дмитриевича Грекова. В Археографической комиссии сохранилась стенограмма заседания 3 октября 1958 г., которое было посвящено памяти Б. Д. Грекова^{1*}, умершего 3 сентября 1953 г. На этом заседании в качестве докладчиков выступили Б. А. Рыбаков, Н. В. Устюгов^{2*}. Среди выступавших в прениях был Виктор Корнелевич Яцунский (1893—1966), давший краткую и выразительную характеристику вклада Б. Д. Грекова в изучение истории крестьянства России, представляющую историографический интерес.

В. К. Яцунский, один из организаторов симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, первая сессия которого состоялась в 1958 г., обратил особое внимание на значение трудов Б. Д. Грекова для дальнейшего изучения истории крестьянства России. Этот мотив преемственности в науке, выраженный в выступлении В. К. Яцунского, имеет большое значение.

И. В. Ледовская, Б. Г. Литвак

Я хочу остановиться на деятельности Бориса Дмитриевича как историка крестьянства.

Ему не только принадлежит большая монография обобщающего характера на эту тему, но во всей своей деятельности Борис Дмитриевич всегда уделял очень большое внимание вопросам истории русского крестьянства, и мне кажется стоит сейчас, вспоминая о нем, сказать об этой стороне его работы.

Еще в его ранних работах дореволюционного времени, как, например, в монографии о Софийском доме¹, мы видим большой интерес и большой материал к истории крестьянства. Его работа о Киевской Руси² особенно большое внимание уделяет опять-таки этой же проблеме. Так что эти его работы были как бы той базой, на которой выросла потом его обобщающая монография «Крестьяне на Руси»³. Эта монография была вторым обобщающим трудом после известной, давно опубликованной работы [И. Д.] Беляева⁴. Эта монография Бориса Дмитриевича характеризуется теми чертами, какими вообще характеризовалось его творчество, — это прежде всего большая широта постановки и рассмотрения истории крестьянства.

Борис Дмитриевич не ограничивался какими-нибудь отдельными частями крестьянства нашей Родины. Он взял Европейскую Россию в полном ее объеме и рассмотрел историю крестьянства в тех ветвях, в тех особенностях, какие имели место в отдельных частях нашей Родины.

Рассматривая в широком плане историю крестьянства, он рассматривал ее на еще более широком фоне связи истории нашего крестьянства с историей крестьянства других славян. Известно, что Борис Дмитриевич хорошо знал славянские языки, в частности у него было большое знание польского языка и польской исторической литературы. И вот по материалам этой монографии сближение нашего русского крестьянства со славянским крестьянством вообще также широко отражено.

Кроме широты постановки и изучения вопроса, обращает на себя внимание большая полнота истории крестьянства. Борис Дмитриевич в этой работе проявил еще две черты, чрезвычайно свойственные ему.

Во-первых, большое внимание к изучению истории производительных

^{1*} См. хронику: АЕ за 1958 год. М., 1960. с. 432; *Копылов А. Н.* Заседание Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР.— ВИ, 1959, № 1, с. 199—201.

^{2*} *Устюгов Н. В.* Деятельность академика Б. Д. Грекова в области издания исторических источников.— АЕ за 1959 год. М., 1960, с. 7.

сил. Это было и в монографии о Киевской Руси, где прежде всего ему потребовалось заняться историей земледелия, потому что без этого нельзя было решить вопрос о феодализме. Если мы посмотрим эту историю крестьянства, то внимание к истории производительных сил очень большое. Для нашей историографии этот признак, к сожалению, не так част: Мы очень много занимаемся производственными отношениями и гораздо реже уделяем внимание производительным силам. У Бориса Дмитриевича такого разрыва не было. История крестьянства — это история класса, это прежде всего история социальная, поэтому, конечно, производственные отношения были на первом плане, но они опирались на разносторонний анализ состояния производительных сил.

Во-вторых, еще один момент мне хотелось отметить в этой монографии, также общий для Бориса Дмитриевича и для других его работ о Киевской Руси. Это соединение источников исторических в собственном смысле слова с источниками археологическими. Ведь дореволюционная историческая наука археологов, как мы знаем, почти не использовала, и только очень немногие из буржуазных историков прошлого это делали. У Бориса Дмитриевича этот материал сочетается все время. Я об этом говорить не буду — Борис Александрович об этом говорил применительно к его работе по Киевской Руси. То же самое мы видим и в его «Истории крестьянства», где материал и приложения отчасти даже совпадают.

Вот эти стороны его работы по истории крестьянства сделали этот обобщающий труд трудом очень большого значения по истории одного из основных классов трудящихся — по истории крестьянства.

«История крестьянства», создаваемая Борисом Дмитриевичем, побудила его организовать одно мероприятие, которое осуществляется и после его смерти. Я имею в виду Комиссию по истории земледелия, ныне именуемую Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства. Эта комиссия была основана Борисом Дмитриевичем, и ему принадлежат те основные положения, которыми комиссия после руководствуется. Я в свое время создавал программу работы этой комиссии, которая была опубликована мною в качестве отдельной статьи, предварительно просмотренной и одобренной Борисом Дмитриевичем. По его инициативе и по его указанию комиссия привлекает к сотрудничеству агрономов и скоро примет такое издание, как «История сельскохозяйственной культуры»⁵.

Борису Дмитриевичу не удалось, так как он умер, быть редактором этой работы. Но первый том после его смерти вышел.

Комиссия сейчас готовится юбилейное издание Уставных грамот реформы [18]61 года⁶.

Наконец, в осуществление этих же идей Бориса Дмитриевича (а он ведь изучал русское крестьянство на фоне крестьянства к востоку от Эльбы) сейчас, в декабре, будет выпущен первый сборник по вопросам сельского хозяйства и крестьянства Восточной Европы XVIII и первой половины XIX столетия⁷. Вот эти небольшие дополнения об его практической деятельности и ее приложении.

Конечно, этим его характеристика как историка не исчерпывается. Мы знаем, как много сделал Борис Дмитриевич по организации Института славяноведения и истории славян. Но я думаю, что об этом вспомнят те, кто занимается этими вопросами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеется в виду монография Б. Д. Грекова «Новгородский дом св. Софии: (Опыт изучения организации и внутренних отношений крупной церковной вотчины)». СПб., 1914. Ч. 1.

² Речь идет о книге «Киевская Русь» (М.; Л., 1939).

³ Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1952. Кн. 1; 1954. Кн. 2.

⁴ Речь идет о книге И. Д. Беляева «Крестьяне на Руси» (см.: Русская беседа. М., 1959, кн. 3—6).

⁵ См.: Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1; М.; Л., 1956. Сб. 2.

⁶ Бланки выборки данных уставных грамот 1861 г. в настоящее время хранятся в ОР Института истории СССР АН СССР.

⁷ Точнее, речь идет о первом «Ежегоднике по аграрной истории Восточной Европы, 1958 г.» Таллин, 1959.

ПОСЛЕДНЕЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ

Деятельность видного советского ученого-медиевиста, члена Бюро Археографической комиссии АН СССР, старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, доктора исторических наук, профессора Александры Дмитриевны Люблинской (1902—1980) была тесно связана с изучением специальных исторических дисциплин — западноевропейским источниковедением, латинской палеографией, археографией, изданием источников¹. Ею написано более 200 научных работ, среди них свыше половины так или иначе связаны с этой отраслью исторической науки². Вопросов источниковедения касалось и последнее выступление А. Д. Люблинской за несколько минут до внезапной кончины. Оно состоялось на заседании специализированного Ученого совета ЛОИИ 22 января 1980 г. на диспуте, посвященном защите докторской диссертации Б. Н. Комиссарова «Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века». В речи поставлены важные вопросы об особенностях дипломатических документов, их научной критики и возможностях использования. Выступление печатается по сохранившейся магнитофонной записи с небольшим сокращением, не имеющим отношения к источниковедческим проблемам, и сопровождается необходимыми комментариями.

И. С. Шаркова

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Д. ЛЮБЛИНСКОЙ

Диссертант только что подчеркнул, что его работа носит чисто, сугубо, как он сказал, источниковедческий характер. А между тем многие замечания официальных оппонентов¹ тянут его за пределы этого сугубо источниковедения. И это вызывает вопрос: вообще возможна ли на каком-то этапе работы чисто источниковедческая работа с определенным уровнем оценки источника, ибо источниковедение само по себе представляет собою лишь только подготовленную территорию для исторического исследования? Однако качество материала, который использован при этом и подан для использования историками, определяется историческим исследованием. И каждому из нас прекрасно известно, что, собирая предварительно какой-то комплекс источников для той или иной темы и опираясь на мнение предшествующих исследователей, мы все-таки непрерывно проверяем достоверность этих источников, и лишь только после исторического исследования, которое их таким образом со всех сторон повернуло и рассмотрело, можно говорить об уровне достоверности.

Я хотела бы остановиться на тех положениях, чисто, сугубо источниковедческого характера, которые касаются дипломатических донесений. С дипломатическими донесениями как раз именно в источниковедческом порядке редко кому не приходится встречаться, и поэтому все сформулированные автором положения представляют значительный интерес. [...]

На стр. 22 автореферата изложены основные положения и критика в

¹ Об этой стороне ее работы см.: *Бернадская Е. В., Воронова Т. П.* А. Д. Люблинская и Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.— СВ, М., 1973, вып. 35, с. 16—20; *Романова В. Л.* А. Д. Люблинская — архивист и палеограф: (К 70-летию со дня рождения).— АЕ за 1972 г. М., 1974, с. 218—225; *Шаркова И. С.* А. Д. Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины.— ВИД, Л., 1981, вып. 12, с. 334—341.

² Хронологический список трудов докт. ист. наук, проф. А. Д. Люблинской / Сост. И. С. Шаркова.— ВИД, вып. 12, с. 341—350; *Шаркова И. С.* Научные труды А. Д. Люблинской.— СВ, М., 1983, вып. 46, с. 324—334.

адрес товарищей, которые не учли тех или иных элементов². Но за немногими исключениями сумма требований, которые здесь перечислены, относится вообще к любому нарративному источнику. То есть, иначе говоря, здесь есть специфика дипломатических донесений, но далеко не полная. Вот относительно этого я и хотела бы поговорить, ибо, как Вы уже слышали, это занимает в работе большое место.

Конечно, политические донесения печатались издавна, еще в XVI в., между прочим, крайне субъективно, т. е. издатели выкидывали из документов целые куски, которые были в обстановке того времени неприемлемы для места напечатания данной публикации. Вот как нужно говорить: даже не страны, а места публикации. Но по-настоящему ввел их как целый комплекс и разрабатывал их как целый комплекс, т. е. с учетом всего наличия донесений, только Ранке³. И поскольку он это делал систематически и очень полно, то многие разделы его больших трудов представляют собой своеобразный монтаж этих донесений в виде цитат или в виде изложения, но после предварительного сопоставления⁴. Можно сказать, что после опыта, для того времени удачного, потому что он ввел в систему обращение к такого рода источникам и обязательно при этом по рукописям (что тоже и сейчас необходимо делать), к этим источникам было привлечено всеобщее внимание, повысился интерес и выросла убежденность в том, что они хороши, т. е. что они достоверны. Ибо только по своей, так сказать, априорной сути они должны были давать наиболее точные сведения: в самом деле, дипломат на то и поставлен в ту или иную страну, чтобы писать о ней возможно полнее, возможно объективнее, ибо это нужно центральному правительству, а не ему самому, ибо не он ведет эту политику — оно ведет через инструкции своему послу. Кстати, о русских материалах здесь как-то очень неявно сказано, о русских материалах в смысле именно инструкций и всевозможных писем, отправляемых из русского Министерства иностранных дел в Бразилию.

Но по некоторому истечению времени выяснилось, что источник это очень каверзный, т. е. что априорное суждение о его достоверности должно быть отброшено, что такого рода донесения должны быть проверены и перепроверены самым тщательнейшим образом. И была выработана не то что методика, но практика этой проверки: во-первых, та, о которой говорил Александр Александрович [Фурсенко]⁵, но еще больше — определение источника информации, ибо вот то самое сопоставление разных донесений из разных стран, равно как и обоюдная переписка со страной, посылающей резидента, выяснило следующее.

Во-первых, дипломатам, как правило, в официальных кругах давалась стипендированная информация, т. е. их так или иначе дезинформировали. В какой мере они верили этой информации, в какой мере они ее переделывали на свой лад — у каждого была своя группа, выражаясь вульгарно, шпионов в самых высокопоставленных местах, которые давали им другие возможности осведомиться о происходящем, в особенности, когда это касалось политической истории. И вот в этих случаях проверка официальной и неофициальной информации представляет колоссальный интерес, потому что, как правило, она показывает величайшее расхождение.

Я могу привести из собственного опыта такие данные по Франции XVII в., когда ко всем французским резидентам в Европе и на Ближнем Востоке посылались две группы информации: одна для официального и официального использования, а другая — для секретного. И резиденту посылались тоже своеобразная двойная информация. Дело дошло до того, что в XVIII в. Людовик XV вообще завел себе свой собственный кабинет информации, и с величайшими трудностями в смысле доставки секретной корреспонденции он снабжал всех французских послов очень часто противоречивыми указаниями по сравнению с той, которая шла, как говорится, открытым текстом, хотя и при помощи дискурсов.

Таким образом, предварительная оценка документов, которые имеются

в сугубо источниковедческой диссертации Б. Н. Комиссарова, которая, совершенно несомненно, представляет огромный интерес и великолепный подарок прежде всего бразильским историкам, — в этом смысле требует более осторожных формулировок. Ни о чем другом я и не забочусь, как о большей осторожности. Потому что некоторые Ваши формулировки на этой стадии работы, которые Вы сегодня на защите очень хорошо определили в своих рамках, отвергнув от себя все выходы в чисто историческую сферу исследования, нуждаются в осторожности. Вот, например, термин «уникальный» — он встречается у Вас очень часто. Для Вашей эпохи уникальным источником — это Вам хорошо известно, но, простите, приходится сказать — является тот, который содержит сведения, отсутствующие абсолютно во всех источниках. Но как только выявляется источник, который эти сведения тоже содержит, — а этого никак нельзя сказать про Ваш материал, поскольку Вы правильно на этом этапе отвели от себя исследования зарубежных архивов (французских, английских, испанских, португальских и т. д.), — он теряет уникальность. Это не значит, что он теряет свою ценность, но он теряет свою уникальность.

Вот поэтому мне тоже хотелось быть в твердой надежде, что Ваша работа будет напечатана, и не менее твердой надежде, что Ваша работа будет Вами же продолжена в историческом плане, — еще раз проверить эти слова, эти термины, и очень точно с ними обращаться, т. е. применять их только к такому материалу, относительно которого Вы абсолютно убеждены, что его нигде нет и быть не может. Иначе это введет в затруднение и в недоумение последующих исследователей, и они будут вправе предъявить Вам какие-то претензии.

Поэтому к вообще всему разделу «Дипломатические донесения»⁶ хотелось бы видеть какую-то большую теоретическую вводную часть или, может быть, написать специальную статью на эту тему, в которой был бы поставлен вопрос вот в таком плане, как мне представляется наиболее целесообразным на данном этапе.

Но в целом даже автореферат я прочитала с огромным интересом, потому что создание таких комплексов представляет собой, действительно, итог колоссального труда.

И еще последнее замечание. Как политические, дипломатические донесения, так и отчеты о плаваниях и т. д. (там где они касаются страны в целом), проверяются не в той стране, откуда вышли эти авторы, — они проверяются в стране их пребывания. Сказания иностранцев о России, записки всевозможных точных и неточных путешественников по России в XIX в. проверяем мы, историки России. И нельзя думать, чтобы в той стране, откуда вышли эти путешественники или эти иностранцы, могла бы быть возможна такая проверка. Поэтому я и говорю, что это прекрасный подарок бразильским историкам. Но это для них же и известного рода вызов — то, что называется очень хорошо термином *défi* — вызов, вот так, как вызывали рыцарей на поединок, а теперь применяется очень часто ко многим отраслям. Что они скажут по этому поводу? Вероятнее всего, они-то и окажутся теми, кто сможет взвесить всю ценность и достоверность этих сведений с максимальной точностью, как делаем это мы по отношению к иностранцам или иностранным путешественникам [по России], независимо, кто это — англичанин, француз, немец и т. д. Поэтому если бы такой отклик уже был (я думаю, что его еще быть не может, потому что опубликовано все это частями и со всем недавно), он-то и будет лучшей похвалой данной диссертации, и мне хочется уже заранее поздравить Вас с тем, что если не все, то многое окажется очень хорошим⁷.

КОММЕНТАРИИ

¹ Официальными оппонентами по диссертации Б. Н. Комиссарова выступили доктор ист. наук Н. Н. Болховити-

нов (ИВИ), Б. И. Коваль (ИМРД), А. А. Фурсенко (ЛОИИ).

² «В советском источниковедении разработана методика исследования донесений дипломатов (И. Я. Биск,

Р. С. Мнухина, И. А. Федосов и другие), однако диссертант пришел к выводу, что она имеет ряд существенных недостатков. Прежде всего в ней не отделены друг от друга элементы, характеризующие внутренние и внешние условия отображения дипломатами окружающей действительности. Во-вторых, не указывается, изучение каких (внутренних или внешних) условий отображения имеет определяющее значение при исследовании донесений. В-третьих, элементы, характеризующие условия отображения, предлагаются изучать без какой-либо связи друг с другом; приводится лишь простое их перечисление. Наконец, перечень этих элементов неполон. Например, изучая внешние условия отображения действительности дипломатом, важно знать общую международную обстановку, в которой он действовал, отношения между страной дипломата и страной его пребывания, учитывать, какие конкретные цели преследовала миссия дипломата, и т. д.» (*Комиссаров Б. Н.* Русские источники по истории Бразилии первой трети XIX века: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1979, с. 22.).

³ Ранке Леопольд фон (1795—1886), немецкий историк.

⁴ См., например: *Ranke von L.* Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Berlin, 1839—1847. Bd. 1—6; *Idem.* Französische Geschichte. Vornehmlich in XVI und XVII Jahrhundert. Stuttgart; Tübingen, 1852—1856. Bd. 1—4.

⁵ В своем выступлении А. А. Фурсенко говорил о целесообразности сопоставления донесений российских дипломатов, используемых в диссертации Б. Н. Комиссарова, с донесениями дипломатов других стран (Англии, Франции, Австрии, Испании и США),

которые «могли бы стать полезным материалом для проверки достоверности и степени осведомленности русских представителей... что в конечном итоге позволило бы более точно оценить значение и характер рассматриваемых в диссертации источников русского происхождения. Иными словами, дипломатические документы стран, связанных с Бразилией, в отличие от России, системой экономических, политических и династических отношений, могла бы выполнить своего рода контрольную функцию в отношении источников российских» (*Фурсенко А. А.* Отзыв о диссертации Б. Н. Комиссарова, с. 9).

⁶ *Комиссаров Б. Н.* Указ. соч., гл. 2. Материалы российских дипломатов и консулов, с. 21—27.

⁷ В 1981 г. в Бразилии вышел перевод книги «Материалы экспедиции Г. И. Лангсдорфа в Бразилию в 1821—1829 гг.: Научное описание» (Л., 1973 г.), в предисловии к которой бразильский историк Роберту Сабаду Клаудиу Мореира пишет: «Один просмотр каталога подтверждает важность материала как для истории Бразилии, так и для столь разных областей, как экономика, социология, политика, этнография, география, лингвистика, эстетика, а также ботаника, зоология, минералогия, астрономия и других» (A expedição científica de G. I. Langsdorff ao Brasil 1821—1829. Catalogo completo do material existente nos arquivos da União Soviética. Edição organizada, por D. E. Bertels B. N. Komissarov, T. I. Licenko. Ministério da Educação e Cultura. Secretaria do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional. Fundação Nacional Pro — Memoria. Brasília, 1981, p. 13).

IV. ХРОНИКА

М. П. Мироненко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1982 Г.

7 апреля состоялось совместное заседание с сектором истории Византии ИВИ, посвященное памяти известного советского искусствоведа и историка культуры Веры Дмитриевны Лихачевой (4 августа 1937 — 11 сентября 1981) ¹. Заседание открыла чл.-корр. АН СССР *З. В. Удальцова* (ИВИ). Она сказала, что советская наука понесла большую потерю. Длительные научные контакты с Верой Дмитриевной, совместные поездки на международные конгрессы позволили близко узнать ее не только как блестящего ученого, но и как обаятельного, интересного человека.

В докладе «Византийское искусство в трудах В. Д. Лихачевой» выступил *Г. К. Вагнер* (Институт археологии АН СССР). Он подробно осветил жизненный и исследовательский путь В. Д. Лихачевой, показав значение ее работ для истории европейского искусства. Особо он отметил комплексность подхода В. Д. Лихачевой к византийскому искусству, кодикологический метод изучения миниатюр и ее указание на ведущее значение стиля в соотношении его с каноном византийского искусства. Соединение этих трех аспектов дало возможность понять и показать развитие византийского искусства во всем богатстве его исторических связей и творческих импульсов.

Докладчик подчеркнул, что развитие византийского искусства рассматривается во всех работах В. Д. Лихачевой в тесном взаимодействии с искусством соседних стран, причем искусство стран «византийского влияния» (Балкан, Руси, Грузии, Армении, романского мира Западной Европы) нисколько не теряет своей самобытности. Глубокое раскрытие В. Д. Лихачевой природы византийского искусства внесло много ценного в изучение древнерусского искусства. Многие положения работ В. Д. Лихачевой являются вкладом в теорию искусствоведческой медиэвистики.

И. Н. Лебедева (БАН) осветила вклад В. Д. Лихачевой в изучение рукописной книги ². О преподавательском таланте В. Д. Лихачевой говорили *Н. Ф. Высоцкая* (Государственный художественный

музей БССР) и *И. П. Болотцева* (Ярославский художественный музей). Прочитанные Верой Дмитриевной в Академии художеств курсы «Западноевропейское средневековое искусство» и «Искусство Византии», семинар «Византийская и западноевропейская иконография» стали событием для ее учеников. Им впервые открылась красота старой византийской книги, сокровища БАН, ГПБ и других хранилищ. Особую роль играла Вера Дмитриевна в жизни своих учеников. Ее отличала заинтересованность в их судьбе, поддержка их первых шагов в науке и постоянное внимание к их последующей работе.

Б. Л. Фонкич (ИВИ) отметил, что подавляющее большинство работ В. Д. Лихачевой, посвященных греческим, славянским, и русским рукописям, являются этапными в истории науки. Они станут надежной основой для будущих исследований такого рода. *Б. Л. Фонкич* продемонстрировал присутствующим сделанные В. Д. Лихачевой цветные слайды различных рукописей и ее фотографии.

С теплыми воспоминаниями о Vere Дмитриевне выступили *О. И. Подобедова* (ВНИИИ) и *Е. Л. Привалова* (Институт истории грузинского искусства АН ГССР). *С. С. Аверинцев* (ИМЛИ) посвятил памяти Веры Дмитриевны чтение стихотворного перевода «Песни жемчужине» из Деяния апостола Фомы (сирийского извода).

С. О. Шмидт (Археографическая комиссия АН СССР) подчеркнул, что настоящее заседание не случайно проводится совместно сектором истории Византии и Археографической комиссией. Вера Дмитриевна была одновременно и искусствоведом, и кодикологом, и одним из самых крупных знатоков истории культуры. Ее научная мысль была очень современной, во многих вопросах она была вперёдсмотрящей. Хотя значение того, что сделано В. Д. Лихачевой, еще не полностью осмыслено, можно с уверенностью сказать, что ее труды не только войдут в историю науки, но послужат стимулом дальнейшего развития намеченных ею направлений.

С. О. Шмидт отметил присущее Vere Дмитриевне стремление сочетать исследовательскую работу с пропагандой знаний, популяризацией новых достижений науки. Ее последняя, изданная посмертно

¹ О В. Д. Лихачевой см.: Вера Дмитриевна Лихачева (1937—1982). — ВВ, М., 1982, т. 43, (со списком трудов).

² См. наст. изд.

но книга «Искусство Византии IV—XV вв.» (Л., 1981) сделала доступным и для широкой общественности такое сложное явление, как византийское искусство. В. Д. Лихачева вошла в историю советской культуры не просто как ее видный деятель, но и как уникальная, высококультурная личность. Широкая эрудиция сочеталась в ней с редкими человеческими качествами. Для тех, кто ее знал, навсегда будут памятны ее ум, обаяние, жизнелюбие, широта души.

13 апреля был заслушан совместный доклад А. А. Турилова (Археографическая комиссия АН СССР) и А. В. Чернецова (Институт археологии АН СССР) «Отреченная книга «Рафли» и ее составитель — книжник XVI в. Иван Рыков». Книга «Рафли» до последнего времени была известна лишь по индексам отреченных книг XVI—XVII вв., и в науке отсутствовала единая точка зрения о том, что она из себя представляет. Авторами доклада был открыт и исследован список памятника в рукописи конца XVII — начала XVIII в., хранящийся в ОР ГБЛ, в коллекции В. А. Десницкого. Памятник состоит из большого числа вопросов и ответов на них, содержащих ценный материал для истории быта и культуры XVI в. Перевод книги, вероятно, был осуществлен во второй половине XV в. в западной Руси (о чем свидетельствуют многочисленные полонимы текста). Во второй половине XVI в. (очевидно, после Стоглавого собора 1551 г., осудившего «Рафли») сочинение было значительно отредактировано с целью замаскировать его отреченный характер. Составителем этой редакции, как явствует из первой части книги, был пскович Иван Рыков, известный по другим рукописям как автор математических и календарных сочинений. Судя по некоторым сведениям, вокруг Ивана Рыкова группировался кружок любителей гадательной литературы, в число которых входил «царев книжничий» кнр Софроний.

4 мая состоялось заседание Археографической комиссии, на котором выступил профессор В. Федер (Неймегенский университет, Нидерланды) с докладом «Изучение русских и славянских рукописей в Нидерландах». Он остановился на истории зарождения этого научного направления. Воспитателями современного поколения нидерландских славистов были историк Б. Бекер и славист К. Эбелинг. В настоящее время вопросами рукописной письменности занимаются А. Фан Ден Баар (дипломатика, палеография, хронология), Ф. Кортландт (акцентология), В. Федер (кодология и текстология).

Нидерландские палеослависты работают в тесном контакте с зарубежными коллегами, в первую очередь из Бельгии, Болгарии и Италии. С 1978 г. М. Капальдо (Италия) и В. Федер издают в г. Неймегене информационный бюллетень по вопросам славянской кодологии, текстологии и истории литературы «Полата књигописна», шесть выпусков которой уже вышло в свет. «Полата књигописна» публикует ма-

териалы о выявлении славянских рукописей в неславянских странах и библиографические сведения об их использовании в научной литературе, информирует о текущей работе исследователей, о состоявшихся заседаниях, симпозиумах, коллоквиумах.

В. Федер рассказал также о заключенном в 1981 г. между тремя бельгийскими и тремя нидерландскими университетами договоре о сотрудничестве по выявлению, описанию с помощью ЭВМ и изданию рукописных и старопечатных книг, хранящихся в Бельгии, Нидерландах и других неславянских странах Европы. В 1982 г. в «Соглашение о культурном и научном сотрудничестве между Народной Республикой Болгарией и Королевством Нидерландов» будет включен параграф о совместном изучении и издании памятников древнеболгарской письменности.

Нидерландские палеослависты, сказал далее В. Федер, очень заинтересованы в расширении контактов с советскими коллегами. Он предложил несколько направлений научного сотрудничества: описание рукописных и старопечатных книг с помощью ЭВМ, факсимильное издание памятников письменности, составление библиографической информации об использованных рукописях, отчетов о состоявшихся рабочих заседаниях и т. п. От имени нидерландских ученых В. Федер пригласил советских коллег участвовать в серии факсимильных изданий «Early Slavic Textes» и в бюллетене «Полата књигописна».

Выступившая в прениях О. А. Князевская (Археографическая комиссия АН СССР) отметила большой интерес сообщенных сведений о работе нидерландских палеославистов. Она предложила шире использовать книгообмен для получения нашими библиотеками и научными учреждениями «Полаты књигописной» и других изданий. И. В. Левочкин (ГИМ) приветствовал совместное издание итальянских и нидерландских славистов и выразил надежду, что его тираж (350 экз.) будет увеличен. Он также высказал пожелание, чтобы в «Полате књигописной» нашла отражение информация о работе советских археографов. В заключение С. О. Шмидт поблагодарил В. Федер, являющегося инициатором издания «Полаты књигописной». Поскольку это издание необходимо всем славистам, он высказал предложение о переиздании его вышедших выпусков. По его мнению, в информацию «Полаты књигописной» важно включать сведения о готовящихся и защищенных диссертациях по палеославистике.

11 мая на заседании Бюро Отделения истории АН СССР был заслушан доклад председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта о подготовке Сводного каталога Славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР³. Бюро Отде-

³ О подготовке Сводного каталога см.: Францен О. Компас для «машины времени». — Правда, 1982, 11 февр.; Принято впервые: (Интервью Ю. Ан-

ления истории АН СССР постановило: одобрить деятельность Археографической комиссии АН СССР по подготовке совместно с другими научными учреждениями и хранилищами, Сводного каталога Славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР; считать подготовку очередных выпусков Каталога одной из основных задач Археографической комиссии. Был утвержден состав редакционной коллегии — С. О. Шмидт (главный редактор), Л. П. Жуковская (зам. главного редактора), Н. Н. Покровский (зам. главного редактора), М. И. Автократова, Г. П. Епин, О. А. Князевская, М. В. Кукушкина, И. В. Левочкин, академик Д. С. Лихачев, А. И. Рогов, Н. Б. Тихомиров, А. А. Турилов (секретарь), Н. Б. Шеламанова, чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин. Бюро Отделения истории АН СССР постановило просить хранилища рукописей системы Академии наук СССР, Главархив СССР и Министерство культуры СССР оказывать содействие в работе по подготовке выпусков Сводного каталога.

26 мая состоялось совместное заседание с группой по подготовке истории крестьянства ИВИ, посвященное 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Александры Дмитриевны Люблинской (14 мая 1902 — 22 января 1980)⁴.

Заседание открыл С. О. Шмидт, отметивший, что А. Д. Люблинская была одним из самых крупных советских ученых-медиевистов, продолжателем традиций Д. М. Петрушевского, Е. А. Косминского, С. Д. Сказкина. Круг ее научных интересов был необыкновенно широк. Признанный лидер нашей науки в обла-

сти изучения средневековой Франции, А. Д. Люблинская в то же время — автор учебников по источниковедению и по латинской палеографии, создатель научной школы в области латинской кодикологии. А. Д. Люблинская придавала важнейшее значение методике исторического исследования, источниковедческой работе с документами, изучению междисциплинарных научных связей. Подготовленные ею описания и публикации рукописей демонстрируют высокий уровень советской археографии. Вслед за О. А. Доблаш-Рождественской она показала, какие большие богатства средневековых латиноязычных памятников находятся в хранилищах нашей страны, и способствовала их популяризации. А. Д. Люблинская была и превосходным организатором науки, и приятно сознавать, что некоторые ее начинания были осуществлены совместно с Археографической комиссией, членом которой она состояла.

Мы еще не вполне представляем себе, сказал С. О. Шмидт, какой большой общественно-научный вклад внесла А. Д. Люблинская в представление о советской науке среди зарубежных ученых. Ее труды переведены на иностранные языки и широко известны во всем мире. А. Д. Люблинская представляла нашу страну в международных научных организациях. С. О. Шмидт отметил также педагогическую направленность деятельности А. Д. Люблинской, ее стремление к популяризации научных знаний. Жизнь А. Д. Люблинской была отдана науке, она работала буквально до последнего часа своей жизни.

Чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова была связана с А. Д. Люблинской дружескими отношениями в течение многих лет. В А. Д. Люблинской поражали ее энциклопедическая образованность, преданность науке, ее редкое жизнелюбие. Главной чертой ее как ученого было сочетание умения обобщать, синтезировать, создавать концепцию с блестящим знанием источников, особенно рукописей, и их глубоким анализом.

С докладом «А. Д. Люблинская — историк-медиевист» выступил Ю. Л. Бессмертный (ИВИ). Он основал свой рассказ о становлении А. Д. Люблинской как ученого на воспоминаниях самой Александры Дмитриевны, записанных им с ее слов. Уже в годы обучения в Петроградском университете сложились научные интересы А. Д. Люблинской, а работа в ГПБ, и в частности, деятельность в Комиссии по подготовке к передаче в Польшу рукописей польского происхождения (1922), привили ей любовь к документам и рукописям. Характерно, что выбор темы кандидатской диссертации А. Д. Люблинской был сделан ею «от источников»: работа была построена на изучении документов хранившейся в рукописном отделе ГПБ коллекции П. П. Дубровского. Диссертация на тему «Гражданская смута во Франции после смерти Генриха IV» была защищена ею в 1940 г., и оппонентами выступили Е. В. Тарле и О. Л. Вайнштейн. В этой работе сочеталось несколь-

дреотти с С. О. Шмидтом). — Памятники Отечества, М., 1982, № 2(4).

⁴ О А. Д. Люблинской см.: Труды докт. ист. наук, проф. А. Д. Люблинской. — СВ, М., 1972, вып. 35; Романова В. Л. А. Д. Люблинская — архивист и палеограф: (К 70-летию со дня рождения). — АЕ за 1972 год. М., 1974; Бернадская Е. В., Гранстрем Е. Э. Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980). — АЕ за 1980 год. М., 1981; Малов В. Александра Дмитриевна Люблинская (1902—1980). — Французский ежегодник, 1978, М., 1980; Памяти Александры Дмитриевны Люблинской (1902—1980). — СВ, М., 1980, вып. 43; Александра Дмитриевна Люблинская. — ВИ, 1980, № 4; Шаркова И. С. А. Д. Люблинская и вспомогательные исторические дисциплины. — ВИД, Л., 1981, сб. 12; Последнее выступление А. Д. Люблинской / Подгот. И. С. Шаркова — Наст. изд.; *Prestwich M. Professor Alexandra Lublinskaia.* — St. Hilda's College. Report, 1979—1980; *Gieysztor A. Aleksandra Dmitriewna Lublinska (14.V.1902—22.1.1980).* — *Kwartalnik Historyczny*, 1981, N 2; *Kisseleva L.* In memoriam Alexandra Lublinskaia. — *Scriptorium*. T. XXXV, 1, 1981; *Lossky A. A. D. Lublinskaia.* *Nouvelles de la République des Lettres*, 1981, 11.

ко исследовательских ракурсов: историко-ведческий, палеографический, событийный, социально-экономический. В 1951 г. А. Д. Люблинская защитила докторскую диссертацию «Социально-экономические отношения и политическая борьба во Франции 1610—1620 гг». Основной заслугой А. Д. Люблинской явилось объяснение генезиса и развития французского абсолютизма. Исследовав социально-экономические предпосылки возникновения «нового дворянства», его воздействие на абсолютизм, она впервые выдвинула трактовку его как нового феодального класса. Она отвергла концепцию об общем кризисе капитализма во Франции в XVII в. и определила этот период как мануфактурный этап развития капитализма.

А. Д. Люблинская была ответственным редактором и одним из авторов третьего тома подготовленной к печати коллективной работы «История крестьянства в Европе». Эту работу, как и многие другие ее труды, отличает широта концепции, высокий уровень обобщения и в то же время стремление избегать абсолютизации какой-либо одной черты.

Язык А. Д. Люблинской всегда был ясен, прост, свободен от претенциозности. Александра Дмитриевна была в высшей степени человеком здравого смысла. Тем охотней и шире она использовала документы, характеризующие здоровый смысл французских крестьян. Талант личностного общения, присущий ей, был необыкновенно велик. Она охотно делилась своими знаниями с начинающими медиэвистами, сердечно относилась к молодым исследователям. Окружавших поражала ее как творческая, так и жизненная неутомимость, незаурядность ее личности.

Выступление *В. Н. Малова* (ИВИ) было посвящено последней монографии А. Д. Люблинской «Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг.» (Л., 1982). Эта книга представляет собой третью часть трилогии А. Д. Люблинской о Ришелье («Франция в начале XVII в., 1610—1620 гг.», Л., 1959; «Французский абсолютизм в первой трети XVII в.», Л., 1965). Темой последней монографии выбраны кардинальные проблемы истории Франции XVII в. Книга отличается большой стройностью и цельностью. Она основана на таких надежных источниках, как сводка французских бюджетов за XVII в., составленная в XVIII в. Милле. Их дополняют комментированные таблицы доходов и расходов. Большую ценность представляют публикации документов, сделанные в книге.

Доклад «А. Д. Люблинская — палеограф и архивист» был сделан *В. Л. Романовой* (ИВИ). Она отметила, что половина всех трудов А. Д. Люблинской посвящена архивоведческим проблемам и палеографии. Такой интерес ее к этим вопросам объясняется прежде всего влиянием ее учителя, а впоследствии коллеги О. А. Добиаш-Рожественской, перед которой Александра Дмитриевна преклонялась всю жизнь. Этот интерес был воспитан долгими годами работы в ГПБ, и в част-

ности в рукописном отделе, где она проработала с 1934 по 1949 г. В те времена рукописные сокровища были еще мало изучены и описаны. А. Д. Люблинская принимала активное участие в работах по их описанию, составлению каталогов, изданию переводов. Особый ее интерес вызывал находившийся в ГПБ архив Бастилии, в то время почти неизвестный исследователям. А. Д. Люблинской был проделан громадный труд, чтобы реконструировать дела заключенных Бастилии. Результатом многолетней работы явилось издание аннотированного каталога «Документы из Бастильского архива» (Л., 1960), представляющего собой образец сочетания архивоведческой практики с блестящим научным исследованием. А. Д. Люблинская уделяла много внимания популяризации рукописных сокровищ наших хранилищ. Ей принадлежит немало обзоров и описаний рукописных фондов ГПБ. После ее ухода из ГПБ работу продолжили ее ученики.

С 1959 г. А. Д. Люблинская — член Археологической комиссии. Она приняла активное участие в составлении Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР, возглавив секцию рукописей на языках латинского алфавита.

Настоящим научным подвигом является издание ею документов из коллекции первого президента Парижского парламента Г. Ламуаньола. Уникальное собрание рукописей, включающее 66 томов писем французских дипломатов, военачальников, итальянских правителей к Генриху II и герцогу Монморанси, находившееся в ЦГАДА, на долгие годы вышло из поля зрения ученых. Издание А. Д. Люблинской «Документы по истории внешней политики Франции. 1547—1548 гг.» (М., 1963) открыло эти документы для широкого круга исследователей. Высокой ценностью это издание обязано последовательно осуществленным научным принципам подготовки.

Большое место в трудах А. Д. Люблинской занимали палеографические исследования. Интерес к палеографии был закономерен для Александры Дмитриевны, его отличало сочетание теоретических и практических начал. Она не ограничивала задачи палеографии вспомогательными функциями и даже выступила против приложения к палеографии термина «вспомогательная», предлагая называть ее специальной или даже основной дисциплиной. А. Д. Люблинской принадлежит заслуга создания первого в мировой научной литературе учебного пособия «Латинская палеография» (М., 1969). Высокие научные достоинства этого учебника были не раз отмечены в нашей стране и за рубежом. И в области палеографии круг интересов А. Д. Люблинской был очень широк, она занималась латинской, русской, армянской палеографией. Под ее редакцией вышел сборник «Проблемы палеографии и кодикологии в СССР» (Л., 1974). А. Д. Люблинская была большим пропагандистом успехов советской палеографической школы за рубежом. Она поддерживала контакты с ведущими палеографами мира, была чле-

ном Международного палеографического комитета. В заключение В. Л. Романова отметила большую заслугу А. Д. Люблинковой в деле подготовки кадров археографов. Под ее руководством защищены шесть чисто палеографических диссертаций, диссертации других ее учеников также основаны на тщательной работе с документами. А. Д. Люблинская оставила после себя большую школу учеников и продолжателей.

Доклад *Л. И. Киселевой* (БАН) «Из архива А. Д. Люблинской» был посвящен обзору архива ученого. После смерти А. Д. Люблинковой ее архив поступил в ЛОИИ. Материалы (1910—1970-е годы) всесторонне отражают жизнь и деятельность А. Д. Люблинковой. Самые ранние документы относятся к годам учения в Демидовской гимназии и в Петроградском университете. Поскольку основные труды А. Д. Люблинковой были напечатаны, в архиве отложились главным образом материалы, связанные с защитой ею диссертаций, и подготовительные материалы к ее монографиям, к главам по истории Франции для учебника «Средние века» (1966) и для «Очерков истории Франции» (1957) и др. В архиве также находится значительный материал, отражающий ее малоизвестную работу в редакции Большой Советской энциклопедии, где она просматривала статьи по истории Западной Европы и давала на них письменные отзывы. Материалы архива дают также представление об активном участии А. Д. Люблинковой в работе Археографической комиссии. Среди материалов по палеографии — документы, из которых становится очевидной роль А. Д. Люблинковой в развитии этой дисциплины в Советском Союзе.

Особую ценность представляет часть архива, включающая материалы научно-педагогической деятельности: конспекты лекций, темы курсовых, дипломных и кандидатских работ ее учеников. Личная переписка включает около 3 тыс. писем от родных, близких, друзей, учеников. Эта часть архива будет открыта в 1995 г. В архиве находится 1500 писем от иностранных корреспондентов. Среди них историки, экономисты, социологи, палеографы, искусствоведы из многих стран. Наиболее оживленной была переписка с английским историком Р. Пирсом, переводчиком книг А. Д. Люблинковой на английский язык.

Архив, материалы которого охватывают семь десятилетий, не только является ценным источником для изучения творческой деятельности одного из крупнейших советских медиевистов. Он позволяет проследить путь становления ученого нашей эпохи, отражает чуткость А. Д. Люблинковой к новым веяниям мировой науки. Архив рисует яркий и обаятельный образ крупного исследователя и человека, щедро делящегося своими знаниями.

Е. В. Гутнова (МГУ) поделилась своими воспоминаниями о встречах с А. Д. Люблинковой, научном общении и переписке с пей. *Л. А. Котельникова* (ИВИ) рассказала о работе А. Д. Люблинковой

в редколлегии сборника «Средние века» и зачитала отрывки из ее писем, характеризующие ее редакторскую деятельность, отношение к людям. *И. С. Филиппов* (МГУ) и *Л. А. Котлярская* (КГУ) говорили о необыкновенных человеческих качествах Александры Дмитриевны, о том обаянии и силе ее личности, под которое неизменно попадали люди, даже далекие от науки. Закljučая заседание, С. О. Шмидт сказал, что наш долг — сделать достоянием гласности творческое наследие, оставленное А. Д. Люблинковой⁵.

В Археографической комиссии состоялись также заседания, на которых научные сотрудники комиссии отчитывались о ходе своих плановых работ и о научных командировках. Были заслушаны отчеты *В. Ю. Афиани* и *М. П. Мироненко* о подготовке Каталога личных архивных фондов отечественных историков, *А. А. Турилова* о работе над «Предварительным списком славяно-русских рукописных книг XV в.» для каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, *Н. Б. Шеламановой* — о научных принципах подготовки Сводного каталога, *С. С. Баранцевой* — о подготовке очередного выпуска библиографического указателя «Публикации и описания документальных памятников истории и культуры; труды по археографии и смежным научным дисциплинам».

19 октября на заседании Археографической комиссии было заслушано сообщение *А. А. Севастьяновой* (ЯГУ) «О полевых археографических исследованиях в Ярославской области в 1981—1982 гг.» Особенности организации археографической группы в Ярославле вытекали из давних культурно-исторических традиций города и края, сложившихся на основе древней ростово-ярославской книжности с ее известными литературными памятниками. Археографическая группа объединила усилия нескольких научных центров: ЯГУ, ЯГМЗ, ГАЯО, Ярославской областной библиотеки. Ныне этот коллектив является также секцией по охране документальных памятников областного отделения ВООПИК.

Группа ставит своей задачей планомерное обследование всех районов области с целью изучения книжно-рукописных традиций на материале как вновь обнаруженных памятников, так и тех памятников и коллекций, которые отложились уже в хранилищах центра и области. За два сезона полевых исследований было обнаружено и спасено более 100 единиц хранения. Из них 20 — рукописные, 64 — старопечатные книги XVII—XVIII вв., остальные — материалы гражданской печати нового и новейшего времени, представляющие научный интерес. В ходе полевых работ обнаружены следы бытовавших когда-то на территории области старообрядческих толков. В результате установления контакта с несколькими представителями уходящего поколения ярославских старообрядцев

⁵ Информацию о заседании см.: ВИ, 1982, № 8, с. 162.

получена информация о существовавших здесь книжных мастерских со своими переписчиками и реставраторами древней книги: Научная обработка, первичное изучение и использование найденных материалов ведутся при участии студентов, что способствует их профессиональной подготовке, воспитывает у них интерес к научному поиску. Начата работа по проверке и составлению описаний рукописных и старопечатных фондов в хранилищах Ярославля. В заключение А. А. Севастьянова подчеркнула, что залогом успешной работы ярославской группы является возможность широких научных контактов и связей с археографами-специалистами, а также обмен информацией и опытом с имеющимися археографическими центрами.

В обсуждении сообщения приняли участие В. Б. Кобрин (МГИИ), О. А. Князевская, А. А. Курносов, В. В. Морозов, В. А. Черных, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт (Археографическая комиссия). Они отметили успешное начало деятельности ярославской археографической группы и хорошую организацию ее работы. Очень важно, что группа с первых шагов не ограничивается собирательством, но решает также научные и педагогические задачи, работает не только с древними, но и с современными документами. О. А. Князевская обратила внимание на необходимость научного описания собранных материалов и высказала мнение, что участие студентов в археографической работе должно учитываться при определении учебной нагрузки.

17 ноября состоялось совместное заседание ОР ГИМ и Археографической комиссии, на котором был заслушан доклад *И. В. Левочкина* (ГИМ) «Неопубликованные описания рукописей ГИМ».

Описание рукописей издавна было доброй традицией ОР ГИМ. Эту традицию основали и поддерживали И. Е. Забелин, М. Н. Сперанский, В. Н. Щепкин, В. Ф. Ржигя, М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева и др. В настоящее время описание рукописей является одной из важнейших функций отдела. В ОР ГИМ хранится значительное количество неопубликованных описаний рукописей, выполненных в разное время различными авторами. И. В. Левочкин отметил безусловную ценность этих описаний, принадлежащих крупнейшим ученым и содержащих важную научную информацию. Он разделил эти описания на три группы: 1) описания целых собраний (собрания Е. В. Барсова, выполненное в основном им самим; собрания И. Е. Забелина, выполненное В. Н. Щепкиным, А. И. Станкевичем, М. Н. Сперанским и др.; Музейского собрания, описывавшегося в разное время различными учеными и выполненного не полностью; собрания Никольского единоверческого монастыря, составленное Н. П. Поповым и А. Д. Седельниковым); 2) дополнения к уже известным описаниям (описание собрания А. С. Уварова, выполненное архим. Леонидом (Л. А. Кавелиным) и дополненное М. Н. Сперанским и В. Ф.

Ржигой; описание собрания А. И. Хлудова, сделанное А. Н. Поповым и дополненное М. Н. Сперанским; описание собрания П. И. Щукина, сделанное А. И. Яцимирским и дополненное М. Н. Сперанским и В. Ф. Ржигой); 3) описания сборников (сборники из собрания Н. П. Вострякова, М. И. Соколова, И. Е. Забелина, Епархиального и Синодального собраний, в описании которых участвовали А. Д. Седельников, В. Ф. Ржигя, М. Н. Тихомиров и др.).

Охарактеризовав указанные описания, И. В. Левочкин отметил, что все они хранятся как архивный материал, не имеющих учетно-хранительских номеров. Он предложил следующие пути для того, чтобы сделать их более доступными исследователям: создать самостоятельный научно-вспомогательный фонд описаний; включить эти описания в уже существующий научно-вспомогательный фонд; поместить описания в фонды самих собраний. По мнению И. В. Левочкина, публиковать описания собраний Никольского единоверческого монастыря, Музейского, Е. В. Барсова, сборников целесообразно. Во то же время он подчеркнул важность публикации описания собрания И. Е. Забелина и дополнений к описаниям собраний А. И. Хлудова, А. С. Уварова, П. И. Щукина.

В обсуждении доклада приняли участие Л. П. Жуковская, В. Г. Демьянов, Р. В. Бахтурина (ИРЯ), Л. И. Костихина, Т. В. Дианова (ГИМ), Н. Б. Тихомиров (ГБЛ), О. А. Князевская, Н. Б. Шеламанова, С. О. Шмидт (Археографическая комиссия).

14 декабря состоялось пленарное заседание Археографической комиссии, посвященное 60-летию образования СССР. На нем были заслушаны доклады *Б. В. Левшина* «Архив АН СССР и развитие архивов научных центров в союзных и автономных республиках» и *О. Ф. Козлова* (ВНИИДАД) «Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик»⁶.

Б. В. Левшин в своем докладе осветил историю развития Архива АН СССР и его роль в формировании и совершенствовании архивной службы в национальных и республиканских научных центрах. О. Ф. Козлов проанализировал опыт подготовки сектором археографии ВНИИДАД совместно с рядом архивных учреждений страны обобщающей работы «Археографическая деятельность архивных учреждений союзных республик (1918—1975)» (М., 1979) и сформулировал свои представления о перспективах создания истории советской многонациональной археографии.

Выступившая в прениях *Т. В. Багаева* (УДН) подчеркнула актуальность докладов, сделанных в эти юбилейные дни на пленарном заседании. Она поддержала мнение О. Ф. Козлова о том, что назрело время для создания фундаментальной истории советской археографии. Ценней-

⁶ Тексты докладов легли в основу статей этих авторов, публикуемых в АЕ за 1983 год.

шее исследование С. Н. Валка «Советская археография» вышло в 1948 г. Затем эта работа была продолжена сотрудниками кафедры археологии МГИИИ, подготовившими учебные пособия «История советской археологии» (М., 1966—1967, Вып. 1—6). Однако эти издания не отражают развития археологии в период развитого социализма. Т. В. Батаева отметила, что необходимый опыт в этом направлении уже накоплен и настал момент вплотную подойти к подготовке истории советской археологии на современном научном уровне.

В. А. Черных (Археологическая комиссия) отметил, что дальнейшая разработка истории советской археологии должна производиться совместными усилиями различных научных центров, и высказывался о целесообразности составления совместных научных планов. Он обратил внимание на необходимость изучения всех форм археологической деятельности — как публикаторской работы, так и археологических экспедиций, работы по составлению описаний, каталогов, справочников, путеводителей и пр. *Б. Г. Литвак* (Ин-т истории СССР АН СССР) напомнил о том, что именно в шесть десятилетий, прошедших со времени Великой Октябрьской социалистической революции, сформировалась ар-

хеография национальных республик нашей страны. В досоветский период публикация документов и материалов, освещавших историю российских окраин, осуществлялась археологическими комиссиями, силами русских ученых различного масштаба. Сравнение этих публикаций с современными, осуществляемыми в национальных научных и архивных центрах, показывает, как концепционно изменилась архивно-публикаторская деятельность в республиках. Он отметил также особую роль археологии в становлении историографии в союзных республиках: накопление документальных материалов привело к появлению конкретно-исторических и историографических исследований. В заключение *Б. Г. Литвак* высказал пожелание об издании Архивом АН СССР блокадного дневника бывшего директора Архива Г. А. Князева, получившего большую известность благодаря цитированию в «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина.

С. О. Шмидт отметил, что заседание предопределило важные перспективы совместной научной разработки проблемы развития археологии в союзных республиках за 60 лет. Он предложил провести деловое совещание по этому вопросу в 1983 г.

М. П. Мироненко

НОВЫЕ ЧЛЕНЫ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Постановлением Президиума АН СССР (Секция общественных наук) от 2 сентября 1982 г. докт. ист. наук Дьяков Владимир Анагольевич (ИСБ) и канд. ист. наук Шкурко Александр Иванович (Мин-во культуры РСФСР) утверждены членами Бюро Археологической комиссии АН СССР; член-кор. АН АрмССР

Ареншатын Сен Суренович, академик АН ГрузССР Двидзигури Шота Варламович, член-кор. АН СССР Деревянко Анатолий Пантелеевич, член-кор. АН СССР Поляков Юрий Александрович, Прокопенко Анатолий Стефанович (Главархив СССР) утверждены членами Археологической комиссии.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Вопросы собирания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры.

Редколлегия: *С. О. Шмидт* (отв. редактор), *С. В. Житомирская*, *А. А. Курносов*, *В. В. Морозов*, *Н. Н. Покровский*. (Археологическая комиссия АН СССР; Ин-т истории СССР АН СССР; ВООПИК). М., 1982. Ч. 1. Памятники нового времени и советской эпохи. 186 с. (Ротапринт) / Сост. *С. В. Житомирская*, *А. А. Курносов*. Содержание: *С. О. Шмидт*. От редактора; *А. А. Курносов*. Некоторые проблемы собирания, учета, хранения и использования документальных материалов в общественных музеях; *С. В. Житомирская*. Общественные музеи и архивы «рядовых людей»; *Э. А. Павлюченко*. К вопросу о взаимодействии общественных и государственных музеев; *Н. И. Решетников*. Документальные памятники общественных музеев: (По материалам обследования); *В. В. Морозов*, *Н. И. Решетников*. Методы комплектования школьных музеев документальными памятниками; *Л. Н. Краснопецев*. Собира-

ние и использование документальных памятников по истории Московского станкозавода имени Серго Орджоникидзе; *П. А. Узанд* (Таллин). Методика комплектования и учета материалов в народном музее рыболовецкого колхоза; *П. А. Колесников* (Вологда). Деятельность секции документальных памятников истории и культуры; *В. Н. Морозов*. О путеводителе по документальным коллекциям в государственных музеях Вологодской области; *Н. И. Баладин* (Вологда). Сбор документальных памятников Великой Отечественной войны; *В. Н. Бочков* (Кострома). Выявление документальных памятников о выдающихся уроженцах и деятелях Костромского края; *А. М. Блинов* (Ленинград). Работа Комиссии по документальным памятникам Ленинградского городского отделения ВООПИК; *Н. М. Молева*. Роль письменных источников в определении исторической и культурной ценности памятников городской застройки (В Московском городском отделении ВООПИК); *В. В. Котов* (Пермь). Собираение и использование до-

кументов личного происхождения (В Пермском отделении ВООПИК и архивах); *Н. М. Молева, В. П. Смирнова*. Документальные материалы Московского городского исторического научно-технического архива (МГИНТА) как биографический источник; *П. А. Альтман, М. М. Альтман*. Государственные архивы и школьное краеведение: перспективы сотрудничества; *А. А. Новикова*. Собрание личных архивов деятелей народного хозяйства в ЦГАНХ СССР; *Э. М. Шнейдерман* (Ленинград). Об учете и собирании современных документов личного происхождения в ЛГАЛИ; *В. А. Малыкин*. Деятельность ЦГАОР г. Москвы по собиранию фондов личного происхождения; *Г. Т. Рябков* (Смоленск). Организация массовых источников по истории современной деревни; *Е. Ю. Зубкова*. Анкетирование как метод изучения документальных фондов семей: (Эксперимент студенческого научного кружка МГИАИ); *А. С. Маджаров* (Иркутск). Некоторые вопросы методики полевых археографических исследований Лаборатории истории Сибири Иркутского государственного университета; *А. И. Агафонов* (Ростов н/Д). Сбор и использование документальных памятников на историческом факультете Ростовского государственного университета; *Ю. Н. Жуков*. К вопросу об использовании документальных источников при изучении недвижимых памятников истории и культуры Москвы; *С. В. Филимонов*. Деятельность краеведческих учреждений и организаций Урала по собиранию исторических источников; *В. Ф. Козлов*. О сборнике документов «Охрана памятников старины и искусства в СССР» / Подг. П. П. Смирнов в 1942 г.

То же. М., 1982, Ч. 2. Памятники старинной письменности. 130 с. (Ротапринт) / Ред. Н. Н. Покровский. Сост. В. В. Морозов. Содержание: *Н. Н. Покровский* (Новосибирск). От редактора; *М. В. Кукушкина* (Ленинград), *Н. Ю. Бубнов* (Ленинград). Археографические экспедиции и формирование территориальных собраний в Библиотеке АН СССР (1971—1980 гг.); *Л. А. Дмитриев* (Ленинград). Археографические экспедиции Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР; *И. В. Поздеева*. Археографические задачи полевых исследований (Итоги работы Московского государственного университета); *В. Н. Алексеев*. (Новосибирск). Археографические

экспедиции Сибирского отделения АН СССР и формирование книжных собраний Государственной Публичной научной библиотеки СО АН СССР; *Б. А. Сутырин* (Свердловск). Археографические экспедиции и специализация по полевой археологии в Уральском государственном университете; *Н. И. Барминская* (Пермь), *Т. Ф. Волкова* (Сыктывкар). Археографические экспедиции Пермской государственной Публичной библиотеки им. М. Горького; *В. А. Колбанов* (Владимир). Археографический поиск во Владимирской области; *Л. М. Спирина* (Загорск). Собрание рукописей и старопечатных книг Загорским государственным историко-художественным музеем-заповедником; *А. А. Амосов* (Ленинград). Археографическое обследование Каргополя. Итоги и перспективы; *Л. А. Петрова* (Ленинград). Формирование Неманского собрания Библиотеки АН СССР; *М. С. Богомолова*. История бытования древнерусских роспевов и певческих книг в Ветковско-Стародубских слободах XVII—XX веков; *С. Е. Никитина*. К вопросу описания устной культуры в районах традиционной пародной книжности (в рамках комплексной археографической экспедиции); *Н. П. Парфентьев* (Челябинск). Крюковые рукописи уральских собраний; *Н. А. Мудрова* (Свердловск). Библиотека Строгановых в XVI—XVII вв. и зарождение книжной традиции на Урале; *Р. Г. Пихоя* (Свердловск). Об изучении памятников истории духовной культуры Урала; *А. Х. Горфункель* (Ленинград). Находки археографов и дополнения к Сводному каталогу русской книги XVII в.; *А. А. Амосов* (Ленинград). О каталоге рукописных книг музеев Вологодской области; *В. В. Морозов*. О каталоге старопечатных книг в местных музеях Вологодской области; *В. П. Бударашин*. Организатор Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышев.

Инструкция по составлению описания рукописи (Институт исследования и истории текстов Национального центра научных исследований. Париж, 1977) / Пер. с франц. Л. И. Киселевой / Под ред. проф. А. Д. Люблинской. София, 1982. Перевод инструкции осуществлен по заданию Археографической комиссии АН СССР и размножен на ротапринте Секретариатом СИБАЛ с кратким предисловием председателя комиссии рукописей СИБАЛ С. О. Шмидта.

В ОТДЕЛЕНИЯХ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ¹

Ленинградское

Вышел в свет т. 13 ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» (Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1982. 336 с.). В нем помещены статьи о задачах и ро-

¹ О работе археографических экспедиций, организованных отделениями Археографической комиссии, см. наст. изд.

ли источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в историческом исследовании, о повествовательных и актовых документальных памятниках, материалы по палеографии, текстологии, кодикологии, нумизматике, метрологии, хронологии, топонимике, истории государственных учреждений и другим специальным (вспомогательным) историческим дисциплинам.

31 марта состоялось совместное засе-

данье отделения, сектора истории СССР периода феодализма и сектора изучения и публикации исторических источников ЛОИИ, посвященное источникам по истории крестьянства Северозападного региона периода феодализма в архивах, библиотеках и музеях Ленинграда. Г. А. Победимова (ЛОИИ) рассказала о документах, хранящихся в архиве ЛОИИ. Наиболее крупные фонды, содержащие материалы по истории крестьянства, — фонды Александро-Свирского, Иверского Валдайского и Успенского Тихвинского монастырей, Новгородского Софийского архиерейского дома, Новгородской приказной избы, Олоонецкой и Великолуцкой воеводских изб. В архиве ЛОИИ имеются также микрофильмы писцовых и хозяйственных книг Новгородских пятин, захваченных шведами в начале XVII в. Наиболее ранние документы по истории крестьянства относятся к XV в. Д. И. Раскин (ЦГИА СССР) сделал краткий обзор документов ЦГИА по истории крестьянства и поставил вопрос о целесообразности опубликования экономических примечаний к Атласу генерального межевания по Петербургской губ. С сообщениями о составе материалов соответствующих собраний выступили также А. А. Амосов (БАН), Г. В. Маркелов и М. Г. Лепехин (ИРЛИ), В. И. Афанасьев и Н. А. Дворецкая (ГПБ), О. А. Кондратьева (Музей этнографии народов СССР), В. А. Долотов (Музей почвоведения им. В. В. Докучаева). Председатель Ленинградского отделения Археографической комиссии А. И. Копанев отметил важность заслушанной информации для работы вновь созданного Объединения по изучению истории крестьянства Северо-Запада РСФСР.

23 ноября состоялось пленарное заседание отделения, посвященное итогам археографических экспедиций 1982 г. С сообщениями выступили В. П. Бударгин (ИРЛИ), Г. В. Маркелов (ИРЛИ), И. А. Евсеева (ЛГУ), А. А. Амосов (БАН), Л. А. Петрова (БАН). А. И. Копанев в заключительном слове отметил важность собрания наряду со старинными рукописями и книгами также памятников нового времени — документов периода коллективизации, писем с фронтов Великой Отечественной войны и т. д. Он высоко оценил также работу по научному описанию памятников письменности в музеях Вологодской обл., осуществляемую с участием Археографической комиссии и БАН, и поставил вопрос об организации аналогичной работы в музеях Ленинградской обл.

Северное

Вышло в свет научное описание «Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги». Вологда, 1982. 200 с./ Под ред. П. А. Колесникова. (БАН, Северное отделение Археографической комиссии, ВГПИ, Управление культуры Вологодского облисполкома, Секция документальных памятников ВООПИК) / Сост. А. А. Амосов (отв. составитель),

М. Ю. Алексеева, Б. Н. Морозов, В. В. Морозов, С. А. Морозов, Н. П. Морозова. Описание содержит информацию о 538 рукописных книгах XIV—XX вв., хранящихся в восьми районных краеведческих музеях области. Издана 2-я часть названного описания, посвященная старопечатным книгам; продолжается работа над 3-й и 4-й частями. Готовится к печати книга «Письма с фронта и на фронт Великой Отечественной войны». В ней публикуется двусторонняя переписка фронтовиков с членами их семей, друзьями, трудовыми коллективами.

По инициативе Северного отделения Археографической комиссии и секции документальных памятников ВООПИК Вологодский облисполком принял решение об анкетировании всех сельских населенных пунктов области по широкой программе с целью документирования исторических сведений о них и предоставления планирующим органам материалов для разработки оптимальных планов социального преобразования села в свете решений майского (1982 г.) пленума ЦК КПСС; проведено пробное анкетирование в Тарногском районе Вологодской обл.

В июне проведено X годичное собрание отделения, рассмотревшее дальнейшие планы его работы.

Уральское

По итогам зимнего и летнего экспедиционных сезонов в июле и октябре 1982 г. в Свердловске проведены конференции, на которых обсуждены сообщения руководителей отрядов. Рукописи и книги, полученные в экспедициях, используются для пропаганды отечественной истории и культуры. Периодически организуются выставки новых поступлений; за год в Музее книги УГУ проведено около 100 экскурсий.

В 1982 г. на кафедрах архивоведения и истории СССР досоветского периода УГУ защищены 5 дипломных и 28 курсовых работ с использованием документальных памятников, полученных в ходе археографических экспедиций; на студенческих научных конференциях прочитано 11 докладов по археографической тематике.

Сотрудниками археографической лаборатории УГУ и участниками экспедиций оказывается методическая помощь местным хранилищам по учету и описанию старинных документальных памятников. Составлены охранные описания собраний старопечатных книг и рукописей библиотеки ПГПИ, Исетского районного музея Тюменской области, коллекционера К. А. Гольшева из Курганской области; составлен каталог старопечатных книг и рукописей Челябинской картинной галереи. В комплексную программу «Духовная культура Урала», утвержденную приказом Минвуза РСФСР от 3 мая 1982 г., включена тема «Археографические исследования». Головным исполнителем по теме определена лаборатория археографических исследований УГУ.

Южноуральское

Вышла в свет монография: *Гвоздикова И. М.* Салават Юлаев: Исследование документальных источников. Уфа, 1982. 22 с. (ИИЯЛ БФАН, Южноуральское отделение Археографической комиссии АН СССР).

Опубликована брошюра: *Кузеев Р. Г., Гвоздикова И. М.* О деятельности Южноуральского отделения Археографической комиссии АН СССР за десять лет (1972—1982 гг.): Препринт доклада на заседании Президиума БФАН. Уфа, 1982. 28 с. В докладе отмечено, что Южноуральское отделение стало научно-методическим и координирующим центром археографических исследований в регионе. За 10 лет проведены две археографические конференции (в 1972 г.— в Уфе, в 1975 г.— в Оренбурге), ряд научных чтений и семинаров; совместно с ИИЯЛ БФАН издано пять археографических сборников. Широкий размах приобрела полевая археографическая работа. С 1973 г. проведено 15 экспедиций, собравших более 3 тыс. рукописей и книг на восточных языках, хранящихся ныне в научном архиве ИИЯЛ. Отделение координирует также работу архивных учреждений, краеведческих музеев и музеев, работаю-

щих на общественных началах, республиканского отделения ВООПИК по собиранию и обеспечению сохранности документальных памятников истории нового времени и советского общества — дневников, писем, фотографий.

Сибирское

Вышли из печати сборники научных трудов: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1982. 271 с. Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода: (Археография и источниковедение Сибири) / Отв. ред. Н. Н. Покровский, Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 1982. В сборниках напечатаны материалы «Тихомировских чтений», состоявшихся в Новосибирске в 1980 г., статьи по археографии, обзоры и описания рукописных и книжных собраний, публикации исторических источников XVII—XVIII вв. Сданы в печать 7-й и 8-й сборники «Археография и источниковедение Сибири» (40 авт. л.).

В апреле в Новосибирске проведена традиционная конференция молодых ученых с участием Сибирского и Уральского отделений Археографической комиссии.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1982 ГОДА

I. Полевые исследования кириллической книжной традиции

Древлехранилище имени В. И. Малышева ИРЛИ продолжало полевые исследования в Латв.ССР (руководитель Г. В. Маркелов), Псковской обл. (В. П. Бударгин, А. А. Цеханович), а также совместно с ЛГУ — в Архангельской обл. (И. А. Евсеева). Археографы БАН работали в Вологодской обл. (А. А. Амосов совместно с ВГПИ и ВОКМ) и в Литов.ССР (Л. А. Петрова).

Археографическая группа МГУ осуществляла комплексные экспедиции с участием лингвистов, фольклористов и музыковедов в Пермской обл. и Удмуртской АССР (И. В. Поздеева, Н. А. Кобык), Московской (исторический район «Гуслиц») и Калужской обл. (Е. А. Агеева), Молд.ССР, Киевской, Черниговской и Одесской обл. УССР (Е. Б. Смилянская). С. Е. Никитина (ИЯ) провела запись на магнитофон фольклорных текстов в Тувинской АССР и Черниговской обл. Экспедиция ГБЛ работала в Московской и Рязанской обл. (руководитель Ю. Д. Рыков).

Сибирское отделение Археографической комиссии, объединяющее работу археографов ИИФФ СО АН, НГУ и ГПНТБ СО АН, провело экспедиции в Хабаровском крае и Амурской обл. (Н. Д. Зольникова, С. Л. Мелентьев), Кемеровской обл. (О. Д. Горелкина, К. В. Николашкин), Томской обл. (В. Н. Алексеев, Е. И. Дергачева-Скоп), Восточно-Казахстанской и Талды-Курганской обл.

Казах. ССР (Н. С. Гурьянова, Л. В. Титова).

В экспедициях Уральского отделения Археографической комиссии, организуемых лабораторией археографических исследований УГУ, приняли участие сотрудники Отдела истории Института экономики УНЦ АН и Пермской областной публичной библиотеки. Их работа проходила на территории Свердловской, Пермской, Челябинской, Тюменской, Курганской, Кировской, Саратовской, Куйбышевской обл., Башкирской АССР; Кустанайской и Северо-Казахстанской обл. Казах.ССР (руководители В. И. Байдин, Н. Н. Барминская, В. П. Викторов, Р. Г. Пихоя).

Северное отделение Археографической комиссии провело комплексную археографо-этнографическую экспедицию на территории Вологодской обл. с участием студентов ВГПИ, сотрудников ВОКМ и БАН (руководители Ю. С. Васильев и Н. Н. Малинина). Археографические экспедиции ЯГУ (руководитель А. А. Севастьянова), РГУ (В. В. Матвеев), ГГУ (Т. В. Черторицкая), Государственной библиотеки Латв.ССР им. В. Лациса (А. И. Вилкс) работали в пределах соответствующих республик и областей.

В ходе названных экспедиций, по предварительным данным, получено 630 рукописей (XVI в.— 7, XVII в.— 18) и свыше 300 старопечатных книг кириллической традиции (XVI в.— 5, XVII в.— 124).

Древлехранилище ИРЛИ пополнилось в результате экспедиций 50 рукописями,

в том числе Латгальское собрание — 29 рукописями XVIII—XX вв. Среди них Риторика неизвестного автора и Ответы Стефана Яворского на вопросы митрополита Иова в списке 1749 г., сборник заговоров, полемические старообрядческие сочинения, краткая летопись беспоповцев. Северодвижское собрание увеличилось на 11 рукописей XVIII—XX вв. В их составе вирши Симеона Полоцкого, сочинения Иоанна Златоуста, духовные стихи. Из Псковской обл. получены 10 рукописей. Среди них одна XVII в. — крюковые Праздники с писовой записью «Остафья Гарасимова сына Масленика Большой Конюшенной слободы» и запродажной скрепой 1676 г.; Повесть о мощах великомученицы Варвары; «Каталог свидетельств о соборной церкви, антихристе и последнем времени»; «Сказание о происхождении галстужков».

В БАН поступила часть библиотеки А. П. Калягиной (Вологодская обл.), содержащая более 180 рукописных и старопечатных книг XVI—начала XX в. (среди них 2 рукописи XVI в. — сборник слов и поучений и Шестоднев служебный).

Научная библиотека МГУ пополнилась 144 рукописями (в том числе 2 — рубежа XVI—XVII вв., 5 — XVII в.) и 111 старопечатными книгами (5 — XVI в., 60 — XVII в.). В Пермской обл. получено 47 рукописей и 22 книги. Среди рукописей Обиход и служба Покрову (крюковые) конца XVIII в., 8 крюковых рукописей XIX—XX вв., лицевой учительный сборник XIX в. с 46 миниатюрами в лист, старообрядческие сборники, стиховники, полемические сочинения XIX—XX вв. После смерти жителя г. Лысьвы Н. В. Оборина получены, в частности, 4 старопечатные книги с записями XVII в. Из них Триодь цветная, И. А. Невежин, 30 августа 1604 г. имеет владельческую запись стольника кн. М. И. Черкасского. Среди книг следует отметить также первое Евангелие Московского печатного двора [1619], Псалтирь следованную (Москва, Печатный двор, 4 октября 1636 г.) с владельческой записью града Коломны слободских людей XVII в. В Московской обл. получены 21 рукопись (3 — XVII в.) и 28 книг (6 — XVII в.). Среди наиболее древних рукописей Стишней пролог, сентябрь — ноябрь, 2°, первая четверть XVII в.; Пролог, декабрь — февраль, 2°, первая четверть XVII в. в подлинном переплете; Октоих на крюках, 16°, вторая половина XVII в. Получены 11 певческих рукописей гуслицкой школы, в том числе два сборника духовных стихов на крюковых нотах (один из них — двузнаменный) конца XIX в. и 1924 г. Среди приобретенных книг — первое московское издание Библии (12 июля 1663 г.); Псалтирь, Чернигов, 1759. Из Калужской обл. привезены 8 рукописей и 5 книг (2 — XVI в., 3 — XVII в.). Среди рукописей — 4 певческие гуслицкого письма; Сборник канонов с Силодиком Макаревой Введенской пустыни, 4°, начало XVIII в., с цветными заставками и инициалами; Степенная книга в списке 1820 г. с многочисленны-

ми иллюстрациями, заставками и инициалами (редакция отличается от издания Миллера 1775 г.). Среди книг — Апостол Ивана Федорова (Львов, 1574) и Евангелие учительное (Заблудов, 17 марта 1569 г.), три книги XVII в. имеют записи. Молдавско-Украинской экспедицией получены 66 рукописей (2 — рубеж XVI—XVII вв., 2 — XVII в.) и 57 книг (3 — XVI в., 41 — XVII в.). Из рукописей особенно интересны: Минея, август, 2°, написанная в 1600—1601 гг. епископом Феодосием Радовским для вклада «в монастырь от Сучевив», с заставкой в стиле балканского плетения; Псалтирь рубежа XVI—XVII вв., 4°, с кинноварными инициалами; Сборник второй половины XVII в., содержащий службу, житие и похвальное слово Кириллу Белозерскому; Святыи с летописью и сказанием о 7 Вселенских соборах, XVII в., формат 2,5×3,5 см.; 27 крюковых рукописей XVIII — начала XX в., многие из которых орнаментированы в традициях Гуслиц и Ветки; 17 сборников, содержащих полемические сочинения против беспоповцев, памятники житийной литературы, выписки из хронографов и т. д. Среди книг — неизвестное (не учтено А. С. Зерновой) издание Псалтири, 4°, Московского печатного двора, конца 40-х годов XVII в.; Триодь цветная, Терговище, 1649; 21 книга имеет записи XVI—XVII вв.

Помимо полевых работ, археографы МГУ составили также описи книг, хранящихся в ряде действующих церквей Пермской обл.; просмотрены и определены рукописные и старопечатные книги, находящиеся в библиотеке ПГПИ, в Чердынском и Соликамском музеях, в музее г. Бельцы (Молд.ССР).

Сибирские археографы получили в Томской обл. 14 рукописей (1 — XVI в., 3 — XVII в.) и 9 старопечатных книг (4 — XVII в.), в том числе сборник XVI в. с необычным набором проповедей на двенадцатые праздники, часть которых отсутствует в Великих минеях четьих; два старообрядческих сборника конца XVII — первой половины XVIII в.; из старопечатных книг интересна Псалтирь начала XVII в., 4° (издание пока не идентифицировано). В Хабаровском крае и Амурской обл. получено 3 рукописи (в том числе Праздники начала XIX в. на крюках с гуслицким орнаментом) и одна книга (Кирилла Иерусалимского. М., 1644). Из Восточноказахстанской и Талды-Курганской областей привезены 2 гектографированные рукописи рубежа XIX—XX вв.; одна из них содержит спор А. С. Пичугина с нетовцем Н. Е. Шаровым; конволют почитательной литературы XVIII—XIX вв. В Киргизии приобретен экземпляр Острожской Библии (1581).

Уральской объединенной археографической экспедицией получено 104 рукописи (1 — конец XV — начало XVI в., 2 — XVII в.) и 84 старопечатные книги (31—XVII в.). Среди наиболее интересных находок — рукописный Апостол (деяния и послания) конца XV — начала XVI в., 4°, полуустав одного почерка, с кинноварными заголовками и инициала-

ми, получен в Курганской обл.; Летописец келейный Дмитрия Ростовского, середина XVIII в., 2°, скоропись, с владельческой записью И. К. Патрушева — известного специалиста по художественной обработке камней, получен в г. Свердловске. Из книг интересны Часовник (Москва, Печатный двор, 10 декабря 1641) и Миняя служебная. Апрель (Москва, Печатный двор, май 1691 г.) с вкладной записью патриарха Адриана в московский Зачатьевский монастырь 1692 г.

В результате совместной экспедиции БАН, ВГИИ и ВОКМ в фонды музея поступило около 30 кириллических печатных изданий конца XVII — начала XX в., а также уникальный архив крестьянской семьи, сохранивший документы, относящиеся к хозяйственной деятельности почти за полвека (конец XIX — начало XX в.).

В результате экспедиции, организованной археографической группой при ЯГУ совместно с областным отделением ВООПИК и областной научной библиотекой, в фонд редкой книги областной библиотеки поступили 15 рукописей XVIII—XX вв. и 33 кириллические печатные книги (в том числе 10 — XVII в.). Среди рукописей три сборника второй половины XVIII в., а также «Видение Григория Мниха» середины XVIII в.; среди книг — Октоих, ч. 2, 1618 г., Евангелие на престольное 1627 г., Часовники 1631 и 1633 г.

Библиотека ГГУ пополнилась 18 рукописными (в том числе одна — пролог XVII в.) и 25 старопечатными книгами (5 — XVII в.).

II. Полевые исследования книжной традиции на восточных языках

Южноуральское отделение Археографической комиссии совместно с ИИЯЛ БФАН проводило полевые исследования в Оренбургской области и Башкирской АССР (Руководители отрядов И. Г. Галаяудинов и М. Х. Идельбаев). В результате экспедиций в научный архив ИИЯЛ поступило 180 рукописей и старопечатных книг, исполненных арабским шрифтом на тюркских и арабском языках. Среди наиболее ценных находок — рукописные сборники, содержащие произведения поэтов Башкирии XIX в. М. Акмуллы, Х. Салихова, А. Каргалы, Ш. Заки; записная книжка А. Ф. Биколова с автографами стихотворений и дневниковыми записями; рукописные книги XIX — начала XX в., содержащие списки «Горрэ-намэ» (книги о лунном календаре), аллегории в стихах «Мир'ат ал-ахлак» («Зеркало нравственности»), фрагмент произведения Х. Катба («Джумжула солтан» и др.; шежере (родословия), фольклорные тексты. Приняты в архив также эпистолярные источники, в частности около 100 фронтовых писем ст. сержанта А. Ишмухаметова, погибшего на фронте Великой Отечественной войны. Археографами записаны подробные истории ряда башкирских деревень. Из печатных изданий наибольший инте-

рес представляют «Камус-и Тюрки» (словарь турецкого языка) выдающегося лексикографа Ш. Сами, произведения Р. Фахретдинова, М. Рамзи и др.

ИИЯЛ КФАН проводил полевые археографические исследования на территории Татарской АССР (руководитель Ш. Ш. Абилов). В результате экспедиций в Научный архив ИИЯЛ поступили 243 рукописи (списки XVIII—XX вв., часто неполные) и 23 литографированных издания. В числе рукописей 98 — на тюркских языках, 98 — на арабском, 13 — на персидском, 34 — сборники, содержащие произведения на разных языках. Среди тюркских рукописей преобладают прозаические — трактаты по астрономии и народной медицине, фантастические и дидактические рассказы, путевые заметки. Арабоязычные рукописи содержат материалы по мусульманскому праву, философии, религии, грамматике арабского языка, арабско-тюркские словари, рассказы, предания и т. п.; следует, в частности, назвать произведение автора XV в. Абу Габдрахмана Нишабури «Нафахат-ал Унс» (толкование о суфитском учении) в списке XVIII в.; «Гокуд ал-манзума» («Нанизанные ожерелья»), переписана в 1782 г. в дер. Салавуз (бывш. Казанской губ.).

Сборники содержат, как правило, произведения разных жанров на разных языках. В одном из сборников — стихи Умми Камала (XV в.), Габдрахима Булгари (XVIII — начала XIX в.), неизвестного донные татарского поэта Галаяви, жившего в Тбилиси во второй половине XIX в. Другой сборник составлен Г. Булгари и переписан в его медресе в дер. Тимаш в 1812 г.

Каз.ГУ организовал экспедиции в Пермской, Курганской обл. и Татарской АССР. В научную библиотеку университета поступило 106 единиц хранения (более 70 рукописных книг и свыше 30 актов документов). Значительная часть полученных материалов носит литературно-фольклорный характер и отражает репертуар светского чтения местного населения в прошлом. В Пермской обл. обнаружены тексты нескольких неизвестных ранее песен и байтов XVIII—XIX вв. В Курганской обл. получены образцы шакирдовских тетрадей с текстами литературного репертуара учащейся молодежи второй половины XIX — начала XX в.; новые списки стихотворений М. Акмуллы; там же получена рукопись Корана в списке XVI в., исполненном «в окрестностях города Булгара» (почерк — крупный насх, бумага среднеазиатского происхождения). Несомненный интерес представляют частные акты второй половины XIX в. из села Трюк-Тямти Татарской АССР, представляющие собой часть делопроизводства сельского муллы, который фиксировал различные виды частных сделок своего прихода.

ИИЯЛ ДФАН получил на территории Дагестана ряд старинных рукописей на арабском языке, в том числе две датированные рукописи XVI в. (941 и 968 гг. хиджры); зафиксированы также неизвестные эпиграфические памятники.

В. Ч

ЗАВЕРШЕНИЕ РЕСТАВРАЦИИ «ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 Г.»

12 февраля 1982 г. в ОР ГИМ состоялось расширенное заседание Реставрационного совета ВНИИР, посвященное завершению комплексной реставрации уникального памятника древнерусской культуры «Изборника 1073 года». Это событие привлекло внимание научной общественности Москвы. В работе совета принимали участие: сотрудники ВНИИР, ВХНЦ, ЛКРД, ГБЛ, ГИМ, Института истории СССР АН СССР, Института русского языка АН СССР, Археографической комиссии АН СССР, МГУ, ВНИИИ, ГММК, издательства «Книга».

«Изборник Святослава 1073 г.» — вторая по древности из семи точно датированных русских рукописей XI в. У памятника сложная судьба. Он найден К. Ф. Калайдовичем во время археографической экспедиции в 1817 г. в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре под Москвой. В 1834 г. рукопись передали в ризницу Московской Синодальной библиотеки. В 1880 г. вышло факсимильное литографированное издание Изборника, подготовленное Г. Ф. Карповым, сразу же ставшее библиографической редкостью. В 1920-х годах Изборник в составе Синодальной библиотеки поступил в ОР ГИМ, где и хранится по настоящее время.

Изборник — высокохудожественный памятник книжного искусства Древней Руси, энциклопедия своего времени. Тематика Изборника включает широкий круг вопросов: статьи по философии, грамматике, астрономии, этике, христианскому богословию и т. д. Всем этим и объясняется популярность памятника среди исследователей. В 1973—1974 гг. научной общественностью Москвы и Ленинграда отмечался 900-летний юбилей Изборника. На заседаниях, посвященных этому событию, и Ленинградской конференции, в которой принимали участие советские и болгарские ученые, ставился вопрос о факсимильном издании памятника, отвечающем современным требованиям науки.

В связи с подготовкой нового факсимильного издания встал вопрос и о реставрации памятника. Ведь рукописи более 900 лет! Перед реставраторами стояли сложные задачи: необходимо было укрепить красочный слой миниатюр, заставок, инициалов, расшить рукопись, выпрямить пергамен и дополнить его утраты по корешку и разрывам, очистить листы от загрязнений; восстановить прежний порядок листов; сделать новый переплет, т. е. стоял вопрос о комплексной реставрации памятника, которая должна была обеспечить сохранность рукописи в целом.

Самая сложная и кропотливая работа по восстановлению рукописи была выполнена реставратором высшей категории Г. З. Быковой. В своем сообщении Г. З. Быкова (ВНИИР), используя снимки памятника до и после реставрации, наглядно показала результаты проделанной работы, рассказала, как расшива-

лась рукопись, удалялся столярный клей с корешка, и о наклейках переплета. Самая трудоемкая работа по укреплению отстававший красочного слоя проводилась под бинокулярным микроскопом, основную трудность представляло укрепление мелких частичек красочного слоя, так как они имеют небольшую площадь приклейки. Проводились также съемки в ультрафиолетовых и отраженных ультрафиолетовых лучах (для выявления остатков живописи). Листы пергамена распрямлялись при помощи отдаленного увлажнения и высушивания под прессом в сушке. Под прессом они выдерживались в течение месяца; после распрямления производилась заклейка всех разрывов и утрат пергамена. Все заклейки делались новым пергаменом, специально разработанным и изготовленным для реставрационных целей. Для получения дополнительной информации в выявлении приписок и подчисток на некоторых листах рукописи была проведена бета-радиография этих листов в ЛКРД Д. П. Эростовым. Расшивка всей рукописи дала много интересных сведений по истории создания памятника, вскрыла ряд интересных приемов работы древних писцов и художников. Демонстрируя красочные слайды миниатюр и фронτισписов, Г. З. Быкова рассказала о приемах работы художников.

Сотрудники ОР ГИМ предваряли реставрационные работы палеографическим исследованием памятника; в дальнейшем исследования шли параллельно с реставрационными работами. Были определены почерки рукописи, прочтен текст в записях и наклейках на переплетных листах, восстановлена последовательность листов текста.

М. М. Наумова (ВНИИР) сообщила о составе красок, использованных художниками в миниатюрах, заставках, рисунках Изборника. Ею был проведен микроанализ всех красок рукописи и выявлен их химический состав. Почти все краски рукописи оказались смешанного состава. Была выявлена редчайшая желтая краска — свинцово-оловянно-желтая.

Сообщение И. П. Макрезовой (ВНИИР) было посвящено истории создания нового переплета для Изборника. Демонстрируя слайды, И. П. Макрезова рассказала о том, что переплет, в котором находилась рукопись до реставрации, был одет на нее в середине XIX в. Это было установлено по переплетным листам палеографами ОР ГИМ. Доски переплета XVII в. крошились и были меньшего размера, чем рукопись, т. е. переплет не предохранял края листов рукописи, заставки отсутствовали, поэтому и встал вопрос о новом переплете, который был создан реставратором высшей категории Ю. Ф. Серовым. Используя технику изготовления древних переплетов, он сделал новый переплет, деликом выполняющий охранные функции. Для него были взяты липовые доски от икон XVIII в.,

которые крепились к блоку на ремнях через сделанные отверстия; основа каптала выполнена из сыромятного ремня и прикреплена к доскам при помощи деревянных гвоздей. На корешок наложена льняная ткань и приклеена к доскам, а по корешку подшита к ремням. Корешок не проклеивался, чтобы рукопись свободно раскрывалась. Доски переплета обтянули современной кожей, сделали две застежки и жуковины на верхней и нижней крышке переплета.

Собравшиеся в своих выступлениях дали высокую оценку работе реставраторов ВНИИР. Выступавшие *Л. П. Жуковская, И. В. Левочкин, Л. В. Тиганова, О. С. Попова, Г. И. Вадорнов* ставили вопрос о необходимости создания школы

реставраторов пергаменных рукописей. Только в ОР ГИМ насчитывается более 500 пергаменных рукописей и отрывков, и многие из них, как отметил *И. В. Левочкин*, нуждаются в различных видах реставрационного вмешательства, а специалистов практически нет — два-три человека на все хранилища Москвы. Но они могли бы создать такую школу. Об этом наглядно свидетельствует вновь оживший памятник древности — «Изборник Святослава 1073 г.». Присутствующие пожелали реставраторам новых творческих успехов во восстановлению и сохранению уникального наследия истории и культуры нашей Родины.

Э. В. Шульгина

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ АРХИВОВЕДЧЕСКОГО ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ ВО ВНИИДАД

29 марта 1982 г. состоялось заседание Ученого совета ВНИИДАД, на котором был обсужден доклад ст. научного сотрудника института, канд. филологических наук *Э. И. Ханпиры* «Архивоведческое терминоведение: объект, предмет, структура и состояние»¹.

Выступившая в прениях *К. И. Рудельсон* (ВНИИДАД) отметила, что развитие архивоведения требует разработки отраслевого терминоведения архивоведения и архивного дела. Необходимость в таких разработках особенно остро стала ощущаться, когда ВНИИДАД приступил к работе по подготовке Словаря архивной терминологии социалистических стран. Работа над Словарем потребовала широкого изучения состояния архивной терминологии в отрасли. Результатом явилось создание первого выпуска Словаря архивной терминологии социалистических стран. Учитывая прошлый опыт терминоведческой работы, следует поддерживать более широкое развитие терминоведческих исследований в институте. Нельзя забывать, что такие исследования способствуют общему развитию теории и практики архивного дела. С 1983 г. сектору общих проблем архивоведения предстоит приступить к работе над энциклопедическим архивным словарем, т. е. архивной энциклопедией. Работа эта на первом этапе будет носить поисковый характер. Основные положения доклада *Э. И. Ханпиры* могут быть использованы в качестве теоретической базы для этой работы.

Н. В. Бржостовская (ВНИИДАД) поддержала мысль о том, что изучение и развитие терминологии является настоящей задачей архивоведения. Помимо отечественной терминологии, необходимо изучать сравнительные термины на разных языках. Большого внимания заслуживают исследования по истории архивного дела и архивоведения. Но развитие в институте исследовательской деятель-

ности в этом направлении возможно лишь при условии включения указанной тематики в планы научно-исследовательской работы и привлечения к работе по этим сюжетам квалифицированных специалистов. Опыт работы докладчика лишнее этому доказательство.

Б. С. Илизаров (МГИАИ) согласился с тем, что постановка доклада *Э. И. Ханпиры* является своевременной. Необходимость разработки терминоведческого архивоведения не требует доказательств. Вместе с тем проблемы истории архивного терминоведения относятся не к терминоведению, а к истории архивоведения. Изучать архивную терминологию нельзя в отрыве от содержательной стороны терминов, т. е. вне анализа понятийного состава архивоведения. А это значит, что данные исследования могут развиваться лишь в русле общей теории архивоведения. Ощутимым пробелом является почти полное отсутствие исследований по истории архивоведения. У нас есть история архивного дела, но нет истории архивоведения. Это ограничивает возможности дальнейшего развития этой дисциплины, затрудняет преподавание теории и практики архивного дела.

В. А. Черных (Археографическая комиссия АН СССР) указал на то, что целый ряд проблем и сложностей в развитии архивоведения возникает из-за недостаточной изученности его истории. Во ВНИИДАД заметно ощущается отсутствие структурных подразделений, которые бы занимались историей архивоведения. Проблему, разрабатываемую *Э. И. Ханпирой*, нельзя решить без изучения истории архивного дела и архивоведения.

Т. С. Плесшак (ЦГАОР СССР) подчеркнул, что в современных условиях разработка вопросов терминоведения, истории архивоведения, его теории приобретает большое значение. Архивы испытывают необходимость в создании отраслевой терминологической службы, которая бы способствовала совершенствованию терминологических знаний архивистов. Такую роль мог бы взять на

¹ Переработанный текст доклада см. в наст. изд.

себя ВНИИДАД, который располагает необходимыми для этого кадрами архивистов-терминоведов.

Все выступавшие выразили единодушное убеждение в том, что унификация архивной терминологии позволит создать более адекватный понятийно-смысловый аппарат для анализа соответствующей проблематики и будет способствовать более плодотворной разработке вопросов

понятийного аппарата в архивоведении.

Ученый совет института принял решение одобрить основные положения научного доклада Э. И. Ханпирь «Архивоведческое терминоведение: объект, предмет, структура и состояние» и учесть их в дальнейшей работе по терминоведению в архивном деле.

В. М. Виноградов

ЗАСЕДАНИЕ «К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. К. ЛУКОМСКОГО»

27 октября 1982 г. в Ленинграде состоялось расширенное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения первого советского геральдиста Владислава Крескентьевича Лукомского. Оно было проведено Государственным Эрмитажем и ЦГИА СССР — двумя научными учреждениями, обладающими значительными материалами, связанными с деятельностью Лукомского. Были приглашены гости из Москвы, Киева, Калининграда. На утреннем заседании после вступительного слова директора Эрмитажа акад. Б. Б. Пиотровского прозвучали доклады заведующей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин МГИАИ проф. Е. И. Каменцевой «Научная деятельность В. К. Лукомского и его роль в развитии вспомогательных исторических дисциплин», Г. В. Вилинбахова (Государственный Эрмитаж) «Предмет исследования и структура геральдики как вспомогательной исторической дисциплины», С. В. Думина (Литературный институт им. М. Горького) «К вопросу о развитии геральдики в Литве и Белоруссии в XIX в. (гербы литовских татар)», М. А. Добровольской (Государственный Эрмитаж) «Материалы бывшего Гербового музея в Эрмитаже».

На дневном заседании в ЦГИА СССР были заслушаны доклады О. П. Сухановой (ЦГИА СССР) «В. К. Лукомский и Гербовый музей», И. В. Борисова (МГИАИ) «В. К. Лукомский в Москве», С. И. Белокопя (Киев) «Неизвестная статья В. К. Лукомского о Г. И. Нарбуте».

В докладах, явившихся результатом серьезной научной работы в архивохранилищах страны, были подвергнуты анализу и исследованию многие неизвестные страницы жизни Лукомского, осо-

бенно за период с 1917 по 1946 г.

Заседание завершили две великолепно подобранные выставки в Эрмитаже и в ЦГИА СССР. Первая выставка состояла из различных памятников материальной культуры, служивших ранее экспонатами созданного Лукомским Гербового музея. Здесь были представлены матрицы печатей, которые являются неповторимыми образцами русского ювелирного искусства, предметы мебели и утвари, украшенные лучшими образцами русского геральдического искусства.

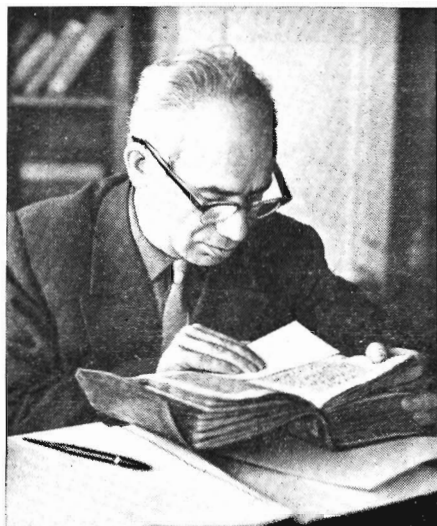
Вторая выставка показала участникам семинара редчайшие экспонаты по русской геральдике, хранящиеся в архиве: подлинные рукописные тома «Российского гербовника», великолепно выполненные русскими художниками дипломы на дворянское достоинство, различные геральдические и эмблематические сборники. Все это бесценное архивное наследие было сохранено и спасено усилиями Лукомского, которого по праву называют отцом советской геральдики и эмблематики. Работы Лукомского превратили геральдику в самостоятельную историческую дисциплину.

После смерти Лукомского (в июне 1946 г. в Москве) никому не удалось хотя бы приблизиться к уровню его знаний и, самое главное, продолжить практическую деятельность по расшифровке гербов. К сожалению, работы Лукомского не переиздавались, имя его в течение длительного времени оставалось полузабытым.

Совместное заседание Государственного Эрмитажа и ЦГИА СССР возродило интерес к яркой и самобытной фигуре Лукомского.

И. В. Борисов

**ЛЕВОН
СТЕПАНОВИЧ
ХАЧИКЯН
(1918—1982)**

12 марта 1982 г. ушел из жизни известный советский ученый, член Археографической комиссии АН СССР, директор Института древних рукописей Матенадаран при Совете Министров Армянской ССР, действительный член Академии наук Армянской ССР Левон Степанович Хачикян. В течение последних 28 лет находясь на ответственном посту директора Матенадарана, Л. С. Хачикян как ученый и организатор науки внес большой вклад в дело изучения богатейшей коллекции древнеармянских рукописей, пополнения фондов Матенадарана и воспитания кадров археографов высокой квалификации. За эти годы Матенадаран приобрел мировую известность как уникальный научно-исследовательский центр. Здесь по его инициативе была развернута большая работа по изучению и изданию памятников письменности, заложены основы новых областей исследования, налажен контакт с советскими и зарубежными центрами рукописной культуры.

Будучи учеником выдающегося армянского историка и филолога академика Я. А. Манандяна, Л. С. Хачикян с молодых лет загорелся любовью к рукописной книге как первоисточнику, таящему в себе множество нераскрытых тайн и дарящему исследователю радость первооткрывателя. Работа над рукописной книгой для Л. С. Хачикяна являлась творческим процессом, который включал в себя кропотливое кодикологическое изучение памятника наряду с всесторонним исследованием его содержания и культурно-исторической ценности. Такой подход к рукописи и последовательно примененный на протяжении всей научной деятельности метод работы с каждым памятником письменности дали возможность Л. С. Хачикяну ввести в научный обиход целый ряд новых произведений и выявить множество ценнейших сведений по истории социально-экономической жизни средневековой Армении, деятельности монастырских школ, скрипториев и очагов научной мысли. Так, на

основе выявленных им новых рукописных данных в исследовании «Гладзорский университет и выпускные работы его воспитанников» (Ереван, 1946) этот крупный очаг научной мысли занял свое достойное место в истории науки. Таким же образом впервые была освещена литературная и научная деятельность видных представителей Татевской, Цорцорской, Кырнайской школ («Жизнь и творчество Маттеоса Джугаеци». Ереван, 1956; «Артазское армянское княжество и Цорцорская школа», 1973; «Духовно-культурный центр в Кырне и научная деятельность Иоаннесса Кырнеци», в книге «Иоаннесс Кырнеци. О грамматике». Ереван, 1977). На основе новых данных, почерпнутых из рукописных первоисточников, Л. С. Хачикян по-новому осветил многие стороны жизни средневекового города, сельской общины и еретических движений («Еретическая идеология в Армении в XII—XIV веках», 1947; «Из истории социальных движений Малой Армении в IV веке», 1951; «Об армянской сельской общине XIV—XV веков», 1958; «Устав „Братства“ города Ерзышки», 1962). Л. С. Хачикяном были написаны ценные исследования по истории армянских феодальных родов, в которых он особо остановился на роли видных княжеских фамилий в социально-политической и культурной жизни страны («Буртезяновская ветвь Сюнийских Орбелинов», 1969 и др.). Крупным вкладом в советскую историографию и источниковедение явилось подготовленное Л. С. Хачикяном четырехтомное издание «Памятных записей армянских рукописей» (XIV—XV вв.), снабженное пространством исследованием. Этим трудом Л. С. Хачикян восполнил осязательный пробел в исторической науке и ввел в научное обращение обильный материал, в котором остро нуждались медиевисты, занимающиеся изучением политической, экономической и культурной жизни Армении и сопредельных стран. За труд «Памятные записи армянских рукописей XV века» Л. С. Хачикяну была присвоена уче-

ная степень доктора исторических наук (1961). Два объемистых тома вместе с исследованием, представленные к защите, получили высокий отзыв акад. М. Н. Тихомирова, который оценил этот труд как фундаментальную работу, равную нескольким докторским диссертациям. Многолетняя творческая дружба связывала этих двух ученых-подвижников. Этому не мешала большая разница в возрасте. Они были близки по духу и научным интересам, их объединяла бескорыстная любовь к истории и культуре своего народа. Организованная по инициативе М. Н. Тихомирова и Л. С. Хачикяна в 1960 г. первая всесоюзная конференция по вопросам археографии в Ереване явилась ярким проявлением этой дружбы двух ученых, заложивших основы традиционных встреч советских ученых-специалистов по специальным историческим дисциплинам, представительных форумов, на которых ученые союзных республик и Археографическая комиссия АН СССР обобщают итоги нескольких лет работы, знакомятся с новейшими достижениями в области археографии и намечают планы совместных работ на ближайшие годы.

Особое внимание уделял Л. С. Хачикян истории политических, экономических и культурных связей армянского народа с русским и украинским народами. На основе новых рукописных данных он осветил многие неизвестные страницы армяно-славянской дружбы и исторические корни русской ориентации армян в борьбе за освобождение своей страны от персидского и турецкого ига («Армянские колонии на Украине в XVI—XVII веках», 1954; «Новые материалы о древней армянской колонии в Киеве», 1961; «Путевые записки инокa Саргиса», 1970). Одна из последних крупных работ Л. С. Хачикяна также была посвящена этой его любимой теме, столь важной и в научном и общественно-политическом отношении — «Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву» (Ереван, 1980). Свои исследования Л. С. Хачикян писал на армянском языке, но их краткие варианты в виде статей публиковал и на русском, чтобы довести их до сведения всесоюзного читателя. Последняя его работа в кратком варианте была опубликована в сборнике «Армянская и русская средневековые литературы» (Л., 1982).

Л. С. Хачикян был бессменным редак-

тором «Вестника Матенадарана», который стал авторитетным периодическим изданием по археографии, армянской текстологии и истории науки. Как автор и редактор он принимал деятельное участие в создании коллективных трудов, среди которых особо следует выделить IV том академического многотомника «История армянского народа» (XIV—XVIII вв.), где впервые подробно освещен один из малоизученных периодов истории Армении и зарубежных армянских поселений. Под его редакцией опубликованы десятки монографий, научно-критических текстов и переводов памятников средневековой письменности. Незадолго до смерти Л. С. Хачикян завершил и сдал в печать «Путевой дневник армянского купца Ованеса Тер-Давтяна», в котором содержится ценнейший материал по экономической истории Ирана, Индии, Непала и Тибета XVII века. Свыше 15 лет Л. С. Хачикян (совместно с А. Д. Папазяном) готовил текст этого важного памятника по истории экономики стран Среднего Востока. Эта книга явилась первой в давно задуманной им серии «Памятников экономической истории», которая даст исследователям обильный материал из рукописного и архивного фонда Матенадарана для освещения неизвестных страниц истории хозяйственной жизни и роли армянского купечества в международной торговле. Л. С. Хачикяну не довелось увидеть свой труд опубликованным. Но это его исследование и публикация заложили твердую основу для развертывания работ в новой области и вовлечения в научный оборот большого пласта армянских рукописей и архивных документов.

Плодотворную научную и научно-организаторскую работу Л. С. Хачикян успешно сочетал с общественной деятельностью, был депутатом Ереванского городского Совета, членом правления Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Его заслуги были отмечены орденом Дружбы народов и несколькими медалями. Он первым среди советских ученых был удостоен звания лауреата премии имени Месропа Маштоца.

Светлая память о выдающемся ученом и гражданине, неутомимом труженике науки и коммунисте навсегда останется в наших сердцах.

С. С. АРЕВШАТЯН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР
 ААЭ — «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук»
 АД — «Архивное дело»
 АЕ — «Археографический ежегодник»
 АЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР
 АРГ — «Акты Русского государства 1505—1526 гг.»
 АСЭИ — «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.»
 АФЭХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков»
 БАН — Библиотека Академии наук СССР
 БГУ — Белорусский государственный университет
 БСЭ — «Большая советская энциклопедия»
 ВА — «Вопросы архивоведения»
 ВВ — «Византийский временник»
 ВИ — «Вопросы истории»
 ВИД — «Вспомогательные исторические дисциплины»
 ВИЖ — «Военно-исторический журнал»
 ВЛ — «Вопросы литературы»
 ВГПИ — Вологодский государственный педагогический институт
 ВНИИДАД — Всесоюзный научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела
 ВНИИИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствоведения Министерства культуры СССР
 ВНИИР — Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации Министерства культуры СССР
 ВОКМ — Вологодский областной краеведческий музей
 ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
 ВХНЦ — Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. акад. И. Э. Грабаря
 ГАВО — Государственный архив Владимирской области
 ГАФ — Государственный архивный фонд СССР
 ГАЯО — Государственный архив Ярославской области
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
 ГВНП — «Грамоты Великого Новгорода и Пскова»
 ГГУ — Горьковский государственный университет
 ГИМ — Государственный Исторический музей
 Главархив РСФСР — Главное архивное управление при Совете Министров РСФСР
 Главархив СССР — Главное архивное управление при Совете Министров СССР
 ГЛМ — Государственный литературный музей
 ГММК — Государственные музеи Московского Кремля
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
 ГПИБ — Государственная публичная историческая библиотека РСФСР
 ГПНТБ СО АН — Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения АН СССР
 ГРМ — Государственный Русский музей
 ГУАД — Главное Управление архивным делом
 ДДГ — «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.»
 ЕГУ — Ереванский государственный университет
 ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
 ЗОР ГБЛ — «Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина»
 ИА — «Исторический архив»
 ИАН — «Известия Академии наук»
 ИВ — «Исторический вестник»
 ИВИ — Институт всеобщей истории АН СССР
 ИЖ — «Исторический журнал»
 ИЗ — «Исторические записки»
 ИИФФ СО АН — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР

- ИИЯЛ БФАН — Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
- ИИЯЛ ДФАН — Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР
- ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- ИМЛИ — Институт мировой литературы АН СССР
- ИМРД — Институт международного рабочего движения АН СССР
- ИНИОН — Институт научной информации общественных наук АН СССР
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- ИРЯ — Институт русского языка АН СССР
- ИСБ — Институт славяноведения и балканистики АН СССР
- ИЯЛИ КФАН — Институт языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР
- ИЯ — Институт языкознания АН СССР
- КА — «Красный архив»
- КГПИ — Казанский государственный педагогический институт
- КГУ — Калининский государственный университет
- ККМ — Крымский краеведческий музей
- КОГА — Крымский областной государственный архив
- КСИА — «Краткие сообщения Института археологии АН СССР»
- ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии»
- ЛЖРД — Лаборатория консервации и реставрации документов АН СССР
- ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
- ЛО ИВАН — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР
- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
- ЛО ИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии АН СССР
- МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
- МГПИ — Московский государственный педагогический институт
- МГУ — Московский государственный университет
- МОПИ — Московский областной педагогический институт
- НГУ — Новосибирский государственный университет
- НЛ — «Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов»
- ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
- ОР БАН — Отдел рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР
- ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина
- ОР ГИМ — Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного Исторического музея
- ОР ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ПГПИ — Пермский государственный педагогический институт
- ПГУ — Петрозаводский государственный университет
- ПИ — «Проблемы источниковедения»
- ППВ — «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник»
- ПП и ПИГНВ — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Годичная научная сессия ЛО ИВАН. Доклады и сообщения»
- ПС — «Палестинский сборник»
- ПСЗ — «Полное собрание законов Российской империи»
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей»
- РГУ — Ростовский государственный университет
- РЛ — «Русская литература»
- РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР
- РС — «Русская старина»
- СА — «Советские архивы»
- СВ — «Средние века»
- СГГД — «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии иностранных дел»
- СГЭ — «Сообщения Государственного Эрмитажа»
- СИБАЛ — Международный центр информации об источниках по истории Балкан
- СИЭ — «Советская историческая энциклопедия»
- СИХМ — Серпуховской историко-художественный музей
- ТВНИИДАД — «Труды Всесоюзного научно-исследовательского института документоведения и архивного дела»
- ТГИМ — «Труды Государственного Исторического музея»
- ТГПБ — «Труды Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина»
- ТГУ — Тбилисский государственный университет
- ТКДТ — «Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в.»

- ТМГИАИ — «Труды Московского государственного историко-архивного института»
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР»
- ТЯПИ — «Труды Ярославского педагогического института»
- УГУ — Уральский государственный университет
- УДН — Университет дружбы народов им. П. Лумумбы
- УИ — «Университетские известия»
- УНЦ АН — Уральский научный центр АН СССР
- ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР
- ЦГА Карел АССР — Центральный государственный архив Карельской АССР
- ЦГА Тат АССР — Центральный государственный архив Татарской АССР
- ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
- ЦГАЛИ СССР — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
- ЦГАНХ — Центральный государственный архив народного хозяйства СССР
- ЦГАОР г. Москвы — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы
- ЦГАОР СССР — Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
- ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив СССР
- ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы
- ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР
- ЦМР — Центральный музей революции СССР
- Центрархив РСФСР — Центральный архив при Президиуме ЦИК РСФСР
- ЦПА ИМЛ — Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС
- ЧИОНЛ — «Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца»
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете»
- ЯГУ — Ярославский государственный университет
- ЯГМЗ — Ярославский государственный историко-архитектурный музей-заповедник.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Статьи и сообщения

<i>В. В. Ложкин.</i> Ленинский вопросник 1894 г.	3
<i>К. И. Рудельсон.</i> О задачах разработки теории архивоведения	19
<i>В. Н. Автократов.</i> К проблеме повышения эффективности использования информационных ресурсов ГАФ СССР	23
<i>Д. И. Раскин</i> (г. Ленинград). Система научно-справочного аппарата ЦГИА СССР	28
<i>Э. И. Ханпира.</i> Архивоведческое терминоведение: объект и предмет	38
<i>С. М. Каштанов.</i> Из опыта актовой археографии	52
<i>В. Л. Янин.</i> К 30-летию открытия новгородских берестяных грамот (методологические аспекты исследования)	80

* * *

<i>А. А. Турилов, А. В. Чернецов.</i> Софроний, книжничий Ивана Грозного, и адресованное ему сочинение	88
✓ <i>В. В. Шилов</i> (г. Серпухов). Новый документ о монастырском землевладении в годы опричнины	90
✓ <i>В. В. Морозов.</i> Фрагмент Лицевого свода в копии XVII в.	96
✓ <i>В. В. Калугин.</i> Об одном источнике «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского	107
✓ <i>В. Ф. Иванов</i> (г. Якутск). Судьба архивных материалов Якутии XVIII — начала XIX в.	112
<i>Л. Л. Муравьева.</i> Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева	121
<i>А. А. Литвин</i> (г. Казань). Документальные публикации о революции 1905—1907 гг. в Среднем Поволжье	134
<i>В. О. Седельников.</i> У истоков журнала «Архивное дело» (1921—1925 гг.)	139
<i>О. Э. Богданова.</i> Архивы наркоматов и центральных учреждений в годы Великой Отечественной войны	154
<i>А. А. Амосов</i> (г. Ленинград). Археография в трудах П. А. Колесникова	164
<i>И. Н. Лебедева</i> (г. Ленинград). В. Д. Лихачева — исследователь рукописной книги	167

Тихомировские чтения 1982 года

<i>А. И. Шкурко.</i> Документальные памятники в музеях РСФСР. Охрана и использование	173
<i>А. С. Прокопенко.</i> О контроле за обеспечением сохранности документов ГАФ СССР, хранящихся в государственных музеях страны	180
<i>М. П. Мироненко.</i> Хроника заседания	183

II. Обзоры, описания, библиография

✓ <i>К. И. Иванова</i> (НРБ). Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина	188
<i>А. Б. Шешин</i> (г. Ленинград). Письма декабриста Д. И. Завалишина к Александру I	192
<i>А. Л. Тузов.</i> Архивные материалы о И. Е. Забелине	195
<i>В. Ю. Коровайников.</i> Историко-краеведческие материалы в фонде Ярославского естественно-исторического и краеведческого общества	198
<i>С. Б. Филимонов</i> (г. Симферополь). Документальные материалы Таврической ученой архивной комиссии и Таврического общества истории, археологии и этнографии 1920—1931 гг.	203
<i>А. Д. Зайцев.</i> Материалы академика Б. Д. Грекова в ЦГАЛИ СССР	208
<i>С. Б. Филимонов</i> (г. Симферополь). С. В. Бахрушин — член Общества изучения Московской губернии (области)	211
<i>В. В. Крылов.</i> Отчет М. Н. Тихомирова о сохранении архива и семейных реликвий Аксаковых	215

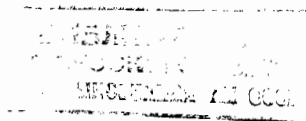
С. В. Чирков. Записка М. Н. Тихомирова 1937 г. о задачах историко-архивного образования	219
Б. М. Руколь. Переписка М. Н. Тихомирова с В. И. Пичетой (1941—1943 гг.)	224
С. В. Журавлев. Материалы о преподавании А. Ц. Мерзоном источниковедения отечественной истории в МГИАИ	232
О. М. Чунакова (г. Ленинград). Обзор архива С. С. Какабадзе	240
М. А. Славина (г. Петрозаводск). Личный архив Н. Ф. Славина	244
✓ Ю. В. Андрушайтите. Каталог пергаменов БАН Литовской ССР	250
А. А. Амосов (г. Ленинград). Новый филигранологический альбом	256
✓ Д. С. Лихачев (г. Ленинград). Описание рукописей Погодинского собрания	259
✓ И. Л. Беленький. Библиографические указатели по текстологии	260
Список печатных трудов П. П. Смирнова (К 100-летию со дня рождения) (сост. В. Ф. Козлов)	262

III. Публикации

Новые документы о шведском дворе в Новгороде (подг. Е. А. Рыбина)	264
Воспоминания Н. М. Никольского «Как мы пришли к партизанам» (подг. В. И. Гуленко, М. Ф. Шумейко, г. Минск)	268
Выступление В. К. Яцунского на заседании памяти академика Б. Д. Грекова (подг. И. В. Ледовская, Б. Г., Литвак)	276
Последнее выступление А. Д. Люблинской (подг. И. С. Шаркова, г. Ленинград)	278

IV. Хроника

М. П. Мироненко. Деятельность Археографической комиссии в 1982 г.	282
Новые члены Археографической комиссии	288
Новые издания Археографической комиссии	288
В отделениях Археографической комиссии	289
В. Ч. Археографические экспедиции 1982 г.	291
Э. В. Шульгина. Завершение реставрации «Изборника Святослава 1073 г.»	294
В. М. Виноградов. Обсуждение проблем архивоведческого терминоведения во ВНИИДАД	295
И. В. Борисов. Заседание «К 100-летию со дня рождения В. К. Лукомского»	296
С. С. Аревшатыан (г. Ереван). Левон Степанович Хачикян (1918—1982)	297
Список сокращений	299

**Археографический ежегодник
за 1982 год**

*Утверждено к печати
Археографической комиссией
при Отделении истории СССР АН СССР*

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Т. С. Жарикова
Корректоры Д. Ф. Арапова,
Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 26850

Сдано в набор 13.07.83
Подписано к печати 20.12.83
Т-21737. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 30,1. Усл. кр. отт. 26,6
Тираж 1550 экз. Тип. зак. 3159 •
Цена 4 р. 80 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК И ИСПРАВЛЕНИЙ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
145	1 сл.	Бель-	Бельчиков. ⁴³ Там же, д. 288, л. 45. Участвовали Богословский, Егоров, Пичета, Бельчиков.

Археологический ежегодник, 1982
Заказ 3159

1982

АРХЕОГРА-
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1982